

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

1887.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется, Москва. Марта 29 дня 1887 года.

Цензоръ *Свящ. Иоаннъ Петропавловскій.*

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНІЕ

СВ. АП. И ЕВАНГЕЛИСТА ІОАННА БОГОСЛОВА,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

Г Л А В А V.

Побѣда вѣрующаго и любящаго надъ міромъ (1—5). Три свидѣтеля на небѣ и на землѣ объ одномъ (6—9). Внутреннее свидѣтельство вѣрующаго (10—13). Дерзновеніе вѣрующаго (14—15). Согреѣмающій братъ (16—19). Богъ истиненъ (20—21).

1. Всякъ вѣруй, яко Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ есть: и всякъ любяй рождшаго, любитъ и рожденнаго отъ Него.

2. О семъ вѣрмы, яко любимъ чада Божія, егда Бога любимъ, и заповѣди его соблюдаемъ.

3. Ся бо есть любви Божія, да заповѣди его соблюдаемъ: и заповѣди его тяжки не суть.

1. Всякій вѣрующій, что Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ, и всякій, любящій родившаго, любитъ и рожденнаго отъ Него.

2. Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ отъ того, когда любимъ Бога, и соблюдаемъ заповѣди Его.

3. Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его; и заповѣди его не тяжки.

Эти стихи служатъ разъясненіемъ или развитіемъ предшествующаго стиха (4, 21) и потому тѣсно связаны съ нимъ. Въ немъ Апостоль кратко и выразительно сказалъ о любви къ Богу и ближнимъ, а въ этихъ указываетъ и основанія къ тому, именно: поелику Богъ и вѣрующіе такъ близки внутренно и нравственно соединены между собою, то изъ этого необхо-

димо слѣдуетъ, что истинно любить Бога нельзя, не любя ближняго, и истинно любить ближняго нельзя, не любя Бога. Всякій вѣрующій правымъ и чистымъ сердцемъ и такую вѣру исповѣдующій устами и всею жизнью (ср. Рим. 10, 9), что Іисусъ изъ Назарета, сынъ Маріи, есть Христосъ, обѣтованный Спаситель и Искупитель міра, истинный Сынъ Божій (4, 15; 2, 22; 4, 2. 3), всякій вѣрующій такъ отъ Бога рожденъ (ст. 18, 2. 29; 3, 9), т.-е. возрожденъ благодатію, такъ что сталъ истиннымъ чадомъ Божиимъ (3, 1; 2, 21 и прим.). Такимъ образомъ въ рожденіи отъ Бога основаніе и источникъ вѣры, и вѣрующими въ Сына Божію могутъ быть только дѣти Божіи. Вѣра во Христа и сыновство Богу—понятія соотносительныя и одинаковыя въ своемъ соотношеніи. Нельзя вѣровать во Христа, какъ истиннаго Сына Божія и Спасителя міра, и исповѣдовать Его, не будучи возрожденнымъ отъ Бога Духомъ Святымъ и чадомъ Божиимъ; нельзя быть рожденнымъ или возрожденнымъ отъ Бога истинно и вѣровать и не исповѣдовать Іисуса Христомъ, истиннымъ Сыномъ Божиимъ. «Если мы отъ Учителя получили заповѣдь любить другъ друга, то безъ сомнѣнія если вѣруемъ, что учитель нашъ Іисусъ Христосъ, а Христосъ Онъ въ томъ смыслѣ, что есть Богъ и вмѣстѣ человекъ, должны соблюдать и заповѣди Его, какъ Учителя и какъ Бога. Вѣруя же, что Онъ Богъ, мы получаемъ имя дѣтей Его, какъ Учителя и какъ Бога. Вѣруя же, что Онъ Богъ, мы получаемъ имя дѣтей Его, какъ и въ Евангеліи сказано (Іоан. 1, 12)» (Θеофил.).— И вслѣдъ за тѣмъ, кто имѣетъ такую живую и твердую вѣру во Христа Іисуса, какъ необходимое слѣдствіе заключаетъ въ своемъ сознаніи положеніе: любящій родившаго, т.-е. Бога, общаго всѣмъ Отца небеснаго, любитъ дѣятельною и сильною любовію и рожденнаго отъ Него, т.-е. своего собрата по духовному рожденію или возрожденію, и такимъ образомъ въ его сознаніи и по самому существу любовь къ Богу и любовь къ ближнему нераздѣльны въ возрожденіи; любящій Бога не можетъ не любить ближняго, любящій ближняго не можетъ не любить Бога; внутренняя связь соединяю-

ная людей—сыновство Богу. «Если мы родились отъ Него, то безъ сомнѣнія должны оказывать должное и Родителю, т.-е. любить Родившаго. Если же всѣ мы, увѣровавшіе, родились отъ Него, то мы должны любить и другъ друга и какъ братія и какъ рожденные отъ Него» (Θεοφил.).—Эту высокую истину въ разныхъ сочетаніяхъ въ своемъ посланіи настойчиво утверждаетъ и разъясняетъ Апостоль и съ разными отѣнками мысли, какъ и здѣсь въ разсматриваемомъ выраженіи.—Что мы любимъ чадъ Божіихъ и пр.: любовь къ Богу и любовь христіанъ другъ къ другу свидѣтельствуютъ одна о другой взаимно. Кто любитъ Бога, тотъ въ этомъ самомъ имѣетъ удостовѣреніе или свидѣтельство, что онъ любить и брата; равно кто любитъ ближняго, тотъ симъ свидѣтельствуетъ, что онъ любитъ Бога.—И соблюдаемъ заповѣди Его: тогда только можемъ свидѣтельствовать сіе предъ Богомъ, своею совѣстію и ближними, когда соблюдаемъ заповѣди Божіи, т.-е. творимъ дѣла вѣры и любви, иначе это будетъ любовь на словахъ и языкомъ, а не на дѣлѣ и истиною (3, 18).—Указывая такимъ образомъ на любовь чело-вѣка къ Богу, свидѣтельствуемую любовію къ ближнимъ, Апостоль дѣлаетъ какъбы мимоходомъ очень важное замѣчаніе, что заповѣди Божіи и Христовы не тяжки. Это не значить, что безъ труда и терпѣнія можно исполнять ихъ; нѣтъ, нуженъ усиленный трудъ, настойчивость и терпѣніе въ исполненіи заповѣдей Закона, ибо царствіе Божіе нудится, и только употребляющіе усиліе восхищаютъ оное (Матѣ. 11, 12 и пр.); нужно входить въ царство Божіе тѣснымъ и скорбнымъ путемъ (Матѣ. 7, 14, и пр.). Но Апостоль прибавляетъ это увѣреніе для успокоенія труждающихся въ исполненіи заповѣдей, напоминая, что они дѣти Божіи и, какъ таковыя, не творятъ грѣха (3, 9 и прим.). Въ этомъ смыслѣ и Господь самъ говорить, что иго Его благо и бремя Его заповѣдей легко (Матѣ. 11, 30; см. прим.). Заповѣди Его не тяжки въ томъ смыслѣ, что всѣ онѣ заключаются въ одной заповѣди—люби Бога и брата, что для исполненія ихъ вѣрующему даруется, какъ сыну Божію, благодать Духа Св., укрѣпляющая его и

помогающая ему нести бремя этихъ заповѣдей, что его въ этомъ дѣлѣ окривляетъ вѣра, а при вѣрѣ все возможно вѣрующему; если же по немощи престоупаетъ требованія заповѣдей, то кровь Христа, ходатая за міръ, очищаетъ его отъ всякаго грѣха (1, 7; 2, 1. 2). «Заповѣди Его не тяжки. Ибо что тяжелаго въ дѣлѣ любви брата? Что напрымѣръ тяжелаго въ томъ, чтобы посѣтить узника въ темницѣ? Ибо повелѣвается не выпустить изъ темницы, что было бы трудно, а только посѣтить. И больнаго повелѣвается не освободить отъ болѣзни, а только посѣтить. И голодному не повелѣвается предложить столъ изъ многихъ блюдъ, или нагому подать одежду, приготовленную изъ драгоценной матеріи, но доставить крайне нужное, чего ищетъ голодный и наготующій» (Θеофил.).

4. *Яко всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ: и сія есть побѣда побѣдившая міръ, въра наша.*

5. *Кто есть побѣждаетъ міръ, токмо вѣруяи, яко Иисусъ есть Сынъ Божій.*

4. Ибо всякій, рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ; и сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.

5. Кто побѣждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій?

Ибо всякій, рожденный отъ Бога (2, 29) побѣждаетъ міръ (4, 4): хотя самъ-по-себѣ человекъ немощенъ и не имѣетъ силы исполнить заповѣди Божіи, тѣмъ болѣе, что ему противодѣйствуютъ сильныя враги—плоть, міръ и діаволь, но для него, какъ рожденнаго отъ Бога, и заповѣди Его не тяжки, и всемогущею силою Божіею во Христѣ Иисусѣ онъ силенъ побѣдить міръ и побѣждаетъ его.—Міръ, все враждебное Богу (ср. прим. къ 2, 15), побѣждается вѣрующимъ, преодолеваящимъ все, что представляется какъ препятствіе ему на пути слѣдованія Его за Христомъ въ царство небесное.—Что же это за сила, которою вѣрующій побѣждаетъ міръ? Эта сила есть вѣра, именно вѣра во Христа. «Рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ. (Апостоль) объясняетъ, въ чемъ состоитъ эта побѣда и чрезъ что она совершается. Тѣмъ и другимъ называетъ вѣру, т.-е. вѣру въ

Бога, которая, родившись отъ Бога, побѣдила и прогнала всякое невѣріе, и ни іудей, ни еллинь, ни еретикъ не силенъ противъ нея. А какъ вѣра побѣждаетъ не одна сама-по-себѣ, а вмѣстѣ съ имѣющимъ ее, то прибавляетъ: и кто побѣждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій? (Θеофил.).—Побѣждаетъ міръ тотъ, кто вѣруетъ, что Иисусъ изъ Назарета есть Сынъ Божій, Искушитель міра. Онъ побѣдилъ міръ (Іоан. 16, 33 и пр.), и этою вѣрою въ Него и совершенное Имъ дѣло вѣрующій также побѣждаетъ міръ враждебный ему. Побѣдный кликъ Спасителя сталъ побѣднымъ кликомъ вѣрующихъ о побѣдѣ ихъ надъ міромъ.

6. Сей есть пришедшій водою и кровію и Духомъ, Иисусъ Христосъ, не водою тоцию, но водою и кровію: и Духъ есть свидѣтельствуя, яко Духъ есть истина.

7. Яко тріе суть свидѣтельствующіи на небеси, Отецъ, Слово и Святой Духъ: и сіи три едино суть.

8. И тріе суть свидѣтельствующіи на земли, Духъ и вода и кровь: и тріе во едино суть.

9. Аще свидѣтельство человѣческое пріемлемъ, свидѣтельство Божіе больше есть: яко сіе есть свидѣтельство Божіе, еже свидѣтельства о Сынѣ своемъ.

6. Сей есть Иисусъ Христосъ пришедшій водою, и кровію, и Духомъ, не водою только, но водою и кровію, и Духъ свидѣствуетъ о Немъ, потому, что Духъ есть истина.

7. Ибо три свидѣтельствуютъ на небѣ: Отецъ, Слово и Святой Духъ; и сіи три суть едино.

8. И три свидѣтельствуютъ на землѣ: духъ, вода и кровь, и сіи три объ одномъ.

9. Если мы принимаемъ свидѣтельство человѣческое; свидѣтельство Божіе, больше: ибо это есть свидѣтельство Божіе, которымъ Богъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ своемъ.

Связь съ предыдущимъ такова: сказавъ (ст. 5), что Иисусъ есть Сынъ Божій и что вѣрующій въ Него побѣждаетъ этою вѣрою міръ, Апостоль хотеть теперь раскрыть самыя основанія этой вѣры, или доказательства ея истинности и непреложности, заключающіяся въ неопровержимыхъ свидѣтельствахъ. Это—высокое богословско-догматическое ученіе, единственное въ своемъ родѣ въ новозавѣтныхъ священныхъ кни-

гахъ, о божествѣ Сына Божія Господа Иисуса Христа, въ своей глубинѣ ясное, опредѣлительное и точное, хотя и не незатруднительное въ нѣкоторыхъ чертахъ для пониманія и толкованія. Начало стиха въ подлинномъ чтеніи таково: сей есть пришедшій водою и кровію (и Духомъ, добавляетъ славянскій и русскій переводы, вѣроятно на томъ, совершенно правильномъ, основаніи, что вслѣдъ за сими словами говорится о свидѣтельствѣ Духа) Иисусъ Христосъ: т.-е. этотъ Иисусъ, изъ Назарета пришедшій, есть Христосъ (Месія, помазанникъ) Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, Спаситель міра или всего рода человѣческаго и Побѣдитель міра, всего злаго и враждебнаго Богу, котораго силою вѣрующій во Христа побѣждаетъ этотъ міръ. Этотъ Иисусъ пришедшій въ міръ, или открывшійся или явившійся (ср. Іоан. 1, 9. 11. 1 Тим. 1, 15) въ міръ, пришелъ водою и кровію (и Духомъ). Что значитъ это изреченіе? Въ Ветхомъ Завѣтѣ, при левитскомъ богослуженіи, главными дѣйствіями, при посредствѣ которыхъ согрѣшающіе очищались отъ грѣховъ и примирялись съ Богомъ, были очищеніе водою и очищеніе жертвенною кровію (Числ. 19, 9. Лев. 14, 5—7). Эти дѣйствія, какъ и весь обрядовый законъ Моисеевъ, имѣли прообразовательное значеніе въ отношеніи ко Христу и совершенному Имъ спасенію человѣчества (Евр. 10, 1. 1 Кор. 10, 1 и д. 9 и д.). Христосъ отмѣнилъ прообразовательное въ Ветхомъ Завѣтѣ и замѣнилъ оное самою сущностію вещей или истинною, но подъ образомъ (или символомъ), такъ какъ образъ необходимъ для уразумѣнія истины, для человѣка состоящаго изъ тѣла и души. Прообразъ замѣненъ образомъ, подъ которымъ духомъ и умомъ только должно проразумѣвать сущность истины. Въ данномъ случаѣ, прообразъ есть очищеніе левитское водою и кровію жертвенною, образъ есть крещеніе Христово водою отъ Іоанна во Іорданѣ и кровію въ искупительной жертвѣ на крестѣ на Голгоѣѣ, сущность—искушеніе или примиреніе съ Богомъ, крестною смертію Искупителя міра при возрожденіи въ крещеніи. Такимъ образомъ пришествіе Иисуса Христа водою и кровію есть

установленіе Спасителемъ таинства крещенія и совершеніе Имъ искупительной жертвы за весь міръ. Своимъ крещеніемъ водою во Иорданѣ Господь Иисусъ посвятилъ себя или открылъ служеніе роду человѣческому въ качествѣ Искупителя міра; своимъ крещеніемъ кровію или смертію крестною Онъ совершилъ свое искупительное служеніе роду человѣческому; крещеніемъ во имя Христова вѣрующіе возрождены и стали сынами Божіими; искупительною жертвою они освящены и стали причастниками Божескаго естества. «Такъ Христосъ пришелъ или открылся въ міръ водою и кровію, крещеніемъ водою и крещеніемъ кровію, воднымъ крещеніемъ и крестною смертію. Итакъ Иисусъ пришелъ водою, т.-е. объявленъ Сыномъ Божіимъ чрезъ свидѣтельство Отца при крещеніи въ водѣ. Кровію, когда, идя на крестъ, говорилъ: прославь Меня, Ты, Отче (Іоан. 17, 5)» (Θεοφιλ.). (И Духомъ, Святымъ и Божіимъ, свидѣтельствующимъ о Христѣ см. далѣе въ этомъ же стихѣ и ст. 8).—Не водою только, но водою и кровію: усиленное, повторительное и объяснительное выраженіе, указываетъ на особенную важность дѣйствія, чтобы кто-либо не перетолковалъ это выраженіе и не исказилъ этого высокаго апостольскаго ученія. Не водою только, не крещеніемъ только открылся Христосъ въ качествѣ Искупителя міра, но водою и кровію, крещеніемъ и смертію крестною и искупительною. «Водою и кровію, и опять прибавляетъ съ повтореніемъ слова: не водою только, но водою и кровію. Ибо хочеть прежде доказать прославленіе усыновляющаго насъ Христа, потому что прежде усыновленъ Богомъ человѣкъ, сущій во Христѣ, а потомъ Христосъ чрезъ свое сыноположеніе даровалъ и намъ такое достоинство» (Θεοφιλ.). Сама-по-себѣ вода не имѣла и не имѣетъ очистительной духовной силы и значенія въ крещеніи,—сила и значеніе воды и крещенія въ пролитіи Христомъ крови своей за грѣхи міра, чѣмъ и крещенію сообщена великая, очистительная и спасительная сила. Водою и кровію совершено Христомъ великое таинство искупленія рода человѣческаго (ср. Евр. 9, 19—22; 10, 22). Говоря съ особою настойчи-

востію о пришествіи Христа водою и кровію съ нарочитымъ указаніемъ—не водою только, но водою и кровію, Апостоль, какъ можно съ несомнѣнностію полагать, въ виду имѣлъ лжеученіе Керинфа, современнаго Апостолу лжеучителя и обольстителя, относительно соединенія въ Иисусѣ Христѣ божества и человѣчества Его, лжеученіе, по которому божество соединилось съ человѣчествомъ І. Христа при крещеніи Его и отдѣлилось отъ Него при страданіи, такъ что пострадалъ не Сынъ Божій, а простой человѣкъ. Противъ этого-то и направлена мысль Апостола о пришествіи Христовомъ не водою только, но водою и кровію, т.-е. Иисусъ Христосъ есть истинный Богочеловѣкъ, какъ въ крещеніи своемъ, такъ и въ страданіяхъ своихъ; иначе, еслибы Онъ не пострадалъ, то Онъ не совершилъ бы служенія роду человѣческому ни въ крещеніи водою, ни въ крещеніи кровію, ни въ Иорданѣ, ни на крестѣ голгоѣскомъ. Онъ Богочеловѣкъ, Искушитель міра, очиститель (2, 2; 4, 10) и водою и кровію.—И Духъ свидѣтельствуетъ о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ, крещеніемъ водою и кровію обновившемъ міръ, какъ о пришедшемъ обѣтованномъ Спасителѣ міра. Объ этомъ свидѣтельствѣ Св. Духа о Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, неоднократно свидѣтельствовалъ самъ Господь (ср. Іоан. 14, 16. 17; 15, 26; 16, 13. 14 и прим.), обѣщая послать ученикамъ своимъ иного Утѣшителя и Свидѣтеля, каковое обѣтованіе и исполнилось въ день Пятидесятницы. — Духъ есть истина: т.-е. свидѣтельство Св. Духа о Христѣ Сынѣ Божіемъ есть неложное, несомнительное свидѣтельство, такъ какъ и самый Духъ есть истина, какъ и Христосъ есть истина (Іоан. 14, 6; 15, 26).—Объ этой высочайшей истинѣ, что Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, искупившій міръ водою и кровію, свидѣтельствуетъ не только Духъ Святый, о свидѣтельствѣ котораго сейчасъ упомянулъ Апостоль; довольно было бы для удостовѣренія о семъ свидѣтельства одного только Его, такъ какъ Онъ есть истина; но о семъ есть много свидѣтелей. По закону Моисееву (Втор. 19, 15) для удостовѣренія истины нужно два или три свидѣтеля, а для

удостоверенія въ этой истинѣ о Христѣ Иисусѣ есть дважды три свидѣтеля, три на небѣ и три на землѣ; небо и земля явили міру по три о семь свидѣтеля, слѣдовательно эта истина болѣе, чѣмъ непререкаемая. Свидѣтели небесные—возвышенные, невидимые, непреступные; свидѣтели земные болѣе близкіе къ намъ, болѣе доступные намъ, подлежащіе нашему наблюденію, мысли, чувству. Три свидѣтельствующіе на небѣ, высокіе и непостижимые въ своемъ божественномъ существѣ суть: Богъ Отецъ, непререкаемо свидѣтельствовавшій о Сынѣ своемъ многократно, на примѣръ при крещеніи (Матѣ. 3, 17 и пар.), при преображеніи (Матѣ. 17, 5 и пар.); о свидѣтельствѣ Бога Отца о Немъ неоднократно говорилъ самъ Христосъ (Іоан. 5, 31. 32. 37; 8, 16 — 18; 10, 25 и др.). Слово, Богъ Слово воплотившееся, Единородный Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ многократно свидѣтельствовали о себѣ, какъ Сынъ Божіемъ (ср. Іоан. 1, 18; 3, 11; 8, 14; 10, 36. Матѣ. 26, 64. Марк. 14, 62).—Духъ Святой свидѣтельствовалъ о Христѣ Сынѣ Божіемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ пророковъ, которые говорили о Христѣ по вдохновенію отъ Св. Духа (1 Петр. 1, 21), въ Новомъ Завѣтѣ—при безсѣменномъ зачатіи Христа отъ Дѣвы Маріи отъ Духа Святаго (Лук. 1, 35), при сошествіи на Иисуса Христа въ видѣ голубя при крещеніи (Матѣ. 3, 16. Іоан. 1, 32); о такомъ свидѣтельствѣ неоднократно говорилъ самъ же Иисусъ Христосъ (Іоан. 14, 26 и пар.).—Сіи суть три Лица достопоклоняемой Троицы во единомъ божественномъ существѣ, и потому свидѣтельство ихъ есть единое Тройческое божественное свидѣтельство о Христѣ Сынѣ Божіемъ, почему Апостоль и говорить: и сіи три суть едино, по существу, волѣ и дѣйствию.—И три свидѣлствуютъ на землѣ, какъбы въ соотвѣтствіе свидѣтельствамъ небесныхъ свидѣтелей, Духъ вода и кровь, о которыхъ уже упомянуто въ стихѣ 6-мъ и которые снова упоминаются здѣсь для того, чтобы сопоставить ихъ свидѣтельства со свидѣтельствами свидѣтелей небесныхъ и тѣмъ поразительнѣе, выразительнѣе и отчетливѣе сдѣлать рѣчь свою о нихъ. Духомъ именуется здѣсь тотъ же

Духъ Святый только не въ Его лицѣ или ипостаси, а въ Его дѣйствіяхъ, которыми Онъ свидѣтельствуеть о Христѣ, усвая совершенное Искупителемъ искупленіе приѣмлющимъ его вѣрою.—И сіи три объ одномъ свидѣлствуютъ, именно о томъ, что Христосъ Сынъ Божій, совершившій искупленіе и обновленіе міра, побѣдившій враждебный Ему міръ и даровавшій побѣду надъ нимъ и вѣрующимъ въ Него (ст. 4 и 5). Если мы принимаемъ и пр.: если по закону Моисееву (Втор. 19, 15; ср. Матѣ. 18, 16. 2 Кор. 13, 1. Евр. 10, 28) достаточно двухъ свидѣтелей во увѣреніе истины и свидѣтелей просто людей обыкновенныхъ, то свидѣтельство указанныхъ выше свидѣтелей несравненно большее должно имѣть значеніе для увѣренія въ истинѣ, ибо это—свидѣтельство Божіе. Подъ свидѣтельствомъ человѣческимъ разумѣтся здѣсь обычное свидѣтельство людей во увѣреніе истины по закону, подъ свидѣтельствомъ Божіимъ разумѣтся свидѣтельство на небѣ—Отца, Сына и Духа Святаго и свидѣтельство на землѣ—воды, крови и Духа Святаго, которыя всѣ составляютъ свидѣтельство Божіе въ отличіе отъ свидѣтельства человѣческаго. Если мы вѣримъ свидѣтельству двухъ или трехъ людей, то тѣмъ болѣе должны вѣрить свидѣтельству Божію на небѣ и на землѣ, такъ какъ это свидѣтельство Божіе больше, выше, досто-вѣрнѣе, важнѣе. «Сказавъ это, подтверждаетъ слова свои доказательствомъ отъ меньшаго. Если мы принимаемъ свидѣтельство человѣческое о чемъ-либо, не тѣмъ ли справедли-вѣе должны принять свидѣтельство большее, отъ Бога? Ибо это свидѣтельство о Сынѣ Божіемъ, т.-е. Христѣ, не отъ самого ли Бога?» (Θеофил.). И Апостоль повтореніемъ еще болѣе усиливаетъ это, повторительно указывая и разъясняя, что оно потому больше, что оно есть свидѣтельство Божіе, которымъ Богъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ своемъ, свидѣтельство самого Бога и свидѣтельство о Сынѣ Божіемъ, а Богъ есть истина, и Сынъ Божій есть истина и Духъ Святый есть истина и они свидѣлствуютъ одно и объ одномъ.

10. *Вѣруй въ Сына Божія имать свидѣтельство въ себѣ: не вѣруй Богови, лжа сотворилъ есть его, яко не вѣрова во свидѣтельство, еже свидѣтельствова Богъ о Сынѣ своемъ.*

11. *И сіе есть свидѣтельство, яко животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ его есть.*

12. *Имѣяй Сына Божія, имать животъ: а не имѣяй Сына Божія, живота не имать.*

13. *Сія писахъ вамъ вѣрующимъ во имя Сына Божія, да вѣсте, яко животъ вѣчный имате, и да вѣруете во имя Сына Божія.*

10. Вѣрующій въ Сына Божія имѣеть свидѣтельство, въ себѣ самомъ: невѣрующій Богу представляетъ Его лживымъ, потому что не вѣруетъ въ свидѣтельство, которымъ Богъ свидѣтельствовавалъ о Сынѣ Своемъ.

11. Свидѣтельство сіе состоятъ въ томъ, что Богъ даровалъ намъ жизнь вѣчную, и сія жизнь въ Сынѣ Его.

12. Имѣющій Сына (Божія) имѣеть жизнь, неимѣющій Сына Божія не имѣеть жизни.

13. Сіе написалъ я вамъ, вѣрующимъ во имя Сына Божія, дабы вы знали, что вы, вѣруя въ Сына Божія, имѣете жизнь вѣчную.

Кромѣ свидѣтельства вышеуказанныхъ высочайшихъ свидѣтелей о Богочеловѣкѣ Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, Искупителѣ міра, дарующемъ побѣду надъ міромъ и вѣрующимъ въ Него, вѣрующій вѣрою живою и истинною (Іоан. 3, 15 и д. 18, 34; 6, 29; 9, 35) въ Сына Божія, а слѣдовательно и въ свидѣтельствующаго о Немъ Бога Отца, имѣеть внутреннее удостовѣрительное свидѣтельство въ себѣ самомъ, въ своемъ собственномъ духѣ, запечатлѣнномъ помазаніемъ (2, 20. 27), или печатію Св. Духа (2 Кор. 1, 21. 22. Еф. 1, 13), по которому онъ знаетъ и увѣренъ, что онъ во Христѣ примиренъ съ Богомъ и потому имѣеть упованіе жизни вѣчной (ср. Теофил.). Объ этомъ внутреннемъ свидѣтельствѣ о Христѣ въ духѣ самого вѣрующаго говорилъ самъ Господь (Іоан. 7, 16. 1 и пар.).—Напротивъ кто не вѣруетъ Богу, а слѣдовательно и свидѣтельству Его о Сынѣ своемъ, и не принимаетъ сего свидѣтельства, тотъ представляетъ Его лживымъ и себѣ невѣрнымъ (1, 10 и прим.), и это невѣріе Богу тѣмъ виновнѣе и гибельнѣе для невѣрующаго, что онъ не вѣритъ въ высочайшее свидѣтельство Бога о Сынѣ Божіемъ (ст. 9). «Невѣ-

рующей виновенъ въ двухъ отношеніяхъ: въ невѣрїи, представляя Бога лжецомъ, и въ томъ, что лишаетъ себя сыноположенія, а чрезъ это вѣчной жизни» (Θеофил.)—Сіе внутреннее свидѣтельство есть чувство или ощущеніе вѣрующимъ присутствія въ сознаніи его жизни вѣчной въ общеніи съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ Его І. Христомъ, такъ какъ имѣющей Сына, вмѣстѣ со Отцемъ въ немъ пребывающаго, имѣетъ жизнь вѣчную, а не имѣющей не имѣетъ (разъясненіе этихъ понятій см. въ примѣч. къ 1, 1. 2; 2, 25; 3, 9. Іоан. 1, 4; 14, 6; 3, 15 и пар. и прим.). Это внутренне свидѣтельство объ І. Христѣ Сынѣ Божіемъ вѣрующаго, не имѣетъ убѣдительной силы для невѣрующаго (ст. 10, 12); но это написалъ я вѣрующимъ во имя Сына Божія (ср. 3, 23 и прим.) для того, чтобы знали сіе и утвердились въ познаніи вѣчной жизни. «Здѣсь выводится какъбы заключеніе. Я, говоритъ, написалъ это вамъ какъ наслѣдникамъ жизни вѣчной. Ибо для тѣхъ, которые не живутъ по надеждѣ жизни вѣчной, это не могло бы быть написано, потому что давать святыню псамъ и метать жемчугъ предъ свиньями непохвально» (Матѣ. 7, 6. Θеофил.).

14. И сіе есть дерзновеніе, еже имамы къ нему, яко аще чего просимъ по воли его, послушаетъ насъ.

15. И аще съмы, чко послушаетъ насъ, еже аще просимъ, въмы, яко имамы прошенія, еже просимомъ отъ него.

14. И вотъ, какое дерзновеніе мы имѣемъ къ Нему, что, когда просимъ чего по волѣ Его, Онъ слушаетъ насъ.

15. А когда мы знаемъ, что Онъ слушаетъ насъ во всемъ, чего бы мы ни просили; знаемъ и то, что получаемъ просимое отъ Него.

Вѣра въ Иисуса Христа Сына Божія, засвидѣтельствованная необычайными свидѣтелями и соединяющая вѣрующаго съ Богомъ, возвышаетъ молитву вѣрующаго до необычайнаго также дерзновенія, молитву не только за себя, но и за другихъ вѣрующихъ (ст. 16). Дерзновеніе вѣрующихъ ко Господу (ср. 2, 28; 3, 21; 4, 17. Еф. 3, 12. Евр. 4, 16) такъ велико, что когда они просятъ Его о чемъ-либо въ молитвѣ, Онъ слушаетъ ихъ (3, 22 и прим.).—По волѣ Его:

это необходимое условіе просимаго въ молитвѣ, чтобы вѣрующей просилъ лишь того, что согласно съ волею о немъ Божіею. «Если мы просимъ у Бога сообразно съ волею Его, то Онъ слушаетъ насъ... А кто проситъ противнаго волѣ Учителя, тотъ не будетъ и услышанъ» (Феофил.).—Получаемъ просимое: если мы имѣемъ такое дерзновеіе, или увѣренность и надежду, что Богъ внемлетъ молитвамъ нашимъ въ каждомъ случаѣ, о чемъ бы мы ни просили Его, то имѣемъ увѣренность и въ томъ, что просимое нами мы получимъ отъ Него по волѣ Его.

16. Аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти есть грѣхъ къ смерти: не о томъ глаголю, да молится.

16. Если кто видитъ брата согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то-есть согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Если грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился.

17. Всяка неправда грѣхъ есть, и есть грѣхъ не къ смерти.

17. Всякая неправда есть грѣхъ: но есть грѣхъ не къ смерти.

Сказавъ въ предыдущихъ стихахъ о силѣ молитвы вѣрующаго въ Христа вообще, въ разсматриваемыхъ стихахъ Апостоль говоритъ о молитвѣ вѣрующаго не за себя самого, а за брата, т.-е. всякаго ближняго, брата во Христѣ (1 Кор. 5, 11), различая согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти и грѣхомъ къ смерти. Связь этихъ стиховъ съ предыдущимъ бл. Феофилакть наводитъ такую: «сказавъ, что Богъ исполняетъ прошенія наши согласныя съ Его волею, Апостоль теперь ясно высказываетъ желаніе свое о томъ, чтобы мы просили по волѣ Божіей. И какъ онъ много, почти чрезъ все посланіе, говорилъ о любви къ Богу и о томъ, что Богъ желаетъ, чтобы мы соблюдали любовь къ брату нелицемѣрно, то теперь однимъ изъ желаній Его и самымъ лучшимъ называетъ то, что когда кто видитъ брата своего, согрѣшающаго грѣхомъ не смертнымъ, то пусть проситъ».—Что значитъ грѣхъ не къ смерти, и грѣхъ къ смерти? Господь говоритъ, что всякій грѣхъ и хула отпустится или простится людямъ, но хула на Духа Святаго не отпустится людямъ ни въ семь

вѣкъ, ни въ будущемъ (Матѣ. 12, 31—32; см. прим.). Несомнѣнно, что это различіе грѣховъ къ смерти и не къ смерти имѣетъ въ виду въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апостоль. Грѣхъ не къ смерти,—это—всякій грѣхъ человѣка, который происходитъ отъ общей слабости человѣческой (1, 8. Іак. 3, 2 и прим.), грѣхъ очищаемый искреннимъ покаяніемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ и потому не подвергающій грѣшника смерти духовной (ср. 3, 14). Грѣхъ къ смерти или смертный грѣхъ, это—грѣхъ тяжкій, дѣлая который, человѣкъ дѣлается неспособнымъ къ раскаянію. Это грѣхъ хулы противъ Духа Святаго, каковы грѣхи: упорное невѣріе въ дознанную христіанскую истину; упорное отступничество отъ вѣры, не принимающее никакого вразумленія; ожесточенное заблужденіе въ пагубныхъ еретическихъ заблужденіяхъ и тяжелыхъ нераскаянныхъ грѣхахъ (см. прим. къ Матѣ. 12, 31—32; сл. Евр. 10, 26).—Судя по тому, что Апостоль говоритъ о грѣхахъ къ смерти и грѣхахъ не къ смерти безъ всякаго объясненія и указанія на нихъ, можно полагать, что Апостолу и читателямъ его посланія эти выраженія были понятны, можетъ быть употреблялись, какъ техническіе термины, о чемъ свидѣлствуетъ и дальнѣйшая рѣчь. — О грѣхѣ не къ смерти пусть вѣрующій молится за брата, чтобы Богъ по милости своей даровалъ согрѣшающему принести искреннее покаяніе, простилъ его и даровалъ ему жизнь, т.-е. возстановилъ его духовную жизнь, ослабленную или подавленную грѣхомъ. Относительно грѣха къ смерти Апостоль не даетъ такого наставленія о молитвѣ, какъ относительно грѣха не къ смерти. Не запрещаетъ однакоже положительно молиться за таковаго Апостоль, но и повелѣнія не даетъ. Повидимому Апостоль показываетъ только, что онъ не можетъ увѣрять и быть увѣреннымъ въ силѣ молитвы за ближняго, согрѣшающаго смертнымъ грѣхомъ, что успѣху таковой молитвы противодѣйствуетъ невѣріе, упорство, ожесточеніе и закоснѣніе въ заблужденіяхъ и порокахъ согрѣшающаго такъ. Такимъ нераскаяннымъ грѣшникамъ грѣхъ ихъ не простится ни въ семъ вѣкъ, ни въ будущемъ, хотя вѣрующій можетъ

отъ Бога или возрожденный отъ Духа Св. (2, 29; 3, 1) не грѣшитъ (3, 6. 9), не предается грѣху, не обладаетя грѣхомъ, не препобѣждается грѣхомъ; но рожденный отъ Бога хранить себя благодатию возрожденія и полученныхъ въ немъ духовныхъ силъ и дарованій (Іак. 1, 27, 1 Тим. 5, 22), со всякимъ раченіемъ, отъ грѣха къ смерти, и лукавый, сатана или діаволь (2, 14; 3, 12. Еф. 6, 16. 2 Кор. 11, 3), отъ паденія своего ставшій лукавымъ и лукавствомъ соблазняющій и искушающій міръ, не прикасается къ нему, несмотря на всякія усилія и обольщенія, не приближается къ нему для искушенія и соблазна грѣхомъ, чтобы онъ низпалъ изъ благодатнаго состоянія (1 Петр. 5, 8. Еф. 6, 11). «Однакоже, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что природа его (возрожденнаго) претворяется и становится уже неуловимою для грѣха, прибавляетъ: хранить себя, т.-е. если не будетъ хранить и беречь себя отъ лукаваго, то безъ сомнѣнія согрѣшаетъ. Итакъ, онъ не по природѣ достигаетъ безгрѣшности, а по великому дару Божію. Богъ, усыновивъ насъ, удостоилъ насъ такой благодати, что мы, сохраняя и соблюдая поданный намъ отъ Него даръ, можемъ и не грѣшитъ» (Θеофил.).—Мы знаемъ (19) изъ божественнаго откровенія, собственнаго опыта и изъ свидѣтельства Св. Духа, что мы вѣрующе во имя Сына Божія (ст. 13), отъ Бога рождены (ст. 1, 4. 18; 3, 9. 10) словомъ истины и что весь міръ во злѣ лежитъ, все невозрожденное, все находящееся въ естественномъ состояніи, все враждебное Богу и Христу (2, 15. 16; ср. Еф. 4, 17—19. Кол. 3, 5—7), все въ грѣхѣ, подъ властію грѣха и діавола. — Мы знаемъ также (20): изъ всего вышеизложеннаго, что Сынъ Божій пришелъ въ міръ (5, 6—13) и далъ намъ, омраченнымъ и сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, свѣтъ и разумъ, истинное вѣдѣніе о Богѣ и дѣлахъ Его и о нашемъ отношеніи къ Нему, да познаемъ Бога истиннаго, Бога Отца (Іоан. 17, 3 и прим.) и да будемъ или пребудемъ (3, 6 и пар.) во истинномъ Сынѣ Егд (ст. 6. Іоан. 14, 6 и прим. и пар.) Іисусѣ Христѣ. Сей, т.-е. Іисусъ Христосъ, рожденный отъ

Дѣвы, есть истинный по существу своему Богъ, имѣющій самосуцую и вѣчную жизнь въ Себѣ самомъ (1. 1. 2. Иоан. 1, 4; 10, 11; 14, 6 и прим.).—Дѣти (2, 1. 28; 3, 18; 4, 4), храните себя отъ идоловъ: сказавъ о необходимости хранить истинную вѣру въ Бога и Господа Иисуса Христа, Апостоль въ заключеніе предостерегаетъ отъ идолопоклонства или вообще отъ языческихъ суевѣрій и безбожія. Кратко это наставленіе и предостереженіе Апостола, такъ какъ читатели безъ сомнѣнія уже не вѣрили въ идоловъ и не почитали ихъ; но Апостоль счелъ за нужное сдѣлать такое предостереженіе въ заключеніе посланія, чтобы краткимъ и сильнымъ словомъ выразить противоположность между вѣрою христіанъ и суевѣріемъ язычниковъ.—Или, какъ говоритъ бл. Теофилактъ, «Апостоль писалъ это всей Церкви, которая не вся наполнена была людьми избранными, а между ними иной былъ и съ неправымъ расположеніемъ. Такимъ и даетъ онъ заповѣдь эту, опасаясь за ихъ слабость». Аминь.

Епископъ Михаилъ.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ БЕСѢДЫ

О СТРАДАНІЯХЪ И СМЕРТИ СПАСИТЕЛЯ.

Бесѣда пятая.

Мы оставили нашего Спасителя на крестѣ висящимъ между двухъ разбойниковъ, тоже распятыхъ. Спаситель истаявалъ въ мученіяхъ; между тѣмъ вокругъ ни одного слова состраданія, только хуленія, поношенія и насмѣшки. Хулилъ народъ, смѣялись первосвященники и книжники, поносили наконецъ одинъ изъ распятыхъ. Но вотъ слышится и слово утѣшенія. Отъ кого же? Это отъ другаго разбойника. Тогда какъ товарищъ его поносилъ Христа, показывалъ свое невѣріе, нераскаянность, ожесточеніе во грѣхѣ, требовалъ, чтобы Христось въ доказательство своей божественности и Себя и ихъ свелъ со креста, этотъ разбойникъ разсуждалъ по другому. Онъ обличалъ своего товарища, стыдилъ, удерживалъ его отъ такихъ рѣчей. «Бога ты не боишься, говорилъ онъ ему,—когда и самъ осужденъ на ту же казнь. Но мы осуждены справедливо, несемъ то, что заслужили своими дѣлами, а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ». «Что за время и за мѣсто, какъбы такъ говорилъ онъ, такъ жестоко обращаться намъ другъ съ другомъ? Мы терпимъ участь одинаково тяжелую: зачѣмъ еще увеличивать эту тяжесть укорами? вмѣсто укоризны не лучше ли было бы сказать слово утѣшенія. Но какое разстояніе между Имъ и нами! Надъ нами учиненъ судъ справедливый, — не по ложнымъ доносамъ, не по зависти и злобѣ чьей бы то ни было мы осуждены на такое наказаніе, а сами заслужили его своими злодѣяніями, своими сму-

тами, своею богопротивною и вредною для общества жизнію. А Сей? Этотъ страдалецъ — невинный, худаго Онъ никому ничего не сдѣлалъ, осужденъ по злобѣ и зависти первосвященниковъ и книжниковъ, и притомъ терпитъ все безъ ропота». Почему этотъ разбойникъ зналъ невинность Іисуса? Конечно слышалъ отъ другихъ. Да и кто не зналъ и не пересказывалъ другъ другу о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя Христось разсыпалъ всюду, о тѣхъ безчисленныхъ чудесахъ, твримыхъ Имъ надъ всякаго рода страждущими, о Его благоснисхожденіи къ мытарямъ и всякаго рода грѣшникамъ? Слышалъ это, конечно, и разбойникъ и предрасполагался къ вѣрѣ. Слышалъ Онъ также, какъ во время суда надъ Христомъ искали враги Его, въ чемъ бы обличить Его, и не находили; подставляли лжесвидѣтелей, и лжесвидѣтели не могли показать на Него ничего достойнаго смерти. Но главное: разбойникъ видѣлъ кротость и незлобіе Іисуса среди страданій. Одна молитва Спасителя за распинателей, произнесенная Имъ еще такъ недавно со креста вслухъ всѣхъ, кому не могла дать знать о высотѣ души и сердца этого Страдальца? И благотворно все это подѣйствовало на очерствѣлую душу. Какъ благовременный и обильный дождь послѣ продолжительной засухи смягчаетъ окаменѣлую землю, такъ смягчило и душу разбойника присутствіе рядомъ съ нимъ Спасителя и Господа. И разбойникъ видитъ теперь во Христѣ не просто невиннаго страдальца, но обѣтованнаго Израилю Царя и Господа, у котораго есть свое царство, гдѣ всѣмъ съ Нимъ будетъ приятно и радостно,—царство это должно скоро открыться, несмотря на такое уничиженіе Его и даже на близкую смерть. И увѣренный въ этомъ, онъ, кончивъ рѣчь къ собрату своему, обращается теперь къ самому Христу, котораго онъ такъ усердно сей часъ защищалъ, обращается и говоритъ: «помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи твоемъ». «Меня нисколько не смущаютъ Твои страданія и предстоящая позорная смерть, какъбы такъ говорилъ онъ; я вѣрую, что Ты Царь и Господь, скоро придешь въ свое царство или чрезъ воскресеніе или другимъ способомъ. Когда

Ты воспріимешь это царство и будешь вмѣсто теперешнихъ скорбей и страданій радоваться въ немъ, прошу Тебя, вспомни тогда обо мнѣ; не говорю: удостой меня — я не стою того, не стою за свои беззаконія, имъже нѣсть числа, но только вспомни обо мнѣ несчастномъ, погибающемъ страдальцѣ,—и это одно воспоминаніе Твое, я знаю, пролететь лучъ отрады въ мою мрачную душу, когда я буду томиться въ аду». Какое покаяніе, самоосужденіе! Какова вѣра! Принимавшій покаяніе при жизни могъ ли отвергнуть кающагося при смерти? Щедро Платившій за вѣру прежде, могъ ли не вознаградить за такую искреннюю вѣру теперь и за какую вѣру? За вѣру, выражаемую въ то время, когда всѣ, даже самъ Отецъ небесный, оставили Христа, когда самые преданные ученики готовы были поколебаться въ вѣрѣ въ Него, за вѣру выражаемую не при видѣ какого-нибудь поражающаго чуда, а при видѣ позора, хуленій, насмѣшекъ отъ всѣхъ проходящихъ,—въ виду позорной смерти, на которую осуждались одни самые злые преступники и никогда праведники. За такую вѣру могъ ли достойнымъ образомъ не вознаградить Тотъ, Который только и искалъ въ людяхъ покаянія и вѣры? И вотъ Онъ вознаграждаетъ. ' Чѣмъ же? «Днесъ со мною будешь въ рай»,—вотъ слова утѣшенія, слова любви отъ сердца полного любви. Нынѣ же ты будешь тамъ, гдѣ Я. Ты просилъ только вспомнить о тебѣ, но я, Владыка всѣхъ, имѣя власть надъ всѣмъ, хочу сдѣлать тебя даже участникомъ радостей своихъ. Ты будешь со Мною въ моемъ царствѣ. Гдѣ Я, тамъ ты. «Днесъ со Мною будешь въ рай». О вѣра и покаяніе! Чего они не могутъ сдѣлать при несказанномъ милосердіи нашего Господа? Грѣшникъ, чувствуешь ли ты это и слѣшишь ли, подражая благоразумному разбойнику, принести покаяніе искреннее, нелицемѣрное? Онъ былъ близъ Господа и этою близостію воспользовался къ своему спасенію и спасся. Къ намъ ли не близокъ Господь? Вотъ Онъ здѣсь въ святомъ храмѣ, въ святыхъ тайнахъ; мы слышали и нынѣ и всегда слышимъ гласъ Его въ Евангеліи. Преимущественно Онъ близокъ къ намъ въ постные дни, когда особенно громко

настоячиво, убѣдительно чрезъ святую Церковь зоветъ всѣхъ насъ къ себѣ, зоветъ къ покаянію, къ соединенію съ Собою въ таинствѣ тѣла и крови Его. Иди же, грѣшникъ, къ Нему, иди по стопамъ разбойника. Разбойнику оставалось жить нѣсколько часовъ, и онъ этимъ временемъ воспользовался къ своему спасенію. Воспользуйся и ты, грѣшникъ, оставшимся временемъ жизни на землѣ ко благу души твоей. Разбойникъ созналъ вполнѣ свою виновность: лучше всего и намъ дѣло обращенія своего начинать съ познанія самихъ себя, съ познанія духовной бѣдности своей, съ признанія себя первыми грѣшниками, какихъ еще не было на землѣ. Разбойникъ не упалъ духомъ, увидавши себя обнаженнымъ отъ добрыхъ дѣлъ, и въ вѣрѣ и надеждѣ на милосердіе Господа обрѣлъ спасеніе себѣ. И грѣшникъ не долженъ приходить въ отчаяніе отъ множества грѣховъ, одержавшихъ его, а скорѣе пусть обратится къ Господу, обратится съ вѣрою, что Его безмѣрная заслуга покроютъ духовную нищету его, обратится съ тоюже молитвою, съ какою и разбойникъ обратился къ Нему: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоємъ!» Пусть каждый изъ насъ молится этою молитвою, какъ можно чаще и усерднѣе, особенно въ дни святаго поста, и въ храмѣ, и дома,—Господь по милосердію своему не отринетъ насъ, вмѣстѣ съ разбойникомъ помянетъ и насъ въ царствіи своемъ и намъ скажетъ, что сказалъ тому: «днесъ со Мною будеши въ рай».

Утѣшительное, радостное слово сказалъ Христосъ со креста разбойнику. Но это не послѣднее было слово утѣшенія. Этого утѣшенія сподобилась и Та, которая всего болѣе нуждалась въ немъ,—это Пречистая Матерь Его. Кто не можетъ понять всю тяжесть скорби, раздиравшей душу Ея? Несомнѣнно, что Она страдала душою не менѣе Сына своего. Вы, матери, лучше другаго можете понять Ея положеніе. Когда вамъ приходилось цѣлыя ночи просиживать у постели тяжело больнаго сына своего,—что вы тогда чувствовали? Не страдали ли вы душою вмѣстѣ съ нимъ, даже болѣе его? Не желали ли вы лучше сами терпѣть то, что онъ терпѣлъ? А

еслибы кому изъ васъ пришлось лишиться вашего любимаго дѣтища, еслибы вашего сына отдали на публичное осмѣяніе, притомъ единственно только по клеветамъ злыхъ людей, и затѣмъ приговорили къ тяжкой и позорной смерти, — что бы вы тогда почувствовали? Чтобы выразить состояніе душъ вашихъ въ это время, для этого не найдется и словъ. Несравненно болѣе тяжело было положеніе Богоматери. Какая скорбь могла сравниться съ Ея скорбію? Кого Она лишилась? Она лишилась Сына, божественное достоинство котораго Ей извѣстно было болѣе чѣмъ кому либо. У Ней отняли всю надежду Ея. У Ней отняли и подвергли позору и мукамъ такого Сына, который былъ не только ни въ чемъ невинный, но былъ — образцемъ святости, образцемъ всѣхъ добродѣтелей, начиная съ послушанія родителямъ, — который зналъ въ жизни одно — благодѣлать и помогать; Его и предали тѣ самыя, которымъ Онъ благодѣлывалъ, для счастья которыхъ и жилъ, спасенія которымъ желалъ — какъ алчущій желаетъ пищи, жаждающій — питія. Матерь Божія знала всѣ чудеса Сына своего, всѣ благодѣянія Его страждущимъ и тѣмъ болѣе Ей было видѣть мученія Его. Но стоявшая до сихъ поръ вдали, Она теперь осмѣлилась приблизиться къ распятому Сыну и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими женами стала у самаго креста Его. Что же нашла тутъ? О, страданія Сына Ея предстали Ей въ ужасающемъ своемъ видѣ. Лишь страдальческій, взоръ угасающій, льющаяся ручьями кровь, раздирающіяся раны, все тѣло обнаженное и израненное — вотъ что нашла Она, и все это что могло произвести въ душѣ Ея, какъ не новую скорбь, о которой предсказалъ Ей Симеонъ? Да, все это и былъ тотъ мечъ, который проходилъ теперь въ Ея сердце, мечъ острый, мечъ не желѣзный, но острѣе его. Скорбь тяжкая, невыразимо великая выпала на Ея долю. Но чтоже Она? Произнесла ли Она хоть одно слово ропота на свою горькую участь? Слышимъ ли мы хоть какую-нибудь жалобу на несправедливость судей, вознесшихъ Сына Ея на крестъ, на неблагодарность народа, такъ благодѣлывавшаго Имъ, на злобу и жестокость распинателей? Нѣтъ, — ничего

подобнаго не было; Она стояла безмолвно у креста. Да и могла ли что-либо высказать Дѣва кроткая, смиренная, всегда покорная путямъ Промысла? О, съ увѣренностью можно предположить, что Она и теперь въ глубинѣ души своей твердила тоже, что сказала нѣкогда Архангелу: «Я раба Господня, пусть будетъ по слову Твоему», твердила и только слезами выражала свою скорбь. Вы, которые любите жаловаться на неправды человѣческія, которые не хотите перенести ни малѣйшей обиды, поучитесь терпѣнію у Матери Божіей. Честнѣйшая херувимъ безмолвно переноситъ скорбь, небывалую между людьми, — намъ ли грѣшнымъ роптать, когда что дѣлается не по нашему, когда вмѣсто ожидаемыхъ радостей приходится намъ испытывать скорби на землѣ? Будемъ искать лучше утѣшенія и подкрѣпленія въ слезахъ молитвенныхъ у Того, Кто посылаетъ или допускаетъ намъ ту или другую скорбь. Такъ сдѣлала Матерь Божія. Стоя у креста, проливая слезы о возлюбленномъ Сынѣ, Она у Него же искала Себѣ утѣшенія и подкрѣпленія,—и получила.

«Исусъ, видя Матерь, говорится въ Евангеліи, и ученика стоящаго рядомъ съ Нею, — говоритъ Матери своей: Жено! се сынъ твой, потомъ говоритъ ученику: се Мати твоя,—и ученикъ съ того же времени взялъ Ее къ себѣ въ домъ», — берегъ и покоилъ Ее, какъ мать свою. Вотъ истинный Сынъ достойной матери: истаявая въ мукахъ самъ, Онъ заботится о Матери своей; забывая о Себѣ, Онъ входитъ въ положеніе Ея—и заботится объ участи Ея на землѣ. Лишенный крова и пріюта, Онъ находитъ ихъ для Нея у возлюбленнаго ученика своего,—потерявшей Сына Онъ даетъ и Сына опять въ томъ же ученикѣ. Вотъ образецъ почтенія, вниманія, любви къ своимъ родителямъ и для нашихъ дѣтей! Наши дѣти часто не хотятъ внимать мольбамъ, убѣжденіямъ родителей относительно ихъ же блага, когда родители желаютъ въ нихъ видѣть то, что для нихъ же всего необходимо, какъ-то: благонравіе и богобоязненность. Пусть посмотрятъ таковые, какъ скоро призрѣлъ на скорбь своей матери страждущій на крестѣ Христоусъ и какъ скоро послалъ утѣ-

шеніе Ей! Наши дѣти часто, пришедши въ возрастъ, забываютъ, что сдѣлали для нихъ родители ихъ, и холодны, черствы дѣлаются въ отношеніи къ нимъ. Пусть посмотрятъ таковыя, какъ Спаситель горячо любилъ Матерь свою! Онъ любилъ Ее до послѣдней минуты жизни своей, выражалъ любовь къ Ней, попеченіе объ Ней даже въ то время, когда на крестѣ висѣлъ, страшныя муки терпѣлъ. Наши дѣти часто и въ самую лучшую пору жизни своей, и живя въ довольствѣ и изобиліи, пресыщенные благами земными, затрудняются удовольствовать родителей своихъ, доставить имъ покой въ болѣзни и старости. Но вотъ Спаситель, ничего не имѣя, всѣми забытый и оставленный, будучи при послѣднемъ издыханіи, находитъ однакожь средство и спѣшитъ успокоить удрученную скорбію безпріютную Матерь свою. Еслибы наши дѣти чаще взирали на примѣръ Спасителя, на отношенія Его къ своей Матери, никогда и подумать бы не могли не только дѣломъ, даже однимъ словомъ оскорбить своихъ родителей; мало этого,—стали бы жить для счастья и утѣшенія ихъ. Будемъ молить о семъ самого Распятаго на крестѣ Спасителя нашего: Христе Спасителю, пролившій со креста столько любви къ Матери своей, вложи тѣже чувства и въ нашихъ дѣтей.

Но обратимся ко Христу, истевающему и умирающему на крестѣ. Вотъ поразительное зрѣлище! Міръ вещественный какъбы сочувствуетъ страждущему Спасителю. Страдаетъ на крестѣ Господь, Царь вселенной, Создатель видимыхъ и невидимыхъ существъ. Онъ поруганъ, осмѣянъ, обнаженъ, обезображенъ, готовъ духъ свой испустить. Могла ли природа остаться равнодушною къ такому зрѣлищу, при всей видимой безчувственности своей? И она не осталась. И вотъ солнце сокрыло лучи свои, какъбы не желая зрѣть злодѣяній людскихъ, возросшихъ до богоубійства, какъбы сострадая страждущему Творцу своему, какъбы не дерзая свѣтити, при видѣ, какъ духовное Солнце—Источникъ и Податель свѣта Христосъ склоняется къ западу жизни своей. «И солнце померкло и сдѣлалась тьма по всей землѣ и продолжалась до

часа девятаго», говорится въ Евангеліи. Трехчасовая тьма во время, пока висѣлъ на крестѣ Христосъ: что это такое? Не было ли это однимъ изъ явленій естественныхъ, на примѣръ затмѣніемъ? Но сего быть не могло, такъ какъ это было во время полнолунія, т.-е. въ такое время, когда луна не можетъ находиться между землею и солнцемъ, вслѣдствіе чего обыкновенно происходятъ солнечныя затмѣнія. Не произошло ли это отъ того, что небо покрылось тучами? Но мракъ былъ не въ одномъ Іерусалимѣ, даже не въ одной Іудеѣ, а всюду по всей землѣ. Да, мракъ былъ повсемѣстный; всему міру, всему свѣту давалось знать, что въ настоящіе часы совершалось событіе міровое, необычайное, подобнаго которому не было и не будетъ, послѣдствія котораго должны испытать весь міръ — всякая разумная тварь, гдѣ бы она ни находилась. Многие такъ и понимали значеніе этого необычайнаго явленія въ природѣ. Такъ на примѣръ святой Діонисій Ареопагитъ, бывшій въ это время еще язычникомъ, находясь въ Иліополѣ, при видѣ такого безвременнаго и продолжительнаго мрака воскликнулъ: «это или міръ разрушается, или Творецъ міра страдаетъ». Да, правду онъ сказалъ,—Творецъ міра страдалъ за свою тварь, чтобъ возвратить ей потерянное грѣхомъ въ раю,—Творецъ міра страдалъ.—Станемъ у креста и послушаемъ, что чувствовалъ, что говорилъ Спаситель, когда вокругъ Его былъ такой мракъ въ природѣ? «Или, или лима савахвани», то-есть Боже мой, Боже мой, почто Ты Меня оставилъ? Вотъ что взывалъ Онъ. Гдѣ Ты, Который троекратно вслухъ всего міра такъ громко возвѣщалъ о Мнѣ, называя Меня возлюбленнымъ Сыномъ своимъ? Почто не придешь и не облегчишь мои тяжкія страданія? Отъ чего не подашь Мнѣ руку помощи, когда Я такъ теперь нуждаюсь въ ней по человѣчеству своему? Но Ты какъбы скрылся отъ Меня теперь; Тебя въ настоящія минуты какъбы не существуетъ для Меня.—Что можетъ быть тяжелѣе того, какъ въ скорбныя минуты жизни быть оставлену существомъ самымъ близкимъ? Но вотъ Спасителю и это суждено было испытать. Среди самыхъ мучительныхъ

страданій Онъ чувствуетъ Себя оставленнымъ и Кѣмъ же? Отцемъ своимъ небеснымъ. Такъ не оставалось на землѣ скорби, которой бы не испыталъ Устроитель нашего спасенія. И все это за тебя, грѣшникъ, за твой грѣхи, которые теперь тяжкимъ бременемъ лежали на Христѣ. За нихъ теперь Отецъ небесный изливалъ всю ярость гнѣва своего на Сынѣ своемъ, за нихъ оставилъ Его безпомощнымъ въ тяжелыя минуты жизни Его. Намъ ли послѣ этого роптать, что близкіе наши во время скорби нашей часто далеко отъ насъ держать себя? Не роптать нужно, а чаще взирать въ это время на крестъ Христовъ. Ахъ, если Господу угодно посѣтитъ насъ тяжелою скорбію, то не только люди, даже и самъ Онъ можетъ на нѣкоторое время какъ-бы сокрыться отъ насъ, какъ это и было съ нашимъ Спасителемъ. Все это нужно бываетъ по премудрымъ пѣлямъ Его для нашего же блага, чтобы лучше мы чрезъ то почувствовали ничтожество свое, чтобы познали необходимость для насъ немощныхъ силы Божіей, чтобы тѣмъ болѣе возрадовались, когда явится эта помощь. А она непременно явится, ибо «какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь» (Евр. 2, 18).

Но обратимся опять къ нашему Спасителю. Онъ взываетъ къ Отцу небесному, просить помощи. Отецъ не отвѣчаетъ. Что же люди? Сочувствуютъ ли такой безпомощности Его? Нѣтъ, окружающіе распинатели опять продолжаютъ изрыгать однѣ насмѣшки надъ Нимъ. «Онъ Илію зоветъ», говорили они. «Посмотримъ, говорили другіе,—придетъ ли Ілія спасти Его». Такъ дерзко, искажали они слова Его, придавая совершенно другой смыслъ имъ, говоря о Ілии, котораго Спаситель никогда не призывалъ. Но смѣйтесь, войны, дополняйте мѣру страданій Его. Спаситель кроткій, незлобивый, какъ агнецъ, не войдетъ въ споры съ вами. Да и некогда уже было что-либо говорить, — наступали послѣднія минуты жизни Его, — внутренній жаръ палилъ Его, жажда мучила Его. И вотъ Онъ еще изрекаетъ слово со креста: «жажду». Спаситель жаждетъ, Онъ проситъ питія. Какой рѣдкій случай для благодѣтельствованныхъ Имъ воздать хотя теперь,

хотя малымъ за Его великія благодѣнія, за тотъ потокъ ученія, которымъ Онъ утолялъ жажду души! Но гдѣ эти благодѣтельницаванныя Имъ? Пусть они придутъ и дадутъ хотя каплю чистой, свѣжей воды умирающему Учителю и Благодѣтелю своему. Гдѣ вы, прокаженные-исцѣленные, мертвые-воскрешенныя Имъ, грѣшники и мытари, прощенные Имъ? Гдѣ вы, слушатели Его ученія? Придите, Онъ ищетъ васъ, ждетъ васъ, желаетъ видѣть хотя одну іоту благодарности къ Нему за все, что сдѣлалъ Онъ для васъ. Но нѣтъ никого изъ таковыхъ; одни враги вокругъ Его. Не нашлось для Него и единой капли, хотя какой-нибудь, только воды. Тутъ стоялъ сосудъ съ уксусомъ и этимъ-то напиткомъ утолили жажду Его. Воины, «напоивъ уксусомъ губу, говорится въ Евангеліи,—и возложивъ на трость, поднесли къ устамъ Его». Не отвергъ Спаситель такого напитка. Отвѣдалъ уксусу, какъбы желая подать намъ примѣръ быть непрехотливыми въ нищѣ и питіи, отвѣдалъ и сказалъ: «совершилася», то-есть исполнено, сдѣлано Мною все, на что Я пришелъ; цѣль спасенія людей достигнута, всѣ пророчества о Мнѣ сбылись, жертва за грѣхи людей принесена, правосудіе Божіе удовлетворено, всѣмъ людямъ указанъ путь ко спасенію; нѣтъ теперь погибающаго, развѣ только кто самъ не пожелаетъ себѣ спасенія.—Сказавши это, Онъ громкимъ голосомъ возопилъ: «Отче, въ руки твои предаю духъ мой!» преклонилъ голову и испустилъ духъ. Такъ скончалась жизнь драгоцѣннѣйшая изъ жизней; предалъ духъ своему Отцу Тотъ, Кто самъ источалъ жизнь всѣмъ. Но какъ и здѣсь въ умирающемъ не узнать Бога предвѣчнаго, самого Сына Божія? Умираетъ и все-таки Бога называетъ Отцемъ своимъ, какъ и при жизни называлъ Его, умираетъ и въ самой смерти всѣмъ говорить, что отъ Отца ишелъ, ко Отцу и идетъ, со Отцемъ будетъ жить, какъ равный Ему. Утѣшься этимъ, душа христіанская, и чаще припадай къ пострадавшему и умершему за тебя Господу. Тотъ, Который пошелъ ко Отцу, какихъ милостей не можетъ испросить тебѣ у Отца? Но Онъ затѣмъ и пошелъ, чтобы своимъ страданіями, кровію и смертію вѣчно

ходатайствовать предъ Нимъ. Онъ затѣмъ и пошелъ, чтобы разрушить адъ, такъ страшный для тебя, побѣдить смерть и дѣвола—злѣйшихъ враговъ твоихъ, чтобы взойти самому въ рай и потомъ отворить двери въ него и всѣмъ желающимъ взойти туда.

Сладчайшій Иисусе! Когда и наша душа будетъ разлучаться отъ тѣла, прими ее въ объятія свои, какъ Ты духъ свой предалъ въ объятія Отца твоего, да радуемся и мы съ Тобою, какъ Ты послѣ страданій радуешься вмѣстѣ съ Отцемъ своимъ.

Итакъ мы дошли до самой страшной минуты въ мірѣ—до смерти Богочеловѣка. Да, не было въ мірѣ и не будетъ подобнаго умершаго. Умиралъ Творецъ за свою тварь и отъ рукъ своихъ твореній. И какъ умиралъ? Люди умираютъ, показывая предъ смертію полное истощеніе жизни въ себѣ, а Спаситель проявилъ всю полноту ея. Предъ смертію Онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ,—Онъ—изнуренный, измученный и нравственно и тѣлесно. Люди умираютъ и кто обыкновенно сочувствуетъ потерѣ ихъ? Родные, близкіе, знавшіе почему-нибудь ихъ. А здѣсь? Здѣсь вся природа содрогнулась. Мы уже видѣли, какъ солнце сокрыло лучи свои, а теперь по смерти видимъ еще большее: «завѣса въ храмѣ раздралась сверху до низу, земля потряслась, камни разсѣлись, гробы отверзлись», и что еще? «Воскресли многіе святыя, вышли изъ гробовъ, и по воскресеніи Его вошли во святой градъ и явились многимъ». Вотъ какими необычайными знаменіями сопровождалась смерть Спасителя! Неблагодарный народъ іудейскій пребылъ упоренъ, жестокъ, ни при жизни, ни по смерти не проявилъ достойной любви и состраданія къ Нему. Но если люди остались таковыми, за то тронулась тварь безчувственная. Какое униженіе, какой позоръ для челоуѣчества!

Завѣса въ храмѣ раздралась съ верхняго края до нижняго. Какая это завѣса? Это та, которая отдѣляла святилище отъ Святаго святыхъ, то-есть отъ того мѣста, куда могъ входить только одинъ первосвященникъ одинъ разъ въ годъ и то съ кровію животнаго. Эта-то завѣса раздралась теперь надвое. Страшное и

необычайное дѣло! Храмъ стоитъ неподвижно, а завѣса разрывается. Это было отъ Бога знаменіемъ, что чрезъ смерть Христа средостѣніе между небомъ и землею, между Богомъ и людьми, устроенное грѣхомъ, разрушено,—смертію Христа всѣмъ отверсть входъ на небо. Не нужны стали жертвы и служеніе ветхозавѣтныхъ священниковъ, не нуженъ и храмъ ветхозавѣтный, какъ служившіе прообразомъ того, что теперь уже исполнилось.

«Земля потряслась, камни разсѣлись». Слѣды этого землетрясенія остались до сихъ поръ, и ихъ показываютъ путешественникамъ. Кто здѣсь не познаетъ величія и всемогущества умершаго на крестѣ, смертію своею заставляющаго трепетать всю тварь? Кто не познаетъ здѣсь того Господа, Который нѣкогда при Моисеѣ заставлялъ колебаться Синай, Который при Іліи потрясалъ Хоривъ и его скалы?

«Гробы отверзлись, многіе умершіе святые воскресли и явились нѣкоторымъ въ Іерусалимѣ». Кто это были воскресшіе и явившіеся святые? Въ Евангеліи не говорится, но преданіе говоритъ, что это были: Симеонъ Богопріимецъ, два сына его, Захарія отецъ Предтечи и другіе. Безъ сомнѣнія они явились тѣмъ, которые могли увѣровать въ дѣйствительность ихъ явленія, явились на краткое время, не въ чувственномъ тѣлѣ, но въ духообразномъ, явились, какъ провозвѣстники, что у смерти жало ея отнято, что адъ отнынѣ не силенъ держать мертвецевъ своихъ, что діаволь потерялъ власть надъ людьми.

Взятія вмѣстѣ, всѣ эти страшныя знаменія для богоубійственнаго народа іудейскаго служили предвѣстіемъ гнѣва Божія, грядущаго на него въ скоромъ будущемъ, и были послѣднимъ призывомъ къ покаянію.—Но тронули ли кого-нибудь эти знаменія, послѣдовавшія за смертію Христовою? Тронулся и увѣровалъ во Христа сотникъ и бывшіе съ нимъ при крестѣ. «Видѣвъ же сотникъ, стоящій напротивъ Него, происходившее, что Онъ послѣ такого вопля испустилъ духъ сказалъ: истинно человекъ сей—Сынъ былъ Божій». И не только сотникъ, говорится у другаго евангелиста,—но и съ нимъ стрегущіи Іисуса, увидѣвъ землетрясеніе и все бывшее

устрашились весьма и говорили: истинно Божій Сынъ былъ Сей». Въ Евангеліи говорится, что и простой народъ изъ іудеевъ, видя происходившее, возвращался, бѣя себя въ грудь. Но всего поразительнѣе поведеніе сотника. Кто былъ этотъ сотникъ? Это былъ язычникъ, начальникъ надъ сотнею римскихъ воиновъ, сторожившихъ Христа, висѣвшаго на крестѣ. Преданіе называетъ его Логгиномъ; въ послѣдствіи онъ принялъ святое крещеніе, былъ епископомъ и мученически скончалъ свою жизнь. Такъ скоро начало сбываться пророчество Христа о язычникахъ. Въ одной притчѣ Онъ училъ, что сыны царствія, то-есть іудеи будутъ изгнаны во тьму кромѣшную, а на мѣсто ихъ придутъ народы отъ востока и запада и возлягутъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи ихъ,—и вотъ сказанное въ этой притчѣ сбывается. Жена хананейка, капернаумскій сотникъ, у котораго Христосъ исцѣлилъ слугу, и сотникъ, стоявшій при крестѣ—всѣ эти, увѣровавшіе во Христа язычники были начатками сей новой Церкви, въ которую должны взойти всѣ, познавшіе Христа, къ какому бы мѣсту, времени и народу ни принадлежали. Какъ при этомъ не воздать благодаренія Господу намъ Россіянамъ? Наши предки были тоже язычники. И вотъ Господь по своему милосердію и насъ призвалъ въ свое царство, какъ и другихъ. Дорожи, христіанинъ этимъ счастіемъ, и пользуйся имъ къ своему спасенію. Это счастье—знать Христа, служить Ему, да еще служить, принадлежа къ Церкви православной—это счастье выше всѣхъ земныхъ благъ, за которыми ты такъ часто и такъ усердно гоняешься.

Но обратимся ко кресту. Мы видимъ у креста только чужихъ. Гдѣ же близкіе Господа? И ихъ было нѣсколько. Только все это были женщины. Въ Евангеліи говорится, что у креста Христова, кромѣ Богоматери, стояли многія женщины, слѣдовавшія за Іисусомъ и припедшія съ Нимъ изъ Галилеи, какъ-то: Марія Магдалина, Марія мать Іакова меньшаго и Іоси, и мать сыновъ Заведеевыхъ Соломія и другія нѣкоторыя. Вотъ истинные неизмѣнные друзья Христовы—

вѣрующія женщины! Какъ не подивиться ихъ мужеству! Какъ не утѣшиться ихъ любовію ко Христу! Ни на минуту не оставляли Христа при жизни, присутствуютъ и при страданіяхъ Его, не отходятъ отъ креста и по смерти. Всѣ разошлись, а онѣ тутъ. Но чего ждуть эти преданныя Христу души? Имъ хочется облить слезами тѣло дорогаго Учителя своего. Онѣ стоятъ какъбы на стражѣ Его, какъбы ожидая, не придетъ ли какой сердобольный челоувѣкъ и не похоронитъ ли съ честію, подобающе Ему?—Придетъ, благочестивыя жены, придетъ,—но теперь пока еще власть враговъ Его. «Понеже пятокъ бѣ, да не остануть тѣлеса въ субботу, просиша Пилата, да пребіють голени». Да, еще не все кончено для Христа. Враги Его хотѣли было новыя муки причинить Ему. По случаю наступающаго великаго праздника, они, для ускоренія смерти распятыхъ, испросили у Пилата позволеніе перебить голени у нихъ, въ томъ числѣ и у Иисуса. Но Промыслъ не допустилъ сего новаго наругательства. Воины нашли Христа уже умершимъ, и тѣло Его оставили не сокрушеннымъ. Въмѣсто же этого одинъ изъ нихъ пронзилъ Иисуса Христа кошемъ въ бокъ, и вдругъ изъ прободеннаго ребра истекла кровь и вода. Вотъ тѣмъ закончилась злоба враговъ надъ Иисусомъ Христомъ. Но думали ли они, что они исполняли то, что давно предсказано о Немъ? Вотъ и здѣсь исполнились о Христѣ два пророчества: «Кость не сокрушится отъ него», и другое пророчество: «Будутъ взирать на Того, Кого пронзили». Такъ потекли съ Голгофы источники вѣчной жизни; девятнадцать вѣковъ текутъ потоки этой жизни и будутъ течь до втораго пришествія Христова. Желаящіе вѣчнаго счастья себѣ будутъ приходить и пить эту кровь растворенную водою; не желающіе же ея, а думающіе отыскать себѣ счастья на землѣ помимо распятаго Господа, будутъ вмѣстѣ съ іудеями снова распинать Его и снова пронзать для полученія себѣ вѣчнаго рсужденія. «И воззрятъ на-Нь, Егоже прободоша». Во второе пришествіе Его увидятъ Того, Кого они здѣсь отвергались, отдалялись, Кого оскорбляли своими сомнѣніями, невѣріемъ, коснѣніемъ во грѣ-

хахъ, нераскаянностію, привязанностію къ чувственнымъ удовольствіямъ и земнымъ благамъ, — и горе будетъ имъ!—Въ числѣ какихъ-то окажемся мы во второе пришествіе Христова? въ числѣ близкихъ — друзей Его, или въ числѣ измѣнившихъ Ему? О, не дай Богъ никому быть отверженнымъ отъ лица Его.

Докончимъ сказаніе о нашемъ дражайшемъ Спасителѣ. Тѣло Его еще виситъ на крестѣ; около Него сотникъ, едва только увѣровавшій, вдали нѣсколько робкихъ женщинъ, — учениковъ нѣтъ, всѣ разбѣжались страха ради іудейскаго и нельзя было не страшиться злобы враговъ. Но вотъ подходятъ къ этому драгоцѣнному тѣлу два мужа: нѣкто Іосифъ — благообразный совѣтникъ и Никодимъ, потаенный ученикъ Іисуса Христа, оба члены синадріона, оба преданные Христу, глубоко уважавшіе Его, искренно любившіе Его, но страха ради скрывавшіе до сего времени эту любовь. Съ дозволенія Пилата сняли они благоговѣнно тѣло Христово со креста, намазали дорогими, душистыми мазями, обвили чистымъ, дорогимъ полотномъ, и погребли въ саду, который былъ близъ сего мѣста — въ новомъ гробѣ, въ которомъ еще никто не былъ погребенъ, и который Іосифъ приготовилъ было для себя. Никодимъ былъ человѣкъ очень богатый и душистыхъ мазей, порошковъ ароматическихъ, благовонныхъ жидкостей принесъ литръ сто, то-есть около пуда. Такъ вся гробовая пещера была усыпана и облита ароматическими веществами. Таково усердіе! Такова любовь! Кто можетъ указать имъ мѣру, границу? Какъ бы за то, что не могли ничего сдѣлать Христу при жизни, они съ избыткомъ дѣлаютъ и восполняютъ то по смерти. Къ пещерѣ привалили камень и ушли. Былъ вечеръ великой пятницы — канунъ великаго праздника еврейскаго — пасхальной субботы. Водворилась тишина. Но вотъ и утро — праздникъ. Опять тотъ же покой. Только не спокойны были враги Христовы. Ихъ тревожило пророчество Христа о своемъ тридневномъ воскресеніи. Неразумные! они думали помѣшать ему. И вотъ отправляются къ Пилату и просятъ у него поставить стражу до третьяго дня.

«Господинъ, мы вспомнили, что обманщикъ тотъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней воскресну. Итакъ, прикажи охранять гробъ Его до третьяго дни, чтобы ученики, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскресъ изъ мертвыхъ. И будетъ послѣдній обманъ хуже перваго». Является у гроба Христова стража, — ко гробу приложена печать.

Итакъ Спаситель во гробѣ. Его окружаетъ стража. Повергнемся предъ Его уничиженіемъ насъ ради, обольемъ мысленно слезами и тѣло, и гробъ Его, восплачемъ о грѣхахъ своихъ, которые заключили Спасителя во гробъ и въ слезахъ и покаяніи будемъ ждать радостнаго свѣтлаго Его воскресенія.

Свящ. П. Шумовъ.

ДРЕВНІЕ МОНАСТЫРИ И ПУСТЫНИ

СИРИИ, МЕСОПОТАМИИ И ПЕРСИИ,

и подвижники благочестія, въ нихъ процвѣтавшіе.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

ОКРЕСТНЫЕ АНТІОХІЙСКІЕ МОНАСТЫРИ (ПРОДОЛЖЕНІЕ).

М а н д р а.

Изъ горъ, окружающихъ Антіохію съ южной стороны, выдается по высотѣ одна, лежащая отъ нея въ пяти съ половиною верстахъ, съ большимъ отлогимъ склономъ; склонъ этотъ простирается версты на три. На этой горѣ въ первой половинѣ V вѣка по Р. X. возникла обитель, коей суждено было прославиться на весь христіанскій міръ, стать въ ряду первыхъ сирійскихъ обителей и принимать значительное участіе въ событіяхъ Христовой Церкви. Обитель эта—*Мандра* а). Она расположена была по склону горы; самая же вершина горы представляла открытую площадь, на которой въ самой серединѣ возвышался въ сорокъ локтей высоты столпъ—мѣсто подвиговъ перваго столпника св. Симеона, бывшій предметомъ удивленія и почитанія и современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Здѣсь же, на этой площади, съ боку столпа

а) *Мандра*—слово греческое и означаетъ *овчарню*. Этимъ именемъ окрестные поселяне называли и гору, на которой подвизался преподобный Симеонъ, и основавшуюся при ней обитель. Поэтому этимъ словомъ стали называть каждый монастырь. Отсюда произошло названіе *архимандритовъ*, т.-е. начальниковъ мандръ или монастырей.

стоялъ величественный храмъ, построенный въ видѣ креста; храмъ со всѣхъ сторонъ окружали портики, поддерживавшіеся красивыми, изъ полированного камня сложенными колоннами. Все пространство вокругъ столпа въ послѣдствіи, когда стали стекаться сюда поклонники и богомольцы, было приведено въ благоустроенный видъ и представляло открытый дворъ, на которомъ могли останавливаться посѣтители даже съ вьючными животными. Такъ описываетъ мѣсто подвиговъ св. Симеона Столпника церковный историкъ Евагрій (Церк. ист., гл. 14), посѣтившій Мандру нѣсколько разъ въ дни памяти великаго подвижника. Монастырь Мандра возникъ еще при жизни св. Симеона: преп. Даниилъ, еракійскій столпникъ, прибывшій въ Мандру видѣть необычнаго подвижника и побесѣдовать съ нимъ, цѣлый мѣсяцъ живетъ въ обители, находившейся внизу подъ горою, на которой стоялъ на столпѣ Симеонъ. Великому антиохійскому подвижнику монастырь Мандра обязанъ и славою и значеніемъ своимъ въ христіанской Церкви. Ему покровительствовали греческіе императоры и правители Востока, дѣлая въ него значительные вклады. Въ дни памяти св. Симеона изъ Антиохіи и окрестныхъ селеній во множествѣ стекался народъ для прославленія великаго угодника Божія: изъ величественнаго храма открывался тогда торжественный крестный ходъ, направляясь къ столпу св. Симеона, и обходилъ его нѣсколько разъ при пѣніи священныхъ пѣсней. Изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ направлялись въ Мандру благочестивые люди, чтобы видѣть дивное мѣсто необычныхъ подвиговъ перваго христіанскаго Столпника и ощутить въ себѣ силу Божіей благодати, обильно дѣйствовавшей въ св. мужѣ во время его жизни и не оставившей этого мѣста и по отшествіи его на небо. Евагрій говоритъ въ своей исторіи, что въ праздники св. Симеона происходило въ Мандрѣ необычное явленіе, при видѣ коего всѣ ощущали и священный трепеть, и сердечную радость: съ лѣвой стороны столпа, во время самаго крестнаго хода, въ отверстіи портика показывалась свѣтлая звѣзда; она разбѣгалась и ярко блистала по всему пространству отверстія,

и то вдругъ исчезнетъ, то неожиданно опять появится, «и я видѣлъ ее, утверждаетъ Евагрій, не однажды, не дважды, не трижды, а многократно... Нѣкоторые, прибавляетъ историкъ, люди достойные всей вѣры, видали въ отверстіи же портика и самый-ликъ св. Симеона, и длинную его бороду и голову, по обычаю покрытую тиарою». Это было спустя полтора ста лѣтъ по кончинѣ великаго подвижника, т.-е. въ концѣ VI в. О дальнѣйшемъ существованіи Мандры историческія свѣдѣнія скудны; видно только, что эта славная обитель, несмотря на всѣ ужасы фанатическихъ читателей Магомета, на ряду съ другими знаменитыми сирійскими обителями, существовала и въ слѣдующіе вѣка; но какъ долго существовала, положительно сказать не можемъ по недостатку историческихъ указаній.

Исторія не сохранила именъ славныхъ подвижниковъ обители преп. Симеона Столпника; извѣстна только въ подробности жизнь основателя ея св. *Симеона*, да имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о двухъ его ученикахъ, инокахъ обители: это были *Антоній* и *Косма*.

Преп. Симеонъ Столпникъ. «Великаго Симеона, это великое чудо вселенной, знаютъ всѣ подвластные римской державѣ; знаютъ и персы, и мидяне, и еіюпы; распространившаяся молва о его трудолюбіи и любомудріи долетѣла даже до скифовъ и номадовъ. Но я, и имѣя свидѣтелемъ, какъ говорится, цѣлый міръ, который подтвердитъ мое слово о подвигахъ святаго, боюсь, однако, чтобы это мое повѣствованіе не показалось потомкамъ невѣроятнымъ и чуждымъ истины. Ибо то, что было съ Симеономъ, выше человѣческой природы».

Такъ начинается описаніе жизни и подвиговъ преп. Симеона Столпника въ своей Исторіи Боголюбцевъ блаж. Θεодоритъ, архіепископъ Кирскій ⁶⁾. И дѣйствительно, преп. *Симеонъ первый Столпникъ*, былъ величайшій подвижникъ христіанской Церкви. Подвиги, которые онъ совершалъ, необы-

6) Исторія Боголюбцевъ, или повѣствованіе о святыхъ подвижникахъ. Перев. съ греч. 1853 г. Спб., стр. 198—199.

чайны и кажутся невозможными для человѣка, превышающими силы человѣческой природы, и однакоже были дѣйствительно имъ совершены, какъ удостовѣряють въ этомъ достойные всей нашей вѣры современники преп. Симеона: Антоній, ученикъ его, много лѣтъ и неотлучно до самой кончины его находившійся при немъ, Θεодоритъ, архіепископъ Кирскій, Евагрій, церковный историкъ и другіе. На немъ во всей силѣ исполнились слова Господни: «сила Моя въ немощи совершается» в).

Преп. Симеонъ родился въ Малой Азіи, въ Киликійской веси Сисанъ, отъ христіанскихъ родителей Сусотіона и Марѣ. Время его рожденія можно отнести къ 356 или 357 году г). Простые, но благочестивые родители воспитали его въ истинной вѣрѣ и благочестіи. Рано Симеонъ сталъ помогать родителямъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ: ему они поручили пасти овецъ. Природа своими разнообразными явленіями вызвала его дѣтскій умъ къ наблюдательности и размышленію, а богобоязненная жизнь родителей, посѣщеніе съ ними сосѣднихъ иноческихъ обителей, рассказы ихъ о подвижникахъ, необыкновенными трудами старавшихся благоугождать Богу, развили въ немъ глубокую религіозность. Подобно Антонію Великому и Симеонъ не учился наукамъ и вовсе не зналъ грамоты. Какъ предъизбранный сосудъ божественной благодати, онъ еще въ юныхъ лѣтахъ призванъ былъ Богомъ на путь подвижнической жизни. Ему было 13 лѣтъ, когда совершилось призваніе его къ подвижничеству. Разъ зимою,

в) Свѣдѣнія о жизни св. Симеона заимствованы: а) изъ Исторіи Боголюбцевъ Θεодорита Кирскаго. 26; б) изъ Церк. ист. Евагрія, кн. I, гл. 13. 14; кн. 2, гл. 10; в) Четь-Мин. 1 сентября.

г) Годъ рожденія пр. Симеона не указанъ никѣмъ изъ его жизнеописателей. На томъ основаніи, что преп. Симеонъ при антиохійскомъ архіепископѣ Мелетіи (361—381 г.) подвизался уже на Мандрѣ, 12 лѣтъ провелъ до Мандры въ Киликійскихъ обителяхъ по свидѣтельству Θεодорита, 13-ти лѣтъ вступилъ на путь подвижничества, скончался же въ 459 году, нужно годъ его рожденія отнести къ 356 или 357 году, и всей жизни его положить болѣе 100 лѣтъ. Св. Димитрій Ростов. полагаетъ, что онъ скончался 103-хъ лѣтъ.

когда по случаю большого снѣга овцы не были выгнаны на пастбище, Симеонъ съ родителями отправился въ храмъ. Тамъ онъ услышалъ евангельское чтеніе, въ которомъ восхвалялись нищіе и плачущіе; смѣющіеся назывались несчастными, а кроткіе, имѣющіе чистое сердце, гонимые за правду—блаженными. Глубоко поразили юношу слова Евангелія. «Что это значитъ?» спросилъ онъ одного почтеннаго старца, около него стоявшаго. Съ любовію старецъ объяснилъ юношѣ смыслъ евангельскихъ словъ и раскрылъ ему понятіе о духовной нищетѣ, о плачѣ, доставляющемъ радость и утѣшеніе, о внутренней чистотѣ, дающей возможность видѣть сердцемъ Бога. «Гдѣ и какъ можно приобрѣсти эти качества?» съ новымъ вопросомъ обратился къ старцу юноша. Старецъ указалъ ему на путь подвижнической жизни. «Ты мнѣ отецъ и мать!» воскликнулъ въ порывѣ радости Симеонъ;—ты мой учитель; ты вождь моего спасенія!» Въ сердцѣ Симеона зажегся сильный пламень любви къ Богу. Оставивъ храмъ и своихъ родителей, юноша нашелъ уединенное мѣсто, гдѣ палъ на колѣни и со слезами просилъ Господа наставить его на путь спасенія и благоугожденія Ему, Творцу всяческихъ. Долго онъ молился. Утомившись отъ молитвы, онъ заснулъ и увидѣлъ сонъ, будто кто-то приказалъ ему рыть основаніе для дома: онъ роетъ и чрезъ нѣсколько времени прекращаетъ работу; приказаніе снова рыть повторяется до четырехъ разъ; наконецъ голосъ говоритъ: «довольно, глубина уже достаточна; на этомъ основаніи продолжай строить и трудиться; безъ труда ничего не успѣешь». Симеонъ пробудился. Уразумѣвъ изъ сновидѣнія Божіе призваніе къ подвижничеству, онъ, не заходя домой, прямо направился въ одинъ изъ окрестныхъ монастырей. Не вдругъ, однакоже, Симеонъ принятъ былъ въ иноческую обитель. Антоній, ученикъ его, говоритъ, что блаженный юноша семь дней долженъ былъ пребыть предъ вратами св. обители, безъ пищи и на открытомъ воздухѣ: настоятель испытывалъ искренность, его стремленія къ подвижничеству, хотѣлъ увѣриться въ твердой рѣшимости его идти труднымъ иноческимъ путемъ. Только на осьмой день Симеонъ при-

нять былъ въ обитель. Такъ строги были въ тѣ времена аскетическія правила! Два года искали своего сына Сусотіонъ и Марѳа, много тосковали о немъ и плакали, а отецъ даже и умеръ съ печали по немъ, говоритъ Антоній.

Положивъ первыя начала подвижничества въ Килликійской обители, Симеонъ чрезъ два года удалился въ обитель Евсевона и Авивіона, находившуюся между Беріею и Антиохіею. Ему было въ то время 16 лѣтъ. Десять лѣтъ провелъ юный подвижникъ въ этой обители, въ величайшихъ подвигахъ самоотверженія и злостраданія. Иноки обители принимали пищу каждый день вечеромъ, нѣкоторые чрезъ день, а Симеонъ цѣлую недѣлю пребывалъ безъ пищи. Не довольствуясь этимъ, онъ сдѣлалъ изъ суровыхъ финиковыхъ вѣтвей, коихъ и руками нельзя было безъ боли касаться, веревку, опоясалъ ею свои чресла, наложивъ прямо на тѣло и перетянулся ею такъ туго, что вся поясница кругомъ была изранена. Разболѣлось тѣло,—образовались на немъ большія раны, изъ коихъ стала течь кровь и распространялся дурной запахъ. Настоятель обители Илюдоръ, самъ великій подвижникъ, и братія, соревновавшіе ему въ аскетическихъ трудахъ, сильно поражены были, когда подъ окровавленной власяницею, которую носилъ юный подвижникъ, увидали глубоко вѣвшуюся въ тѣло его веревку и взглянули на гнойныя раны. Объяснивъ Симеону все неразуміе и несвоевременность его поступка, настоятель убѣждалъ его снять веревку. «Нѣтъ пользы дѣлать, что сверхъ силъ, вразумлялъ онъ Симеона: ученикъ не выше учителя; довольно съ него, если онъ будетъ подобенъ учителю». Но юный подвижникъ ни за что не соглашался снять съ себя веревки, и когда, по распоряженію настоятеля, стали снимать ее насильно, противъ его воли, добровольный страдалецъ умолялъ не дѣлать этого и только повторялъ: «оставьте, святые отцы, оставьте: я достоинъ этого по моимъ грѣхамъ!»—«Какіе у тебя грѣхи, возражалъ настоятель,—когда тебѣ нѣтъ и осьмнадцати лѣтъ!»—«Ей, отче, смиренно отвѣчалъ Симеонъ,—пророкъ говоритъ: *вотъ я въ беззаконіяхъ зачатъ и въ грѣхахъ родила меня мать моя*». Раны

были залечены; но юный подвижникъ, возлюбившій Господа больше всего на свѣтѣ и изъ любви къ Нему готовый на всѣ возможныя мученія и злостраданія, продолжалъ по прежнему удручать и изнурять свое тѣло. Тогда настоятель и братія, боясь, чтобы Симеонъ, юный тѣломъ, не возбудилъ подвигомъ своимъ другихъ, слабѣйшихъ силами, къ соревнованію и не сдѣлался такимъ образомъ виновникомъ ихъ смерти, удалили его изъ обители. Предавшись въ волю Божию, онъ отошелъ въ самыя пустынные мѣста и поселился на днѣ глубокаго безводнаго озера, проводя время въ псалмопѣніи и славословіи Бога. Черезъ нѣсколько времени настоятелю обители было во снѣ видѣніе, будто монастырь окружило много народу съ оружіемъ и свѣчами; раздавались голоса: «гдѣ рабъ Божій Симеонъ? Покажите намъ его. Если же не покажете, то сождемъ васъ и съ монастыремъ, ибо онъ больше васъ: онъ любезенъ Богу и ангеламъ, и Господь имѣетъ совершить черезъ него на землѣ много чудесъ». Настоятель и братія, уstraшенные этимъ сновидѣніемъ, отправились искать Симеона и, нашедши его послѣ долгихъ поисковъ на днѣ озера, убѣждали его выйти оттуда и возвратиться въ обитель. «Оставьте меня на нѣсколько времени, святые отцы, умолялъ великій подвижникъ,—чтобы предать духъ мой Господу. Изнемогла душа моя, ибо я прогнѣвалъ Господа». Настоятель и братія не оставили его въ мрачномъ убѣжищѣ, а противъ воли извлекли оттуда и привели въ обитель. Но дивный подвижникъ, водимый Промысломъ, оставилъ тайно обитель и удалился для новыхъ, высшихъ подвиговъ, въ окрестности Антиохіи.

Въ пяти съ половиною верстахъ отъ Антиохіи, къ югу, находилось большое селеніе Теланисса; оно расположено при подошвѣ высокой горы. Въ это-то селеніе и прибылъ изъ Киликіи преп. Симеонъ и, нашедши пустую хижину при самой подошвѣ горы, въ ней поселился. Въ это время ему было около 25 лѣтъ. Ревнуя о высшихъ подвигахъ, Симеонъ пожелалъ, подобно великимъ ветхозавѣтнымъ мужамъ Моисею и Или, провести сорокъ дней безъ пищи, и дѣйствительно

совершилъ этотъ, чрезвычайный для природы человѣческой, подвигъ. Съ удивленіемъ и любовію къ рабу Божию описываетъ это событіе въ жизни св. Симеона бл. Теодоритъ. «Онъ (Симеонъ) просилъ дивнаго Вассона, который, какъ предстоятель, обходилъ жилища пустынниковъ, чтобы послѣдній, ничего не оставляя внутри его келліи, заградилъ дверь ея. Когда же Вассонъ представлялъ трудъ такого подвига и убѣждалъ не считать насильственной смерти добродѣтелию (такъ какъ это есть величайшее и первое преступленіе), Симеонъ сказалъ: «такъ положи мнѣ, отче десять хлѣбовъ и сосудъ воды, и я если увижу, что тѣло имѣеть нужду въ пищѣ, возьму отсюда». Тотъ сдѣлалъ, какъ онъ просилъ, отложилъ то и завалилъ дверь камнемъ. По исполненіи сорока дней пришелъ дивный Вассонъ, отвалилъ отъ двери камень, взошелъ внутрь и нашелъ хлѣбъ цѣлымъ и сосудъ воды нетронутымъ, а блаженнаго Симеона лежащимъ на землѣ, какъбы мертвымъ, не могущимъ ни говорить, ни двигаться. Почему, взявъ губку, настоятель намочилъ и обмылъ ею уста лежавшаго и вложилъ въ нихъ божественныя тайны. Укрѣпленный такимъ образомъ, блаженный всталъ, принялъ нѣсколько пищи—салата и цикорія, вкушая понемногу. Вассонъ чрезвычайно былъ изумленъ, и пришедъ къ своей паствѣ, рассказалъ объ этомъ великомъ чудѣ. Съ того времени, заключаетъ свой рассказъ о необыкновенномъ подвигѣ Симеона бл. Теодоритъ,—вотъ уже двадцать восемь лѣтъ онъ ежегодно въ св. Четырдесятницу постится подобнымъ же образомъ» д). Но дивный подвижникъ до конца своей жизни такимъ же образомъ проводилъ ежегодно Великій постъ.

Проживъ три года при подошвѣ горы, преп. Симеонъ поднялся на самую вершину и поселился здѣсь навсегда, приказавъ окружить себя довольно высокою стѣною. Открылись новые необыкновенные подвиги. Чтобы не выходить никогда изъ-за стѣны, подвижникъ взялъ желѣзную цѣпь въ 20 локтей длиною и одинъ конецъ ея приковалъ къ большому кам-

д) Ист. Боголюбц., стр. 202—203.

ню, а другой прикрѣпилъ къ своей ногѣ, и въ такомъ положеніи сталъ проводить день и ночь, не прерывая устремлять взоръ къ небу, а умомъ созерцая то, что выше небесъ. Услышалъ объ этомъ подвигѣ Симеона патріархъ антиохійскій Мелетій е), и пожелалъ видѣть чуднаго подвижника. Прибывъ въ Теланиссу и взглянувъ на труженика Христова, онъ, самъ высокій подвижникъ, изумился его необыкновенному подвигу и преподалъ ему святительское благословеніе; но чтобы еще болѣе возвысить этотъ подвигъ Симеона, патріархъ убѣждалъ его снять съ ноги оковы. «Человѣкъ можетъ, сказалъ патріархъ, — владѣть собою и безъ оковъ, можетъ связывать себя и привязывать къ одному мѣсту своимъ разумомъ и волею». Принялъ совѣтъ Мелетія преп. Симеонъ и, призвавъ кузнеца, велѣлъ снять съ своей ноги цѣпь: воля и разумъ стали теперь для него оковами, и такимъ образомъ онъ сдѣлался самопроизвольнымъ узникомъ Христовымъ. Долго подвизался такимъ образомъ Симеонъ, не выходя изъ-за стѣны и оставаясь все на одномъ мѣстѣ, когда обстоятельства расположили его избрать новый, еще болѣе необычайный подвигъ.

Высокой степени нравственнаго совершенства достигъ теперь преп. Симеонъ; великихъ даровъ благодати сподобился онъ отъ Господа. Быстро разнеслась о немъ повсюду слава, и вотъ не только изъ ближнихъ мѣстъ, но и изъ отдаленныхъ странъ спѣшати въ Теланиссу къ великому подвижнику люди съ своими нуждами—одни для исцѣленія отъ болѣзни, другіе для утѣшенія въ скорби, иные для испрошенія чадородія, въ которомъ отказала имъ природа. И рабъ Божій отъ полноты обитавшей и дѣйствовавшей въ немъ благодатной силы подавалъ всѣмъ потребное. Многіе считали достаточнымъ прикоснуться къ нему, получить отъ него благословеніе и хотя какую-нибудь частичку кожаной его одежды. Когда же исцѣлялъ кого угодникъ Божій или подавалъ кому

е) Мелетій святительствовалъ въ Антиохіи съ 361 по 381 г. съ промежутками.

какой даръ, то строго наказываль относить эту милость къ Богу, источнику щедротъ и всякихъ милостей, Господу вѣдавать за нее благодареніе, а не приписывать ему, ничтожному рабу Всевышняго. «Прославляй Бога, исцѣлившаго тебя, внушалъ онъ обыкновенно исцѣленному,—и никакъ не смѣй говорить, что Симеонъ тебя исцѣлилъ; Боже тебя сохрани сказать это, чтобы не случилось съ тобою чего еще хуже». Обильно изливались отъ Господа ради великаго угодника Его милости на всѣхъ, приходившихъ въ Теланиссу; но самъ подвижникъ крайне тяготился своимъ положеніемъ: по глубокому смиренію онъ считаль себя недостойнымъ той славы, какою пользовался; съ другой стороны, стеченіе народа нарушало его внутренній миръ и богомысліе. И вотъ онъ изобрѣтаетъ новый родъ подвижничества: становится на столпъ и на немъ подвизается, отрѣщенный отъ земли и людей, возвышаясь духомъ къ небу, и подвизается, день и ночь проводя подъ открытымъ небомъ, подвергаясь вліянію воздушныхъ перемѣнъ, «мочимый дождемъ, жегомый зноемъ и померзая зимою», но еще большею распаяясь къ Богу любовію.

Изумленіемъ поражены были современники, когда распространилась молва о новомъ родѣ подвиговъ антиохійскаго подвижника: міръ языческій и христіанскій не видѣль дотогъ ничего подобнаго. Стоять непрерывно и не сходя со столпа, стоять подъ открытымъ небомъ, подвергаясь всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ, переноса и лѣтній жаръ и зимній холодъ,—о, это было для всѣхъ странно и необычайно, это казалось выше силъ человѣка. И вотъ одни не вѣрили слуху о столпѣ, на коемъ и день и ночь стоитъ антиохійскій подвижникъ; другіе порицали новый подвигъ, который началъ совершать Симеонъ; иные спѣшили въ Теланиссу, чтобы взглянуть на великаго подвижника и своими глазами убѣдиться въ справедливости слуха, такъ поразившаго всѣхъ. Сами подвижники не знали, что думать о новомъ родѣ подвижничества. Услышавъ о стояніи на столпѣ, какъ пути къ духовному совершенству, египетскіе отцы пустынники пожелали увѣриться, законенъ ли этотъ путь, отъ Бога ли онъ. Изъ глубины пустыни послали

они въ Антиохію брата и велѣли сказать Симеону: «почему ты не идешь отеческимъ путемъ, но выдумалъ нѣкій новый путь? Сойди со столпа и послѣдуй житію пустынниковъ, иди святыми мужаи проходимымъ путемъ». Посланному брату отцы заповѣдали позволить Симеону подвизаться своимъ образомъ и идти избраннымъ путемъ, если онъ покажетъ готовность сойти со столпа, ибо послушаніе его было бы знакомъ того, что новый путь отъ Бога; если же станетъ упорствовать и не послушается заповѣди отцовъ, совлечь его насильно. Лишь только посланный братъ объявилъ великому подвижнику повелѣніе св. отцевъ, онъ тотчасъ спустилъ ногу на лѣстницу, чтобы сойти внизъ. Тогда братъ сказалъ: «не сходи, святой отче, но пребывай, какъ началъ: стояніе твое отъ Бога» ж). И продолжалъ подвизаться преп. Симеонъ на столпѣ, и подвизался на немъ до самой своей блаженной кончины сорокъ с лишкомъ лѣтъ! На столпъ взошелъ онъ около 415 года по Р. Х.

Отрѣшаваясь болѣе и болѣе отъ земной суеты и возвышаясь духомъ къ горнему, преп. Симеонъ переходилъ съ столпа на столпъ, постепенно увеличивая высоту столповъ: первый столпъ былъ высотой въ шесть локтей, потомъ были устроены столпы въ двѣнадцать, двадцать четыре и тридцать шесть локтей. На сороколоктевомъ столпѣ подвижникъ стоялъ 50 лѣтъ. Чтобы укрыться отъ людей и не быть никѣмъ видимому, преп. Симеонъ приказалъ окружить себя второю стѣною, при чемъ была увеличена также и высота столповъ.

Великъ и необычаенъ подвигъ стоянія на столпѣ, избранный и совершенный преп. Симеономъ! Но не одинъ онъ поражаетъ и изумляетъ въ великомъ антиохійскомъ подвижникѣ: съ нимъ соединялъ и въ тоже время совершалъ преп. Симеонъ и другіе подвиги, столько же изумляющіе и поражающіе, каковы: молитва, постъ, злостраданіе и терпѣніе. Всѣ помыслы ума, всѣ порывы сердца подвижника Христова были постоянно обращены къ Богу, коего столь пламенно возлюбила

ж) Церк. ист. Евагрія, Спб. 1853 г., стр. 32—33.

его душа,—и онъ молился непрестанно. Молился онъ, то оставаясь долго безъ всякаго движенія и съ распростертыми руками, то творя поклоны. Поклоны совершалъ онъ и въ поясъ, и падая на землю, большею же частію наклонялся до земли, сгибаясь такъ, что лобъ его касался пальцевъ ногъ. «Принимая пищу однажды въ недѣлю, и то понемногу, говорить бл. Теодоритъ, чрево его даетъ возможность спинѣ легко наклоняться». И такіе поклоны его были безчисленны. Бл. Теодоритъ свидѣтельствуесть, что поклоны великаго старца многіе изъ приходящихъ считали, и однажды одинъ изъ бывшихъ тамъ насчиталъ ихъ тысячу двѣсти сорокъ четыре, но потомъ утомился и прекратилъ счетъ ³⁾. Въ праздниѣ подвижниѣ обыкновенно всю ночь, съ заката солнца и до восхода, стоялъ неподвижно съ воздѣтыми къ небу руками. Необычайный былъ и постъ преп. Симеона. Пищу его составляли овощи (моченое сочиво), которые онъ принималъ разъ въ недѣлю и то въ самомъ маломъ количествѣ, питье—вода. Великую же Четыредесятницу всю обыкновенно проводилъ онъ безъ пищи. Бл. Теодоритъ передаетъ, какъ онъ совершалъ этотъ, превышающій природу человѣческую, подвигъ, справедливо признавая, что только божественная благодать помогала ему оставаться безъ пищи сорокъ дней. «Первые дни, говоритъ святитель кирскій, обыкновенно онъ проводилъ въ стояніи и псалмопѣніи, потомъ, когда тѣло по причинѣ голода не могло болѣе переносить стоянія, сидя совершалъ служеніе Богу, а въ послѣдніе дни даже ложился. Истощая и истрачивая мало-по-малу силу, онъ принужденъ бывалъ прилечь и лежалъ иногда какъбы мертвый. Послѣ же того, какъ сталъ на столпъ и рѣшилъ уже не сходить съ него, придумалъ особый родъ стоянія. Прикрѣпивъ къ столпу перекладину и потомъ привязавъ себя къ этой перекладинѣ, старецъ такимъ образомъ проводилъ сорокъ дней. Въ послѣдствіи, получивъ свыше бѣольшую благодать, которою, впрочемъ, пользовался и доселѣ, онъ стоялъ сорокъ дней невку-

3) Ист. Боголюбц. стр. 216.

шая пищи, но подкрѣпляемый ревностію и божественною благодатію»^{и)}. Что же сказать о великомъ злостраданіи и терпѣннн преп. Симеона? О! въ этомъ онъ уподоблялся ветхозавѣтному страдальцу Іову. Отъ непрерывнаго стоянія ноги преп. Симеона, оставаясь безъ движенія, постоянно были опухшія; на нихъ образовались раны, изъ коихъ непрерывно отдѣлялся гной; мало того, въ ранахъ появились черви и вмѣстѣ съ гноемъ падали со столпа на землю. Добровольный страдалецъ изъ любви къ Господу переносилъ доблественно невообразимыя мученія, и не только не думалъ употреблять какія-либо средства для излеченія ранъ и уничтоженія червей, напротивъ, еще приказывалъ ученику своему Антонію собирать падавшихъ на землю червей и приносить къ себѣ на столпъ и затѣмъ снова впускалъ ихъ въ свои раны, говоря: ѣшьте, что вамъ дано»^{і)}.

Жестокую борьбу съ діаволомъ долженъ былъ выдержать подвижникъ Христовъ особенно теперь, когда онъ сталъ подвизаться новымъ, столь необычнымъ образомъ; страшнымъ искушеніямъ онъ долженъ былъ подвергнуться отъ врага человѣческаго спасенія, отдѣленный отъ міра и людей, находясь между небомъ и землей, въ области князя власти воздушной, лицомъ къ лицу съ духами злобы поднебесной. И прежде исконный врагъ человѣка нападалъ на подвижника, возбуждая въ немъ чувственныя пожеланія, разжигая плотскую страсть, волнуя умъ сомнѣніями, смущая сердце нечистыми помыслами; но ратоборецъ Христовъ постомъ и молитвою отражалъ его нападенія, силою крестнаго знаменія прогонялъ всѣ его козни и навѣты. Теперь же духъ злобы замыслилъ вступить съ нимъ въ окончательную борьбу, чтобы принудить его оставить начатый имъ необычный подвигъ, и едва было не восторжествовалъ надъ нимъ. Ложь и отецъ лжи, діаволь, употребилъ въ этомъ случаѣ самую тонкую хитрость. Духъ тьмы преобразился въ ангела свѣтла и пред-

и) Тамъ же, стр. 205—206.

і) Антон. въ Четь-Мин. 1 сентября.

сталъ однажды предъ Симеономъ на огненной колесницѣ съ огненными конями, какъбы спустившись съ неба, и съ сіяющимъ отъ радости лицемъ. «Радуйся, Симеоне, рабе Бога выпшняго! привѣтствовалъ хитрый бѣсъ удивленнаго подвижника: Богъ неба и земли послалъ меня къ тебѣ съ колесницею и конями взять тебя, какъ Илію, на небо. Ты достоинъ такой чести ради святаго житія твоего. Уже насталъ для тебя часъ вкусить плоды трудовъ твоихъ и принять вѣнецъ доброты отъ руки Господней. Итакъ, гряди немедля, рабъ Божій, гряди видѣть Господа и поклониться Творцу, создавшему тебя по образу своему. Пусть узрятъ тебя ангелы и архангелы съ пророками и апостолами: всѣ они желаютъ видѣть тебя. Гряди, гряди». Не позналъ прелести вражіей Симеонъ,—но на слова мнимаго ангела смиренно отвѣчалъ: «ужели благоволишь Ты, Господи, взять меня грѣшнаго къ Себѣ? Да будетъ воля Твоя», и поднялъ уже правую ногу, чтобы вступить на колесницу, сотворивши въ то же время крестное знаменіе. Не стерпѣлъ силы Креста Христова дьяволъ—и тотчасъ исчезъ съ колесницею и конями, какъ прахъ, поднимаемый и уносимый вѣтромъ. Уразумѣлъ тогда бѣсовскую прелесть преп. Симеонъ, оградилъ себя снова знаменіемъ Креста, принесъ Господу покаяніе, умоляя Его милосердіе о прощеніи своего грѣха, ногу же свою, которою онъ хотѣлъ ступить на бѣсовскую колесницу, подвергъ наказанію: простоялъ на ней одной цѣлый годъ. Не вынесъ посрамленія отъ ратоборца Христова духъ злобы и поразилъ правую ногу его жестокою язвою: на ней стало гнить тѣло, открылись раны и въ ранахъ появились черви, умножившіеся до такой степени, что они вмѣстѣ съ гноемъ текли по столпу и падали внизъ на землю. Благодушно терпѣлъ рабъ Божій невыносимую боль: онъ еще радовался своему злостраданію и благодарилъ Бога, и снова приказывалъ ученику своему приносить къ нему падавшихъ червей и опять влагать ихъ въ раны. Такъ побѣдилъ дьявола великій ратоборецъ Христовъ!

Не укрылся отъ людей великій подвижникъ, ставши на столпъ; не устранилъ онъ себя отъ ближнихъ, братьевъ по

плоти, окруживъ себя двойною стѣной: онъ только возбудилъ въ нихъ большее къ себѣ влеченіе. Теперь еще дальше, чѣмъ прежде прошла слава о необыкновенномъ антiохійскомъ подвижникѣ, прошла и по Азіи и по Европѣ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ этихъ частей свѣта. И еще въ большемъ числѣ чѣмъ прежде устремились теперь въ Антіохію люди всякаго званія и состоянія, разныхъ народностей, вѣръ и языковъ: въ Мандрѣ у столпа преп. Симеона, говоритъ блаженный Θεодоритъ, можно было видѣть и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и незнатныхъ, и христіанъ и язычниковъ; тутъ были и измаильтяне (арабы) и персы, и армяне; и иверійцы (грузины), и съ далекаго запада испанцы, галлы и даже британцы. И рабъ Божій съ любовью сталъ принимать всѣхъ. Онъ ясно видѣлъ, что воля Господня призываетъ его— послужить ближнимъ — братьямъ по вѣрѣ и человѣчеству тѣми благодатными дарами, коими въ такомъ обилии былъ онъ надѣленъ, послужить во благо ихъ и спасеніе. И сталъ онъ снова неоскудно раздавать изъ сокровищницы благодати, въ немъ обитавшей, духовные дары по роду и мѣрѣ нуждъ каждаго. И вотъ благословеніе именемъ Божиимъ, духовный совѣтъ, вразумленіе, слово утѣшенія и ободренія въ несчастіи, обличеніе въ грѣхѣ, исцѣленіе отъ болѣзни, освобожденіе отъ худыхъ помысловъ, изгнаніе духа нечистаго — все это обильнымъ потокомъ изливается отъ угодника Божія на посѣтителей, съ вѣрою и надеждою, въ смиреніи и покорности сердца преклоняющихъ главу свою къ столпу раба Христова. Въ радости и съ благодарностію Богу возвращаются изъ Мандры однѣ толпы, получивъ здѣсь удовлетвореніе своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ нуждъ, ихъ смѣняютъ новыя толпы. «Путь къ нему, говоритъ бл. Θεодоритъ, сталъ похожъ на рѣку, и вьзалось, какъ будто это было море, къ которому отовсюду стекались рѣки». И такъ это продолжалось не годъ, не два, а сорокъ слишкомъ лѣтъ—все то время, пока стоялъ на столпѣ великій подвижникъ, до самой его блаженной кончины!.. И сколько совершилъ преп. Симеонъ

дивныхъ дѣлъ во славу Божию, во благо и спасеніе ближнихъ во все это столь продолжительное время, принимая каждый день посѣтителей, въ такомъ множествѣ стекавшихся къ благодатному столпу его! Неисчислимы и неизобразимы дѣла, которыя совершилъ преп. Симеонъ; въ этомъ искренно и смиренно сознаются сами жизнеописатели его. «Я смиренный, говорить ученикъ преп. Симеона, Антоній, первый жизнеописатель его,—не всѣ чудеса его написалъ, но только нѣкоторую часть; ибо никто не можетъ описать всѣхъ его чудесъ или дѣлъ, которыя онъ совершилъ Бога ради» ^{к)}. Доколѣ я буду усиливаться измѣрить глубину Атлантическаго океана? воскликнулъ въ изумленіи бл. Феодоритъ, представивъ въ житіи преп. Симеона нѣсколько особенно поразительныхъ случаевъ. — Ибо какъ это море неизмѣримо, такъ превосходить всякое описаніе и то, что блаженный совершалъ каждодневно» ^{л)}. Жизнеописатели перваго столпника помѣстили въ описаніи его житія и дѣлъ такіе факты, которые ясно говорятъ о высокой степени нравственнаго совершенства преп. Симеона и о богатствѣ въ немъ благодатныхъ даровъ, или представляются особенно назидательными и трогательными. Представимъ и мы нѣсколько такихъ фактовъ.

Пораженный рассказами о необычайныхъ подвигахъ сирійскаго подвижника, одинъ благочестивый италійскій священникъ, предпринялъ трудный и утомительный путь въ Сирію, чтобы своими глазами убѣдиться, насколько правдивы эти рассказы. Прибывъ, наконецъ, въ Мандру, онъ сталъ предъ столпомъ, на коемъ подвизался преп. Симеонъ, и громко воззвалъ: «открой мнѣ ради истины, влекущей къ себѣ родъ человѣческой,—открой, рабъ Божій: человекъ ли ты, или существо безтѣлесное?» Присутствовавшіе вознегодовали на священника; столь нескромнымъ и неумѣстнымъ показался имъ вопросъ этого далекаго посѣтителя. Но подвижникъ остановилъ ихъ негодованіе и, обратившись къ священнику, спро-

к) Антоній въ Четь-Мин.

л) Ист. Боголюбц., стр. 215.

силъ его: «что побудило тебя предложить мнѣ такой вопросъ?» «Я слышу отовсюду, отвѣчалъ священникъ, что ты не ѣшь и не спишь, а это не свойственно человѣку, ибо не можетъ человѣкъ безъ пищи и сна жить». Съ любовію снизошелъ къ немощи и смущенію ближняго рабъ Божій, приказалъ поставить къ столпу лѣстницу, по которой священникъ взошелъ наверхъ, и позволилъ ему осмотрѣть себя. Старецъ сперва показалъ священнику свои руки, потомъ заложилъ его руку за кожаную свою одежду, наконецъ раскрылъ ему и ноги свои, и тутъ священникъ увидѣлъ на одной ногѣ жесточайшую рану. Дивный подвижникъ разсказалъ ему о своемъ образѣ жизни, о томъ, что пищу онъ принимаетъ только одинъ разъ въ недѣлю и въ самомъ маломъ количествѣ, что онъ и спитъ, но только самое короткое время и то прислонясь къ периламъ, окружавшимъ площадку столпа. Изумился священникъ подвигу и терпѣнію святаго старца, воочію убѣдился, что онъ, человѣкъ намъ подобострастный, есть великій рабъ Божій, и, поклонившись ему, сошелъ со столпа, полный духовной радости и утѣшенія и прославляя Бога, дивнаго во святыхъ своихъ.

Въ окрестностяхъ Антіохіи появился страшный разбойникъ, именемъ Іонаанъ. Не было отъ него никому ни проходу, ни проѣзду: онъ грабилъ и убивалъ всякаго, кто ни попадался ему. Долго не могли его схватить: огромнаго росту, крѣпкій силами и ловкій, разбойникъ каждый разъ избѣгалъ нападенія людей, которыхъ высылало противъ него начальство, и счастливо ускользалъ изъ ихъ рукъ. Наконецъ, кругомъ Антіохіи разставлено было на далекое пространство войско съ приказаніемъ во что бы то ни стало поймать разбойника. Видя, что пришелъ ему конецъ и что не избѣжать ему теперь кары правосудія, разбойникъ бросился въ Мандру къ св. Симеону, припалъ къ столпу его, какъ евангельская грѣшница къ стопамъ Спасителя, и горько стала плакать. «Кто ты?» спросилъ его со столпа старецъ. «Я Іонаанъ разбойникъ, причинившій столько зла людямъ, и пришелъ сюда каяться во грѣхахъ моихъ», отвѣчалъ, вздыхая,

разбойникъ. Едва Ионаѳанъ произнесъ это, какъ явились предъ оградю войны, чтобы взять его. «Уже и звѣри готовы въ городѣ, которымъ онъ долженъ быть преданъ на сѣдѣніе», сказали они.—«Дѣти мои, отвѣчалъ воинамъ преп. Симеонъ,—не я привелъ его сюда, но Богъ, хотящій его покаянія, и хотя вы можете войти внутрь ограды и взять его, но я не могу вамъ его отдать, ибо боюсь Того, Кто послалъ его ко мнѣ». Услышавъ это, войны оставили разбойника въ покоѣ и, возвратясь въ городъ, пересказали начальникамъ, что говорилъ имъ великій старецъ. Семь дней пробылъ Ионаѳанъ при столпѣ, исповѣдая Богу свои грѣхи, сокрушаясь и плача горькимъ плачемъ о лютыхъ злодѣяніяхъ своихъ. Въ восьмой день Ионаѳанъ воззвалъ къ преп. Симеону: «отче! благослови мнѣ отойти». — «Не на злыя ли дѣла свои возвращаешься?» спросилъ его старецъ. «Нѣтъ, отче! отвѣчалъ онъ спокойно: но время моего отшествія къ Богу пришло». Преп. Симеонъ началъ съ нимъ духовную бесѣду, приготовляя его къ отходу въ другой міръ, и во время этой бесѣды Ионаѳанъ мирно предалъ духъ свой Богу. Напрасно ожидая нѣсколько дней казни разбойника, городъ волновался, и вотъ начальники сами явились къ преп. Симеону и требовали у него выдачи Ионаѳана. «Тотъ, кто привелъ его ко мнѣ, отвѣчалъ подвижникъ начальникамъ,—пришелъ съ цѣлымъ полкомъ воинства небеснаго и взялъ его, очищеннаго покаяніемъ, къ Себѣ. Не докучайте мнѣ болѣе». Видя, что Ионаѳанъ дѣйствительно преставился и что хотятъ уже его хоронить при оградѣ, начальники удивились, прославили Бога, не хотящаго смерти грѣшника, и возвратившись въ Антиохію, возвѣстили гражданамъ, что сами видѣли и слышали отъ великаго подвижника.

На склонѣ горы, гдѣ находился столпъ преп. Симеона, гнѣздился въ разсѣлинѣ страшный змѣй. Въ одно время вонзился ему въ правый глазъ острый кусокъ дерева, и змѣй ужасно страдалъ отъ боли. Онъ всползъ на вершину горы, приблизился къ оградѣ и смирно улегся предъ дверями, ведущими внутрь ограды, но не лежалъ спокойно: онъ то поднималъ голову кверху, то опускалъ ее до земли; такимъ движе-

ніемъ змѣй какъбы просилъ у раба Божія милости и помощи. Участливо взглянулъ на него сострадательный и къ неразумнымъ созданіямъ Божиимъ подвижникъ, и тотчасъ кусокъ дерева выпалъ у змѣя изъ глаза. Три дня спокойно пролежало предъ дверьми ограда благодарное животное, никого не трогая, такъ что мимо его безбоязненно проходили всѣ посѣтители, и потомъ удалилось въ свое гнѣздилище.

Узнала о сынѣ мать преп. Симеона, бывшая уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ материнскомъ сердцѣ ея возродилось желаніе видѣть сына, котораго она столько лѣтъ не видала и считала умершимъ,—и вотъ, несмотря на свою старость, предпринимаетъ она далекій путь въ Антиохію. Но не суждено было Марѣ испытать радость свиданія съ единственнымъ сыномъ. Когда доложили преп. Симеону, что мать его стоитъ предъ оградою и хочетъ съ нимъ видѣться, строгій подвижникъ, возлюбившій Бога паче всего, оставившій ради Него отца, мать и все земное, отказался видѣть ее и послалъ сказать ей: «не тужи и не докучай мнѣ теперь, мать моя; если будемъ достойны, увидимся въ оный вѣкъ». Не успокоилось материнское сердце блаж. Марѣ: она рвалась хотъ взглянуть на роднаго сына и горько плакала предъ дверями ограда. Подвижникъ опять послалъ къ ней и просилъ ее успокоиться и подождать мало. Обрадованная мать успокоилась, впала въ забытѣе и мирно предала духъ свой Богу. Узнавъ о кончинѣ матери, преп. Симеонъ велѣлъ внести бездыханное тѣло ея внутрь ограда и положить при столпѣ и, когда увидѣлъ почившую о Господѣ мать свою, сталъ молиться о упокоеніи души ея въ небесныхъ селеніяхъ. И чудное дѣло открылось въ то время, когда великій подвижникъ молился объ матери: блаженное тѣло ея двигалось и лице ослаблялось! Удивлялись этому присутствовавшіе въ оградѣ и прославляли Бога и дивнаго раба Его. Блаж. Марѣа была погребена въ оградѣ предъ столпомъ. Съ этого времени преп. Симеонъ сталъ каждый день поминать ее на молитвѣ.

Слава о необыкновенномъ образѣ жизни антиохійскаго подвижника, о его чудодѣйственной силѣ, привела въ движеніе

язычниковъ,—и вотъ они устремляются вслѣдъ за христіанами въ Мандру, чтобы своими глазами видѣть необыкновеннаго человѣка и, пораженные видомъ старца, послушавъ его живаго, дѣйственнаго слова, вразумляются, познаютъ нечестіе своей вѣры и принимаютъ христіанство. Въ необыкновенномъ множествѣ обращались ко Христу особенно арабы: они обращались не десятками и сотнями, а цѣлыми тысячами. И поразительно было ихъ обращеніе въ христіанскую вѣру: отрекаясь отъ языческихъ боговъ, оставляя служеніе богинѣ Астартѣ, они тутъ же предъ столпомъ подвижника Христова сокрушали боготворимые ими кумиры и принимали крещеніе. Они потомъ нерѣдко и цѣлыми массами посѣщали Мандру, жаждая получить благословеніе раба Божія. Какъ искренни и глубока была вѣра грубыхъ арабовъ въ священное благословеніе, показываетъ случай, бывшій съ бл. Θεодоритомъ Кирскимъ во время пребыванія его у преп. Симеона. «Я самъ, пишетъ онъ въ своей Исторіи Боголюбцевъ, видѣлъ и слышалъ, какъ отрицались они (арабы) отъ отеческаго нечестія и прилагались къ ученію евангельскому» м).

Князь одного арабскаго племени, по имени Василикъ, послѣ бесѣды съ преп. Симеономъ принявъ христіанскую вѣру, питалъ къ старцу большое довѣріе и часто посѣщалъ его. Однажды, находясь у столпа, Василикъ взялъ въ руки червя, упавшаго изъ раны подвижника, и понесъ съ собою. Подвижникъ замѣтилъ это. По приказанію его, ученикъ Антоній догналъ князя и отъ имени старца спросилъ его: «для чего ты взялъ въ честныя руки свои смердящаго червя отъ сгнившаго моего тѣла?» Василикъ раскрылъ руки и изумился: вмѣсто червя тамъ оказалась драгоцѣнная жемчужина. Князь возвратился къ св. старцу и въ радостномъ трепетѣ показалъ ему жемчугъ. «По вѣрѣ твоей такъ случилось!» сказалъ великій подвижникъ и благословилъ благочестиваго князя.

Жена начальника арабскаго же племени, по вліянію преп. Симеона просвѣщеннаго свѣтомъ христіанской вѣры, долго не имѣла дѣтей. Сокрушаясь о своемъ неплодствѣ, она по-

м) Ист. Боголюбц., стр. 210.

слала въ Мандру своихъ вельможъ, чрезъ которыхъ просила св. Симеона исходатайствовать ей у Бога милость разрѣшенія ея неплодства. Сердечное желаніе ея исполнилось: по молитвамъ угодника Божія Симеона у ней родился сынъ. Осчастливленная мать, взявъ съ собою сына, отправилась съ нимъ къ преп. Симеону; но такъ какъ ей самой, какъ женщинѣ, нельзя было имѣть къ нему доступъ, то послала къ св. старцу свое дитя и молила раба Христова благословить его. «Это—твой даръ, говорила она: я со слезами принесла сѣмя молитвы, а ты изъ этого сѣмени произведь плодъ, привлеки на него своею молитвою дождь божественной благодати».

Начальникъ одного сарацынскаго полка, по имени Филаркъ, прибывъ въ Мандру, просилъ преп. Симеона оказать помощь его родственнику, разбитому параличемъ во всѣхъ членахъ и оставленному на пути въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ Мандры. Старецъ приказалъ пренести его въ Мандру и, когда больной былъ на носилкахъ перенесенъ и поставленъ передъ столпомъ, обѣщалъ помочь ему, но подъ условіемъ, если онъ оставитъ языческую вѣру и увѣруетъ во Христа (разслабленный былъ язычникъ). Когда разслабленный охотно отрекся отъ нечестія своихъ предковъ и выразилъ искреннее желаніе вѣровать въ христіанскаго Бога, старецъ спросилъ его: «Итакъ, вѣруешь ли въ Отца, едиnorodнаго Его Сына и Духа Святаго?»—«Вѣрую всѣмъ сердцемъ», исповѣдалъ больной. «Если вѣруешь, произнесъ рабъ Божій, то встань». Разслабленный вдругъ ощутилъ въ себѣ силу и крѣпость, почувствовалъ себя здоровымъ и бодрымъ и тотчасъ всталъ. Тогда дивный подвижникъ приказалъ ему отнести на себѣ въ станъ начальника полка. Истѣленный поднялъ къ себѣ на плечи Филарка, несмотря на то, что тотъ былъ огромнаго роста, и въ виду присутствовавшихъ понесъ его въ станъ, не чувствуя ни большаго напряженія силъ, ни утомленія. Пораженные этимъ событіемъ, присутствовавшіе прославили Бога, дающаго чудодѣйственную силу рабамъ своимъ. «Давая такое приказаніе, заключаетъ рассказъ свой объ этомъ чудѣ Феодоритъ, — блаженный послѣдовалъ примѣру Господа, повелѣвшаго нѣкогда разслаб-

ленному нести одръ свой. Подражанія сего никто не долженъ называть дерзостію. Ибо Господь самъ сказалъ: *върующій въ Меня дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ, и больше силъ сотворитъ* (Іоан. 14, 12).

Чудодѣйственная сила, дѣйствовавшая въ преп. Симеонѣ Столпникѣ, была такъ велика, что онъ могъ и заочно изводить Божіе благословеніе на всѣхъ, кто вспоминалъ о Мандрѣ, мысленно переносился на дивный столпъ, на коемъ ѿ день и ночь стоитъ рабъ Христовъ Симеонъ, и молитвенно призывалъ его имя. Одушевляемыя этою вѣрою лица, лишенныя возможности отправиться въ отдаленную Сирію, чтобы насладиться лицезрѣніемъ великаго подвижника и духовною съ нимъ бесѣдою, старались какъ можно чаще говорить о немъ, любили слушать рассказы о его жизни и подвигахъ отъ людей, имѣвшихъ счастье посѣтить Мандру и своими глазами видѣть раба Божія, искали случая приобрѣсти себѣ какія-нибудь вещи, бывшія у него въ употребленіи, достать небольшія изображенія его, распространявшіяся повсюду еще при его жизни. Такъ, супруга персидскаго царя, христіанка, по свидѣтельству бл. Феодорита, съ удовольствіемъ бесѣдуетъ о св. Симеонѣ съ греческими послами, находившимися при персидскомъ дворѣ и съ другими христіанами, жаждетъ приобрѣсти себѣ изъ Мандры елей, благословеннаго великимъ подвижникомъ и принимаетъ его, какъ самый драгоценный даръ. Въ Римѣ мастеровые и ремесленники, доставши небольшія изображенія преп. Симеона, прибываютъ ихъ къ стѣнѣ надъ дверями своихъ мастерскихъ, надѣясь получить чрезъ это отъ великаго угодника Божія даже заочно благословеніе для себя и своихъ занятій, найти защиту и безопасность для самыхъ своихъ мастерскихъ. Объ этихъ изображеніяхъ преп. Симеона свидѣлствуютъ, кромѣ современника Феодорита Кирскаго, VII вселенскій соборъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ ^{н)}.

Преп. Симеонъ, проводя время въ подвигахъ поста, молитвы, злостраданія и терпѣнія ради Господа, служа благу и

н) VII вселен. соб., дѣян. 4.—Св. Іоанна Дамаскина слово 3-е, объ иконахъ.

спасенію ближнихъ, въ тоже время возвышалъ свой голосъ противъ еретиковъ, поражая сильнымъ словомъ своимъ ихъ нечестивое ученіе и охраняя отъ уклоненія въ ереси вѣрныхъ чадъ Церкви; возбуждалъ ревность по Богѣ и истинной вѣрѣ въ пастыряхъ, дѣйствуя на нихъ устнымъ словомъ и письменнымъ, и убѣждая ихъ прилагать болѣе попеченія о пасомыхъ. Онъ писалъ смѣлая посланія къ императорамъ, обличая ихъ послабленіе въ дѣлахъ вѣры. Такъ, когда императоръ Θεодосій младшій (408—450 г.), основываясь на представленіи антiохійскаго префекта, издалъ постановленіе о возвращеніи антiохійскимъ іудеямъ синагогъ, уже обращенныхъ въ христіанскія церкви, великій подвижникъ пишетъ императору посланіе, въ которомъ съ апостольскимъ дерзновеніемъ обличаетъ его въ этомъ неблагопріятномъ для Христовой Церкви поступкѣ и убѣждаетъ отмѣнить постановленіе въ пользу іудеевъ. Императоръ повинуется голосу ревнителя о благѣ Церкви, возвращаетъ отнятые храмы опять христіанамъ и въ отвѣтномъ письмѣ къ преп. Симеону проситъ «святѣйшаго и воздушнаго мученика моляться о немъ и преподать ему свое благословеніе. Два письма пишетъ преп. Симеонъ по поводу окружнаго посланія, которое разослалъ императоръ Левъ (457—473) епископамъ и знаменитѣйшимъ подвижникамъ, когда въ Александріи пресвитеръ Элуръ, противникъ Халкидонскаго собора, низложенный и сосланный въ ссылку, ворвался съ своими единомышленниками въ Пасху въ церковь и самовольно занялъ епископскую кафедру,—одно къ своему епископу Василию ^{о)}, другое — къ самому императору. Въ этихъ письмахъ великій въ отцахъ Симеонъ защищаетъ Халкидонскій соборъ и произноситъ осужденіе на Тимоѳея.

Современники оставили намъ описаніе внѣшняго образа жизни, какой велъ онъ во все время пребыванія своего на столпѣ. Всю ночь и день до трехъ часовъ пополудни подвижникъ стоялъ на молитвѣ, совершая безчисленные поклоны и преодолая сонъ и усталость. Около трехъ часовъ

о) Василій былъ на кафедрѣ антiохійской два года (456—458 г.).

пополудни позволялъ себѣ краткій отдыхъ: для отдыха онъ обыкновенно садился на скамейку и прислонялся къ периламъ, которыя шли вокругъ верхней площадки столпа. Затѣмъ все время до вечера употреблялъ на приемъ посѣтителей. Съ солнечнаго заката онъ снова начиналъ подвигъ стоянія, бдѣнія и молитвы.

Необыкновенный образъ жизни преп. Симеона Столпника, обиліе благодатныхъ даровъ, коими онъ былъ преисполненъ, привлекли къ нему ревнителей благочестія, желавшихъ подвизаться о Господѣ подъ его руководствомъ и благодатнымъ осѣненіемъ: охотно и съ любовью принималъ ихъ великій подвижникъ,—и вотъ при столпѣ его, по склону горы, образовалась обитель подвижниковъ—знаменитая въ свое время Мандра. Въ этой обители имѣли пребываніе подвижники, приходившіе къ преп. Симеону изъ другихъ странъ и желавшіе назидаться его святою жизнію. Въ ней жилъ блаж. Ѳеодоритъ, архіепископъ Кирскій, неоднократно посѣщавшій великаго старца и остававшійся у него иногда продолжительное время. Въ этой же обители полагали начало подвижнической жизни и многія лица, слѣдовавшія въ послѣдствіи славными въ христіанской Церкви. Таковъ былъ на примѣръ преп. Даніиль, избравшій тотъ же родъ подвижничества, какому слѣдовалъ преп. Симеонъ, т.-е. столпничество и подвизавшійся въ Анаплѣ близъ Чернаго моря.

Необычайна жизнь преп. Симеона, необычайно и отшествіе его ко Господу. Трогательный разсказъ о блаженной кончинѣ великаго подвижника оставилъ любимый ученикъ его Антоній. «Въ одинъ день, разсказываетъ Антоній, именно въ пятницу, когда мы въ обычное время ждали отъ старца благословенія и поученія, онъ не взглянулъ на насъ со столпа. Тоже было и въ субботу и въ недѣлю (въ воскресенье). Испугался я и поднялся на столпъ, и вотъ вижу—стоитъ преподобный отецъ съ понижею долу головою, какъ на молитвѣ, руки его сложены на груди. Нѣсколько времени я стоялъ и молчалъ. Потомъ сказала: «благослови меня, отче! Вотъ народъ три дня и три ночи стоитъ у столпа, ожидая

отъ тебя благословія». Онъ молчалъ. Опять я сталъ говорить: «Отчего, отче мой, не отвѣчаешь чаду твоему, объятому скорбію? Или я въ чемъ согрѣшилъ предъ тобою? или чѣмъ оскорбилъ я тебя? Простри руку твою и дай мнѣ ее облобызывать». Такъ стоялъ я около получаса, и потомъ, помысливъ, не отошелъ ли уже старецъ ко Господу, приблизился къ нему, наклонилъ къ святому тѣлу его ухо и, — о, горе!—дыханія не было! Только благоуханіе исходило отъ святаго его тѣла. Увидѣвъ, что отецъ мой уже почилъ о Господѣ, я приблизился къ нему и горько заплакалъ; потомъ, въ слезахъ, положилъ тѣло его, опрятно убралъ его и сталъ лобызать очи его, бороду, уста и руки, обращаясь къ нему какъ къ живому и причитывая: «на кого ты оставляешь меня, отче мой? услышу ли я теперь сладкое твое ученіе? насыщусь ли ангельскою твоею бесѣдою? какой отвѣтъ дамъ людямъ, когда они явятся просить у тебя исцѣленія отъ своихъ болѣзней? Кто не заплачетъ, увидѣвъ опустѣвшій твой столпъ, на коемъ ты былъ для всѣхъ свѣтильникомъ? Не возрыдають ли пришедшіе издалека, когда не найдутъ тебя на столпѣ? Увы мнѣ! не увижу я тебя болѣе!» Долго я плакалъ такъ надъ святымъ тѣломъ отца моего: душа моя поражена была глубокою горестію, я не зналъ что дѣлать; вдругъ я забылся и впалъ въ какое-то полусонное состояніе,—и вотъ является мнѣ св. старецъ, сіяя какъ солнце, и говорить: «не оставлю я столпа моего, не оставлю ни этого мѣста, ни сей благословенной горы; сойди внизъ и преподай отъ меня благословіе народу. Я уже почилъ, какъ Господу угодно было; не объявляй пока объ этомъ народу, чтобы не было въ немъ смятенія, но скорѣе пошли въ Антиохію и извѣсти о моемъ отшествіи ко Господу. Тебѣ же должно послужить на семь мѣстѣ, и Господь воздастъ тебѣ по труду твоему». Пробудившись, я затрепеталъ и отъ радости и отъ печали, и воззвавъ къ почившему старцу: «не забывай меня, отче мой, въ святомъ твоёмъ покоѣ!» — припалъ къ его ногамъ и сталъ лобызать стопы его; потомъ, взявъ руку старца, положилъ ее на очи мои, говоря: «благослови меня, отче мой!»—и опять

стала сильно плакать. Но мнѣ нужно было дѣйствовать—почившій далъ мнѣ послѣднее свое распоряженіе: я отеръ слезы, сошелъ внизъ и, преподавъ народу благословеніе старца, послалъ вѣрнаго брата въ Антиохію извѣстить патріарха Мартирія ^{п)} о преставленіи преп. Симеона. Вѣсть о кончинѣ старца однако быстро распространилась повсюду, и не успѣлъ патріархъ съ тремя епископами и клиромъ прибыть въ Мандру, какъ уже великое множество народу всякаго званія, пола и возраста стѣснилось къ столпу; явились изъ окрестныхъ монастырей иноки; прибылъ съ войскомъ и самъ начальникъ области Ардавурій. Патріархъ и епископы взопли на столпъ, снесли блаженное тѣло старца и положили при столпѣ. Народъ громко плакалъ. И чудное дѣло! надъ Мандрою явилось вдругъ несмѣтное множество птицъ—Богъ вѣсть откуда онѣ взялись; онѣ стали летать вокругъ столпа, издавая жалобный крикъ: какъбы и онѣ плакали и сѣтовали съ нами о кончинѣ такого свѣтильника міру! Всѣ это видѣли и удивлялись. Окрестныя горы, поля и деревья, казалось, также сѣтовали и сочувствовали общей скорби; самый воздухъ былъ сумраченъ и надъ столпомъ носились черныя облака. Я же ясно видѣлъ, при честныхъ мощахъ святаго старца, ангела въ бѣлой одеждѣ съ лицомъ, блиставшимъ, какъ молнія; съ нимъ бесѣдовали семь старцевъ. Я слышалъ голосъ ихъ, но что они говорили, не понималъ: меня объялъ страхъ и ужасъ ^{р)}. Тѣло св. Симеона было поднято и при пѣніи священныхъ пѣсней торжественно перенесено въ Антиохію и положено въ соборномъ храмѣ. Перенесеніе его сопровождалось различными чудесами и исцѣленіями. Такъ изсохла мгновенно рука патріарха Мартирія, пожелавшаго взять себѣ на память и въ благословеніе нѣсколько волосъ изъ бороды преп. Симеона; послѣ усердной молитвы къ Богу и угоднику Его, рука патріарха опять сдѣлалась здоровою. Нѣкоторый человѣкъ, сорокъ лѣтъ страдавшій глухотою и нѣмотою, лишь только увидѣлъ святое тѣло раба Божія, вдругъ почувство-

п) Мартирій занималъ катедру антиохійской Церкви въ 459—470 г.

р) Антоній, въ Четь-Мин.

валь въ себѣ чудесную перемѣну: языкъ его разрѣшился и глухота исчезла. Въ порывѣ благодарнаго сердца онъ палъ предъ одромъ, на коемъ несено было бл. тѣло св. Симеона, и громко воскликнулъ: «во благо намъ грядешь ты, рабъ Божій! исцѣлилъ меня отъ узъ глухоты и нѣмоты приходъ твой, угодникъ Христовъ!» Въ послѣдствіи жители Антіохіи построили во имя преп. Симеона новый храмъ, куда съ новымъ торжествомъ поренесли св. мощи его.

Преп. Симеонъ столпникъ скончался въ 459 году и жилъ болѣе 100 лѣтъ. Память его въ православной Церкви совершается 1 сентября.

Мощи преп. Симеона, вдругъ же послѣ его блаженной кончины сдѣлавшіяся предметомъ благоговѣйнаго чествованія христіанъ, не остались въ цѣломъ своемъ видѣ: многія части ихъ были перенесены въ другія мѣста по усердію вѣрующихъ. Сто лѣтъ спустя по кончинѣ великаго подвижника, благочестивый историкъ Евагрій поклоняется честной главѣ преп. Симеона, лежавшей въ богатой ракъ въ томъ же антіохійскомъ храмѣ, который былъ созданъ въ честь его жителями Антіохіи, какъ самъ онъ пишетъ въ своей исторіи. «Многіе останки его (Симеона), говоритъ Евагрій,—сохранились и до нашего времени. Святую главу Симеона я самъ видѣлъ со многими іереями. Это было при епископствѣ блаженной памяти Григорія (569—584), когда Филиппикъ требовалъ, чтобы для охраненія восточныхъ войскъ высланы были ему честные останки святыхъ. Удивительно, что волосы на его головѣ не утратились, но сохранились какъ у живаго и обращающагося съ людьми. Сохранилась также и кожа на его челѣ, хотя сдѣлалась морщиниста и жестка. Уцѣлѣла и большая часть зубовъ. При головѣ лежитъ и сдѣланная изъ желѣза цѣпь, съ которою многосхваляемое подвижническое тѣло раздѣляло дарованную ему отъ Бога почесть; ибо то любимое желѣзо не оставило Симеона и послѣ его смерти»^{с)}.

Не оставилъ преп. Симеонъ по кончинѣ своей и Мандры, мѣста своихъ дивныхъ подвиговъ. Сорокалоктевый столпъ его

с) Евагрій. Ист. Церк., 34—35.

долго служилъ предметомъ удивленія и чествованія благочестивыхъ поклонниковъ, во множествѣ стекавшихся особенно ко дню памяти его. Въ этотъ день изъ великолѣпнаго крестообразнаго храма, стоявшаго на вершинѣ горы, совершался торжественный крестный ходъ къ столпу и вокругъ него. Благодатная сила, обитавшая въ св. Симеонѣ, оставалась присущею и столпу его: у дивнаго столпа совершались различныя чудеса и исцѣленія т).

Преп. *Антоній*—ближайшій ученикъ Симеона Столпника. Онъ много лѣтъ служилъ великому подвижнику и пользовался его любовію и довѣренностію. Каждый день въ опредѣленный часъ Антоній являлся къ столпу одинъ или съ другимъ инокомъ Космою и ждалъ; когда старецъ взглянетъ со столпа и благословить ихъ: Старецъ оставлялъ свои обычныя занятія, подходилъ къ периламъ и, съ любовію взглянувъ на стоявшаго внизу ученика, благословлялъ его и давалъ рукою знакъ. Антоній всходилъ на столпъ, принималъ отъ старца новое благословеніе, припадая къ его стопамъ и цѣлуя его руки, и получалъ такое или другое распоряженіе. Онъ служилъ посредникомъ между подвижникомъ и стекавшимся къ столпу народомъ: передавалъ столпнику желанія и нужды посѣтелей, просьбы объ исцѣленіи отъ болѣзней, о наставленіи и духовномъ совѣтѣ, преподавалъ отъ его имени благословеніе, когда почему-либо онъ не хотѣлъ этого сдѣлать самъ. Но не даромъ пользовался Антоній любовію и довѣріемъ преп. Симеона: обращаясь ежедневно съ св. старцемъ, видя такъ близко его необычайные подвиги, его злостраданіе и терпѣніе, его богомудрыя наставленія, Антоній старался по возможности подражать ему въ подвигахъ, усвоилъ себѣ его духъ, его кротость, любовь къ ближнимъ, попеченіе о ихъ душевномъ благѣ и спасеніи и преусиѣлъ въ духовной жизни, и сдѣлался способнымъ къ проникновенію въ духовный міръ. Это и открылось во время кончины великаго подвижника. Глубоко поражена была душа Антонія, когда его старецъ отошелъ въ

т) Тамъ же, стр. 36.

другую жизнь; онъ скорбѣлъ и плакалъ, стоя надъ бездыханнымъ тѣломъ своего учителя и отца, и въ первыя минуты не зналъ что дѣлать; вдругъ онъ забылся и впалъ въ какое-то полудремотное состояніе; и вотъ является ему св. старецъ съ сіяющимъ лицомъ и говоритъ, что онъ не оставить ни столпа, на которомъ столь долго подвизался, ни благословенной горы, ни богоспасаемой обители, и что Антонію должно оставаться въ обители и послужить ей. Когда тѣло св. Симеона было снесено внизъ и положено при столпѣ, Антоній душевными очами ясно видѣлъ при мощахъ, какъ самъ говоритъ, ангела въ бѣлой одеждѣ и семь старцевъ, которые съ нимъ бесѣдовали; онъ слышалъ даже голоса ихъ, только не понималъ, что они говорили. Такой высокой степени нравственной чистоты и святости достигъ Антоній подъ руководствомъ преп. Симеона. Благоговѣя къ памяти необычайнаго подвижника, Антоній подробно описалъ на греческомъ языкѣ жизнь св. Симеона, перваго столпника христіанской Церкви; жизнеописаніе это дошло до нашего времени у).

Преп. *Косма*—другой ученикъ Симеона Столпника, также усердно какъ Антоній служилъ великому подвижнику и также видѣлъ его къ себѣ любовь и довѣренность. И Косма, видно, во благо себѣ употребилъ близость къ св. Симеону, во спасеніе души своей воспользовался образомъ его подвижнической жизни и душеспасительными наставленіями и преуспѣлъ въ нравственно-духовной жизни. По любви къ своему учителю и отцу и для прославленія его и Косма составилъ описаніе его дивной жизни и подвиговъ, но на сирскомъ языкѣ; и это жизнеописаніе Симеона Столпника, также какъ Антоніево, сохранилось и дошло до нашего времени *).

II. *Сладкопѣвцовъ.*

у) Жизнеописаніе Симеона Столпника, составленное Антоніемъ, напечатано въ цѣломъ видѣ въ Acta Sanctorum ad 5 januar. Имъ пользовался св. Димитрій Ростов. въ житіи св. Симеона 1 сентября. „Историч. уч. объ отцахъ Церкви“ Филарета черниг., т. III, стр. 8, примѣч. X.

ф) Историч. уч. объ отцахъ Церкви, тамъ же.

ХРАМЫ ИТАЛІИ.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, въ началѣ своего спасительнаго служенія роду человѣческому, «возведенъ былъ Духомъ въ пустыню для искушенія отъ діавола» (Матѳ. 4, 1). «И возведши Его на высокую гору, діаволь показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновение-времени. И сказалъ Ему діаволь: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ; ибо она предана мнѣ, и я, кому хочу, даю ея. Итакъ, если Ты поклонишься, все будетъ Твое» (Лук. 4, 5—7).

Съ тѣхъ поръ прошло осмнадцать вѣковъ,—и какъ многое измѣнилось на землѣ! Князь міра сего, кичившійся властію— «кому хочу даю ея»—лишентъ своей власти. Сей Иисусъ, отъ Котораго онъ требовалъ поклоненія, получилъ всякую власть не только на землѣ, но и на небѣ (Мѳ. 28, 18), сталъ предметомъ поклоненія вселенной. Еслибы теперь обозрѣть во мгновение ока всѣ царствія вселенной и славу ихъ,—какое величественное зрѣлище открылось бы изумленному взору! Во всѣхъ царствіяхъ міра поклоняются Иисусу, всюду возвышаются Его храмы и на нихъ сіяютъ Его кресты.

Христіанство родилось въ вертепѣ, воспиталось въ катакомбахъ, разрослось, какъ ливанскій кедръ, и тѣнь его покрываетъ вселенную. Скромная горница сіонская есть первообразъ величественныхъ храмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые высокою превосходятъ вышину всѣхъ зданій, не исключая и Хеопсовой пирамиды, обширностію и помѣстительностію не имѣютъ ничего равнаго въ свѣтѣ а).

а) Самая высокая египетская пирамида—146 метр. (метръ— $\frac{1}{2}$ сажень).
ЧАСТЬ II. 5

Новѣйшее время впрочемъ уже не такъ щедро на монументальные храмы; даже поднимаются голоса осужденія... Довольно характерная черта вѣка, который, считая себя практичнымъ, ничего не щадить для театровъ, вокзаловъ, выставокъ, магазиновъ, а бросаетъ камень осужденія въ позолоченные купола, высокія колокольни... Конечно Всевышній не въ рукотворныхъ храмахъ живетъ (Дѣян. 7, 48. 49). «Какой храмъ Ему построю, говоритъ Минуцій Феликсъ,—когда весь міръ этотъ, созданный Его могуществомъ, не можетъ вмѣстить Его?» Конечно истинные поклонники могутъ поклоняться Богу духомъ и истиною на всякомъ мѣстѣ владычества Его. Въ убогой сельской церкви можно помолиться съ такимъ же усердіемъ и чувствомъ, какъ подъ раззолоченными сводами столичнаго храма. Но съ другой стороны приносить Богу все, что есть лучшаго у насъ, есть всеобщая потребность человѣческаго духа, прямое влеченіе человѣческаго сердца. Вездѣ, во все время, человѣчество старалось украшать храмы со всевозможною пышностію, какая была доступна по состоянію просвѣщенія и богатства въ данное время; и обратное движеніе, отступленіе къ суровой простотѣ прежнихъ вѣковъ невозможно. Нельзя отрицать и того, что красота, великолѣпіе святилища восторгають духъ молящихся. Примѣръ такого впечатлѣнія представляетъ отзывъ пословъ князя Владиміра, пораженныхъ красотою Византійскаго храма и богослуженія. Даже сами Апостолы ^{б)}, столько разъ слышавшіе ученіе о поклоненіи духомъ, ученики, молившіеся съ Нимъ на горѣ, въ пустынѣ, и тѣ передъ тѣмъ, какъ Господь отрекся отъ храма Іерусалимскаго, обрекъ его запу-

жени). Кельнскій соборъ имѣетъ вышины 159 метровъ, соборъ въ Руанѣ—150 метровъ, Страсбургскій соборъ 142 метра, соборъ св. Стефана въ Вѣнѣ 138 метровъ, соборъ св. Петра въ Римѣ 132 метра, Пантеонъ въ Парижѣ 79 метровъ, балюстрада на башняхъ Notre Dame de Paris—66 метровъ. Моск. Вѣд. 1884 года № 348.

б) И по вознесеніи Господнемъ не покинули посѣщенія храма. Больницы и богадѣльни своимъ происхожденіемъ обязаны храмамъ. Изцѣленіе хромага было у вратъ Соломоновыхъ. Овечья купель неподалеку отъ храма и пр.

стѣнію, чуть не со слезами говорили: «Учитель, посмотри, какіе камни и какія зданія» (Марк. 13, 1)!—какъ бы предостерегая Его, чтобы Онъ пожалѣлъ это чудо искусства, эту радость и веселіе страны.

Намеки о неприличіи роскоши храмовъ Бога Всевышняго напоминають упрекъ одного изъ Апостоловъ женѣ, помазавшей Господа муромъ: «къ чему такая трата? Ибо можно бы продать это муро за большую цѣну и дать нищимъ» (Мѳ. 26, 8. 9). Но надобно помнить и слова Христовы: *сія подобае творити, и оныхъ не оставляти. Нищія всегда имате съ собою* (26, 11). Въ нынѣшнее время число больницъ, богадѣленъ, пріютовъ и т. п. благотворительныхъ учрежденій растеть и множится (хотя отъ этого нищета не убываетъ). Все это прекрасно; но худо впадать въ крайность, — худо ради усердія къ служенію ближнимъ презирать до забвенія обязанность служить Богу дѣлами благочестія, худо бросать храмы, съ тѣмъ чтобы возвратиться къ старинной простотѣ и скудости. Господь похвалилъ же убогую вдовицу, принесшую свои послѣднія лепты на потребности храма. Если Онъ принялъ злато, и ливанъ, и смирну восточныхъ царей, то неужели не приметъ дары Константина и Юстиніана и нашихъ благочестивыхъ царей и благовѣрныхъ царицъ, создателей святыхъ храмовъ? «Блаженъ убо человекъ, который щедротами своими созидаетъ церковь, попеченіями и трудами приращеніе и пользу оныя устрояетъ, красоту пріусугубляетъ!» (Н. Скрижалъ).

Въ настоящей статьѣ скажемъ нѣсколько словъ о новѣйшихъ храмахъ, особенно замѣчательныхъ и извѣстныхъ по своей архитектурѣ, храмахъ временъ возрожденія искусствъ.

Говоря о готическихъ храмахъ^{в)}, мы упоминали, что этотъ стиль точнѣе бы назвать сѣвернымъ. Франція, Англія, Германія украшены образцовыми произведеніями готическаго стиля, соборами, аббатствами. За Альпы, за Пиринеи, въ Испанію, въ Италію не спускается ни готика, ни сумрачная

в) Душеп. Чтеніе 1886 г. январь.

ель—ея первообразъ. Но во второе тысячелѣтіе христіанской эры, по ту сторону Альпъ начинается постепенное обновленіе (ренесансъ) или точнѣе возобновленіе, возвращеніе къ античнымъ образцамъ искусства, подражаніе удѣлвѣвимъ произведеніямъ архитектуры, ваенія и живописи древнихъ и распространяется затѣмъ на сѣверъ Европы отъ Рима до Петербурга. Нѣкоторое исключеніе составляютъ немногія зданія сѣверной Италіи, хотя они не имѣють строгой, мистической суровости, какую готическая архитектура придала храмамъ по сю сторону Альпъ. Таковы сравнительно новые соборы Пизы, Флоренціи, Милана (1083, 1294—1420, 1386).

Пиза, подобно Венеціи, торговая и воинственная, наградила безчисленныя богатства со всѣхъ побережій Средиземнаго моря. Было время, когда этотъ, мертвый нынѣ, городъ владѣлъ Корсикой, Сардиніей, Эльбой и большими землями въ Африкѣ. Нынѣшній городъ стоитъ отъ средневѣковаго на версту слишкомъ. Здѣсь—шумъ, движеніе, суета; тамъ—тишина и молчаніе.—Площадь, гдѣ стоитъ соборъ, знаменитая падающая башня, крещальня и Campo Santo ^{г)}, заросла травою. Эти бѣломраморные памятники, созданные торговлею и войною, стоятъ безмолвными свидѣтелями минувшей славы, богатства и могущества. «Наклонная башня свѣсилась надъ Campo Santo, какъ старикъ въ бѣломъ саванѣ, и, мнится, роняетъ на могилы невидимыя слезы. Глубокое уныніе наводятъ эти бѣлоснѣжные одинокіе монументы на поросшей травою площади минувшаго города. Ни книги, ни преданія не говорятъ такъ краснорѣчиво о похороненныхъ вѣкахъ, о революціяхъ челоуѣчества нѣсколькихъ эпохъ, какъ эти старцы. Какъ люди, пережившіе своихъ близкихъ, создавшіе изъ своего сердца общій гробъ, они усвоили себѣ выраженіе спокойствія, нѣмой грусти и ожиданіе своего череда» (Евро-

г) Городское кладбище, великолѣпно отдѣланное колоннадами, украшенное статуями и монументами. Говорятъ, пизанскіе корабли навозили на это кладбище земли прямо изъ Св. Земли, съ поля отведеннаго на погребеніе странниковъ, подлѣ Иерусалима, — оттуда и самое названіе: Святое поле— Campo Santo.

пейскія Эивы, христіанскій Пестумъ). «Пизанскій соборъ скорѣе всего похожъ на римскую базилику. Пять этажей колоннъ прикрываютъ базилику. Онѣ соединяются по двѣ и образуютъ аркады. Четыре ряда коринескихъ колоннъ дѣлятъ церковь на пять придѣловъ (нефовъ) ^{д)}. Образуется пять галлерей; онѣ пресѣкаются крестообразно двумя поперечными галлерейми, такъ что зданіе имѣетъ видъ креста. Въ глубинѣ средней галлерей находится изображеніе Спасителя въ золотой ризѣ. Издали оно кажется видѣніемъ, спускающимся съ высоты на землю. Въ какой бы точкѣ храма вы ни стояли, это видѣніе будетъ завершать перспективу» ^{е)}.

Соборъ Богородицы во Флоренці заложенъ около этого же времени и былъ выстроенъ въ нѣсколько пріемовъ (1294—1420). Длина храма 138 метровъ, поперечникъ (трансептъ) 50, сводъ 46 метровъ высоты, діаметръ купола 42 метра, а крестъ на вершинѣ собора возвышается отъ почвы на 119 метровъ. Снаружи привлекаютъ вниманіе украшенія изъ цвѣтныхъ мраморовъ, затѣмъ громаднѣйшій, но легкой осьмигранный куполь, поднимающійся къ небу гораздо съ большею граціею, нежели готическія колокольни. За исключеніемъ оконъ, здѣсь нѣтъ ничего готическаго; гладкія стѣны украшаются только цвѣтною обшивкою и не поддерживаются остроконечными арками. Многіе знаменитые зодчіе послѣдовательно были строителями этого собора, при видѣ котораго Микель Анжело воскликнулъ: «трудно сдѣлать такъже хорошо и невозможно лучше!» Этотъ гордый и самоувѣренный геній—и такія слова!

д) Въ центрѣ храма на мѣдной цѣпи виситъ большое паникандило. „Такъ какъ точка привѣса находится въ вершинѣ купола, то лампа представляетъ изъ себя гигантскій маятникъ. Чтобы зажечь, во время оно употреблялся простой пріемъ. Лампу подтягивали къ одному изъ хоровъ, зажигали и опускали. Такъ какъ лампа горѣла въ Страстную недѣлю днемъ и ночью, то ее оставляли неприкосновенною и она покачивалась иногда подрядѣ нѣсколько сутокъ“.—Она, говорятъ, навела Галилея на законы маятника.

е) Московск. Вѣд. 1884 г. № 246.

Украшеніе соборной площади дополняетъ знаменитая крестильница (баптистерія), для которой двери сдѣланы изъ бронзы. Объ нихъ Микель Анжело сказалъ: «эти двери достойны быть вратами рая».

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Миланскомъ соборѣ, этомъ чудномъ твореніи переходнаго времени, въ которомъ готическая вычурность, узорчатость слились съ классическою простотою и граціей въ цѣлое, полное гармоніи и вкуса. На одной изъ верхнихъ галлерей, на баллюстрадѣ, кружевами изъ бѣлаго мрамора (весь соборъ изъ бѣлаго мрамора) выведенъ стихъ изъ Пѣсни пѣсней: «вся добра еси ближняя моя и порока нѣсть въ тебѣ». Лучшій эпитаграфъ прелестному зданію!

Первое основаніе положилъ на мѣстѣ древней скромной церкви Іоаннъ Галеаццо Висконти въ 1386 г. Гордый правитель богатой страны хотѣлъ монументальнымъ зданіемъ увѣковѣчить свое имя и славу Милана, и достигъ своей цѣли. Кто составлялъ планъ, положительно неизвѣстно. Соборъ строился 474 года, и теперь еще не совсѣмъ оконченъ. Миланскій соборъ—готическій соборъ, однако не похожъ на тѣ, что сохранились въ Германіи и Франціи. Нѣтъ ничего таинственнаго, мрачнаго, унылаго: это соединеніе чистоты, красоты и граціи прекрасно гармонируетъ съ благословенными равнинами Ломбардіи, садомъ Италіи. Никогда не высыхая, сотни ручьевъ бѣгутъ съ окружающихъ снѣговыхъ вершинъ пересѣкаютъ прекрасно обработанныя поля и питаютъ роскошную зелень. Длинныя аллеи шелковиць возвышаются надъ хлѣбными полями. Ихъ стволы обвиты виноградными лозами, которыя перебираются съ дерева на дерево, образуя роскошныя гирлянды. Среди этого сада Италіи расположенъ Миланъ, а въ центрѣ его блеститъ на голубомъ небѣ бѣломраморная громада собора. Архитектура собора несложна. Это обыкновенный домъ съ острою клинообразною крышею, которая окружена мраморными кружевами. На этой крышѣ виднѣтся цѣлый лѣсъ башенъ, колоколенъ, шпицовъ, минаретовъ. Они всѣ испещрены узорами, легки, граціозны, сквозны, какъ фан-

тастическія капели сталактитовыхъ пещеръ. Центральная пирамида филиграноваго мрамора несетъ фигуру Божіей Матери, возносящейся на небо. Она воздвигнута въ 1770 году, и сдѣлана миланскимъ скульпторомъ Бини. Статуя вылита изъ бронзы и покрыта толстымъ слоемъ золота. Съ вершины башни открываются разнообразныя виды на всю равнину Ломбардіи. Къ сѣверу Альпы рисуются своими бѣлыми зубцами на голубомъ горизонтѣ. Съ юга горизонтъ замыкается Павіею, за которою едва виднѣются хребты Аппенинъ. Къ востоку Крема, Лоди, Бергамо и безконечная долина зелени. На западъ изумрудная долина Пиемонта съ бѣлѣющими пятнами деревень и замковъ. Внизу шумитъ многолюдный городъ...

Каждая колокольня и башня украшена 25 статуями изъ бѣлаго мрамора. Можно бы составить цѣлый городъ изъ мраморныхъ людей, такъ какъ всѣхъ статуй болѣе 7000! Кровля храма цѣлый лабиринтъ: лѣсъ башенъ и шпилей, толпы статуй. Между ними есть статуя Наполеона 1-го, который много подвинулъ приостановившіяся работы по сооруженію храма. Онъ короновался въ этомъ соборѣ знаменитою желѣзною ж) ломбардскою короною въ 1804 году и, говорятъ, сказалъ при этомъ: *Malheur a qui la touche* (горе тому, кто ее коснется)! Саулъ во пророцѣхъ!

Издали, пишетъ Гейне, соборъ кажется вырѣзаннымъ изъ бумаги; приближаешься и видишь, что это бѣлый мраморъ. Безчисленныя статуи святыхъ, стоящія въ небольшихъ готическихкихъ нишахъ, или поставленныя на остроконечія, составляютъ какъбы фантастическое народонаселеніе. Внутренность болѣе величава. Смѣлые и широкіе своды поднимаются на 46 метровъ надъ почвою. Все зданіе составлено изъ бѣлаго мрамора. Для подвоза его изъ Бавено былъ вырытъ особый каналъ. Тутъ не найдешь ни куска дерева. «Общее впечатлѣніе, когдаходишь въ храмъ,—это величіе и простота. Нѣтъ ничего лишняго, всякую линію видишь съ ея начала до конца,

ж) Желѣзною она называется, потому что въ золотомъ ободкѣ ея, будто бы, закованъ одинъ изъ гвоздей, которыми Спаситель былъ пригвожденъ ко кресту.

а рисунокъ храма обнимаешь однимъ взглядомъ. Роскошь, которую лобуешься снаружи, внутри храма какъ будто задержана таинственнымъ покровомъ. Свѣтъ льется сверху; онъ проходитъ чрезъ цвѣтныя стекла, и окрашиваетъ различными цвѣтами придѣлы храма и алтари. Въ воздухѣ носятся густые аккорды органа и хоръ серебряныхъ голосовъ дѣтей, поющихъ канонъ»³⁾. Этотъ изящный храмъ, стоящій на границѣ романскаго племени съ германскимъ, на концѣ среднихъ вѣковъ, у преддверія новой исторіи, подобенъ нашимъ сѣвернымъ зарямъ, которыя въ концѣ мая и въ началѣ іюня свѣтлят неугасающимъ свѣтомъ, представляя прощаніе уходящаго дня и предвѣщая рожденіе новаго.

Италія по преимуществу страна искусства. Чудный климатъ, лазурное море и небо, волшебныя линіи горизонта, великолѣпная растительность, горы, величественныя развалины античныхъ храмовъ, термъ, дворцовъ, полныя историческихъ воспоминаній и минувшей славы вѣчнаго Рима—все это, взятое вмѣстѣ, содѣйствовало художественному развитію народа поэтическаго, воспріимчиваго ко всему прекрасному. Каждый почти городокъ имѣетъ свою замѣчательность; каждая церковь—своего рода маленький музей, каждый монастырь—консерваторія. Но пропуская вещи вполне достойныя вниманія, напримѣръ, Картезіанскій монастырь въ Павіи, церкви св. Зенона въ Веронѣ, св. Петронія въ Болонѣ, мы переходимъ прямо къ великому изъ колоссовъ, всесвѣтно извѣстному храму св. Петра въ Римѣ.

Вѣкъ возрожденія былъ удивительный вѣкъ, вѣкъ необычайнаго пробужденія умственной и художественной жизни въ Италіи, нѣчто въ родѣ великаго переселенія народовъ или эпохи крестовыхъ походовъ. Въ Италіи предаются изученію классиковъ, обращаются къ остаткамъ великихъ произведеній античнаго искусства, рьяно и опрометчиво отвергая все созданное средними вѣками, порывая связи съ преданіемъ, круто опрокидывая вѣрованія, обычаи, авторитеты. Одни

3) Моск. Вѣд. 1884 г. № 164. „Замѣчательнѣйшія постройки земнаго шара“ с. Лефевра. 1870.

хотятъ возвратиться къ временамъ язычества; другіе мечтаютъ возвратиться къ чистотѣ первобытнаго христіанства. И тѣ, и другіе, въ избыткѣ энтузіазма, перешагиваютъ границу, забываютъ мѣру, заносятся дальше, чѣмъ слѣдуетъ. «Послѣ промежуточнаго періода, пишетъ гр. Уваровъ^{н)}, а его (періода) слѣды можно обозначить шагъ за шагомъ, вгнѣздился въ умы подѣ многоразличными формами духъ сомнѣнія; тогда религіозная идея, подкопанная реформою, потеряла свою власть надъ умами. Никогда не вступаешь въ храмъ св. Петра безъ мысли о Лютерѣ; его тѣнь, кажется, блуждаетъ подѣ портиками Льва X. Исчезла живая и горячая вѣра, отъ всѣхъ сторонъ стремились умы съ шумными кликами къ неизвѣстному; надобно было ладить съ этимъ движеніемъ, идти на помощь ослабѣвающей вѣрѣ, окружить ее всѣми обаяніями, всѣмъ мірскимъ великолѣпіемъ искусства. XVI вѣкъ безразсудный и блестящій, религіозный и скептической, весь кажется воплощеннымъ съ самымъ рѣдкимъ смысломъ въ твореніяхъ Микель-Анжело, Браманте и Бернини».

Подѣ такими условіями возникла въ Италіи новая шеола искусства, давшая множество геніальныхъ художниковъ по всѣмъ отраслямъ изящнаго. Многіе изъ нихъ блистали многосторонними дарованіями. Леонардо да-Винчи былъ живописецъ, скульпторъ, инженеръ, поэтъ и музыкантъ. Рафаэль Санціо—величайшій живописецъ и знаменитый архитекторъ. Бенвенутто Челлини—ваятель, рѣщикъ, литейщикъ, инженеръ, музыкантъ. Микель Анжело—великій живописецъ, знаменитый зодчій и недосягаемый ваятель. Скульптура, живопись, архитектура занимали, волновали всѣхъ, начиная отъ кардинала и кончая извоцниками и нищими. Въ эту-то исключительную пору строился всемірно извѣстный храмъ св. апостола Петра, первопрестольный храмъ всего западнаго христіанства, чудо искусства, музей образцовыхъ произведеній, созданіе нѣсколькихъ поколѣній, знаменитѣйшихъ зодчихъ и

н) Прописен. книга III, 1853 г. „Римъ“ гр. С. С. Уварова.

нѣсколькихъ папъ, которые щедро тратили всемірную лепту св. Петра, чтобы дать Риму храмъ достойный удивленія вѣковъ, достойный верховнаго Апостола, покровителя римскаго престола ¹⁾.

Объ этомъ храмѣ писано столь много, что никто не въ состояніи прочесть гору писаннаго и печатаннаго объ этой рукотворенной горѣ. Высказано столько взглядовъ и мнѣній, что ихъ невозможно согласить. Восхищаются всѣ дѣйствительными, не отрицаемыми достоинствами высокаго (воистину!) произведенія зодчества; но и находятъ не мало недостатковъ каждый съ своей точки зрѣнія. Осуждаютъ его необычайно колоссальные размѣры: есть-де у чувствъ человѣка извѣстная граница воспріемлемости, за которою уже исчезаетъ мѣра удовлетворенія эстетическому чувству. Это-де ужъ не зданіе, которое можно охватить зрѣніемъ, а какая-то пустыня, хаосъ первобытный, гдѣ вниманіе теряется... Замѣчаютъ невыдержанность, незаконченность, несимметричность орнаментовъ: то, дескать, безцѣнные мраморы, золото, мозаика, то штукатурка, покрытая грубою клеевою краскою ²⁾. Конечно на всѣхъ не угодишь. Всѣ однако, порицая частности, поражаются величиною, великолѣпіемъ, величіемъ цѣлаго созданія. «Церковь св. Петра, говоритъ гр. Уваровъ въ преждепомянутомъ сочиненіи, толпою путешественниковъ восхваляется или порицается по печатнымъ книгамъ, а она далеко не изучена съ настоящей точки зрѣнія. Все переговорено о несвязности въ планѣ, о недостаткѣ въ цѣломъ и пр., и пр., но такіа критики говорятъ очень мало. Горе тому, кто су-

1) Существуетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды Левъ X, сидя въ своемъ кабинетѣ, пересчитывалъ ворохъ золотыхъ монетъ, насыпанныхъ предъ нимъ на столѣ. Въ это время вошелъ въ комнату одинъ прелатъ, пользовавшійся сего расположеніемъ, и пана обратился къ нему съ такими словами: „вотъ, отче, мы уже не можемъ сказать, какъ апостоль Петръ: серебра и золота нѣтъ у меня.. (Дѣян. 3, 1). „Да, ваше святѣйшество, со вздохомъ отвѣтилъ пришедшій: за то уже не можемъ сказать и дальше...

2) См. отрывокъ изъ Латрульи въ Римскихъ письмахъ Авдѣева. Прописки 1853, ст. 209.

дять будетъ объ этомъ чудѣ безъ глубокаго разумѣнія и искусства и Италіи! Впервыхъ, смотря только съ художественной стороны, кто въ состояніи не замѣтитъ, что недостатки въ подробностяхъ поглощаются великолѣпіемъ цѣлаго? Нѣтъ сомнѣнія, литые столбы балдахина ^{л)}, композиція каедръ—странны и не принадлежатъ ни къ одному ордену; статуи Бернини и его учениковъ неправильны и причудливы; есть памятники и вовсе посредственные. Но остановитесь въ срединѣ этого созданія архитектуры, и вы увидите, что ошибки и смѣлости въ сущности возвышаютъ блескъ цѣлаго. Ни одинъ художественный глазъ не дерзнетъ пожелать чего-либо другаго на мѣсто того, что есть». Этому знатоку надобно вѣрить.

Вотъ краткая исторія этого храма. Древняя базилика св. Петра давно уже грозила паденіемъ. Папа Юлій II-й поручилъ Браманте выстроить зданіе, достойное св. покровителя римскаго престола, согласное съ величіемъ, могуществомъ и богатствомъ преемниковъ св. Апостола. Основаніе храма съ великимъ торжествомъ заложено 18 апрѣля 1506 года (нынѣ значитъ, ему минуло 380 лѣтъ). Въ 1514 уже выведены арки и паруса, долженствовавшіе держать на себѣ куполь, величайшій изъ куполовъ всего міра ^{м)}. Онъ имѣетъ сорокъ два метра съ половиною внутренняго поперечника. Столбы, его поддерживающіе (пилоны)—двадцать метровъ толщины. Въ повѣйшее время, по какой-то несчастной прихоти, вздумали устроить въ одномъ изъ этихъ столбовъ-башенъ винтовую лѣстницу. Громадный куполь далъ трещину и его связали желѣзнымъ обручемъ ^{н)}. По смерти Браманте, послѣдовательно занимались постройкою собора Жюкондо, Рафаэль, Перуцци,

л) Балдахинъ бронзовый 14 саж. вышины, т.-е. выше петербургскихъ домовъ.

м) Два купола громаднаго зданія 2-й всемірной выставки въ Лондонѣ имѣли еще большій размѣръ; но они были выстроены на желѣзныхъ дугахъ и сдѣланы изъ легкаго листоваго желѣза, отштукатурены по войлоку.

н) Письма А. Н. объ Италіи.

Санъ-Галло. Въ 1546 году Микель Анжело вывелъ стѣны купола (трибуну) °). Карлъ Мадерни измѣнилъ планъ храма изъ греческаго креста въ латинскій, т.-е. удлиннилъ одну вѣтвь равноконечнаго креста, отчего куполь не сталъ видѣнъ равно изъ всѣхъ частей храма. Бернини украсилъ площадь предъ соборомъ двумя полукруглыми колоннадами (въ родѣ той, что у Казанскаго собора въ Петербургѣ), что придало храму еще болѣе величественный видъ. Эта площадь съ обелискомъ посрединѣ и двумя фонтанами по сторонамъ есть какъбы напоминаніе притвора (атріумъ, нартѣкъ), гдѣ совершали омовеніе въ древности, входящіе во храмъ (по храму и притворъ!), а обелискъ напоминаетъ тѣ колонны, которыя украшали преддверіе храма Соломонова. Съ балкона, обращеннаго къ этой площади, папа преподавалъ благословеніе *urbi et orbi* (Риму и міру).

Наружность этого собора, видъ его площади конечно всякій знаетъ по разнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ; но по рисунку невозможно представить громадность, массивность, ширину и высоту этого колосса; цифры тоже мало помогаютъ воображенію 11).

о) Извѣстно его горделивое изреченіе, что онъ подниметъ пантеонъ и поставитъ на церковь. Пантеонъ въ Римѣ—языческій храмъ всѣхъ боговъ (нынѣ Всѣхъ святыхъ), дѣйствительно сходный по величинѣ съ куполомъ св. Петра. Бронзовыя украшенія этого храма ободраны и употреблены на храмъ св. Петра, откуда образовалась извѣстная пословица: *quod non fecerunt barbari, fecerunt Barbarini*. Чего не сдѣлали варвары, то сдѣлали папы (изъ дома Барберини). Это дѣло папы Урбана VIII.

11) Длина всего зданія по лицу 219 м., поперечныя вѣтви креста (трансептъ) 154 метра, ширина главнаго нефа 26 метровъ, высота свода (не купола) отъ полу 31 метръ. Куполь 42 метра внутренняго поперечника; столбы подъ нимъ 20 метровъ толщины. Соборъ превосходитъ длиною Миланскій, Маннскій, Реймскій. Парижскій, Шартрскій, Бургскій легко помѣстятся въ поперечной галлерей. Отверстіе на верху купола возвышается на 101 метръ надъ поломъ церкви, а отъ него до креста (т.-е. въ такъ называемомъ фонарикѣ 31 метръ; хорошъ фонарикъ!). Большая египетская пирамида, шпиль Страсбургскаго собора и колокольня Аміенскаго превосходятъ эту высоту

Въ минувшія времена, когда въ храмѣ Петра самъ папа совершалъ торжественную обѣдню, войска, въ полномъ вооруженіи, какъ на парадѣ, строились вокругъ престола. Въ тотъ моментъ богослуженія, когда папа, поднимая потиръ, осѣнялъ имъ четыре страны свѣта, войска дѣлали на карауль, а хоръ трубъ привѣтствовалъ папу торжественными звуками въ глубинѣ купола, въ этомъ «фонарикѣ», какъ будто съ небесъ: «санна въ вышнихъ!» Этотъ эффектъ, конечно театральный, однако глубоко потрясалъ молящихся, и всѣмъ далъ понятіе о колоссальныхъ размѣрахъ храма и вышинѣ его купола.

Сооруженіе храма св. Петра совершалось болѣе полстолѣтія; въ теченіе этого времени перемѣнилось 22 папы. Работами завѣдовали тринадцать архитекторовъ одинъ за другимъ отъ Браманти до Бернини.

«Въ 1693 году стоимость всѣхъ издержекъ по постройкѣ, по исчисленію Карла Фонтета, достигла громадной суммы 251,450,000 франковъ, что по настоящимъ цѣнностямъ равнялось бы двойному количеству, достигая круглымъ числомъ до пяти сотъ милліоновъ франковъ» (Леонъ Рейнардъ).

Кончая эти выписки, повторяемъ, что ни рисунки, ни цифры не въ состояніи дать нашему воображенію настоящее представленіе о гигантскихъ размѣрахъ этого колосса и о томъ впечатлѣніи, какое производитъ на очевидца это зданіе. Много лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ была устроена испанская панорама Лондона. Введенный въ огромное круглое зданіе съ куполомъ, зритель долженъ былъ вообразить, что онъ находится на верху купола св. Павла. Надъ нимъ высилось сѣрое небо туманнаго Альбіона; кругомъ него во всѣ стороны до самыхъ краевъ горизонта разстился безконечный городъ, море крышъ, тысячи высокихъ дымящихся

30-ю, 10-ю и 2 мя метрами. Пространство покрытое постройкою, не считая ризницъ и галлерей, предшествующихъ главному зданію, занимаетъ 23,000 квадратныхъ метровъ. Въ соборѣ можетъ помѣститься до 50,000 человекъ! Эти подробности въ сокращеніи заимствованы изъ книги: „Замѣчательнѣйшія архитектур. и художеств. постройки земнаго шара“ с. Лефевра и. Яковлева 1870. Сиб.

трубъ безчисленныхъ фабрикъ и заводовъ, и все это волнующееся море крышь наконецъ въ неясныхъ очертаніяхъ сливалось съ туманною далью дымнаго горизонта. Недавно и у насъ, по окончаніи послѣдней турецкой войны, устроена была подобная панорама Карса. Только при подобномъ приспособленіи можно бы дать наглядное понятіе о внутренности Петровской базилики. Зрителя мы помѣстили бы въ центрѣ зданія близъ главнаго престола. Впереди и позади его были бы линіи главнаго нефа, справа и слѣва галерея поперечнаго нефа (трансепта), а надъ головою центральный куполь. Кто, какая кисть передастъ неуловимое разнообразіе всѣхъ украшеній? Поля и стѣны облицованы драгоценными разноцвѣтными мраморами. Столбы и карнизы украшены позолотою и превосходными арабесками. Неизмѣримый куполь блещетъ золотомъ и драгоценными мозаиками. Полосы яркаго свѣта сыплются изъ его многочисленныхъ оконъ. Внизу, по всѣмъ направленіямъ, видны придѣлы (капеллы) величиною съ церковь обыкновенныхъ размѣровъ, монументальныя гробницы, статуи святыхъ, начиная съ Моисея и Давида (и кончая Готфридомъ Буильонскимъ и Карломъ Великимъ) изъ мрамора и бронзы.

«И этому чуду искусства и генія, вѣроятно предстоитъ общая судьба всего земнаго. Даже кругомъ него по окрестнымъ холмамъ вѣчнаго Рима безмолвно стоятъ развалины дворца цезарей, термы Каракаллы, поросшіе плющемъ и дикимъ кустарникомъ, остовъ громады Колизея. Война, землетрясеніе— и кто въ состояніи будетъ возстановить этотъ куполь, колоннады, мозаики? Ничто не вѣчно подъ луною, и самой землѣ, нерукотворенному созданію, предстоитъ нѣкогда такая же участь. Единъ Богъ вѣченъ!

Въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твою суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши; и вся, яко риза, обѣтшаютъ, и яко одежду свѣиши я, и измѣнятся. Ты же тойже еси и мѣта твоя не оскудѣютъ! (Пс. 101).

Свящ. В. Владимірскій.

ДУХОВНЫЕ СОВѢТЫ ВЪ ПИСЬМАХЪ

АСТРАХАНСКАГО ЕПИСКОПА ГЕРАСИМА

къ ИГУМЕНЬ (СИМЬ. СПАССК. МОНАСТЫРЯ) ЕВПРАКСИИ.

1854—1857 годы а).

1854 г. 26 янв. ³/₄, 8 часа вечера. Первѣе всего благодари Господа, давшаго тебѣ много-мало понять всю трудность служенія нашего, паче же трудность устроенія душъ. Изъ наукъ наука званіе пастырское, служеніе спасенію души падшей, уклоняющейся поминутно отъ Христа, ее ищущаго, влекущаго къ Себѣ чрезъ насъ недостойныхъ!.. Въ моемъ служеніи тѣнь только служенія Пастыреводителя и призракъ одинъ;—такъ что почасти горю я отъ стыда при названіи отца и душеводителя вашего... Благодарю Господа, что, понимая силу и значеніе званія душеводительницы, не спѣшишь ты облечься лестнымъ для самолюбія, но тяжелымъ для совѣсти именемъ матери, предлагаемымъ тебѣ довѣріемъ рабыни Христовой Софіи.

Чѣмъ менѣе расчитываемъ, полагаемся на силы наши, тѣмъ благоуспѣшнѣе, при упованіи на благодать Божію, пойдутъ дѣла наши; тѣмъ оцутительнѣе будетъ совершаться сила Божія въ немощи нашей (2 Кор. 12, 9), тѣмъ ближе къ намъ Богъ будетъ, гордымъ противящійся, смиреннымъ же

а) Писаны въ то время, когда Герасимъ былъ архимандритомъ и ректоромъ Симбирской и потомъ Харьковской Семинарій. Жизнеописание его, составленное монахиней Евсевіею, см. въ Душен. Чтеніи 1885 г. февраль, мартъ и апрѣль. Въ Душен. Чтеніи 1882 и 1883 помѣщены письма Герасима къ сестрамъ ея монахинѣ Евпраксіи и А. Е. Руммель.

дающій благодать (Притч. 3, 34) для спасенія и ихъ самихъ и тѣхъ, кого ведутъ они къ Нему, побуждаемые величіемъ Его... Продолжай дѣйствовать, какъ начала, смиренно и отнюдь не принимай названія матери и правъ, соединенныхъ съ нимъ, а оставайся какъ была другомъ и споспѣшницею подвиговъ души, довѣряющейся тебѣ съ любовью. При чемъ замѣть единожды навсегда слѣдующія правила: 1) Не налагай на друга бременъ тяжелыхъ и неудобноносимыхъ (Матѳ. 23, 4). 2) Не спѣши отвѣтами ей и 3) никогда не встрѣчай и не провожай ее безъ того, чтобы въ первомъ случаѣ не предварить, и въ послѣднемъ не сопровождать ее молитвою сердца, въ отсутствіе, разумѣется, ея. Чѣмъ бы ты ни была занята, разстроена, даже въ минуты свиданія, заранѣе условленнаго, забудь ты объ этомъ, и покажи все вниманіе твое къ гостьѣ, всю горячность любви твоей... Ласки—плодъ вѣжливой любви души врача—имѣютъ удивительное свойство смягчать остроту и горечь отвратительныхъ подчасъ лекарствъ для болѣзненной души нашей.—Сколько отъ меня будетъ зависѣть, или лучше сколько Господь мнѣ поможетъ, я съ любовью буду помогать тебѣ нести твою ношу и со слезами умиленія радоваться, что и сама ты идешь, не падая, ко Христу тѣснымъ путемъ (Матѳ. 7, 14), и другихъ ведешь за собою, поддерживаемая Имъ. Христосъ съ тобою!

1854 г. 30 янв. $\frac{3}{4}$ 6 часа вечера... Подъ исповѣдничествомъ я разумѣю: 1) вѣрность въ дѣлахъ, словахъ, помысленіяхъ и самыхъ чувствахъ ко Господу нашему І. Христу, и 2) тотъ героизмъ, который не знаетъ ни стыда, ни страха дѣйствовать всегда и вездѣ, согласно духу Христову, по заповѣдямъ Его.

Молитву я разумѣю тайную и только съ твоей стороны, за нѣсколько минутъ и спустя *предъ* и *послѣ* свиданія заранѣе условленнаго.

Возвращаюсь къ руководимой тобою Софіи. У родныхъ нехристіанскаго духа пусть держитъ себя оца, какъ христі-

анкѣ прилично: по совѣсти и согласно духу заповѣдей Божіихъ, не боязненно исповѣдуя дѣлами своими имя Господа нашего (Лук. 10, 8. 9), какъ бы на это ни смотрѣли вольно-мыслящіе, если не хочетъ быть отвергнута Отцемъ небеснымъ (Матѹ. 10, 33) за челоуѣкоугодіе. Вѣдь *любь міра* сего, соединенная съ нелюбовію ко Господу, *есть вражда* къ Нему (Іак. 4, 44)... Или она не знаетъ сего?—Молитвою болѣе умпой *тамъ* заниматься она должна поминутно, представляя одесную себя Господа вездѣсущаго (Псал. 15, 8). Въ концертъ стѣздить можетъ, избирая изъ двухъ золь—меньшее, если только, въ случаѣ отказа, встрѣтитъ ее гнѣвъ отца. *Чоточки* пока не нужны для нея. Дѣтямъ *французскія книги* С. читать можетъ, если нѣтъ въ нихъ дурнаго; а если есть глупости, — какъ яда не должна давать имъ. Въ семинаріи могла бы она взять «Училище Благочестія», или Лавсаикъ. Основательнѣе мнѣ писать и некогда; можешь однако сказать, чтобы, ложась въ постель, съ чувствомъ прочитывала псаломъ (90-й): «Живыи въ помощи Вышняго»... Сокрушеніе ея о скоромной пицѣ въ постъ достойно всякаго уваженія. Но мнѣ кажется, почему бы не возвысить ей голоса *во имя истины* и не сказать господину-супругу о необходимости приучать дѣтей къ соблюденію церковныхъ заповѣдей... Пусть послѣ молитвы попробуетъ, да и дѣтямъ внушитъ, что грѣшати они, кушая то, чего не должно бы... Ал. Ею—на и съ нѣмцемъ живетъ, по природѣ колбасникомъ, и не потрусила же дѣтей хранить отъ нарушенія заповѣди святой матери нашей (Галат. 4, 26) Церкви.

1854 г. февр. 10-го дня, 7 час. веч. Берусь говорить о необходимости внѣшней молитвы, дома ли въ кѣлти, или внѣ дома совершаемой, во имя Господне.—Необходимость такой молитвы условливается:

1) Обязанностію съ нашей стороны повиноваться повелѣнію святой матери нашей Церкви, которая завѣщала намъ и утреннія и вечернія молитвы съ древнихъ временъ. Еслибы намъ были не нужны эти молитвы, какъ лѣствица,

возводящая отъ помысловъ суетныхъ нашъ умъ къ небеснымъ, или какъ посохъ хилому и разслабленному, то святая Церковь не дала бы намъ ихъ и не обязывала насъ въ ряду десяти своихъ заповѣдей — въ заповѣдяхъ 1-й и 6-й молиться такимъ образомъ, и мы, какъ чада, не должны нарушать ея уставы святыя. *Аще кто Церковь преслушаетъ, сказано, да будетъ тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17).

2) Потребностію самой души нашей, нуждающейся, особенно на первыхъ порахъ обращенія нашего ко Господу, во внѣшней молитвѣ, какъ птенецъ въ бѣлкѣ яйца, или какъ плодъ древесный въ листьяхъ. Живя по большей части внѣ себя, мы не можемъ вдругъ воспарить нашимъ умомъ ко Господу, живущему во свѣтѣ непреступномъ, какъ птицы дворовыя не могутъ летать по поднебесью. Намъ нужно предварительно настроить себя и войти въ духъ молитвенный; а этому какъ нельзя болѣе и содѣйствуетъ внѣшнее молитвенное правило, безъ коего, какъ обремененная плодами вѣтвь безъ опоры, душа наша можетъ пасть съ высоты молитвеннаго величія, или отъ гнета нуждъ житейскихъ, или отъ тщеславія. Не говорю уже о томъ, что, какъ больному глазами нельзя смотрѣть прямо на солнечный свѣтъ, такъ и грѣшнику на Солнце правды — Господа нашего. Какъ первому зонтикъ, такъ послѣднему нужно посредство такое, которое бы мало-по-малу вводило душу на общеніе съ Господомъ.

3) Примѣромъ Іисуса Христа и всѣхъ святыхъ Божіихъ, молившихся внѣшно и другихъ научившихъ молиться не духомъ только и умомъ, но и внѣшно, на каковъй конецъ преподали намъ и образцы для молитвы. Какъ же оставить намъ эти образцы, изъ коихъ сложились такъ называемыя правила молитвенныя?

Правда, что молиться безъ участія сердца устами только не хорошо; но вина и здѣсь не на сторонѣ правила, а на насъ: въ лѣнности и нерадѣніи нашемъ, въ холодности и разсѣянности. Потому, приступая къ молитвѣ, должны мы вво-

дять въ участіе и сердце наше, вводить тщательнѣе, прилѣжнѣе, усерднѣе, хотя бы оно на первыхъ порахъ и мало находило въ ней удовольствія, тяготилось ею. Премилосердый Господь, видя усиліе наше благоговѣйное, пошлетъ намъ духъ молитвы—и воспаритъ она тогда къ престолу благодати, какъ орелъ къ солнцу. Даже еслибы ты принималась сначала за исправленіе правила, какъ за изученіе нелюбимаго урока, все же это лучше, чѣмъ оставить вовсе это правило и успокоивъ себя, оставаться съ мыслию, не безопасною для нашей слабости: «и не связывая себя слишкомъ правиломъ, я исполнила заповѣдь св. Апостола: *непрестанно молитесь*» (1 Сол. 5, 16). Благодать Божія, какъ сила Божія, приходитъ къ призыву сознаваемого нами безсилія, а не къ самовольству, плоду гордости нашей. Ложись лучше съ сокрушенною мыслию, что ты не все успѣла выполнить правило, чѣмъ съ ложнымъ предположеніемъ и думою о своей исправности. Христосъ съ тобою!

1854 г. 12 февр. $\frac{1}{2}$ 8 часа вечера. Въ сообразность заботливости твоей объ улучшеніи состоянія духа доброй Софіи Ив., равно и объѣта сердца моего—не тѣсно вмѣщающаго ее, спѣшу воспользоваться первыми минутами досуга, отнятыми однакоже у молитвы, чтобы дать отвѣтъ по возможности удовлетворительный на то, о чемъ она спрашиваетъ тебя, а именно:

Промыслъ, по отношенію къ существамъ нравственно свободнымъ, дѣйствуетъ двояко. 1) Когда существа эти началомъ дѣятельности своей имѣютъ волю Божию, сообразуя свою волю стронтивную во всемъ съ заповѣдями Божиими, кои для любви ихъ пламенной *тяжки не суть* (1 Юан. 5, 3); тогда Промыслъ, *начинаетъ дѣло благое* въ сердцахъ ихъ, *содѣйствуетъ* имъ во всякомъ дѣлѣ блазѣ (Колос. 1, 10), *хранитъ ихъ*, яко зеницу ока (Псал. 16, 8), видимо и невидимо, и наконецъ все и добро и зло въ ихъ судьбѣ направляетъ къ благой цѣли; поэтому-то *любящимъ Бога* и болѣзнь дѣтей, и грубость прислуги, и мужа холодность, словомъ *все*

способность, по слову ап. Павла, *во благое* (Рим. 8, 22).

2) Если же мы не усовершенались еще въ любви ко Господу, если, какъ трости, вѣтромъ колеблемыя, то припадаемъ ко Господу, какъ чада къ Отцу благостному, то отпадаемъ, бѣжимъ отъ Него, какъ рабы строптивыя, тяготясь благимъ Его игомъ и бремя Его легкое (Матѳ. 11, 30) почитаемъ невыносимымъ: тогда для развитія въ насъ духа покорности и смиренія, на недостатокъ коего ты жалуешься въ себѣ, преблагій Божій Промыслъ попускаетъ обрушиваться на главу нашу скорбямъ и тѣснотѣ отвсюду (Рим. 2, 2. 9): и гнѣвъ мужа, и невѣрность прислуги, и хворость дѣтей тутъ *железомъ* для насъ служатъ исправительнымъ, коимъ пощипаетъ Онъ беззаконія наши (Псал. 88, 33). Впрочемъ скорбь съ тѣснотою нерѣдко удѣломъ бываетъ и праведниковъ, кои, ревнуя о правдѣ въ мірѣ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ и на каждомъ шагу встрѣчаясь съ лукавствомъ, естественно должны скорбѣть о поступкахъ, коими хулятся имя Божіе, какъ дѣти добрыя скорбятъ, не видя должнаго уваженія къ своимъ почтеннымъ родителямъ,—должны скорбѣть и по слову Христову *въ терпѣніи стяжевать* свои души (Лук. 21, 19), т.-е. чрезъ великодушное и кроткое перенесеніе непріятностей и самыхъ напастей спасая спасать свои души, кои, яко злато въ горнилѣ (Сирах. 2, 5), очищаются, свѣтлѣютъ и возвышаются, при содѣйствіи Божіемъ, чрезъ скорби. Мнѣ желалось бы причислить тебя къ лику послѣднихъ избранниковъ Божіихъ и *ублажить* тебя, какъ Іова, за терпѣніе (Іак. 5, 11). Мнѣ хотѣлось бы видѣть тебя Божіимъ чадомъ, по любви Его наказуемымъ: болѣзнію чадъ, холодностію мужа, строптивостію прислуги. Отъ тебя зависитъ порадовать меня и утѣшить этимъ, сколь ни мало я достоинъ утѣшенія этого. А что скорби, напасти, бѣды не суть дѣло случая, довольно припомнить тебѣ, что слово *случай* нисколько не объясняетъ мрака судьбы нашей, жизни нашей: его избобрѣла мудрость языческая, блуждавшая во дни, какъ въ нощи, и осязавшая, какъ ночью, среди полудня. И съ чего пришло тебѣ въ голову, что *твоя судьба* не отъ лица Божія (Псал. 16, 2) исходитъ?

Развѣ Богъ нашъ не есть Богъ благодати и любви (1 Иоан. 4, 9)? Развѣ престалъ Онъ быть всемогущимъ, вездѣсущимъ, всевидящимъ? Развѣ для Него не все равно, править ли міромъ и солнцами двигать на небѣ, какъ дѣйствовать и въ нравственномъ мірѣ: блюсти его, содѣйствовать судьбамъ существъ, составляющихъ его, и направлять движенія воли ихъ и добрыя и злыя сообразно, своей цѣли? Развѣ забыла ты, что всѣ мы—чада Его и Его творенія? Имъ сотворены мы, Имъ возсозданы въ купели крещенія, отъ Него же получили и нужныя силы, *яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), въ таинствѣ мвропомазанія и дондѣсь получаемъ ихъ чрезъ таинства покаянія и причащенія. Развѣ ты забыла слово Христово, слово убѣдительное, умилительное, усладительное для всѣхъ малодушныхъ и скорбящихъ: *вамъ же и власи главиіи вси изочтени суть* (Матѣ. 10, 30), такъ что ни одинъ изъ нихъ, сколь ни ничтожная эта часть существа нашего, не спадетъ безъ воли Его на землю (Лук. 21, 18)? А если не забыла все это и многое другое, что знаешь конечно не хуже меня, то какъ же тебѣ сомнѣваться: Промысломъ ли поупущено искушаться тебѣ то прислугою, то мужемъ, то дѣтскою хворостію?

О пользѣ скорбей и нуждѣ терпѣнія много есть книгъ; если нужны — пришлю тебѣ при первой вѣсти объ этомъ. Вотъ другъ мой, что послалъ Господь на долю доброй Софіи Ив... Радъ, что ты поправляешься. При скорбяхъ-недугахъ своихъ, скорби ваши и недуги какъ-то больнѣе, тяжелѣе для сердца становятся. Христось съ тобою!

1854 г. 16 марта $\frac{1}{4}$, 2 часа дня. Власяницу отправилъ я къ тебѣ по какому-то непреодолимому побужденію; видно нужна она и очень теперь для тебя. Носи ее, люби ее, ничего не страшась. Привычка притупить жесткость ея и дѣло обойдется безъ большихъ хлопотъ съ претензіями изнѣженной плоти; помни однако при этомъ, что власяница есть только припоминательный знакъ для инока всѣхъ тѣснотъ жизни.

Постъ въ завтрашній день умѣряется, по причинѣ празднуемаго св. Алексѣя Божія человѣка: можно поэтому и горяченькаго испить и покушать кашицу и рѣпку также скушать, ничтоже сумняся.

Аванасіи скажешь, что грѣха нѣтъ, если немного утерлась она послѣ причастія. Скорбь души пусть врачуетъ терпѣніемъ и самособранностію, при созерцаніи Господа, любящаго правыя сердцемъ (Псал. 144, 9). На особомъ письмѣ да не взыщеть съ меня любовь ея... Прости. Христосъ съ тобою!

1854 г. 20 марта $\frac{1}{2}$ 12 часа утра. Сердце наше, какъ желѣзо: безъ молота принужденія, безъ огня божественной любви—оно холодно и ни къ чему не годно... Нудь себя, забывая себя: и найдешь себя, мой другъ, какъ драхму погибшую (Лук. 15, 8—10). Христосъ съ тобою.

1854 г. апр. 15, $\frac{1}{2}$ 10 часа вечера. Уныніе и лѣность въ дѣлѣ спасенія стоить же опасны для иноковъ и инокинь, какъ и разсѣянная, шумная, открыто грѣховная жизнь міролюбцевъ. Бѣгай унынія и разлѣненія, не дружись съ ними, какъ съ врагами. Много тысячъ нашей братіи сгубили они, много столповъ потрясли, уронили. Чтобы не даться въ обманъ, или не поддаться духу унынія и лѣности, чаще думай 1) о страданіяхъ за насъ претерпѣнныхъ Иисусомъ Христомъ; 2) о завѣтѣ Его касательно самоотверженія и креста, которые до могилы должны быть спутниками нашими и друзьями неразлучными; 3) о сонмѣ святыхъ Божіихъ, о ликѣ преподобныхъ и праведныхъ, кои, какъ и ты—люди были слабые, не безъ грѣха сначала (Іак. 5, 17), но при содѣйствіи благодати, и намъ даруемой туне, ликуютъ теперь послѣ подвиговъ бранныхъ съ собою, міромъ и діаволомъ, на небѣ съ ангелами и съ Господомъ. Особенно же чаще молись, хотя коротенько, Господу Иисусу и Богоматери, да спасутъ душу твою. Безъ дѣла, когда въ силахъ, не оставайся ни на ми-

нугу: читай, пиши, работой занимайся, и тоска-лѣнь отбѣ-
жить отъ тебя—трудницы.

Икону къ тебѣ возвращаю съ желаніемъ сердца: да над-
поминаетъ она тебѣ поминутно и возстановленіе въ тебѣ об-
раза Божія, по коему ты создана Богомъ и который состоитъ
главнымъ образомъ въ совершенствахъ ума и воли, или въ
святости, высотѣ помысловъ и чистотѣ намѣреній и желаній.
Христось съ тобою!

1854 г. 30 апр., $\frac{3}{4}$ 6 часа утра. Софія Ив—нѣ напи-
пешь, чтобы дѣлала дѣло Божіе безъ всякой робости, все-
цѣло предавшись въ Его крѣпкія руки (1 Петр. 5, 6).

1) Угодять и исполнять волю родителей и мужа можно до
той только степени, пока они не располагаютъ насъ къ наруше-
нію обязанностей, предписываемыхъ намъ закономъ совѣсти и
повелѣніемъ Божіемъ. Итакъ, если воля и желанія людей при-
ходятъ въ столкновеніе съ волею Божіею, тутъ уже неумѣстно
послабленіе: Бога тогда подобаешь болѣе слушать, чѣмъ людей
(Дѣян. Ап. 4, 19)... Само собою разумѣется, что отказы въ
подобныхъ случаяхъ, по возможности, должны быть смягчены
отговорками, похожими на просьбу, на мольбу пощадить ея
немощь, и не отвлекать ее отъ богомыслія. «Аще кто, по
слову Христа Спасителя, не возненавидитъ отца своего и
матери своей (требующихъ отъ насъ нарушенія заповѣди
Божіей), тотъ не можетъ быть истиннымъ ученикомъ Хри-
стовымъ» (Лук. 14, 26): онъ рабъ міра и слуга его прихотей.
Да и родители-христіане посердятся—смилосердятся.

2) Эгоизмъ имѣетъ въ основѣ интересъ личный, земной, а
не спасеніе души; потому всячески долженъ быть побораемъ.

3) Слуги—дѣти господь; поэтому на послѣднихъ лежитъ
обязанность воспитывать въ нихъ, какъ въ дѣтяхъ, разные
добродѣтели, *правду* и *должное уравненіе* имъ подавая (Кол.
4, 1), по слову Апостола. Безъ взысканія за шалости остав-
лять ихъ не слѣдуетъ; взыскивать нужно и непогрѣшительно,
сообразуясь съ мѣрою понятій и чувствительности ихъ, съ
мѣрою вины первой или уже неоднократно. И малыя вины,

если повторены, должно сопровождать не малыми лишеніями для виновнаго; — безъ свидѣтелей буде можно, особенно на первыхъ порахъ, щадя репутацію ихъ и чувство чести.

4) При обличеніяхъ наблюдать кротость, жалость (Ефес. 6, 9), не столько, напримѣръ, объ украденной вещи, сколько о душѣ виновники кражи...

Не всякое лѣто въ строку: иногда можно дать видъ, что не замѣтили при повтореніи кражи, а виновнику, уличенному въ оной дать можно замѣтить стороной, что и прежнія продѣлки его извѣстны.

Вечернія молитвы всего лучше читать въ свое время: послѣ ужина умѣреннаго, или послѣ побывки въ гостяхъ, гдѣ уже, имѣя въ виду слабость силъ, не должна она засиживаться. Чтò ей назначить въ правило молитвенное, объ этомъ подумаемъ; а теперъ пока пусть скажетъ: *что и какъ* исполняла доселѣ она?

Четочки—плохая надежда, когда нѣтъ ангела хранителя при сердцѣ, или страха Божія... Пусть лучше навикаетъ поситъ постоянно въ *умъ* своею мысль о Господѣ Творцѣ и Отцѣ нашемъ, въ *волю* — желаніе быть со Христомъ, а въ *сердцѣ*—чувство близости къ намъ Духа Божія, Иже вездѣ есть и вся исполняетъ.

Безъ нужды крайней, къ людямъ чуждымъ духа Христова лучше не выѣзжать; а если и выѣхать довелось бы, такъ оставаться тамъ не надолго и не входить ни умомъ, ни сердцемъ, ни чувствомъ даже въ общеніе съ ними; прикасающійся смоль непременно очернится по слову Премудраго (Сирах. 13, 1). *Тягъь обычаи благаи бестыды злы* (1 Кор. 15, 33). Никому не льститъ, никому не потакать, и удерживаться отъ осужденія; въ случаѣ нужды сдѣлать о лицѣ, о вещи отзывъ по крайнему разумнію и совѣсти, не боясь людей, не могущихъ намъ ничего сдѣлать.

Пьянымъ нищимъ подавать деньги значитъ питать, усиливать въ нихъ пьянство; а это—грѣхъ. Пусть же лучше подаютъ имъ хлѣба, если берутъ, а если нѣтъ, пусть не смущается....

Посѣщать больныхъ и вообще бѣдныхъ хорошо, только не нужно открывать имъ имя свое.

Заключаю отмѣтки эти благодареніемъ Господу, сподобившему меня по движенію Его же, конечно, дара любви, побесѣдовать съ тобою, для блага единой изъ словесныхъ овецъ отъ двора Его.

1854 г. 9 мая $\frac{1}{2}$ 9 часа утра. Вся моя душа, другъ, унеслась теперь къ Софіи несчастной. Но что сказать ей, чѣмъ утѣшить ее—страдалицу? И какъ передать утѣшеніе это, готовое излиться изъ сердца живою любовію? Ахъ, другъ мой, если когда, то теперь въ особенности жалѣю, скорблю и кручусь: зачѣмъ я не лучше, не чище, не свѣтлѣе, въ соотвѣтствіе завѣту возлюбившаго меня Господа: *святи будете* (1 Петр. 1, 16)? Плачу, часто безутѣшно плачу о недостаткѣ чистоты моей и о лишеніи святаго дерзновенія, съ какимъ, въ минуты ясности на небѣ сердечномъ, рвется мой духъ по движенію сердца ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, съ благовѣстіемъ мира и радости отъ Господа нашего, отъ Бога любви и всякія утѣхи. Но прости! Не могу удержатъ пока слезъ, льющихся изъ очей моихъ, вносящихъ нерѣдко неміріе въ мою душу. Стану молить Господа за службу: да вразумитъ меня, что мнѣ сказать тебѣ для передачи сестрѣ-страдалицѣ. Похвали ее, что въ тайнѣ сердца слагаетъ она свое горе: есть Око всевидящее, которое, видя тайну ея, воздастъ ей явѣ (Матѣ. 6, 6)—тамъ въ вѣчности. А пока пусть смотритъ на горе свое, какъ на мушку, нужную для ранъ ея сердца, которую срывать прежде времени не безопасно для здоровья души; тѣмъ болѣе, что родные, узнавши недоброе о мужѣ, могутъ возстановить его и ожесточить, не сдѣлавъ ей никакого утѣшенія. Буде можно, и Ан. Петровнѣ не все бы она говорила: нетерпѣливая и горячо ее любящая,—она, сама не вѣдая, можетъ поселить неприязнь въ ея душѣ, обезмирной уже къ мужу, который до смерти, до гроба вправѣ требовать отъ нея уваженія. Для подкрѣпленія упавшаго духа ея, прочитай съ нею, или дай

прочитать дома два слова преосвящ. Филарета, заложенны мною,—какъ кому, а мнѣ много помогали, бывало, эти слова святителя, при смутныхъ думяхъ о неискреннихъ подчасъ отношеніяхъ ко мнѣ сослуживцевъ и знаемыхъ, унижающихъ и доброе имя мое и мою славу... Ты найдешь эти слова, въ 1-й части на страницѣ 181 и 193, 1848 г.

Дѣтей своихъ пусть предоставитъ въ волю Божию; еслибы и умерла сама,—примѣръ ея набожной жизни, какъ свѣчка для нихъ свѣтитъ будетъ чрезъ все поприще жизни ихъ и кротко, но сильно располагать и руководить ихъ будетъ къ добру... Пусть бы также и указывала имъ чаще на Того, Кого всѣмъ сердцемъ должны любить ихъ сердца младенческія.

Въ споръ съ мужемъ пусть уже не входить, и всецѣло предавъ себя Господу, молится за него, не вѣдущаго поистинѣ, что говорить и творить. При случаѣ можетъ высказать для его вразумленія кратко: почему она не можетъ безусловно повиноваться ему,—не видно возможности нигуда уйти отъ софѣсти, предписывающей ей свято блюсти заповѣданное святою Церковію и обличающей за нарушеніе заповѣдей ея Христось съ тобою!

1854 г. 25 іюля, $\frac{1}{4}$ 6 часа утра. Сохраняющій въ насъ жизнь, Виновникъ жизни нашей—Господь, да продлитъ ея теченіе въ васъ, чада мои Евпр. и Аѳ. Еѳ., еще и еще, для славы имени своего преславнаго. Если когда, то во дни ангеловъ вашихъ, чада Христовы, тѣмъ приличнѣе порадовать вамъ Христа съ ангелами совлеченіемъ съ себя тѣла грѣховнаго, т.-е. грѣховнаго образа мыслей, чувствованій, словъ, желаній, дѣйствій и обличеніемъ себя въ ризы Христовы: въ высоту мыслей, чистоту желаній, святость чувствованій, при содѣйствіи благодати, вамъ данной. Пусть день ангела—новый годъ для васъ—послужитъ новою степенью вашего духовнаго преспѣванія. Отъ души вамъ желаетъ сего всѣмъ сердцемъ многогрѣшный инокъ *Герасимъ*.

1854 г. 3 авг., $\frac{1}{4}$ 7 часа утра. Слава Господу, не давшему во смятеніе ноги твоя (Псал. 65, 9) и направившему стопы твоя на путь миренъ! Помня милость эту Божію, благодаря Господа; ибо миръ—даръ любви Его.

О неприятностяхъ моихъ новыхъ отъ влад. Феодотія б) много не беспокойтесь: онѣ ни съ Господомъ, ни съ нимъ не разобщаютъ меня. Пожелайте, чтобы онѣ были для меня, по слову преп. Лѣвiticника, духовными прижитаніями, или озареніемъ непорочности.

Болѣзнь моя, Богу благодареніе, проходить; но не проходить лѣность, меня обуявшая: сплю, какъ поденщикъ, и долго и крѣпко, просыпая утрени даже.

Душе моя, душе моя, встань, что спиши? Конецъ приближается и имаши смутиться...

1854 г. 28 авг., $\frac{1}{4}$ 9 часа. Мнѣ похуже вчерашняго, начинается тошнить... За полтора часа Господь, дивно пекущійся о спасеніи грѣшниковъ, прислалъ ко мнѣ, согласно призыву совѣсти моей, духовника, и я исповѣдался окаянный, успѣвшій нагрѣшить съ 14 числа опять. Велиа милость къ намъ Божія! Ни гробъ, ни могила не страшны: они мѣсто покоя, отдыха отъ трудовъ, тревогъ, печалей житейскихъ. Страшны грѣхи: какъ гири тяжелыя, они будутъ тянуть мою душу съ небесныхъ высотъ въ преисподнюю, изъ объятій Отца премилосердаго въ зіяющую пасть ада преисподняго. Послѣ Христа Спасителя грѣшниковъ—на васъ моихъ милыхъ вся надежда: поминайте многогрѣшнаго и недостойнаго именоваться именемъ *Герасима* в).

Благословляю васъ всѣхъ съ любовію нелицемѣрною, тою святою любовію, кою горѣло сердце мое бѣдное, далеко, далеко иногда увлекавшее меня.

б) Феодотій по навѣтамъ врага спасенія нашего не благоволилъ къ Герасиму въ бытность послѣдняго ректоромъ Симбир. семинаріи.

в) Герасимъ, значить: *честный*.

1854 г. 14 сент., $\frac{1}{4}$, 8 часа утра. Симоне, Симоне! се сатана проситъ васъ, дабы съялъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя: и ты никогда обращаея, утверди братію твою (Лук. 22, 31. 32). Такъ говорилъ вѣьегда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подвигоположникъ спасенія нашего, Симону. И теперь говорить устами Церкви святой Онъ тоже находящимся въ положеніи Симона: *се сатана проситъ*, какъ не смѣющій безъ Его попушенія коснуться къ христіанской душѣ и снять съ нея даже волосъ, *дабы съялъ яко пшеницу*, т.-е. просить подвергнуть ее смущенію, подозрѣніямъ, возбудить нетерпѣніе и нежеланіе носить немощи немощныхъ (Римл. 15, 1) и тяготы ихъ разнаго рода, чтобы такимъ образомъ ослабить въ ней любовь и, выкравъ изъ нея довѣренность къ ближнимъ душамъ, еще здѣсь на землѣ открыть для этой мало любящей, маловѣрной и крамольной души, адъ съ его злобою, мятежемъ, тоскою, грызущею сердце, какъ червь неусыпающій... *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя*. Итакъ въра въ насъ держится, растетъ, цвѣтеть и плодоноситъ не иначе, какъ силою этой молитвы Христовой. И любовь наша къ ближнимъ на этомъ же корнѣ стоитъ, процвѣтая дѣлами добрыми. Когда же мы обезмирились, давъ ограбить бѣру въ умѣ и любовь въ своемъ сердцѣ *сатанѣ*; то значить вышли изъ-подъ покровы ходатайственной молитвы о насъ Іисуса. Возблагодаримъ же Господа, благодарящаго намъ, чадо мое, и не попустившаго силою ходатайства своего о насъ—погибнуть намъ въ конецъ, возблагодаримъ за вразумленіе, за подкрѣпленіе, ободреніе и утѣшеніе, опять видѣть въ себѣ то, что сатаною было похищено: довѣренность къ другимъ, любовь къ нимъ—святыи даръ Духа Божія; возблагодаримъ и некосня пойдѣмъ *утверждать* кого чѣмъ можемъ изъ *братій нашихъ*, яко слуги Іисусовы, Божіи слуги, вновь Имъ искупленные изъ плѣна адскаго. И спасеннымъ ли не спасать погибающихъ? Горохищнымъ ли и обрѣтеннымъ не заграждать уста льва рыкающаго, по мѣрѣ силы дарованной Господомъ!? Во все время немирія твоего, какъ на

угляхъ горячихъ я былъ моимъ сердцемъ: оно болѣло и сильно мучилось бѣдное. Но слава Богу о всемъ! Христосъ съ тобою!

1854 г. 8 октября, 40 минутъ 7 часа. Поправилась ли ты? До поправленія здоровья о хожденіи въ церковь много не хлопочи; а также и о точности исполненія правилъ. Часто въ подобныхъ случаяхъ сознаніе своей безуспѣшности и укоръ за нее бываетъ дѣйствительнѣе для смиренія духа, чѣмъ подвигъ правила. Не правило спасаетъ насъ, а благодать Божія, привлекаемая смиреніемъ нашимъ.

1854 г. 16 окт. вечер. $\frac{3}{4}$ 8 часа. Давно, быть можетъ уже ждешь-не дождешься ты, чадо Христово, отъ меня отвѣта на письмо твое, полученное мною 14 числа текущаго мѣсяца. Пожалуй немного и пороптала ужъ на медлительность эту, повидимому неумѣстную. Виноватъ я, прости меня.

Смятошася кости мои и душа моя, скажу я съ св. Давидомъ (Псал. 6. 34), *смятеса зло*—въ эту пору. Связанному тѣсно узами дружбы любви съ вами, чадами моими, нельзя не горевать мнѣ, при видѣ—то малодушія вашего, то смущеній, то самыхъ паденій, столь иногда глубокихъ и тяжелыхъ, и сильно и крѣпко доводится мнѣ и не рѣдко притомъ страдать моимъ сердцемъ. Какъ мать надъ милымъ чадомъ, во гробѣ лежащимъ, томится, скорбитъ, заливаясь слезами, рыкая отъ воздыханія сердца своего (Псал. 37, 9) и тяжело утробною своею болѣзную: такъ и я, получивши вѣсть нерадостную изъ Павловки, скорбѣлъ и болѣзновалъ, рыдая въ стѣнахъ моихъ 14 и 15 числа. Не много и отъ васъ получилъ утѣшенія, даже отъ тебя, Ефремъ—крѣпость главы моея (— 59, 9). По замѣчанію моему Ан. Ив—на рѣшительно не приготовилась еще къ оставленію вольки своей: что же съ нею будетъ въ обители, гдѣ уже воля наша—врагъ нашъ изъ первыхъ? Съ другой стороны у нея не ле-

жить и сердце къ здѣшней ^{г)} обители, и она поминутно грозитъ странствованіями; что же будетъ толку, когда нынѣ поступить она, а на завтра оставить рѣшится обитель святую? Не лучше ли ей потереться, потерпѣть еще въ мірѣ и мало-помалу приучиться къ усидчивости, уединенію? Не далѣе какъ за полторы недѣли или за двѣ я далъ ей заповѣдь: <никуда не ходить по средамъ, по пяткамъ>—и что же? Ни разу она почти не выполнила завѣта этого, отзываясь то тѣмъ, то другимъ въ свое оправданіе. Такъ еще тяжела ей неволя эта вольная—послушаніе, которое между тѣмъ составляетъ краеугольный камень общежитія иноческаго, въ средѣ коего она должна привитаться.

1854 г., 6 ноября, вечера $\frac{1}{2}$ 9 часа. Не успѣлъ я окаянный отвѣтить тебѣ на письмоцо твое, въ коемъ ты спрашивала, между прочимъ, объ угощеніи по случаю дня рожденія. Не хорошо это дѣлать во дни настоящихъ вашихъ ангеловъ, а не тѣхъ, коимъ праздновали прежде, а также и во дни рожденія.

Скорбями ^{г)} Господь продолжаетъ взмскивать меня: начиная съ предпоследнихъ чиселъ октября и донесъ' какъ волны, ударяють онѣ въ мое сердце и какъ волны подмываютъ его. Но вѣдая, что грѣшенъ я,—не ропщу, не грущу и свои дѣла дѣлаю. Худо лишь то, что духъ молитвенный не прежній: сухъ я и разсѣянъ я сталъ. Изрѣдка хотя молитесь обо мнѣ... Малодушіе, испытываемое тобою временами, попускается, кажется, съ тою цѣлію премудрымъ Промысломъ Божиимъ, чтобы ты поняла и крѣпко-на-крѣпко запомнила, затвердила, что сильны мы Богомъ единымъ, что безъ силы Его благодатной—ничто мы съ тобою... Прости, мой другъ, и молись о мнѣ многолюбящемъ тя *Герасимъ*.

г) Т.-е. Симбирской, Спасской.

д) Отъ преосвящ. Θεодотія.

1854 г. 23 ноября, $\frac{1}{4}$ 11 часа вечера. Имѣя въ виду разныя дѣла, не терпящія отлагательства завтра, рѣшился нынѣ я, чадо мое, привѣтствовать тебя съ наступающимъ днемъ ангела твоего. Если дастъ Господь крѣпость и силу немоцной душѣ моей, желалъ бы я послужить завтра и усерднѣ помолиться о тебѣ, вкупѣ съ великомученицею Екатериною: да будешь достойною невѣстою, какъ и она, Краснѣйнаго добротою паче всѣхъ человѣкъ, да славится тобою и чрезъ тебя славное имя Господне.

Самому быть у тебя, при всемъ желаніи сердца, нельзя мнѣ. Владыка бумагу за бумагой ссылаетъ отъ себя съ желаніемъ, чтобы поскорѣе рѣшить ихъ.

Нынѣ странный мнѣ видѣлся сонъ передъ ранней: приходитъ Пав. Ник. е) съ бумагами, якобы ко мнѣ отъ владыки, и читаетъ; я слушаю и, по обычаю, опровергаю, что мнѣ казалось неправдою, съ жаромъ. Чрезъ 4 часа прихожу потомъ въ семинарское правленіе, и что же? Вижу наяву тѣ бумаги съ тѣмиже резолюціями!..

Помолитесь, чтобы злоба, какъ ржа въ желѣзо, не закралась въ сердце мое и чтобы я не сдѣлался уже *правдивымъ*, по слову Премудраго, *вельми* (Еккл. 7, 17). Такъ опасно иногда довѣрять себѣ!.. Самолюбія въ насъ бездна порядочная, которую можетъ видѣть только Око всевидящее, какъ должно. Христосъ съ вами!

1854 г. 3 дек., $\frac{1}{2}$ 11 часа вечера. Проникнутый горячею любовію сердца, привѣтствую васъ всѣхъ, чада моихъ дорогихъ, съ намѣреніемъ приступить къ трапезѣ Господней. И самъ я готовлюсь къ тому же, чтобы ближе поставить себя къ вамъ, чтобы споспѣшествовать вамъ молитвою сильною въ этомъ дѣлѣ святомъ. Да будете *единъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17) всѣ вы. Да оцуютъ сердца ваши

е) П. Н. Охотинъ, однокурсникъ по Спб. академіи о. архимандрита Герасима, каедр. протоіерей и по женѣ племянникъ преосв. Θεодотія, весьма много оскорблявшій о. ректора.

сладость любви Христовой при вкушеніи тѣла и крови Его драгоцѣнныхъ.

Самонадѣянность всегда почти бываетъ виною паденій, или разслабленія нравственнаго, подготовляющаго паденія, на пути тѣсномъ подвижниковъ. Только тотъ не падаетъ, кто по недовѣрчивости къ себѣ укладываетъ себя заживо, не взирая на скорбь сердца, во гробъ послушанія и погребаетъ, какъ въ могилѣ, въ волѣ Отца небеснаго свою волю, кто и начинаетъ и оканчиваетъ все свои дѣла съ мыслию о Богѣ помощникѣ, безъ воли и благодатнаго содѣйствія Коего ничего и никогда не въ состояніи сдѣлать путнаго, прочнаго... Не тужи однако много, видя вмѣсто снопа одну горсть въ рукахъ благодѣланія постнаго: смиренное о себѣ мнѣніе иногда выше представляется Богомъ самаго великаго дѣла.

Пусть вѣдаетъ врагъ, что я знаю тебя, душу твою кроткую и любящую... Плюнь на козни его, и гони его, какъ пса отъ себя. *Противитесь діаволу*, говоритъ св. апостоль Іаковъ (— 4, 7), *и бѣжитъ отъ васъ*. Прощай же. Христосъ съ тобою!

1855 г. января 1 дня. Благожеланія ваши, чада мои возлюбленныя, на новое лѣто благодати Божіей (Псал. 64, 12), какъ выраженія любящихъ сердець вашихъ, сильно меня тронули. Да будетъ мнѣ по глаголу вашему, срастворенному любовію.

Полный вѣры въ благодать Божію, безъ страха вступилъ я въ темную область новаго лѣта; но и безъ самонадѣянности продерзливой, столь много и часто отнимавшей корысти у новаго моего человѣка (Колос. 3, 9), въ теченіе прошлаго года. Какъ пойманный рабъ въ побѣгахъ и приведенный къ господину доброму, не безъ надежды быть помилованнымъ отъ Господа за вины мои тяжкіи, стоялъ я предъ Нимъ— Богомъ любви (1 Іоан. 4, 9), въ концѣ годоваго поприща и готовясь вступить на новое, молилъ Его направить стопы мои шаткія *по словеси Его, да не обладаетъ мною, какъ въ мимошедшемъ лѣтѣ, всякое беззаконіе* (Псал. 118, 133), чтобы

не ввелъ меня во искушенія, горько оплакиваемыя и *избавилъ* меня отъ лукаваго (Матѳ. 6, 13).

Само собою разумѣется, что и васъ всѣхъ имѣлъ я въ виду при молитвѣ моей и вамъ всѣмъ желалъ отъ души со-
влеченія *ветхаго* человека съ дѣянїями его и облеченія въ *новаго*, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобїи истинны (Ефес. 4, 22—24).

1855 г. января 26, $\frac{1}{2}$ 9 часа утра. Три года, какъ три дня пролетѣли, послѣ вашего сближенія со мною, чада Христовы, и унесли на крыльяхъ своихъ все, что было сдѣлано вами для неба. Отрадно вамъ будетъ припоминать тамъ, гдѣ все вспомнится, о подвигахъ послушанія, о безкровномъ этомъ мученичествѣ вашемъ. Неприятное, едва выносимое теперь, какъ скоропребоящая тѣнь, какъ греза ночная, покажется вамъ, и вы объ одномъ пожалѣете лишь, не теряя однакоже мира и блаженства,—зачѣмъ это мало терпѣли, нося на себѣ *язвы Господа* (Галат. 6, 17), Подвигоположника спасенія нашего, безъ коихъ, какъ свидѣтельства любви вашихъ душъ, уневѣстившихся Христу, нельзя обойтись, идя путемъ тѣснымъ (Матѳ. 7, 14). Не безъ сердечнаго сокрушенія останавливаю взоръ мой на себѣ послѣ васъ, любимицъ убогаго сердца моего. Иначе и быть не можетъ: *стыяи скудостїю*, естественно долженъ скудостїю пожинать (2 Кор. 9, 6). Сколько опущено мною случаевъ къ споспѣшествованію вамъ въ добрѣ, то по лѣности, то по разсѣянїю, то по холодности и недостатку ревности. къ долгу священному временно и безвременно наставлялъ всѣхъ и каждаго изъ васъ, умолять со всякимъ долготерпѣніемъ (2 Тим. 4, 2) и такимъ образомъ усовершенать васъ и воспитывать въ васъ духъ благочестія, на все благопотребнаго (1 Тим. 4, 8)! О Господи, мой Господи! *не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ* (Псал. 142, 2) невѣрнымъ въ день суда твоего праведнаго; не постыди меня обаяннаго въ день этотъ лють, паче же дай мнѣ силы для служенія непреткновенно впередъ чадамъ Твоимъ, стирающимъ ко мнѣ, нищему всѣмъ, и руки и сердца свои—за принятїемъ столь

нужныхъ для нихъ даровъ твоихъ. Пусть хотя съ сей поры не подаю я имъ вмѣсто хлѣба камень, и вмѣсто рыбы—змію (Матѳ. 7, 9—10). Пусть горю и свѣчу имъ, какъ свѣ- тильникъ, поставленный въ темномъ мѣстѣ, и словомъ и дѣ- ломъ поучая. Безъ Тебя ничто я убогій; но съ Тобою *вся могу* (Филлп. 4, 13), не взирая на слабости мои и паденія, оплакиваемыя, какъ вѣдаешь Ты всезнающій,—много. Спасай насъ и спасемъ, славя Тебя Трїипостаснаго. Христось съ вами!

1855 г. 8 февр., $\frac{1}{2}$ 8 часа утра. Есть дни, съ коими особенно соединено много самыхъ обязательныхъ, отрадныхъ воспоминаній. Ко днямъ сего рода нельзя не относить и день рожденія твоего, чадо мое дорогое Евпр-ія; потому что появленіе наше на свѣтъ Божій есть одинъ изъ самыхъ пер- выхъ даровъ Божіихъ, есть печать благословенія Божія и вмѣстѣ задатокъ неизгладимый любви Божіей къ намъ. По- этому-то, конечно, всѣ и каждый не могутъ не торжество- вать въ эти дни и не чувствовать въ сердцѣ отрады, вызы- вая и у другихъ тѣже чувства, потому что чувство радости обязательно; какъ ключъ живой воды, не можетъ оно не про- ситься, не вытечь наружу.

Итакъ сочувствуя вполне тебѣ, богодарованное чадо мое, въ сей день, молю Господа о тебѣ, чтобы *любовь* твоя къ Нему съ каждымъ днемъ все болѣе *возрастала въ познаніи и во всякомъ*, по слову ап. Павла (Филип. 1, 9—11), *чувствъ*, дабы узнавая лучшее съ каждымъ днемъ, ты была чиста и непорочна въ день Христовъ и исполнена праведности Ис- сусомъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію, для коей соб- ственно и дается намъ жизнь.

Если можно, мой другъ, то молю тя упросить которую- либо изъ сестеръ съѣздить завтра къ горемыкѣ нашей Ал. Ею—нѣ. Такъ у меня болитъ сердце о ней!... Вчера, какъ воронъ зловѣщій, увѣщевая Серезу не лукавить предъ род- ными, имѣлъ я неосторожность сказать, что можетъ онъ за- шибить ногу, и сильно. Теперь мучить это меня, хотя сказалъ я въ предосторожность только объ этомъ дитяти нашего друга.

1855 г. 12 февр. $\frac{1}{4}$ 6 часа утра. Не могу остановить я сердца моего, не тѣсно вмѣщающаго васъ (2 Кор. 6, 12), чада мои, сердца порывающагося излиться предъ вами въ словѣ любви къ вамъ, при мысли о томъ дарѣ небесномъ, коего удостоить васъ чрезъ часъ-два любвеобильный Иисусъ: отъ избытка сердца невольно уста говорятъ. Выслушайте меня многогрѣшнаго со вниманіемъ, сколь ни мало я по грѣхамъ моимъ многимъ это заслуживаю.

«Ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя», всѣ и каждая изъ васъ скажетъ, приступая къ чашѣ жизни и безсмертія. Даль бы Господь, чтобы слова эти для всѣхъ васъ были постояннымъ правиломъ жизни, главнымъ основаніемъ вашихъ чувствъ, вашихъ желаній, вашихъ помысленій, словъ и дѣяній. Даль бы Господь, чтобы и утромъ рано, и вечеромъ поздно, всегда и вездѣ вы помнили, что вы другини Христовы, дщери Царя небеснаго и помня все это, не обольщались уже временною грѣха сладостію (Евр. 11, 25), въ какомъ бы видѣ ни представили вамъ міръ, плоть и діаволь ядъ этотъ сладкій. Даль бы Господь, чтобы вы, возродившись въ купели покаянія къ жизни новой, не работали ктому грѣху, но жили для Бога (Римл. 6, 6, 11) и въ Богѣ, чтобы, говоря откровенно, не давали Иисусу, за васъ пострадавшему, поруганному, распятому на крестѣ, лобызанія Іуды, но яко разбойникъ исповѣдывали бы Его не словомъ, не на часъ только, или въ теченіе дня, недѣли, а всю жизнь, всѣмъ существомъ своимъ.

Истинное покаяніе состоитъ въ отреченіи отъ грѣховъ и въ исправленіи, при помощи Божіей, жизни нашей. Для достиженія сей-то цѣли покаянія и укрѣпляетъ Господь всѣхъ насъ святымъ и дивнымъ напутствіемъ, животворящимъ тѣломъ и кровію своею. Не дадимъ же Ему лобзанія Іудина, други мои, чада мои возлюбленные. Благословляющій васъ многогр. инокъ *Герасимъ*.

1855 г. 16 февр., $\frac{3}{4}$ 5 час. вечера. Безъ принужденія къ посту, какъ и ко всякому доброму дѣлу, привыкнуть нельзя,

особенно послѣ пристрастій съ нашей стороны къ тому-другому роду пищи. Кто же обрекаетъ и часто себя на святой подвигъ поста, тотъ со временемъ можетъ быть и малымъ доволенъ, не искушаясь, по крайней мѣрѣ часто, сладкими брашнами. Итакъ, другъ мой, безъ подвига не можетъ быть побѣды—стяжаніе добраго навыка. Искушающій тебя помысль, что чрезъ постъ ты можешь впасть въ фарисейство, старайся обуздывать и устранять тѣмъ, что ты постишься не изъ желанія славы, а для стяжанія чистоты и духа молитвы, который не можетъ привитатъ въ сластолюбивой душѣ, какъ огонь въ сыромъ деревѣ.

Молю васъ всѣхъ сердцемъ моимъ, отверстымъ любовію о Господѣ ко всѣмъ вамъ, не забывать меня въ молитвахъ вашихъ. Вчерашній приходъ мой не всѣмъ, кажется, изъ васъ былъ на пользу: М. В. и отчасти А. остались не въ духѣ, скорбными. Скорбится, естественно, и мнѣ многогрѣшному при этомъ. Господи Боже нашъ, твой миръ даждь намъ (Ис. 26, 12), или паче дай намъ въ скорбяхъ нашихъ чувство смиренія... Христось съ вами!

1855 г. 22 февр., 1/2 10 часа утра. Жаль и мнѣ до смерти Соф. Ив. твоей, чадо, жаль тѣмъ болѣе, что не вѣмъ, чѣмъ и какъ помочь ей бѣдненькой. Утѣшай ее, какъ друга, вразумляй, какъ дочь, сонаслѣдницу раю, по благодати Господа нашего Иисуса Христа.

Печаль ея о покойной сестрѣ основательна; но ея она ничего не сдѣлаетъ для ея пользы. Пусть молитвою и милостынею потщится вознаградить потерянное прежде. Довѣдываться о томъ, что тамъ съ нею теперь, не слѣдуетъ: нужно помнить одно, что если мы съ вѣрою живою въ Господа переходимъ въ грядущую жизнь, то по молитвамъ Церкви святой не погибнемъ, хотя бы и не безъ грѣха обрѣлись при смерти.

Въ заключеніе же всего совѣтуй ей занимать свой умъ или богомысліемъ, или чтеніемъ и размышленіемъ о предметахъ, близкихъ къ дѣлу спасенія нашего, не оставаться праздною и не предаваться лишнимъ помысламъ. Прости. Христось съ тобою!

1855 г. 27 марта, $\frac{1}{2}$, 11 часа вечера. Въ лицѣ твоёмъ, добрый другъ убогой души моей, Евпр. Еѳ., всѣхъ и каждую изъ сестеръ твоихъ и ближнихъ и дальнихъ, привѣтствую съ свѣтлымъ праздникомъ, сопровождая привѣтъ этотъ—плодъ любви искренней—желаніемъ: да празднуете нынѣ не въ квасѣ ветсѣ, не въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины (1 Кор. 5, 8). Не имѣя возможности быть у васъ тѣломъ, сердцемъ моимъ постоянно при васъ привитаю теперь, благословляю всѣхъ и каждую съ сладкими слезами.

Выраженіе любви вашей принявъ вчера, разложилъ предъ глазами, не столько однакоже для утѣшенія, сколько на обличеніе себѣ: какъ худъ я и ничтоженъ, а вы, чада мои возлюбленныя, такъ добры до меня!.. Да помянетъ Господь всяку жертву вашу, и да не лишитъ меня утѣшенія доказать вамъ не сегодня-завтра, что умѣю цѣнить я любовь вашу и готовъ понести, не взирая на недостатки собственныхъ силъ, коихъ лишаетъ меня грѣхъ,—готовъ понести тяготы всѣхъ и каждой изъ васъ.

Если вы собрались, читайте «Свѣтлую седмицу» преосвящ. Иннокентія: въ ней много свѣтлыхъ мыслей и чувствъ теплыхъ, могущихъ озарить души ваши и согрѣть, умиливать сердца.

Относительно же употребленія горячаго во время болѣзни и служенія паннихидъ за упокой усопшихъ милыхъ душъ единокжды навсегда даю совѣтъ вамъ сообразоваться съ внушеніями совѣсти и долга.

Нищимъ послѣзавтра можно подать по кренделю и утреню прочитавъ въ келіиѣ своей, если въ храмѣ Божіемъ трудно быть; только сильно не нудь себя. На помыслы, тревожившіе тебя и самой же тобою признаваемые продѣлкою врага, не отвѣчаю, довольный вполнѣ вѣрностію твоего, чадо мое о Господѣ, взгляда.

Утѣшая смиренныя Господь (2 Кор. 7, 6), возниспослетъ ти свѣтъ свой и истину свою, да наставятъ и введутъ тя въ небесныя селенія. Христосъ съ тобою!

1855 г. 11 іюня. Кое общеніе свѣта ко тмѣ и Христови съ веліаромъ (2 Кор. 6, 14—15), говорить слово Божіе. Если же не должно быть общенія у свѣта небеснаго съ мракомъ подземнымъ, преисподнимъ, адскимъ; то старайтесь, причастницы Свѣта свѣтовъ, общницы свѣта Христова, удаляться, по слову святаго ап. Павла, *дѣль безплодныхъ тьмы* (Ефес. 5, 11). Ходите во свѣтѣ лица Божія—во свѣтѣ Христовомъ, яко чада свѣта и дне (1 Сол. 5, 5), искушающе, что есть воля Божія, и вся искушивше, добрая держите (— ст. 10), не взирая ни на что. Тогда просвѣтитса свѣтъ вашъ предъ челоуѣки такъ, что при видѣ вашихъ добрыхъ дѣлъ невольно прославятъ Господа (Матѣ. 5, 16) даже и невѣдущіе Его. Если въ скиніи свидѣнія постоянно, неугасимо горѣлъ огонь: въ грѣшныхъ ли душахъ нашихъ, воспріавшихъ истинный свѣтъ въ страшныхъ тайнахъ Христа, не горѣтъ и не грѣтъ ему?.. О, будьте, другини Христовы, свѣтомъ для міра во злѣ лежащаго (1 Іоан. 5, 19); ходите во свѣтѣ лица Божія постоянно: чрезъ богомысліе, чрезъ память о Господѣ частую, благоговѣйную, чрезъ размышленіе о судьбахъ Его дивныхъ, чрезъ чтеніе слова Божія, а также чрезъ молитву, моленіе, благодареніе (1 Тимоѣ. 2, 1).

Христе свѣте истинный, просвѣщай и освящай всякаго челоуѣка грядущаго въ міръ! Да знаменаетса на насъ свѣтъ лица твоего, да въ немъ узримъ свѣтъ неприступный.

(Продолженіе будетъ.)

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

въ понедѣльникъ пятой седмицы Великаго поста
(Притч. 14, 27—35; 15, 1—4).

Гл. 14, ст. 27. **Страхъ Господень источникъ жизни, творитъ же уклонятися отъ сѣти смертныя.**

Источникъ живота есть собственно Господь. Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ. Отъ Него исходитъ всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный. Онъ даруетъ все, что нужно намъ для жизни временной, духовной и вѣчной, и для избѣжанія смертной сѣти,—т.-е. временной и вѣчной гибели. Но такъ какъ эта милость Божія привлекается и продолжается при помощи страха Божія, благочестія, то истинъ и страхъ Божій, какъ условіе для ея стяжанія и сохраненія, есть источникъ жизни и *творитъ уклонятися отъ сѣти смертныя*, т.-е. помогаетъ избѣгать смерти. Люди благочестивые пользуются особеннымъ о нихъ промысленіемъ Божиимъ. Знаменательно здѣсь слово: *источникъ*. Вода, текущая изъ источника, прохлаждаетъ, очищаетъ и жажду утоляетъ. Подобное благотворное значеніе въ отношеніи къ жизни временной, духовной и вѣчной имѣетъ благословеніе Божіе, привлекаемое страхомъ Божиимъ. Душа, проникнутая страхомъ Божиимъ, находитъ въ Господѣ силу для перенесенія трудностей жизни, для борьбы съ ними, для стяжанія чистоты сердечной, для утоленія свойственной ей жажды истины, добра и счастья. Сверхъ того выраженіе о страхѣ Господнемъ: *источникъ*, родникъ, знаменуетъ неистощимость, подобно неизсякаемому источнику, милостей Божіихъ, привлекаемыхъ симъ страхомъ. Не менѣе знаменательно выраженіе:

отъ сѣти смертныя. Это значить, что Господь богобоязненную душу избавляетъ не только отъ явныхъ золь, но и отъ непримѣчаемой ею опасности впасть въ ту, или другую бѣду, въ то или другое искушеніе. Непримѣчаемая опасность поистинѣ есть ловчая, подобно сѣти непримѣтной для птицы, сѣть: отъ ней-то избавляетъ богобоязненную душу Господь.

Ст. 28. Во мнозѣ языцѣ (во множествѣ народа) слава царю, въ оскудѣніи же людстѣ сокрушеніе сильному (бѣда властителю).

Что многолюдство подданныхъ составляетъ славу царя, это легко понять: чѣмъ больше подданныхъ, тѣмъ больше у царя силы для огражденія ихъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, больше средствъ для распространенія въ народѣ удобствъ жизни частной и общественной и слѣдственно тѣмъ больше дается царю возможность сдѣлать добра и за сіе стяжать себѣ право на уваженіе со стороны не только своего народа, но и другихъ народовъ. Но *въ оскудѣніи людствѣ, бѣда властителю*: ему трудно тогда обезпечить независимость и безопасность своего государства и благоустроить состояніе своихъ подданныхъ. Отсюда вытекаетъ для царя обязанность искать себѣ славы не въ великолѣпной обстановкѣ своей жизни,—не въ многочисленности придворныхъ, не въ роскошномъ столѣ и т. под., — но въ умѣньи жить въ мирѣ съ сильными сосѣдями, управлять малолюднымъ царствомъ мудро, правосудно и милостиво. За такое управленіе подданные будутъ благословлять царя и не смотря на малочисленность подданныхъ онъ не будетъ чувствовать трудность своего положенія.

Ст. 29. Долготерпѣливъ мужъ многъ въ разумѣ, малодушный же крѣпко безуменъ.

Мысль стиха таже, что въ 17-мъ стихѣ тойже главы (см. предыдущую паремію). Подъ долготерпѣливымъ разумѣется здѣсь человекъ, который на полученную обиду не спѣшитъ отвѣчать обидою, и какъ бы ни была тяжела обида, долготерпѣливый переноситъ ее. Такое долготерпѣніе инымъ

можетъ показаться признакомъ трусости, неуваженія къ своему достоинству; но на самомъ дѣлѣ оно дѣлаетъ честь долготерпѣливому,—оно свидѣтельствуеетъ о великомъ благоразуміи терпѣливаго (*долготерпѣливый много въ разумъ*), ибо удерживаетъ его отъ дѣйствій, въ которыхъ онъ въ послѣдствіи сталь бы горько раскаяваться. — Долготерпѣливому противоплагается въ разсматриваемомъ стихѣ *малодушный*,—такой, которому недостаетъ самообладанія, силы духа для перенесенія обидъ,—иначе *вспыльчивый*. Онъ можетъ быть умнымъ человѣкомъ; но вспыльчивость, не сдерживаемая ничѣмъ раздражительность помрачаетъ въ немъ разумъ, и онъ въ этомъ состояніи способенъ надѣлать множество безразсудствъ, непоправимыхъ ошибокъ. Поистинѣ *малодушный*,—вспыльчивый,—*крѣпко безуменъ*.

Ст. 30. Кроткій мужъ сердцу врачъ, моль же костемъ сердце чувственно (*чувствительное*).

Незаслуженныя оскорбленія болѣзненно отзываются въ сердцѣ. Но кротость или незлобіе оскорбленнаго *врачуеетъ*, умягчаетъ эту боль, ибо удерживаетъ его отъ душевныхъ волненій, свойственныхъ вспыльчивымъ и терзающихъ сердце, и нерѣдко приводитъ обидчика къ раскаянію, которое успокоительно дѣйствуетъ на невинно оскорбленнаго. Напротивъ, раздражительность, привычка воспаляться негодованіемъ за каждую обиду (*чувствительность*), мучительна не только для сердца, но и для тѣла: чувствуется *моль въ костехъ*,—т.-е. самыя кости ноютъ въ человѣкѣ гнѣвливомъ, какъбы пораженныя тяжкою болѣзнію.

Ст. 31. Оклеветайъ убогаго раздражаетъ Сотворшаго ѱ (его), почитайъ же Его милуетъ нищаго.

Честь есть такое благо, которое для иного дороже жизни. Иной лишенъ земныхъ благъ, бѣденъ и убогъ, занимаетъ самое униженное положеніе въ обществѣ,—за то утѣшаетъ себя сознаниемъ, что не утратилъ чести,—главнаго своего сокровища. Къ сожалѣнію есть люди, которые по гордости и жестокосердію не только не милуютъ нищихъ и убогихъ, не

помогаютъ имъ въ ихъ нуждахъ, но еще посягаютъ на ихъ честь, единственное благо, которое у нихъ остается, не щадятъ ихъ добраго имени, *клеветуютъ* на нихъ,—несправедливо и злобно обвиняя ихъ въ порокахъ, которыхъ тѣ за собою не знаютъ. Такіе клеветники тяжело грѣшатъ не только противъ оклеветанныхъ, но и противъ Бога, сотворившаго ихъ, забывая, что послѣдніе—тварь Божія, какъ и всѣ люди, украшенная образомъ и подобіемъ Божиимъ, что нищета и убожество не отнимаетъ у нихъ этого достоинства. Такимъ образомъ, оскорбляя клеветою нищихъ и убогихъ, клеветники въ лицѣ ихъ унижаютъ самого Бога и вполне заслуживаютъ Его гнѣвъ,—*раздражаютъ* Его. Напрасно они стали бы увѣрять всѣхъ и каждого, что каковы бы ни были ихъ отношенія къ ближнимъ, они не перестаютъ быть богобоязненными, сохраняютъ благочестіе. Нѣтъ,—ихъ увѣреніямъ нельзя вѣрить,—ибо истинно чтущій Бога *милуетъ нищаго*, — относится къ нему съ состраданіемъ и любовію, и его честію дорожить, какъ своею собственною.

Ст. 32. Въ злобѣ своей отринется нечестивый, надѣяйжеса на Господа своимъ преподобіемъ (святостію) праведенъ.

Рѣчь идетъ о судьбѣ нечестивыхъ и праведниковъ. Нечестивый *не надѣется* на Господа, не хочетъ по злобѣ своей, по злему своему душевному настроенію, признавать свою зависимость отъ Бога, мечтаетъ устроить свое благосостояніе одними собственными силами, умѣнемъ, мудростію, и за эту злобу будетъ *отринутъ* Господомъ, покинутъ Имъ безъ помощи, если случится съ нимъ бѣда. Но благо уповающему на Господа, смиренно ожидающему отъ Него милости! Своимъ упованіемъ и смиреніемъ онъ привлекаетъ къ себѣ благоволеніе Божіе и въ случаѣ бѣды, напасти, не отринется Господомъ, найдетъ въ Немъ опору и защиту, будучи преданъ Господу во всѣхъ положеніяхъ жизни, сохраняя святость (*преподобіе*) и правоту не только среди благополучія, но и среди бѣдствій.

Ст. 33. Въ сердцѣ блазѣ почиетъ премудрость, въ сердцы же безумныхъ не познавается.

Доброе сердце есть вѣрное хранилище мудрости, ибо для того, чтобы быть истинно мудрымъ, надобно быть добродѣтельнымъ, любить добродѣтель сердечнѣе. Истинная мудрость немыслима безъ добродѣтели. Мудрецъ безъ добраго сердца злоупотребляетъ своимъ умомъ, подражая діаволу, существу умнѣйшему, но проявляющему свой умъ только въ злыхъ козняхъ. Такіе мудрецы въ сущности заслуживаютъ названіе *безумныхъ*: въ нихъ мудрость непримѣтна (*не познается*),—они сознательно отвергаютъ различіе между добромъ и зломъ,—черное они считаютъ за бѣлое, тьму за свѣтъ. Ихъ можно назвать хитрыми, лукавыми, а отнюдь не мудрыми,—ибо истинная мудрость почиетъ только въ добромъ сердцѣ.

Ст. 34. Правда возвышаетъ языкъ (народъ), умаляютъ же племена грѣси.

Собственно говоря, возвышеніе народа, его благосостояніе, равно и униженіе и упадокъ племенъ, поработеніе ихъ другими племенами и разстройство въ нихъ внутренняго благосостоянія,—все это зависитъ отъ Господа, отъ Его благословенія или неблаговоленія. Господь есть Царь всей вселенной, въ Его рукахъ судьбы царствъ и народовъ; Онъ убожить и богатить, смиряетъ и возвышаетъ какъ частныя лица, такъ и народы. Но чѣмъ привлекается благословеніе Божіе на народъ? Правдою. Когда въ народѣ обитаетъ правда, когда властители и подвластные одушевлены ревностію къ исполненію воли Божіей, въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуются правилами долга, тогда Господь благословляетъ народъ миромъ, обиліемъ земныхъ благъ, ограждаетъ его безопасность отъ внѣшнихъ враговъ. Въ противномъ случаѣ Господь отъсметъ у народа свое благословеніе, лишаетъ его помощи въ устроеніи своего благосостоянія. Тогда не спасутъ народъ отъ паденія ни законы, ни просвѣщеніе, ни богатство. Съ оскуднѣніемъ въ народѣ ревности къ правдѣ, мудрые законы остаются безъ исполненія, успѣхи просвѣщенія—безъ долж-

наго вліянія на нравственность, обиліе богатствъ—безъ надлежащаго, согласнаго съ общимъ благомъ употребленія. Судьба не только Израильскаго народа, но и другихъ могущественныхъ царствъ и народовъ, представляетъ наглядное доказательство той истины, что правда возвышаетъ народъ, неправда губить его. Израильтянамъ хорошо жилось, пока они соблюдали вѣрность Господу и Его закону,—а невѣрность всегда наказуема была неизбѣжными бѣдствіями. Равно и другіе народы только до тѣхъ поръ процвѣтали, доколѣ крѣпка была въ нихъ нравственная сила.

Ст. 35. Пріятенъ царевѣ слуга разумный, своимъ же благообращеніемъ отъѣмлетъ безчестіе.

Чѣмъ обширнѣе и многотруднѣе служеніе царя, тѣмъ больше онъ имѣеть нужду въ содѣйствіи опытныхъ и разумныхъ слугъ, т.-е. совѣтниковъ и исполнителей его воли. Потому разумный слуга царя *пріятенъ ему*, пользуется его заслуженнымъ благоволеніемъ. Онъ заслужилъ это благоволеніе *своимъ благообращеніемъ*, своимъ благотворнымъ участіемъ въ царскихъ совѣтахъ и распоряженіяхъ. Чѣмъ больше онъ имѣеть вліянія на царя, тѣмъ больше имѣеть возможности поддерживать его честь и отстранять отъ него *безчестіе*, удерживать его отъ поступковъ въ управленіи и судѣ, не клонящихся къ его чести.

Гл. 15, ст. 1. Гнѣвъ губить и разумныхъ, отвѣтъ же смиренный отвращаетъ ярость, а слово жестоко воздвизаетъ гнѣвы.

Предлагается вразумленіе о кротости. Кротость состоитъ въ томъ, чтобы на оскорбленія не отвѣчать оскорбленіями. Какъ бы ни были тяжки оскорбленія, благоразуміе требуетъ удерживаться отъ гнѣва, ибо *гнѣвъ губитъ и разумныхъ*,—сопровождается пагубными послѣдствіями для самыхъ разумныхъ, если они подъ вліяніемъ несдержаннаго гнѣва наговорятъ и натворятъ не мало безразсуднаго. Дѣло не въ томъ, чтобы на обидныя рѣчи ничего не отвѣчать и только молчать,—молчаніе въ этомъ случаѣ не всегда похвально,—а въ

томъ, чтобы *отвѣтъ былъ смиренный*,—мягкій и снисходительный. ибо смиренный отвѣтъ *отвращаетъ ярость*,—смягчаетъ обидчика, тогда какъ слово *жестокое*, грубое, только пуще озлобляетъ его и *воздвизаетъ гнѣвы*, т.-е. усиливаетъ въ немъ гнѣвъ, легкое въ началѣ негодованіе обращаетъ въ ярость.

Ст. 2. Языкѣ мудрыхъ добрая свѣсть (вѣдаетъ), уста же безумныхъ возвѣщаютъ злая.

Каковъ образъ мыслей, таковы и рѣчи. *Языкѣ мудрыхъ*, благомыслящихъ, *добрая свѣсть*,—т.-е. наученъ говорить только добро, одну истину и все, что служитъ ко благу слушающихъ. Но отъ *безумныхъ*, отъ безразсудныхъ и легкомысленныхъ, которыхъ умъ и языкъ не обучены страху Господню, не жди ничего добраго. У нихъ на умѣ одно злое,—глупости и неправда.—и что у нихъ на умѣ, то на языкѣ.

Ст. 3. На всякомъ мѣстѣ очи Господни сматрѣютъ злыя же и благія.

На злыхъ очи Господа взираютъ съ негодованіемъ, на благихъ съ благоволеніемъ, на страхъ однимъ, къ утѣшенію другихъ. И нѣтъ мѣста во вселенной, куда бы не проникалъ взоръ Господа вездѣсущаго и всевѣдущаго. И еслибы люди постоянно ограждали себя страхомъ всевѣдѣнія и вездѣприсутствія Божія, они въ благополучіи не забывались бы, среди бѣдъ не унывали бы, среди искушеній и соблазновъ сохраняли бы вѣрность Господу, изъ опасенія имѣть Его свидѣтелемъ своихъ нравственныхъ безобразій и навлечь Его праведный гнѣвъ.

Ст. 4. Исцѣленіе языка (исцѣляющій языкѣ) древо жизни, храняй же его исполнится духа.

Языкѣ можетъ быть орудіемъ зла и добра. Орудіемъ добра онъ бываетъ, когда произноситъ *цѣлительныя рѣчи*, т.-е. когда произносятъ слова ободренія, утѣшенія, спасительнаго совѣта и предостереженія. Въ этомъ случаѣ онъ есть поистинѣ древо жизни, т.-е. похожъ на райское древо жизни, плоды котораго были цѣлительны, ибо предохраняли вкуша-

ющихъ отъ болѣзни и смерти. Такое употребленіе языка, или дара слова достойно всякой похвалы. Но похвально также и воздержаніе языка: *храняй языкъ исполнится духа*, — т.-е. умѣющій во время смолчать, удерживающійся отъ брани въ отвѣтъ на брань, не тратящій словъ попустому—на разумленіе безнадежно глупыхъ и нечестивыхъ, не бросающій бисера предъ свиніями, *исполнится духа* въ томъ смыслѣ, что чѣмъ сдержаннѣе его языкъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ цѣлостнѣе будетъ его духовная сила. Въ немъ останется сознаніе, что онъ сберегъ сокровище своей мудрости, не расточилъ его попустому и тѣмъ не причинилъ себѣ огорченія и стыда. Поистинѣ онъ исполнится духа. Языкъ болтливый обнаруживаетъ пустоту души, воздержаніе же языка въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельствуетъ о полнотѣ духовной жизни еще въ томъ смыслѣ, что для этого воздержанія нужна не малая сила духа.

Наремія изъ книги Притчей во вторникъ пятой седмицы Великаго поста. (Притч. 15. 7—19).

Гл. 15, ст. 7. **Устнѣ мудрыхъ связуются чувствомъ** (*въдѣніемъ*), **сердца же безумныхъ нетверда.**

Истинно мудрому свойственна великая осторожность въ словѣ. Онъ напередъ въ сердцѣ своемъ хорошенько обдумаетъ, говорить ли что и какъ говорить, чтобы не сказать чего-нибудь не во время и бесполезнаго для слушателей. Онъ не даетъ воли своимъ устамъ, связуя ихъ размышленіемъ. Не такъ поступаютъ безумные,—неразсудительные. *Сердца ихъ нетверды*: умы ихъ быстро увлекаются первыми впечатлѣніями и подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, не провѣренныхъ, безъ здраваго и основательнаго обсужденія воспринятыхъ, языкъ ихъ спѣшитъ говорить слова безразсудныя и нелѣпыя.

Ст. 8. Жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви, обѣты (молитвы) же праведныхъ пріятны Ему.

Богоугодность и небогоугодность жертвъ и молитвъ зависятъ отъ нравственнаго состоянія приносящихъ жертвы и молитвы. Отъ людей праведныхъ по внутреннимъ расположеніямъ и по жизни Господь пріемлетъ жертвы и молитвы съ благоволеніемъ. А жертвы нечестивыхъ и ихъ лицемѣрныя молитвы для Него отвратительны, ибо приносящіе ихъ не перестаютъ прогнѣвлять Бога отсутствіемъ въ ихъ сердцахъ страха Божія и всякими неправдами въ отношеніи къ ближнимъ. Мысль эта часто встрѣчается въ ветхозавѣтномъ Писаніи, съ особенною же силою она выражена въ словахъ Господа у пророка Исаи: «Беззаконникъ, закалающій (въ жертву) вола тоже, что убивающій челоуѣка; приносящій агнца въ жертву тоже, что задушающій пса; приносящій семирдалъ—тоже, что приносящій свиную кровь; возкуряющій ѳиміамъ—тоже, что молящійся идолу» (Иса. 66, 3. Слич. Иса. 1, 11. Иерем. 6, 20; 14, 12. Ос. 5, 6; 8, 13; 9, 5. Амос. 5, 22. Мал. 1, 7).

Ст. 9. Мерзость Господеви путіе нечестивыхъ, гонящія же правду (послѣдователей правды) любить.

Господь никому не хочетъ погибели,—Онъ всѣмъ хочетъ спасенія и въ разумъ истины придти. Но упорство въ нечестіи, сопротивленіе гласу зовущей ко спасенію благодати Божіей, ожесточеніе во злѣ, навлекаютъ на нечестивыхъ праведный гнѣвъ Господа; Онъ не можетъ миловать нечестивыхъ, доколѣ они продолжаютъ ходить путями нечестія. Эти пути, т.-е. правила и дѣйствія ихъ,—для Него *мерзость*, отвратительны. Напротивъ любить Онъ тѣхъ, которые сами любятъ Его и любовь свою къ Нему свидѣтельствуютъ ревностію къ правдѣ, къ творенію воли Его. «Вы друзи мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдалъ вамъ» (Іоан. 15, 14), рекъ Христосъ.

Ст. 10. Наказаніе незлобиваго познавается отъ мимоходящихъ, ненавидящія же обличенія скончаваются срамно.

Незлобивый, пріемлющій *наказаніе*, т.-е. вразумленіе и об-

личеніе въ виду мимоходящихъ,—на виду у всѣхъ, всенародно,—противоплагается здѣсь *ненавидящему обличенія*, не терпящему обличеній вообще не только публичныхъ, но и частныхъ, наединѣ. Публичное обличеніе подвергаетъ обличаемаго сраму или позору со стороны свидѣтелей: но незлобивый незлобиво и смиренно переноситъ этотъ срамъ, за то *несрамно скончается*,—умираетъ, оставляя по себѣ память честнаго и добраго человѣка, тогда какъ ненавидящій обличенія и вопреки имъ продолжающій предаваться грѣхамъ и порокамъ, за которыя заслужилъ обличенія, *скончается срамно*: онъ худо жилъ, худо и оканчиваетъ жизнь, сопровождаемый въ могилу недобрыми отзывами о немъ согражданъ.

Ст. 11. Адъ и пагуба явна предъ Господемъ, како не и сердца человѣковъ?

Если и человѣкъ иногда угадываетъ по внѣшнимъ обнаруженіямъ, что у кого на сердцѣ,—не наипаче ли открыты сердца людей Богу, передъ всевѣдніемъ Котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ сокровеннаго, Который съ одинаковою ясностію вѣдаетъ, что происходитъ на землѣ и что дѣлается *въ адѣ*, въ царствѣ отшедшихъ душъ, куда никто изъ живущихъ не проникалъ,—Который знаетъ *пагубу*, т.-е. гдѣ и въ какомъ положеніи находится то, что безъ вѣсти, безслѣдно пропало. Въ виду этого всевѣднія Божія должно воздерживаться не только отъ худыхъ поступковъ, но и отъ худыхъ помысловъ, отъ внутреннихъ движеній злобы и нецѣломудрія. Ихъ не примѣчаютъ люди, но знаетъ Тотъ, предъ очами Котораго *вся нага и объявлена* (Евр. 4, 13).

Ст. 12. Не возлюбитъ ненаказанный обличающихъ его, съ мудрыми же не побесѣдуетъ.

Идетъ рѣчь о неблаговоспитанности. Она проявляется въ томъ, что неблаговоспитанные (*ненаказанные*) терпѣть не могутъ слушать обличеніе своего невѣжества и порочныхъ склонностей отъ людей мудрыхъ, и потому избѣгаютъ общенія съ ними. не вступаютъ въ бесѣду съ ними, предпочитая

имъ общество льстецовъ и такихъже легкомысленныхъ и порочныхъ, какъ и они сами.

Ст. 13. Сердцу веселящуся лице цвѣтетъ, въ печалехъ же сущу (*а когда печально*), сѣтуеть.

По тѣсной связи души съ тѣломъ, душевное состояніе отражается на тѣлѣ. Лице есть зеркало души. Когда весело на сердцѣ, тогда и лице имѣетъ цвѣтущій, бодрый видъ. Когда на сердцѣ тяжесть, печаль, тогда и лицо *стынетъ*,—имѣетъ видъ недовольства и грусти.

Ст. 14. Сердце правое ищетъ чувства, уста же ненаказанныхъ уразумѣютъ злая.

Сей стихъ допускаетъ такое изложеніе: сердце людей благовоспитанныхъ *право*, неиспорчено. Обладая такимъ сердцемъ, они жаждутъ вѣдѣнія (*чувства*) истины и добра, и потому уста ихъ не изрекаютъ ничего худаго; отъ нихъ не услышите ничего подобнаго тому, что привыкли произносить уста людей неблаговоспитанныхъ (*ненаказанныхъ*), у которыхъ сердце испорчено и потому не ищетъ вѣдѣнія истины и добра.

Ст. 15. На всяко время очи злыхъ приѣмлютъ злая (*пристально къ злomu*), добріи же безмолвствуютъ (*спокойны*) присно.

Злые люди пристально, несатыми глазами смотрятъ на все, что обѣщастъ дать пищу ихъ злomu сердцу. Они ищутъ зла, ищутъ удовлетворенія своихъ порочныхъ страстей, и это исканіе бываетъ для нихъ источникомъ душевныхъ тревогъ,—они не знаютъ душевнаго мира, они испытываютъ постоянно душевную муку. Страсть потому и называется страстію, что вноситъ въ душу страданія. Ничего подобнаго не испытываютъ люди *добрые*,—ревнители добродѣтели. Они отвращаютъ очи свои отъ всего, что можетъ возбуждать и питать въ душѣ страсти, и потому *присно безмолвствуютъ*, постоянно бываютъ покойны. Совѣсть не упрекаетъ ихъ въ беззаконіяхъ и даритъ ихъ миромъ душевнымъ.

Ст. 16. Лучше частица (доля) малая со страхомъ Господнимъ, нежели сокровища велія безъ боязни.

Счастіе отнюдь не заключается въ обилии земныхъ сокровищъ. Лучше имѣть небольшія средства жизни и пользоваться ими со страхомъ Божиимъ, съ смиреннымъ чувствомъ зависимости отъ Бога и упованіемъ на Его милость, чѣмъ обладать огромными сокровищами, но не имѣть страха Божія, питать въ себѣ увѣренность, будто при обилии земныхъ сокровищъ можно обойтись безъ Бога. Богачь, чуждый страха Божія, въ случаѣ обѣднѣнія, есть самое несчастное существо: онъ впадаетъ въ уныніе, въ отчаяніе,—ему незнакомы утѣшенія вѣры, доступныя бѣдняку, имѣющему страхъ Божій.

Ст. 17. Лучше учрежденіе (уощеніе) отъ зелій съ любовію и благодатію (благодію), нежели представленіе тельцевъ со враждою.

Хлѣбосольство имѣеть цѣну только въ соединеніи съ любовію. Поэтому лучше быть въ гостяхъ у бѣднаго, если за столомъ его, состоящимъ изъ однихъ овощей, сидятъ люди искренно другъ друга любящіе и благожелательные, чѣмъ бывать на пиру у богатаго, за столомъ котораго, роскошнымъ и сытнымъ, соединены люди, скрывающіе въ сердцахъ подъ личиною дружбы и учтивости вражду къ хозяину и другъ къ другу.

Ст. 18. Мужъ ярый устроаетъ брани, долготерпѣливый же и будущую укрошаетъ. Терпѣливый мужъ угаситъ суды, нечестивый же воздвизаетъ (ихъ).

Здѣсь идетъ рѣчь о пагубныхъ послѣдствіяхъ гнѣвливости въ, противоположность терпѣливости. Гнѣвливый заводитъ ссоры по маловажнымъ причинамъ,—онъ придирается къ словамъ, которыя кажутся ему обидными намеками на него, хотя сказаны совсѣмъ не на его счетъ. Главною причиною гнѣвливости служитъ крайне развитое самолюбіе. Кто чуждъ самолюбія, тотъ никогда не увлекается порывами гнѣва, даже

по справедливымъ причинамъ. Онъ терпѣливъ и сдержанъ, и не только не начинаетъ ссоры, но предотвращаетъ угрожающую ссору, погашаетъ въ себѣ и другихъ искру вражды, чтобы искра не раздулась въ пламя. Во многихъ случаяхъ онъ имѣлъ бы право преслѣдовать обидчика судебнымъ порядкомъ; но онъ не любитъ судиться, спѣшить прекращать споръ мировою, не дѣлаетъ изъ него судебного дѣла. Онъ поступаетъ такъ не только по миролюбію, но и по благочестивому побужденію, боясь оскорбить враждою Бога мира и любви. Нечестивый, напротивъ, не только не избѣгаетъ распрей, но еще затѣваетъ ихъ и *воздвизаетъ* суды, пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы притянуть кого-нибудь къ суду.

Ст. 19. Путиѣ праздныхъ послани терніемъ, мужественныхъ же углаждени.

Лѣнныя люди терпѣть не могутъ обременять себя трудами, и если возьмутся за какое дѣло, бросаютъ его изъ опасенія кажущихся для нихъ непреодолимыми препятствій: они боятся запутаться *въ терніяхъ* на своемъ пути, т.-е. попасть въ безвыходное положеніе, и потому ничего не дѣлаютъ. Напротивъ люди мужественные, если примутся за какое дѣло, терпѣливо доводятъ его до конца и при встрѣчѣ съ препятствіями на пути къ своей цѣли, стараются всячески преодолѣть ихъ и достигаютъ своей цѣли: путь ихъ дѣлается гладкимъ, очищается отъ препятствій.

Прот. В. Нечаевъ.

ДУХОВНАЯ МУДРОСТЬ.

Слово въ день Святаго Духа.

Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри (Евр. 5, 15).

Слова эти содержатся въ слышанномъ вами сегодня апостольскомъ чтеніи.

Какъ ни коротокъ путь нашей жизни, но онъ скользокъ, можно упасть на каждомъ шагу; жизнь — борьба и борьба очень тяжелая, опасная; соблазны, искушенія, враги видимые и невидимые преслѣдуютъ, окружаютъ, тѣснятъ человѣка отовсюду. Сколько нужно имѣть вниманія къ себѣ, осторожности, твердости духа, чтобы устоять въ борьбѣ! Тутъ недостаточно одного только естественнаго чувства самосохраненія и обыкновенной разсудительности: нѣтъ, тутъ нуженъ умъ богопросвѣщенный, мудрость духовная. *Ходите не якоже немудри, но якоже премудри*, учитъ Апостоль. Блюдите себя, поступайте осторожно, какъ свойственно истинно-мудрымъ. Что же такое мудрость духовная и какъ ею пользоваться, чтобы пройти непреткновенно жизненный путь?

Мудрость духовная, по ученію Слова Божія, есть страхъ Господень (Иова 28, 28), познаніе воли Божіей (Кол. 1, 9), изученіе Свящ. Писанія (2 Тим. 3, 15). Не подумайте, впрочемъ, что мудрость духовная не терпитъ мудрости свѣтской. Нѣтъ, она легко уживается съ мірскою мудростію, если послѣдняя не идетъ въ разрѣзъ съ истинами богооткровенными; она сама пользуется плодами мірской науки, если видитъ въ нихъ что-нибудь годное для уясненія божественной истины.

Святые Василій Великій и Григорій Богословъ получили образование въ Аѳинахъ у философовъ-язычниковъ; но это не помѣшало имъ быть великими свѣтильниками Церкви. Изучайте же науки свѣтскія, но помните, что истинная мудрость заключается въ книгахъ божественныхъ. *Тѣлесное обученіе вма́ль полезно есть*, говоритъ Апостоль, *а благочестіе на все полезно есть, обитованіе и муща живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). Цѣль нашей жизни—не земныя удобства, а вѣчное спасеніе души. Какая польза человѣку, говоритъ Христосъ Спаситель, если онъ и цѣлый міръ пріобрѣтетъ, душѣ же своей повредитъ (Мѡ. 11, 26)? Тоже самое можно сказать и о познаніяхъ человѣческихъ. Какая польза, елибы кто и все зналъ въ мірѣ, но не зналъ самаго необходимаго: какъ душу спасти? Какая польза все умѣть дѣлать, но не знать того, что внушаетъ намъ Слово Божіе относительно того, какъ поступать въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, въ борьбѣ съ искушеніями, соблазнами, врагами душевнаго спасенія?

«Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри». Блюди, бодрствуй, стой во всеоружіи, какъ воинъ на полѣ брани. Вотъ скорби какъ стрѣлы пронзаютъ твое сердце; чѣмъ защитишь себя, чѣмъ отразишь ихъ, если не будешь имѣть мудрости духовной? — Ты потерялъ богатство добытое трудомъ; тебѣ не хотятъ помочь даже и тѣ, которымъ ты прежде самъ помогалъ. Тяжело тебѣ... Но будь благоразуменъ, не падай духомъ, не унывай, не ропщи на Бога; вспомни слово Писанія: *Господь убожитъ и богатитъ* (1 Цар. 2, 7); прочти исторію многострадальнаго Іова; произнеси съ благоговѣніемъ мудрое слово его: *Господь даде, Господь отзятъ; якоже Господеву изволися, тако бысть* (Іова 1, 21), и воззови ко Господу: «Господи, *въ руку Твоею жребіи мой*; твори со мною, еже хочещи.

Вотъ тѣло твое покрыто жгучими ранами; весь составъ тѣлесный разстроены; врачи не помогаютъ, друзья — одни забыли, другіе хотя и навѣщаютъ, но не облегчаютъ. Ты изнемогаешь, начинаешь роптать... Остановись, говоритъ тебѣ

духовная мудрость: *терпи до конца и спасенъ будешь* (Матѣ. 10, 23); *тебя любитъ Господь, потому и наказуетъ* (Евр. 12, 6). Посмотри на крестъ Христовъ, тамъ ни стога, ни движенія, и при какихъ ужасныхъ мукахъ и притомъ не за свои грѣхи? А ты страдаешь за свои; молись же Господу Богу, чтобы Онъ за временныя страданія твои избавилъ тебя вѣчныхъ мукъ.

Ты лишился отца, или матери, похоронилъ нѣжно-любимую супругу, или единственнаго сына; ты скорбишь, плачешь безутѣшно... *Не скорби*, говоритъ тебѣ богопросвѣщенный мудрецъ, *яко немощій упованія; воскреснутъ мертвіи о Христѣ* (1 Сол. 4, 13. 16); они почилы отъ трудовъ своихъ, не нарушай же ихъ покоя; молись къ Богу, Который есть *Отецъ щедротъ и всякаго утѣшенія* (2 Кор. 1, 3); плачь бесполезенъ, а молитва къ Богу полезна какъ тебѣ, такъ и почившимъ твоимъ.

Видите, братіе, какой крѣпкій щитъ противъ скорбей мудрость духовная; не имѣй ея, не устоишь въ борьбѣ. Уныніе, ропотъ на Бога, отчаяніе, а нерѣдко — особенно въ послѣднее время—и самоубійство,—вотъ грустныя послѣдствія скорбей тѣхъ поистинѣ несчастныхъ страдальцевъ, которые не знаютъ Слова Божія, не вѣруютъ въ промыслъ Божій, отвергають будущую загробную жизнь.

А кромѣ скорбей, сколько еще опасностей встрѣчаетъ человекъ на пути къ вѣчному спасенію и сколько потому нужно имѣть ему осторожности—мудрости духовной, чтобы устоять въ добрѣ! *Блудите, како опасно ходите.*—Мы живемъ въ мірѣ—среди людей—однихъ ли благочестивыхъ?—Далеко нѣтъ. Міръ полонъ грѣха. *Все, еже въ мірѣ*, говоритъ Апостоль, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житнейская* (1 Иоан. 2, 16). *Горе міру отъ соблазнъ*, взывалъ Спаситель (Мѣ. 18, 7). Міръ—это общество людей, которые живутъ не по духу вѣры Христовой; у нихъ свои взгляды на вещи, свои правила, свои дѣйствія и непремѣнно противныя духу Христову. Тамъ говорятъ: вѣрь только тому, что допускаетъ разумъ, что основано на опытѣ; тамъ думаютъ только

объ удовольствіяхъ, время проводятъ въ увеселеніяхъ; тамъ доказываютъ, что страстные движенія сердца свойственны природѣ нашей и потому законны; тамъ смѣются, тамъ преслѣдуютъ подвижниковъ благочестія; но всего и не перескажешь, что, тамъ говорятъ и дѣлаютъ... Какъ жить съ такими людьми человѣку, который занятъ своимъ душевнымъ спасеніемъ? Сколько нужно имѣть ему осторожности, мудрости духовной, чтобы не попасть въ этотъ водоворотъ и не погубить себя! *Будите мудри, яко змѣя*, говоритъ Спаситель ученикамъ своимъ, посылая ихъ въ міръ на проповѣдь Евангелія (Мѡ. 10, 16). *Не любите міра, ни яже въ мірѣ*, учитъ Апостоль (1 Іоан. 2, 15), если хотите быть истинными христіанами.

Такого же врага, какъ міръ, имѣемъ въ нашей собственной плоти. *Кійждо искушается отъ своя похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 1, 14), увѣряетъ Апостоль. Противъ соблазновъ міра устоять трудно, и противъ требованій плоти устоять не легко. *Духъ бодръ, а плоть немощна* (Мѡ. 26, 41). Какъ часто духъ возносится горѣ, а плоть влечетъ долу; духъ желаетъ молитвы, а плоть—покоя, нѣги; духъ требуетъ воздержанія, а плоть указываетъ на свои болѣзни, на вредныя свойства постной пищи,—и сколько требуется труда, усилій, борьбы съ самимъ собою, чтобы умертвить въ себѣ это мудрованіе плоти! Уступи ей въ маломъ, она потребуетъ большаго; послабленіе за послабленіемъ, и кончится тѣмъ, что забудешь о Богѣ и небѣ и будешь жить, какъ безсловесное животное. *Блюдите, како опасно ходите.*

Но самый опасный, самый коварный врагъ нашего спасенія есть, по ученію слова Божія, *змій великій, змій древній, нарицаемый діаволъ и сатана, мстѣй вселенную всю* (Апок. 12, 9); *онъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого полотити* (1 Петр. 5, 8). Плотская мудрость отвергаетъ вліяніе діавола на человѣка, отвергаетъ даже самое бытіе его. Отъ чего, говорятъ, никто не видитъ діавола? Отъ чего никогда не замѣчается никакого вліянія его на душу и на тѣло?—Отъ того не видите, отвѣчаетъ мудрость духовная, что онъ есть духъ; отъ того и не замѣчаете вы вліянія его на себя, что

вы и безъ того угодное ему творите; а что не вѣрите въ бытіе его, онъ того и желаетъ, въ томъ и торжество его.— Нѣтъ, св. угодники Божій, умудренные духовно, сильно чувствовали вліяніе его на человѣка, вели постоянную борьбу съ нимъ и видѣли, какъ онъ то *преобразуется въ ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), чтобы оболстать, то является въ адскомъ своемъ видѣ, чтобы утратить, то облекается призракомъ предметовъ чувственныхъ, чтобы взволновать сердце человѣка. Сказаніями объ этомъ переполнены житія святыхъ. Видите, мудрость плотская не видитъ, не знаетъ, не хочетъ даже вѣрить въ бытіе самыхъ злѣйшихъ враговъ чело́вѣка; а мудрость духовная знаетъ ихъ пагубное вліяніе, ведетъ борьбу съ ними и силою крестнаго знаменія, постомъ и молитвою ихъ поражаетъ, а себя спасаетъ.

Вотъ, братіе, сколько опасностей, сколько враговъ окружаетъ насъ на пути къ вѣчному спасенію; безъ мудрости духовной не побѣдишь ихъ, не спасешь души своей. Умудряйтесь же духовно. *Не бывайте несмысленни*, учить Апостоль, *но разумѣвайте, что есть воля Божія* (Еф. 5, 17). Изучайте законъ Божій съ ревностію и благоговѣніемъ, читайте Слово Божіе, ходите въ храмъ Божій, бесѣдуйте о предметахъ духовныхъ съ пастырями Церкви, съ подвижниками благочестія, будьте осторожны въ обращеніи съ людьми вѣка сего.—Надменные своею ученостію! Не гордитесь своими знаніями; они нужны только здѣсь на землѣ и вамъ полезны только до гроба; а тамъ — не спросятъ васъ: какъ вы знали ту или другую науку, а спросятъ: знали ли и исполняли ли волю Божію?—Такъ не являйтесь же туда несмысленными, но пока есть время, изучайте, узнавайте, что есть воля Божія. Аминь.

Свящ. Василій Рудневъ.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

къ московскому военному генералъ-губернатору князю Димитрію Владиміровичу Голицыну.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Въ прошедшемъ 1828 году не позже іюля Коломенскаго уѣзда, графини Литто села Мячкова о крестьянахъ Иванѣ Герасимовѣ, Иванѣ Ивановѣ и Стефанѣ Гавриловѣ, сужденныхъ за распространіе раскола, московской Уголовной Палаты второй департаментъ опредѣлилъ: на основаніи указовъ 1722 апрѣля 29, 1800 марта 30 и 1806 марта 20 отослать въ консисторію для обращенія (*въ православіе*); а если за всѣми съ духовной стороны убѣжденіями останутся въ своихъ заблужденіяхъ непреклонными, тогда въ согласность Высочайше утвержденного въ 1824 году мнѣнія г. московскаго вонннаго генералъ-губернатора сослать въ Сибирь на поселеніе.

Изъ сихъ осужденныхъ Иванъ Герасимовъ въ теченіи слишкомъ года не присланъ въ консисторію, по объявленной земскимъ судомъ отлучкѣ; между тѣмъ изъ донесенія мѣстнаго духовенства извѣстно, что онъ почти всегда находился и находится въ селеніи.

Иванъ Ивановъ и Стефанъ Гавриловъ присланы въ консисторію, и по увѣщаніи обратились къ Церкви, давъ подписку, что если впредь окажутся въ какомъ-либо заблужденіи, то подвергаютъ себя сужденію по законамъ. Почему мѣстному священнику поручено присоединить ихъ по чиноположенію, утверждать въ истинномъ исповѣданіи вѣры и о послѣдующемъ донести.

Иванъ Ивановъ сентября 25-го 1828 присоединенъ къ Церкви по чиноположенію; но потомъ, какъ доносить мѣстный священникъ, въ церковь ходитъ пересталь и отъ исповѣди и святаго причастія уклоняется.

Стефанъ Гавриловъ, бывъ отпущенъ въ селеніе, совершенно отрекся отъ обращенія къ Церкви и измѣнилъ данному въ консисторіи обѣщанію и подпискѣ. Мѣстный свя-

щенникъ, донося о семъ, признаеть его въ своемъ мѣстѣ главою раскольническаго разрвата, и въ изъясненіе упорства его присовокупляетъ, что онъ Гавриловъ, и сынъ его Ѳома Стефановъ получаютъ немалый доходъ отъ раскольнической часовни, которую они имѣютъ на своей усадьбѣ. По развѣдыванію священника, часовня сія изъ небольшой горницы въ 1825 году перестроена такъ, что три стѣны оставлены старыя, а девять стѣнъ пристроено новыхъ, отъ чего она получила крестообразный видъ и сверхъ того украшена главою по примѣру церквей.

Обращая вниманіе особенно на то, что перестройка раскольнической часовни и украшеніе ея главою въ 1825 году, сдѣланы въ противность указа 1818 февраля 21 и что корысть отъ сей часовни оказывается основаніемъ упорства и даже вѣроломства крестьянина Гаврилова, долгомъ поставляю я донести о всемъ вышеписанномъ до свѣдѣнія в. с.—ва и о послѣдующемъ покорнѣйше просить увѣдомленія.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Августа 13-го 1829.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1843, апр. 26. *«Хотя происшествіе (сроненіе священникомъ, 28 марта, во время великаго входа съ диска звѣздицы, поднятой по приказанію его, и положенной сверхъ воздуха на дискъ пономаремъ, и пролитіе изъ потира)* случилось прежде освященія Даровъ: но и въ семъ случаѣ оно оскорбительно для святыни и для благочестиваго чувства предстоящихъ въ церкви; и священникъ поступилъ противъ долга подчиненности и благоговѣнія, не явясъ для очищенія поступка, подвергающаго запрещенію священнослуженія. Посему учинить слѣдующее: 1) послать его въ Петровскій монастырь на недѣлю для покаянія и молитвы подъ руководствомъ настоятеля, безъ разрѣшенія священнослуженія. 2) Поелику онъ говоритъ, что происшествіе случилось по причинѣ онѣмѣнія руки отъ старости: то по исполненіи вышеозначенной епитиміи, допустивъ его подъ ближайшимъ надзоромъ до священнослуженія, испытать въ присутствіи настоятеля, можетъ ли онъ безопасно совершать священнослуженіе безъ діакона, и что окажется, представить».

1843, окт. 19. <1) Утверждается (*опредѣленіе консисторіи*). Нельзя оправдать отвѣта священника (*села Никольскаго*): «пріѣзжай, когда больной говорить станеть». Если есть надежда, что говорить станеть, то попечительный священникъ отправился бы къ больному тотчасъ; ибо можетъ случиться, что больной начнетъ говорить, но не настолько часовъ, сколько нужно, чтобы ѣхать за священникомъ и искать его. 2) Вычерненное выраженіе о доходахъ (*священникъ, оставившій въ Пасху нѣсколько селеній безъ служенія молебновъ, по нетрезвости своей, лишилъ причетниковъ невинно принадлежащаго имъ дохода, а крестьянамъ навлекъ неудовольствіе и соблазнъ*) считать не принадлежащимъ къ опредѣленію (*консисторіи*); ибо недостойно толковать о доходахъ, когда дѣло идетъ о святости богослуженія и нравственномъ достоинствѣ священнослужителей».

Канцелярскій служитель Моск. д. консисторіи И. Н—ій въ своемъ всепокорнѣйшемъ на имя владыки-митрополита прошеніи изложилъ слѣдующее: «Родитель мой, московс. Н—ой церкви дьячекъ С. Г. С—въ, желая при помощи моей устроить одну изъ двухъ своихъ дочерей, а моихъ сестеръ, дѣвицу Е—ну, выдачею ея въ замужество, избралъ для того ученика семинаріи 2 разряда Н. Д—ва, который и съ своей стороны далъ, еще въ августѣ 1852 года, честное и благородное слово, что онъ, какъ скоро получитъ себѣ мѣсто, непременно вступить въ бракъ съ означенною моею сестрою Е—ой. Почему и сдѣлано было съ нимъ письменное условіе касательно приданого и прочаго, и съ сего времени онъ часто ходилъ въ домъ моего родителя, принимаемый не какъ чужой, а какъ уже будущій семейный. На принятіе его въ продолженіи двухъ лѣтъ употреблены были значительныя издержки; и на его содержаніе давали мы ему деньги, изъ числа назначенныхъ въ приданое, коихъ онъ забралъ въ разное время, съ роспискою подъ условіемъ, 130 р. сер. Нынѣ Вашимъ высокопреосвѣщенствомъ назначенъ ученикъ Д—въ къ произведенію во священника Клипской округи села М—го къ Воскресенской церкви, безъ всякаго обязательства, и на вступленіе въ бракъ выданъ ему изъ консисторіи 12 іюня билетъ. Прійдя къ намъ 17 іюня, Д—въ попросилъ условіе, для вписанія въ него денегъ забранныхъ имъ предъ окончаніемъ дѣлопроизводства (опредѣленіе на священническое мѣсто); но вмѣсто того, къ удивленію моему, въ глазахъ моихъ изорвалъ

самое условіе, съ намѣреніемъ, вѣроятно, чтобы я не имѣлъ никакого доказательства предъ Вашимъ высокопреосвященствомъ, и въ тоже время предлагалъ мнѣ обратно получить забранныя имъ всѣ сполна деньги. Какъ отъ сего я отказался, онъ пришелъ тогожь числа въ канцелярію консисторіи и предлагалъ мнѣ вторично взять деньги, говоря публично, при служащихъ консисторіи, что онъ далъ честное слово касательно вступленія въ бракъ съ моею сестрою и исполнить это непременно, а потому и изорвалъ условіе. Но подозрѣвая, что онъ съ цѣлію изорвалъ, я и тутъ денегъ обратно не принялъ и объявилъ ему, что онъ долженъ по условію и росписи еще получить деньги, а не обратно отдавать ихъ, и потомъ немедля доставилъ ему роспись приданого. Онъ не принялъ се, сказавъ, что если я не беру отъ него денегъ, то и онъ не можетъ взять росписи, и грозилъ при этомъ, что согласится съ другою невѣстою, что и сдѣлалъ, какъ стало мнѣ извѣстно». — Объяснивъ неблаговидные поступки ученика Д—ва, канцелярскій служитель И. Н—ій всенижайше умолялъ архипастыря оказать ему и родителю его покровительство и защиту. — Резолюція отъ 24 іюня 1854 года: «1) Изслѣдовать. 2) Остановить производство (во священника) ученика Д—ва. 3) Буде можно, остановить и бракъ, чтобы другая невѣста не была принуждена раздѣлять непріятное положеніе, въ которое можетъ войти ученикъ, если обличится въ поступкахъ, прописанныхъ въ семъ прошеніи (билетъ на вступленіе въ бракъ былъ отобранъ и приобщенъ къ дѣлу)».

Іюля 13. «Слѣдствіе по сему дѣлу произвестъ Покровскому протоіерею (Александрю Воскресенскому) съ сотрудиномъ. 2) Въ столѣ Н—го (за которымъ занимается Никольскій) сему дѣлу не быть, и канцелярскихъ служителей сего стола по сему дѣлу не употреблять».

Окт. 9. «Показанія ученика Д—ва исполнены несообразностей съ дѣломъ и съ самими собою, и показываютъ чловѣка, усиливающагося выдумками и лжеумствованіями выпутаться изъ дѣла. Д—въ приписываетъ Н—му такія слова (сказанныя 17 іюня), чтобы Д—въ предпочелъ сестру его другимъ невѣстамъ, такъ какъ онъ говорилъ ему иногда о праздныхъ мѣстахъ и писалъ справки. Невѣроятно, чтобы кто-нибудь сталъ подкрѣплять сватаніе невѣсты такимъ постороннимъ обстоятельствомъ. Д—въ говоритъ за симъ, что онъ тотчасъ предлагалъ Н—му (тогоже 17 іюня) за справки деньги (а тотъ отвѣчалъ: «сочтемся»): опять невѣроятно,

чтобы при такомъ случайномъ упоминаніи о справкахъ Д—въ вздумалъ давать деньги. Вѣроятно то, что онъ симъ неяснымъ разговоромъ хочетъ прикрыть тѣ деньги (*забранныя и отдаваемые имъ обратно*), о которыхъ писано въ прошеніи Н—го, и которыя подтверждаютъ предшествовавшее о невѣстѣ условіе. Д—въ говоритъ, что Н—ій не допустилъ бы его показать себя много-должнымъ въ прошеніи (*онъ, просясь на священническое мѣсто, объяснилъ, что состоитъ много долженъ*), еслибы правда была, что онъ забралъ деньги подъ приданое. Увертка неосновательная. Почему не допустить? Да можетъ быть, Н—ій и не видалъ сего прошенія прежде подачи онаго. Д—въ продолжаетъ о долгѣ: «да и на какия крайности» (*забралъ я подъ приданое 130 р.*)? Но самъ написалъ въ прошеніи, что много долженъ: слѣдственно были крайности, принуждавшія къ займу. Д—въ усиливается ослабить жалобу тѣмъ, что ее принесъ не отецъ невѣсты, а братъ Н—ій. Опять увертка неосновательная. Ни мало не удивительно, что причетникъ поручилъ производить свое дѣло сыну, канцелярскому служителю, знающему порядокъ дѣлъ. Д—въ старался представить дѣйствіемъ пристрастія то, что дѣло (*слѣдственное*) поступило въ столъ Органова (*столоначальника*): но прежніе примѣры производства подобныхъ дѣлъ въ семь столѣ доказали, что подозрѣніе въ пристрастіи неосновательно. Д—въ пишетъ, что Н—мъ осмѣяна вторая его невѣста (*просвирнина дочь, оставшаяся не при чемъ*): это бездоказательно и ложно; Н—ій никакъ не осмѣивалъ ее. Д—въ пишетъ: очень удивительно, что отецъ и братъ невѣсты могли вдаться въ обманъ, довѣривъ ему росписку, которую, какъ они жалуются, онъ изорвалъ. Ни мало не удивительно, когда онъ выпросилъ записку подъ предлогомъ приписать вновь забранныя деньги. Опять видно усиліе лжеумствованіемъ закрыть истину.—Поступить по заключенію преосвященнаго».

Примѣчаніе. Преосвященный Алексій справедливымъ полагалъ: «1) ученика Д—ва въ обманѣ относительно взятія въ замужество сестры Н—го и относительно удержанія забранныхъ имъ въ счетъ приданого денегъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи. 2) Какъ чловѣка сомнительной нравственности, на степень священнослужителя не возводитъ дотолѣ, пока довольно будетъ испытано его поведеніе въ должности причетнической».

Нояб. 3. «Въ семь прошеніи (*ученика Д—ва*) смѣшаны

разные предметы: 1) просьба о непоставленіи бывшаго дѣла препятствіемъ къ увольненію изъ духовнаго званія. 2) Просьба о возвращеніи аттестата (*семинарскаго*). 3) Представленіе бездоказательныхъ оправданій по дѣлу уже рѣшенному, съ употребленіемъ колкаго выраженія: по какой-то сомнительной нравственности (*назначаюсь для испытанія моего въ причетническую должность безъ означенія даже и срока времени испытанія*). Употребленіемъ сего выраженія проситель подаетъ новую причину признавать нравственность его сомнительною. По первымъ двумъ предметамъ проситель могъ бы получить желаемое рѣшеніе. Но по смѣшенію разныхъ матерій, и по неумѣстности послѣдняго предмета, прошеніе сіе должно быть оставлено безъ дѣйствія».

1845, мар. 5. «Благочинный 1) по 52-му пункту инструкціи, по жалобѣ (*діакона*) долженъ былъ или примирить (*его съ мѣстнымъ священникомъ бывшаго Левкіева монастыря*), или предоставить просить, гдѣ слѣдуетъ, но онъ поступилъ несообразно съ симъ; 2) по тому же пункту о безпорядкахъ (*священникъ*) долженъ былъ донести немедленно, но онъ и сего не сдѣлалъ, а продержалъ объявленіе діакона полгода безъ дѣйствія; 3) не обратилъ вниманія на объявленные діакonomъ безпорядки въ храненіи св. мѣра (*сосудохранительницу съ св. мѣромъ и елеемъ допущено пономарю держать у себя въ домѣ*). По сему и прочимъ обстоятельствамъ сего донесенія (*благочиннаго*) консисторіи учинить слѣдующее: 1) благочинному за вышеписанные несообразные съ его должностію поступки сдѣлать замѣчаніе и подтвердить, чтобы должность свою проходилъ съ большимъ вниманіемъ. 2) Діакону объявить, чтобы онъ, если имѣетъ причины къ неудовольствію на священника, просилъ о томъ установленнымъ порядкомъ съ доказательствами. 3) Благочинному велѣть немедленно обозрѣть Левкіевскую церковь, не окажется ли небреженія или безпорядка въ храненіи святыни, и если что окажется не въ порядкѣ, привести въ порядокъ и о послѣдующемъ донести мнѣ. 4) Какъ діаконъ въ объявленіи между прочимъ жалуется на то, что священникъ заставлялъ его близъ престола вмѣсто догорѣвшей свѣчи поставить другую, въ каковомъ приказаніи священника нѣтъ ничего неправильнаго, а жалоба діакона на сіе приказаніе обнаруживаетъ гордость и неповиновеніе: то за сію неосновательную жалобу сдѣлать діакону въ духовномъ правленіи выговоръ».

1853, іюля 19. «1) Объявить просителю (*помѣщику*), что законный порядокъ и справедливость не позволяютъ отрѣшить священника отъ мѣста, когда не объявлено и недоказано, въ чемъ онъ виноватъ. 2) Предписать благочинному, чтобы возымѣлъ надъ священникомъ (*села Ел—ва*) А—мъ особенное смотрѣніе, и если откроются незаконные или неприличные поступки священника, донесъ немедленно и обстоятельно».

1853, сент. 29. «Кр—скій священникъ С—въ поступилъ неразумительно, когда по пустому слуху отъ помощника старосты (*села А—ва*), не объ отрѣшеніи, а только близости будтобы отрѣшенія отъ мѣста А—го священника, бросился въ А—во къ причетнику узнавать о семь дѣлѣ, конечно не безъ намѣренія и дѣйствовать. Еслибы и дѣйствительно желали его прихожане: ему надлежало ждать ихъ вызова и не унижать себя видомъ искательства. Въ настоящемъ же случаѣ поступокъ его подвергаетъ его подозрѣнію въ неправильномъ искательствѣ (*въ собираніи фальшивыхъ заручныхъ*), которое могло причинить безпокойство въ приходѣ. Замѣтить ему сіе и подтвердить, чтобы поступалъ благоразумнѣе и осторожнѣе».

1855, марта 12. «Изъ дѣла видно слѣдующее: 1) г. помѣщица (*Б—ве*) показала, что священникъ О—въ 8 ноября 1852 года въ литургіи во время пѣнія стиха: «Достойно есть», то-есть непосредственно по освященіи Даровъ, вышелъ изъ алтаря дать сороковую молитву крестьянкѣ Герасимовой. 2) Священникъ заперся и показалъ, что давалъ молитву въ свое время, а въ какое время, не объяснилъ; въ чемъ и видно опасеніе быть обличену во лжи. 3) Онъ сослался на самую крестьянку Герасимову. Но она показала, что брала молитву во время обѣдни, слѣдственно подтвердила показаніе помѣщицы и опровергла ссылку священника. 4) Дьячекъ С—въ подъ присягою показалъ, что молитва дана во время: «Достойно есть». 5) Такимъ образомъ обличено дѣйствіе священника, въ крайней степени противное чину священія и благоговѣнію, и оскорбительное для святыни. 6) Помѣщица жаловалась, что священникъ въ насмѣшку ей послѣ благодарнаго викторіальнаго молебна, (*19 авг.*) провозглашалъ ей многолѣтіе: «благовѣрной государынѣ Евдокіи Семеновнѣ» и

проч. 7) Сіе подь присягою подтвердили два причетника. Въ сихъ обстоятельствахъ нельзя безъ опасности новаго безчинства оставить священника въ священнослуженіи, не подвергнувъ его мѣрамъ очищенія совѣсти и исправленія. Посему учинить слѣдующее: 1) священнику О—ву запретить священнослуженіе, удалить его отъ настоящаго мѣста и опредѣлить на причетническое до дальнѣйшаго усмотрѣнія по дѣлу. 2) Дѣло, какъ еще имѣющее обстоятельства, подлежащія разсмотрѣнію, консисторіи продолжать разсматривать, и, постановя опредѣленіе, представить».

1841, авг. 2. «Разрѣшается. Въ снятіи св. престола (для поднятія пола на 12 вершковъ) поступить по правиламъ церковнымъ и по долгу благоговѣнія. И въ снятіи раки преподобнаго Михея, хотя святая мощи его почиваютъ (въ Троицкой лаврѣ) глубже ея, и въ охраненіи сего мѣста, поступить съ должнымъ вниманіемъ и осторожностію».

1866, нояб. 30. «Какъ усмотрѣно, что въ требуемыхъ по случаю исполненія рекрутской повинности метрическихъ справкахъ нѣкоторые священники дѣлаютъ затрудненія по невниманію къ законамъ: то съ прописаніемъ заключающихся въ сей выпискѣ (консисторской) законовъ, подтвердительно предписать по вѣдомству, чтобы мѣстные священники согласно съ сими законами метрическія свидѣтельства выдавали и до справокъ съ метрическими книгами допускали, не дѣлая затрудненій и остановокъ».

Собщ. Архим. Григорій.

НЕИЗВИНИТЕЛЬНЫЯ УКОРИЗНЫ.

С Л О В О ^а).

Уа! (Мар. 15, 19).

Да! Уа... Господу Иисусу, пившему смертную чашу своихъ искупительныхъ за смертный родъ нашъ страданій на прегорестномъ мѣстѣ семь, предстояло еще испить горечь укоризны въ самохвальствѣ, — въ похвальбѣ разорить и построить церковь въ теченіе трехъ дней. Хулили Его тутъ, по Его предреченію, многіе и многообразно, поводъ къ чему подавала Его полная безпомощность и оставленность въ минуты, когда всего естественнѣе, по человѣческому взгляду, надлежало ожидать проявленія Его чудодѣйственной силы: изумлявшей и поражавшей всѣхъ, слѣдившихъ за Его дѣлами. Сдержаннѣе поносили Его—распятаго, уничиженнаго и презлобленнаго—все же тѣ, кому Онъ болѣе всего неудобенъ былъ, кому слово Его, какъ вино новое мѣху ветхому, грозило разрывомъ и истребленіемъ, т.-е. *архіереи и книжники*. Видя начинающееся исполненіе своего смертнаго Ему приговора со стороны предержавшей власти, они довольствовались тѣмъ, что говорили другъ ко другу: «ины спасе, себе ли не можетъ спасти?» (Мар. 15, 31). Правда, говорили то, по замѣчанію Евангелиста, *ругающеса*, но по крайней мѣрѣ не ругались въ лице своему посрамленному врагу, ибо о ихъ присутствіи у креста не говоритъ Евангеліе. Но, какъ часто бываетъ, кому всего менѣе дѣла до выдающагося какого-ни-

а) Произнесено въ Иерусалимѣ, на св. Голгоетѣ, при обносѣ плащаницы, въ Великій Пятокъ ночью, 3 апрѣля 1887 г.

будь обстоятельства, тотъ всѣхъ болѣе занять имъ по своей пустотѣ сердечной. Какіе-то *мимоходящіи*, которые ради наступавшаго великаго праздника или шли въ городъ, или выходили изъ города, по своимъ мелкимъ потребностямъ, оставались предъ страшнымъ зрѣлищемъ смертной казни трехъ человѣкъ, налагавшимъ трепетное молчаніе на уста всякаго, способными оказались нагло кивать головою и неистово кричать въ слухъ одного изъ умиравшихъ, ничего имъ не сдѣлавшаго и, можетъ быть, никогда ими невидѣннаго, свое жестокое, безсердечное, укорительное: *ya!* Кто такіе это были? Дѣти несмысленныя? Умопомѣшанныя? Пьяные?

Ни то, ни другое, ни третье. Евангеліе оставляетъ ихъ безъ всякихъ опредѣленныхъ чертъ. Были просто мимоходящіе, — люди толпы, надѣленные здравымъ смысломъ настолько, чтобы различать вещи и даже судить о нихъ, и даже выражать свое сужденіе вѣшными знаками, соотвѣтственно своему воспитанію, положенію, характеру и пр. Никто изъ насъ, ихъ преемниковъ по хожденію на Лобномъ мѣстѣ, не одобрить, конечно, ихъ грубаго посмѣванія *Христу Господнему* въ послѣднія минуты Его привременной жизни. Но, христіане! Совопросники вѣка сего требуютъ прежде всего «справедливости», жертвуя иногда для нея самую правдоу. Есть ли, говорятъ они, достаточное основаніе поносить оныхъ *мимоходящихъ* за то, что они поносили Распятаго? Предъ ними зрѣлся не *Христосъ*, какъ мы Его знаемъ, а простой ихъ единоплеменникъ, бравшійся, по ихъ мнѣнію, не за свое дѣло, и за то вотъ посрамленный и страждущій, о которомъ слѣдовательно они могли дѣлать заключенія, какія мы могли бы имѣть объ одномъ изъ среды себя.

1. Такъ. Но кто же имъ сказалъ, что Осмѣиваемый ими похвалялся тѣмъ, что они ставили Ему въ вину, не говоря уже о томъ, что такъ ли понята самая похвальба Его, если таковая была? Имъ, какъ и намъ, хорошо извѣстно было правило: не всякому слуху вѣрь. Осторожное правосудіе Римское къ свѣдѣнію всѣхъ давало знать надписаніемъ на трехъ языкахъ на самомъ древѣ казни вину Распятаго: Иисусъ На-

зарянинъ Царь Іудейскій (Іоан. 19, 19). Были, или нѣтъ, грамотны мимоходящіе, ихъ долгъ былъ руководиться тѣмъ, что правительственная власть сообщала къ ихъ свѣдѣнію. Сдѣлавъ это, они могли бы совсѣмъ другимъ предметомъ занять себя въ краткую остановку на мѣстѣ карательныхъ дѣйствій закона. Вѣрно не смѣхомъ и посмѣваніемъ разрѣшилось бы въ нихъ производимое крестомъ впечатлѣніе. Кого изъ евреевъ, въ самомъ дѣлѣ, не должны были смутить слова: *Царь Іудейскій?* Евангелистъ находитъ фатальнымъ это дѣйствіе правителя страны, еще утромъ того дня домогавшагося, во что бы то ни стало, судебнымъ порядкомъ признавія съ какою бы то ни было стороны, обжалованнаго предъ нимъ си-недріономъ, человѣка — *царемъ*. Позволительно думать, что одно сопоставленіе словъ: *Назорянинъ* и *Царь Іудейскій* для гордаго язычника прокуратора достаточно было къ тому, чтобы выразить его презрительный взглядъ на все возникшее дѣло. *Отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. 1, 46), умѣлъ сказать, конечно, и онъ, и можетъ быть имѣлъ еще въ виду затронуть тѣмъ тетрарха галилейскаго, на то время бывшаго въ Іерусалимѣ и царски себя державшаго. Ничего подобнаго у *мимоходящихъ* не было въ головѣ. Историческія судьбы ихъ мѣста, ихъ племени, ихъ вѣрованій, преданій, понятій, упованій, которыя, такъ сказать, напрашивались на ихъ разсудокъ, *надписаніемъ* крестнымъ, видимо не занимали ихъ нисколько. Никакой высшей, богоправительной загадки въ совершавшемся кругомъ ихъ, они не усматривали, и усмотрѣть не могли. Одно ихъ занимало: достойная посмѣянія похвальба человѣка сдѣлать невозможное и слѣдовавшее за нею посрамленіе.

Братіе христіанцы! Жизнь человѣческая во всѣ времена похожа на себя саму. Мимоходящими оными мы можемъ сдѣлаться сами на каждомъ шагу. Передъ нами столько совершается странныхъ и поистинѣ «уму непостижимыхъ» вещей, что можно потеряться въ сужденіи о нихъ. И такъ святое мѣсто сіе учитъ насъ, памятію *мимоходящихъ*, не ловить, такъ сказать, съ вѣтра такое или иное заключеніе о томъ,

что у насъ предъ глазами, а всматриваться и вдумываться въ то «надписаніе», которымъ всеуправляющій промыслъ Божій на томъ или другомъ языкѣ, часто не говоримомъ, но совершенно внятномъ, даетъ намъ уразумѣвать смыслъ своихъ намѣреній и дѣлъ.

2. За первымъ урокомъ слѣдуетъ второй. *Мимоходяшіе*, оказывается, не были совершенными невѣдцами того, на что смотрѣли. Имъ извѣстно было, что Распятаго допрашивали въ теченіе минувшей ночи на судѣ у первосвященника, и что при этомъ выслушаны были показанія лицъ, свидѣтельствовавшихъ о Его похвальбѣ гдѣ-то и когда-то—разорить церковь и чрезъ три дня создать снѣва. Показанія эти, какъ мы знаемъ, не были найдены уважительными или по ихъ разногласію, или по малозначительности обвиненія. Полагать бы можно, что при этомъ выяснилось, что Судимый не говорилъ, что Онъ разорить, но что созиждетъ только разоренное. *Мимоходящимъ* однакоже, руководствовавшимся летучею молвою, и то и другое казалось равнозначительнымъ. Имъ не до тонкостей языка и мысли. У нихъ осталось въ памяти и просится на уста одно представленіе разоренія—и дерзкаго, и неумѣстнаго, и невозможнаго, не только не состоявшагося, какъ и слѣдовало ожидать, а еще доведшаго разорителя до... креста!

Кромѣ «невниманія» въ вещахъ великой важности, на мимоходящихъ падаетъ, такимъ образомъ, еще вина «легкомыслія», отъ котораго открытый путь ко всему нехорошему. Съ святаго мѣста сего, вызывающаго боголюбивую душу на глубину чувства, строгость мысли и важность слова, не кстати было бы намъ, стоящимъ на немъ, отыскивать въ себѣ что-нибудь расходящееся со всѣмъ этимъ. Но невольно, какъбы само собою, представляется сходство положеній нашего и легкомысленныхъ мимоходящихъ. Братія-соотечественники! Вѣдь и мы здѣсь тоже какъбы мимоходящіе. Пришли сюда, обошли, что слѣдовало видѣть, и уйдемъ—откуда пришли! По милости Божіей, намъ не приходится видѣть тутъ ни распятыхъ, ни казнимыхъ, ни даже наказываемыхъ всенародно. Но

все же есть множество случаевъ слышать что-нибудь про кого-нибудь блаженное и смущающее (тоже въ родѣ разоренія кѣмъ-нибудь необходимаго и созиданіемъ ненужнаго и т. под.). Итакъ, крѣпко надобно стоять на стражѣ своихъ мыслей и своего слова, чтобы не смѣшать, какъ смѣшивали *мимоходящіе*, того, что случилось или случается, съ тѣмъ, что о немъ передается. Не напрасно такое смѣшеніе у насъ зовется *сплетеніемъ*. Довѣрившись ему, мы какъбы чѣмъ-то оплетаемся до того, что дѣлаемся невольными вѣстниками всякой лжи.

3. И еще одинъ урокъ. Не отъ патриотизма ли *мимоходящіе* такъ жестоко посмѣвательно относились къ Господу Христу, заподозривъ въ немъ непочтительность къ Дому Божію, — ихъ великой исторической святынѣ, богоустановленному хранилищу, средоточію вѣры, знаменію единства, силы, славы? — Не отрицаемъ, что это могло быть, но утверждаемъ, что этому не слѣдовало быть. Патриотизмъ — предметъ достойный уваженія, но ничто такъ легко не выходитъ за свои естественные предѣлы, какъ онъ. Мѣсто, гдѣ мы стоимъ, и во имя котораго говоримъ, не знаетъ и не признаетъ никакого отечества, кромѣ *царства Божія*, и ни на какую исключительность — народную, язычную, племенную, кастовую, служебную и под. не даетъ своего изволенія и благословенія. Голгоѳа не для патриотовъ (во время Христова звавшихся «зилотами») и патриоты не для нея, что бы ни говорили *мимоходящіе* и *мимоудрствующіе*. *Ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести* (Іоан. 10, 16). Такъ произносилъ въ тугій слухъ и въ тупый смыслъ патриотовъ своего времени *Пастырь добрый, положившій здѣсь душу свою за овцы* отъ всякаго двора, — за все чело-вѣчество, а не за іудеевъ только притязавшихъ, и доселѣ притязующихъ, на исключительное благоволеніе Божіе, давно и видимо оставившее ихъ, о чемъ свидѣтельствуется самая сія святая Голгоѳа, воздвигшаяся на развалинахъ Церкви подзаконной.

Братія и по преимуществу братія-соотечественники! Мы —

новый Израиль, новый Иерусалимъ, новое смѣшеніе, новà тварь—славимся тѣмъ, что далеки отъ самомнительности іудейской, ставшей уже всемірнымъ посмѣшищемъ, только по кротости христіанства еще не преслѣдуемой всеобщимъ посмѣвательнымъ: *ya!* Мы не окажемся на сторонѣ *мимоходящихъ*, мстившихъ хулою за одну мысль о возможности иного порядка вещей, кромѣ привычнаго. Но не облѣнимся заглянуть въ себя глубже, не откроемъ ли мы тамъ также *ветхало Израиля*—только не по уставу, а по духу? Сколько есть въ кругозорѣ и въ круговоротѣ жизни нашей такого, что ничѣмъ не лучше мелкаго, слѣпо-упорнаго іудейства! Множество вещей—совершенно безразличныхъ въ высшемъ смыслѣ таинственнаго бытія нашего на землѣ, имѣють для насъ значеніе непреложнаго закона, неприкосновенной святыни, — самой какъбы божественной воли! Долго ли и трудно ли и намъ, какъ евреямъ, счесть себя избранниками, любимцами Божиими, свыше благословляемыми на все, что ни придетъ намъ на мысль,—на все случайное, прихотное, близорукое, одностороннее и проч. и проч., на все, скажемъ, мимоходящее для креста сего и для Распятаго на немъ? О, братія! Чѣмъ все это лучше того: *ya!*, которымъ мы начали свою бесѣду? **Аминь.**

А. А.

ИВЕРСКАГО БОГОРОДИЦКАГО ПЕРВОКЛАСНАГО МОНАСТЫРЯ,

НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ,

ГРОВОВОЙ СТАРЕЦЪ, МОЛЧАЛЬНИКЪ,

МОНАХЪ ПАХОМІЙ^{а)}.

«Аще кто въ словѣхъ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло», говоритъ св. апостоль Іаковъ (Іак. 3, 2), при чемъ указываетъ на необыкновенную трудность этого подвига, говоря далѣе, что «языкъ малъ удѣ есть, и вельми хвалится», и что «языка никтоже можетъ отъ человѣкъ укротити». Но исторія подвижничества христіанскаго представляетъ намъ примѣры такихъ сильныхъ въ терпѣніи мужей, которые, при помощи Божіей, укрощали самый языкъ, связывали его силою воли, добровольно, Бога ради,—отказывались иногда временно, иногда на всю жизнь, отъ употребленія дара слова, для того, чтобы въ словѣхъ не согрѣшать,

а) Свѣдѣнія о недавно почившемъ старцѣ-молчальникѣ монахѣ Пахомѣ доставлены мнѣ лицами, хорошо его знавшими, именно: бывшимъ настоятелемъ Иверскаго Богородицкаго монастыря, нынѣ настоятелемъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, архимандритомъ Веніаминомъ; бывшимъ духовникомъ Иверскаго Богородицкаго монастыря и духовникомъ о. Пахомія, нынѣ настоятелемъ Моденскаго Николаевскаго монастыря, игуменомъ Діонисіемъ; іеромонахами Иверскаго Богородицкаго монастыря Θεодосіемъ, Лаврентіемъ, Серафимомъ, и іеродіакономъ тогоже монастыря Варсонофіемъ, состоявшими въ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ къ свято-почившему старцу-молчальнику, и сохранившими о немъ не мало достопримѣчательныхъ воспоминаній. *Авт.*

и безмолвствуя устами, невозбранно бесѣдовать умною молитвою съ Богомъ. Таковые подвижники, отъ сущности подвига своего, получили наименованіе молчальниковъ, и по высокости и трудности сего подвига, рѣдки бывали они въ самыя цвѣтущія времена подвижничества христіанскаго. Въ сонмѣ преподобныхъ угодниковъ Божіихъ, прославляемыхъ св. Церковію, очень немного такихъ, которые преимущественно именуются молчальниками. Преп. Іоаннъ Молчальникъ (3 декабря), можно сказать, первенствуетъ силою терпѣнія своего и постоянства въ этомъ подвигѣ; за нимъ преп. Арсеній Великій (8 мая) тоже имѣлъ молчаливыя уста и достигъ въ этомъ высокаго совершенства духовнаго; затѣмъ изрѣдка въ сонмѣ преподобныхъ египетскихъ, палестинскихъ, аѳонскихъ, кіево-печерскихъ, находимъ примѣры молчальничества. Совершенное однако молчаніе во всю жизнь, какъ кажется, и въ древнія времена было величайшею рѣдкостію. Молчальники молчали по большей части лишь временно, избѣгая излишнихъ бесѣдъ вообще. Такъ преп. Іоаннъ Молчальникъ и преп. Арсеній Великій, несмотря на свое молчальничество, по временамъ преподавали приходившимъ къ нимъ братіямъ возвышенныя и душеспасительныя наставленія, слѣдовательно не были молчальниками въ полномъ смыслѣ этого слова, а лишь относительно излишества въ употребленіи дара слова. По милости Божіей, въ нашей отечественной Церкви, несмотря на всеобщее ослабленіе въ рокудѣніе благочестія христіанскаго во всѣхъ слояхъ народа, подвижничество духовное не престаётъ однако проявляться въ обителяхъ иноческихъ, особенно подвергающихся нынѣ разнымъ нападкамъ со стороны міра и его слугъ, и проявляется въ разныхъ видахъ и направленіяхъ, представляя отрадные свидѣтельства того, что и въ нашъ немощный вѣкъ, при помощи Божіей, доступны людямъ боголюбивымъ самыя возвышенныя подвиги духовныя, между прочимъ и молчальничество, притомъ совершенное и всежизненное, которое свойственно было лишь древнимъ благодатнымъ подвижникамъ. Примѣръ подобнаго молчальничества представляетъ намъ почившій о Господѣ

29 августа 1886 года, гробовой старецъ Иверскаго Богородицкаго монастыря, Новгородской епархіи, монахъ Пахомій, 45 лѣтъ прошедшій въ совершенномъ молчаніи, объяснявшійся въ крайней нуждѣ знаками, такъ что почти всѣ считали его за нѣмаго, тогда какъ онъ совсѣмъ не былъ таковымъ, обладалъ даромъ слова, но Бога ради связалъ его терпѣніемъ своимъ: молчалъ для Бога, былъ кротокъ, смиренъ, любвеобилень ко всѣмъ, и всю жизнь свою, какъ свѣча неугасимая, стоялъ въ подвигѣ молитвенномъ предъ Богомъ, озаряя и ближнихъ своихъ благодатнымъ отблескомъ своихъ добродѣтелей. Въ теченіе всей земной жизни своей онъ неуклонною стезею шелъ за Божественнымъ крестonosцемъ Господомъ Иисусомъ, на Него всегда взиралъ любовію сердечною, соблюдалъ тщательно Его заповѣди, за что и сподобился отъ Него особаго благоволенія, выразившагося въ рѣдкой святой кончинѣ: жилъ онъ во всегдашней молитвѣ, встрѣтилъ и ангела смерти на молитвѣ, стоя на колѣняхъ предъ св. иконами въ своей келліи, съ четками въ рукахъ. Назидательно будетъ намъ поэтому прослѣдить его подвижническую жизнь и во славу Божію сообщить о ней то, что успѣли замѣтить въ ней достопримѣчательнаго ближайшіе ея свидѣтели и очевидцы. Къ сожалѣнію старецъ-молчальникъ, весь углубленный въ самого себя, мало поддавался наблюденіямъ даже самыхъ близкихъ къ нему лицъ, почему и сказанія ихъ о немъ очень кратки, отрывочны и несовершенны, хотя и нельзя отнять отъ нихъ вѣрности и добросовѣстности.

Монахъ Пахомій, въ мѣрѣ Петръ, родился въ 1809 году, Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда, въ приходѣ села Рютина, въ деревнѣ Львово принадлежавшей тогда помѣщику Александру Ивановичу Веригину. Родители его—отецъ Тарасій, мать Домника, были крѣпостными этого помѣщика, платили ему оброкъ и занимались земледѣліемъ. Кромѣ Петра имѣли они еще сыновей Василя, Стефана и Иоанна, и дочь, бывшую въ замужствѣ въ г. Валдаѣ. Изъ всей этой семьи остался въ живыхъ младшій изъ сыновей Иоаннъ, который и сохранилъ въ памяти своей нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣрской жизни брата

своего Петра, сообщивъ ихъ инокамъ Иверскаго монастыря, когда они объ этомъ его спрашивали при погребеніи старца-молчальника. По словамъ его, братъ его Петръ смолоду отличался тихостію и кротостію нрава, былъ очень застѣнчивъ и трудолюбивъ, любилъ бывать въ церкви при богослуженіи и удалялся гульбищъ и веселостей сельской молодежи. Помогая родителямъ своимъ въ трудахъ ихъ земледѣльческихъ, Петръ на 15 году своей жизни, въ одинъ лѣтній день пошелъ на сѣнокосъ траву косить, умедлил тамъ, цѣлыя сутки не приходилъ домой, чѣмъ возбудилъ недоумѣніе въ своихъ родителяхъ, не знавшихъ, чѣмъ объяснить себѣ его отсутствіе. На другой день къ вечеру пришелъ онъ наконецъ въ домъ родительскій, задумчивый и молчаливый, и когда родители стали его спрашивать, гдѣ онъ такъ долго былъ и что дѣлалъ? онъ рассказалъ имъ нѣкоторое видѣніе ^{б)} и притомъ сообщилъ имъ, что оно такъ его поразило, что онъ безъ чувствъ лежалъ потомъ цѣлый день и цѣлую ночь на мѣстѣ бывшаго ему видѣнія, и только къ полудню другаго дня пришелъ въ себя, нѣсколько почувствовался и чувствуя сильную слабость и трясеніе во всѣхъ своихъ членахъ, не безъ труда дошелъ съ сѣнокоса домой. Дѣйствительно онъ сталъ неузнаваемъ послѣ этого событія: имѣлъ видъ больнаго человѣка, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, по временамъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и пересталъ вовсе говорить съ своими домашними. Началъ объясняться съ ними при нуждѣ знаками, показывая руками, что ему нужно было объяснить. Сперва родители очень огорчались подобнымъ болѣзненнымъ состояніемъ своего сына, пробовали его лечить сельскими средствами отъ мнимой порчи, возили по знахарямъ и лекарямъ, но безъ всякой пользы. Петръ упорно молчалъ, и вскорѣ всѣ убѣди-

б) Находясь на сѣнокосѣ, увидѣлъ онъ, по его словамъ, внезапно сильное солнцепоподобное сіяніе, осіявшее его съ высоты небесъ, въ иковомъ сіяніи предстали предъ нимъ Пресв. Богородица и св. апостолы Петръ и Павелъ, преподавшіе ему духовное наставленіе, какъ ему жить, чтобы унаслѣдовать вѣчное спасеніе, и между прочимъ заповѣдавшіе ему молчаніе, какъ подвигъ спасительный для души.

лись, что онъ онѣмѣль. Такъ нѣмымъ и сталъ онъ слыть въ своемъ селѣ. Ктому же послѣ бывшаго ему видѣнія на сѣнокосѣ совершенно здоровымъ никогда уже не былъ, постоянно былъ болѣзненнымъ. При этомъ сталъ онъ усиленно поститься и молиться: ночью порою, когда вся семья покоилась сномъ, онъ клалъ земные поклоны, плакалъ и рыдалъ, чѣмъ иногда будилъ свою мать, старавшуюся тогда успокоить своего мнимо-порченнаго сына. 17-ть лѣтъ прожилъ въ подобномъ состояніи болящій Петръ въ домѣ своихъ родителей; иногда хаживалъ въ окрестные монастыри, преимущественно же въ Иверскій Валдайскій Богородицкій монастырь, что на святомъ озерѣ близъ г. Валдая находится, и отъ родины его деревни Львово отстоятъ всего въ 40 верстахъ. Очень ему нравились мѣстоположеніе и чинъ богослуженія въ этой обители, и онъ три раза просился туда въ число братства, но какъ нѣмага и болѣзненнаго, его все не принимали, что очень его огорчало. Тогда обитель Иверская не отличалась богатствомъ, имѣла очень небольшое братство, и лишнихъ малопомощныхъ людей избѣгала принимать въ свои стѣны. Наконецъ въ 1842 году, по усиленной его просьбѣ, былъ онъ принятъ въ число братства Иверскаго монастыря настоятелемъ, архимандритомъ Иннокентіемъ и назначенъ на черное послушаніе—работать въ кухнѣ монастырской, при чемъ монастырь выплачивалъ за него оброкъ его помѣщику. Разставшись навсегда съ роднымъ поселкомъ и домомъ родителей своихъ, Петръ не обнаруживалъ особаго сожалѣнія объ этомъ; напротивъ, какъ елень на источники водные, стремился всѣми помыслами души своей поскорѣе окончательно водвориться въ св. обители, гдѣ все его радовало и плѣняло. Самое послушаніе, которое ему назначилъ настоятель, несмотря на всю трудность его и неприглядность, принято было имъ съ радостію. Три года трудился онъ въ кухнѣ монастырской, рубилъ дрова, носилъ воду, готовилъ пищу, чистилъ и перемывалъ посуду, и трудился всегда безропотно, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ. Не было случая, чтобы онъ чѣмъ огорчился, или на кого гнѣвался,—молча исполнялъ свое послушаніе,

всѣмъ старался услужить и угодить, такъ что вся братія вскорѣ полюбила нѣмаго послушника - повара, Петра, старалась понимать его и оказывала ему ласку. Но похвалъ онъ всячески избѣгалъ, напротивъ радовался всякому поношенію и насмѣшкѣ; если кто его укорить или надъ нимъ посмѣется, то онъ видимо ликовалъ, точно награду или подарокъ какой получилъ. При трудномъ своемъ послушаніи, неуспотребительно ходилъ въ церковь ко всѣмъ службамъ, которыя выстаивалъ всѣ до конца, стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, поникнувъ главою къ землѣ, съ углубленнымъ въ себя взоромъ. Келейные молитвенные подвиги его въ это время вѣдаетъ одинъ Господь сердцевѣдецъ, но по внѣшности многіе тогда замѣчали, что нѣмой Петръ неутомимо бесѣдуетъ съ Богомъ умною молитвою. Цослѣ трехлѣтняго послушанія по кухнѣ монастырской, Петру было поручено послушаніе хлѣбнаго, или хлѣбопека, не менѣе трудное. Онъ пекъ хлѣбы и булки на всю братію, и цѣлыхъ 15 лѣтъ трудился неутомимо въ этомъ послушаніи. Здѣсь потерялъ онъ остатокъ своего здоровья, — у него открылось болѣзненное трясеніе рукъ и ногъ, которымъ потомъ и страдалъ онъ во всю свою жизнь. 1852 г. 18 фѣвраля Петръ опредѣленъ въ число указныхъ послушниковъ Иверскаго монастыря, и привлекъ на себя вниманіе богоугоднаго мужа архимандрита Лаврентія, когда этотъ послѣдній былъ назначенъ настоятелемъ Иверскаго монастыря. Архимандритъ Лаврентій высоко оцѣнилъ его духовный подвигъ и позаботился дать молчальнику другое послушаніе, болѣе подходящее къ его устроенію душевному. Онъ взялъ его изъ хлѣбни, и назначилъ кружечнымъ при чудотворной иконѣ Иверскія Ботоматери, что давало ему возможность большую часть времени проводить въ храмѣ Божиемъ, при чудотворной иконѣ Царицы небесной, къ которой обращался онъ всегда съ трогательнымъ, почти дѣтскимъ благоговѣніемъ. Но такъ какъ эта чудотворная икона почти половину года шествуетъ въ крестныхъ ходахъ по разнымъ городамъ и селамъ Новгородской и Тверской губерній, сопровождать которую приходилось въ качествѣ кружечнаго и молчальнику

Петру, что видимо его тяготило и смущало, а также очень вредно вліяло на его и безъ того разстроенное здоровье, то архимандритъ Лаврентій пожалѣлъ его, и на мѣсто его назначилъ другаго кружечнаго, ему же благословилъ стоять гробовымъ у раки мощей св. праведнаго Іакова Боровичскаго чудотворца, отпирать раку его для прикладыванія къ св. мощамъ богомольцевъ, и вообще наблюдать порядокъ и чистоту при этой святынѣ. Съ великимъ благоговѣніемъ принялъ молчальникъ это святое послушаніе и несъ его неумоимо до конца своихъ дней. Въ 1865 году архимандритъ Лаврентій постригъ мнимо-нѣмаго Петра въ мантію, при чемъ нарекъ ему имя Пахомій. Съ нимъ вмѣстѣ постригъ онъ въ мантію духовнаго друга его и сподвника-слѣпца, который получилъ имя Филоея и до самой смерти о. Пахомія состоялъ съ нимъ въ самой тѣсной о. Господѣ дружбѣ. Во время этого необычнаго пострига, нѣкоторые изъ братіи Иверской негодовали на архимандрита Лаврентія, что онъ удостоилъ мантію нѣмаго и слѣпаго, тогда какъ люди здоровые этого тогда не удостоились. Но о. Лаврентій, когда узналъ объ этомъ ропотѣ своей братіи, прямо сказалъ, что сдѣлалъ такъ по особому внушенію Божію и отнюдь объ этомъ не сожалѣеть. Съ тѣхъ поръ монахъ Пахомій сталъ всегдашнимъ стражемъ мощей св. праведнаго Іакова, былъ именно ангеломъ утѣшителемъ для множества приходящихъ на поклоненіе симъ св. мощамъ богомольцевъ, всѣхъ любвеобильно выслушивалъ, всѣхъ по возможности удовлетворялъ, ко всѣмъ являлъ ласку и привѣтъ, за что и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ и постоянствомъ выстаивалъ о. Пахомій, во дни особыхъ стеченій богомольцевъ, среди толпы ихъ, у раки мощей св. праведнаго Іакова, утѣсняемый со всѣхъ сторонъ народомъ, и съ какою любовію съ ними обходился. «Это гости Царицы небесной и св. Іакова», говаривалъ ему архимандритъ Лаврентій, нелюбившій, когда при многолюдствѣ старались останавливать усиленный приливъ толпы къ ракъ св. мощей. О. Пахомій тоже этого не любилъ, и всегда старался всѣмъ дать

свободный доступъ къ св. мощамъ. «Имъ, бѣднымъ, сколько трудовъ стоило прійти сюда на поклоненіе угоднику Божію: намъ ли не потрудиться, дать имъ возможность ему поклониться и помолиться?» тоже нерѣдко говаривалъ ему при подобныхъ случаяхъ архимандритъ Лаврентій, слово котораго стало всегдашнимъ правиломъ для о. Пахомія. Неумоимо стоялъ онъ на гробовой стражѣ у св. мощей праведника, и слишкомъ 30 лѣтъ провелъ въ этомъ святомъ послушаніи, при чемъ никогда не тяготился имъ, не поропталъ, напротивъ считалъ себя всегда особенно счастливымъ, что сподобился такой близости къ св. мощамъ угодника Божія Такова, къ которому питалъ великую вѣру и благоговѣніе. Какъ свѣтильникъ благодатный, сіялъ онъ на своей стражѣ молитвенной у мощей Боровичскаго чудотворца: высокой ростомъ, худой тѣломъ, съ изсохшимъ обликомъ кроткаго лица, на которомъ сіяли особенно благодатнымъ выраженіемъ черные пронизательные глаза, съ длинными власами и бородою, онъ напоминалъ древнихъ пресподобныхъ, какъ ихъ изображаютъ на иконахъ, почему, при одномъ даже поверхностномъ на него взглядѣ людей дотолѣ его не видавшихъ, внушалъ имъ особое чувство благоговѣнія. Многіе цѣловали ему руки, просили у него благословенія и молитвъ, земно ему кланялись, чѣмъ всегда приводили его въ большое смущеніе. Какъ простой монахъ, онъ сторонился кого-либо благословлять, не давалъ цѣловать своихъ рукъ, пряталъ ихъ подъ рясу, или же махалъ ими отрицательно толпѣ, чтобы этого не дѣлали, а когда кто земно ему кланялся, то и онъ таковымъ всегда отвѣчалъ такимъ же земнымъ поклономъ, руками указывая при этомъ на небо или св. иконы, въ напоминаніе, что такое поклоненіе единому Богу подобаетъ воздавать. Келейную жизнь проводилъ онъ очень строгую и воздержную, никакой поблажки тѣлу своему не допускалъ, въ баню никогда не ходилъ, почивалъ на жесткомъ и узкомъ ложѣ, покрытомъ по голымъ доскамъ очень жидкимъ войлокомъ; пищу вкушалъ всегда въ трапезѣ монастырской, наравнѣ со всею братією, но вкушалъ ее очень умѣренно и болѣе все слу-

шалъ внимательно чтеніе трапезное, при чемъ иногда такъ заслушивался, что совсѣмъ забывалъ о пищѣ, полагалъ ложку на столъ, а самъ все слушалъ. Неграмотный, имѣлъ онъ особую любовь къ слышанію всякаго чтенія божественнаго и никогда не пропускалъ случая чтеніемъ симъ напитывать во спасеніе свою душу. Отличался особою любовію и состраданіемъ къ больнымъ и умирающимъ и усопшимъ: услышитъ бывало, что кто-либо изъ братіи Иверской боленъ, спѣшитъ въ келлію его, прислуживаетъ больному, приносить ему пищу и питье, ставитъ самоваръ и продолжаетъ это, пока больной поправится. А если приближался больной къ смерти, то молчальникъ усугублялъ свои попеченія о немъ, услаждалъ ему своими молитвами предсмертныя минуты, самъ закрывалъ умершему глаза, омывалъ и опрытывалъ его мертвое тѣло, усердно слушалъ чтеніе Псалтири и св. Евангелія надъ покойникомъ, усердно молился за упокой его души и какъ близкаго роднаго провожалъ его останки до могилы. Всѣ такъ и знали, что если о. Пахомій зачиститъ въ келлію иного больного, то видно тому плохо, видно уже ему не встать, и такъ почти всегда бывало. Омывать и опрытывать покойниковъ было любимымъ подвигомъ молчальника: тутъ онъ привычною рукою распорядился и все устраивалъ благолѣпно, по чину иноческому. Не любилъ молчальникъ стяжанія: все, что получалъ изъ кружки монастырской, по большей части раздавалъ то братіи, то сродникамъ своимъ, то нищимъ. Особенно часто помогалъ онъ сестрѣ своей, очень бѣдно жившей въ замужествѣ въ г. Валдаѣ, сосѣднемъ съ Иверскимъ монастыремъ; а когда она скончалась, то старецъ сталъ благотворить ея дѣтямъ, себѣ же оставлялъ лишь самое необходимое на чай, да елей къ лампадѣ у св. иконѣ, которая свѣтила въ келліи его неугасимо. Одежду носилъ самую смиренную и очень подолгу, такъ что иногда приходилось ему выслушивать замѣчанія своихъ настоятелей касательно ветхости своихъ одеждъ, малоприличныхъ для гробоваго старца. Ну бывало и сдѣлаетъ себѣ новый подрясникъ, или рясу, но видимо ими тяготится, и все старается поскорѣе ихъ износить

или запачкать, чтобы не казались онѣ новыми. Всѣ считали молчальника за нѣмаго, и это видимо ему нравилось: онѣ объяснялся при надобности знаками,—движеніемъ рукъ. Но знаки его мало кто вѣрно понималъ, чѣмъ молчальникъ отнюдь не оскорблялся и не смущался, а только кротко улыбнется, покачаетъ головою и отойдетъ въ сторону. Даръ слова онѣ употреблялъ только при исповѣди. Духовникъ его іеромонахъ Діонисій свидѣтельствуетъ, что онѣ всегда говорилъ съ нимъ при исповѣди тихо и ясно, при чѣмъ никакой неправомерности въ произношеніи словъ у него не замѣчалось. Также іеромонахи Иверскаго монастыря — Θεодосій и Лаврентій, издавна дружные о Господѣ съ о. Пахоміемъ, удостоверяютъ, что бывали случаи, когда онѣ по забывчивости нарушалъ съ ними свое обычное молчаніе и начиналъ говорить о предметахъ духовныхъ, но сейчасъ спохватится, застыдится и весь покраснѣетъ въ лицѣ, какъбы совершилъ что-либо погрѣшительное. Опять замолчитъ, и потомъ не скоро уже опять зайдетъ въ ихъ келліи, точно зазирая себя въ погрѣшности предъ ними. Іеромонахъ Θεодосій, съ которымъ о. Пахомій разъ такимъ образомъ заговорилъ и потомъ смутился и замолчалъ, сказалъ: «старецъ Божій, что такъ смущаешься своею рѣчью? Если даль ты обѣтъ Богу молчать, то молчи; но если проговоришься, мы тебя не выдадимъ, и тоже молчать будемъ». Этими онѣ нѣсколько успокоился. Вышепомянутые іеромонахи свидѣтельствуютъ, что въ рѣдкихъ и тайныхъ бесѣдахъ своихъ съ ними о. Пахомій многое открывалъ имъ изъ душевнаго своего устроенія, которое удивляло ихъ своею благодатною высотой и духовнымъ совершенствомъ. Дѣвственникъ по тѣлу и душѣ, о. Пахомій очень тяготился, если женщины окружали его и стужали ему своими просьбами за нихъ помолиться. «Ну кто я; говаривалъ о. Пахомій въ тайныхъ бесѣдахъ своихъ съ вышепоименованными іеромонахами, чтобы молиться мнѣ за другихъ, когда самъ весь я во грѣхахъ? Поэтому, какъ тяжело мнѣ бываетъ, когда обступятъ меня богомольцы и просятъ меня за нихъ помолить, а особенно жены, отъ которыхъ точно нѣкій огонь меня опалаетъ».

При этомъ сообщалъ, что врагъ смущаетъ его помыслами тщеславія, будто онъ уже святой; а что это, какъ не гибель души?» прибавлялъ старецъ и сильно тогда тревожился за участь загробную своей души. «Вотъ здѣсь, на землѣ, люди меня блажать, святымъ считаютъ... Горе мнѣ бѣдному! говаривалъ онъ, печально кивая своею поникшею главою. Мало надежды мнѣ спастись, ибо я уже получаю здѣсь, на землѣ, похвалу, чего и самые святые не желали и избѣгали». Иногда передавалъ молчальникъ своимъ друзьямъ о Господѣ, іеромонахамъ Θεодосію и Лаврентію, о своемъ келейномъ правилѣ молитвенномъ, какъ его совершаетъ онъ отъ юности своей. Неграмотный, ограничивался онъ молитвою Господнею и молитвою Богородичною «Богородице Дѣво радуйся» при своихъ молитвословіяхъ келейныхъ, а преимущественно—молитвою Иисусовою, которую совершалъ непрестанно, и въ келліи и въ церкви, и сидя за трапезою, и занимаясь когда какимъ ручнымъ дѣломъ. Имя Господа Иисуса было всегда у него въ умѣ, при чемъ нерѣдко обнаруживался въ немъ благодатный даръ слезъ духовныхъ, которыя обильно лилъ онъ иногда, стоя въ церкви, у раки мощей св. праведнаго Іакова, иногда ходя по монастырю съ четками въ рукахъ. Не любилъ онъ однако, если кто замѣчалъ, что онъ плачетъ: сейчасъ утретъ, или покажетъ видъ, что онъ одержимъ насморкомъ и плачетъ по этой причинѣ. Вообще старецъ всегда старался утаивать предъ ближними своими дары духовные, которыми видимо сталъ онъ процвѣтать за свою святую подвижническую жизнь. Іеромонахи Θεодосій, Лаврентій, Серафимъ, іеродіаконъ Варсанофій, слѣпецъ монахъ Филовей, вотъ тѣ немногія личности, предъ которыми онъ не таился и предъ которыми иногда проявлялъ высокія благодатныя состоянія своей души. Не любилъ о. Пахомій, если кто при немъ судилъ и осуждалъ ближнихъ: сейчасъ возмутится духомъ, замахаешь руками, покажетъ на небо, въ напоминаніе Верховнаго Судіи—Бога, и поспѣшитъ уйти поскорѣе въ другое мѣсто. Избѣгалъ брать также пищу изъ трапезы въ келлію: кушалъ всегда за общею трапезою, а въ келліи ничего съѣстнаго не имѣлъ

и даже чай очень рѣдко и мало пилъ. Если кто изъ благодѣтелей пришлетъ ему булокъ или калачей, сейчасъ постѣшитъ раздать ихъ братіи, себѣ ничего не оставяя. Дружный съ нимъ іеромонахъ Серафимъ разъ сказалъ ему: «отъ чего это вы, батюшка, ничего не скушаете изъ того, что вамъ благодѣтели присылаютъ, а все раздаете братіи?» Старець указаль рукою на желудокъ, показывая, что онъ у него неисправенъ, а затѣмъ показаль на небо и землю, тѣмъ давая понять, что нужно поститься для Бога, ибо предстоитъ скоро умереть ему. Память смертная всегда была ему присутца: онъ, можно сказать, всякій день встрѣчалъ, какъ послѣдній день своей жизни, жилъ гостемъ на землѣ, все вниманіе и всѣ помыслы души своей устремляя къ вѣчному отечеству. Ночью очень мало спалъ, полагаль многіе поклоны въ ночной тишинѣ, что замѣчали сосѣди его по келліи. Изъ монастыря никуда не выходилъ, только разъ въ день пойдетъ съ ведромъ почерпнуть себѣ воды, а если захочетъ прогулять на воздухѣ, то походить по двору монастырскому, послѣ чего присядетъ на лавочку у братскаго корпуса. Кромѣ болѣзненнаго трясенія въ рукахъ и ногахъ, имѣль онъ отъ постояннаго стоянія паховую грыжу, отъ которой по временамъ сильно страдалъ; кромѣ того у него почти постоянно болѣли зубы. Несмотря однако на такую свою болѣзненность, онъ совершенно не берегся и не лечился: бывало зимою въ холодномъ подрысникѣ выстаиваетъ въ холодномъ соборѣ у мощей св. праведнаго Іакова не одинъ молебень, а нѣсколько, совсѣмъ застынетъ, такъ что прійдя въ трапезу на обѣдъ, не сможетъ закоченѣвшею рукою взяться за ложку чтобы вкушать горячихъ щей, положить ее, и необѣдавши пойдетъ въ свою келлію отогрѣвать на лежанкѣ свои закоченѣвшіе отъ холода члены. Особенно любилъ онъ іеродіакона Варсонофія, который хаживаль къ нему въ келлію. При встрѣчѣ съ нимъ старецъ-молчальникъ имѣль обычай братски цѣловать его; но когда этого не дѣлаль, то было это признакомъ того, что Варсонофій чѣмъ-либо согрѣшилъ или въ чемъ провинился. Такъ всегда и понималь это

Варсонофій и слѣшилъ исповѣдать предъ старцемъ свою вину. Тотъ, бывало, выслушаетъ его, кротко улыбнется, покачаетъ головою, а потомъ поцѣлуетъ его, что и было знакомъ прощенія, и Варсонофій удостовѣряетъ, что всегда послѣ подобной исповѣди предъ молчальникомъ дѣлалось у него легко и покойно на душѣ. Старець-молчальникъ имѣлъ обычай: ходя по монастырю, или стоя въ церкви, беззвучно шевелить губами, такъ что многимъ казалось, что онъ что-то про себя шепчетъ. Иеродіаконъ Варсонофій разъ спросилъ его по этому поводу: «Батюшка, что это вы шепчете все губами? Вотъ люди говорятъ, что вы можете говорить, да не хотите, изъ ненависти и презрѣнія къ людямъ». Молчальникъ удивленно на него посмотрѣлъ, покачалъ головою, и потомъ отрицательно махнулъ рукою, въ знакъ того, что это несправедливо. Потомъ показалъ знакъ, что всѣхъ любить, а молчать для Бога, и еще сдѣлалъ знакъ, чтобы Варсонофій болѣе не смущалъ его подобными рѣчами. Выдѣляясь изъ числа Иверской братіи своимъ подвижническимъ житіемъ, о. Пахомій пользовался уваженіемъ и любовію Иверскихъ настоятелей, архимандритовъ Лаврентія и Веніамина, которые сами проходили жизнь подвижническую и сочувствовали его духовному настроенію. Архимандритъ Лаврентій, во время многолѣтняго настоятельства своего въ Иверскомъ монастырѣ, всегда отзывался о молчальникѣ Пахоміѣ, какъ объ истинномъ рабѣ Христовомъ, признавалъ его духовною красою своей обители и всегда относился къ нему съ уваженіемъ и любовію. Онъ поставилъ его, еще рясофорнаго послушника, на гробовую стражу у раки мощей св. праведнаго Іакова, затѣмъ, въ самый день переложенія св. мощей сихъ въ новую серебряную раку, постригъ его въ мантию и до самой кончины своей всегда оказывалъ ему покровительство и ласку. О. Пахомій всегда благоговѣлъ къ памяти архимандрита Лаврентія и не могъ безъ слезъ вспомнить о немъ, сейчасъ заплачетъ и укажетъ рукою на небо, намекая на то, что о. Лаврентій живетъ уже со святыми въ блаженной вѣчности. Преемникъ его о. архимандритъ Веніаминъ, по собственному

его отзыву, глубоко уважалъ и чтить молчальника о. Пахомія, признавая въ немъ сокровеннаго подвижника Христова. «Высоконазидательная жизнь молчальника о. Пахомія, между прочимъ пишеть пишущему эти строки о. архимандритъ Веніаминъ, отъ 2 ноября 1886 г., — была такъ сокровенна, что при самомъ тщательномъ наблюденіи за нимъ, почти нельзя было уловить ея черты. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ молчальникъ: не только не говорилъ, но даже утаивалъ самыя движенія душевнаго своего настроенія. Онъ былъ всегда ровень и всегда благодушень, рачительно и усердно проходилъ свое послушаніе, стоя безсмѣнно у раки мощей праведнаго Іакова. Ранѣе всѣхъ приходилъ въ церковь и послѣднимъ оставлялъ ее, при чемъ особенное усердіе имѣлъ къ праведному Іакову. Его всѣ братія любили, и не было случая, чтобы кто-нибудь оказалъ ему неудовольствіе; равно и онъ почтительно относился ко всѣмъ. По жизни и подвигамъ келейнымъ—это былъ свѣтильникъ: свѣтилъ всѣмъ своею жизнію, служилъ примѣромъ послушанія и беззлобія; остальные же подвиги келейные и внутренняя жизнь сего блаженнаго старца вѣдомы единому Богу, но вообще можно признать о. Пахомія челоуѣкомъ Божиимъ». О. архимандритъ Веніаминъ, во дни настоятельства своего въ Иверскомъ монастырѣ, имѣлъ намѣреніе облечь о. Пахомія въ великій ангельскій образъ—св. схиму, чего старецъ очень желалъ, ибо когда кто изъ братіи напоминалъ ему о схимѣ, онъ всегда радостно улыбался и показывалъ знаками, что онъ очень этого желаетъ. Но по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, это святое желаніе старца-молчальника осталось неисполненнымъ. О. архимандритъ Веніаминъ вскорѣ былъ переведенъ съ Иверскаго настоятельства на настоятельство въ Воскресенскій Новый Іерусалимъ именуемый монастырь, а послѣдующіе за нимъ настоятели Иверскаго монастыря не успѣли оцѣнить духовныя достоинства молчаливаго подвижника Христова Иверской обители. Онъ дожилъ свой вѣкъ и скончался простымъ мантиейнымъ монахомъ. Въ теченіи 20-ти лѣтъ онъ жилъ въ одной келліи въ верхнемъ этажѣ братскаго корпуса, но

по распоряженію монастырскаго начальства подь конецъ жизни своей былъ онъ перемѣщенъ въ другую келлію, находившуюся въ нижнемъ этажѣ, низменную и сырую, которая очень вредно повліяла на его и безъ того слабое здоровье. Трудно было старцу-молчальнику жить въ этой келліи; но онъ все терпѣлъ, рѣдко когда жаловался близкой къ нему Иверской братіи на ея неудобство, а только видимо слабѣлъ и дряхлѣлъ. Съ наступленіемъ 1886 года, о. Пахомій сталъ нѣкоторымъ изъ друзей своихъ духовныхъ прикровенно говорить, что этотъ годъ будетъ послѣднимъ въ его жизни. Все складывалъ руки на груди, по примѣру покойниковъ, указывалъ на небо, а потомъ на землю, давая понять, что скоро душа его оставить сей міръ, а тѣло опущено будетъ въ землю. Въ началѣ 1886 года впервые напечатанъ акаѳистъ св. праведному Іакову Боровичскому чудотворцу, еще во дни настоятельства въ Иверскомъ монастырѣ архимандрита Веніамина составленный пишущимъ эти строки по особому усердію къ сему угоднику Божію. По напечатаніи этого Акаѳиста положено въ Иверскомъ монастырѣ соборнѣ совершать его еженедѣльно по вторникамъ предъ ракою мощей св. праведнаго Іакова. О. Пахомій съ великимъ утѣшеніемъ отнесся къ этому молитвенному чествованію и прославленію многочтимаго имъ угодника Божія. Автору акаѳиста, просившему у него благословенія и св. молитвъ, послалъ онъ отъ себя икону Пресвятой Богородицы Вразумительницы, и просилъ написать, что онъ всегда за него молится. Когда акаѳистъ читался у раки мощей св. праведнаго Іакова, старецъ-молчальникъ съ радостнымъ выраженіемъ лица всегда его выслушивалъ, показывая нерѣдко потомъ братіи рукою, какъ онъ радъ, что наконецъ и св. Іаковъ имѣеть акаѳистъ, въ честь его составленный, какъ и прочіе великіе чудотворцы земли Русской. Это, можно сказать было послѣднимъ утѣшеніемъ на землѣ старца Божія. Въ іюнѣ 1886 года посѣтилъ Иверскій монастырь изъ Петербурга благоговѣйный священникъ о. Александръ Сыренскій, весьма уважавшій старца-молчальника, который въ свою очередь выражалъ къ нему особую любовь о Господѣ. Когда

о. Александръ зашелъ посѣтить келлію о. Пахомія, то былъ глубоко тронуть его ласкою и готовностію, чѣмъ можно его утѣшить. Старецъ благословилъ его св. иконою и знаками показывалъ, что очень его любить и будетъ за него молиться Богу. Въ августѣ 1886 года о. Пахомій сталъ видимо ослабѣвать въ силахъ тѣлесныхъ и очень измѣнился. Близкія къ нему лица изъ братіи Иверской желали снять съ него фотографическую карточку; но старецъ рѣшительно отъ этого отказался, замахалъ рукою и началъ плевать, что означало у него крайнюю степень неудовольствія. Впрочемъ еще во дни настоятельства въ Иверскомъ монастырѣ о. архимандрита Веніамина, была съ него снята фотографія тайно отъ него, которая одна теперь и сохранилась у его почитателей.—16 августа чудотворная икона Иверской Богоматери отправляется крестнымъ ходомъ въ трехмѣсячное странствованіе по городамъ и селамъ Новгородской и Тверской губерній; сопровождать ее назначенъ былъ въ 1886 году дружный съ старцемъ-молчальникомъ Иверскій іеромонахъ Серафимъ, который наканунѣ этого числа вечеромъ пришелъ къ нему въ келлію проститься. Старецъ со слезами простился съ нимъ, показывая знаками, что болѣе съ нимъ не увидится, и все просилъ его помолиться о немъ поусерднѣе, когда услышитъ о его кончинѣ. 16 августа, послѣ божественной литургіи, когда чудотворная икона Иверской Богоматери была вынесена изъ собора настоятелемъ обители для поставленія ея въ дорожный кіотъ, въ которомъ имѣла она затѣмъ отправиться въ крестный ходъ, о. Пахомій на пути припалъ къ чудотворной иконѣ, прильнулъ устами къ ручкѣ Богоматери на иконѣ, и долго ее лобызалъ, какъбы не могъ отъ нея оторваться, что нѣсколько задержало крестный ходъ и было замѣчено многими. Это было послѣднее прощаніе старца-молчальника съ благодатною святынею—чудотворною иконою Богоматери, къ которой всегда онъ особенно благоговѣлъ. 20 августа о. Пахомій такъ ослабѣлъ, что не могъ уже идти въ церковь на обычную свою гробовую службу при ракъ мощей св. праведнаго Іакова. Онъ слегъ на свою койку и безмолвно ле-

жалъ. Его поспѣшили напутствовать св. тайнами и совершили надъ нимъ таинство св. елеосвященія; приставили послушника ему прислуживать, но старецъ его не пожелалъ имѣть и просилъ, чтобы его оставили въ келліи одного лежать. Просилъ своего давняго друга, старца-слѣпца монаха Филофея, почаще навѣдываться къ нему въ келлію и приносить ему воды или чаю, когда потребуетъ. Принимать пищу послѣ причащенія св. таинъ онъ рѣшительно отказался и только нѣсколько глотковъ воды или чаю выпивалъ въ день и такъ пребывалъ до самой своей кончины; лежалъ все на спинѣ, съ лицомъ свѣтлымъ и радостнымъ, все шепталъ что-то устами и молился Богу, обращая молитвенно свои взоры и на св. иконы. О. Филофеей, самъ подвижникъ и молитвенникъ, съ любовію сослужилъ послѣднюю службу своему другу и брату о Господѣ, ходилъ за нимъ тцательно. Старецъ-молчальникъ одного только желалъ, чтобы поменѣе нарушали его безмолвіе, поменѣе беспокоили его празднымъ любопытствомъ человѣческимъ. Если кто изъ братій зайдетъ его навѣстить, всѣхъ принималъ съ любовію, прощался знаками, просилъ себѣ молитвъ, а затѣмъ, или закроетъ себѣ глаза, или отворотится къ стѣнѣ, тѣмъ давая знать посѣтителю, чтобы болѣе ему не докучалъ своимъ посѣщеніемъ. 28 августа вечеромъ, о. Филофеей, идя ко всенощной на праздникъ усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, зашелъ въ келлію о. Пахомія и засталъ его стоявшимъ на колѣняхъ у изголовья своей койки, надъ которою висѣла св. икона. Придерживаясь руками за края койки, старецъ колѣнопреклоненно молился. О. Филофеей, оставивъ его молиться, самъ пошелъ въ церковь. Выстоявъ всенощное бдѣніе, онъ опять подошелъ къ двери келліи старца, приложилъ къ ней ухо и сталъ слушать. Старецъ тихо плакалъ навзрыдъ и глубоко вздыхалъ. Филофеей подумалъ, что это онъ молится, и не сталъ его тревожить своимъ приходомъ. 29 августа, на самый праздникъ усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, въ 5-мъ часу утра, о. Филофеей сталъ собираться къ ранней обѣднѣ и опять зашелъ къ старцу. Ощупывая его по слѣпотѣ своей по келліи, онъ

нашелъ его стоявшимъ на колѣняхъ у изголовья койки неподвижнымъ и холоднымъ. Тогда Филоеей поспѣшилъ позвать іеродіакона Варсонофія, который нашелъ старца отшедшимъ уже ко Господу. Стоялъ онъ крѣпко на колѣняхъ, держалъ въ рукахъ четки; лице было оживлено еще молитвою, и казалось, точно созерцаетъ онъ нѣкое свѣтлое небесное видѣніе, ибо пріятною улыбкою запечатлѣлись его мертвыя уста, а глаза благолѣпно были закрыты, и вообще все лице его имѣло выраженіе неземнаго покоя. Въ 6 часовъ утра большой колоколъ Иверской обители возвѣстилъ всей братіи о блаженной кончинѣ старца-молчальника, столько лѣтъ всѣхъ назидавшаго своимъ преподобнымъ подвижническимъ житіемъ. Собрались иноки, опрятали его мертвое тѣло по чину иноческому, положили его въ малой и тѣсной его келліи, гдѣ и пролежалъ онъ четверо сутокъ, въ теченіе которыхъ постоянно читалась надъ нимъ Псалтирь. Несмотря на жаркую лѣтнюю погоду, тѣсноту келліи, и многолюдную толпу, ее наполнявшую, чтобы поклониться мертвымъ останкамъ свято-почившаго старца, тѣло его пребывало нетлѣннымъ, не издавало ни малѣйшаго мертвеннаго запаха, и даже не измѣнялось видомъ. Чистый и свѣтлый лежалъ старецъ, наружною чистотою и нетлѣніемъ своего тѣла всѣмъ ясно свидѣтельствуя, что праведная душа его чистою и свѣтлою предстала предъ лице Божіе. За отсутствіемъ настоятеля Иверскаго монастыря, архимандрита Леонида, старшая братія монастыря поусердствовала оказать свято-почившему старцу всевозможное уваженіе и почесть посмертную его тѣлу. Прекрасный гробъ былъ ими устроенъ, обить матерію, въ который и было положено тѣло старца, перенесено въ соборъ Иверской обители и тамъ отпѣто соборомъ священноинокѣвъ Иверскаго монастыря, 2 сентября, 1886 года, послѣ чего тѣло старца было предано землѣ въ могилѣ, ископанной за олтаремъ собора, рядомъ съ могилою другаго именитаго подвижника Иверскаго монастыря, пустынножителя іеросхимонаха Амфилохія. Послѣ кончины старца-молчальника, многіе изъ братіи Иверскаго монастыря ощутили точно нѣ-

кую пустоту духовную вокругъ себя: не стало у нихъ свѣтильника, который свѣтилъ имъ и утѣшалъ ихъ примѣромъ своей святой подвижнической жизни. Стали вспоминать про него кто что помнилъ замѣчательнаго, и тогда только вполнѣ оцѣнили старца-молчальника, который воистину былъ духовною красою ихъ обители. Присутствовалъ при погребеніи о. Пахомія и родной его братъ Іоаннъ Тарасевичъ, очень похожій на него лицомъ, который прибылъ отдать ему послѣдній долгъ. Присутствіе его при гробѣ старца было очень трогательно по разительному сходству живаго съ покойнымъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщилъ онъ про дни юности и жизнь въ родительскомъ домѣ святопочившаго своего брата, о. Пахомія. Тихо и мирно, подъ покровомъ молчанія протекла подвижническая жизнь блаженнаго старца въ Иверскомъ монастырѣ; тихо и мирно покоится онъ теперъ въ могилѣ, подъ осѣненіемъ соборнаго храма обители, содержащаго въ себѣ столько благодатныхъ святыхъ, до трубы архангельской, имѣющей воздвигнуть мертвыхъ отъ гробовъ въ день всемірнаго суда; намъ же оставилъ благой примѣръ своей святой, подвижнической жизни, въ назиданіе наше и благое чаяніе, что обрѣлъ онъ дерзновеніе и благодать у Господа, праведнаго мздовоздаятеля подвижниковъ благочестія, предстательствовать и молиться къ Нему за насъ грѣшныхъ, съ душеназиданіемъ воспоминающихъ подвиги его духовные.

Андрей Ковалевскій.

1887 г. 16 января.

НАЗНАЧЕНІЕ ВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Слово въ недѣлю Слѣпаго.

Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго Мя Отца, дондеже день есть. Егда придетъ ноць, никтоже можетъ дѣлати (Іоан. 9, 4).

Въ этихъ словахъ Господа нашего І. Христа, которыя вы сейчасъ слышали въ Евангельскомъ чтеніи, заключается заповѣдь для насъ, и заповѣдь до такой степени забытая нами, что она многимъ можетъ показаться совершенно новою. Поэтому я прошу васъ, братіе, остановить ваше вниманіе на этихъ словахъ Господа.

Хотя въ первой половинѣ этого изреченія Господь говоритъ о себѣ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаго Мя Отца, дондеже день есть*,—но оно очевидно относится и къ намъ, потому что Господь заканчиваетъ свои слова общемою мыслію: *егда придетъ ноць, никтоже можетъ дѣлати*. Ночью никто не можетъ дѣлать дѣло, значить дѣло дѣлать надо днемъ. Это конечно справедливо, это естественный законъ; день назначенъ для дѣятельности, ночь—для покоя. Взойдетъ солнце,—*изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера*. Наступитъ ночь, и человекъ и вся природа предается покою, чтобы собрать истощенныя дневною дѣятельностію силы для дѣятельности слѣдующаго дня; только одни хищныя животныя выходятъ на свою хищническую работу ночью. Однако этотъ естественный законъ не до такой

степени непреложень, чтобы отъ него невозможны были отступленія, по крайней мѣрѣ, для человѣка. Нерѣдко человѣкъ, не успѣвъ окончить дѣла днемъ, доканчиваетъ его ночью, — ночью наверстываетъ потерянное время. Но что же это за необыкновенная ночь, въ которую *никтоже можетъ дѣлать*? Очевидно, что Господь днемъ называетъ время земной жизни, а ночью смерть. Итакъ, вотъ заповѣдь, которую даетъ намъ Господь: «вамъ подобаеъ дѣлать дѣла пославшаго васъ въ этотъ міръ Бога, пока продолжается день вашей жизни; придетъ ночь смерти, и дѣлать будетъ поздно».

Не правда ли, братіе, эта заповѣдь многимъ можетъ показаться совершенно новою. Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли мы живемъ, чтобы похоже было на то, что мы крѣпко думаемъ о томъ, на что намъ дана жизнь?.. На что дана жизнь? Да на то, чтобы жить. «Жизнь для жизни намъ дана». Такъ говорятъ, такъ думаютъ, такъ и живутъ всѣ. Вотъ посмотрите: евангельскій богачъ живетъ въ чертогахъ, *отъвѣтается въ порфиру и виссонъ, веселится по вся дни свѣтло*; а у воротъ его чертоговъ, подъ открытымъ небомъ, въ язвахъ лежитъ умирающій съ голода, нищій Лазарь. Отчего это богачъ не обращаетъ вниманія на несчастнаго? Да какое ему дѣло? Для чего ему беспокоиться? Зачѣмъ отравлять себѣ чашу жизни заботою о какомъ-нибудь нищемъ? Жизнь дана для жизни. — Вотъ другой богатъ: этому угобзилась нива, — угобзилась до такой степени, что онъ не знаетъ, куда и дѣвать урожай, и заботится о чемъ? О томъ, чтобы подѣлиться дарами, которыми благословилъ его Богъ, съ неимущими? Нѣтъ: онъ думаетъ о томъ, чтобы построить большія житницы и собрать въ нихъ *вся благая своя*. И вотъ тогда-то онъ заживетъ! *Душе*, скажетъ онъ себѣ: *имали многа блага, лежаща на тѣхъ многа; почивай, яждь, ній, веселися*. Жизнь дана для жизни. А вотъ еще одинъ: этотъ много лѣтъ неутомимо работалъ, — работалъ честно, во многомъ себѣ отказывалъ, чтобы обезпечить свою жизнь, — все это хорошо; но, по мѣрѣ успѣха, въ немъ все разгарались аппетиты, и онъ началъ уже засасывать жизнь другихъ и засасываетъ сотни и тысячи жиз-

ней,—и ничего: смотреть въ глаза людямъ не краснѣя, и съ негодованіемъ благодѣтеля челоуѣчества говорить о неблаго-дарности засосанныхъ. И какъ же иначе? Онъ правъ: жизнь дана для жизни.

Такъ, братіе, всѣ помянутые думаютъ только о жизни, всѣ борятся за жизнь, рвутъ другъ у друга куски, и если когда и ладятъ другъ съ другомъ, то это не настоящій миръ, не братскій союзъ, гдѣ всѣ *носятъ тяготы другъ друга*, — а сдѣлка, въ которой ревниво слѣдятъ другъ за другомъ,—перемиріе утомленныхъ враговъ, которое нарушается при первой возможности. Поставивъ себѣ цѣлю жизнь, люди сдѣлались жадными, ненасытными міролюбцами, точно также какъ тотъ, кто забылъ, что ѣсть надо не для того, чтобы ѣсть, а для того, чтобы жить, — дѣлается обжорою; или какъ тотъ, кто забылъ, что деньги цѣнны не сами-по-себѣ, а какъ средство для жизни,—дѣлается скрягою. Какъ звѣри, живя только для того, чтобы жить, люди мало-по-малу и превратились въ звѣрей и живутъ позвѣриному. *Откуда брани и свары въ васъ*, спрашиваетъ Апостоль и отвѣчаетъ: *не отъ сластей ли вашихъ, воюющихъ во удѣхъ вашихъ?*

Нѣтъ, братіе, челоуѣкъ—нѣчто болѣе животнаго. Если для животнаго довольно того, что оно живетъ, чтобы жить, то для челоуѣка этого не довольно. Созданный по образу Божію, онъ долженъ поэтому уподобляться Богу. Вотъ задача, заданная челоуѣку. Земная жизнь есть срокъ, въ который челоуѣкъ долженъ пройти весь курсъ своего ученія. Жизнь—это домъ, котораго господинъ, отходя, каждому изъ рабовъ далъ свое дѣло, чтобы каждый дѣлалъ, пока не возвратится господинъ и не потребуетъ отчета. А когда возвратится, господинъ не сказалъ: можетъ быть въ полночь, въ первую, вторую, либо въ третью стражу ночи, или предъ разсвѣтомъ, въ пѣніе пѣтуховъ,—а велѣлъ каждую минуту ждать его возвращенія. Бодрствуй же, рабъ Божій, и дѣлай порученное тебѣ дѣло. Дано тебѣ пять талантовъ, пускай ихъ въ оборотъ, и приобрѣти другіе пять талантовъ; тебѣ дано два,—удвой ихъ; а тебѣ данъ одинъ, — не скрывай и одного въ

землю. Каждый дѣлай свое дѣло побожески, *не предъ очима точію работай, яко чловѣкоугодникъ, но яко рабъ Христовъ, твора волю Божию отъ души.* И дѣлай не медля, не откладывая, потому что не знаешь, когда придетъ Господинъ потребовать у тебя отчета. Не говори: успѣю завтра: можетъ быть и не успѣешь,—можетъ быть *въ эту ночь душу твою истяжутъ отъ тебе,* и для тебя начнется та послѣдняя ночь, въ которую *никтоже можетъ дѣлати;* а если и доживешь до завтрашняго дня, то все-таки нынѣшняго не воротишь. Все можно воротить, но только не потерянное время. Сколько бы ты ни сдѣлалъ добра завтра, но то добро будетъ принадлежать завтрашнему, а не нынѣшнему дню, *ибо довльетъ дневи злоба его,* — каждому дню принадлежитъ своя работа; сколько бы мы ни сдѣлали, никогда не сдѣлаемъ болѣе того, сколько должны сдѣлать; *ибо мы—рабы неключимые: если сотворимъ и вся повелынная намъ, то сдѣлаемъ только то, что должны быхомъ сотворити,*—не болѣе.

Заключу мое слово напомниманіемъ объ одномъ добромъ дѣлѣ, которое надо сдѣлать, если не сегодня, то въ теченіе наступившей недѣли, никакъ не откладывая далѣе. Общество вспомоществованія слѣпымъ призываетъ васъ принести ваши лепты въ пользу этихъ несчастныхъ, число которыхъ простирается въ Россіи приблизительно до ста тысячъ. Въ числѣ ихъ есть воины, потерявшіе зрѣніе на службѣ отечеству. Они дѣлали дѣло Божіе—принесли за васъ въ жертву свои силы и здоровье, пока продолжался ихъ день: исполните и вы свой долгъ въ отношеніи къ нимъ, оплатите имъ чѣмъ можете за очи, которыя они потеряли за васъ. **Аминь.**

Свящ. Д. Державинъ.

ИЗЪ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЙ

ПО ВѢТХОЗАВѢТНОЙ ИСТОРИИ.

I.

Иудеи подѣ властію персидскихъ царей.

Даніиль, мужъ желаній, имѣлъ утѣшеніе дожить до возвращенія народа изъ плѣна. По смерти Дарія Мидянина, Киръ, сдѣлавшійся единовластителемъ огромной монархіи, столько же, сколько и его предшественникъ, уважалъ Даніила. Безъ сомнѣнія, его вліянію іудеи обязаны прекращеніемъ плѣна. Вѣроятно, Даніиль показалъ Киру пророчества Исаіи, за 100 лѣтъ назвавшія его по имени, потому что этимъ только и можно объяснить указъ, изданный Киромъ ровно чрезъ 70 лѣтъ послѣ перваго переселенія іудеевъ въ Вавилонъ, въ которомъ Киръ объявляетъ, что Богъ небесный, даровавшій ему всѣ царства, поручилъ ему создать для Него храмъ въ Іерусалимѣ; почему онъ и дозволяетъ іудеямъ возвратиться въ свое отечество и предписываетъ правителямъ областей снабжать іудеевъ золотомъ и серебромъ, скотомъ и всякимъ добромъ и давать пожертвованія для дома Божія въ Іерусалимѣ.

Вслѣдствіе этого указа болѣе 40 тысячъ іудеевъ, подѣ предводительствомъ Зоровавеля, князя изъ рода Давидова, и первосвященника Іисуса, отправились въ отечество. Все это были бѣдняки, а богатые, снабдивъ переселенцевъ щедрыми пожертвованіями, сами не захотѣли возвращаться въ опусто-

шенное отечество. Даниилъ, хотя душа его и рвалась къ дорогимъ развалинамъ, остался однако также въ Вавилонѣ, конечно не изъ личныхъ расчетовъ, а чтобы своимъ вліяніемъ быть полезнымъ отечеству. Къ сожалѣнію, онъ скоро умеръ, и іудеи не могли не жалѣть о потерѣ такого могущественнаго покровителя.

Печально было положеніе возвратившихся іудеевъ. Города лежали въ развалинахъ, земля въ заустѣніи; наслѣдственные участки перешли въ чужія руки. Надо было обстроиваться, обрывать одичавшую землю, а средствъ не было, многимъ пришлось добывать свои участки изъ рукъ похитителей. Однако къ празднику новолѣтія народъ собрался въ Іерусалимъ; поставленъ былъ жертвенникъ на прежнемъ мѣстѣ и восстановлено богослуженіе. Черезъ два года заложенъ новый храмъ, при звукахъ трубъ и кимваловъ. Но трудно было рѣшить, радостное или печальное было это торжество. Раздавались радостные клики молодежи; но кругомъ были развалины; старики, помнившіе великолѣпіе перваго храма, видя скудость новаго, лишеннаго даже своей единственной святыни—ковчега, рыдали, и ихъ вопли, смѣшиваясь съ радостными кликами молодыхъ людей, заглушали звуки трубъ и кимваловъ и пѣніе левитовъ.

Самаряне, смѣшанное племя, составившееся изъ остатковъ израильтянъ съ другими разноплеменными поселенцами, переведенными сюда на мѣсто выселенныхъ ассирійскимъ царемъ израильтянъ, державшіеся такой же смѣшанной религіи, составившейся изъ закона Моисеева и языческихъ суевѣрій,—предложили іудеямъ свое участіе въ построеніи храма. Но іудеи, теперь совершенно исцѣлившіеся отъ своей наклонности къ идолопоклонству и сдѣлавшіеся очень преданными своей вѣрѣ, гнушались самарянами, какъ полуязычниками, отказались отъ ихъ участія. Оскорбленные самаряне начали возбуждать противъ іудеевъ правителей и съ такимъ успѣхомъ, что работы были остановлены, а послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти Кира, и совсѣмъ были запрещены. Эти препятствія, равно какъ недостатокъ средствъ и скудость воздви-

гаемаго храма, до такой степени охладили усердіе народа, что онъ не принимался за работы даже и тогда, когда препятствія были устранены. Тогда Богъ для возбужденія ревности народа, воздвигъ пророковъ. «Не бойтесь, говорилъ пророкъ Аггей,—такъ говоритъ Господь Вседержитель: еще разъ потрясу небо и землю, море и сушу, и приведу въ движеніе всѣ народы,—и придетъ *Чаяніе встѣхъ языковъ* (Вождельный), и слава этого (*скуднаго*) храма будетъ выше славы перваго, потому что на семь мѣстѣ Я дамъ миръ». Другой пророкъ Захарія восклицалъ: «Зѣло радуйся, дочь Сіонова, проповѣдуй, дочь Іерусалимова! Вотъ царь грядетъ къ тебѣ праведный и спасающій, кроткій и сидящій на подъяремной ослицѣ и молодомъ осленкѣ. Онъ хотя и будетъ проданъ за тридцать сребренниковъ—цѣну раба, хотя будетъ прободенъ въ ребра и овцы (ученики его) разбѣгутся, когда будетъ пораженъ Онъ, ихъ Пастырь,—но Онъ изведетъ узниковъ изъ рова, не имѣющаго воды (воскреситъ мертвыхъ предъ своимъ воскресеніемъ), и сами пронзившіе Его воззрятъ на Него, какъ на своего Владыку».

Этотъ вдохновенный гласъ поднялъ упавшій духъ народа, и храмъ былъ отстроенъ. Это, конечно, была великая радость для народа; но положеніе народа все еще было очень печально. Стѣны Іерусалима лежали въ развалинахъ, и враждебные сосѣди безпрестанно вторгались въ беззащитный городъ и производили опустошенія. Въ это время при дворѣ персидскаго царя Артаксеркса служилъ виночерпѣемъ іудей Неемія. Узнавъ о печальномъ положеніи роднаго города, онъ испросилъ у царя дозволеніе обнести Іерусалимъ стѣнами. Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ съ такимъ усердіемъ принялся за это дѣло, что, несмотря на то, что въ одно и то же время нужно было и строить, и отражать нападенія сосѣдей, которые покушались даже на жизнь его, — успѣлъ воздвигнуть стѣны въ 50 дней!

Неемія—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи народа Божія. Онъ весь отдался благу народа. Устроивъ безопасность народа со стороны внѣшнихъ враговъ, онъ обра-

тилъ вниманіе на внутреннее состояніе народа: вмѣстѣ съ священникомъ Ездрой устроилъ порядокъ гражданскій и возстановилъ чистоту вѣры, нарушенную многими чрезъ браки съ язычницами. Особенно болѣлъ онъ сердцемъ о бѣдникахъ. Узнавъ, что бѣдные граждане, для уплаты податей, продали свои поля и даже сами отдались въ рабство богатымъ, онъ собралъ богатыхъ и уговорилъ ихъ возвратить бѣднякамъ свободу и поля и простить долги.

Въ этихъ трудныхъ подвигахъ, помогаль Нееміи голосъ пророка Малахіи. «Прежде дня великаго и просвѣщеннаго, говорилъ пророкъ,—Я пошлю, говорить Господь, Ілію Оссвитянина, и онъ приготовитъ путь мой предо Мною,—и внезапно придетъ въ храмъ свой Господь, Котораго вы ищете, и Ангель завѣта, Котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ, говорить Господь Вседержитель». Это былъ послѣдній пророческій голсъ. Какъ при приближеніи солнца, меренуть звѣзды, такъ при приближеніи самого Божественнаго Солнца Мессіи, померкли звѣзды, озарившія сумракъ Ветхаго Завѣта, и замолкли пророческіе голоса. Народъ долженъ былъ понять, что Солнце близко. *Се грядеть!*.. Аминь.

II.

Иудеи подѣ властію египетскихъ и сирійскихъ царей.

Иудеи отдохнули и оправались подѣ властію персидскихъ царей. Но дни Персидскаго царства были уже сочтены. Оно, несмотря на свою громадность, или вѣрнѣе вслѣдствіе своей громадности, какъ и всѣ завоевательныя монархіи древности, было непрочно: части этого громаднаго тѣла, связанныя насильственно, стремились къ распаденію и ждали только случая, чтобы оторваться.

Начавъ борьбу съ маленькой Греціей персидскіе цари вскорѣ узнали, что сила государства не въ величинѣ: Греки побѣдоносно отразили двукратное нашествіе Персовъ, и сами

стали нападать на Персію. Но когда усилившіеся между Греками, раздѣлявшимися на нѣсколько независимыхъ республикъ, раздоры ослабили ихъ, въ это время возникло новое, сильное полугреческое царство Македонское. Александръ Македонскій, 20-ти лѣтъ вступивъ на престолъ послѣ отца своего Филиппа, въ два года покорилъ Грецію и началъ борьбу съ персидскимъ царемъ. Одержавъ надъ нимъ двѣ блистательныя побѣды, онъ пошелъ по восточному берегу Средиземнаго моря, покаяя города, и осадивъ знаменитый въ древности финикійскій торговый городъ Тиръ, потребовалъ у іудеевъ съѣстныхъ припасовъ для арміи и вспомогательнаго войска. Страшно было отказать грозному завоевателю; но первосвященникъ, управлявшій дѣлами, предпочелъ скорѣе подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ его гнѣва, чѣмъ нарушить вѣрность благодѣтелямъ іудейскаго народа,—персидскимъ царямъ. Онъ отвѣчалъ, что пока живъ персидскій царь, іудеи не могутъ помогать его врагу. Разгнѣванный завоеватель, разрушивъ Тиръ, двинулся въ Іудею. Тренещущій народъ въ бѣлыхъ одеждахъ, подъ предводительствомъ первосвященника въ полномъ облаченіи, вышелъ на встрѣчу Александру, приближавшемуся къ Іерусалиму. Александръ былъ тронутъ этимъ зрѣлищемъ торжественно встрѣчающаго его народа и, подошедши къ первосвященнику, поклонился ему. Изумленіе овладѣло окружающими его вождями. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ съ негодованіемъ сказалъ ему: «Какъ, ты, предъ которымъ все преклоняется, унижаешься предъ іудейскимъ священникомъ?» — «Не предъ нимъ, а предъ Богомъ, имя котораго я вижу у него на челѣ. Предъ моимъ походомъ явился мнѣ мужъ въ точно такомъ одѣяніи, какъ этотъ священникъ, и общалъ мнѣ побѣду». Войдя въ Іерусалимъ, онъ принесъ жертву и, когда первосвященникъ показалъ ему пророчество Даніила, предсказавшаго разрушеніе серебрянаго (Персидскаго) царства мѣднымъ царствомъ греческимъ, то Александръ простеръ свою благосклонность до того, что предоставилъ іудеямъ жить по своимъ законамъ и даже освободилъ ихъ отъ податей въ субботные годы.

Но мѣдное царство Греко-Македонское еще скорѣ пало, чѣмъ предшествовавшія два: Александръ пронесся надъ міромъ, какъ блестящій метеоръ, въ 10 лѣтъ завоевалъ извѣстный тогда міръ, начиная отъ Индіи, до африканскихъ пустынь и умеръ, оставивъ свою громадную монархію безъ наслѣдника. Тотчасъ послѣ его смерти она распалась на нѣсколько царствъ, которыми овладѣли его полководцы. Ближайшими къ Іудеѣ царствами, отъ которыхъ теперь зависѣла судьба ея, были Греко-Сирійское на сѣверѣ и Греко-Египетское на юго-западѣ.

Іудея сперва подпала власти египетскихъ царей Птолomeевъ. Первый изъ нихъ, воспользовавшись субботнымъ днемъ, въ который іудеи считали за грѣхъ браться за оружіе, вошелъ въ Іерусалимъ, занялъ его своимъ войскомъ и тысячи народа увелъ въ Египетъ. Но узнавъ ихъ вѣрность присягѣ, онъ вскорѣ сравнялъ ихъ въ правахъ съ господствующими тамъ греками и македонянами. Преемникъ его Птолomeй Филадельфъ продолжалъ покровительствовать іудеямъ. Устроенная библіотека въ своей столицѣ Александріи, знаменитѣйшемъ въ древности центрѣ просвѣщенія и торговли, онъ желалъ между прочимъ имѣть и еврейскія священныя книги на греческомъ языкѣ. По его просьбѣ, первосвященникъ прислалъ ему 72 переводчика, которые и перевели св. книги съ еврейскаго на греческій. Этотъ знаменитый переводъ, извѣстный подъ названіемъ *перевода 70-ти*, принятъ въ руководство православною Церковію.

Вообще подъ властію египетскихъ царей іудеямъ было хорошо. Но, къ сожалѣнію, власть надъ ними египетскихъ царей скоро смѣнилась властію сирійскихъ. Сирійскій царь Антиохъ Епифанъ возымѣлъ сумазбродную мысль всѣхъ своихъ подданныхъ превратить въ грековъ и принялся за осуществленіе этой невыполнимой мысли съ большимъ жаромъ. Такъ какъ іудеи отличались отъ всѣхъ народовъ, какъ своею религіею, такъ и привязанностію къ ней и къ своей народности, то имъ досталось тяжелѣе всѣхъ. Антиохъ запретилъ обрядъ обрѣзанія, отмѣнилъ богослуженіе, отбиралъ и

жегъ св. книги; храмъ превратилъ въ языческое капище; притворы храма сдѣлались свидѣтелями безстудныхъ языческихъ празднествъ, въ которыхъ принуждали принимать участіе народъ, а противящихся подвергали жестокому гоненію. Узнавъ однажды, что двѣ женщины тайно обрѣзали своихъ дѣтей, гонитель велѣлъ повѣсить несчастнымъ матерямъ дѣтей на шею, провести по городу и потомъ сбросить съ городской стѣны.

Въ это ужасное время между множествомъ малодушныхъ нерѣдко являлись люди мужественные, которыхъ никакія муки не могли заставить измѣнить вѣрѣ. Такъ одного старца, учителя народа—Елеазара, принуждали ѣсть запрещенное закономъ свиное мясо. Уваженіе къ старцу было такъ велико, что сами исполнители царскаго повелѣнія, жалѣя его, обѣщали положить между кусками свиного мяса куски дозволеннаго и уговаривали его сдѣлать только видъ, что онъ ѣсть запрещенное закономъ. «Какъ! сказалъ доблестный старецъ, мнѣ, въ мои лѣта лицемѣрить и вводить въ соблазнъ молодыхъ людей!» Отказавшись наотрѣзъ, онъ умеръ подъ ударами мучителей. Послѣ него привели 7 учениковъ его, родныхъ братьевъ, съ матерью ихъ Соломонією. Всѣ они одинъ за другимъ были замучены въ глазахъ матери. Пристыженный и взбѣшенный ихъ твердостью, Антиохъ пытался побѣдить младшаго, который былъ еще мальчикъ. Подозвавъ его къ себѣ, онъ обѣщаль ему богатство, почести, грозилъ муками. Но видя, что угрозы также мало дѣйствуютъ на мальчика, какъ и ласки, и желая во что бы то ни стало восторжествовать надъ нимъ, мучитель, подозвавъ мать, предложилъ ей уговорить мальчика, чтобы сберечь себѣ хоть одного. Мать, казалось, согласилась, подошла къ сыну, обняла его и сказала: «сжался, дитя мое, надъ матерью, которая носила тебя во чревѣ, кормила и растила; не бойся мучителя и не измѣни Богу, все сотворившему. Богъ воскреситъ тебя, также какъ и братьевъ твоихъ, и увидишься съ ними». Выслушавъ мать, мальчикъ, обратившись къ мучителямъ, сказалъ: «чего вы ждете? Не думаете ли вы, что я измѣню своей вѣрѣ? А

ты, прибавилъ онъ, обратясь къ мучителю, — не избѣжишь руки Божіей!» и погибъ въ мукахъ, а за нимъ и мать. Тирани ошибся въ расчетъ, надѣясь сломить упорство народа. Негодованіе пересилило страхъ и нужна была только искра, чтобы произошелъ страшный взрывъ. Эту искру бросилъ священникъ Маттаѳіа. Когда въ городокъ, въ который ушелъ онъ изъ Іерусалима, чтобы не быть свидѣтелемъ безобразій, возмущавшихъ его душу, явился царскій чиновникъ принуждать жителей къ отступничеству и потребовалъ, чтобы Маттаѳіа, какъ священникъ, подалъ примѣръ народу, то Маттаѳіа точно *подалъ примѣръ*: онъ убилъ, какъ повелѣвалъ законъ, іудея, собравшагося возложить ѳиміамъ, на идольскій жертвенникъ, и воскликнулъ, обратясь къ народу: «кто любить законъ, пусть слѣдуетъ за мною!» На этотъ кликъ отозвались многіе и съ женами, дѣтьми и имуществомъ удалились вслѣдъ за Маттаѳіей въ пустыню. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ нему ревнители закона. До какого героизма доходила преданность закону этой кучки героевъ, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды около 1000 человекъ изъ нихъ, съ женами и дѣтьми, были настигнуты въ пещерахъ, въ которыхъ они укрывались, и всѣ до одного допустили перерѣзать себя, не поднявъ оружія въ свою защиту, чтобы не нарушить субботу, въ которую это случилось. Узнавъ объ этомъ несчастіи, Маттаѳіа разрѣшилъ защищаться даже и въ субботу.

Составивъ значительное войско, Маттаѳіа, съ помощію пятерыхъ сыновей-героевъ, напалъ на сирійцевъ, разбивалъ ихъ, разрушалъ языческіе жертвенники, обрѣзывалъ необрѣзанныхъ дѣтей и поднималъ упавшій духъ народа. По смѣрти его, борьбу продолжали сыновья, изъ коихъ Іуда отличался безстрашіемъ и военными талантами. Съ самыми ничтожными силами онъ постоянно одерживалъ побѣды надъ опытными въ военномъ дѣлѣ сирійскими вождями и своими побѣдами заставилъ сирійцевъ очистить Іудею. Очистивъ храмъ и возстановивъ богослуженіе, онъ обратилъ оружіе противъ сосѣднихъ народовъ, поднимавшихся противъ іудеевъ.

Борьба съ сирійцами впрочемъ не кончилась; по смерти Антиоха она возгорѣлась съ новою силою. Послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ побѣдъ, Іуда встрѣтился однажды съ сирійцами, которые были въ такомъ подавляющемъ числѣ, что изъ трехъ тысячъ, бывшихъ у Іуды, большая часть разбѣжалась и у него осталось только 800 человекъ. Какъ ни были мужественны эти герои, но и они не надѣялись одолѣть 20000-ное непріятельское войско и совѣтовали Іудѣ отступить. «Не бывать этому! сказалъ Іуда.—Если уже пришло наше время, умремъ мужественно и не посрадимъ нашей славы!» Цѣлый день продолжалась кровопролитная битва; Іуда успѣлъ разстроить одно крыло непріятеля, но, окруженный другимъ, палъ въ неравной борьбѣ.

Съ такимъ же почти успѣхомъ продолжалъ войну братъ Іуды Ионаанъ, пока не былъ предательски захваченъ и убитъ сирійскимъ полководцемъ. Изъ всѣхъ братьевъ остался одинъ Симонъ, отличавшійся болѣе правительственными дарованіями. Онъ окончательно свергнулъ сирійское иго и доставилъ такое благосостояніе народу, что благодарный народъ установилъ новое лѣтосчисленіе отъ *Симона архіерея, военачальника и вождя іудеевъ*.

Но и этотъ, послѣдній изъ братьевъ умеръ также насильственною смертію: онъ былъ захваченъ и убитъ своимъ зятемъ съ двоими сыновьями. Изъ всего этого семейства героевъ, прозванныхъ въ честь перваго изъ нихъ—Іуды, *Маккавеями*, уцѣлѣлъ одинъ сынъ Симона Іоаннъ, прозванный *Гирканомъ* (разрушителемъ). Онъ покорилъ самарянъ и разрушилъ ихъ храмъ, построенный ими съ позволенія Александра Македонскаго на горѣ Гаризинъ (горѣ благословеній), покорилъ также идумеевъ, потомковъ Исава, брата Іаковлева, прозваннаго Эдомомъ, покоренныхъ нѣкогда Давидомъ, но послѣ отложившихся.

Потомки Маккаевеивъ, послѣ Гиркана соединившіе свѣтскую власть съ духовною и принявшіе титулъ царей, недостойны были своихъ великихъ предковъ: они постоянно боролись между собою за власть, своими междуусобіями осла-

били государство и опозорили себя страшными жестокостями, доходившими даже до братоубійства.

А между тѣмъ на западѣ давно уже поднялось послѣднее изъ четырехъ, предсказанныхъ Данииломъ царствъ—железное царство Римское. Завоевавъ все побережье Средиземнаго моря, римляне подвигались уже къ Іудеѣ. Въсто того, чтобы, сколько возможно, избѣгать столкновенія съ страшными завоевателями, послѣдніе изъ Маккавеевъ, братьевъ, боровшіеся за власть, сами дали римлянамъ поводъ вмѣшаться въ ихъ дѣла: оба брата обратились къ суду римскаго полководца Помпея. Приверженцы одного изъ братьевъ заперлись въ храмѣ, но римляне разрушили стѣну храма и ворвались въ святилище. Помпей вошелъ даже во Святое Святыхъ и былъ крайне изумленъ тѣмъ, что нашелъ его совершенно пустымъ и лишеннымъ, также какъ и прочія части храма, священныхъ изображеній. Съ горестію и бессильнымъ негодованіемъ смотрѣли іудеи на оскверненіе своей святыни присутствіемъ язычника. Впрочемъ, какъ человѣкъ очень мягкой, Помпей не коснулся сокровищъ храма и, рѣшивъ дѣло братьевъ, оставилъ іудею, подчинивъ ее власти Римлянъ.

Такъ кончилась независимость іудеевъ, продолжавшаяся всего 79 лѣтъ; съ этого времени іудеи оставались подъ властію римлянъ до окончательнаго своего паденія. *Князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его оскудѣлъ.* Очевидно, пришествіе *Примирителя*, *Чаянія языковъ* было уже близко. *Се ирядетъ, млаголетъ Господь Вседержитель.* Аминь.

Ш.

Иродъ.

Не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже приидутъ отложенная ему и Той Чаяніе языковъ.

Такъ нѣкогда умирающій патріархъ Іаковъ указалъ время пришествія Мессіи. «Не отыметъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколѣ не придетъ Примиритель,

которому покорятся народы». И вотъ указанное патріархомъ время пришло: Іудея потеряла независимость и подпала власти римлянъ. Но этого мало: Іудея подверглась такому униженію, какого никогда не испытывала: римляне посадили на престолъ Давидовъ иноплеменника.

Въ царствованіе послѣдняго изъ Маккавеевъ всѣми дѣлами управлялъ идумей Антипатръ, человекъ способный и хитрый, умѣвшій угодить римлянамъ. По смерти его, сынъ его Иродъ, отличавшійся большими дарованіями и честолюбіемъ, сталъ добиваться полнаго господства надъ Іудеею: женившись на Маріамнѣ, послѣдней отрасли великаго рода Маккавеевъ, онъ благодаря своей энергіи, неразборчивости въ средствахъ и угодливости передъ римлянами, не только достигъ власти, но и получилъ титулъ царя. Чтобы удержаться на престолѣ, добытомъ незаконными средствами, онъ всю жизнь старался совмѣстить несомвѣстимое: угодить римлянамъ, своимъ покровителямъ, и примирить подданныхъ съ своею властію. Чтобы пріобрѣсти расположеніе народа, онъ великолѣпно отстроилъ храмъ іерусалимскій, во время общественныхъ бѣдствій—голода, землетрясеній, моровой язвы, оказывалъ щедрыя благодѣянія бѣдствующимъ. Но въ тоже время, чтобы выказать преданность римскому владыкѣ, императору Августу, онъ нарушеніемъ древнихъ уставовъ и священныхъ обычаевъ глубоко оскорблялъ чувства народа: въ самомъ Іерусалимѣ построилъ языческій театръ, а въ окрестностяхъ амфитеатръ, въ которомъ происходили языческія игры и зрѣлища; строилъ въ честь императора города и называлъ ихъ его именемъ; даже, въ областяхъ, присоединенныхъ къ его царству, воздвигалъ въ честь Августа храмы и ставилъ въ нихъ его статуи, т.-е. вводилъ идолопоклонство.

Понятно, что этими средствами нельзя было привлечь сердца народа, глубоко преданнаго своей вѣрѣ и обычаямъ. Подозрительный по натурѣ, чувствуя тяготѣющую надъ нимъ ненависть народа, онъ постоянно волновался страхомъ за свой престолъ, всюду подозрѣвалъ заговоры. Кипя злобой, жестокой, мстительной, неразборчивый на средства, онъ не оста-

навливался ни предъ какимъ злодѣйствомъ. Онъ истребилъ весь родъ маккавеевъ, и съ какимъ дѣвольскимъ коварствомъ! Такъ принужденный возложить санъ первосвященника на брата жены своей Маріамны и замѣтивъ, что народъ съ восторгомъ и любовію смотритъ на прекраснаго юношу, онъ однажды уговорилъ его купаться, и тайно приказалъ слугамъ, какъ будто шутя, какъ можно больше окунать его; слуги такъ усердно шутили, что совсѣмъ закупали юношу. Пышныя похороны и рыданія Ирода никого не обманули. По жалобѣ тещи, онъ былъ вызванъ на судъ къ властителю Рима. Уѣзжая, онъ далъ зятю тайное повелѣніе, въ случаѣ своей смерти, убить Маріамну, чтобы она не вышла замужъ за другаго. Съ помощію даровъ и своей ловкости онъ успѣлъ оправдаться. Послѣ, когда онъ долженъ былъ опять ѣхать къ новому владыкѣ Рима, онъ опять далъ зятю такое же повелѣніе. Когда Маріамна, узнавшая объ этомъ, по возвращеніи его упрекнула его за это, онъ обвинилъ ее въ заговорѣ на его жизнь и казнилъ. Мужественно умерла эта послѣдняя отрасль Маккавеевъ, въ которой воскресли доблести ея великихъ предковъ. Когда минута бѣшенства прошла, Иродъ терзаемый совѣстію, въ мучительной тоскѣ, бросивъ дѣла, бродилъ по дворцу, клича и приказывая слугамъ кликать его Маріамну, которая умѣла вдохнуть любовь даже въ его звѣрское сердце, и наконецъ впалъ въ мучительную болѣзнь.

Но на злодѣевъ, имѣющихъ себялюбивое сердце, угрызенія совѣсти не дѣйствуютъ благотворно, а только еще болѣе ожесточаютъ ихъ. Любовь къ Маріамнѣ сколько-нибудь сдерживала лютость Ирода; теперь же, когда не стало ея, когда онъ принесъ въ жертву своей лютости единственное существо, которое любилъ,—теперь казнить, мучить, истреблять сдѣлалось для него потребностію, наслажденіемъ, въ которомъ онъ топилъ свою мучительную тоску по Маріамнѣ. Началъ онъ съ тещи и казнилъ ее, несмотря на то, или можетъ быть потому, что эта низкая женщина имѣла столько безсердечія, что, для спасенія своей презрѣнной жизни, ругательствами провожала благородную дочь свою на казнь;

потомъ онъ казнилъ двухъ сыновей своихъ отъ Маріамны, замѣтивъ въ нихъ холодность къ себѣ; казнилъ еще третьяго сына отъ другой жены, единственно за то, что бѣдный юноша, по ложному слуху о смерти отца, упрашивалъ тюремщика выпустить его изъ тюрьмы, куда заперъ его отецъ. По поводу этихъ дѣтоубійствъ, императоръ Августъ такъ выразился объ Иродѣ: «у Ирода выгоднѣебыть свиньей, чѣмъ сыномъ». Когда, вслѣдствіе тогоже ложнаго слуха о смерти тирана, нѣкоторые ревнители народныхъ обычаевъ низвергли золотаго орла, поставленнаго имъ надъ воротами храма, онъ велѣлъ сжечь ихъ живыми. Наконецъ всѣ эти казни онъ увѣнчалъ избіеніемъ виелеемскихъ младенцевъ.

Смерть положила конецъ всѣмъ этимъ звѣрствамъ. И ужасна была эта смерть! Внутренности его горѣли медленнымъ огнемъ; неутолимый голодь терзалъ его; ноги его налились водою; гнѣющее чрево пожирала гадины—рѣдкая болѣзнь, которою умирали только необыкновенные тираны и развратники; нестерпимый смрадь отгонялъ отъ него окружающихъ; судороги давали ему по временамъ сверхъестественную силу. Но всѣ эти страшныя муки тѣлесныя были ничто въ сравненіи съ муками душевными: терзанія совѣсти и злоба доходившая до ненависти ко всему роду человѣческому, сдѣлали адъ въ его душѣ. Зная, что смерть его будетъ праздникомъ для его подданныхъ, онъ собралъ и заключилъ въ темницу знатнѣйшихъ іудеевъ и заклиналъ зятя и сестру казнить ихъ, чтобы похороны его не обошлись безъ плача.

Таковъ былъ Иродъ, прозванный *Великимъ*. Подлинно великъ онъ по своимъ злодѣяніямъ. Онъ, какъ выразился о немъ одинъ историкъ, вступилъ на престолъ, какъ лисица, царствовалъ, какъ тигръ, а умеръ, какъ бѣшеная собака. Онъ представляетъ ужасный примѣръ того, до какого упадка можетъ дойти поврежденная природа человѣческая и какъ необходима поэтому для нея небесная помощь. Эта небесная помощь явилась въ его царствованіе въ лицѣ І. Христа въ виелеемскихъ ясляхъ; а Иродъ пытался отнять ее у человѣчества, убивая виелеемскихъ младенцевъ. Аминь.

IV.

Взглядъ на судьбы народа Божія со времени плѣна Вавилонскаго.

Со времени плѣна Вавилонскаго мы обозрѣли не болѣе трехъ вѣковъ; и въ это короткое время судьба міра измѣнялась три раза! Золотое Вавилонское царство смѣнилось серебрянымъ, Мидо-Персидскимъ, которое въ свою очередь раздавлено было Греко-Македонскимъ. Это, какъ метеоръ, быстро пронеслось и разсыпалось, ослѣпивъ блескомъ взоры современниковъ. Разсыпалось, а на горизонтѣ показалось четвертое, сильнѣйшее изъ всѣхъ, желѣзное царство Римское. Народы основавшіе тѣ могучія царства, затерялись между другими, потеряли имя, нѣкоторые исчезли безъ слѣда; а маленькій народъ Божій, попираемый могучими стопами ихъ, пережилъ ихъ и остался неизмѣннымъ! Не поразительно ли это? Буря событій вырываетъ съ корнемъ и уноситъ съ поля исторіи могучіе дубы, а слабая тростинка цѣла. Могущественныя монархіи гибнутъ безъ слѣда, а народъ Божій остается цѣлъ. Властители иногда сами заискиваютъ въ этомъ безоружномъ народѣ, покровительствуютъ ему, исповѣдуютъ его Бога, просятъ его молитвъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на событія. Навуходоносоръ переселяетъ іудеевъ. А что же Святая Земля? Кто занимаетъ ее? Никто. Но затѣмъ же она пустуетъ? Какъ возможно, чтобы земля, текущая млеко и медомъ, пустовала цѣлыхъ 70 лѣтъ? Почему вавилонскій царь не поселилъ на ней кого-нибудь, какъ прежде сдѣлалъ это ассирійскій царь съ землею Израильскаго царства, и не образовалъ тамъ, на этомъ важномъ пунктѣ, преданнаго себѣ населенія? Какъ эта простая мысль не пришла въ голову ни ему, ни его преемникамъ? Какъ будто эти ненасытные завоеватели понимали, что эта земля не принадлежитъ имъ, заповѣдная для нихъ;—точно понимали, что они не имѣютъ права распоряжаться ею, что ея владѣтель—Иегова, который отдалъ ее въ потом-

ственное владѣніе своему народу, и этому народу она должна быть возвращена въ свое время. Такъ домъ стоитъ пустой, когда его хозяинъ сосланъ на время въ ссылку, но не потерялъ право собственности, — и домъ пустуетъ въ ожиданіи возвращенія хозяина.

И хозяинъ возвращается, когда срокъ ссылки кончился. Киръ даетъ іудеямъ позволеніе возвратиться. Какъ пришла ему въ голову эта совѣтъ не политическая мысль—возвратить свободу и отечество этому народу, не похожему на другіе, гнушающемуся язычествомъ,—народу, который 70 лѣтъ тому назадъ составлялъ независимое царство, имѣющее свои славныя и еще живыя воспоминанія?.. Точно, всѣ эти владыки міра, сами того не вѣдая, исполняли волю Провидѣнія. Какъ объяснить потомъ снисхожденіе, покровительство и даже преклоненіе предъ Іудеями гордаго и притомъ раздраженнаго завоевателя, Александра Македонскаго, въ то время какъ онъ былъ такъ безжалостенъ къ другимъ, навлекшимъ на себя его гнѣвъ? (Оивы напримѣръ).

Съ разрушеніемъ Греко-Македонскаго царства судьба народа Божія какъ будто измѣняется къ худшему. Одинъ изъ Птоломеевъ подобно Навуходносору уводитъ тысячи іудеевъ въ Египетъ. Но всмотритесь пристальнѣе въ это событіе и вы увидите ту же руку Промысла. Какъ нужно было народу Божію проникнуть на-востокъ, чтобы бросить туда живыя сѣмена вѣры въ Іегову и въ грядущаго Мессію,—точно также нужно было проникнуть ему и на западъ, чтобы заронить и тамъ тѣ же сѣмена. И смотрите, какъ скоро эти сѣмена дали ростки: сынъ перваго Птолемея переводитъ св. книги съ еврейскаго языка на греческій, всемірный въ то время языкъ образованныхъ людей,—и весь міръ познаетъ Іегову и ожидаемаго Мессію.

Таковы чудныя судьбы народа Божія. Онъ переживаетъ могущественные народы, вопреки естественному порядку вещей, потому что ему нужно было жить для того, чтобы разливать свѣтъ истины во мракъ языческой лжи и суевѣрія. Мы должны сравнить его не съ тростникомъ, а съ Ноевымъ

ковчегомъ. Вотъ волны событій уносятъ съ лица исторіи крѣпкія зданія, а утлый ковчегъ плаваетъ, хранимый десницею Божіею. И сами тѣ, которые ругались надъ ковчегомъ, инстинктивно направляются теперь къ нему, чуя, что въ немъ одномъ заключается теперь жизнь человѣчества.

Исполнивъ свое назначеніе, народъ Божій склонился наконецъ къ упадку,—и вотъ, какъ заходящее солнце бросаетъ на землю предъ закатомъ багряные лучи, такъ народъ Божій предъ закатомъ своего политическаго существованія, геройски возстаетъ на защиту своей независимости противъ сирійскаго владычества и украшается кровавымъ вѣнцемъ мученичества. Скоро желѣзное царство наляжетъ на весь міръ и судьбами Божіими раздавитъ и ковчегъ, какъ болѣе уже не нужный, послѣ того какъ изъ него будетъ вынуть животь міра,—и разбросаетъ остатки его по лицу земли. Но поразительно! Этотъ желѣзный римскій народъ, царь народовъ, самъ наконецъ исчезаетъ, а раздавленный и разсѣянный имъ народъ іудейскій живетъ еще и теперь, неизмѣнно тотъ же. Зачѣмъ? Должно-быть онъ и теперь еще на что-нибудь нуженъ. На что же? На это отвѣчаетъ ап. Павелъ: «не хочу, братіе, оставить васъ въ невѣдѣніи тайны сей (чтобы вы не мечтали о себѣ), что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти до времени, пока войдетъ (въ царство Христово) полное число язычниковъ, и такимъ образомъ весь Израиль спасется, какъ написано: придетъ отъ Сіона Избавитель и отвратитъ нечестіе отъ Іакова, и сей завѣтъ имъ отъ Меня, когда сниму съ нихъ грѣхи ихъ... Въ отношеніи къ благовѣстію, они враги ради васъ; а въ отношеніи къ избранію—возлюбленные Божіи ради отцевъ, ибо дары и призваніе Божіе непреложны. Какъ и вы нѣкогда были непослушны Богу, а нынѣ помилованы по непослушанію ихъ: такъ и они теперь непослушны для помилованія васъ, чтобы и сами они были помилованы!»—Ахъ, братіе, въ насъ видимо изсякаетъ духъ христіанскаго благочестія, а успѣхи невѣрія и нечестія поразительны. Кажется не далеко то ужасное время, когда для спасенія христіанства Господь передастъ

свѣтильникъ вѣры нѣкогда избранному народу своему и онъ, теперь врагъ христіанства, обратившись, замѣнить насъ, а можетъ-быть еще разъ послужить нашему спасенію, вливъ въ насъ свѣжую струю жизни.

Благоговѣйный ужасъ охватываетъ душу при созерцаніи судебъ этого чуднаго народа. Нашъ вѣкъ отвергаетъ библейскія чудеса; но укажите ему на судьбы народа Божія. Вотъ чудо, котораго ни отвергнуть, ни объяснить мудрецы нашего вѣка не могутъ. Какое самое поразительное доказательство истины христіанства? спросилъ одинъ государь епископа.— Иудейскій народъ, отвѣчалъ епископъ. Аминь.

V.

Религіозное и нравственное состояніе іудеевъ предъ пришествіемъ Спасителя.

Послѣ плѣна Вавилонскаго іудеи, какъ мы видѣли, совершенно исправились отъ своей наклонности къ идолопоклонству; но они подражая, такъ сказать, идолопоклонникамъ, служили своему Богу не духомъ и истиною, а одною внѣшностію, точно надѣялись подкупить Его тучными жертвами. Прежде они забывали, что они избранный народъ Божій, и пресмыкались предъ языческими народами; — теперь они впали въ противоположную крайность: они стали гордиться своимъ избраніемъ, обрѣзаніемъ и происхожденіемъ отъ Авраама; *сыны Авраамова мы*, говорили они съ гордостію, и съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣли на язычниковъ, что боялись оскверниться даже ихъ прикосновеніемъ. Они воображали, что они единственный народъ въ мірѣ, о которомъ печется Богъ, что они одни—сыны царствія, а всѣ прочіе народы только для того и существуютъ, чтобы быть ихъ рабами. При такой гордости и презрѣніи къ язычникамъ, можете вообразить, каково было имъ переносить иго этихъ презрѣнныхъ язычниковъ. Чѣмъ тяжелѣе было это иго, тѣмъ съ

большимъ нетерпѣніемъ ждали они Мессію, ждали въ немъ не Искупителя, не Освободителя отъ ига діавола, а земнаго Царя-завоевателя, который покоритъ имъ всѣ народы.

Эти превратныя понятія о Иеговѣ и о Мессіи некому уже было исправить: изсякъ духъ пророческій и пророковъ замѣнили раввины (учители закона) и книжники (толкователи писанія), которые сами были *слѣпными вождями слѣпыхъ*. Послѣ плѣна Вавилонскаго возникли двѣ религіозныя партіи: саддукеевъ и фарисеевъ. Саддукеи, къ которымъ принадлежали одни высшіе классы, были вольнодумцы, не вѣровавшіе въ бытіе ангеловъ, въ безсмертіе души, а слѣдовательно и въ будущую жизнь. Понятно, что эти матеріалисты своего времени не могли пользоваться никакимъ уваженіемъ въ глазахъ народа, столь преданнаго своей вѣрѣ, и не могли имѣть вліянія. Но совсѣмъ другое дѣло фарисеи: они пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ и имѣли самое пагубное вліяніе на народъ, потому что въ нихъ были тѣже самые пороки, что и въ народѣ. Зародыши указанныхъ выше пороковъ іудейскаго народа, мало-по-малу развиваясь, дошли до чудовищныхъ размѣровъ. Народъ грубо, плотски понималъ законъ и ограничивалъ всю свою религіозность одною обрядностію: фарисеи совсѣмъ исказили законъ множествомъ такъ называемыхъ *преданій старцевъ*, т.-е. разныхъ, измышленныхъ ими предписаній, которыя они выдавали за Моисеевы, перешедшія будто бы къ нимъ отъ Моисея чрезъ старцевъ. Съ помощію этихъ преданій они довели предписанное Моисеемъ почитаніе субботы до нелѣпости: по ихнему, въ субботу нельзя было позволять себѣ не только настоящей работы, а даже и самаго простаго и необходимаго дѣла, напримѣръ: исцѣленному больному убрать свой одръ, пройти засѣяннымъ полемъ,—помилуй Богъ, притопчешь случайно оставшееся на поверхности земли зернышко, которое, пожалуй, выростетъ и выйдетъ, что ты какъ-будто посѣялъ его; считалось грѣхомъ сдѣлать даже доброе дѣло въ субботу. Народъ гордился своимъ избраніемъ и считалъ отверженными и нечистыми всѣ другіе народы. Фарисеи считали праведниками однихъ себя

и даже на свой собственный народъ смотрѣли какъ на отверженный и нечестивый. *Народъ сей—проклятый народъ; я—не то, что другіе люди: хищники, неправедники, прелюбодѣи,*—такъ фарисеи трактовали народъ и расписывали чужіе пороки. Они старались отличать отъ этого проклятаго народа даже одеждою: увеличивали размѣры поясковъ съ словами закона на лбу и рукахъ и каемки на одеждахъ. Понятно, что прикосновеніе къ этому проклятому народу оскверняетъ такого праведника, какъ фарисей, а потому, по возвращеніи изъ какого-нибудь многочисленнаго собранія, гдѣ нельзя было избѣжать прикосновенія,—фарисей немедленно совершалъ омовеніе. Но при такой гордости какая возможна была праведность? Вся праведность фарисеевъ была чисто внѣшняя; сердце же ихъ было сухое, холодное, себялюбивое. Будучи страшно корыстолюбивы, они имѣли наглость выдавать за преданія старцевъ самыя безнравственныя правила; на примѣръ поихнему клятва золотомъ или какимъ-нибудь другимъ даромъ церковнымъ священнѣе клятвы именемъ Божиимъ, или церковію. Золото, значить, было для нимъ священнѣе храма и даже имени Божія. Или еще: лучше сдѣлать пожертвованіе въ церковь, чѣмъ кормить престарѣлыхъ родителей. Они обирали простодушныхъ вдовъ, обольщая ихъ своею сновитостію и благочестивою наружностію. Несмотря на свою гордость и презрѣніе къ народу, они изъ корыстолюбивыхъ расчетовъ съ самымъ мелочнымъ тщеславіемъ добивались почтенія этого, по ихъ мнѣнію, проклятаго и нечистаго народа. *Вся свои добрыя дѣла они дѣлали только для того, чтобы видѣли люди.*

Собирались ли фарисеи поститься—онѣ непременно дѣлалъ постное лице; если молился, то не иначе, какъ на видномъ мѣстѣ—на улицѣ на примѣръ; раздается трубный звукъ—значить фарисей собрался раздавать милостыню. Однимъ словомъ вся праведность фарисеевъ была одно отвратительное лицемеріе; они были похожи на покрашенные гробы, красивые снаружи, а внутри наполненные костями мертвыхъ и всякою нечистотою.

И однако, какъ ни были грубы эти приемы лицемѣрія, слѣпоѣ народъ принималъ ихъ за чистую монету и платилъ этимъ лицемѣрамъ за ихъ презрѣніе глубокимъ почтеніемъ. Оттого вліяніе фарисеевъ было такъ губительно: они взяли ключъ разумѣнія, заперли слово Божіе и загромождили его человѣческими измышленіями,—и сами не входили и другимъ мѣшали войти въ духъ закона; слѣпые вожди слѣпыхъ, они влекли народъ къ погибели. Обходя море и сушу, они усердно вербовали прозелитовъ, но, обративъ ихъ къ іудейству, своимъ ученіемъ и примѣромъ дѣлали ихъ сынами геенны, вдвое худшими, чѣмъ были сами.

Поразительно и глубоко поучительно состояніе іудеевъ предъ пришествіемъ І. Христа. Оказывается, что самая сильная религіозность, если она имѣетъ чисто внѣшній характеръ, и не затрагиваетъ сердца, бываетъ не только бесполезна, но и губительна: ибо она была причиною того, что іудеи не узнали, отвергли, предали и распяли своего такъ нетерпѣливо ожидаемаго Мессію. Самый религіозный въ мірѣ народъ сдѣлался Богоубійцею! Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

ПИСЬМА

АСТРАХАНСКАГО ЕПИСКОПА ГЕРАСИМА

КЪ ИГУМЕНЬ (СИМВ. СПАССК. МОНАСТЫРЯ) ЕВПРАКСИИ *).

1855 г. 12 июня. Слава Господу Богу, что и ты подъ крестомъ, чадо мое, и носишь безропотно мертвенность Господа нашего въ тѣлѣ своемъ (1 Кор. 4, 10). Претерпѣвши до конца—не раскаяешься. Нѣтлѣнный вѣнецъ уже готовъ для тебя: теки поприщемъ жизни съ вѣрою живой, съ терпѣніемъ любви—и Богъ любви (Іоан. 4, 9) украситъ тебя имъ, какъ и всѣхъ идущихъ тѣснымъ путемъ (Матѣ. 7, 14). Матери игуменьѣ не говори ни слова въ свое оправданіе: тогда съ радостію будешь читать и съ сладкимъ умиленіемъ слова псалмопѣвца: «онѣмѣхъ и смирихся до зѣла». Господь оправдаетъ тебя невинную.

Прости мое о Господѣ чадо... Да укрѣпитъ тебя Господь въ святомъ подвигѣ терпѣнія, и содѣлаетъ тебя обручницу Его причастицею страстей своихъ. Сего тебѣ всѣмъ сердцемъ желаю бѣднѣй инокъ *Герасимъ*.

1855 г. 26 июля. Какъ быть, видно безъ скорбей и креста нельзя спастись. Даль бы Богъ, чтобы крестъ этотъ былъ не крестъ разбойника нераскаяннаго, а того, что въ рай попалъ за благоразуміе свое... Многіе, всѣ почти болѣе или менѣе на бѣломъ свѣтѣ страдаютъ, отвѣдывая волей-неволей прегорькой чаши сей; но не всѣ получаютъ пользу отъ

*) Продолженіе. См. майскую книжку.

этого; только души, благодарящія Господа за эти милости Его, могут уврачеваться отъ обдержащихъ ихъ недуговъ и приготовиться къ вѣчному блаженству, послѣ *тѣснотъ претертннѣя* великодушнаго, безропотнаго.

Желающимъ идти во слѣдъ Христа, кромѣ тѣснаго пути (Матѣ. 7, 14)—нѣтъ другаго. Идемъ же, родная, по нему, никого не боясь: *съ нами Богъ и расточатся врази Его* (Ис. 8, 10. Пс. 67, 1)! Такъ я думалъ и думаю всегда, когда небо-склонъ затягивается мрачными тучами, и когда грозой грозятъ эти тучи. Въ замѣчаніи твоёмъ Аѳанасіи я не нахожу ничего дурнаго: какъ членъ единаго тѣла Христова (Римл. 12, 5), ты должна всегда быть съ нею искренна и во всѣхъ отношеніяхъ правдива.

При влеченіяхъ къ тебѣ другихъ сестръ монастырскихъ будь осторожна: *не всякому духу, по слову св. Апостола, вѣруй, но испытывай духи, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1). Ни отъ чего не скорбѣлъ, не тужилъ, не страдалъ и не плакалъ я столько въ жизни моей, какъ отъ безразборчивости при сближеніяхъ съ людьми, казавшимися мнѣ всегда лучше, чѣмъ оказывалось это впоследствии. Чтобы не попасть въ просакъ, надобно при знакомствѣ всего болѣе обращать вниманіе на то: смиренна ли влекущаяся къ тебѣ душа; скромна ли; нѣтъ ли лести въ ней, лжи; расположенія къ злорѣчю? Не мѣшаетъ имѣть и то въ виду: чего она ищетъ въ тебѣ, временныхъ ли выгодъ, или духовнаго блага? Съ душою гордой, дерзновенной, лукавой, злорѣчивой и вообще не богобоязненной, хотя бы она умирала отъ поста, отъ подвиговъ самопроизвольныхъ разнаго рода, не входи въ короткое общеніе, иначе будешь и неразъ горько жалѣть и плакать, что сердце твое не то обрѣло, чего искало...

1855 г. 28 іюля. Берусь отвѣтить тебѣ, чадо мое доброе. Кресло твое большое выносить изъ келліи не совѣтую тебѣ: сиди на нихъ, когда захочешь, и подремли пожалуй. А совѣсти своей скажешь, по случаю укора ея, что ты точно

плохая монахиня и что собираешься только положить начало иноческой жизни. Боюсь я, чтобы когда-либо не укоренилась въ тебѣ мысль гибельная, что ты «дѣльная монахиня». Если св. ап. Павелъ говорить: «я извергъ; не мню себя достойна апостоломъ быти»; что же мы теперь? Относительно того, чтобы исподоволь отказываться отъ молочной пищи, я вполне согласенъ съ этимъ намѣреніемъ твоимъ.

Прости мнѣ, родная, и не забудь выну помнящаго и благословляющаго тебя своимъ сердцемъ, скорбящимъ подъ часъ, но не унывающимъ по надеждѣ на милость Божію, ожидающую исправленія моего. Христосъ съ вами!

1855 г. 1 авг. Скорбишь, чадо мое, о тяготѣ дѣлъ и о неблагопріятныхъ отношеніяхъ ко мнѣ власти. Что же дѣлать, мой другъ? Какъ христіане, мы должны многими скорбями (Дѣян. ап. 14, 22) и путемъ узкимъ идти (Матѣ. 7, 14), по слову Божію, въ царствіе Божіе: пусть же скорби эти не обезсиливаютъ насъ, но раскаляютъ, какъ сильный пламень желѣзо, сердце наше, содѣлывая его мягкимъ и воспріимчивымъ къ тому, что о насъ речетъ Господь Богъ. Скорби—лекарство для душъ нашихъ: пусть оно и помучитъ подъ часъ, но при умѣнши пользоваться имъ весьма благотѣльно для здравія души. И какъ знать, безъ нихъ, какъ безъ гнета и пресса, быть можетъ, нельзя было бы выжать изъ насъ нечистоты, глубоко внѣдрившейся въ душахъ нашихъ.—Невозмутимое блаженство—не здѣсь: мы еще на пути къ нему и, какъ путники, не можемъ отказываться отъ кой-какихъ неудобствъ, лишеній, пожертвованій.—Сонъ тебя боретъ, предъ ненастьемъ можетъ: и ты съ нимъ хорошо боролась. Въ случаѣ впрочемъ изнеможенія можно дать маленькую ослабу себѣ въ этомъ оношеніи.

1855 г. 14 сент. Съ праздникомъ великимъ тебя и съ друзьями сестрами поздравляю, чадо мое! Дай Богъ, чтобы крестъ былъ славою и украшеніемъ нашимъ, преимущественно

предъ всѣми прикрасами, столь же мало идущими къ лицу иноковъ, какъ румяна къ безжизненному лику мертваго трупа....

Быль я вчера, согласно просьбѣ твоей, въ 12 часу у добраго друга твоего Соф. Ивановны. Кажется она хочетъ просить меня чрезъ тебя о томъ, о чемъ просила и ты. Обдумавши однакоже получше и сообразивъ, сколько на мнѣ насчитывалось долгу въ отношеніи къ вамъ, пришелъ я къ мысли, что лучше мнѣ не завязывать новой связи, не вступать въ союзъ съ сердцемъ, привитающимъ въ мірѣ и опутанномъ сѣтями его; и безъ того у меня такъ слабы силы, и безъ того я сильно озабоченъ, развлеченъ, чтобы не сказать—рахищенъ. Имѣй, мой другъ, это въ виду, буде станетъ просить она тебя о томъ, чтобы я былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ для васъ... Совѣщусь я, что отступлюсь отъ своего слова, даннаго уже какъ бы тебѣ, а чрезъ тебя и ей; но лучше смиренно сознаться мнѣ *теперь*, чѣмъ приготовить позднее раскаяніе и для себя и для новой души, роднящейся со мною, *постъ*.

Въ искушеніи твоёмъ не унывай и не теряй благодушія; прямо и открыто говори врагу: «мнѣ не приходится унывать: вѣдь Христось, женихъ мой возлюбленный, вѣдаетъ и видитъ, что насколько есть силъ у меня, готова, при помощи Его, принести Ему—красотѣ неописанной—въ даръ мое дѣвство; не скрыты отъ Него и тѣ козни, коими ты окаяннѣе силишься опутать и уронить меня — мнимо-беззащитную. О, сколь ни многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавить я Господь (Псал. 33, 20). Избавить, полагаю, Онъ премилосердый и меня отъ рукъ твоихъ, тиранъ развѣнчанный, связанный и на вѣчныя муки обреченный».

Христось, да сокрушитъ луки и стрѣлы огненныя врага да угаситъ и тѣмъ избавить твою душу отъ скорби, нозѣ же твоей отъ поползновенія (Псал. 55, 14). Говорилъ бы много пріятнаго тебѣ; да дѣла вяжутъ руки и мысли. Прости, родная и выну благословляемая сердцемъ убогаго инока *Герасима*.

Заботы матери игуменьи о дорожномъ тарантасѣ умѣю цѣнить я; но тяжело, признаюсь тебѣ, и очень мнѣ одождаться. По желанію только не подать повода къ смущенію и на вась, протягиваю я руку свою за милостынею этою, безъ которой могъ бы очень обойтись я. Ибо не умѣю понять я: отъ чего бы мнѣ ѣхать не въ телѣгѣ. Что я за баринъ такой? Поразвѣдай, однако, изъ-за руки, не мало ли будетъ 150 р., врученныхъ уже мною м. игуменьѣ.

(Конецъ писемъ изъ Симбирска. Слѣдующія письма писаны изъ Харькова, куда Герасимъ былъ переведенъ на должность ректора здѣшней семинаріи).

1855 г. 12 дек. Харьковъ. Много скорби, не скрою, принесла мнѣ почта сегодняшняя, особенно же письмо твое, чадо мое о Господѣ возлюбленное, Евпр. Еѳ. Утрудившись отъ воздыханій моихъ, при чтеніи его, паль я предъ Господомъ въ прахѣ и со слезами молилъ: утишить бурю, унять волны, спасти корабль погибающей вѣры, надежды и любви друзей нашихъ добрыхъ, особенно же чада моего Ал. Еѳ. Не ропщу я согрѣшающій много на всякъ часъ—на судьбу мою и на жизнь, какъ видѣла ты и видишь, не сладкую, чтобы не сказать, полную горечи и оцта, по милости тѣхъ, кого любилъ я почти безъ завѣта, кои увѣрить хотятъ меня: что по любви, притомъ нѣжной любви, поятъ меня этимъ напиткомъ; не ропщу потому, что скорбь и тѣснота эта очищаютъ во мнѣ, какъ огонь въ металахъ, то, что есть нечистаго, что безъ скорби не свылся бы я съ терпѣніемъ, обучающимъ насъ опытности (Римл. 5, 4); что всего болѣе побуждаютъ онѣ обращаться и льнуть мое сердце уже не къ землѣ—юдоли плача, а къ небу, ко Христу... Не менѣе утѣшеній въ горести моей, при мысли о непостоянствѣ крѣпкихъ, повидимому, связей, рвущихся, какъ паутина, почерпаю я и въ той мысли, что Господь ревнитель—огнь поядаяй есть (Евр. 12, 29); поэтому Ему неугодна, видно; эта лю-

бовь моя къ Его тварямъ, ослабляющая, хотя незамѣтно для меня, любовь къ Нему; что свыше силъ моихъ не попуститъ Онъ премудрый искушенія на меня (1 Кор. 10, 13). И на раны готовъ я (Посл. 34, 18) бываю опять—скорбящій сердцемъ, прильнувшимъ къ землѣ, поя Ему духомъ <аллилуіа>..

Журналовъ моихъ не давай болѣе списывать, кромѣ Евсев., никому. И читать давайте не всѣмъ и все, а по разбору—съ совѣта взаимнаго; ибо, привыкши къ искренности, я не ружаюсь, что опять, по ея милости, палачемъ могу сдѣлаться чьимъ-либо, не думая, не гадая. Или запретите мнѣ и вовсе писать, или лучше посылать къ вамъ дневникъ: пусть бы ужъ умеръ для васъ я, и кромѣ формальныхъ писемъ ни слова къ вамъ не писалъ...

Еслибы не скорби и удары ваши, я здѣсь, кажется, зазнался бы и занесся: такъ мнѣ отъ всѣхъ пока хорошо. Монахи начинаютъ любить меня, и я, не видя васъ, безъ васъ живя, переносу очи сердца моего на нихъ и люблю ихъ, слава Богу!..

1855 г. 25 декабря. Письмо твое отъ 7 декабря получилъ я вчера предъ отъѣздомъ въ Куряжъ а). Спасибо тебѣ, другъ души моей убогой, за память твою о мнѣ недостойномъ.

Относительно келліи преподобн. нашей матери Паис., въ случаѣ успенія ея поступить можешь по крайнему разумѣнію своему; а что касается до скиталицы извѣстной намъ, полагаю, рада будетъ самому послѣднему уголочку у васъ, какъ всегда она говаривала мнѣ.

Пока не придетъ въ себя горюха наша б) и не сознается въ несправедливыхъ своихъ подозрѣніяхъ, покоя и мира залучить никогда не можетъ. Пишу ей всегда по совѣсти моей, какъ другу моему, какъ чаду сердца моего, никогда и пре-

а) Названіе Преображенскаго второкласснаго монастыря, бывшаго тогда ректорскимъ, въ 8 верстахъ отъ г. Харькова.

б) Разумѣется А. И. Кадышева. Писемъ до 200 къ ней о. Герасима не дошли къ сожалѣнію до насъ.

жде, какъ видить она, не простиравшаго любви къ ней до потачки слабостямъ ея характера, и тщеславнаго и высокоумнаго. Опытъ и время покажутъ: она ли меня, или я ее больше любилъ. Она уже видимо приблизилась къ чертѣ совершеннаго разобщенія со мною, и за что же? За пять-шесть словъ ласки къ сестрѣ ея, которую обязана любить, какъ себя: что же это за любовь къ отцу, столь много терпѣвшему за нее гоненій, позора въ Симбирскѣ?.. Поняла бы, что я теперь хирургъ—не болѣе, обрѣзывающій тѣ дикіе наросты на тѣлѣ любимицы моей, кои угрожаютъ ей смертию.

Вмѣсто всѣхъ убѣжденій, раздражающихъ ее, станемъ лучше молиться о ней и вѣрить, что разсвѣтъ Господь мглу, покрывающую очи ея, и увидить она, что истинно любило и любить ее мое бѣдное сердце, готовое на всѣ раны, только бы искупилося, ускорилося этимъ дѣломъ ея спасенія.

Напоминала ты объ уголочкѣ тамъ въ алтарѣ, гдѣ я маливался когда-то, возвѣщая Господу печали моя и болѣзни души моей грѣшной! Оно дѣйствительно замѣчательное мѣстечко для васъ друзей моихъ, по слезамъ, пролитымъ тамъ и по вздохамъ скорби, тяжелой подъ часъ.

Посылку передай, буде можно, по раскупоркѣ другу сестрѣ Ал—рѣ Еѳ—нѣ и возьми съ нея росписку въ томъ, что въ теченіе первыхъ же двухъ недѣль прочтетъ она со вниманіемъ глаголы архипастыря моего ^{в)} — звѣзду нашу украинскую, свѣтлую и яркую, какъ денница. Живемъ съ нимъ, слава Богу, въ ладу.

Простите, други мои! Благодать Господа да совершить вы, да утвердить, да укрѣпить, да оснуеть (1 Петр. 5, 10).

1856 г. 15 января. По причинѣ болѣзни твоей внутренней, о коей отчасти я зналъ отъ Ал. Еѳ., прошу тебя: не дѣлать поклоновъ земныхъ часто и не стоять на колѣняхъ; иначе трудно тебѣ будетъ и даже едва ли возможно попра-

в) Архіеписъ, Филарета, въ послѣдствіи черниговскаго.

виться. Какъ жаль, что щадя твою скромность и цѣломудріе, не говорилъ я лично тебѣ о родѣ болѣзни твоей и о тѣхъ мѣрахъ, кои нужны!

Сонъ твой вѣщій, представившій меня въ тоскѣ глубокой и со слезами на глазахъ—картина, снятая съ природы: я, говоря между нами, сильно горюю подь-часъ... (Въ журналѣ, не пишется этого: пусть только Господь и ты вѣдаешь это: вѣдь Онъ, видно открылъ тебѣ самъ).

Портретъ о. Василія незабвеннаго ^{г)} стоитъ у меня на столѣ въ гостиной, и я, вмѣсто десерта, нерѣдко угощаю моихъ дорогихъ посѣтителей разсказами о жизни его дивной по многимъ отношеніямъ. Что писала о болѣзни одной изъ васъ, а также и о способахъ ея врачеванія, то я вполне одобряю послѣдніе. Мысль о Богѣ, о Христѣ распятомъ за ны, дивно можетъ ослаблять вліяніе пакостника плоти (2 Кор. 12, 7) на волю нашу и нашъ умъ особенно когда не даетъ при этомъ послабленія плоти и большаго разгула воображенію. Чтый да разумѣеть!.. Не оставьте Θεокт. въ состояніи ея апатіи: такъ ноетъ по ней сердце мое во всю эту пору. О! не къ добру ея томленіе и затворъ... Гоните, друзья мои, врага отъ нея...

На слова Паис. вотъ отвѣтъ мой: пусть бы и ночью, и днемъ, когда бодрствуетъ, чаще и глубже проникалась мыслию о Спасителѣ и Его заслугахъ крестныхъ. Мытарствъ бы не боялась, послѣ того, когда исповѣданы всѣ грѣхи ея: чего искать и чѣмъ ловить мытарямъ душу ея, когда она предала себя всецѣло Христу? Многогрѣшный, но милуемый Господомъ, всегда прощаль и во всемъ ея,—чадо мое незлобивое: прощаю и теперь опять во всемъ. Чаще молитвенно обращалась бы и къ Царицѣ небесной особенно въ часы печали, тоски, какъ къ матери сердобольной, призывая милость ея и на себя, и на меня, выну помнящаго, благословляющаго и покрову Ея святому поручающаго.

г) Симбирскаго Спасскаго женскаго монастыря священника Архангельскаго.

1856 г. января 21. Истинно добрый другъ мой Евпракс! Удивиль и продолжаетъ удивлять премилосердый Господь на мнѣ милость свою; истинно десница Господня, какъ и видите вы, сотвори свою силу во мнѣ бѣдномъ. Слава Трѣпостасному, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его (Псал. 117, 4). Вообрази себѣ: я скорбѣлъ, что нѣтъ у меня помощника дѣльнаго по обители, нѣтъ хозяина - хлопотуна. И что же бы ты думала? Вѣдь послалъ Господь. И кого же? Извѣстнаго Августина—*Авву*, какъ я называлъ его, въ отличіе отъ іеродіакона. Поздравьте меня съ этою радостію. И нынѣ принялъ его въ обитель святую, привѣтилъ и водворилъ близъ себя. Имѣя вѣсь и значеніе болѣе, чѣмъ владыка вообразить себѣ могъ, мой авва всею душею мнѣ преданъ и, если позволено загадывать впередъ,—многихъ онъ вниманіе обратить на святую обитель.

Не нахожу ничего несообразнаго съ твоимъ званіемъ и положеніемъ, въ томъ что ты пишешь относительно души, открывшейся тебѣ. Въ предосторожность можешь впередъ въ подобныхъ случаяхъ совѣтовать волнующимся бурю искушеній и даже погрязшимъ въ волнахъ ихъ, искренно исповѣдаться предъ священникомъ, отклоняя отъ себя откровенность такую тѣмъ, что «ты не можешь разрѣшить душу, связанную грѣхомъ». Впрочемъ въ крайнихъ случаяхъ можешь выслушать и самую исповѣдь, только съ большою предосторожностію, чтобы врагъ не обратилъ ее въ орудіе противъ тебя самой. Если когда, то въ подобныхъ случаяхъ по преимуществу нужно смиренное бдѣніе и молитвенное вниманіе. Много и сильно терпѣлъ я въ юности моей отъ врага за рѣшимость помогать искушаемымъ; нерѣдко болѣзни душъ ихъ дѣлались моими, и нужно дивиться, какъ я гордый доселѣ живу и дышу.

1856 г. 7 февр. Такъ бы и перенесся теперь въ келлію твою, чадо мое незабвенное Евпр.! Такъ съ припадь я съ тобою молитвенно, какъ прежде бывало, къ подножію святыхи, и наплакался вдоволь! Но не быть уже этому, видно,

и не встрѣтиться вновь мнѣ на пути жизни съ этимъ счастьемъ... При настоящихъ обстоятельствахъ и то для меня счастье, что могу въ моемъ Куряжѣ свободно излить предъ Господомъ моимъ сердце мое, любившее и любящее тебя, и молить Премилосердаго о приложеніи дней ко дню рожденія твоего (8 февр.), даровать тебѣ новыя силы, для благоугожденія Ему, для служенія братіи и той средѣ, въ коей витаешь ты!.. Да, и за это долженъ благодарить и благодарю я премилосердаго Бога любви (1 Иоан. 4, 8).

Храмъ мой, Богу благодареніе, большой нужды въ ризницѣ не имѣть. О болѣзни А. Ив. К—го д) много не скорбите. Если Господу будетъ угодно, чтобы я стоялъ и горѣлъ на свѣщницѣ Церкви: будетъ, сколь бы ни сильны были всѣ противящіеся этому. Приведите на память извѣстное вамъ изъ жизни моей и увидите, что истину я говорю вамъ. Жаль одного: не умѣлъ окаянный грѣшникъ быть тѣмъ, чѣмъ должно: доселѣ не органъ я славы моего Господа, не живой членъ тѣла Его!

1856 г. 17 февр. Надобно мнѣ пѣть бы псалмы теперь и какъ орлу, парить духомъ моимъ предъ престоломъ Божиимъ; между тѣмъ, оставивъ отрадное сердцу моему, спѣшу, по побужденію любви <не ищущей своихъ-си (1 Кор. 13, 4), но яже суть ближняго> (— 10, 24), побесѣдовать съ вами, друзья мои, Евпр., Евс. ѿ Аван. Ео., по случаю полученныхъ сегодня и посылки и писемъ, кои всѣ прочиталъ въ моемъ Куряжѣ. За гостинцы благодарю васъ, а также и за чувства любви вашей святой, выраженные въ письмахъ.

Слова о. Венедикта указываютъ на слухи, чтобы не ска-
зывать—на козни добрыхъ людей противъ меня тамъ въ С.-Петербургѣ; но Богъ—моя надежда! никого я не боюсь и ни на чье участіе-протекцію не рассчитываю. Самъ Онъ изведетъ, буде нужно, на дѣло свое, Самъ умудритъ, Самъ от-

д) Т.-е. Ал. Иван. Карасевского.

кроетъ путь мнѣ для служенія Церкви своей святой. Отзывъ одной изъ васъ объ извѣстной всѣмъ намъ особѣ вѣренъ весьма и вполне я согласенъ съ нимъ. Жаль одного лишь, что избираете судьями въ дѣлѣ вашемъ вы, духовныя сестры, міряны: Сер. могъ бы и не знать о безпечности мат. Элеоноры (А. Ив.). Истинная христіанская любовь всегда идетъ объ руку съ терпѣніемъ.

«Православный Собесѣдникъ» имѣетъ спеціальную и не вполне для васъ интересную цѣль; поэтому выписывать его не совѣтывалъ бы; прочесть же то, что совѣтовалъ я изъ наставленій преосв. Григорія, было бы не бесполезно для всѣхъ васъ. Андр. скажите, что молюсь я, «да не оскудѣетъ вѣра его» (Лук. 22, 32) и настроеніе набожное. Жениться же ему хворому, при бѣдности и съ долгами на шеѣ, не совѣтую ему: одна голова не бѣдна, по пословицѣ. Когда выйдетъ изъ долга, быть можетъ и я возьму его.

На холодность владыки, зоркимъ гласомъ твоимъ подмѣченную, не жалуясь я, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ еще не заслужилъ даже уваженія — этой первой степени любви отъ него. Дайте мнѣ послужить отъ души и не разъ, не два, а двадцать, сто разъ показать мою любовь: тогда увидите, что не будетъ и онъ холоденъ. Чего иногда не дѣлаешь для чадъ о Господѣ и на какія жертвы не готовъ; и одно-два слова лишнихъ, одна мипа суровая и взглядъ не ласковый,—и все забыто подъ часъ: всѣ обѣты, любовь, казалось, безкорыстныя. Чего же удивляться, если высшій меня, имѣющій полное право требовать отъ меня уваженія, вниманія, по долгу моей службы, не вдругъ плѣняется моею особою, далеко не интересною е)... Не жалѣй же меня и не вздыхай о мнѣ: чѣмъ будетъ чище, свѣтлѣе любовь моя къ моему владыкѣ, тѣмъ лучше и полезнѣе для меня же самого, а тамъ и для другихъ... Любовь корыстная—сомнительна: приливаетъ и отливаетъ она, какъ волна, смотря по обстоятельствамъ.

е) Въ №№ 10, 11 и 13 Самарск. Епарх. Вѣдом. за 1873 г. находится интересное „воспоминаніе пр. Герасима о пр. архіеп. Филаретѣ и о другѣ его Н. Н. Романовскомъ.

На снахъ видѣнныхъ, особенно скаредныхъ, не должно останавливать вниманія (См. у Сираха въ 34 гл.), а вести себя такъ послѣ нихъ, какъ бы ничего съ тобою не произошло особеннаго, т.-е. не терять мира и не биться, какъ птичка, попавшаяся въ сѣти ловца. А иначе такъ запутаешься, что не вылезешь. Христосъ съ тобою!

1856 г. 5 февр. Изъ Куряжа я коротенько пишу тебѣ, чадо мое Евпр. Ео. О болѣзни моей не безпокойся: она, слава Богу, прошла. Пожелай, чтобы и проказа души моей многогрѣшной, оставивъ меня, свалилась.

Плѣняетъ меня описанными тобою нравственными чертами Досиея. Пусть же она болѣе и болѣе возмощаетъ въ любви Господней. Очи Господа на любящихъ Его. Онъ—могущественная защита и крѣпкая опора, охраненіе отъ преткновенія и защита отъ паденія. Онъ возвышаетъ душу и просвѣщаетъ очи, даетъ врачевство, жизнь и благословеніе (Сир. 34, 16—17). Да благословитъ же ее Господь, трудницу!

Небрежность послушницъ по больницѣ давно тебѣ слѣдовало вывести на свѣжую воду: что имъ за милость, когда отзываются не милостію для хворыхъ, вопіющихъ на небо, по поводу ихъ небрежности?.. Такъ вонъ ихъ изъ больницы, если голосъ любви твоей къ нимъ не доходитъ до сердца ихъ и не вразумляетъ. Богъ съ ними!

Феок. Ал—ну до смерти мнѣ жаль: слава Богу, что теперь хотя приходитъ въ себя. О, мудрованіе, мудрованіе! Какъ ты не вспомнишь изреченіе пророка Іереміи (— 10, 14): «Буй чловѣкъ сотворися отъ ума»... Передай ей опасеніе мое: не оскорбилась ли ея деликатность присылкою денегъ?.. Пусть бы видѣла, что это дань тойже любви, которая и ея сердце движетъ; пусть не гнѣвается на дѣло любви. По самолюбію, пожалуй, она можетъ смутиться и не понять меня. Такъ я настраченъ вами проказницами, что того и смотри, какъ въ бѣду попадешь. Но прости: иду къ литургіи, а тамъ нужно въ Харьковъ. Христосъ съ тобою.

1856 г. 22 марта. Вполнѣ сочувствую не легкой скорби вашей объ утратѣ брата добраго; но скорблю не безъ надежды, что вы помните, что гости здѣсь мы и странники, что отечество наше на небѣ (Филип. 3, 20), тамъ, гдѣ Отецъ нашъ, гдѣ нашъ Глава — Христосъ (Ефес. 1, 10, 11), гдѣ Духъ Святой съ восторгами блаженства нескончаемаго. По милости Божіей всѣмъ намъ отверста дверь къ нетлѣнной жизни. Могила есть хранилище того зерна, которое хоть сѣется не въ честь, но процвѣтетъ славою (1 Кор. 15, 43) въ свое время. Живъ ли, умеръ ли братъ вашъ добрый, всѣ мы видѣть должны, что онъ, по мысли Апостола, «Божій, Господень», Его созданіе, Его образъ, предметъ любви Его вѣчной.

Въ намѣреніи твоёмъ посхимниться не нахожу я ничего страннаго, невыполнимаго, несбыточнаго; сообразивъ однакоже твое положеніе къ сестрамъ и вообще къ той средѣ, которая окружаетъ тебя и вызываетъ на участіе, на вниманіе, на думу, полагаю, что преждевременно оно: «уготови пока душу твою во искушеніе» (Сирах. 2, 1), чрезъ опытное ознакомленіе души твоей съ тѣми обязанностями, кои соединены съ званіемъ схимницы истинной, вполнѣ умерней для всего временнаго, земнаго. Таковъ, чадо, совѣтъ мой.

Вчера и нынѣ вечеромъ говорилъ я съ однимъ, пришедшимъ познакомиться со мною—изюмскимъ помѣщикомъ, полковникомъ Малиновскимъ. Само-собою разумѣется, что я спрашивалъ объ Озеровыхъ, объ ихъ житьѣ-бытьѣ. Оказалось, что полковникъ чегу эту, родную намъ, знаетъ, какъ нельзя лучше и, хваля Варю, любимицу вашу, какъ рѣдкую женщину во всѣхъ отношеніяхъ^{ж)}, очень невыгодно отзывается о К. бѣдномъ. Такъ все здѣсь на землѣ переименовано: радости горемъ смѣняются, свѣтъ — мракомъ, жизнь—гробомъ, добро—зломъ. *Изведи, Господи, самъ Ты силою благодати отъ нужды душу нашу, и отъ рога единорога единородную*

ж) Въ 1877 г. преосв. Герасимъ назначилъ ее (Вар. Ео. Озер.) быть начальницею Самар. епар. женск. училища, въ коемъ она и донынѣ служитъ съ великою пользою.

мою (Псал. 21, 21. 22). Втяни насъ въ любовь твою, да ничто земное уже насъ не притягиваетъ къ себѣ.

Вчера написавъ и запечатавъ письмо къ вашей мат. игум., я повлекся къ вечерни въ крестовую владыки. Нашъ добрый архипастырь говорилъ слово, уже 9-е слово на слова пророка: «вскую умираете, доме израилевъ» (Иез. 33, 1). Я заслушался вдохновеннаго витіи: такъ хорошо онъ говорить! Потомъ придумалъ предлогъ и старался поймать его и поговорить о той, кого любить душа наша. Поймалъ, слава Богу! Начали ходить по залу и гостиной. Вотъ я и завелъ рѣчь: «мать Сераф. Ник. просить вашего благословенія и вотъ посмотрите, что пишетъ», и читаю ему: «гдѣ бы я ни была, а желала бы поближе быть къ нему, подѣ его крылышкомъ, желала бы и умереть близъ него». — «Да что мнѣ съ нею дѣлать? Вѣдь ты знаешь, что у меня теперъ нѣтъ мѣста: два только монастыря!» — «Ну, такъ будетъ, говорю ему. Съ другой стороны она стоитъ утѣшенія вашего, владыка!» — «Знаю, но я не успѣлъ, все занятъ, какъ видишь». Передай это матери игуменьѣ и увѣрь, что помню, цѣню ея вниманіе ко мнѣ, любовь къ вамъ материнскую и готовъ къ ся услугамъ. Христосъ съ вами!

1856 г. 10 апрѣля. Письмо твое отъ 21 марта получилъ я 7 апрѣля. Спасибо тебѣ за память о мнѣ многогрѣшномъ и за описаніе всего того, что содержится и сладкаго и горькаго въ немъ. Падкій на первое, никакъ не привыкну доселѣ къ послѣднему: отъ избытка ли чувствительности, или отъ самолюбія сильно подчасъ огорчаюсь, при видѣ и слухахъ о горѣ тѣхъ, кого любить сердце и кои недугуютъ въ отношеніи ко мнѣ холодностію, подозрѣніями и другими недостатками. Чего бы казалось и ожидать грѣшнику, сѣющему здѣсь въ плоть (Галат. 6, 8), какъ не горя-кручины? Такъ нѣтъ,—подавай мнѣ радостей все!.. Молись, моя родная, да исправлюсь, да помирюсь съ тѣмъ порядкомъ, въ который поставленъ Господомъ премилосердымъ, слѣдовательно долженъ

терпѣть до смерти, до могилы всё непріятности, благодушно благодаря за нихъ Господа. И лучше ли бы мнѣ было, еслибы, не искушаясь здѣсь скорбями, преданъ былъ Богомъ любви «въ неискусенъ умъ, творити неподобная» (Рим. 1, 28)? О! лучше, въ тысячу разъ лучше быть наказаннымъ отъ Господа здѣсь, чѣмъ осужденіе принять отъ правды Его всесвятой тамъ, въ вѣчности... Итакъ, пусть заслуженно ли, не заслуженно ли мною—всѣ разлюбить меня, пусть всѣ меня бранять, какъ уже и начинаютъ нѣкоторые, только бы стѣсненное горемъ сямъ сердце взыскало Господа, только бы не отпало отъ Него, какъ плодъ недозрѣлый, при напорѣ бури отторгающійся отъ родной своей вѣтви, отъ ствола древеснаго.

Вѣдь догадываемся, что пишу это все я по случаю вѣсти твоей о смущеніяхъ противъ меня друга нашего Ал—ры!.. Господь съ нею! Трудно мнѣ за 1.250 верстъ увѣрить ее, при нежеланіи особенно съ ея стороны увѣриться, что я тотъже, чѣмъ былъ для нея въ теченіе вотъ пяти уже лѣтъ. Стану горевать и плакать о ней, сбитой съ истиннаго пути слѣпою ревностію, которая видитъ то, чего нѣтъ, которая хочетъ, чтобы я бросилъ всѣхъ для нея, чтобы не держалъ ту близъ себя, которая въ двадцать разъ далѣе отъ меня, чѣмъ отъ нея: говорю о Сам....нкѣ бѣдной, которая, по ея мнѣнію, проживаетъ близъ меня.... Вотъ до чего я дожилъ!.. О житьѣ-бытьѣ мат. Нимфодоры въ святой обители я бы желалъ отъ тебя современемъ получить хотя краткій очеркъ съ означеніемъ въ немъ: откуда она, сколько лѣтъ жила въ обители и какія особенно добродѣтели украшали ея кроткую душу? Такіе примѣры поучительны для насъ грѣшныхъ.

Аю—ю, друга моего добраго, съ наступающимъ днемъ рожденія поздравляю; тѣмъ знаменательнѣе и памятнѣе день этотъ, что я получилъ въ это число ³⁾ благодать священства. Буду молить Господа на тайной вечерѣ 12 числа, къ коей

3) Въ 1836 г. 12 апрѣля посвященъ онъ былъ во іерея къ иркутской Спасопретворенной церкви и вскорѣ за симъ сдѣланъ былъ членомъ Консисторіи и казначеемъ Дух. Попечительства.

приглашенъ уже архиастыремъ, чтобы сердце ея ничего не искало здѣсь и никого такъ не любило, какъ Іисуса и сего распятаго, и чтобы Онъ былъ частію ея, удѣломъ во вѣки. Въ Немъ, вѣдь, все: небо съ его благами, и земля со всѣми дарами.

1856 г. 5 мая. Не знаю дастъ ли мнѣ госпожа суета хоть нѣсколько минутокъ посвятить на бесѣду съ тобою, отрадную сердцу, добрый другъ души моей убогой; такъ-то она отовсюду окружаетъ меня своими претензіями мелочными, и не дѣлами, а дѣлишками больше!.. Сильно меня беспокоитъ то, что вы не получаете столь долго писемъ моихъ. Не умѣю понять: гдѣ они, отчего не доходятъ до васъ. Или ихъ перехватываютъ, какъ ужъ серьезно мнѣ думается? Но пусть перехватываютъ. Богъ съ ними!.. В—ру сдерживать нужно, только не вдругъ: какъ конь ярый и скорый, она готова скакать во всю мочь, когда сильно ее донимаешь; а слегка согласившись сначала съ нею, все можно изъ нея сдѣлать... Съ сильнымъ и пламеннымъ сердцемъ она... Умной Соф. Ив. все не избери минутки отвѣчать на письма ея. Скажи, что помню ее съ дѣтушками и умоляю сердцемъ: не бросать креста, въ коемъ счастье наше и услада сердца... «Покаяніе же, скажи ей словами св. Григорія Двоеслова,—познается по плодамъ, а не по корню или листьямъ: Господь предалъ проклятію смоковницу, имѣвшую только листья, но безплодную; такъ и одно словесное исповѣданіе грѣховъ Онъ не приѣмлетъ безъ плода—удрученія тѣла» (трудоу покаянія). Корень покаянія, поясни ей при семъ, есть доброе намѣреніе исповѣдать грѣхи, листья—это самое исповѣданіе грѣховъ Богу предъ отцемъ духовнымъ и обѣщаніе исправленія, а плоды покаянія — это добродѣтельная жизнь и труды покаянные. Да умножаетъ же она доброе намѣреніе свое, какъ корень; да умножаетъ слова исповѣданія грѣховъ, какъ листья на деревѣ, и да приноситъ плоды достойные покаянія исправленіемъ своей жизни, заглаженіемъ своихъ грѣховъ противоположными имъ добродѣтелями... Христосъ съ вами!

1856 г. 1 іюня. Вчера версты за четыре до Всехсвятскаго и) провѣдалъ я сына твоего по чувствамъ сердца Ив. Ефим. i) съ Варей и Ан. Когда мы сошлись съ нимъ послѣ утрени 31 мая, онъ смиренно говорить мнѣ: «Батюшка! И Варя и Анета, всѣ мы васъ молимъ и заклинаемъ, чтобы ослабили вы подвиги Евпраксіи друга нашего. Право мы боимся, что трудами не подъ силу сведеть она, пожалуй, себя въ могилу прежде времени». — «Развѣ не знаете вы, было отвѣтомъ мимъ, — что лишь претерпѣвый до конца спасень будетъ (Марк. 13, 13); что свойство любви таково, что чѣмъ болѣе она развивается, расширяется, полнѣетъ въ душѣ нашей, тѣмъ большихъ усилій требуетъ; что остановка въ ходѣ ея болѣе можетъ огорчать насъ и ослаблять энергію въ насъ, а слѣдовательно лишать радости, мира, предвѣстниковъ блаженства за гробомъ. Къ тому же, развѣ вы мои друзья не знаете ея благоразумія? Будьте спокойны. Я вамъ порука, что свыше силъ своихъ не возьметъ она на себя ноши; а если и возьметъ: поможетъ ей Богъ утро за утро и проч.» — Ир. съ Кс. к), прибывшія къ намъ изъ вашего края, повѣдали намъ: когда кто и что дѣлаетъ изъ васъ, даже о собраніи вашемъ полуночномъ выболтали онѣ, незнающія мѣры въ признательности къ вамъ за любовь вашу святую. Чудныя эти дѣвушки крестьянки! Далъ бы Господь поболѣе такихъ и въ благородномъ званіи; 9 числа думаю благословить ихъ въ путь-дороженьку конечно не безъ скорби: въ лицѣ ихъ видѣлъ всѣхъ васъ, говорилъ о васъ, переносился къ вамъ, дорогимъ моимъ.

1856 г. 15 іюня. Харьковъ. Письмо твое отъ 30 мая получилъ я въ числѣ 12 писемъ 14 іюня. Много они—эти отголоски душъ любимыхъ мною—приносятъ и сладкаго и горькаго, чадо мое дорогое Евпр., въ міръ мой душевный. Ты не

и) Загородный домъ харьковскаго преосвященнаго.

i) Адъютантъ въ Крым. камп. при кн. Горчаковѣ.

к) Это Ташлинскія крестьянки Симбир. губерніи — духовн. дочери о. архимандрита Герасима.

можешь себѣ вообразить: сколько онѣ пробуждаютъ думъ, желаній, чувствъ во мнѣ разнообразныхъ, вслѣдствіе не одинаковаго духа и тона своего. Только любовь глубокая, самоотверженная, Богомъ даруемая любовь, а не сердцемъ моимъ самолюбивымъ напитанная, можетъ умиротворить меня, услаждая горечь чувствъ и вѣстей достигающихъ до меня отъ васъ. Господи мой, Господи! Пробави милость твою велию для меня многорѣшнаго и впередъ. Безъ Тебя, какъ вѣтвь безъ лозы, изсохну я самолюбецъ, не возрастивъ ни одного побѣга. Безъ Тебя, Вертоградарь небесный, не привить мнѣ ни одной вѣтки въ саду твоемъ!.. Писала ты, помнится, мнѣ объ Ал. Іосифъ. Долженъ сказать тебѣ, что мой взглядъ на нее далеко не походить на твой взглядъ; поэтому желалъ бы я, чтобы вы, пока не выдержится она въ обители вашей, не водворяли ее въ средѣ вашей. Инос дѣло дозволить ходить къ вамъ разъ и много уже два въ недѣлю. Она съ расположеніемъ искреннимъ къ набожности, но мало способна къ практической жизни, къ смиренной покорности, словомъ—къ послушанію Христову (2 Кор. 10, 5). Ей непонятно еще и едва ли скоро пойметъ, что для подвижницы благочестія не одна лишь молитва нужна.

При болѣзни ослабу давали себѣ, сколько вѣдомо мнѣ, и самые великіе подвижники; въ виду этого полагаю, что ты не погрѣшишь, если часть лишній подремлешь, или пять-десять ложекъ позволишь скушать себѣ, помня конечно всегда, что перенесеніе болѣзни благодушное и смиренное есть подвиговъ угодный Богу не менѣе другихъ подвиговъ.

Ан. Ив—нѣ скажи, что бдѣть и молиться намъ нужно съ нею, да не ввидемъ въ напасть (Марк. 14, 38); что скорби если онѣ не спутницы порочной совѣсти, полезнѣе радостей мірскихъ; что дѣлая добро каждадневно, не унывала бы, при видѣ испытываемыхъ неудачъ, лишеній, неудобствъ, или болѣзней близкихъ сердцу ея, а молилась бы, съ упованіемъ и покорностію ко Господу, тако о насъ устроившему; однимъ словомъ—дондеже день есть, работала бы Господу со страхомъ и радовалась бы Ему съ трепетомъ (Псал. 2, 11), по-

мня, что посѣешь добро — пожнешь милость, блаженство; а за посѣвомъ зла—тьма кромѣшняя, объ избѣжаніи отъ коей души ея молю я выну Господа. Христось съ тобою!

1856 г. іюля 24. *Куряжъ*. Сейчасъ лишь пришелъ я съ правилами и побесѣдовалъ съ одною дѣвицею, прочитавшею мнѣ съ откровенностію древнихъ временъ исповѣдь. Болѣзнь меня обезсилила. Плохо быть сляченнымъ, а между тѣмъ и изъ здоровья не дѣлаю окаянный должнаго употребленія: совсѣмъ разлѣнился, такъ что иногда ужъ грустится мнѣ о тѣхъ скорбяхъ, кои часто побуждали меня сѣять слезами сокрушенія на браздахъ жизни (Псал. 125, 5. 6) тамъ у васъ. Бѣда мнѣ питомцу нуждъ безъ скорбей!..

Ревизія ваша меня не занимаетъ уже: я поручилъ и прежде и теперь поручаю мою службу и судьбу Господу, Который видѣлъ весь трудъ мой и подвигъ посильный и, какъ видимо мнѣ, по благости своей «не обидливъ Онъ» (Евр. 6, 10): и «не яко человекъ Богъ измѣняется», по слову писанія. А если доведется и потерпѣть: да будетъ. Азъ и на раны готовъ (Псал. 37, 18); ибо аще беззаконія мои на-зреть Онъ (— 129, 3), то, конечно, самый архистратигъ не оправдаетъ любящаго васъ и благословляющаго всѣмъ сердцемъ многогрѣшнаго инока *Герасима*.

1856 г. 20 авг. *Куряжъ*. Во многомъ я на своемъ вѣку по временамъ отказывалъ себѣ, не могу однакоже доселѣ свыкнуться съ мыслию, что уже не увижу васъ на землѣ живыхъ. И вѣрится мнѣ, что Господь не лишаящій благихъ тѣхъ, кои уповаютъ на Него, не лишитъ и меня радости, сколь ни мало я заслуживаю, видѣть васъ. Чего неостанеть у васъ, то можетъ быть восполнено мною, по части финансовъ. Будемъ молиться и надѣяться: надежда съ молитвой—крылья души.

Старицѣ моей Ѡ. Ал. писать на особицу некогда теперь; но скажите ей, что молю ее смиренно, слезно, не какъ ужъ отецъ-другъ, а какъ слуга ея нижайшій, еще и еще по-

терпѣть меня, а главное — не довѣрять себѣ, окаивать себя и осуждать еще больше, безпощаднѣе. Врагъ быхъ ей другу моему, глаголя истину во свѣтѣ Христовомъ. Письмо ея получилъ... Иконы, кому она нужнымъ признаеть, раздать, пусть раздасть отъ любви моей въ благословеніе. **Ѡ**—тѣ **Ал**—нѣ скажите, что врачъ одияъ у насъ съ нею — Христось. Пойдемъ со смиреніемъ и мольбою сокрушенія къ Нему—и радость съ крѣпостію не замедлитъ исхитить насъ изъ челюсти унынія. Миръ и благословеніе Божіе всѣмъ вамъ!

1856 г. 1 сент. Куряжъ. Пишешь о жалѣ дреняго змія, приступившаго къ пятѣ твоей. Что же дѣлать ему, съ небесныхъ круговъ низверженному, какъ не пресмыкаться долу, и не язвить оплошныхъ? Зло — его стихія, пища, предметъ самой пламенной любви его. Какъ же обходиться ему безъ зла? Ты противилась, пишешь ему. И хорошо дѣлаешь: «противитесь діаволу, — говоритъ ап. Іаковъ (— 4, 7),—и бѣжить отъ васъ». Хорошо въ минуты вражіихъ нападковъ безъ всякаго разсужденія встать на молитву и сказать: «Господи! буде правда все то, что внушаетъ мнѣ врагъ объ отцѣ; то молю Тя, Преблаже, имиже вѣси судьбами спасти его». Или такъ отвѣчать врагу и успокоиться: «Положимъ, что все то правда, что ты мнѣ внушаешь. Но вѣдь Господь—судья для отца, терпитъ его до жатвы; стало мнѣ слабой и не безъ грѣха подавно немощи понести его подобаеть за трудъ любви его, еюже, какъ я не разъ и не два извѣдала опытомъ, возлюбилъ меня...

Вчера пріѣхаль изъ Питера нашъ профессоръ одинъ и передалъ вѣсточку мнѣ, что преосвщ. **Ѡеодотій** прошлаго года жаловался на меня св. Синоду, яко на ересеначальника, и его жалобы, поддержанныя о. **Вас. Бор. Бажановымъ** ¹⁾, едва не рѣшили Синодъ заключить меня въ монастырь... Судя по нѣкоторымъ признакамъ, едвали не поручено за мною сторо-

1) Покойный протопр. о. **Бажановъ** былъ товарищемъ по Спб. дух. академіи преосв. **Ѡеодотія**.

ною присматривать здѣсь владыкъ... Таковъ мой путь былъ у васъ, а пользы не вижу никакой окаянный! Даже друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа (Псал. 37, 12), и чего-то чего временами не готовы обрушить на бѣдную мою голову. Но не ропщу я и не жалуясь на долю мою; чувствую вполне, что иной части и не заслужилъ.

Молитесь о мнѣ скорбящемъ, но и не нерадующемся, когда Господь даетъ радость...

1856 г. 9 сент. Служить меньшей братіи ради Христа, послужившаго намъ (Марк. 10, 45), подобаетъ намъ съ тобою, чадо, не взирая ни на что, особенно когда самый ходъ дѣла и обстоятельства располагаютъ. Само собой разумѣется, что не для свѣта мы должны такъ поступать. Впрочемъ, если бы и онъ могъ затмить нашъ подвигъ, бояться и тутъ нечего; бываетъ часто страхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ (Псал. 13, 5). Просить разрѣшенія почаще приобщаться, или вмѣстѣ даже съ Евс. Еѳ. можешь у мат. игуменьи: это и для духовника будетъ удобнѣе и не такъ будетъ гласно въ обители.

Ревность твоя къ м. Маріи родилась отъ зависти къ ней, а послѣдняя отъ самолюбія: адскіе плевелы это, чадо мое... Ты хорошо дѣлаешь, что не щадя исторгаешь ихъ. Близость къ начальницѣ тебѣ не на пользу: она можетъ усыпить въ тебѣ страхъ Божій и ослабить тебя, засѣять душу безпечностию, лѣнью, самонадѣяніемъ, даже, чего добраго, спѣсью и недостаткомъ терпѣнія. «Се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему» (Лук. 1, 38): вотъ тотъ отзывъ, который постоянно долженъ слышаться въ душѣ нашей и слышаться не принужденно, безъ натяжки, а свободно, сознательно, при благосклонномъ къ намъ вниманіи высшихъ, когда эти высшіе дѣйствуютъ въ духѣ Христовомъ. А нѣтъ, тогда подобаетъ Богу повиноваться паче, какъ это дѣлали св. Апостолы (Дѣян. Ап. 4, 19).

На предложеніе мат. игуменьи выѣзжать туда, куда нѣтъ ни надобности вамъ, ни расположенія, можно не запинаясь отвѣчать отказомъ. И монаху таскаться по городу предосудительно безъ дѣла; а монахинѣ—просто позоръ.

Евсев. дай заповѣдь отъ меня: не судить добраго о. Авраамія ^{м)}: надобно попробовать каждому изъ насъ поносить тяжелую ношу на плечахъ, чтобы узнать, легка ли она. Не говорю уже о томъ, что и дарованія различныя каждый имѣеть (См. 1 Кор. въ 12 главѣ). И овъ спасается сице, овъ же—сице...

Аванасіи добренькой передашь, что слова: «молите, да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ или субботу», надобно понимать въ смыслѣ буквальномъ: тутъ рѣчь идетъ о послѣднихъ дняхъ Іерусалима, который осажденъ былъ Римлянами, отъ коихъ, поэтому, нельзя или съ большимъ трудомъ ночью можно было зимою, когда бываетъ тамъ страшная распутица, убѣжать. «Отъ смоковницы же научитесь» и проч.: также надобно понимать въ смыслѣ буквальномъ весь текстъ. Жатва въ Палестинѣ начиналась съ Пасхи, въ апрѣлѣ, даже иногда въ мартѣ, когда дерево смоковница распускала почки и листья.

Благодарю тебя за святую любовь, которая, по милости Божіей, не можетъ не отзываться въ сердцѣ моемъ бѣдномъ, сколь ни толстой корой обложилъ его грѣхъ: камнемъ надобно быть, а не человѣку, чтобы не чувствовать и не понимать, до какой степени снисходительны вы къ моимъ слабостямъ, сколько и до какой степени готовы преполовлять чашу и скорбей и радостей моихъ. Молилъ и молю Господа премилосердаго наградить васъ благами неба за ту преданность, какую и видѣлъ и вижу въ васъ доселѣ. Простите, друзья мои. Христосъ съ вами! Вотъ уже годокъ (съ 7 сент.) какъ я сюда переведенъ изъ Симбирска.

Вышло изъ головы у меня увѣдомить Евс. Ео., что четки передалъ я владыкѣ Иннокентію ^{н)} и онъ не неприятно былъ изумленъ сюрпризомъ этимъ. Да не прогнѣвается на меня, что не пишу самъ и особо ей.

м) При о. Герасимѣ былъ экономомъ симбирск. архіерейск. дома, а скончался въ санѣ архимандрита и настоятеля Алатырскаго монастыря.

н) Пр. Иннокентій (Александровъ, уроженецъ астраханскій), проживалъ на покой въ Куряжѣ, — ректорскомъ монастырѣ. Этотъ

1856 г. 15 дек. Харьковъ. «Аще забуду тебе — забвенна буди десница моя» (Псал. 136, 5), говорилъ нѣкогда псалмопѣвецъ о Іерусалимѣ. И я тоже готовъ всегда сказать и говорю о Симбирскѣ, объ обители вашей святой, о васъ, чадахъ моихъ и о тебѣ, Евпр. Еф. Итакъ не скорби, если иногда не выражу этихъ чувствъ и словъ на бумагѣ, если иногда разсчитывая на благоразуміе твое и терпѣніе, обрекаю тебя на лишеніе, незаслуженное тобою, но неизбѣжное почти съ моей стороны, по множеству дѣлъ и дѣлишекъ, на лишеніе «получать и читать мои письма». При мысли о тебѣ, какъ-то менѣе озабоченъ духъ мой отпискою: «она разсудить, она потерпѣть, не обезмирится» — что-то во мнѣ говоритъ и я отъ времени до времени откладываю, впрочемъ по чистой иногда необходимости, бесѣду мою съ тобою.

Владыка нашъ, слава Богу, какъ и прежде, живетъ себѣ и дѣлаетъ свое дѣло безъ шуму и грому, но тихо и прочно, какъ все создается духомъ кротости. Мы хороши съ нимъ и служимъ частенько вмѣстѣ. Вотъ и нынѣ служили и угощались.

За Ан. молимся. Пролей и ты, чадо, молитву о ней теплую съ друзьями: молитва любви, какъ благовонный ѳиміамъ, восходитъ къ небесамъ и низводитъ благословеніе Божіе и на молящихся и на тѣхъ, за кого молятся.

(Продолженіе будетъ.)

іерархъ въ бытность свою на Иркутской каеедрѣ рукополагалъ о. архим. Герасима во іерея (въ 1836 г.). И благодарный настоятель всегда относился къ пр. Иннокентію съ нѣжностію, сыновнѣ покоя его въ своей обители.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

въ среду пятой седмицы Великаго поста
(Притч. 15, 20—33; 16, 1—9).

Гл. 15. ст. 20. **Сынъ премудръ веселитъ отца, сынъ же безуменъ раздражаетъ (*осмѣиваетъ*) мать свою.**

Сынъ мудрый, поставляющій началомъ своей мудрости страхъ Божій, веселитъ своего отца и мать почтеніемъ къ нимъ, послушаніемъ и заботами о нихъ особенно въ ихъ старости. Но глупый сынъ, чуждый страха Божія, причиняетъ огорченіе отцу и матери своимъ пренебреженіемъ къ нимъ, непростительною дерзостію, съ какою онъ позволяетъ себѣ *осмѣивать* ихъ, глумиться надъ ихъ недостатками и немощами ихъ старости.

Ст. 21. **Несмысленнаго стези скудны ума, мужъ же разуменъ исправляя (*прямою дорогою*) ходитъ.**

Несмысленный поступаетъ несмысленно и не ходитъ прямою дорогою; разумный поступаетъ разумно и ходитъ прямою дорогою. Какая мысль заключается въ этомъ стихѣ? Должно полагать, что идетъ рѣчь о необходимости твердыхъ правилъ и убѣжденій для руководства во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Несмысленный не имѣетъ такихъ правилъ и убѣжденій, и потому въ его словахъ и поступкахъ нѣтъ постоянства и правильности: нынѣ объ одномъ и томъ же предметѣ онъ такъ говоритъ, завтра иначе; нынѣ одобряетъ, чтò завтра будетъ порицать; нынѣ совершаетъ поступокъ, отъ котораго

на другой день откажется, — такъ что на его слова трудно положиться, и вести съ нимъ какое-нибудь дѣло нельзя, — онъ колеблется всякимъ вѣтромъ, говорить и дѣйствуетъ, смотря по обстоятельствамъ, по случайнымъ вліяніямъ на него разныхъ лицъ: нынѣ подчиняется одному вліянію, завтра противоположному. Поистинѣ стези его *скудны ума*, разсудительности и онъ ходитъ не прямо. Истинно разумному свойственно держаться твердыхъ, однажды навсегда усвоенныхъ правилъ и убѣжденій, и подъ руководствомъ ихъ идти твердо ногою по пути долга и совѣсти, не уклоняясь въ сторону, не увлекаясь вѣтромъ всякихъ стороннихъ, часто противоположныхъ мнѣній, соблазнами и искушеніями.

Ст. 22. Отлагаютъ помышленія не чтущіи совѣщаній (собраній), въ сердцахъ же людей совѣтныхъ пребываетъ совѣтъ.

Подобная мысль выражена въ словахъ: *спасеніе*, т.-е. благо, *во мнозѣ совѣтъ* (Притч. 11, 14). Этой истины не хотятъ принимать къ свѣдѣнію и руководству *нечтущіе собраній*, презирающіе сужденія людей, собравшихся для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ. Они слишкомъ горды для того, чтобы согласиться съ ихъ мнѣніями, признать правильными ихъ рѣшенія. Для нихъ не существуетъ авторитета, которому они могли бы подчиниться въ своемъ сужденіи. Но, не раздѣляя ничьихъ мнѣній, они однако *отлагаютъ свои помышленія*, — откладываютъ до неопредѣленнаго будущаго свои рѣшенія. Они любятъ опровергать чужія рѣшенія, но взамѣнъ ихъ ничего не предлагаютъ; отъ нихъ не скоро дождешься, когда-то они наконецъ выскажутся положительно по тому или другому вопросу. Они любятъ спорить, а не рѣшать. Не такъ поступаютъ люди *совѣтные*, любящіе совѣтоваться. Они мирно обмѣниваются своими мыслями, съ уваженіемъ прислушиваются къ голосу другихъ, своимъ участіемъ въ обсужденіи дѣла содѣйствуютъ удовлетворительному рѣшенію его и въ этомъ успѣваютъ, такъ что въ ихъ сердцахъ «*пребываетъ совѣтъ*», т.-е. ихъ сердца находятъ твердую опору въ совѣтѣ, въ томъ рѣшеніи, которое достигнуто путемъ совѣщанія.

Ст. 23. Не послушаетъ злѣй его, ниже речетъ полезно что и добро общему (общинѣ).

Этотъ стихъ имѣетъ связь съ предыдущимъ и служить подтвержденіемъ сказаннаго тамъ о презирающихъ общій совѣтъ. Презирать его свойственно только злomu чelовѣку, и своего презрѣнія онъ ничѣмъ оправдать не можетъ. Добро бы онъ самъ взаимнѣ общаго рѣшенія предложилъ свое мнѣніе, достойное предпочтенія предъ мнѣніями другихъ. Нѣтъ, совѣта другихъ онъ не послушаетъ и только поглумится надъ нимъ, а самъ ничего *добраго и полезнаго для общины* не выскажетъ. Поистинѣ такой чelовѣкъ есть *злой чelовѣкъ*.

Ст. 24. Путіе живота помышленія разумнаго, да уклонився отъ ада спасется.

Если адъ—мѣсто отшедшихъ душъ—до пришествія Христова вмѣщаль въ себѣ не однихъ нечестивыхъ, но и праведныхъ, то конечно спастись отъ ада никто не могъ, какъ никто не можетъ спастись отъ смерти. Но въ адѣ не одинакова была участь праведныхъ и нечестивыхъ, какъ показываетъ евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ. Между тѣми и другими была тамъ великая пропасть,—они не смѣшивались, такъ что однимъ хорошо жилось и въ адѣ, другимъ худо. Должно полагать, что въ разсматриваемомъ стихѣ идетъ рѣчь о мѣстѣ мученія въ адѣ для грѣшниковъ. Никому, разумѣется, не желательно попасть въ мѣсто мученій, но спастись отъ нихъ можетъ только истинно разумный. Онъ тщательно размышляетъ о способахъ богоугожденія, о путяхъ, ведущихъ къ благополучію въ будущей жизни,—съ тою цѣлію, чтобы не сбиться съ этихъ путей и «спастись отъ ада», отъ вѣчной гибели, грозящей уклонившимся отъ путей живота.

Ст. 25. Дома досадителей (обидчиковъ) разоряетъ Господь, утверди же предѣлы (укрѣпиль между) вдовицы.

Вдову и сироту беспомощныхъ не трудно обидѣть; но за нихъ вступается Господь—Отецъ сиротъ и Судія вдовъ (Пс.

67, 6). Онъ не допуститъ, чтобы въ отношеніи къ вдовѣ дерзнулъ кто-нибудь поступить противъ закона, строго запрещающаго передвигать между ближняго (Второз. 19, 14), т.-е. посягать на цѣлость и неприкосновенность его владѣній. И горе обидчикамъ вдовы и вообще людей безпомощныхъ и беззащитныхъ! Господь разоретъ дома обидчиковъ, лишаетъ ихъ домашняго благосостоянія, не даетъ имъ счастья ни въ хозяйствѣ, ни въ дѣтяхъ.

Ст. 26. **Мерзость Господеви помысль неправедный, чистыхъ же глаголы честны.**

Слова и мысли имѣютъ необходимую связь: что на умѣ, то на языкѣ. Люди не всегда примѣчаютъ эту связь, — они нерѣдко снисходительно относятся къ словамъ нечестія и беззаконія, предполагая, что невоздержный на слова можетъ быть добрѣйшимъ по душѣ. Не такъ судить о человѣкѣ Господь, святѣйшій и всеправедный. Ему одинаково ненавистны беззаконныя помышленія и беззаконныя слова. — Беззаконныя слова можетъ изрыгать только сердечно испорченный человѣкъ. Наоборотъ въ очахъ Господа *честны*, достойны похвалы *глаголы чистыхъ*, неукоризненныхъ людей, какъ порожденія святыхъ помысловъ.

Ст. 27. **Губить себе мздоимецъ, ненавидящій же даровъ пріятія спасется. Милостынями (милостыями) и вѣрами (вѣрностями) очищаются грѣси, страхомъ же Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла.**

Горе корыстолюбивому судіи, за подарки превращающему судъ, оправдывающему виноватаго и обвиняющему невиннаго: онъ *губитъ себя*; рано или поздно онъ будетъ уличенъ въ своихъ преступленіяхъ по должности и его должна постигнуть кара Божескаго и человѣческаго правосудія. Напротивъ безкорыстный судія, ненавидящій мздоимство, судящій по совѣсти и нелицепріятно, *спасется*, сохранить свою безопасность и благополучно, подъ осѣненіемъ благоволенія Божія, скончаетъ свой вѣкъ. — Правда, будучи чуждъ корыстолюбія, онъ можетъ имѣть другіе какіе-нибудь грѣхи; но эти грѣхи

очищаются *милостынями и вѣрностями*,—прощаются ему грѣхи за его милосердіе къ подсудимымъ, за его снисходительность къ нимъ въ предѣлахъ закона, и за его вѣрность долгу совѣсти и закону въ отправленіи судейскихъ дѣлъ. Съ милостію и справедливостію въ отношеніи къ ближнимъ безкорыстный судя соединяетъ страхъ Божій: онъ потому и добръ и справедливъ къ людямъ, что смотритъ на вѣренную ему судебную должность, какъ на дѣло Божіе. Онъ помнитъ, что призванъ творить судъ Божій, что онъ есть видимый органъ судебной власти Божіей. Отъ неправды и жестокости онъ ограждаетъ себя страхомъ Божиимъ, который удерживаетъ его, какъ и всякаго богобоязненнаго, отъ зла грѣха и отъ зла наказанія.

Ст. 28. Сердца праведныхъ поучаются вѣрѣ (вѣрности), уста же нечестивыхъ отвѣщаютъ злая.

Сравнивается бесѣда съ праведными и бесѣда съ нечестивыми. Праведные, выслушавъ вопросы и недоумѣнія собесѣдника, напередъ тщательно въ сердцѣ своемъ обдумываютъ свой отвѣтъ, чтобы дать вѣрный и полезный отвѣтъ, и уже тогда уста ихъ отверзаются для требуемаго отвѣта. Не такъ поступаютъ нечестивые. Они не принимаютъ къ сердцу положенія людей, бесѣдующихъ съ ними, равнодушны и даже презрительно относятся къ нимъ, и потому не даютъ себѣ труда хорошенько вникнуть въ ихъ вопросы и недоразумѣнія. Они отвѣчаютъ не отказываются, но отвѣчаютъ только *злая*,—отвѣтъ ихъ никуда не годенъ, и принять его къ свѣдѣнію и руководству было бы поистинѣ зломъ.

Пріятны предъ Господемъ путіе мужей праведныхъ, имиже и врази друзи бываютъ.

Господь любитъ праведниковъ, благоволительно взираетъ на ихъ пути, — на подвиги ихъ благочестія и добродѣтели. Увѣренность въ этомъ благоволеніи утѣшаетъ ихъ въ скорбяхъ, какія они терпятъ отъ нечестивыхъ. Послѣдніе враждуютъ противъ нихъ, видя въ ихъ жизни обличеніе себѣ. Но случается, что непоколебимая стойкость праведниковъ въ благо-

честіи и добродѣтели побѣждаетъ эту вражду, враговъ превращаетъ въ друзей. Такъ велика была вражда языческаго нечестія противъ христіанскаго благочестія въ первые вѣка христіанства,—враги Христовой вѣры употребляли всѣ возможныя усилія уничтожить ее,—и побѣда осталась на сторонѣ гонимыхъ: гонители обратились въ друзей гонимыхъ, сами обратились къ вѣрѣ, ими исповѣдуемой.

Ст. 29. Далече отстоятъ Богъ отъ нечестивыхъ, молитвы же праведныхъ послушаетъ.

Къ Господу Богу обращаются съ мольбою не одни праведные, но иногда нечестивые. Но Онъ не внемлетъ мольбамъ нечестивыхъ. Онъ далекъ отъ нихъ, потому что они далеки отъ Него своимъ сердцемъ, хотя призываютъ Его устами. Они не оставляютъ своего нечестія, хотя иногда прикрываются личиною благочестія. Напротивъ «очи Господа на праведныхъ и уши Его въ молитву ихъ (Пс. 33, 15). Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, призывающимъ Его во истинѣ: волю боящихся Его сотворить, и молитву ихъ услышитъ и спасетъ» (Пс. 144, 18—19).

Лучше малое пріятіе (пріобрѣтеніе) съ правдою, нежели многая жита съ неправдою.

Никому не возбраняется *пріобрѣтать многое*, умножать свое богатство, но вмѣняется въ великое преступленіе наживать богатство неправдою, — обманомъ, насиліемъ, лихоимствомъ. Лучше имѣть немного для своего продовольствія и пользоваться немногими средствами съ спокойною совѣстію, съ сознаниемъ, что они пріобрѣтены правдою, честнымъ трудомъ, чѣмъ располагать огромнымъ богатствомъ съ угрызеніемъ совѣсти при мысли о несправедномъ его пріобрѣтеніи, съ неизбѣжнымъ опасеніемъ за цѣлость его.

Сердце мужа да мыслить праведная, да отъ Бога исправятся (будутъ направляемы) стопы его.

Если кто хочетъ, чтобы Господь *направилъ стопы* его, т.-е. помогъ ему достигнуть успѣха въ задуманномъ предпріятіи, то для сего нужно, чтобы онъ задумывалъ предпріятіе

тія праведныя, одобряемыя совѣстію и закономъ Божиимъ: только подѣ этимъ условіемъ можетъ благословлять ихъ Господь.

Ст. 30. Видящее око доброе веселитъ сердце, слава же благая утучняетъ кости.

Идетъ рѣчь о благотворномъ дѣйстви на душу и на тѣло впечатлѣній зрѣнія и слуха. Зрѣлище прекраснаго (*добраго*) въ природѣ, или въ произведеніяхъ искусства не только радуется сердце, но и *утучняетъ кости*, т.-е. живительно, успокоительно дѣйствуетъ на самое тѣло, — радостное душевное настроеніе отзывается въ самыхъ костяхъ, проникаетъ до мозга костей. Тоже благотворное дѣйствіе производитъ на человѣка *благая слава*. Всякъ, дорожащій добрымъ именемъ, естественно радуется и чувствуетъ себя бодрымъ по душѣ и тѣлу, когда доходятъ до его слуха добрые отзывы о немъ со стороны людей мудрыхъ и благонамѣренныхъ.

Ст. 31. Слушая обличенія живота, посредѣ мудрыхъ водворится.

Обличенія нашихъ недостатковъ, заблужденій и пороковъ горьки для самолюбія, за то ведутъ *къ животу*, — къ правильной и благополучной жизни. Потому слушающій ихъ отъ людей мудрыхъ благодушно и смиренно, «посредѣ мудрыхъ водворится», — самъ сдѣлается мудрымъ, самъ сдѣлается членомъ ихъ общества.

Ст. 32. Иже отмечаетъ наказаніе (*наставленіе*), ненавидитъ себе, соблюдая же обличенія любитъ свою душу.

Отвергающій, пренебрегающій наставленіе людей опытныхъ и благожелательныхъ, поистинѣ *ненавидитъ себе*, потому что отвергаетъ то, что было бы для него спасительно. Отвергать вразумленія и обличенія свойственно только самолюбивымъ. Самолюбіе есть превратная, часто пагубная, любовь къ себѣ. Любовь къ себѣ истинная состоитъ въ томъ, чтобы съ благодарностію принимать вразумленія и обличенія и руководствоваться ими въ жизни къ несомнѣнному своему благу.

Ст. 33. **Страхъ Господень наказаніе (наставленіе) и премудрость, и начало славы отвѣщаетъ ей. Предъидеть же смиреннымъ слава.**

Мудрости можно научиться вниманіемъ къ наставленіямъ. А лучшей наставникъ есть страхъ Божій, благочестіе, или лучше законъ Господень, въ которомъ поучается день и ночь благочестивая душа. Но если страхъ Божій есть начало мудрости, то мудрость есть начало славы. Мудрость сама-по-себѣ есть честь и слава, и сопровождается прославленіемъ со стороны людей: поистинѣ *ей отвѣтитъ* (будетъ служить для ней отзвукомъ) — *начало славы*. Истинно мудрые не ищутъ славы, — они смиренны, ибо сознаютъ, что не себѣ, а страху Божію обязаны мудростію; и *смиреннымъ предъидеть слава*. Они не домогаются славы, но слава и молва о нихъ, идетъ предъ ними, какъ тѣнь предъ тѣломъ, — она неразлучна съ ними, хотя бы они ея не желали.

Гл. 16, ст. 1. **Человѣку предложеніе сердца (человѣкъ предполагаетъ сердце), и отъ Господа отвѣтъ языка.**

Здѣсь указывается на одно изъ поразительныхъ доказательствъ зависимости человѣка отъ Бога. Иной въ умѣ своемъ тщательно обдумаетъ, какъ рѣшить то, или другое дѣло, какъ распорядиться, какъ поступить въ извѣстномъ случаѣ; остается ему только объявить свое рѣшеніе или распоряженіе. Но обстоятельства слагаются такъ, что ему приходится отказаться отъ своихъ предположеній и на вопросъ о томъ, на какомъ мнѣніи или рѣшеніи онъ остановился, дать отвѣтъ противный тому, что онъ положилъ въ своемъ сердцѣ. Напримѣръ полководецъ обдумалъ планъ нападенія на непріятеля; но когда наступило время привести свой планъ въ исполненіе, встрѣчаются неожиданныя препятствія, и заранѣе обдуманное распоряженіе оказалось нужнымъ отмѣнить и замѣнить другимъ. Человѣкъ властенъ надъ своими мыслями, но не надъ обстоятельствами, зависящими въ теченіи своемъ не отъ насъ, а отъ Бога.

Ст. 2. Вся дѣла смиреннаго явна предъ Богомъ, и укрѣпляяй души (духъ) Господь.

Истинно смиренный не ищетъ извѣстности, похвалы и славы у людей; все, что дѣлаеть, онъ дѣлаеть съ мыслию о Богѣ, во славу Божию. Онъ не обижается тѣмъ, что люди не цѣнятъ его, даже совсѣмъ не обращаютъ на него вниманія и не знаютъ его; онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что его знаетъ Богъ Сердцевѣдецъ, праведный Судія и Мздовоздатель. И дѣйствительно: *вся дѣла смиреннаго явны предъ Богомъ*: Господь знаетъ ихъ,—знаетъ не только все, что онъ дѣлаеть, но и душу его, духовное настроеніе его, чистоту и святость побужденій, руководствующихъ имъ, и зная сіе, *укрѣпляетъ духъ*, — своею незримою помощію поддерживаетъ въ смиренныхъ духовную бодрость, охраняетъ ихъ отъ малодушія и унынія, такъ что они остаются довольны своимъ скромнымъ положеніемъ и не завидуютъ людямъ богатымъ и высокопоставленнымъ.

Ст. 3. Приблѣжи (поручи) ко Господу дѣла твоя, и утвердятся помышленія твоя.

Внушается надежда на Промыслъ Божій. Кто свои дѣла дѣлаеть съ этою надеждою, и ею ободряетъ себя къ перенесенію тягости своихъ трудовъ, тотъ получаетъ успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ. И такъ усердно трудись для устройства твоего благополучія, но успѣха трудовъ ожидай отъ Бога, Ему поручай дѣла твои и будь увѣренъ, что *помышленія твои*, — задуманныя предпріятія, — *утвердятся* — окажутся устойчивыми, найдутъ твердую опору въ помощи Божіей.

Ст. 4. Вся содѣла Господь себе ради, нечестивіи же въ день золь погнубуть.

Нельзя безнаказанно не воздавать славы имени Божию. Господь *все создалъ себе ради*, для славы своей, такъ чтобы всѣ творенія Его свидѣтельствовали о славѣ Его премудрости, благодати, всемогущества. Но нечестивые не воздаютъ славы Богу, не исповѣдуютъ Его совершенствъ, слѣды которыхъ должны бы видѣть во всемъ сотворенномъ отъ Бога, —

живуть въ забвеніи о Богѣ, и за сіе погибнуть *въ день золь*: Господь долго терпитъ ихъ нечестіе, ожидая ихъ покаянія; но горе имъ, если не раскаются: наступитъ *день золь*, день гнѣва Божія, и они погибнуть,—и въ этой и въ будущей жизни испытають тяжесть гнѣва Его.

Ст. 5. Нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый (надменный), въ руку же руцѣ влагаяй неправедно необезвинится.

Высокосердый—тоже, что надменный. Онъ высокаго мнѣнія о себѣ и низкаго о ближнихъ. На ближнихъ онъ смѣтрить свысока и презираетъ ихъ. Презрѣніе свое къ нимъ онъ не всегда выражаетъ въ словахъ и на лицѣ,—онъ питаетъ къ нимъ глубокое презрѣніе въ сердцѣ. Этого могутъ не замѣчать презираемые, но видитъ его сердце Всевѣдущій и потому *нечистъ* предъ очами *Его всякъ высокосердый*. Тяжко грѣшить и строгой отвѣтственности подлежить (*не обезвинится*) предъ Нимъ также *въ руку руцѣ влагаяй неправедно*, т.-е. тотъ, кто для успѣха въ дѣлахъ неправды соединяется съ другими, дѣйствуетъ съ ними заодно, держась рука за руку. И если онъ попадется въ преступленіи, то не оправдаетъ себя тѣмъ, что не одинъ совершилъ его, а съ участіемъ другихъ (См. тоже Прит. 11, 26. Паремія въ понедѣльникъ 4-й седмицы В. поста).

Ст. 6. Начало пути блага еже творити праведная, пріятна же предъ Богомъ паче, нежели жрети жертвы.

На пути богоугожденія главное (*начало*) дѣло состоитъ въ томъ, чтобы творить правду,—ревновать объ исполненіи нравственнаго закона. Это угоднѣе (*пріятнѣе*) *Богу*, чѣмъ исполненіе обрядоваго закона,—принесеніе жертвъ.

Ст. 7. Ищай Господа, обращетъ разумъ съ правдою.

Источникъ вѣдѣнія и правды заключается въ Богѣ; посему кто ищетъ Господа, стремится къ общенію съ Нимъ, предпочитаетъ благо общенія съ Нимъ всякому другому благу,

тотъ обращеть въ Немь *разумъ съ правдою*, тотъ въ законѣ Господнемъ найдетъ руководство къ разумѣнію истины и къ содѣянію правды.

Ст. 8. Правѣ же ищущіи Его обращуть миръ.

Миръ, который найдутъ истинно ищущіе Господа, состоятъ въ чувствѣ радости о томъ, что они нашли въ Богѣ, чего искали,—удовлетвореніе потребности истины, добра и счастья.

Ст. 9. Вся дѣла Господня съ правдою (*праведны*), хранится же нечестивый на день золь (*бѣдъ*).

Господь есть праведный Судія и Мздовоздаятель,—Его правда открывается во всѣхъ дѣлахъ Его, во всѣхъ распоряженіяхъ Его относительно участи человѣка. Повидимому эта истина не подтверждается опытомъ, ибо мы видимъ нечестивыхъ благоденствующими. Но благоденствіе нечестивыхъ непрочно: Господь бережетъ ихъ до поры-до времени въ ожиданіи ихъ покаяніи, и если не дождется отъ нихъ покаяніи, то наступитъ для нихъ *день золь*, — великихъ бѣдъ, и чѣмъ дольше терпѣлъ ихъ Господь, тѣмъ строже они будутъ наказаны и въ сей и въ будущей жизни.

**Наремія изъ книги Притчей въ четвергъ пятой седмицы
Великаго поста. (Притч. 16, 17—33; 17, 1—17).**

Гл. 16, ст. 11. Приемляй наказаніе (*вразумленіе*) во благихъ будетъ, храняй же обличенія умудрится.

Благо смиренно *приемлющему* вразумленія и *хранящему* въ памяти и сердцѣ *обличенія*: онъ умудрится,—и не только будетъ избѣгать недостатковъ и погрѣшностей, заслуживающихъ обличенія, но будетъ преуспѣвать въ противоположныхъ имъ совершенствахъ (*во благихъ будетъ*).

Иже хранить своя пути, соблюдаетъ свою душу.

Путиами, храненіе которыхъ необходимо для соблюденія души отъ паденія и гибели, могутъ быть только пути благочестія и добродѣтели.

Любяй же животь свой щадить (березеть) своя уста.

Подобное говоритъ псалмопѣвецъ, когда человѣку *хотящему жить* благополучно, *любящему дни видѣти благи*,—заповѣдуетъ: «удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати лести (обмана)» (Пс. 33, 13. 14). Что больше всего вредитъ намъ въ обществѣ, вооружаетъ противъ насъ ближнихъ, лишаетъ насъ ихъ довѣрія, участія къ нашимъ нуждамъ? Языкъ съ его злорѣчіемъ, клеветами, ругательствами, обманами всякаго рода. Нанося зло другимъ, такой языкъ причиняетъ зло самому невоздержному на языкъ, подвергая его презрѣнію и униженію со стороны оскорбляемыхъ имъ, и чѣмъ тяжелѣе ложится на его самолюбивую душу это оскорбленіе, тѣмъ онъ несчастнѣе, и въ этомъ несчастіи долженъ винить только себя, необузданность своего языка.

Ст. 18. Прежде сокрушенія предваряетъ досажденіе, прежде же паденія злоумышленіе.

Чтобы не потерпѣть зла, не надо дѣлать и замышлять зло. Кто обижаетъ ближняго словами и дѣйствіями, тотъ жди *сокрушенія*,—того бьютъ. Кто замышляетъ зло противъ другаго, того ждетъ *паденіе*,—т.-е. онъ попадетъ въ яму, которую самъ готовилъ ближнему.

Ст. 19. Лучше кроткодушень со смиреніемъ, нежели иже раздѣляетъ корысти (добычу) съ досадителями.

Не слѣдуетъ завидовать людямъ, которые обогащаютъ себя неправдами и обидами (*досадителямъ*). Лучше довольствоваться немногимъ, но никого не обижать; лучше смиренно переносить житейскія невзгоды, чѣмъ брать на совѣсть тяжкій грѣхъ неправды въ отношеніи къ ближнимъ, наживаться на ихъ счетъ и для вящаго успѣха въ этой беззаконной на-

живѣ вступать въ союзъ съ обидчиками, чтобы съ ними дѣлать добычу, пріобрѣтенную общими силами.

Ст. 20. **Разумный въ вещехъ** (*въ дѣлахъ*) **обрѣтатель благихъ** (*найдетъ благо*), **надѣйся же на Господа блаженъ.**

Само собою разумѣется, что для успѣха въ какихъ бы то ни было житейскихъ дѣлахъ надобно вести ихъ разумно, осмотрительно, обдуманно. Кто разумно ведетъ ихъ, тотъ получаетъ благо, котораго ищетъ. Но это благо еще не дѣлаетъ человѣка счастливымъ, потому что пріобрѣтеніе его и обладаніе имъ сопровождается не малыми тревогами и безпокойствами. Иное дѣло, если человѣкъ, стремясь къ достиженію того или другаго житейскаго блага, полагается не на одно свое благоразуміе, но вмѣстѣ на Бога, равно если и при обладаніи благомъ не мучить себя опасеніемъ потерять его, а успокоиваетъ себя упованіемъ на Его милость: онъ поистинѣ *блаженъ*, ибо ничего нѣтъ на свѣтѣ благонадежнѣе помощи Божіей.

Ст. 21. **Премудрыя и разумныя злыми наричуть** (*называютъ*), **сладціи же въ словеси множае** (*наипаче*) **услышани будутъ.**

Какъ часто допускается несправедливость въ оцѣнкѣ достоинствъ человѣка! Иной премудръ и разуменъ, многосвѣдущъ и основателенъ въ сужденіяхъ, но несладкоглаголивъ, некраснорѣчивъ: таковыхъ называютъ *злыми*—худыми, ничтожными, презираютъ ихъ. Другой не обладаетъ умственными совершенствами, не отличается здравостію и основательностію сужденій умозрительныхъ и практическихъ, за то *сладокъ въ словеси*, — хорошій краснорѣчивъ: таковыхъ людей съ большею охотою выслушиваютъ и не промѣняютъ ихъ на истинно мудрыхъ, но не краснорѣчивыхъ.

Ст. 22. **Источникъ животенъ** (*жизни*) **разумъ стяжавшимъ** (*для владѣющихъ имъ*), **наказаніе же безумныхъ зло.**

Въ обладаніи разумомъ,—умозрительнымъ и практическимъ благоразсужденіемъ,—заключается поистинѣ *источникъ жи-*

зми: изъ этого источника проистекають обильныя струи вѣдѣнія, столь же благотворныя для жизни духовной и тѣлесной, какъ благотворна для земли, растений, животныхъ и людей свѣжая и чистая вода родниковъ. Но худо, если глупый возмнитъ себя умнымъ и еще возмется учить (*наказывать*) ближнихъ: такое ученіе только зло, только вредъ для тѣхъ, которые бы стали слушать его и принимать къ руководству. Отъ глупаго можно научиться только глупости.

Ст. 23. Сердце премудраго уразумѣтъ, яже отъ своихъ ему устъ (что говорятъ уста сію), во устнахъ же (онъ) носить разумъ.

Есть люди, которые говорятъ, чего не понимаютъ, провозносятъ слова, схваченныя ихъ слухомъ, усвоенныя одною памятью, а не умомъ,—словно попугаи. Это признакъ глупости; мало-мальски умный человѣкъ говорить только то, что разумѣтъ, и въ чемъ можетъ дать отчетъ себѣ и другимъ. Равнымъ образомъ языкъ его, управляемый размышленіемъ, не скажетъ ничего такого, что можетъ отозваться вредными послѣдствіями для говорящаго и для слушающихъ. Осторожность въ словѣ, забота о томъ, чтобы говорить все обдуманно, безобидно и назидательно—вотъ что свойственно мудрому.

Ст. 24. Сотове медовніи словеса добрая, сладость же ихъ исцѣленіе души.

Медь пріятенъ на вкусъ и, какъ имѣющій цѣлебную силу, употребляется въ составѣ многихъ лекарствъ. Подобное значеніе для души имѣютъ *словеса добрыя*,—рѣчи, дышущія любовію къ ближнимъ и почерпающія свою силу изъ источника божественной мудрости—закона Господня, сладчайшаго меда и сота. Такія рѣчи улаждаютъ слушающаго и своею сладостію производятъ благотворное, цѣлебное дѣйствіе на душу его: они вливають отраду и утѣшеніе въ душу скорбящую и унывающую, врачуютъ душу, недугующую грѣхомъ, силою присущей имъ благодати Божіей укрѣпляютъ ее на брань съ грѣховными искушеніями: поистинѣ цѣлебоносны для души (см. гл. 10, ст. 31. Паремія въ пятницу третьей седмицы В. поста).

Ст. 25. Суть путіе мянщіяся прави быти мужу, обаче послѣдняя (конецъ) ихъ зрятъ во дно адово.

Здѣсь содержится предостереженіе отъ самообольщенія. По свойственному каждому самолюбію иной очень благопріятно и снисходительно смотритъ на свои пути—на свои желанія и дѣйствія, каковы бы они ни были. Желанія безнравственныя кажутся ему невинными, дѣйствія преступныя—извинительными. Ослѣпленный самолюбіемъ, онъ не хочетъ и слышать предостереженія отъ грѣховныхъ увлеченій, негодуетъ на доброжелательныхъ людей, указывающихъ ему на пагубныя послѣдствія этихъ увлеченій, на то, что нельзя безнаказанно предаваться имъ, что *конецъ ихъ зритъ во дно адово*, т.-е. что исходъ ихъ одинъ: гибель временная—преждевременная смерть—и вѣчная (Тоже см. гл. 14, ст. 12). Другаго исхода и быть не можетъ, и этого не предусматриваютъ только самообольщенные люди.

Ст. 26. Мужъ въ трудѣхъ труждается себѣ и ивнуждаетъ (отгоняетъ) гибель свою: строптивый въ своихъ устахъ носитъ гибель.

Указывается побужденіе къ физическому труду. Человѣкъ въ наказаніе за грѣхъ осужденъ на тяжкіе труды для своего пропитанія: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой» (Быт. 3, 19). Но эти труды благотворны: трудящійся трудится *для себя* и упорнымъ трудомъ *отгоняетъ гибель свою*,—т.-е. опасность умереть съ голода. Эта опасность угрожаетъ *строптивому*,—тому, кто уклоняется отъ трудовъ, ищетъ себѣ пропитанія кривыми (*стропотными*) путями. Онъ *носитъ гибель въ своихъ устахъ*,—въ своемъ рту,—ибо ему нечего будетъ положить въ ротъ, нечѣмъ утолить голодъ.

Ст. 27. Мужъ безуменъ копаеть себѣ злая и въ устнахъ своихъ сохраниваетъ (обираетъ) огонь.

Злорѣчивый самъ себѣ дѣлаетъ зло. Своимъ клеветливымъ и злобнымъ языкомъ онъ копаеть яму ближнему и самъ въ нее попадаетъ; старается воспламенить вражду между людьми, перессорить ихъ, но прежде чѣмъ успѣетъ достигнуть этого,

самъ стараетъ въ пламени своей злобы и ненависти, т.-е. испытываетъ въ состояніи злобы такое же мучительное чувство, какъ еслибы объять былъ вещественнымъ огнемъ. Поистинѣ онъ *безуменъ*.

Ст. 28. **Мужъ строптивый** (*криводушный*) **разсылаетъ злая и свѣтильникъ лъсти** (*коварства*) **вжигаетъ злымъ и разлучаетъ други.**

Вотъ до чего можетъ доходить *строптивость*, привычка къ коварству: строптивый, т.-е. криводушный не довольствуется дѣлать зло людямъ въ окружающей его средѣ,—онъ *разсылаетъ злая*, т.-е. ищетъ себѣ жертвъ за предѣлами ея, въ дальнихъ мѣстахъ.—Онъ *свѣтильникъ лъсти* *зжигаетъ для злыхъ*,—т.-е. научаетъ кознямъ злыхъ людей, такихъ, которые желаютъ дѣлать зло ближнему, но не умѣютъ,—онъ просвѣщаетъ и знакомитъ ихъ съ своимъ дьявольскимъ искусствомъ вредить ближнимъ. *И разлучаетъ други*: своимъ вмѣшательствомъ въ отношенія друзей производитъ между ними раздоръ, вооружая одного противъ другаго.

Ст. 29. **Мужъ законопреступенъ** **прельщаетъ други и отводитъ ихъ въ пути неблаги.**

Законопреступный не только самъ дѣлаетъ преступленія, но вовлекаетъ въ нихъ своихъ друзей злыми внушеніями своими и примѣромъ. Итакъ должно всячески избѣгать сближенія съ людьми законопреступными.

Ст. 30. **Утверждаяя очи свои мыслить развращенная** (*коварства*), **грызый же устнѣ** (*губы*) **свои опредѣляетъ вся злая. Сей пещь есть злобы.**

Злоба и коварство любятъ тайну, чтобы никто не могъ догадываться о злыхъ замыслахъ. Но иногда эта тайна выдается противъ воли злоумышляющаго. Такъ если онъ пристально смотритъ на одну точку, *утверждаетъ* на ней взоръ, не обращая вниманія ни на что другое,—это служить признакомъ, что его вниманіе сосредоточено на внутренней работѣ, что мысли его заняты исключительно изобрѣтеніемъ и обдумываніемъ злыхъ козней. Если онъ закусываетъ губы, это слу-

жить признакомъ злобы, съ какою онъ *предопредѣляетъ злое*,—рѣшаетъ привести въ исполненіе злой умыселъ. Онъ *есть пещь злобы* въ томъ смыслѣ, что въ душѣ его пламенѣетъ злоба, какъ огонь въ жарко натапливаемой печи.

Ст. 31. Вѣнецъ хвалы старость, на путѣхъ же правды обрѣтается.

Старость или долголѣтіе есть милость Божія, которая однимъ даруется въ награду за ихъ благочестіе и добродѣтели, согласно обѣтованію Божію (Исх. 23, 26), другимъ—безпечнымъ грѣшникамъ и нечестивымъ—даруется по долготерпѣнію Божію въ ожиданіи ихъ раскаянія. Но *вѣнецъ хвалы* бываетъ, т.-е. заслуживаетъ похвалу, какъ побѣдитель заслуживаетъ вѣнца, не всякая старость. Этотъ вѣнецъ только на путяхъ правды обрѣтается, достается только тѣмъ старцамъ, которые до конца жизни неуклонно идутъ путемъ правды, не ослабѣваютъ въ ревности къ исполненію заповѣдей Господнихъ. Тѣ старцы безчестятъ свою сѣдину, которые не цѣнятъ милости къ нимъ Божіей, призывающей ихъ къ покаянію, не оставляютъ юношескаго легкомыслія и проводятъ свою жизнь вдали отъ путей правды.

**Ст. 32. Лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣп-
каго (*хрибраго*) (и мужъ разумъ имѣяй, паче зем-
ледѣльца великаго). Удержаваяй же гнѣвъ паче
вземлющаго градъ (*крѣпость*).**

Бороться съ самимъ собою, обуздывать въ себѣ порывы гнѣва, научиться владѣть собою гораздо труднѣе, чѣмъ отличиться храбростію въ битвахъ и брать крѣпости. Александръ Македонскій былъ великій завоеватель, одержалъ множество побѣдъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ, но ему недоставало мужества для борьбы съ самимъ собою,—онъ побѣждаемъ былъ гнѣвливостію и въ порывѣ гнѣва умертвилъ лучшихъ своихъ друзей (Парменіона, Клита и Каллисѣена). Въ виду трудности достигнуть самообладанія, Премудрый предпочитаетъ храбрымъ и побѣдоноснымъ воителямъ долготерпѣливыхъ, силою терпѣнія побѣждающихъ въ себѣ гнѣвливость.

Лучше одержать безкровную побѣду надъ самимъ собою, и тѣмъ не нанести вреда ни себѣ, ни другимъ, чѣмъ прославиться кровавыми успѣхами въ битвахъ.—Вводными словами: *мужъ разумъ имѣйй паче земледѣльца великаго*, также похваляется самообладаніе и кротость. Великое нужно терпѣніе для земледѣльца, въ потѣ лица воздѣлывающаго поле; но еще больше нужно труда и терпѣнія, чтобы побѣдить въ себѣ склонность къ гнѣву, брани и ссорамъ. Успѣть въ этомъ не иначе можно, какъ силою разсужденія. Посему чловѣкъ, путемъ здраваго разсужденія выработавшій въ себѣ характеръ кроткій и терпѣливый, достоинъ предпочтенія предъ трудолюбивымъ и терпѣливымъ земледѣльцемъ.

Ст. 33. Въ нѣдра входятъ вся неправеднымъ, отъ Господа же вся праведная.

Неправедные приобрѣтатели для своего обогащенія не разбираютъ средствъ честныхъ и безчестныхъ. Ихъ имущество состоитъ не столько изъ праведныхъ, сколько неправедныхъ приобрѣтеній: все они берутъ въ нѣдра свои,—съ жадностію обращаютъ въ свою собственность. И потому ихъ богатство не отъ Господа, на ихъ стяжаніяхъ нѣтъ благословенія Божія, — отъ Господа, при помощи Его благословенія, получается только *все праведное*, — только то, что наживается честнымъ путемъ.

Гл. 17. ст. 1. Лучше укрухъ (кусокъ) хлѣба съ сластію въ мирѣ, нежели домъ исполненъ многихъ благихъ и неправедныхъ жертвъ съ бранію.

Восхваляется благо домашняго мира и согласія. Это благо лучше роскошнаго стола. Когда въ семействѣ господствуетъ миръ, любовь, единодушіе, тогда и кусокъ простаго хлѣба, безъ мяса, вина и елѣя, гораздо слаще, чѣмъ обильныя и лакомыя блюда въ домахъ у беззаконныхъ. Пусть ихъ дома обилуютъ всякимъ добромъ и пусть они на ряду съ благочестивыми приносятъ Господу богатыя жертвы мира (Лев. 7, 10) изъ козловъ и тельцовъ, и устрояютъ роскошное жертвенное пиршество и приглашаютъ на него (1 Цар. 9, 12) гостей; но

какъ жертвы незаконниковъ, приносимыя отъ имѣній, собранныхъ несправедно, Господу негодны, такъ пиршества ихъ неприятны участвующимъ въ нихъ, если учреждаются и предлагаются съ *бранію*, которая отравляетъ удовольствіе отъ вкушенія пищи. Отъ незаконниковъ, наживающихся притѣсненіемъ ближнихъ, привыкшихъ обращаться съ ними презрительно и оскорбительно, трудно ожидать радушія и миролюбія въ отношеніи къ гостямъ; оттого и тяжело имъ сидѣть за роскошною трапезою у незаконныхъ.

Ст. 2. Рабъ смысленъ обладаетъ владыни безумными, въ братіяхъ раздѣлитъ имѣніе на части.

Положеніе раба въ домѣ господина нелегко. Особенно оно было таковымъ въ дохристіанское время не только у язычниковъ, но и у іудеевъ. Рабъ вполне зависѣлъ отъ произвола господина; на раба смотрѣли, какъ на вещь, которую можно продать также легко, какъ и купить. Живя подъ одною кровлею съ своимъ господиномъ, рабъ не могъ быть увѣренъ, что его не прогонятъ съ безчестіемъ завтра. Если ему тяжело жилось у господина, онъ не имѣлъ права отойти отъ него по своему желанію,—долженъ былъ терпѣть горькую участь до конца жизни. Но случалось, что умные рабы успѣвали овладѣвать довѣріемъ своихъ господъ и распоряжались не только хозяйствомъ, но и семействомъ ихъ. Этотъ случай имѣется въ виду въ рассматриваемомъ стихѣ, въ которомъ указывается, что смысленный рабъ, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ неразумнаго господина, распоряжается его собственностію на правахъ полновластнаго владѣтеля: онъ дѣлитъ ее между братьями, сыновьями своего господина, оставляя себѣ, конечно, львиную часть. Такъ распоряжаться рабъ могъ только при жизни господина, (по смерти его рабъ могъ встрѣтить отпоръ со стороны сыновей его),—и подѣливъ братьевъ, рабъ конечно выпроваживалъ ихъ изъ дому родительскаго, чтобы они не мѣшали его отношеніямъ къ ихъ отцу.

Ст. 3. Якоже искушается въ печи сребро и золото, тако избранная сердца у Господа.

Достоинство драгоцѣнныхъ металловъ открывается въ огнѣ

(въ плавильномъ горнѣ): въ огнѣ несродныя съ ними примѣся сгораютъ, и остается одно чистое золото и серебро. Подобно сему избранныя души ввергаются Господомъ въ огонь искушеній, т.-е. подвергаются скорбямъ отъ вѣшнихъ золъ и оставляются безъ помощи Божіей въ духовной жизни. Черезъ это искушеніе дается избраннымъ душамъ возможность проявить чистую, безкорыстную любовь къ Господу и очиститься отъ остающихся въ нихъ грѣховныхъ сквернъ. Въ томъ и другомъ отношеніи они достигаютъ успѣха не иначе, какъ упражняясь въ подвигахъ благодушнаго, съ преданностію волѣ Божіей, терпѣнія вѣшнихъ скорбей, и самоотверженія въ борьбѣ съ самолюбіемъ и грѣховными влеченіями.

Ст. 4. Злыйъ послушаетъ язва законопреступныхъ, праведныйъ же не внимаеть устамъ лживымъ.

Зложелательный человѣкъ не только самъ придумываетъ способы вредить ближнему, но еще съ злорадствомъ прислушивается къ *лживымъ*, клеветливымъ рѣчамъ другихъ законопреступныхъ людей, клонящимся ко вреду ближняго, и пользуется этими рѣчами для своихъ злодѣйскихъ намѣреній. Напротивъ праведный,—благочестивый и добродѣтельный,—дорожитъ благомъ ближняго, какъ своимъ собственнымъ, и закрываетъ свой слухъ отъ лживыхъ измышленій, направленныхъ противъ ближняго. Какъ самъ онъ добръ, такъ и о ближнихъ онъ имѣетъ доброе мнѣніе, и если удостоверяется въ противномъ, то жалѣетъ ихъ, а отнюдь не злорадствуетъ.

Ст. 5. Ругаяйся убогому раздражаетъ Сотворшаго его. Радуйся же о погибающемъ не обезвинится, милуйя же помилованъ будетъ.

Кто насмѣхается надъ бѣднымъ, тотъ забываетъ, что бѣдный есть такая же тварь Божія, украшенная образомъ и подобіемъ Божіимъ, какъ и богатый, и потому своими насмѣшками онъ не только оскорбляетъ бѣднаго, уничтожая въ немъ человѣческое достоинство, но прогнѣвляеть самого Творца. (См. подобн. гл. 14, ст. 31).—*Не обезвинится* также, т.-е.

подлежитъ отвѣтственности, заслуживаетъ строгаго наказанія также тотъ, кто при видѣ погибающаго, находящагося въ крайнемъ бѣдствіи, вмѣсто того, чтобы утѣшить его своимъ участіемъ и состраданіемъ, только злорадствуетъ. Въ ту или другую бѣду человѣкъ можетъ попасть по своей винѣ, но и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ злорадно говорить: по дѣломъ ему,—а сожалѣть о немъ. Жестокосердый къ бѣдствующимъ долженъ знать, что и самъ онъ можетъ впасть въ бѣдствіе и сдѣлаться предметомъ злорадства ближнихъ. Напротивъ кто милосердъ къ бѣдствующимъ, къ тому отнесутся съ милосердіемъ въ его несчастіи: *милуяй помилованъ будетъ*.

Ст. 6. Внѣнецъ старыхъ чада чадъ, похвала же чадомъ отцы ихъ.

Для старцевъ *чада чадъ*, т.-е. внуки, служатъ *внѣнцемъ* или похвалою потому, что въ продолженіи своего рода старцы видятъ благословеніе Божіе (Псал. 127, 6) и надежду безсмертія въ потомствѣ. Равно и для чадъ служатъ честію и предметомъ похвалы отцы ихъ, если чада наследуютъ отъ отцовъ имущество, доброе имя и добрыя правила.

Вѣрному весь міръ богатство (*богатствъ*), невѣрному ниже пѣнязь (*оволь*).

Подъ *вѣрнымъ* разумѣется здѣсь—честный, вѣрный долгу совѣсти, закону, данному слову, обязательствамъ, принятымъ въ отношеніи къ ближнимъ. Такой человѣкъ пользуется всеобщимъ довѣріемъ, и потому чрезъ его благонадежныя руки проходитъ масса (*весь міръ*) сокровищъ, ввѣряемыхъ ему на храненіе, или для употребленія въ оборотъ. Но кто опозорилъ себя невѣрностію, тому не повѣрятъ на храненіе мелкую монету (*оволь*).

Ст. 7. Неприличны суть безумному устнѣ вѣрны, ниже праведному устнѣ лживы.

Подъ *безумнымъ*, въ противоположность праведному, разумѣется здѣсь человѣкъ, соединяющій съ неразуміемъ нечестіе и порочность. Услышать когда-нибудь отъ него правду—та-

кая рѣдкость, что всякому показалось бы это неожиданностію. Наоборотъ отъ праведнаго нельзя ожидать словъ живыхъ: въ его устахъ снѣ были бы ни съ чѣмъ несообразны.

Ст. 8. Мзда благодатей наказаніе (обученіе) употребляющимъ, и аможе аще обратится, успѣеть.

Мысль здѣсь таже, что въ изреченіи: «корень ученія горекъ, но плоды его сладки». Обученіе чему-нибудь, особенно обученіе духовной мудрости, не легко пріобрѣтается, за то для тѣхъ, которые руководствуются имъ въ жизни (для употребляющихъ), оно оплачивается пріятнѣйшею наградою (мздою благодатей), отлично вознаграждается: куда бы ни обратился обученный человѣкъ, за что бы ни взялся, онъ успѣеть: успѣхъ его обезпеченъ вѣрностію тѣмъ правиламъ и убѣжденіямъ, какія онъ усвоилъ себѣ во время обученія.

Ст. 9. Иже таитъ обиды, ищетъ любви, а иже ненавидитъ скривати, разлучаетъ други и домашнія.

Должно заботиться не о томъ только, чтобы жить въ мирѣ съ ближними и въ любви, но и чтобы поддерживать между ними миръ и любовь. Согласно съ симъ правиломъ поступаетъ тотъ, кто *таитъ обиды*,—кто, выслушавъ жалобы обиженнаго на обидчика, хотя принимаетъ сторону обиженнаго, но не разглашаетъ его жалобъ, зная, что это еще пуще озлобило бы обидчика: онъ *ищетъ любви*,—мира между ними; для него тяжело видѣть вражду ихъ и онъ всячески избѣгаетъ всего, что можетъ усилить ее. Такъ поступаетъ истинно мудрый и благочестивый мужъ, но другіе поступаютъ противоположно сему. Иной *ненавидитъ скривати*: прослышавъ объ оскорбленіи однимъ другаго, не утерпитъ, чтобы не разгласить объ этомъ всюду, и это разглашеніе сопровождается самыми прискорбными послѣдствіями. Въ томъ кругу, куда проникла огласка, возникаетъ участіе къ обиженной сторонѣ и негодованіе на обидчика. Ободряемый участіемъ, обиженный утверждаетъ въ сознаніи своей правоты и не думаетъ мириться съ обидчикомъ. Послѣдній же, волнуемый негодо-

ваніемъ противъ него общества, начинаетъ еще больше ненавидѣть обиженнаго имъ. Размолвка между ними, сначала легкая, превращается во вражду, которая производитъ разрывъ между друзьями и раздоръ между домашними.

Ст. 10. Сокрушаетъ прещеніе сердце мудраго, безумный же биемъ не чувствуетъ ранъ.

Человѣкъ разумный понимаетъ свое человѣческое достоинство, ему присуще чувство чести,—въ неразумномъ оно утрачено. Поэтому, если разумный въ чемъ провинился, достаточно погрозить ему только на словахъ, и онъ почувствуетъ сердечное раскаяніе. Но неразумнаго не принимаютъ тѣлесные удары, — сколько его ни наказывай за проступокъ, сколько ни бей, онъ повторяетъ ихъ.

Ст. 11. Прекословія воздвижетъ всякъ злый, Господь же ангела немилостиваго послетъ на-нь.

Идетъ рѣчь о наказаніи ожесточенныхъ грѣшниковъ. Ожесточенный грѣшникъ не внимаетъ вразумленіямъ и обличеніямъ, всячески прекословитъ имъ, упорствуя въ злѣ. И Господь долго терпитъ ему, но наконецъ изливаетъ на него свой праведный гнѣвъ. Онъ посылаетъ на него *немилостиваго ангела*, т.-е. поступаетъ съ нимъ, какъ поступилъ съ ожесточеннымъ Фараономъ, котораго поразили жестокими казнями чрезъ своихъ *матыхъ ангеловъ* (Пс. 77, 49),—лютыхъ не по жестокосердію, которое несвойственно ихъ утвердившейся въ святости природѣ, а по ревности, съ какою они приводили въ исполненіе строгій судъ Божій надъ нечестивыми. Подобную лютость и безпощадность со стороны ревнителя славы Божіей ангела долженъ испытать рано или поздно *всякъ злый*,—всякій ожесточенный, всякій нераскаянный грѣшникъ.

Ст. 12. Впадетъ попеченіе мужу смысленну, безумніи же размышляютъ злая.

У человѣка здравомыслящаго забота (*попеченіе*) объ одномъ, какъ бы не сдѣлать зла, какъ бы не взять грѣха на душу; а глупый только о томъ и думаетъ (*размышляетъ*), чтобы

сдѣлать зло,—онъ не боится зла или грѣха, и въ самомъ помысленіи о немъ находить удовольствіе. Что можетъ быть безсмысленнѣе и безнравственнѣе сего?

Ст. 13. Иже воздаеть злая за благая, не подвижутся злая изъ дому его.

Если признакомъ возмутительной неблагодарности служить нарушеніе долга воздавать добромъ за добро, то несравненно возмутительнѣе платить за добро зломъ. За столь тяжкій грѣхъ грозитъ грѣшнику и тяжкое наказаніе: кара Божія постигнетъ не его только лично, но и *домъ* его, его дѣтей, обыкновенно подражающихъ отцамъ въ грѣхахъ.

Ст. 14. Власть даетъ словесемъ начало правды, предводительствуетъ (*предшествуетъ*) же скудости прѣ и брань.

Это трудное для разумѣнія изреченіе, повидимому, даетъ такой смыслъ: если нужно постоять за себя въ случаѣ обиды, если не желаешь дать себя въ обиду, то въ защиту свою говори одну правду, — пусть одна правда будетъ основаніемъ (*началомъ*) твоихъ словъ, и тогда слова твои приобретутъ *власть*, т.-е. безъ споровъ ты одержишь верхъ надъ противниками. Если же ты увлечешься въ защищеніи себя до сварливости и до брани, то не жди себѣ добра: сварливость и брань предшествуютъ (*предводительствуютъ*) *скудости*, — т.-е. доведутъ тебя до раззоренія, ибо сварливыхъ и бранчивыхъ никто не любитъ и помощи имъ въ нуждѣ никто не окажетъ.

Ст. 15. Иже судить праведнаго неправеднымъ (*какъ неправеднаго*), неправеднаго же праведнымъ (*какъ праведнаго*), нечистъ и мерзокъ у Господа.

Идетъ рѣчь о неправедныхъ судіяхъ. Ихъ неправосудіе въ оправданіи виновнаго и въ осужденіи невиннаго возбуждаетъ негодованіе въ людяхъ, тѣмъ паче въ Господѣ: оно въ очахъ Его есть мерзость, ибо соединяется съ кощунствомъ: кощунственно совершается во имя закона то, что дѣлается вопреки закону, съ поправленіемъ его.

Ст. 16. **Всюю бѣше имѣніе безумному? Стязати бо премудрости безсердый не можетъ.**

Мудрость есть благо, которое выше земныхъ сокровищъ. Поэтому мудрый не позавидуетъ богатому глущу. Ибо что пользы отъ огромныхъ сокровищъ, какими онъ обладаетъ по наслѣдству, когда ни за какія сокровища нельзя пріобрѣсти мудрость челоуѣку *безсердому*,—тому, кто не имѣетъ къ ней пріемлемости въ сердцѣ?

Иже высокъ творить свой домъ, ищетъ сокрушенія. Остроптваяй же учитися (*уклоняющийся отъ ученія*) **впадетъ въ злая.**

Не безопасно строить высокіе дома: въ случаѣ паденія съ высокой кровли легко разбиться и умереть. Небезопасно уклоняться отъ ученія, пренебрегать наставленіями, по надеждѣ, что можно прожить благополучно безъ ученія. Эта самонадѣянность сопровождается пагубными послѣдствіями: челоуѣкъ впадаетъ въ непоправимыя ошибки и низвергается въ бездну золь, изъ которой высвободиться не въ силахъ. Паденіе его съ высоты благополучія такъже пагубно, какъ паденіе съ высокаго дома.

Ст. 17. **На всякое время другъ да будетъ тебѣ, братія же въ нуждахъ полезни да будутъ.**

Друзей соединяетъ обыкновенно нравственная связь, которая часто бываетъ крѣпче кровнаго союза, соединяющаго родныхъ братьевъ. Посему хорошо пріобрѣсть друга, который останется вѣренъ *на всякое время*, въ благополучіи и въ несчастіи. Но въ случаѣ *нужды*,—стѣснительныхъ обстоятельствъ,—не слѣдуетъ требовать отъ друзей вещественной помощи,—достаточно въ этомъ случая пользоваться отъ нихъ только нравственною помощію въ силу нравственной связи съ ними,—а вещественной помощи лучше въ этомъ случаѣ ожидать отъ родныхъ братьевъ: пусть они будутъ полезны для насъ въ нуждахъ,—хотя, конечно, не слѣдуетъ пренебрегать услугами и друзей, если будутъ предложены.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

I.

МУДРЫЙ МИРОТВОРЕЦЪ.

(Прол. апр. 6. Слово о черноризцѣ, смирившемъ брата келліи ради).

Седьмая заповѣдь блаженства читается: *блаженни миротворцы, яко тѣи сынове Божіи нарекутся* (Мѣ. 5, 9). Что это значить? «То, что желающіе блаженства должны не только поступать со всѣми дружелюбно и не подавать причины къ несогласію, но и случившееся между другими несогласіе всевозможно прекращать и стараться враждующихъ между собою примирять, насколько имѣемъ возможность. Миротворцамъ, какъ видите, обѣщается благодатное имя сыновъ Божіихъ, и, безъ сомнѣнія, достойный сего имени степень блаженства, а слѣдовательно и высокая награда» (Катих.). Но и подвигъ миротворца не легокъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно, напримѣръ, возстановить прерванное дружество, соединить враговъ, угасить между ними взаимную злобу и ненависть! Тутъ со стороны миротворителя требуется горячая любовь къ ближнимъ, нерѣдко самопожертвованіе, мудрость змѣиная и опытность. А есть ли все это въ насъ? Если нѣтъ, то поучимся, какъ поступать въ дѣлахъ миротворенія у святыхъ Божіихъ.

Нѣкоторый инокъ-отшельникъ пришелъ на малое время въ одинъ изъ свитовъ, и здѣсь старецъ-скитянинъ, имѣвшій свободную келлію, пригласилъ въ нее пришельца на житье. Странникъ-монахъ поселился въ ней. Къ нему стали приходять многіе; одни приносили ему все необходимое, а другіе

искали бесѣды съ нимъ; пришлецъ всѣхъ съ любовію принималъ къ себѣ. Все это возбудило зависть въ старцѣ, хозяинѣ келліи, и онъ сталъ роптать. «Сколько лѣтъ я здѣсь живу, говорилъ онъ,—и никто ни разу не приходилъ ко мнѣ, а этотъ только что поселился и всѣ спѣшать къ нему». Затѣмъ сказалъ своему ученику: «поди скажи ему, чтобы выходилъ изъ келліи, она мнѣ самому нужна». Ученикъ пошелъ, но вмѣсто повелѣннаго сказалъ: «отецъ мой прислалъ меня спросить о твоёмъ здоровьѣ». Монахъ принялъ это за правду и отвѣчалъ: «скажи отцу твоему, чтобы помолился обо мнѣ, я не совсѣмъ здоровъ». Пришелъ послушникъ къ своему старцу и тоже солгалъ: «монахъ велѣлъ сказать, что онъ нашелъ другую келлію и уходитъ отсюда». Прошло нѣсколько дней; пришлецъ не уходилъ. Старецъ-хозяинъ опять посылаетъ юнаго ученика сказать, что если скоро не уйдетъ, то онъ самъ придетъ и выгонитъ его жезломъ. Ученикъ опять употребилъ хитрость. «Старецъ мой, сказалъ онъ пришельцу,—услыхалъ, что ты сильно нездоровъ и прислалъ меня навѣстить тебя». Пришлецъ отвѣчалъ: «скажи твоему отцу, что по молитвамъ его я чувствую себя теперь хорошо». Воротился ученикъ къ своему учителю и опять употребилъ хитрость. «Монахъ, сказалъ онъ,—объявилъ мнѣ, что онъ черезъ недѣлю непременно уйдетъ». Прошла недѣля, гость все не уходилъ. Тогда старецъ-хозяинъ взялъ жезлъ и пошелъ выгонять его. Ученикъ на минуту остановилъ старца. «Отче, погоди немного, сказалъ онъ,—я сбѣгаю и посмотрю, нѣтъ ли кого у него, а то можетъ выйти соблазнъ». А самъ между тѣмъ, прибѣжавши къ пришельцу, говорить: «отецъ мой идетъ звать тебя къ себѣ и угостить». Услышавъ это, старецъ-гость вышелъ навстрѣчу своему хозяину, издали поклонился ему и воскликнулъ: «я не стою того, чтобы ты заходилъ за мною, я безъ зова приду къ тебѣ». Тутъ только старецъ понялъ благоразумную хитрость своего ученика, умилился душою, бросилъ жезлъ и поспѣшилъ привѣтствовать своего гостя,—на котораго за нѣсколько еще минутъ предъ этимъ сильно гнѣвался. По привѣтствіи, онъ ввелъ гостя къ себѣ и сталъ бесѣдовать съ

нимъ, какъ съ другомъ. Когда послѣдній ушелъ, онъ спросилъ ученика: «говорилъ ли ты ему что-нибудь изъ того, что я велѣлъ тебѣ?» Ученикъ отвѣчалъ: «нѣтъ». Старецъ обрадовался, понявъ, что злоба его на пришельца была наущеніемъ діавольскимъ и, падши къ ногамъ своего ученика, сказалъ: «отселѣ не я тебѣ отецъ, а ты мнѣ, и не ты мой ученикъ, а я твой; ибо ты своимъ благоразуміемъ спасъ и меня, и гостя».

Какой прекрасный примѣръ для подражанія, и какъ жаль, что въ настоящее время почти не видимъ такихъ людей, какъ мудрый ученикъ старца! Что нынѣ видимъ? Всюду желаніе подставить другъ другу ногу, поссорить одного съ другимъ, пустое недоразумѣніе между ближними раздуть въ непримиримую вражду и ненависть. Съ какимъ злорадствомъ, съ какимъ злоухищреніемъ, постоянно слышишь, передають одному, что сказалъ противъ него его недругъ,—и пожаръ все растеть и растеть, и всюду отъ этого видны распри, нестроенія, семейныя дѣлежи и тому подобное зло. Такъ ли должно поступать именующимъ себя послѣдователями Христа Спасителя? Тому ли Онъ насъ училъ? *Миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ*, говорилъ Онъ (Іоан. 14, 27). *Потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Іоан. 13, 35). А у насъ вездѣ ли миръ и любовь? Увы, ихъ у иныхъ и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Опомнимся же, братіе, и будемъ непрестанно помнить, что всѣ мы—дѣти `одного Отца небеснаго и, слѣдовательно, братья; что жизнь наша здѣсь есть училище любви; что любовь къ ближнимъ есть основаніе всего закона христіанскаго и что общество христіанъ должно быть царствомъ ея. Да царствуетъ же она между нами и пусть знаютъ всѣ, что мы не на словахъ, а на дѣлѣ подлинно ученики нашего Спасителя. Аминь.

II.

КЪ ВОЛОСТНЫМЪ СУДЬЯМЪ.

(Прол. апр. 6. Слово святыхъ отецъ, еже не обидѣти вдовицъ и сиротъ).

Нѣкоторые изъ васъ, братіе, служатъ по выборамъ судьями въ волостныхъ конторахъ. Должность судьи, какъ вы, конечно, лучше меня знаете, должность трудная. На васъ лежитъ обязанность охранять миръ въ обществѣ и семьяхъ, оберегать честь ближнихъ и защищать слабыхъ отъ угнетенія сильныхъ, бѣдныхъ отъ насилій богатыхъ; отъ васъ же часто зависитъ и участь вдовъ и сиротъ; вы же должны возвращать заблудшихъ отцевъ семей на путь истинный, пьянство въ народѣ искоренять, лѣнивыхъ къ труду побуждать и другія разныя дѣла разбирать,—всего и не перечесть. Какъ вы отправляете эту свою многозаботливую службу, я не стану это разбирать, но, по долгу пастыря, скажу вамъ нѣчто вообще о должности судей, но скажу не отъ себя, а отъ ученія св. отецъ.

Что же они говорятъ о судейской должности?

«Слушайте, князи и судіи чловѣческіе! Не оправдывайте виновнаго мзды ради и не стыдитесь сильнаго лица. Избавьте обидимаго, чтобы и самимъ быть избавленными въ день страшнаго суда. Вдовъ и сиротъ не озлобляйте, чтобы не навлечь на себя гнѣва Божія. Ибо такъ говоритъ Господь: *всякія вдовы и сироты не озлобите. Аще же злобою озлобите я, и возстенавши возопіютъ ко Мнѣ, слухомъ услышу гласъ ихъ, и разнѣваюся яростію, и побію вы мечемъ. И будутъ жены ваша вдовы и чада ваша сироты* (Исх. 22, 22—24). А кто сверхъ сего помышляетъ о захватѣ имѣнія вдовъ и сиротъ, тотъ и еще мечь отъ Бога приметъ отъ Бога, Который, по псалмогѣвцу, есть Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ (Пс. 67, 6). Горе обижающему вдовъ! Лучше бы ему, еслибы онъ, зажегши свой домъ, вышелъ изъ него, нежели за воздыханіе вдовицъ быть ему вверженнымъ въ геенну ог-

венную. Поэтому безъ разсужденія не принимайте клеветы на вдовъ и сиротъ, и не будьте скоропоспѣшны къ принятію оговоровъ на нихъ и опасайтесь разставленныхъ предъ вами сѣтей діавольскихъ. Будьте, по писанію, сиротамъ помощниками, и благословятъ васъ уста вдовъ. Будьте сирымъ, какъ отцы (Сир. 4, 10) и въ попеченіи о вдовахъ замѣните имъ мѣсто мужей и будьте внимательны къ мольбамъ обидимыхъ. Помогать вдовамъ и сиротамъ и миловать и утѣшать печальныхъ есть великая добродѣтель предъ Богомъ. И лучше конечно приобрѣсти имя доброе съ благословеніемъ, нежели богатство многое съ проклятіемъ. Поставилъ ли тебя царь въ великій санъ, и къ тебѣ идутъ малые и великіе, славные и убогіе, честь тебѣ воздавая? Это хорошо и есть даръ Божій. Но тѣмъ болѣе посему остерегайся грѣха. То уже беззаконно будетъ, если ты отъ кого возьмешь взятку, чтобы осудить его соперника. Ибо проклятъ, сказано, всякій, судящій неправедно, и гнѣвъ Божій постоянно постигаетъ такихъ людей, и огонь поалитъ дома берущихъ мзду, и чада ихъ не проживутъ въ благополучіи ради нечестія и взятокъ отцовъ ихъ, которыя они брали неправедно. О, начальники неправедные и мздоимцы! Все, что вы собрали отъ вдовъ и сиротъ, то все послужитъ къ усиленію для васъ огня геенскаго. Итакъ, будьте осмотрительны и милостивы къ слабымъ, да и Богъ милостивъ будетъ къ вамъ».

Итакъ должность ваша есть не только многотрудная, и многозаботливая, но, какъ видите, она есть еще и грозно отвѣтственная предъ Богомъ. Поэтому и необходимо вамъ, при отправленіи ея, соблюдать правосудіе, нелицепріятіе и милость, и бѣгать порока корысти и мздоимства. Особенно же, какъ вы слышали, вамъ должно быть осмотрительными при разборѣ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны вдовы или сироты. Самъ Богъ, теперь знаете, именуется ихъ Отцемъ и Самъ становится отмстителемъ за нихъ судіямъ неправеднымъ. Какъ же должна быть страшна отвѣтственность за нихъ! Запомнили ли, какъ грозенъ гласъ Господень: «Слухомъ услышу вопль ихъ и разгнѣваюся яростію». И не только вѣдь грозитъ вамъ

гнѣвъ Господень, но и женамъ и дѣтямъ вашимъ, если вы судите неправедно. Убойтесь же страшнаго суда Божія и при разборѣ дѣлъ, порученныхъ вашему смотрѣнію, всегда помышляйте объ отвѣтственности предъ судомъ Божиимъ. Отъ этого помышленія явится въ сердцахъ вашихъ страхъ Божій, и вы никогда не соблазнитесь на какую бы то ни было корысть или неправду. Аминь.

III.

КАКОЕ ЗЛО ПРИЧИНЯЕТЪ ЧЕЛОВѢКУ ПЬЯНСТВО?

(Поученіе къ царемъ и княземъ, къ епископомъ и попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ, еже не уливатися. Прол. 7 апр.).

Кто предается пороку пьянства, тотъ большею частію забывается все окружающее его. Одно у него на умѣ, какъ бы гдѣ напиться, одно онъ назираетъ, какъ бы удовлетворить своей гнусной страсти тамъ, гдѣ пирове бывають (Притч. 23, 30). А между тѣмъ, еслибы онъ вполне созналъ, какое страшное зло онъ дѣлаетъ и себѣ самому, и семьѣ, и обществу, онъ непременно долженъ ужаснуться бы. Въ самомъ дѣлѣ: вредъ отъ пьянства, и пьяницамъ и чрезъ нихъ другимъ, едва вообразимъ. Гибель ждетъ пьяницъ, если не бросятъ своей страсти, неминуемая; положеніе ихъ ужасно.

«Пьянство, говорится въ поученіи изъ Пролога, — умъ омрачаетъ, тѣлесный организмъ разстраиваетъ, имущество расхищаетъ. Пьянство оставляетъ землю необработанною, свободныхъ дѣлаетъ рабами, заставляетъ входить въ неоплатные долги; искусныхъ мастеровъ дѣлаетъ неискусными, отнимаетъ у нихъ способность дѣлать то, чему они научены; подвергаетъ болѣзнямъ, наноситъ срамъ и безчестіе, отвергаетъ въ нищету, производитъ ссоры и тяжбы, разлучаетъ женъ отъ мужей, дѣтей рабами дѣлаетъ, отнимаетъ владѣніе у ногъ, причиняетъ дрожаніе рукамъ, портитъ зрѣніе. Пьянство останавливаетъ отъ хожденія въ церковь и не позволяетъ молиться Богу; отъ чтенія св. книгъ отвлекаетъ, отгоняетъ

отъ сердца страхъ Божій, предаеть смерти, посылаетъ въ огонь вѣчный. Пьянство губить красоту, вводитъ въ соблазнъ трезвыхъ. Кому горе? пьяницѣ. Кому молва? пьяницѣ. Кому судове? пьяницѣ. Кому горести и свары? пьяницѣ. Кому сокрушенія вотще, кому сини очи? пьяницѣ (Притч. 23, 29—30). Всякій пьяница отлучится отъ Бога и отъ людей и облечется въ раздранныя рубища... О горе! какъ спастись пьянымъ, лежащимъ какъ мертвымъ, и отъ Бога отбѣгшимъ пьянства ради, и отъ Духа Святаго отлучившимся смрада ради пьянственнаго! Они слова Божія не имѣютъ въ устахъ своихъ, о нихъ плачетъ ангель-хранитель и радуются бѣсы, которымъ пьяницы приносятъ жертву пьянственную».

Много, какъ видите, перечисляетъ здѣсь св. отецъ горькихъ плодовъ пьянства. Но скажите, положи руку на сердце, можно ли назвать лишнимъ хотя одно изъ словъ его? Увы, хотя и горькая, но прямая, положительная истина слышится въ каждомъ словѣ. Да и мало сего: мы думаемъ, что св. отецъ еще довольно сдержанно рисуетъ ужасную картину зла, истекающую изъ пьянства. Если съ нимъ встрѣтитесь лицомъ къ лицу, то что мы увидимъ? Тамъ цѣлая семья пущена пьяницею-отцемъ по міру и ходитъ голодная и холодная, разутая и раздѣтая; тамъ негодяй-пьяница наноситъ немилосердые побои своей женѣ; тамъ пьянство сдѣлало изъ человѣка вора и разбойника; тамъ другой смотритъ звѣрсмъ и нѣтъ на немъ образа человѣческаго; тамъ, слышимъ, пьяницы одинъ за другимъ кончаютъ самоубійствомъ. Что можетъ быть позорнѣе, непростительнѣе, ужаснѣе всего этого? Очнитесь же, пока есть время, вы, любящіе назирать, гдѣ пирове бываютъ, и привыкшіе упиваться виномъ. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша обяденіемъ и пьянствомъ, и найдетъ на вы внезапно день той* (Лук. 21. 34). Аминь.

IV.

ПОСТЪ ДУХОВНЫЙ.

(Слово о постѣ и о клеветѣ и о осужденіи. Прол. апр. 9).

Нѣкоторые изъ простецовъ-христіанъ думаютъ, что постъ долженъ состоять въ воздержаніи отъ пищи и питія, и только. Не ѣсть въ постъ рыбы, или не вкушать масла и вина—этимъ, по ихъ мнѣнію, и исчерпывается вся заповѣдь о постѣ. Но такъ ли? Нѣтъ. Поститься, правда, и тѣлесно должно, но съ воздержаніемъ тѣлеснымъ непремѣнно долженъ быть соединенъ и постъ духовный. Такъ учить и святая Церковь. «Постящися, говоритъ она, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовно».

Что же это за духовный постъ, и почему необходимъ онъ?

Св. отцы такъ опредѣляютъ его. «Если постишься, покажи отъ дѣлъ твоихъ. Какихъ? Видѣвъ ницаго, помилуй, съ врагомъ примиришь, человѣку, находящемуся въ счастіи, не завидуй, на жену сіяющую красотою, не гляди. Постись нелицемѣрно, постись и очами, и сердцемъ, и ушами, и руками и всѣми твоими членами... Руки воздержи отъ присвоенія того, что тебѣ не принадлежитъ, ноги отъ хожденія на игрища, слухъ удержи отъ слышанія оклеветанія и лжи, и пусть постятся и уста твои, воздерживаясь отъ осужденія» (Прол. апр. 9).

Таковъ, братіе, постъ духовный. Онъ намъ необходимъ, потому что безъ него постъ тѣлесный теряетъ всякое значеніе. «Что пользы, говоритъ бл. Иеронимъ, — истончевать тѣло воздержаніемъ, когда духъ гордостію распыхается? Какую похвалу получимъ за блѣдность отъ поста, когда мы блѣднѣемъ отъ зависти? Какая добродѣтель не пить вина, а гнѣвомъ и ненавистію упиваться?» (Посл. 14, том. 2). — «Ничтоже бо есть, говорится въ Прологѣ,—еже не ясти мясь или рыбь, снѣдати же плоти братій оклеветаніемъ» (Прол. апр. 9).

Итакъ, постящися тѣлеснѣ, постимся и духовно, т.-е. внѣшнія дѣйствія поста сообразимъ съ внутренними. Очищая тѣло

воздержаніемъ, очистимъ и умъ отъ помысловъ суетныхъ и сердце отъ желаній лукавыхъ. Умерщвляя тѣло постомъ, умертвимъ и страсти: гнѣвъ, похоть злую, жадность къ наживѣ и тому подобное зло. Украшая тѣло тѣлеснымъ постомъ, украсимъ и душу добродѣтелями: милосердіемъ, кротостію, смиреніемъ, съ врагами примиреніемъ, милостынею. Вотъ это и будетъ истинный постъ, и Богу пріятный и для насъ, слѣдовательно, спасительный. Аминь.

V.

ЧТО МЫ РАЗДАЕМЪ НИЩИМЪ, ТО ВОЗВРАЩАЕТЪ НАМЪ БОГЪ.

(Слово о Евагріи философѣ, егоже крести Синесій епископъ, и даде ему рукописаніе милостыни ради. Прол. апр. 11).

Слово Божіе говоритъ: *милуяй нища, взаимъ даетъ. Богови* (Притч. 19, 17). Отсюда слѣдуетъ, что чрезъ руки нищихъ мы вручаемъ добро свое Богу. Ясно, что и Самъ Онъ долженъ возратить нами розданное. Возратить же ли Онъ? И если возратить, то чѣмъ убѣдиться въ этомъ?

Выслушайте, братіе, слѣдующее повѣствованіе; можно думать, что оно будетъ убѣдительно для васъ.

Синесій, епископъ киринейскій, послѣ долгаго времени и многихъ увѣщаній, обратилъ ко Христу язычника, философа Евагрія и крестилъ его со всѣмъ домомъ его. Чрезъ годъ послѣ крещенія, Евагрій, какъ видно, все еще колебавшійся сомнѣніями въ нѣкоторыхъ истинахъ христіанскаго ученія, пришелъ однажды къ Синесію, вручилъ ему довольно большую сумму золота и сказалъ, чтобы Синесій все это роздалъ нищимъ, а ему бы далъ собственноручную росписку въ томъ, что Господь возратить ему розданное въ будущей жизни. Епископъ далъ Евагрію росписку, а золото нищимъ отдалъ. Послѣ этого Евагрій прожилъ нѣсколько лѣтъ и затѣмъ слегъ на смертный одръ. Передъ смертію онъ позвалъ своихъ дѣтей и, отдавая имъ росписку Синесія, завѣщаль, чтобы они положили ее съ нимъ въ гробъ. Дѣти обѣщали исполнить

завѣщаніе, и когда Евагрій скончался, они положили съ нимъ росписку Синесія. Прошло два дня, какъ былъ погребенъ Евагрій, и вотъ на третій день онъ является во снѣ Синесію и говорятъ: «приди на мой гробъ и возьми свою росписку; долгъ свой, какъ ты меня увѣрялъ, я получилъ и теперь, въ удостовѣреніе съ своей стороны, оставляю тебѣ собственноручную росписку въ полученіи». Проснувшись, Синесій позвалъ сыновей Евагрія и спросилъ ихъ, не положили ли они чего въ гробъ съ покойникомъ — отцемъ ихъ? Они отвѣчали: «ничего, владыко, не положили кромѣ одной какой-то хартіи, которую отецъ просилъ положить съ нимъ». Тогда Синесій, рассказавши имъ свой сонъ, пригласилъ нѣкоторыхъ изъ клира и многихъ изъ благородныхъ лицъ города и пошелъ съ ними ко гробу Евагрія. Когда гробъ открыли, то у умершаго Евагрія нашли въ рукахъ писаніе, и когда раскрыли его, увидали, что въ немъ рукою умершаго написано было слѣдующее: «я Евагрій, философъ, тебя, преподобнаго епископа Синесія, привѣтствую. Получилъ я долгъ, который чрезъ тебя далъ Христу Богу Спасителю, и теперь уже болѣе не потребую отъ тебя никакого отчета въ золотѣ, которое нѣкогда далъ тебѣ и чрезъ тебя Христу Богу, Спасителю нашему». И абіе, заключаетъ повѣствованіе, — «все зѣло удивишася о преславномъ чудеси, и прославиша Бога, вопіюще на многъ часъ: Господи помилуй».

Не бойтесь же, братіе, за Богомъ ваше не пропадетъ. Онъ, дающій сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ пищу, конечно съ избыткомъ возвратитъ посѣянное вами и умножитъ плоды правды вашей. Да и Онъ ли не возвратитъ, когда въ рукахъ Его богатство и слава всего міра, когда Онъ Самъ весь любовь и милость, и когда Самъ говоритъ, что розданное ничимъ становится отданнымъ Ему? «Взалкахся бо и дасте Ми ясти; возжадахся и напоисте Мя; страненъ бѣхъ и введосте Мене; нагъ и одѣясте Мя; боленъ и посѣтитесте Мене; въ темницѣ бѣхъ и прийдосте ко Мнѣ» (Мѡ. 25, 35—36). «Понеже сотвористе единому сихъ, братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе» (ст. 40). Отверземъ же слухъ нашъ къ

просьбамъ убогихъ, раскроемъ руки къ снабженію нищихъ, особенно тѣхъ, про которыхъ мы знаемъ, что они истинные нищіе, а не промышляютъ нищенствомъ, и отремъ слезы плачущихъ. А вмѣстѣ и сейчасъ сказанное Господомъ будемъ помнить, т.-е. что то, что получаетъ отъ насъ нищій на землѣ, то приемлетъ самъ Христосъ на небесахъ. Аминь.

VI.

Б Е З П Л О Д Н О Е Р А С К А Я Н І Е .

(Слово св. Ефрема о судѣ и покаяніи. Прол. апр. 11).

Изъ притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ мы между прочимъ узнаемъ ту великую истину, что послѣ смерти покаянія нѣтъ. «Отче Аврааме, вопіяль богатый изъ ада,—помилуй мя и послѣ Лазаря, да омочить конецъ перста своего въ водѣ и устудить языкъ мой, яко стражду во пламени семь» (Лук. 16, 24). Но что отвѣчалъ ему Авраамъ? «Чадо, помяни, яко восприялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая; нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеша. И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюда къ намъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ переходятъ» (ст. 25—26). Обратился было богатый и съ другою просьбою къ Аврааму, именно, чтобы Лазарь посланъ былъ къ братьямъ его сказать, чтобы добродѣтельно жили; но и эта просьба не была уважена. Казалось бы, братія, это ученіе Спасителя о посмертной участи безпечныхъ грѣшниковъ мы непрестанно должны имѣть въ умѣ и содержать въ сердцѣ и располагать, на основаніи его, жизнь нашу по закону Божию. Но къ сожалѣнію до ученія Спасителя намъ какъ будто и дѣла нѣтъ, и мы вопреки предостереженію Его живемъ такъ, какъ будто и Бога нѣтъ, и будущей жизни нѣтъ, и ничего нѣтъ, не было и не будетъ. Что же, неужели вы думаете—все это даромъ пройдетъ намъ? Никакъ. Повѣрьте, что и мы всѣ,

если не исправимся, непременно также нѣкогда будемъ вопіять, какъ и богатый во адѣ. И вотъ послушайте, какъ воспроизводитъ одинъ изъ св. отцевъ вопль грѣшника по смерти: «Ничто, говоритъ св. Ефремъ Сиринь,—не поможетъ намъ въ страшный день суда. Каждый съ бременемъ своихъ грѣховъ предстанеть и будетъ ждать праведнаго осужденія. Никто другъ за друга не отвѣтитъ и каждый самъ долженъ будетъ дать отвѣтъ за себя. О, убогій человѣкъ, когда праведные возрадуются и получаютъ отъ Бога вѣчное царство, славу и вѣнцы, много тогда начнешь скорбѣть и сѣтовать! О, грѣшникъ, горько всплачешь тогда и съ воплемъ будешь говорить: «горе мнѣ скверному, не сбросившему съ себя въ время бремя грѣховное. Еслибы сбросилъ, теперь бы насытился небесныхъ благъ и съ ангелами пребывалъ. О злого вѣка сего маловременная прелесть! За грѣховное наслажденіе въ вѣчную осуждаюсь муку и за плотскую похоть вѣчному огню предаюсь. Праведенъ судъ Божій: и я званъ былъ и не слушалъ, былъ учимъ и не внималъ. Говорили мнѣ, что за грѣхи меня ожидаетъ вѣчная мука и горькое раскаяніе; но я о томъ не радѣлъ и тому не вѣрилъ. О, сколько времени погубилъ я окаянный въ небреженіи и лѣности и какъ это прельстилъ меня суетный этотъ міръ? Вѣдь видѣлъ же я и трудившихся ради Бога и постившихся и надѣлявшихъ вдовъ и сиротъ; но на все это не обращалъ вниманія. Слышалъ чтеніе божественныхъ книгъ и не внималъ чтому и надъ читавшими смѣялся. Горе же мнѣ, что не слушалъ учившихъ меня, и вотъ теперь горько, съ воплемъ плачу, но не услышитъ меня Богъ. Горе мнѣ, ибо я самъ себя погубилъ и самъ наругался надъ собою. Лучше бы мнѣ было, когда я въ тѣлѣ былъ, и трудиться и поститься и плакать, нежели обрѣстись теперь въ семъ мѣстѣ мученія. И что же помогли мнѣ богатство и слава міра? Не остались ли они позади меня? Самъ же я погибаю, въ лютыя муки осужденный».

Увы, братія, скажемъ мы послѣ св. отца, позднее раскаяніе бесплодно! Пропастъ великая тамъ между праведными и грѣшными утвердилась и одни къ другимъ не переходятъ. И что если

эта страна вѣчнаго мрака, вѣчной смерти откроется и предъ нами внезапно, и насъ судъ Божій застанетъ неготовыми къ нему? Достанетъ ли у насъ столько слезъ, чтобы оплакать свою слѣпоту и заблужденіе, по которымъ мы не хотѣли или не умѣли пользоваться дарованнымъ отъ Бога временемъ? Чтобы избѣгнуть этихъ горькихъ и бесполезныхъ слезъ, будемъ непрестанно помнить, что жизнь наша кратка и внезапно можетъ прерваться, что судъ Божій при дверехъ, что послѣ смерти покаянiя уже нѣтъ, и что посему должно обогащать себя тѣмъ, что пойдетъ съ нами въ вѣчность, т.-е. дѣлами добрыми, что тотъ—ужасный врагъ самому себѣ, кто живетъ такъ, какъ будтобы ему и умирать никогда не надобно. Аминь.

Свящ. В. Гурьевъ.

ДОНЕСЕНІЕ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ.

Сего ноября 26 дня мнѣ преосвященный Аѳанасій епископъ дмитровскій, викарій московскій, представилъ, что, какъ донесъ ему дома его экономя іеромонахъ Иннокентій, Тверской части полицейскій чиновникъ Николай Васильевъ Галецкій объявилъ ему, экономя, что домъ, принадлежащій викарному архіерею, назначено оцѣнить. А какъ для бытія при той оцѣнкѣ съ духовной стороны депутата не назначено, то по сему случаю экономя испрашивалъ отъ него преосвященнаго разрѣшенія: можно ли имѣющихъ прибыть въ назначенное время цѣновщиковъ безъ депутата съ духовной стороны, допустить къ выполнению сего?

Преосвященный викарій, не рѣшась самъ собою дать согласія на такую оцѣнку безъ бытія при семъ депутата съ духовной стороны, представилъ сіе на мое разсмотрѣніе и разрѣшеніе.

Вслѣдствіе сего консисторія, выслушавъ учиненную изъ законовъ выписку, положила мнѣніемъ: о прописанномъ требованіи со стороны полиціи въ разсужденіи оцѣнки принадлежащихъ духовному вѣдомству мѣстъ, на основаніи указа 1818 года ноября 24 дня, представить св. правит. Синоду отъ лица моего доношеніемъ съ испрашиваніемъ въ разрѣшеніе указаго предписанія.

Исполняя сіе, долгомъ поставилъ я представить на усмотрѣніе св. Синоду слѣдующее:

Въ именномъ Высочайшемъ указѣ отъ 30 іюня 1821 года пунктомъ первымъ постановлено: «освободить отъ постоя, поземельнаго сбора и другихъ городскихъ повинностей дома священно-и церковнослужителей, въ которыхъ они сами жительствуютъ, хотя бы дома сіи состояли изъ разнаго жилаго строенія или флигелей, но составляли только одинъ дворъ и числились подъ однимъ номеромъ, и несмотря на то, что часть покоевъ, или нѣкоторые изъ флигелей отдаются въ наемъ и приносятъ особый доходъ.

Высочайше утвержденнаго въ 13 день апрѣля сего 1823 г. положенія о доходахъ и расходахъ Московской столицы въ § 7 подъ буквою 2 изображено: лавки, палатки, анбары, цирюльни и самыя дома при разныхъ церковныхъ зданіяхъ устрояемыя и духовнымъ вѣдомствомъ въ наймы отдаваемыя (цѣнятся) по 15%.

Изъ сличенія сихъ узаконеній явствуетъ, что послѣднее изъ нихъ должно относиться только до тѣхъ лавокъ и домовъ духовнаго вѣдомства, которые состоятъ отдѣльно отъ домовъ, самими духовными занимаемыхъ, и подъ другимъ номеромъ. Но гражданское начальство, какъ видно изъ вышеписаннаго требованія, намѣрено подвергнуть оцѣнкѣ и платежу процентныхъ денегъ и тѣ зданія духовнаго вѣдомства, которыя состоятъ въ соединеніи и подъ однимъ номеромъ съ домами, въ которыхъ сами духовные жительствоуютъ.

Изъ сего по необходимости произойдутъ слѣдующія послѣдствія:

1) Одно московское духовенство лишено будетъ преимущества, Высочайше дарованнаго всему духовенству російскому.

2) Если будутъ оцѣниваемы части домовъ, отдаваемыя духовными въ наймы: то въ оцѣнкѣ должны послѣдовать крайнія затрудненія, ибо бѣднѣйшіе изъ нихъ нерѣдко и одну комнату раздѣляютъ пополамъ перегородкою, и половину отдаютъ жильцамъ; а нѣкоторыми частями дома, какъ-то кухню, погребомъ, сараемъ пользуются нераздѣльно съ жильцами.

3) При семъ распространеніи оцѣнки, отъ того обстоятельства, что она производится безъ депутата съ духовной стороны, должно опасаться новыхъ затрудненій, какъ напри- мѣръ, что въ числѣ лавокъ и свѣчныя будутъ оцѣниваемы и подвергаемы налогу, который такимъ образомъ былъ бы взимаемъ непосредственно съ собственности церковной, которая притомъ составляетъ отрасль государственнаго дохода на классныя оклады духовенству и на содержаніе духовныхъ училищъ.

4) Извѣстно, что служащіе въ бѣломъ духовествѣ московскомъ, при вступленіи на мѣста, приобрѣтаютъ дома обыкновенно въ долгъ, и потомъ стѣсняють себя въ жительствѣ, чтобы при ограниченнхъ большею частію доходахъ отъ мѣстъ, очищать себя отъ долговъ чрезъ доходы съ жильцовъ; но какъ отдаваемыя комнаты нерѣдко безъ жильцовъ

остаются, то и небольшой процентный налогъ не иначе, какъ съ тягостію и затрудненіемъ можетъ быть уплачиваемъ изъ бѣднаго причетническаго дохода, обремененнаго долгомъ причетника.

5) Самыя мѣста духовныя, пользующіяся штатными окладами, по ограниченности сихъ окладовъ, для удовлетворенія церковнымъ, ризничнымъ и домовымъ потребностямъ, самую крайностію вынуждаются домогаться доходовъ отъ зданій; и при сихъ доходахъ нерѣдко бывають въ долгахъ (какъ и домъ московскаго викарія, по случаю исправленія зданій подворья, состоитъ должнымъ; между тѣмъ какъ Саввинъ монастырь, которому принадлежитъ сіе подворье, требуетъ большихъ суммъ на исправленіе тамошнихъ ветхостей), а потому и сіи самыя мѣста заслуживають сохраненія въ ихъ пользу Высочайшей милости, дарованной всему духовенству въ 1821 году.

Все сіе убѣждаетъ меня низжайше просить св. Синодъ, дабы благоволено было о подтвержденіи вышеприведеннаго узаконенія 1821 года во всей его силѣ въ пользу московскаго духовенства (*наравнѣ съ прочимъ російскимъ духовенствомъ*) учинить милостивое благоразсмотрѣніе.

3 декабря 1823.

Моск. духовная консисторія въ силу резолюціи его высокопреосвященства, данной отъ 26 января 1824 года на указъ св. Синода, предписала дух. правленіямъ и благочиннымъ, для извѣстія и всему духовенству Моск. епархіи, о томъ, чтобы принадлежація архіерейскимъ домамъ и монастырямъ подворья, также строенія и дома священно-и церковнослужителей отдаваемые въ наймы, не были вводимы въ общую оцѣнку недвижимыхъ собственности для взиманія въ городскіе доходы процентнаго сбора.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1853, окт. 3. «Изъ метрической и обыскной книгъ Сергіевскаго посада Рождественской церкви открывається, что 3 іюня сего года въ сей церкви совершенъ бракъ англійскаго подданнаго Василя Фокса съ дочерью Николо-кузнецакаго (въ *Москвѣ*) пономаря, слѣдственно чужеприходный. Пономарь Ильинскій (*посадской церкви*), принадлежа по закону къ числу производящихъ обыскъ, сдѣлался и свидѣтелемъ (*приложилъ руку къ сему обыску*). Консисторіи, вникнувъ во всё обстоятельство сего брака, священника допросить и съ допросомъ представить».

Нояб. 10. «Священникъ Наумовъ оказывается виновнымъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) обвѣнчалъ бракъ чужеприходный: ибо женихъ — житель Тульской губерніи, а невѣста—жительница Москвы. Что женихъ за два дня до брака присоединенъ къ православной Церкви, сіе не давало священнику права вѣнчать его: ибо при неизвѣстности жениха и невѣсты въ семь приходѣ, публикаціи не могли быть дѣйствительны; а что дочь московскаго дьячка прибѣжала вѣнчаться въ посадъ, сіе давало сильное подозрѣніе, что бѣжить для скрытія незаконности. 2) Обвѣнчалъ бракъ при несовершеннолѣтіи невѣсты. 3) Принялъ въ дѣло подложный документъ, въ которомъ годъ рожденія невѣсты явно переправленъ. 4) Въмѣсто свидѣтельства приходскаго духовнаго отца невѣсты, который по исповѣднымъ книгамъ знаетъ, что она дѣвица, и какихъ она лѣтъ, принялъ свидѣтельство іеромонаха, который не можетъ знать ни того, ни другаго. Сей документъ ясно показывалъ, что дѣло дѣлается скрытно отъ приходскаго священника, который обличилъ бы несовершеннолѣтіе. Къ сему приеѣмлется въ соображеніе, 5) что священникъ и прежде подлежалъ взысканію за вторженіе въ чужой приходъ. Посему учинить слѣдующее: 1) консисторія дѣло разсмотрѣть, и постановить законное опредѣленіе. 2) Какъ священника поименованнаго къ незаконнымъ дѣйствіямъ небезопасно оставить въ Посадѣ, гдѣ большой приливъ народа

подаеть случай и къ подобнымъ дѣйствіямъ: то перевестъ его Броницкой округи въ село Амирево, и тамъ на годъ отдать подъ особый надзоръ благочиннаго, съ донесеніемъ по третямъ года, воздержится ли онъ отъ незаконныхъ поступковъ. 3) Свидѣтельство іеромонаха Мардарія отослать въ Учрежденный соборъ для разсмотрѣнія, подлинно ли оно дано іеромонахомъ Мардаріемъ, подлинная ли подъ нимъ лаврская печать и, если подлинная, почему онъ ее употребилъ и какъ досталь, не имѣя на то права, и для представленія мнѣ о послѣдующемъ».

Дек. 9. «Къ свидѣтельству, которое не отъ собора дано, а отъ духовника, не было законнаго основанія приложить печать. Оффиціальнаго исповѣднаго свидѣтельства невѣста должна была просить у приходскаго священника, который знаетъ по церковнымъ документамъ, точно ли она дѣвица и совершеннолѣтняя ли. И мудрено ли было дьячковской дочери получить свидѣтельство отъ своего приходскаго священника? Посему можно было догадаться, что свидѣтельство просятъ для незаконной цѣли, какъ и дѣйствительно оказалось. Свидѣтельства мимо законнаго порядка домогались, чтобы скрыть несовершеннолѣтіе невѣсты. Свидѣтельство іеромонаха съ печатью собора и помогло Рождественскому священнику совершить несовершеннолѣтній бракъ. Посему запрещается прилагать лаврскую печать къ свидѣтельствамъ духовниковъ а)».

Консисторія между прочимъ опредѣлила: «Хотя отставной рядовой Θεодосій Яковлевъ Якшунувъ просить выдать ему метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи (въ 1820 г.) сына его Петра: но поелику 1426 статьею IX тома Свода Законовъ (изд. 1842 г.) метрическія свидѣтельства велѣно выдавать лицамъ свободнаго состоянія, а сынъ рядоваго Якшунова Петръ состоитъ въ военномъ вѣдомствѣ: то, не выдавая ему метрическаго свидѣтельства, съ прописаніемъ справки и сего заключенія сообщить въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора, при чемъ возвратитъ и указъ (присланный изъ оной канцеляріи) объ отставкѣ рядоваго Якшунова».—Резолюція отъ 11 іюня 1856 года: «1) Первый и второй пункты исполнить. 2) Консисторія узко заключаетъ такъ: Петръ состоитъ въ военномъ вѣдомствѣ; слѣдственно

а) Заведена особая печать съ надписью: „Печать духовника“.

онъ несвободнаго состоянія. Съ симъ одинаково было бы слѣдующее умозаключеніе: такой-то генераль состоитъ въ военномъ вѣдомствѣ; слѣдственно онъ несвободнаго состоянія. Если послѣднее невѣрно, то и первое. Поступить по точному разуму закона».

1858, окт. 15. «Діаконъ (села *Новлянскаго*) незаконно самъ себя поставилъ надзирателемъ пѣвчихъ, и незаконно вошелъ прошеніемъ къ гражданскому начальству по дѣлу церковному, мимо своего начальства (*обратился съ прошеніемъ въ Бронницкій земскій судъ, съ требованіемъ свѣдѣній о пѣвчихъ села Давыдова, для доставленія директору придворной пѣвческой капеллы*). За сіе положить ему въ каѳедральномъ соборѣ сорокъ поклоновъ. 2) Поручить благочинному спросить священника, дѣйствительно ли употребляютъ такое (*непримичное*) пѣніе, о какомъ пишетъ діаконъ, и, если показаніемъ священника не довольно объяснится дѣло, сдѣлать дознаніе и представить».

1828, дек. 24. «Хотя городничій (*Верейскій*) точно поступилъ неправильно, производя слѣдствіе по дѣлу, которое духовнаго суда: но пономарь (*села Спасскаго, Запляржское тожъ, взятый въ полицію*) пьяница и буянъ не стоитъ того, чтобы за него входить въ состязаніе, тѣмъ паче, что духовныя лица—депутатъ и увѣщатель участвовали въ производствѣ дѣла вмѣсто того, чтобы требовать обращенія онаго на законный путь. За сіе увѣщателю священнику Скобѣеву, который притомъ и медицинскій осмотръ (*крестьянина, которому пономарь причинилъ побои*) подписалъ не встати, какъ будто врачъ осматривалъ по его увѣщанію, сдѣлать въ Духовномъ правленіи выговоръ; а депутата діакона (*градскаго*), который въ незаконномъ производствѣ дѣла принялъ участіе и начальству о томъ не донесъ, отрѣшить отъ должности депутата. Второй пунктъ (*опредѣленія Консисторіи о порученіи дух. правленію законнымъ образомъ разсмотрѣть доставленное городничимъ слѣдствіе, по которому отвѣтчикъ обличается въ пьянство и дракъ съ крестьяниномъ*) утверждается».

1834, авг. 22. «Рѣшеніе (*консисторіи о посылкѣ пономаря въ труды монастырскіе на два мѣсяца*) исполнить. Притомъ замѣчается консисторіи, что не слѣдовало между осно-

ваніями рѣшенія полагать и то, что пономарь въ резолюціи моей признавъ пьяницею и буянномъ. Резолюція писана по документамъ дѣла, еще не оконченнаго: могло случиться, что окончаніе слѣдствія представило бы пономаря не такъ въ худомъ видѣ, и тогда долгъ справедливости обязывалъ бы консисторію представить мнѣ о снятіи съ него нареканія. А когда слѣдствіемъ доказано его пьянство и буянство: то консисторіи должно основать рѣшеніе на слѣдствіи (*произведено дух. правленіемъ*), а не на моихъ словахъ, сказанныхъ по тому виду дѣла, какой оно имѣло еще въ срединѣ».

Въ Перервинскомъ монастырѣ, гдѣ находится дух. училище, на всенощномъ бдѣніи, 29 мая 1846 г., неизвѣстная крестьянка, стоявшая въ Николаевской церкви позади и одержимая, вѣроятно, бѣснованіемъ, взмахнувъ руками передъ самымъ чтеніемъ Евангелія, вскрикнула дикимъ голосомъ и упала. Это привело учениковъ въ сильный испугъ: большая часть изъ нихъ вдругъ закричали какимъ-то смущеннымъ и отчаяннымъ голосомъ; многіе попадали на полъ, отчего произошло почти всеобщее смятеніе; иные изъ предстоящихъ выбѣжали изъ церкви вонъ. А больная крестьянка, вынесенная въ паперть, нѣсколько времени стучала судорожно руками и ногами по деревянному полу, и этотъ стукъ слышался въ церкви. Потомъ все, казалось, стихло. Богослуженіе продолжалось. Постѣ канона, во время пѣнія хвалитныхъ стихирь, слышался голосъ больной женщины, хотя уже не было ея въ церкви, и тотъ же испугъ и крикъ повторился съ учениками, и также нѣкоторые изъ нихъ, особенно малолѣтніе, попадали, вслѣдствіе чего тогда же велѣно было имъ всѣмъ уйти изъ церкви. Владыка на рапортѣ о томъ перервинскаго игумена Пармена написалъ, 11 июня: «Хорошо было бы потрясенныя нечаянностію и страхомъ души дѣтей успокоить и укрѣпить духовнымъ пособіемъ, какъ-то, совершить освященіе воды, и окропить ихъ или дать пить имъ оную, или же по нѣкоторомъ приготовленіи приобщить ихъ св. Таинъ. Игумену и ректору вникнуть въ настоящее состояніе дѣтей и совѣщаться о приобщеніи ихъ св. таинъ въ теченіи сего поста. Требую свѣдѣнія о послѣдующемъ».

1837, іюня 2. «На сборщикѣ (*назвался по выходѣ изъ трактира послушникомъ*) черный армякъ, а не полукафтанье

послушника. Поступилъ онъ неприлично и противузаконно: впрочемъ заслуживаетъ снисхожденіе, потому что есть свидѣтельство о добромъ его поведеніи уважительное. Возвратить ему дарохранильницу (*купленную для сельской церкви*) и книгу съ обязательствомъ, чтобы съ дарохранильницею сбора не дѣлалъ, и за минованіемъ даннаго ему на сборъ времени въ Москвѣ, возвратился въ свое мѣсто (*въ Костромскую губ.*)».

1840, нояб. 27. «Какъ проситель (*послушникъ*) объявляетъ себя неспособнымъ продолжать монастырскую жизнь, и просить исключить его изъ моск. епархіальнаго вѣдомства: то 1) согласно съ его желаніемъ исключить его изъ монастыря и изъ моск. епархіальнаго вѣдомства. 2) Затѣмъ его, и упоминаемое въ семъ прошеніи увольненіе въ монашество, препроводить въ Губернское Правленіе на законное разсмотрѣніе, слѣдуетъ ли увольненіе выдать ему, въ монашество не желающему, или возвратить въ общество (*московское цеховое*), отъ котораго дано».

Сообщ. Архим. Григорій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О БРОШЮРАХЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ОСОБЕННО ВЪ СРЕДѢ НАРОДА.

Цѣль изданія ихъ дать православнымъ русскимъ людямъ, и преимущественно изъ простаго званія, посильное пособіе къ уразумѣнію ученія вѣры и благочестія, проповѣдуемаго православною Церковію, и показать, что внѣ ея нѣтъ спасенія. Задача этихъ книжекъ такимъ образомъ та же, что и задача церковно-приходскихъ школъ и внѣ-богослужебныхъ церковныхъ собесѣдованій. Изъ всего круга ученія св. Церкви, каждая книжка должна касаться одного какого-либо предмета и говорить о немъ просто и доступно, подробно и по возможности обстоятельно. Предметами же содержанія этихъ книжекъ имѣютъ быть: 1) Избранныя мѣста изъ Св. Писанія, преимущественно изъ Псалтири и другихъ учительныхъ и историческихъ книгъ, на церковно-славянскомъ языкѣ съ краткими правоучительными объясненіями. 2) Избранныя мѣста изъ твореній св. отцевъ и учителей Церкви съ краткими жизнеописательными предисловіями. 3) Объясненіе богослуженія православной Церкви, преимущественно свят. таинствъ и тѣхъ изъ обрядовъ, которые особенно употребительны и малоизвѣстны въ своемъ значеніи, и 4) житія св. угодниковъ Божіихъ преимущественно чтимыхъ въ средѣ народа, изложенныя по четы-минейному тексту, съ правоучительными уроками. Руководительнымъ началомъ въ выборѣ и распорядкѣ этихъ предметовъ должно быть постепенное выясненіе основныхъ истинъ Символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей. Въ каждой книжкѣ, украшенной въ заглавной заставкѣ своей (взятой изъ древне-славянскаго Евангелія) словами св. ап. Павла изъ 1 Тим. 3, 15, предполагается имѣть рисунокъ, соответствующій ея содержанію. Размѣръ книжекъ—отъ 16 до 32 страницъ въ 8 д. л.; цѣна отъ 2 до 5 коп.

НАПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

- 1) Жизнь преп. Маріи Египетской, ц. 3 к., за 100 экз. 2 р. 25 к.
- 2) Слово о Сырной седмицѣ святителя Тихона Воронежскаго, съ краткимъ жизнеописаніемъ его, ц. таже.
- 3) Житіе и страданіе священномученика Власія и иже съ нимъ пострадавшихъ, ц. таже.
- 4) О крестномъ знаменіи; ц. 4 к., за 100 экз. 3 р.
- 5) Псалтирь св. царя и пророка Давида; ц. та же, какъ и о Крестномъ знаменіи.

Приготавливаются къ печати и другія подобныя брошюры.

Складъ изданія въ Москвѣ, на Саввинскомъ подворьѣ, на Тверской улицѣ, въ канцеляріи преосвященнѣйшаго Александра, епископа Можайскаго. Тутъ же продается книжка: „Саввино-Сторожевскій монастырь въ 17 число іюля“.

УКАЗАТЕЛИ КЪ СЛОВАМЪ И РѢЧАМЪ

ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Цѣна 40 к., съ пересылкою 50 к.

Складъ изданія: Москва, Срѣтенскія ворота, домъ церкви Успенія въ Печатникахъ, квартира священника Богоявленскаго. Тамъ же можно получить „Слова и Рѣчи митрополита Филарета“, цѣна за пять томовъ 7 р., вѣсовыхъ за 7 фунтовъ.

Для того, чтобы съ удобствомъ пользоваться проповѣдями приснопамятнаго Святителя, не достаточно имѣть предъ глазами оглавленіе ихъ. Нуженъ болѣе или менѣе подробный указатель, и чѣмъ подробнѣе онъ будетъ, тѣмъ болѣе пользы онъ принесетъ. Желая по мѣрѣ умѣнія послужить пользѣ читателей и чтителей Словъ и Рѣчей приснопамятнаго проповѣдника, предлагаемъ вниманію читающихъ составленные нами три указателя.

I. Указатель содержанія Словъ и Рѣчей, кратко по возможности вездѣ словами проповѣдника, находимыми въ надписаніяхъ словъ, или въ оглавленіяхъ изданія 1848 года, или же взятыми изъ самыхъ проповѣдей, обозначающій содержаніе ихъ.

II. Указатель мѣстъ Священнаго Писанія, написанныхъ надъ проповѣдями.

III. Указатель всѣхъ мѣстъ Священнаго Писанія, приводимыхъ въ проповѣдяхъ.

ВЫШЕЛЪ 4-й ТОМЪ

БЕСѢДЪ И ПОУЧЕНІЙ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

(Съ поученіями, направленными противъ графа Л. Толстаго).

Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Въ продажѣ имѣются 1-й (1884), 2-й (1885) и 3-й (1886) томы „БЕСѢДЪ и ПОУЧЕНІЙ“ его высопреосвященства; каждый томъ по 2 руб. Съ требованіями на книги можно обращаться въ ОДЕССУ, въ канцелярію Архіепископа.

О ЧЕРКЪ ИСТОРИИ СОЛОВЕЦКАГО МЯТЕЖА.

ИЗЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА.

Соловецкій мятежь есть событіе безпримѣрное въ исторіи русской Церкви и государства. Еще не было, да и не будетъ, вѣроятно, у насъ того, чтобы монахи вооруженною рукою отстаивали свои религіозные обряды. Это тѣмъ болѣе странно, что не въ духѣ русскаго народа сопротивляться законной власти «помазанника Божія». Однако случилось именно то, чего нельзя было ожидать. Причиною мятежа былъ расколъ, корень котораго скрывался въ религіозномъ высокомѣрїи. Въ Россїи ко второй половинѣ XVII вѣка сложилось столь высокое понятіе о русскомъ православїи, что для многихъ оно казалось единственнымъ во всемъ мірѣ. Всѣ неправославныя христіанскія вѣроисповѣданія казались русскимъ немногимъ лучше язычества. Особенно не любили они латинства. Римская ересь, по ихъ мнѣнію, заключала въ себѣ всѣ когда-либо бывшія ереси въ христіанствѣ. Съ Рима началъ свои завоеванія въ мірѣ освобожденный отъ адскихъ узъ сатана. Не совсѣмъ безукоризненными казались русскимъ и вѣрованія просвѣтителей ихъ—Грековъ. Многіе изъ русскихъ уже къ началу XVI вѣка смотрѣли на нихъ, какъ на пошатнувшихся къ Риму, откуда вѣяло духомъ антихриста. Первымъ поводомъ къ такому воззрѣнію была греко-римская унія ^{а)}.

а) Извѣстно, что еще въ 1441 г. митрополитъ Исидоръ, согласившійся на эту унію, былъ заключенъ въ тюрьму и бѣжалъ изъ Россїи.

Съ того времени, подь вліяніемъ отчасти невысокаго мнѣнія о православіи грековъ, русскіе стали понемногу уклоняться отъ общенія съ греками,—перестали брать у нихъ себѣ архіереевъ и наконецъ, чтобы ничѣмъ не заимствоваться у нихъ, поставили себѣ даже особаго патріарха (1589 г.). Несчастное положеніе грековъ подь турецкимъ игомъ, собственные отзывы ихъ о разныхъ стѣсненіяхъ въ вѣрѣ со стороны поганныхъ агарянъ, наконецъ, основанное на личномъ знакомствѣ, свидѣтельство Арсенія Суханова о греческой вѣрѣ, окончательно утвердили русскихъ въ томъ убѣжденіи, что во всемъ мірѣ только одна Россія можетъ быть названа православною. Вотъ одинъ изъ источниковъ раскола, проникшаго и въ Соловецкую обитель и утвердившагося здѣсь подь вліяніемъ чрезмѣрной привязанности къ буквѣ церковныхъ книгъ. «Косные, необычныя и грамотѣ непривычныя» монахи, «точію по чернилу» проходившіе писаніе, грудью стояли за эти «чернила». Несмотря на это, соловецкіе монахи признаваемы были образцами православія. Даже царь и патріархъ долгое время считали ихъ таковыми, ибо посылали въ Соловки для исправленія всѣхъ подозрѣваемыхъ въ неправолавіи. Здѣсь обучали православію даже грековъ, разъ даже прислали сюда митрополита греческаго ⁶⁾. Монахи гордились такимъ къ нимъ довѣріемъ царя и мало-по-малу привыкли смотрѣть на себя, какъ на дѣйствительныхъ столповъ православія. А такъ какъ развитіе ихъ было не высоко, то они, въ простотѣ сердца, и слѣдили больше за богослужебными обрядами, да за «черниломъ» писанія, отождествивъ все это съ вѣрою. Вотъ почему соловецкіе монахи не сочувствовали стремленію патріарха Никона къ исправленію богослужебныхъ книгъ. Въ 1657 году, въ которомъ присланы были въ Соловецкій монастырь новоисправленныя богослужебныя книги, — объ этихъ книгахъ братія сдѣлала, при первомъ предложеніи служить по нимъ, такой дерзкій отзывъ: «Намъ латинскія службы и еретическаго чину не принимать и прича-

6) Доп. къ ист. актамъ, т. V, № 67, 343.

щаться отъ такой службы не хотимъ ^{в)}. Къ нимъ давно уже доходили слухи, распущенные отставными справщиками, что исправленіе богослужебныхъ книгъ именно съ тою цѣлю и совершается патріархомъ Никономъ съ окружающими его олатинившимися греками и «черкасами», чтобы ввести въ русское богослуженіе латинскую ересь. Къ недовольству новоисправленными книгами присоединилось личное нерасположеніе соловецкихъ монаховъ къ хорошо знакомому имъ патріарху Никону.

Вражда Соловецкаго монастыря къ Никону была давнишняя. Монахи знали его еще тогда, когда онъ былъ простымъ Анзерскимъ пустынноикомъ. Но это ихъ знакомство на первыхъ же порахъ не было дружелюбнымъ. Соловецкимъ монахамъ непріятно было, что анзерскіе пустынники живутъ на ихъ землѣ, надоѣдаютъ имъ просьбами и въ тоже время стремятся быть отъ нихъ независимыми. Особенно непріятно было благоволеніе къ Анзерцамъ царя Михаила Ѳеодоровича, велѣвшаго соловецкому настоятелю выстроить для нихъ новый храмъ. Преподобный Елеазаръ Анзерскій, основатель анзерскаго скита, цѣлыхъ 18 лѣтъ напрасно умолялъ соловецкихъ игуменовъ Рафаила да Илью исполнить этотъ царскій указъ. Мало того, игумень Илья за какую-то ничтожную вину долгое время держалъ преп. Елеазара даже въ тюрьмѣ ^{г)}. Нерасположеніе соловецкихъ монаховъ къ анзерскимъ пустынноикамъ усилилось особенно тогда, когда бывший анзерскій пустынноикъ сталъ другомъ царя, а потомъ и новгородскимъ митрополитомъ (1649 г.). Скоро, по указу царя Алексѣя Михайловича, они должны были выстроить каменный храмъ, ненавистнымъ имъ, анзерскимъ пустынноикамъ ^{д)}. Изданіе этого указа монахи, конечно, приписали вліянію Никона. А ничто болѣе не раздражало ихъ, какъ прямое или косвенное посягательство на монастырскую казну. Никонъ, сдѣлавшись новгородскимъ митрополи-

в) Матеріалы для ист. раск. Т. III, 9—10, издаваемые профессоромъ М. Д. Академіи Н. И. Субботинимъ.

г) Истор. опис. Солов. мон. Ч. 2, 9—12 стр.

д) Ист. оп. Сол. мон. Ч. II, 11 стр.—Странн. 1871 г. мартъ, 21 стр.

томъ, обратилъ особое вниманіе на Соловецкій монастырь. Какъ хорошо знакомый съ бытомъ и жизнію соловецкихъ монаховъ, Никонъ энергически старался искоренить существовавшіе у нихъ безпорядки. Въ 1650 году онъ запретилъ игумену Ильѣ съ братією печь «раздаточныя» просфоры изъ ржаной муки, или съ примѣсью ея. Этимъ Никонъ лишилъ Соловецкій монастырь порядочныхъ выгодъ. 9 февраля 1651 года онъ, согласно постановленію собора, повелѣлъ ввести въ монастырѣ единогласное чтеніе и пѣніе, то-есть измѣнилъ старинный обычай, съ которымъ уже сжились монахи. Въ томъ же 1651 году Никонъ получилъ отъ царя грамоту, давшую ему право «вѣдать судомъ и управою во всякихъ управныхъ дѣлахъ въ Великомъ Новгородѣ, Великихъ Лукахъ, пригородахъ и уѣздахъ всей Новгородской десятины архимандритовъ, игумновъ, братіи и поповъ, и всѣхъ ружныхъ приходскихъ церквей поповъ, діаконовъ и причетниковъ, монастырскихъ служекъ и крестьянъ» е). Этотъ указъ нанесъ сильное оскорбленіе соловецкимъ монахамъ. До сихъ поръ они знали одну только верховную царскую власть, притомъ всегда къ нимъ благоволившую. Теперь же Никонъ получилъ безграничную власть надъ ними, что скоро монахи и почувствовали. Онъ началъ дѣлать имъ строгія замѣчанія, выговоры и предписанія, а иногда налагалъ и заслуженныя наказанія на провинившуюся братію. Такъ въ 1651 году Никонъ писалъ, чтобы они въ Великій постъ въ субботу и недѣлю рыбы не ѣли, а питались отъ земнаго плода, чтобы ни дрожениковъ, ни другаго какого хлѣбнаго питья не пили; чтобы въ указанное время головы открывали и въ «презорство» того не ставили; чтобы, наконецъ, старцевъ, присланныхъ къ нимъ по государеву указу, и всякихъ чиновныхъ людей держали «крѣпко—подъ крѣпкимъ началомъ» ж). Этими распоряженіями монахи конечно, не могли быть довольны. Но они скрывали пока свое недовольство изъ страха наказанія. Впрочемъ, нѣкото-

е) Акты эксм. Т. IV, № 50, 70.

ж) Ист. оп. Сол. мон. Ч. III, 219.

рые изъ нихъ даже и теперь не въ силахъ были поступать такъ. Строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ, старецъ Матвѣй, напимѣръ, не вытерпѣлъ и сталъ на всю Москву злословить своего митрополита Никона, обзывая его врагомъ Соловецкой обители. А соловецкій діаконь Пименъ еще въ 1651 году назвалъ въ Новгородѣ Никона антихристомъ. Конечно, онъ не молчалъ объ этомъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, куда вскорѣ возвратился. Но окончательно соловецкая братія вознегодовала на Никона тогда, когда онъ въ 1652 году взялъ отъ нея мощи святителя Филиппа и отвезъ ихъ въ Москву. Братія съ горькимъ плачемъ передавала ему эти святые останки. Памятникомъ этого плача до сихъ еще поръ служить слѣдующій гимнъ, пѣтый монахами въ день провода въ Москву мощей святителя Филиппа: «не подобаше бо тебѣ, о святителю Филиппе, оставити мѣсто подвиговъ...» и т. д. Съ этихъ поръ Никонъ въ глазахъ всей братіи сталъ недоброжелателемъ Соловецкой обители. Такой взглядъ на него еще болѣе утвердился, когда онъ сдѣлался патріархомъ (1652 г.). По просьбѣ Никона царь окончательно освободилъ анзерскихъ пустынниковъ отъ всякой зависимости Соловецкому монастырю. Мало этого, Никонъ, устроивъ въ поморьѣ на свое имя Крестный монастырь, отписалъ къ нему двѣ лучшія соловецкія вотчины: Кушерѣцкую волость и Піяльское усолье съ землею, людьми, промышленностію и всѣми доходами. Эта потеря для соловецкихъ монаховъ была очень чувствительна, ибо матеріальная выгода была у нихъ на первомъ планѣ. Но патріархъ Никонъ и этимъ не ограничился. Скоро онъ оскорбительно коснулся и уважаемой въ монастырѣ личности. Такъ ему чѣмъ-то не понравился архимандритъ Илья и онъ едва не уволилъ его отъ настоятельской должности. Былъ уже вызванъ въ Москву и кандидатъ на его мѣсто—Соловецкій старецъ Никаноръ, когда заступничество царя должно-быть спасло Илью. Никаноръ же былъ сдѣланъ настоятелемъ Саввинскаго монастыря. Тотъже Илья въ 1655 году подвергся запрещенію Никона за то, что любезно принималъ у себя въ монастырѣ протопопа Неронова,—одного изъ злѣй-

шихъ враговъ Никона и противниковъ книгоисправленія. А этотъ Нероновъ распустилъ въ Соловецкомъ монастырѣ слухъ, что Никонъ въ Москвѣ безпрестанно мучилъ какого-то соловецкаго старца. Все это вмѣстѣ взятое не могло не вооружать соловецкихъ монаховъ противъ Никона. Оскорбленные же имъ личности, конечно, постарались раздуть это нерасположеніе монаховъ къ патріарху. Главнымъ врагомъ Никона былъ, конечно, архимандритъ Илья.

Кто былъ этотъ Илья, откуда онъ и какого происхожденія, а также гдѣ получилъ воспитаніе,—объ этомъ ничего неизвѣстно. Какъ онъ жилъ до настоятельства, и долго ли, и какія проходилъ въ монастырѣ службы, мы тоже ничего не знаемъ. Въ 1645 году онъ сдѣлался настоятелемъ, выбранный, вѣроятно по обычаю, братією и утвержденный царемъ. До 1651 года онъ былъ въ санѣ игумена, а съ этого времени и до смерти—въ санѣ архимандрита. О личныхъ его качествахъ мы имѣемъ немногія, но очень характерныя свидѣтельства. Одно изъ нихъ принадлежитъ патріарху Никону, другое Семену Денисову. Оба они хвалятъ его, одинъ—какъ «зѣло сокрушенна сердцемъ, православіемъ сіяюща и разумомъ божественныхъ писаній довольно исполнена» ³⁾, другой—какъ мужа святаго, великаго воздержанія, «иже толикое воздержаніе стяжа, яко единъ хлѣбъ съ водою ядыше» ⁴⁾. Но о свидѣтельствѣ Никона должно сказать, что, поставивъ самъ Илью архимандритомъ, митрополитъ Никонъ не могъ же въ настольной грамотѣ хулить его. Къ тому же онъ, вѣроятно, плохо тогда еще и зналъ его, а полагался на свидѣтельство братіи. Семень же Денисовъ, писавшій свое сочиненіе съ предвзятою мыслию, не могъ конечно не хвалить Илью. Но если мы обратимъ вниманіе на другія свидѣтельства, то увидимъ архимандрита Илью совершенно въ другомъ свѣтѣ. Такъ въ 1653 году новгородскій митрополитъ Макарій, по поводу присылки къ нему Ильєю собственной рыбы, называетъ его «без-

3) Ист. оп. Сол. мон. 208—209.

4) Ист. о отцѣхъ и страдальцѣхъ Сол. л. 5—6.

чинникомъ, смущающимъ братію и своимъ поведеніемъ наводящимъ безчестіе на св. обитель»^{і)}. Очевидно митрополитъ зналъ Илью совершенно съ другой стороны, чѣмъ Никонъ и Денисовъ. Митрополитъ, а потомъ патріархъ Никонъ скоро впрочемъ самъ разочаровался въ соловецкомъ архимандритѣ. Попытка смѣнить его и запрещеніе ему священнослуженія доказываютъ это. Такимъ образомъ архимандритъ Илья не обладалъ, какъ видится, строго-нравственными качествами. Какъ настоятель, архимандритъ Илья тоже не отличался особенными способностями: онъ правилъ монастыремъ слабо. При немъ среди братіи попрежнему господствовали пороки—пьянство и домашнія смуты. О склонности его къ самоуправству свидѣтельствуетъ то, что въ 1658 году онъ для огражденія себя насильно заставлялъ братію подписать приговоръ о непринятіи новоисправленнаго служебника, угрожая «не выпустить живыми изъ трапезы» непослушныхъ. Въ умственномъ и религіозномъ развитіи архимандритъ Илья не шелъ дальше нѣкоторой духовной начитанности, приправленной суетвѣрїями и не могшей возвыситься до пониманія истиннаго значенія Никоновой дѣятельности. 8 іюля 1658 года онъ по поводу полученія новаго служебника предъ всѣмъ братствомъ и прилучившимися богомольцами въ трапезѣ говорилъ со слезами: «видите, братіе, послѣднее время, возстали новые учителя, которые отъ вѣры православныя и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ, велятъ намъ служить на лянцкихъ крыжахъ, по новымъ служебникамъ,—невѣдомо откуда взято»^{к)}. Вообще это былъ человѣкъ не далекаго ума, небольшого образованія и очень не высокой нравственности. Но въ тоже время архимандритъ Илья былъ сильно честолюбивъ. Вторженіе митрополита, а потомъ патріарха въ дѣла Соловецкаго монастыря, только раздражало его. Попытка же Никона свергнуть Илью и запрещеніе ему священнослуженія заставило его глубоко возненавидѣть Никона. вмѣстѣ съ тѣмъ у него

і) Прав. Соб. 1872 г. ноябрь.

к) Мат. для ист. раск. Т. III, 9.

было искреннее недовѣріе къ переменамъ, вводимымъ новымъ патріархомъ. Такъ, принявши сначала безъ возраженія единогласное пѣніе, онъ потомъ, какъ видно, снова уничтожилъ его ^{л)}. Онъ былъ на соборѣ 1654 года и даже собственно-ручно подписалъ его приговоръ о необходимости исправленія книгъ; но это еще не доказываетъ, что въ душѣ онъ ничего не имѣлъ противъ рѣшенія собора. Иначе намъ былъ бы непонятенъ быстрый переходъ его на сторону враговъ Никона, выразившійся въ принятіи (1655 г.) бѣглеца Неронова. Рукоприкладство же Ильи подъ приговоромъ собора просто означало только то, что соловецкій архимандритъ не обладалъ смѣлымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Онъ, вѣроятно, боялся подвергнуться участи епископа Павла и другихъ противниковъ соборнаго рѣшенія. Другое дѣло порицать реформу за глазами Никона,—въ средѣ невѣжественной братіи! Здѣсь онъ былъ самъ себѣ голова и могъ дѣлать, что хотѣлъ, не страшась никого и ничего. Избранный кружокъ братіи былъ всегда на его сторонѣ. Онъ постоянно могъ рассчитывать на этихъ своихъ любимцевъ, что если «каковъ гнѣвъ на него будетъ отъ патріарха или митрополита, они за него—отца своего—готовы стоять вседушно,—голова въ голову». Остальная же братія была безсильна противъ его самоуправства. Архимандритъ Ильѣ могъ смирять ее и дѣйствительно смирялъ, придираясь иногда не по дѣлу, а по своей прихоти. Жалобы на него въ Москву были немислимы: «мѣста Соловецкія дальнія, а путь скорбный». Но если когда, сверхъ ожиданія, въ Москву и доходили жалобы, то челобитчикамъ не вѣрили и строго ихъ наказывали ^{м)}. Поэтому неудивительно, что тамъ почти до 1666 года никто не зналъ о томъ старообрядчески-враждебномъ настроеніи соловецкой братіи, въ какомъ она находилась по крайней мѣрѣ съ 1654 года. А между тѣмъ архимандритъ Ильѣ уже въ этотъ годъ возвратился изъ Москвы окончательно рас-

л) Ibidem. 13.

м) Мат. для ист. раск. Т. III, 11 и 87.

кольникомъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ онъ не замедлилъ, конечно, подѣлиться съ братіею московскими новостями, выражая неодобреніе къ Никону. Порицанія его усиливались по мѣрѣ новыхъ оскорбленій со стороны послѣдняго. Архимандритъ Илья, на примѣръ, не былъ приглашенъ на соборы 1655—6 гг., на что, какъ настоятель знаменитаго монастыря, вполне могъ рассчитывать. Неприглашеніе поэтому было крайне обидно для него и послужило поводомъ къ усиленію неодобрительныхъ отзывовъ предъ братіею о дѣлахъ Никона. «Косная» братія въ простотѣ сердца вѣрила своему архимандриту на-слово и въ свою очередь распространяла его укоризны даже за предѣлами монастыря. Пріѣздъ Неронова въ Соловецкій монастырь подкрѣпилъ эту дерзость. Убѣжавъ изъ Кандакшскаго монастыря, Нероновъ около 15 августа 1655 года прибылъ къ Соловецкому острову. Лишь только архимандритъ Илья съ братіею узналъ объ этомъ, какъ совершенно растерялся отъ радости, не зная, съ какимъ бы почетомъ встрѣтить знаменитаго страдальца. Онъ немедленно послалъ на судно къ Неронову старца Савватія съ мольбою «пріостановиться слѣдовать въ самую обитель, ибо онъ, архимандритъ, желаетъ встрѣтеніе ему сотворить». Но Нероновъ въ свою очередь молилъ архимандрита, чтобы позволилъ ему «тихо и безмятежно помолиться чудотворцамъ». Обоюдныя мольбы кончились тѣмъ, что архимандритъ Илья ограничился посылкою на встрѣчу Неронову одного старца, который и «пріять того честнѣ». Въ монастырѣ видъ почтеннаго старца-страдальца подѣйствовалъ на монаховъ не хуже краснорѣчивой бесѣды и далъ новый поводъ жаловаться на жестокость Никона. Нероновъ отстоялъ литургію, поклонился чудотворцамъ, и затѣмъ «взять его архимандритъ къ себѣ въ келлію и добрѣ угости». Набесѣдовавшись съ гостемъ, архимандритъ Илья снарядилъ подъ него особое богомольчское судно, снабдилъ потребнымъ въ дорогу «довольно» и проводилъ его, напутствуя словами: «страдальче, біемъ одолявай; храбрый воине, подвизайся!» Нельзя сомнѣваться, конечно, что предметомъ бесѣды Неронова съ Ильею было

исправленіе богослужебныхъ книгъ. Несомнѣнно и то, что эта бесѣда не осталась тайною для всей братіи. Архимандритъ Илья не имѣлъ нужды скрывать ее, будучи самъ настроенъ въ духѣ Неронова.

Послѣдній сильный толчекъ, данный соловецкой братіи на пути предубѣжденій противъ исправленія церковныхъ книгъ Никонемъ, принадлежитъ саввинскому архимандриту Никанору. Этотъ Никаноръ—соловецкій постриженникъ. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ исторіи Соловецкаго монастыря въ началѣ 1653 года, когда онъ былъ строителемъ Соловецкаго подворья въ Вологдѣ. Управлять такимъ подворьемъ могъ только человѣкъ, обладавшій большими способностями. Кромѣ того, отъ строителей подворій для поддержанія чести монастыря и монастырскихъ выгодъ требовались примѣрная монашеская жизнь, глубокая преданность монастырю и большое умѣнье ладить съ мірскими, особенно высокопоставленными людьми, отъ которыхъ зависитъ благополучіе и свобода монаховъ въ дѣлахъ мірскихъ. Такимъ дѣйствительно и былъ чернецъ Никаноръ. «Отъ юности своей, писали о немъ соловецкіе монахи въ 1666 году къ царю,—и до смерти житіе иноческое опасно проводилъ» Никаноръ. Дальнѣйшая судьба его показываетъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ, необыкновенною энергіею и рѣшительнымъ характеромъ. Къ тому же онъ былъ человѣкъ книжный. Воевода Мещериновъ послѣ казни Никанора нашель въ келліи его 260 томовъ различныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій» н).

Сдѣлавшись, вмѣсто Соловецкаго, архимандритомъ Саввинскаго монастыря, Никаноръ сначала утѣшился. Саввинскій монастырь былъ любимымъ царскимъ богомолемъ, въ которомъ Алексѣй Михайловичъ часто бывалъ. Для него и для царицы тутъ были даже поставлены особыя келліи. Такимъ образомъ Никаноръ сразу сталъ въ близкія отношенія къ царю, который былъ здѣсь какъбы игуменомъ, а онъ самъ чѣмъ-то въ родѣ памѣтника. Алексѣй Михайловичъ бывалъ у него

н) Мат. Т. III, 66.

даже на исповѣди. Значить Никанору тутъ на первый разъ все улыбалось. Но для его живой натуры было недостаточно быть настоятелемъ и царскимъ любимцемъ. Въ его глазахъ происходило самое оживленное движеніе въ церковной жизни, рѣшались важные церковные вопросы, дѣлались преобразованія въ церковной практикѣ, а онъ — любимецъ царя не принималъ въ нихъ ровно никакого участія. Его не видно было ни на одномъ изъ московскихъ соборовъ, бывшихъ въ съ 1654 года чуть не каждый годъ. Невидно его и между сотрудниками Никона по церковнымъ дѣламъ. И вотъ забытый и оскорбленный невниманіемъ Никона, Никаноръ становится въ рядъ враговъ его. Никаноръ подружился съ игуменомъ Теокистомъ, — авторомъ сочиненія «объ антихристѣ», и протопопомъ Аввакумомъ, съ которыми въ послѣдствіи переписывался изъ Соловецкаго монастыря по дѣламъ стоянія за старое благочестіе; пользовался уваженіемъ въ семействѣ и въ кругу родныхъ боярина Бориса Ивановича Морозова, въ домѣ котораго воспитывалась духовная дочь Аввакума Авдотья Морозова; конечно былъ знакомъ и со многими другими врагами Никона, какъ входяій ко двору, гдѣ ихъ можно было считать сотнями. Среди этихъ людей Никаноръ нашелъ себѣ болѣе обширное поле дѣятельности. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы онъ избралъ себѣ это поле исключительно изъ честолюбивыхъ видовъ. Незнакомый съ сущностію Никоновой дѣятельно, но хорошо знакомый съ недовольствомъ ею, онъ вѣроятно и по убѣжденію примыкалъ къ расколу. Какъ бы то ни было, но только дѣйствованіе его въ пользу раскола началось еще въ Саввиномъ монастырѣ. Не даромъ отсюда было выслано Никонѣмъ нѣсколько старцевъ въ Соловецкій монастырь на смиреніе. Однако Никаноръ не рѣшился здѣсь открыто возстать противъ Никона. Участь Неронова, епископа Павла и Аввакума слишкомъ наглядно показала ему, что выплобъ изъ этого. Хитрый и осторожный, онъ рѣшился перенести свои происки въ Соловецкій монастырь, гдѣ за глазами Никона можно было дѣлать, что угодно. Это было ему тѣмъ удобнѣе, что онъ никогда не прерывалъ сношеній съ этою обителью.

Въ письмахъ своихъ Никаноръ дѣлился съ соловецкими монахами всѣми московскими новостями. Но важнѣе всего въ этомъ отношеніи было его личное свиданіе съ соловецкою братією въ 1657 году. Соловецкая братія архимандритомъ Ильєю, Нероновымъ и другими была уже ранѣе настроена противъ принятія новоисправленныхъ книгъ, но съ прибытіемъ въ монастырь царскаго любимца и духовника противники Никона стали еще смѣлѣе. Никаноръ сообщалъ имъ свѣдѣнія о ходѣ текущихъ событій въ Москвѣ, о церковныхъ соборахъ 1655 и 1656 годовъ, состоявшихъ изъ греческихъ и русскихъ святителей, которые лично просматривали, поправляли и окончательно одобрили новый служебникъ и скрижаль. Онъ могъ сообщить соловецкимъ монахамъ также и то, что новые справщики, ненавистные старообрядцамъ греки и кіевляне (Арсеній, Елифаній и др.) все еще день и ночь сидятъ надъ исправленіемъ «по своему плотскому мудрованію» другихъ святыхъ русскихъ книгъ. Прежніе же «истинноправославные и богомудрые справщики и ревнители истиннаго благочестія» всѣ разосланы по глухимъ мѣстамъ. Разказавъ все это соловецкой братіи, Никаноръ, безъ сомнѣнія, подлил много масла въ огонь.

Но архимандриты Илья и Никаноръ, да протопопъ Нероновъ были не единственными дѣятелями въ пользу раскола въ Соловецкомъ монастырѣ. Имъ помогали ссыльные и добровольные пришельцы Соловецкаго монастыря разныхъ сословій. Изъ челобитной келаря Савватія видно, что кромѣ князя Льва, сосланнаго въ Соловецкій монастырь, около 1666 года въ монастырѣ находилось до 40 человѣкъ по преимуществу поповъ и «чернцевъ». Не мудрено, что многіе изъ нихъ были присланы туда раньше полученія служебника, какъ и князь Львовъ. Нельзя въ этихъ опальныхъ попахъ и монахахъ не подозрѣвать большею частію старообрядцевъ. Царь и патріархъ не знали, что дѣлается въ Соловецкомъ монастырѣ и не боялись посылать сюда раскольниковъ. Кромѣ того, многочисленные странники и богомольцы, при тогдешнемъ броженіи умовъ въ Россіи по поводу Никоновыхъ дѣя-

ній, тоже, вѣроятно, не мало волновали соловецкихъ монаховъ. А затѣмъ и сами эти монахи были знакомы съ московскими дѣлами чрезъ письменное сообщеніе съ братією, проживавшей въ Москвѣ, Вологдѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ. Соловецкіе монахи, проживавшіе въ Москвѣ и другихъ городахъ, были одинаково настроены противъ Никона и новыхъ порядковъ. Они сочувственно относились къ ревности по старинѣ своей братіи, проживавшей въ монастырѣ. Соловецкій уставщикъ Геронтій, напримѣръ, въ 1663 году счелъ даже нужнымъ оправдываться предъ строителемъ московскаго подворья Іосифомъ въ обвиненіи, взведенномъ на него соловецкою братією, будто онъ служилъ литургію по новому служебнику. «И самому тебѣ, государь, вѣдомо, писалъ онъ Іосифу,—что у насъ ни у кого служебниковъ новыхъ нѣтъ,—всѣ въ денежной казнѣ, почему же намъ по новому служить?» А въ 1667 году соловецкіе келарь Азарій и казначей Геронтій поручали строителю Соловецкаго подворья въ Вологдѣ старцу Марку съ товарищами провѣдывать о всякихъ московскихъ отзывахъ про Соловецкій монастырь и тотчасъ сообщать имъ. Кромѣ того, у многихъ изъ соловецкихъ монаховъ были въ Москвѣ родные и хорошіе знакомые, которые тоже не оставляли ихъ безъ увѣдомленія. Многие изъ соловецкихъ монаховъ, наконецъ, бывали сами въ Москвѣ по разнымъ нуждамъ,—въ свитѣ, напримѣръ, архимандрита Ильи, вѣздившаго въ 1654 году въ Москву на соборъ. Въ этомъ случаѣ они были очевидцами многихъ церковныхъ событій, много слышали разныхъ отзывовъ о Никонѣ, отзывы большею частію не лестныхъ, ибо въ то время чрезвычайно много было недовольныхъ, какъ лично Никонѣ, такъ и его распоряженіями. Возвратившись въ монастырь, они собранными свѣдѣніями дѣлились съ братією. Въ монастырѣ началось сильное смущеніе, пошли всевозможные толки о самомъ Никонѣ и о его нововведеніяхъ. Казалось, самая атмосфера Соловецкаго монастыря заражена была раскольничьимъ движеніемъ. Внезапно откуда-то появилась легенда о бывшемъ преподобномъ Елеазару анзерскомъ видѣніи, гдѣ Никонъ изо-

бражается страшнымъ врагомъ Церкви,—первымъ слугою сатаны. Нашлись уже и такіе люди, которые стали готовить письменныя опроверженія Никоновыхъ новинъ. Таковъ Герасимъ Фирсовъ, написавшій слово въ защиту двухперстнаго сложенія въ крестномъ знаменіи о).

Пока все это происходило въ Соловецкомъ монастырѣ, въ Москвѣ успѣли уже выпустить и разослать по Россіи служебникъ, вышла Скрижаль. Готовились къ выходу и другія книги. Но прошелъ годъ, а въ Соловецкой обители нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. До монаховъ стали доходить слухи: то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ новый служебникъ возбуждаетъ сомнѣнія. Въ Ниловой пустыни монахи подрались изъ-за него съ попомъ и урядникомъ. Макарій митрополитъ новгородскій—непосредственный начальникъ соловецкихъ монаховъ, Маркелль архіепископъ вологодскій—соловецкій постриженникъ—колеблутся и не торопятся разсылать служебникъ по епархіямъ. Александръ епископъ вятскій совсѣмъ отложилъ его въ сторону. Далѣе: то въ томъ, то въ другомъ приходѣ священники не смотря ни на какіе указы патріарха и своихъ преосвященныхъ, ни за что не хотѣли служить по новому служебнику п). Значить, есть-же что-нибудь неладное, неправо-славное въ новомъ служебникѣ, думалось монахамъ, если столько благочестивыхъ людей подозрительно смотрятъ на него и не служатъ по нему. Не было нужды исправлять служебникъ: по нему служили отцы и дѣды и ни отъ кого не были «въ зазорѣ». Напротивъ, недавно іерусалимскій патріархъ Теофанъ хвалилъ русскую вѣру больше греческой. Употреблять исправленный служебникъ можно было только страха ради предъ силою и властію Никона. Но вдали отъ Москвы и эта сила не имѣла значенія, особенно если принять во вниманіе, что монахи считали царя на своей сторонѣ. И вотъ, когда въ 1657 году наконецъ явился къ нимъ давно ожидаемый служебникъ, архимандритъ Илья, нисколь-

о) Мат. Т. III, 10.

п) Акты эксп. т. IV, № 184 и 186; акт. истор. IV № 203.

ко не задумываясь, отложилъ его въ сторону отправилъ въ кладовую. Только немногіе «совѣтники» его—«велии враги и хульники на чинъ восточныя церкви»—знали про это р).

Такой поступокъ со стороны архимандрита Илья со служебникомъ кажется однако страннымъ. Что побудило его прятать служебникъ, когда всѣ данныя были повидимому за то, что братія одного мнѣнія съ архимандритомъ? Отчего онъ не сразу предъявилъ служебникъ на черномъ соборѣ, какъ сдѣлалъ это годъ спустя? Среди братіи уже ходили въ то время тетрадки старца Герасима Фирсова, и большинство монаховъ было за старообрядчество. Чего же боялся архимандритъ?—Въ монастырѣ очевидно была партія и за принятіе служебника. Нѣтъ сомнѣнія, что то была слабѣйшая партія, но она состояла изъ людей, занимавшихъ въ монастырѣ видное положеніе—изъ іеромонаховъ по преимуществу. А вѣдь этихъ-то лицъ прежде всего и касалось дѣло принятія, или непринятія служебника. Откуда взялась партія? Повидимому всѣ внѣшнія и внутреннія условія жизни въ Соловецкомъ монастырѣ были противъ Никона. Это такъ, но благоразуміе подсказывало нѣкоторымъ изъ монаховъ неосновательность сопротивленія. Меньшинство іеромонаховъ не увлекалось, подобно прочимъ, и потому сохранило болѣе здоровое сужденіе въ данномъ случаѣ. Это меньшинство конечно не задумалось бы оказать своему архимандриту сильное сопротивленіе въ данномъ случаѣ. И вотъ, архимандритъ Илья—человѣкъ вообще недалекій и не любившій противорѣчій, постарался обойти это сопротивленіе, спрятавши служебникъ. Братія узнала объ этомъ только къ концу зимы. Среди нея, какъ и слѣдовало ожидать, немедленно пошли толки: «для чего-де тѣхъ служебниковъ намъ не покажутъ посмотрѣть»? А болѣе смѣлые изъ іеромонаховъ предлагали даже архимандриту, чтобы онъ самъ началъ по тѣмъ служебникамъ служить и они съ нимъ будутъ. Но онъ съ совѣтниками про новый служебникъ и слышать не хо-

р) Мат. т. III, 7 и д.

тѣль. Однако черный попь Германъ все-таки досталъ какъ-то новый служебникъ и пропѣлъ по немъ обѣдню вмѣстѣ съ архидіакономъ Евфиміемъ. Но за это его дважды били плетьюми. И однакожь архимандритъ Илья не былъ спокоенъ: на него могли донести царю, либо патріарху и тогда ему пришлось бы плохо. Чтобы этого не случилось, онъ заставлялъ подозрительныхъ іеромонаховъ клясться надъ тѣломъ Христовымъ въ томъ, что они не будутъ доносить на него. Однако и это его не успокоивало. Братія могла пренебречь клятвою, какъ вынужденною. Тогда архимандритъ придумалъ способъ «своротить» всю вину на туже братію. Съ этою цѣлью, на шестой недѣлѣ Великаго поста онъ насильно заставилъ всѣхъ іеромонаховъ подписать приговоръ о неприятии новоисправленнаго служебника. Тѣ, убоясь, подписали и Илья успокоился, хотя не надолго. На остальныхъ монаховъ онъ пока не обращалъ вниманія, ибо это дѣло собственно до нихъ не касалось. Но весною, съ открытіемъ навигаціи, страхъ снова вернулся къ нему. Богомольцамъ казалоть страннымъ, что тутъ все еще «поютъ не на рѣчь и служатъ по прежнимъ служебникамъ». Они «почали зазирать» соловецкую братію. Этимъ разбивались надежды архимандрита Ильи на сочувствіе простаго народа къ его затѣямъ. Нужно было снова опасаться доноса. И вотъ Илья сдѣлалъ крѣпкій заказъ въ монастырѣ, чтобы никто изъ отъѣзжающихъ на берегъ «никакихъ писемъ отъ братіи не ималъ». Онъ даже тайно призывалъ богомольцевъ къ себѣ въ келью, подводилъ ихъ къ образу и заклиналъ всячески чудотворцами: нѣтъ ли отъ кого какого письма на него въ Москву? Наконецъ онъ задумалъ «своротить» свою вину уже на всю вообще соловецкую братію. Съ этою цѣлью 8 іюня 1658 года былъ созванъ черный соборъ. Сюда явилось все соловецкое братство и даже прилучившіеся богомольцы. Цѣль собора всѣмъ была извѣстна и между партіями «учалъ быти шумъ великій». Но вотъ выступаетъ на средину самъ архимандритъ Илья и со слезами на глазахъ произноситъ такого рода рѣчь: «видите, братіе, послѣднее время: возстали новые учителя и

отъ вѣры православныя и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ, велятъ намъ служить на лядскихъ крыжахъ, по новымъ служебникамъ, невѣдомо откуда взято; помолитесь, братіе, чтобы Богъ сподобилъ насъ умереть въ православной вѣрѣ, якоже и отцы наши, и чтобы латинской службы не принимать». Въ отвѣтъ на эту рѣчь заранѣе подготовленная братія—«люди простые»—закричали великими гласы: «намъ латинской службы и еретическаго чину не приимать и причащаться отъ такой службы не хотимъ и тебя — отца нашего ни въ чемъ не выдадимъ, въ томъ руки приложимъ—всѣ за едино стоять готовы». Оставалось только руки приложить. Но попы дѣлали это очень неохотно. Виталій же, Спиридонъ и Германъ хотѣли было рѣшительно отказаться. Только «угроза живыхъ не выпустить изъ трапезы» заставила и ихъ подписаться. Всѣхъ собственноручныхъ подписей набралось до 51. Сопротивлявшіеся на соборѣ священники Виталій, Германъ и Спиридонъ въ особой челобитной донесли объ этомъ патриарху Никону. Они слезно умоляли его «смилоствиться, призрѣть на святую соловецкую обитель — ниспровергнуть злое сомнище соловецкое». Но къ сожалѣнію эта челобитная дошла по назначенію слишкомъ поздно: Никона уже не было на патриаршемъ престолѣ, а его власть перешла въ руки Питирима Крутицкаго. Церковныя дѣла приняли совершенно иной характеръ. На челобитную не было обращено никакого вниманія. Царь даже сталъ попрежнему ласковъ къ Соловецкой обители, ибо только что занялъ въ ней 13 тысячъ рублей. Архимандритъ Илья торжествовалъ. Въ этомъ торжествѣ онъ и скончался мирно 1659 года.

Преемникомъ Ильи былъ архимандритъ Варѳоломей. До своего избранія онъ управлялъ вологодскимъ подворьемъ, гдѣ дѣятельно трудился на пользу монастыря и гдѣ, какъ кажется, онъ потерялъ склонность къ монашеской жизни. Это былъ человѣкъ непостояннаго характера, слабой воли и невысокой нравственности. Братія ошиблась, возлагая на него большія надежды въ поддержаніи старообрядчества. Вступивъ въ управленіе монастыремъ, Варѳоломей составилъ себѣ особую

партію—среднюю между двумя прежними. Онъ рѣшилъ поступать сообразно обстоятельствамъ. Сначала онъ затруднялся, какъ поставить себя въ отношеніи къ крайней старообрядческой партіи. Съ одной стороны, указъ новгородскаго митрополита повелѣвалъ ему ввести въ употребленіе новый служебникъ, а съ другой—приговоръ всей братіи уничтожалъ силу этого указа. Вареоломей не зналъ, что ему дѣлать. Сначала онъ попытался было выполнить указъ митрополита. Но въ монастырѣ произошелъ ропотъ и онъ не рѣшился привести въ исполненіе свою попытку. Онъ даже успѣшилъ успокоить братію, заключивъ съ нею такъ называемый «излюбленный» приговоръ 16 февраля 1663 года с). Впрочемъ Вареоломей все-таки держался въ сторонѣ отъ строгой старообрядческой партіи. Сторонники его поступали точно также. Они склонялись то на ту, то на другую сторону, какъ трость вѣтромъ колеблемая. Намъ кажется, что архимандриту Вареоломею стоило только въ это время получить отъ царя, патріарха или даже новгородскаго митрополита указъ, подтверждавшій необходимость принятія новаго служебника, и онъ, вѣроятно, усердно бы взялся за это дѣло. Но никто не напоминалъ ему о служебникѣ, а самъ онъ не имѣлъ достаточно смѣлости ввести его. Между тѣмъ партія строгихъ старообрядцевъ, пользуясь его бездѣйствіемъ, все болѣе и болѣе усиливалась. Къ ней примкнуло и множество молвою привлеченныхъ сюда пришельцевъ. Многіе толпами приходили на Соловецкій островъ и подъ монашескою рясою спѣшили укрыться отъ преслѣдованія «антихристовыхъ слугъ». «Слава монастыря, замѣчаетъ Денисовъ,—елико о общежительныхъ преданіяхъ, толико о церковныхъ благочестія уставѣхъ опасное храненіе, во вся Россійскіе концы пролеташе, многимъ отвсюду инокомъ же и міряномъ стекающимся въ обитель» т). И дѣйствительно, монастырь былъ переполненъ пришельцами. Многіе изъ нихъ жили даже безъ трудовъ. Насколько эти

с) Мат. Т. III, 33.

т) Л. 9.

пришельцы были сильны въ монастырѣ, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1663 году слуга Сидоръ Хломыга у) поднялъ толпу своихъ товарищей противъ уставщика Геронтія за то, что тотъ дозволилъ діакону прочитатъ Евангеліе на аналоѣ безъ пелены. Дѣло это стоило не малыхъ хлопотъ монахамъ и даже доходило до архимандрита Вареоломея, бывшаго тогда на пути въ Москву. Самъ архимандритъ едва успокоилъ зачинщиковъ. Мы не можемъ умолчать еще про одного пришельца, которому въ послѣдствіи суждено было принять главное участіе въ соловецкомъ мятежѣ. Разумѣемъ саввинскаго архимандрита Никанора, который прибылъ въ монастырь въ 1660 году, «желаніемъ безмолвнаго отишія объятый». Принятый братією съ распростертыми объятіями, Никаноръ рѣшилъ остаться здѣсь навсегда. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ тотчасъ сталъ главою строгораскольнической партіи. Но онъ правилъ ею осторожно и не отъ своего имени. Никаноръ, повидимому, всегда былъ въ сторонѣ и весьма многія челобитныя его партіи не имѣютъ даже его подписи. Онъ дѣйствовалъ такъ ловко, что еслибы не чистосердечное признаніе самихъ монаховъ, то трудно было бы обвинять его въ руководствѣ. Какъ-то такъ всегда выходило, что чего Никаноръ желалъ и о чемъ думалъ въ своей келліи, то крайніе раскольники совершали въ стѣнахъ монастыря, предъ лицемъ всѣхъ монаховъ. Благодаря такой его распорядительности отчасти, а особенно благодаря неосторожности правительства, продолжавшаго ссылатъ въ Соловки старообрядцевъ, строгораскольническая партія здѣсь вполне процвѣтала. Среди нея нашлись даже писатели. Появились раскольническія сочиненія, часть которыхъ несомнѣнно имѣла, и до сихъ поръ еще имѣетъ, несомнѣнно важное значеніе для старообрядцевъ. Такъ: новое твореніе старца Герасима Өирсова—«Посланіе къ брату смиреннаго инока, но и православна обители Пантократоровы, иже есть во отоцѣ океана моря, глаголемѣй

у) Почти всѣ служительскія должности заняты были теперь этими пришельцами.

Соловки, о сложеніи перстовъ», являетъ собою первый опытъ защиты двухперстнаго сложенія литературнымъ путемъ. Точно также дорого для старообрядцевъ и другое сочиненіе этого времени «О антихристѣ и тайномъ царствѣ его», составленное іеромонахомъ Θεоктистомъ. Авторъ доказываетъ существованіе духовнаго антихриста, «а что протолковано у васъ, говорить онъ читателю,—о чувственномъ антихристѣ, и мы не мнимъ тако».

Такъ развиваясь, Соловецкая братія жила и благоденствовала подъ охраною «излюбленнаго» приговора. Партія, стоявшая за принятіе служебника, повидимому, не подавала болѣе, ни малѣйшаго признава жизни. Архимандритъ и іеромонахи перестали думать о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ порядкѣ богослуженія, установившемся въ монастырѣ долгимъ временемъ и огражденномъ братскимъ приговоромъ 8 іюня 1658 г. Въ монастырѣ все было спокойно. Изрѣдка только лично недовольные Варооломеемъ посылали на него «за руками» челобитныя царю. Но ловкіе сторонники архимандрита въ Москвѣ не допускали этихъ челобитныхъ по назначенію. Они перехватывали ихъ, или выкупали, употребляя на то монастырскую казну *). Потерпѣвъ здѣсь неудачу, враги Варооломея этимъ не удовлетворились. У гроба преподобнаго отца Германа внезапно стали появляться подметныя письма. Но и эти письма также ничего не дали ихъ авторамъ, кромѣ монастырскаго смиренія. Братія попрежнему была спокойна. Партіи казались примиренными. Но типина часто бываетъ предъ бурей. Въ концѣ 1665 года въ монастырѣ полученъ былъ царскій указъ, повелѣвавшій архимандриту Варооломею ѣхать въ Москву на соборъ 1666—7 годовъ. Братія взволновалась, ибо знала, что настала рѣшительный моментъ торжества, или осужденія старообрядчества. Въ сочувствіи русской іерархіи къ себѣ она впрочемъ не сомнѣвалась. Но на соборъ обѣщались еще прѣхать восточные патріархи,—какъ тѣ отнесутся къ ней?

ф) Мат. Т. III, 65.

Хорошаго тутъ трудно было ждать, ибо вѣра на востокѣ давно испорчена, какъ писалъ Арсеній Сухановъ. Значить надо было принимать какія-нибудь мѣры для огражденія себя. И вотъ братія пишетъ царю первую свою челобитную. «Пожалуй насъ нищихъ твоихъ богомольцевъ, писали старообрядцы,—не вели, Государь, въ своемъ царскомъ богомольѣ—Соловецкомъ монастырѣ преданія преподобныхъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія, церковнаго чину и уставу премѣнить, дабы намъ нищимъ твоимъ царскимъ богомольцамъ въ преданіи святыхъ чудотворцевъ препроводить дни своя, какъ и прежде отцы наши»^{х)}. Самъ Вареоломей впрочемъ не подписался подъ этою челобитною, хотя имя его стоитъ въ самомъ началѣ ея. Вѣроятно онъ не хотѣлъ подвергать себя опасности, узнавъ, что въ Москвѣ высшее духовенство противъ старообрядчества. Онъ не передалъ даже лично царю этой челобитной, какъ просили его. Вареоломей просто передалъ ее собору, какъ свидѣтельство религіознаго состоянія монашества. Самъ же онъ чистосердечно раскаялся предъ отцами собора въ своемъ прежнемъ заблужденіи. Отцы простили его и просили занять мѣсто среди нихъ на соборѣ^{ц)}. Соловецкая братія, какъ громомъ поражена была этимъ извѣстіемъ. Она хотя и раньше не довѣряла искренности его старообрядчества, но все же не ожидала отъ своего архимандрита такого рѣшительнаго перехода на сторону никоніянства. Среди нея снова поднялась ожесточенная борьба партій. Вареоломея защищали и по возможности отстаивали его ближайшіе любимцы-совѣтники. Во главѣ ихъ стояли два высшихъ постѣ архимандрита лица: ѳеларь Савватій, да казначей Варсонофій. Сначала имъ дѣйствительно удалось оградить Вареоломея отъ доноса о его неблаговидномъ поведеніи. Они захватили у противной партіи челобитную и разорвали ее. Но противники Вареоломея вовсе не отказались отъ своей попытки послать на архимандрита челобитную царю.

х) Тамъ же 45—47.

ц) Мат. Т. III, 110—113.

Для большаго успѣха они хотѣли только тайно отъ соборныхъ старцевъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи. Поэтому скоро готова была другая челобитная и уже не на одного архимандрита Вареоломея, а вмѣстѣ и на келаря Савватія съ товарищами. Ее отдали для переписки дьячку Ивану Данилову. Но и на этотъ разъ соборные старцы провѣдали о челобитной заблаговременно. Пользуясь ничтожествомъ дьячка Данилова, они даже безъ всякихъ унижительныхъ просьбъ выманили у него эту челобитную. Однако новая неудача не укротила, а только раздражила противную партію. Между тѣмъ еще одинъ ударъ разразился надъ ея приверженцами и подлил масла въ огонь. Изъ Москвы въ монастырь прибылъ нарочный съ указомъ, которымъ Герасимъ Өирсовъ призывался туда. Видя въ этомъ новое коварство со стороны Вареоломеевой партіи, а быть можетъ и самого Вареоломея, партія строгихъ старообрядцевъ еще болѣе ожесточилась. Она тѣсно сплотилась съ ссыльными и «безпрестанно» стала собираться на совѣтъ въ келлію князя Михаила Львова, «хотя на Вареоломея и его сторонниковъ какое-то зло навести», какъ писалъ Савватій ч). «А мы смирать ихъ не смѣемъ, продолжаетъ далѣе Савватій,—и сами отъ нихъ живемъ, что за приставомъ».. Судя по этому, положеніе дѣлъ въ монастырѣ было дѣйствительно печально. Немедленно требовалась къ поддержанію порядка сильная помощь со стороны высшей власти. Савватій и просилъ объ этомъ Вареоломея. Но ни Вареоломей, ни кто-либо другой не оказали своевременно помощи Соловецкому монастырю. Усиленіе старообрядческой партіи такимъ образомъ ничѣмъ не было остановлено. Она таки добилась своего: послала наконецъ царю третью свою челобитную на Вареоломея. Ее отвезъ, вѣроятно, самъ Герасимъ, отправившійся въ Москву 29 мая. Какъ и прочія двѣ, она написана была отъ лица всего братства, хотя «и не за большими руками». Эта очень обширная челобитная краснорѣчиво изобразила темную сторону монастырской дѣя-

ч) Мат. Т. Ш, 67.

тельности архимандрита Вареоломея. Главнымъ образомъ его обвиняли въ неограниченномъ произволѣ по отношенію къ монастырскому хозяйству, въ нарушеніи монастырскаго устава и благочинія и въ безпримѣрной слабости собственной жизни. Братія въ концѣ челобитной просила перемѣнить соловецкаго архимандрита. На его мѣсто она представляла бывшаго саввинскаго архимандрита Никанора, или ризничаго Венямина, или же вообще кого вновь избереть братство. Въ Москвѣ отъ Вареоломея конечно потребовали объясненія на эту челобитную и онъ далъ свой отвѣтъ на нее. Вареоломей очень слабо опровергаетъ взведенныя на него обвиненія. Главнымъ же образомъ онъ старается охарактеризовать предъ царемъ своихъ доносчиковъ, имѣвшихъ далеко не безупречное прошедшее. Вся его надежда была на эту характеристику, да еще на производство слѣдствія на мѣстѣ,—то-есть въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ надѣялся на поддержку тамъ своей партіи. Слѣдствіе дѣйствительно было назначено, но оно уже опоздало. Пока все это дѣлалось въ Москвѣ, на Соловецкомъ островѣ творились другія вещи. Тамъ послѣ Герасима Өирсова во главѣ строгостарообрядческой партіи сталъ старецъ Александръ Стукаловъ, имѣвшій личные счеты съ Вареоломеемъ. Онъ еще болѣе обострилъ отношенія между двумя партіями. Савватій съ товарищами совсѣмъ потеряли голову. Стукаловъ подстрекалъ братію къ непослушанію соборнымъ старцамъ, устраивалъ побѣги изъ монастыря опальныхъ, иногда даже нападалъ на самихъ соборныхъ и грозилъ имъ убійствомъ. Положеніе келаря Савватія становилось со дня на день невыносимо. Въ сознаніи своего безсилія поддержать разрушающійся строй соловецкой жизни келарь съ соборомъ и нѣкоторою братією въ іюлѣ 1666 года, наконецъ, вынуждены были обратиться за помощію къ самому царю. «Освободи свое государево царское богомолье отъ мятежниковъ, писали они,—и вели намъ дать свою грамоту, чтобы мы могли опальныхъ людей и своихъ старцевъ, которые мятежи чинять и безчинно живутъ, смирать, чтобъ въ твоёмъ государевомъ царскомъ богомольѣ без-

мятежно было, а намъ бы отъ мятежниковъ и опальныхъ людей, отъ ихъ крамоль и побѣговъ, отъ тебя, великаго государя въ опалѣ не быть» ш). Новгородскій митрополитъ Питиримъ самъ представилъ царю эту челобитную. Но съ помощію изъ Москвы къ соловецкимъ соборнымъ все еще не торопились. А между тѣмъ каждый пропущенный моментъ можно было считать утеряннымъ на вѣки благопріятнымъ случаемъ для прекращенія соловецкихъ беспорядковъ. Преданные старообрядчеству стали постепенно переходить на сторону старца Александра Стукалова, ибо онъ до сихъ поръ велъ свои дѣла о перемѣнѣ настоятеля подъ прикрытіемъ ревности по старому благочестію. Теперь онъ свободно могъ забрать въ монастырѣ всю власть въ свои руки и дѣлать, что хотѣлъ. Архимандритъ Никаноръ и іеромонахъ Геронтій помогали ему съ своей стороны орудіемъ слова. Благодаря ихъ содѣйствію Александръ Стукаловъ съ братією уволили келаря Савватія отъ дѣлъ. Его замѣнилъ старецъ Азарій. Вслѣдъ затѣмъ въ Москву были посланы новые челобитчики, старцы Тихонъ и Тарасій, «бить челомъ великому государю, чтобъ пожаловалъ, не велѣлъ измѣнить преданія преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и прочихъ святыхъ отецъ» ш).

Таково было положеніе дѣлъ въ Соловецкомъ монастырѣ предъ слѣдствіемъ. Партія умѣренныхъ старообрядцевъ была окончательно подавлена. Поэтому слѣдователь—ярославскій архимандритъ Сергій съ первыхъ же дней своего прибытія въ монастырѣ былъ поставленъ въ самое непріятное и стѣсненное положеніе. Монахи отвели ему съ товарищами тѣсныя келліи, окружили монастырскою стражею съ бердышами и палками и не хотѣли съ нимъ ни видѣться, ни разговаривать иначе, какъ только въ храмѣ, въ общемъ собраніи всего братства, не объявляя притомъ своихъ именъ. А по монастырю среди мірскихъ людей обсуждался вопросъ: не слѣдуетъ ли покончить съ прибывшими изъ Москвы «слугами

ш) Мат. Т. III, 105.

щ) Мат. Т. III, 118.

антихриста?» Словомъ, архимандритъ Сергій поставленъ былъ почти въ безвыходное положеніе. Однако онъ все-таки попытался исполнить возложенное на него порученіе. При отъѣздѣ изъ Москвы онъ не былъ отъ собора снабженъ для этого обстоятельною инструкціею. На имя соловецкой братіи онъ имѣлъ только соборное повелѣніе (11 іюля 1666 года) о принятіи новоисправленныхъ книгъ и чиновъ. Имѣлъ еще онъ царскій наказъ, грозившій неповинующимся Церкви и правительству «жестокимъ наказаніемъ и дальними ссылками». Но все это мало помогало архимандриту Сергію въ сыскномъ дѣлѣ и потому онъ долженъ былъ ограничиться очень немногимъ. Относительно принятія новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ монахи прямо заявили ему, что принять ихъ они совершенно несогласны. Сколько ни убѣждалъ онъ ихъ потомъ, — ничего не могъ подѣлать. Отчаявшись наконецъ, онъ разъ спросилъ всѣхъ собравшихся въ церкви монаховъ: а не была ли отъ нихъ послана царю на своего настоятеля какая-либо челобитная? Застигнутые врасплохъ, монахи отвѣтили, что «они великому государю на архимандрита Вареоломея не челобитчики и челобитной писать николи не веливали». Но липъ только окончено было чтеніе посланной съ Герасимомъ Фирсовымъ челобитной, какъ они ее не «повинили», а даже заявили Сергію желаніе прибавить къ ней съ своей стороны «за руками», кто что про Вареоломея знаетъ. Но Сергій не дождался ихъ сязокъ. Онъ скоро уѣхалъ и обрадованная братія провожала его даже съ честію. Немедленно же послѣ его отъѣзда Александръ Стукаловъ съ товарищами взялись за составленіе новой челобитной. Имъ нужно было оправдаться въ самовольномъ отрѣшеніи келаря Савватія отъ должности и въ то же время во что бы то ни стало настоять на отрѣшеніи и Вареоломея. Челобитная скоро была составлена и, благодаря усиленнымъ хлопотамъ Стукалова съ товарищами, почти всѣми монахами подписана. Содержаніе этой челобитной почти то же, что и предыдущей. Снова архимандритъ Вареоломей съ своею партіею обвиняется во множествѣ преступленій и снова же на мѣсто его

предлагается саввинскій архимандритъ Никаноръ, или кого выберетъ братія. Въ одно и тоже время написана была и другая челобитная на имя повгородскаго митрополита Питирима. Послѣдняго просили быть за нихъ предъ царемъ заступникомъ и дать свое благословеніе на выборъ новаго настоятеля. Для представленія челобитныхъ царю и Питириму, «по братскому челобитью» отправился самъ авторъ ихъ Александръ Стукаловъ со старцемъ Вареолаемъ и слугами Фаддеемъ и Иваномъ. Но въ Москвѣ имъ не посчастливилось: ихъ разсадили по монастырямъ. Въ Соловкахъ же долгое время ничего объ этомъ не знали и сильно беспокоились. Только въ генварѣ 1667 года монахи случайно узнали объ ихъ участи. Тогда они послали узникамъ денежное вспоможеніе, которое впрочемъ не дошло до нихъ. Въ тоже время они воспользовались случаемъ, чтобы послать новую челобитную царю. Писалъ ее старецъ Геронтій,—человѣкъ довольно развитой, умѣвшій ясно и понятно излагать свои мысли, отвезъ же саввинскій архимандритъ Никаноръ. Онъ пріѣхалъ въ Москву какъ разъ въ то время, когда были тамъ восточные патріархи. Какъ человѣкъ умный, Никаноръ тотчасъ понялъ, что теперь неудобно было подавать царю челобитную, а лучше принести пока притворное покаяніе. Послѣ немногихъ колебаній онъ такъ и сдѣлалъ. Обрадованный соборъ искренно простилъ ему всѣ его прежнія заблужденія. Царь снова сталъ ласковъ къ своему бывшему любимцу: Порою Никаноръ получалъ даже кушанья съ царскаго стола. Но это былъ уже не тотъ человѣкъ, котораго раньше любилъ царь. Близкое знакомство съ немногими московскими вождями раскола испортило его. Недовѣріе же, какое выказывалъ къ нему Никонъ, окончательно охладило Никанора къ Православію. Теперь это былъ искренній раскольникъ, натянувшій на себя только маску православія, чтобы тѣмъ легче отражать своихъ враговъ. Это былъ волкъ въ овечьей шкурѣ. Его притворство было такъ искусно, что отцы и не думали подозревать его въ неискренности. Поэтому, когда Никаноръ попросилъ отпустить его обратно въ Соловецкій монастырь подъ

предлогомъ увѣщанія остальной братіи, отцы собора даже обрадовались этому. Они знали его энергію и понимали, что лучше Никанора едва-ли кто можетъ повліять на монаховъ. Съ нимъ вмѣстѣ отпущенъ былъ и вновь поставленный на мѣсто Вареоломея соловецкій архимандритъ Іосифъ, — бывшій строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ. Ъхаль туда же и архимандритъ Вареоломей, чтобы сдать своему преемнику монастырскія дѣла. Такимъ образомъ три архимандрита вмѣстѣ отправились въ Соловецкій монастырь. Но въ Вологдѣ Никаноръ подъ какимъ-то предлогомъ отсталъ отъ своихъ спутниковъ, пославъ гонца впередъ извѣстить монаховъ о прибытіи къ нимъ новаго архимандрита. При этомъ онъ совѣтовалъ не принимать Іосифа, такъ-какъ де у него нѣтъ царскаго указа. Монахи такъ и сдѣлали. Новый архимандритъ, другъ и ученикъ Вареоломея, не могъ быть имъ по сердцу. Поэтому, какъ только архимандриты Іосифъ и Вареоломей остановились на Заячьемъ островѣ, къ нимъ немедленно прибыла депутація съ вопросами: «что имъ нужно, по какимъ книгамъ новый архимандритъ намѣренъ слѣдовать въ монастырѣ, да и есть ли еще у него царскій указъ»? Кроме того, депутація приглашала Іосифа лично явиться въ монастырь для предьявленія братіи своихъ бумагъ. Но такая предупредительность со стороны монаховъ показалась Іосифу подозрительною и онъ не поѣхаль, а велѣлъ братіи пріѣхать къ нему, сказавъ, что онъ тутъ имъ прочтетъ указъ. На утро дѣйствительно явились къ нему келарь и казначей съ большою свитою. Только Іосифъ не встрѣтилъ въ нихъ покорныхъ слушателей. Напротивъ, вмѣсто выслушиванія они насильно заставили его ѣхать съ ними въ монастырь. Приплыли они туда поздно вечеромъ и Іосифъ съ Вареоломеемъ рѣшились лучше переночевать въ ладѣѣ, чѣмъ ночью идти въ монастырь. Тогда монахи приставили къ нимъ, какъ къ преступникамъ, тридцать человѣкъ стражи. На утро они встрѣтили Іосифа въ воротахъ, не принявъ, впрочемъ, отъ него благословенія, и провели его въ соборъ. Тамъ Геронтій прочиталъ его грамоту, которая не произвела на слушате-

лей ровно никакого впечатлѣнія. Въ отвѣтъ на нее монахи сказали Іосифу, что онъ, какъ не желающій служить по старымъ книгамъ, имъ не надобенъ. Поэтому, какъ простому монаху, ему дали прежнюю его келлію. Варεоломею отвели такую же. Пища отпускалась имъ съ общей трапезы. Приѣхалъ и Никаноръ на Соловецкій островъ и встрѣтилъ совершенно иной пріемъ. Монахи приняли его съ почетомъ и пригласили въ монастырь. Въ благодарность за это онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя маску, какую носилъ онъ въ Москвѣ. Никаноръ общалъ всѣхъ благословлять попрежнему и не далъ братіи никакого совѣта слѣдовать новоисправленнымъ книгамъ. На третій день послѣ его прибытія «съ собору» монахи послали въ Москву очень пространную челобитную со старцемъ Кирилломъ. Это самая знаменитая челобитная, цѣнимая раскольниками чуть ли не наравнѣ съ Символомъ вѣры. Въ ней особенно много было высказано противъ греческой Церкви, уклонившейся, по мнѣнію раскольниковъ, въ латинство. А отъ греческой церкви это уклоненіе перешло и въ русскую Церковь, гдѣ немногіе остаются еще «въ древлемъ православіи». Подъ этими «немногими» раскольники конечно разумѣли себя. Въ концѣ же челобитной они слезно умоляютъ царя, чтобы онъ не принуждалъ ихъ служить по новымъ книгамъ. «Лучше пришли на насъ мечъ свой, писали раскольники, — и мы съ радостію готовы умереть въ преданіи чудотворцевъ». Такъ въ первый разъ раскольники подкрѣпляютъ свою просьбу желаніемъ, въ случаѣ неисполненія ея, принять мученичество. Авторомъ этой челобитной былъ старецъ Геронтій. Рассказываютъ, что, когда онъ прочиталъ ее въ монашеской столовой, то братія плакала навзрыдъ и назвала Геронтія вторымъ Златоустомъ. Въ Москвѣ эта челобитная произвела тяжелое впечатлѣніе. Тамъ поняли теперъ, что однимъ снисхожденіемъ и кроткими мѣрами ничего нельзя подѣлать съ соловецкими монахами, и потому рѣшились, наконецъ, перемѣнить милость на гнѣвъ. Но и послѣ послѣдней челобитной Алексѣй Михайловичъ не сразу употребилъ противъ нихъ крутыя мѣры. Добрый царь

сначала испробовалъ еще одно послѣднее средство. 27 декабря 1667 года онъ послалъ грозную грамоту на имя «соловецкаго монастыря соборныхъ и рядовыхъ старцевъ, которые святѣй соборной и апостольской Церкви не противны и великому государю послушны». Здѣсь онъ извѣщалъ ихъ, что за противность святой Церкви новоизбранныхъ самовольствомъ келаря Азарія и казначея Геронтія отбираются въ казну всѣ многочисленныя богатыя соловецкія вотчины съ ихъ доходами ^ъ). Поэтому вся соляная торговля соловецкая въ Вологдѣ, была поручена тамошнему воеводѣ Нащокину съ дьякомъ Скворцовымъ. Точно тоже было предписано холмогорскому воеводѣ Чаадаеву относительно тамошнихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли. Приказнымъ старцамъ въ монастырскихъ усольяхъ воеводы должны были давать изъ этихъ запасовъ только самое необходимое количество подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ казни. Впрочемъ, ближайшее управленіе соловецкими вотчинами попрежнему находилось въ рукахъ соловецкихъ монаховъ, покорныхъ царю и Церкви. Сумскій старецъ былъ выше ихъ всѣхъ и принималъ отъ остальныхъ монаховъ-управителей отчетъ. Самъ же онъ давалъ отчетъ только холмогорскому воеводѣ. Но скоро (съ 18 ноября 1668 г.) сумскаго старца замѣнилъ, не принятый соловецкими монахами, архимандритъ Іосифъ, который сталъ управлять вотчинами уже безъ всякой зависимости отъ воеводъ. Такое отнятіе вотчинъ отъ монастыря въ сущности было нечувствительно для него, по крайней мѣрѣ на первое время. Соловецкіе амбары были полны хлѣбомъ, а въ казнохранилицѣ лежало нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Между тѣмъ, въ теченіе лѣта 1668 года ихъ попрежнему свободно посѣщали богомольцы. Богатые же и усердные поморцы, подъ предлогомъ богомолья, привозили имъ хлѣбъ, соль, рыбу и всякіе съѣстные запасы. А въ концѣ лѣта многіе изъ усольскихъ приказныхъ старцевъ, несмотря на запрещеніе, прибыли въ монастырь попрежнему съ отчетомъ на лодьяхъ, нагруженныхъ

ъ) Мат. Т. III, 292, 297; Ист. оп. Сол. м. Ч. I, 159.

всякими запасами, и сами остались въ монастырѣ. Словомъ, лѣто 1668 г. прошло для нихъ обычнымъ порядкомъ. Они даже осенью послали государю обычную десятинную слюду (13 пудовъ и 7 гривенъ), которая и была принята ^{ы)}. Впрочемъ, монахи все-таки подумывали о предстоящей имъ грозѣ. Какъ только дошли до нихъ первыя извѣстія о командированіи къ нимъ изъ Москвы Волохова со стрѣльцами, они тотчасъ позаботились очистить монастырь отъ лишнихъ и бесполезныхъ людей. На одномъ изъ общихъ собраній всѣхъ ревнителей старыхъ обрядовъ было положено: объявить малодушной и немощной братіи и мірскимъ людямъ, чтобы удалялись изъ монастыря заблаговременно ^{ь)}: Нѣкоторые дѣйствительно и оставили монастырь. Такъ въ декабрѣ 1668 года выѣхало въ Сумскій острогъ 11 чернецовъ и 9 бѣльцовъ, которые въ монастырѣ «къ мятежникамъ не приставали». По словамъ выходцевъ — чернца Іосифа и бѣльца Василя, монахи въ это время сами высклали изъ монастыря подобныхъ людей. Дѣйствительно въ іюлѣ 1669 года, до прибытія еще подъ монастырь Волохова, они выпроводили въ Сумскій острогъ, какъ негодныхъ для нихъ, 12 человекъ опальныхъ людей, которые были присланы къ нимъ въ монастырь въ разное время по царскому повелѣнію. Была ли у нихъ въ это время мысль о вооруженномъ сопротивленіи, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, она могла явиться и дѣйствительно явилась вскорѣ, при первомъ появленіи около монастыря стрѣльцовъ. Соблазнъ былъ большой: на стѣнахъ и по башнямъ стояло 90 пушекъ, въ оружейной палатѣ хранились тысячи мелкаго оружія, въ пороховомъ подвалѣ 900 пудовъ пороху и соответственное количество ядеръ и свинцу. Къ тому же, монахи сами были не послѣдніе мастера обращаться со всякимъ оружіемъ, причувшись къ этому по царскому повелѣнію на случай нападенія шведовъ. Между ними было также не мало отставныхъ и бѣглыхъ стрѣльцкихъ сотниковъ, десятниковъ и стрѣльцовъ,

ы) Акты ист. Т. IV, № 207, 459.

ь) Ист. оп. Сол. мон. Ч. I, 157.

прибывшихъ съ берега. Такого рода условія жизни не могли не навести монаховъ на мысль о вооруженномъ сопротивленіи, не могли не возбудить въ нѣкоторыхъ желанія испробовать свои силы и искусство.

Стрѣлецкій начальникъ Волоховъ былъ назначенъ на Соловецкіе острова въ концѣ лѣта 1668 года. Поэтому, къ осени онъ успѣлъ добратъся только до Сумскаго острога, гдѣ и зазимоваль. Съ нимъ прибыли изъ Москвы 5 пушкарей и «затинщиковъ» и 157 стрѣльцовъ съ Двины и Холмогоръ. Въ Сумскомъ острогѣ къ нему присоединились еще стрѣльцы въ количествѣ 125 человекъ. Такимъ образомъ у него набралось 287 стрѣльцовъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ пищалей, копій, и луковъ. Волохову, сверхъ того, дано было право пользоваться военными брудіями и снарядами, какія найдутся при Сумскомъ острогѣ. Но вообще онъ получилъ довольно неопредѣленныя инструкціи. Царь повелѣвалъ надъ непослушными промыслять, смотря по тамошнему дѣлу, всякими мѣрами съ Заяцкаго острова, а буде пристойно, и съ того бы острова переѣхать совсѣмъ на Соловецкій островъ»^{в)}. Царь вѣроятно, и самъ еще не рѣшилъ тогда, какими это «всякими мѣрами» надо промыслять Волохову. Главнымъ образомъ тутъ разумѣлось должно быть пресѣченіе подвоза хлѣба въ Соловецкій монастырь. Такъ, когда въ 1669 году Волоховъ преждевременно оставилъ Соловецкіе острова, царь повелѣлъ ему снова отправиться туда «для обереганія хлѣбныхъ запасовъ». Значитъ, это «обереганіе хлѣбныхъ запасовъ» отъ Соловецкихъ монаховъ и было главнымъ дѣломъ Волохова. Затѣмъ ему поручено было еще слѣдующее: «которые старцы и мірскіе люди изъ Соловецкаго монастыря учнутъ приходить къ нему, Волохову, въ станъ, тѣхъ принимать и спрашивать: кто именно въ томъ монастырѣ нынѣ суще непослушники и ихъ совѣтники, и которые въ совѣтѣ съ ними бытъ не хотятъ, и по скольку ихъ человекъ на обѣ стороны, и въ чемъ между ними рознь, и есть ли у нихъ

в) Доп. къ акт. ист. Т. V, № 67.

хлѣбные и иные какіе запасы, и сколько, и насколько имъ того будетъ, и отчего имъ части скудости и вскорѣ-ль? И довѣдавшись отъ нихъ про то допряма, приказывать въ монастырь о обращеніи и обнадеживать всякими мѣрами, чтобы они отъ непослушанія и отъ противности отстали, и святой соборной и апостольской Церкви не противны и намъ—великому государю послушны»^{а)}. Очевидно, царь вовсе не зналъ силъ и средствъ монаховъ къ оборонѣ и продолжительному сидѣнію въ монастырѣ. Стѣсненія и увѣщанія онъ считалъ для нихъ совершенно достаточными. Благодаря такой неопредѣленной инструкціи, Волоховъ дѣйствовалъ своеобразно и непрактично. Въ генварѣ 1669 года онъ посылалъ стрѣльцовъ къ соловецкимъ монахамъ съ требованіемъ добровольно принести покорность Церкви и царю. Но ему они отвѣтили: «у насъ одно положено, что по новымъ книгамъ пѣть и служить не хотимъ; на томъ мы въ монастырѣ и сѣли, чтобы помереть, и если ты впредь къ намъ приплешь, то мы твоего посланника въ тюрьму посадимъ»^{ю)}. Такой отвѣтъ показываетъ уже полную готовность монаховъ ко всякаго рода сопротивленію. Очевидно и отъ Волохова они ждали не одного только увѣщанія и стѣсненія. Но послѣднему нельзя было причинить имъ никакого серьезнаго вреда. Скоро у него съ архимандритомъ Іосифомъ завязались непріязненные отношенія, сильно вредившія его дѣятельности. Съ той и другой стороны къ царю посыпались жалобныя челобитныя и поставили его въ крайне затруднительное положеніе. Онъ не зналъ кому вѣрить. Волоховъ писалъ, что архимандритъ задерживаетъ жалованье стрѣльцовъ, запрещаетъ рабочимъ людямъ становиться къ нему въ гребцы и вообще повиноваться ему даже въ необходимыхъ случаяхъ. «Куды тѣхъ людей (монастырскихъ крестьянъ), жаловался Волоховъ,—въ посылку посылать учну, и они меня не слушаютъ»^{я)}. Въ этихъ ссорахъ

а) Тамъ же. № 67, VI.

ю) Ист. Рос. Соловьева. Т. II, 459,

я) Доп. къ акт. ист. Т. V, № 67.

прошла лучшая пора лѣта 1669 года, а потому еще задолго до прибытія Волохова къ монастырю монахи успѣли уже за-пасть всѣмъ, что имъ было нужно. Только въ іюлѣ онъ прибылъ на Заяцкіе острова, отдѣленные отъ Соловецкаго четырехверстнымъ проливомъ. Что онъ тутъ дѣлалъ, — хорошо неизвѣстно. Увѣщевать монаховъ онъ не хотѣлъ, а тѣснить ихъ отсюда ему было совершенно невозможно. Вообще, онъ былъ здѣсь «невѣдомо для чего». На Соловецкомъ островѣ къ нему по крайней мѣрѣ могли бы прибѣжать нѣкоторые изъ старцевъ и мірскихъ людей, не хотѣвшихъ быть съ мятежниками, но сюда и имъ нельзя было придти «за морскимъ путемъ».

Перебрался онъ и на Соловецкій островъ, былъ подь самымъ монастыремъ, но ничего рѣшительнаго не дѣлалъ. А на зиму Волоховъ возвращался въ Сумскій острогъ, распуская по домамъ своихъ стрѣльцовъ. А монахи жили себѣ въ монастырѣ, не нуждаясь ни въ чемъ и не думая о покорности. Предъ Волоховымъ они обыкновенно затворялись въ крѣпкихъ монастырскихъ стѣнахъ. Въ остальное же время — поздно осенью и рано весною — они принимали гостей и запасались собственными припасами. У нихъ постоянно находились благодѣтели, которые доставляли имъ все нужное для жизни, чего нельзя было приобрести на Соловецкомъ островѣ. Единственнымъ успѣхомъ Волохова за три года можетъ быть названо только то, что въ 1670 году онъ взялъ въ плѣнъ неосторожно выѣхавшихъ изъ монастыря для рыбной ловли — бывшаго келаря старца Азарія, 13 монаховъ и 24 мирянъ. Но для соловецкихъ монаховъ и этотъ случай не сопровождался особенно важными послѣдствіями: убыль 38 человекъ изъ 500 почти незамѣтна. Братія, вѣроятно, пожалѣла только Азарія, какъ отважнаго и твердаго въ вѣрѣ. Но монахи привыкли уже къ потерѣ и такихъ дорогихъ людей, какъ Герасимъ Өирсовъ и Александръ Стукаловъ. Однако и послѣ утраты этихъ «доблестныхъ е) мужей» борьба за старыя по-

е) Для нихъ.

рядки въ монастырѣ не только не ослабѣла, а напротивъ усилилась. Тѣмъ болѣе потеря Азарія не могла серьезно повліять на ходъ дальнѣйшаго сопротивленія монаховъ. Слѣдовательно, имъ и нечего было особенно жалѣть Азарія, да и Волохову небольшая заслуга въ его поимкѣ. Мятежъ монаховъ очевидно развивался. Во главѣ мятежниковъ стоялъ архимандритъ Никаноръ, умѣвшій поддѣлываться подъ вкусъ возмущившейся братіи, разжигать ея страсти и оставаться при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ цѣлымъ и невредимымъ. Онъ сталъ теперь центромъ, въ которомъ сосредоточивалась почти вся монастырская власть. Ему повиновались даже и тѣ темныя личности, которыя раньше «безъ чернаго собору келарей и казначеевъ мѣняли, которыя старцевъ-постриженниковъ старыхъ и житіемъ искусныхъ и преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія хранившихъ, безчестили и на соборахъ говорить имъ не давали», которыя во время смуты 1666 года готовы были спутниковъ архимандрита Сергія отправить на дно морское, а у архимандрита Вареоломея рвали на головѣ рогатый клубукъ съ волосами (1667 г.). Эти люди составляли главную опору власти архимандрита Никанора. Но настоящіе монахи повиновались ему только до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ руководителемъ вооруженной обороны монастыря, пока не сталъ кропить пушки святою водою. Съ этого же времени большая часть братіи совершенно отдѣлилась отъ воинственной партіи. Они готовы были даже сдаться Волохову, не перемѣняя, конечно, «вѣры», готовы были пострадать, лишь бы не сопротивляться царскому войску ^{а)}. Такъ и поступили въ послѣдствіи старцы Геронгій и Манассія: они явились къ воеводѣ Мещеринову въ станъ съ покорностію, хотя остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и мужественно перенесли оковы за нихъ ^{б)}.

Слабая осада монастыря со стороны Волохова могла бы продолжаться десятки лѣтъ. Волоховъ болѣе дорожилъ зим-

а) Акты Ист. Т. IV, № 248, 352 — 353; 335 — 336; 333 — 339; 354 — 355, и 532.

б) Мат. Т. III, 323.

нсю своею резиденціею въ Сумскомъ посадѣ, чѣмъ лѣтнею на Соловецкомъ островѣ. Въ Сумѣ онъ, а за нимъ и стрѣльцы ко вреду дѣла и къ соблазну поморцевъ не переставали ссориться съ архимандритомъ Іосифомъ. Разъ эта ссора дошла до того, что Волоховъ (16 марта 1672 г.) въ самой церкви на божественной литургіи, во время «херувимской», взялъ его, архимандрита Іосифа, съ великимъ поруганіемъ, билъ по щекамъ, дралъ за бороду и началъ толкать въ шею; стрѣльцы подхватили, — выволокли его изъ церкви съ ругательствами, притащили на сѣвзжій дворъ и посадили за караулъ въ тюрьму на большую цѣпь со стуломъ в). Туда же попали соборный старецъ Кириллъ и служка Іосифа. Узнавъ объ этомъ, царь повелѣлъ сотнику московскихъ стрѣльцовъ Ивану Молчанову освободить архимандрита и отобрать у Волохова всю, заграбленную имъ монастырскую рухлядь. Молчановъ освободилъ его, но не могъ взять назадъ монастырской рухляди. Волоховъ сильно противился этому. Тогда Іосифъ съ братіею представили царю «за руками» роспись всего награбленнаго Волоховымъ. Царь поручилъ отобрать его новому начальнику стрѣльцовъ—Іевлеву, а Волохова отозвалъ въ Москву.

Преемникъ Волохова—стрѣлецкій голова Клементій Алексѣевичъ Іевлевъ получилъ назначеніе въ іюнь 1672 года. Онъ располагалъ бѣльшими силами, чѣмъ его предшественникъ. Такъ, ему дано было 725 стрѣльцовъ. Но главный способъ усмиренія соловецкихъ монаховъ—«утѣсненіе всякими мѣрами», не прибѣгая къ оружію, оставленъ тотъже. «Посланъ ты, говоритъ ему царь въ одной грамотѣ,—съ начальными людьми и стрѣльцами для промыслу на Соловецкомъ острову надъ соловецкими чернцами-мятежники, какъ мочно тѣснить» г). Въ сентябрѣ Іевлевъ прибылъ прямо на Соловецкій островъ и послалъ въ монастырь сотника Никифора Поропина, «чтобы монахи въ винахъ своихъ великому государю

в) Возм. Сол. мон.—стар. Сырцова 365.

г) Доп. къ акт. истор. Т. V, № 67, 350.

добили челомъ и освященному собору покореніе принесли, а Государь ихъ за это пожалуетъ,—велитъ прежнія вины ихъ отдать». Однако монахи не повѣрили послу Іевлева. Въ подтвержденіе его обѣщаній они потребовали отъ Никифора царской грамоты, которой тотъ не имѣлъ. Поэтому онъ и возвратился къ своему начальнику ни съ чѣмъ. Между тѣмъ наступила осень и Іевлевъ долженъ былъ возвратиться къ своему зимнему мѣстопробыванію—Сумскому острогу. Оттуда онъ донесъ царю, что монахи не повѣрили его письму и упорно стоятъ, ожидая грамоты «объ отдачѣ винъ ихъ». Къ этому онъ прибавилъ еще донесеніе и о вышедшихъ военныхъ запасахъ у него и просилъ прислать ему новыхъ.—Въ Сумскомъ острогѣ съ Іевлевымъ случилось тоже, что и съ Волоховымъ. Онъ сталъ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла и за это сильно ссорился со старцемъ Іоилемъ—преемникомъ архимандрита Іосифа. Іевлевъ отбиралъ отчетъ отъ земскихъ старостъ, хотѣлъ быть судіею между монастырскими крестьянами и даже одного изъ нихъ — Андрея Серебреника присудилъ однажды сковать, бить на правѣжѣ и доправилъ на немъ въ свою пользу 52 рубля, да въ пользу челобитчика 40 рублей. Снова посыпались царю жалобы съ той и другой стороны. Въ отвѣтъ на нихъ царь разграничилъ права монастырской власти и мірской ^{д)}, но этимъ все-таки не прекратилъ ихъ ссоры. Въ концѣ мая 1673 года къ Іевлеву пришла царская грамота и «объ отдачѣ винъ» соловецкихъ монаховъ. Она была написана на имя соборныхъ старцевъ, священниковъ, дьяконовъ, братіи, служебниковъ и мірскихъ людей, чтобы они «отъ шатости и своего намѣренія отстали и соборной апостольской церкви принесли повиновеніе и ему, великому государю, доби́ли челомъ, а онъ, великій государь пожаловалъ,—велѣлъ имъ вины отдать и впредь имъ объ этомъ воспоминанія не будетъ», иначе ни отъ него, ни отъ освященнаго собора не будетъ имъ пощады и прощенія. Іевлеву немедленно велѣно было отправиться на Соловецкій островъ и

д) Мат. Т. III, 322.

отправить эту грамоту въ монастырь. Но онъ только 20 июня отправился туда. Вмѣстѣ съ нимъ отправились и игумень Макарій, и софійскаго собора священникъ Феодоръ, присланные новгородскимъ митрополитомъ для увѣщанія соловецкихъ монаховъ. Послѣдніе однако царской грамоты не послушали, а увѣщателей даже и не допустили до себя. Въ наказаніе за это Іевлевъ сломалъ и предалъ огню всѣ монастырскія зданія, промышленныя заведенія и рыболовныя снасти, находившіяся внѣ стѣнъ монастыря. Рогатый скотъ онъ перебилъ и отдалъ стрѣльцамъ въ пищу; 25 лошадей отправилъ въ Сумскій острогъ. Наконецъ, по его приказанію, стрѣльцы окружили монастырь и были готовы напасть на перваго вышедшаго мятежника. Такая расторопность показываетъ, что Іевлеву не долго пришлось бы осаждать Соловецкій монастырь. Къ сожалѣнію по жалобамъ старцевъ Іоюля и Иринарха его скоро отозвали въ Москву и потому онъ принужденъ былъ снять осаду. А на его мѣсто никто не являлся до лѣта 1674 года. Монахи воспользовались этимъ и снова запаслись всѣмъ необходимымъ. Они теперь уже не были такъ самоувѣренны, какъ прежде. Начавшаяся было блокада Іевлева показала, что съ ними не шутятъ болѣе. Къ тому же и внутренній строй ихъ жизни началъ мало-по-малу разлагаться. Это видно изъ частыхъ перемѣнъ келарей и казначеевъ. Монахамъ служить теперь было не лестно и не легко, а потому выбранные старцы то и дѣло мѣнялись. Такъ въ октябрѣ 1667 года самопроизвольно были поставлены въ келаря старецъ Азарій, а въ казначей черный попъ Геронтій. Въ октябрѣ же 1668 года казначеемъ былъ уже старецъ Симонъ, а въ іюнѣ 1669 года келаремъ—старецъ Епифаній. Въ сентябрѣ 1669 года казначей Симонъ былъ замѣненъ старцемъ Глѣбомъ; но въ іюлѣ 1673 года былъ уже келаремъ Маркеллъ, а казначеемъ—Мисаилъ. Всѣ эти перемѣны всегда происходили по братскимъ приговорамъ.—Въ 1673 году соборъ рѣшилъ оставить молитву за царя и говорилъ про великаго государя такія «неистовыя слова, которыя не только написать, но и слушать страшно». Монахи раздѣлились на двѣ

партіи: молящихся и не молящихся за царя. Къ первой принадлежалъ цвѣтъ монашества — почти все священники, ко второй—всякій сбродъ. Первая сдѣлалась даже опасною для второй, хотя сила была и не на ея сторонѣ. Вслѣдствіе этого молящихся за царя стали сажать въ тюрьму, морить голодомъ, бить плетми. Но уже въ самомъ раздѣленіи монаховъ на новыя партіи и ссорѣ ихъ между собою видно начавшееся разложеніе внутренняго строя ихъ жизни. А разъ начавшись, оно все болѣе и болѣе увеличивалось. Къ пріѣзду же новаго стрѣлецкаго пачальника—Мещеринова и особенно при немъ оно достигло крайней степени. Въ монастырѣ въ это время собраны были «самые пушціе» воры и къ бунту и воровству «заводчики». Никаноръ самъ ходилъ по стѣнамъ и кропилъ пушки святою водою, совѣтуя застрѣльщикамъ цѣлить въ воеводу. «Какъ поразимъ пастыря, говорилъ онъ,—такъ и разбѣгутся овцы». Раздраженіе мятежниковъ противъ царя было теперь полное. Сотники Исачко и Самко, руководившіе обороною, рѣшили было даже положить оружіе, если монахи все еще будутъ продолжать молиться за царя. Только келарь Нафанаиль уговорилъ ихъ продолжать защиту стѣвъ. 17 сентября онъ наотрѣзъ отказалъ дать священнику Митрофану меду на заздравную чашу по царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. А между тѣмъ остальные братія и міряне грозили возстаніемъ, если имъ запретятъ молцтву за царя. Такимъ образомъ раздоръ между монахами былъ полный. Недалеко было уже то время, когда они сами стали бы истреблять другъ друга. Главнымъ заводчикамъ нельзя было теперь надѣяться даже и на тѣхъ, которые слушались ихъ во всемъ, стояли съ вооруженіемъ на башняхъ и даже стрѣляли. Многіе изъ нихъ только и думали о бѣгствѣ, которое стало сильно развиваться. Побѣждали люди самые дорогіе для обители — священники. Они теперь стали убѣждаться, что у «пушцихъ заводчиковъ» вѣра стоитъ на заднемъ планѣ, что подъ предлогомъ вѣры они преслѣдуютъ какія-то другія темныя цѣли. Они поняли наконецъ, что находятся въ союзѣ съ шайкою настоящихъ бунтовщиковъ. Поведеніе «заводчиковъ» служило лучшимъ

тому доказательствомъ. Они «божественнаго пѣнія и молитвы за царя и слышать не хотѣли, въ церковь Божію и къ духовнымъ отцамъ на исповѣдь не ходили, а исповѣдались у простолудиновъ, да помирали нерѣдко совсѣмъ безъ покаянія и причастія, проклиная священниковъ,—называя ихъ еретиками и богоотступниками. «Они неподобныя рѣчи и про царя говорили и стали жить содомски е). Въ виду всего этого благочестивые старцы въ ужасѣ отвернулись отъ своихъ товарищей и съ новыми силами стали рваться изъ монастыря, превратившагося въ притонъ развратныхъ людей. Таково было состояніе Соловецкаго монастыря въ то время, когда монастырь осаждалъ преемникъ Іевлева—Мещериновъ.

Стольникъ и воевода Иванъ Алексѣевичъ Мещериновъ прибылъ въ Сумскій острогъ въ генварѣ 1674 года. Съ нимъ прибыло туда же 5 стрѣleckихъ сотниковъ и 600 стрѣльцовъ съ поручиками. Инструкціи Мещеринова были гораздо опредѣленнѣе и полномочіе его гораздо шире, чѣмъ его предшественниковъ. Ему велѣно «быть на Соловецкихъ островахъ неотступно и чинить всякій воинскій промыслъ со всякимъ радѣніемъ неотложно, чтобъ ихъ воровство и мятежъ искоренить вскорѣ» ж). 2-го іюля 1674 года Мещериновъ и отправился на Соловецкій островъ и здѣсь усердно взялся за дѣло. Онъ самъ отлилъ нѣсколько новыхъ пушекъ и тѣсно обложилъ монастырь. Скоро съ насыпныхъ валовъ полетѣли къ монахамъ ядра и пули. Подъ три башни былъ подведенъ подкопъ. Мещериновъ до тѣхъ поръ бился, пока наконецъ весь порохъ истощился. Особеннаго успѣха впрочемъ не было: монахи защищались храбро; но эта защита не могла быть продолжительною, ибо къ Мещеринову уже начали являться перебѣжчики. Къ сожалѣнію, онъ не остался зимовать на Соловецкихъ островахъ. Въ октябрѣ Мещериновъ разрушилъ городки и воротился въ Суму. Тогда на него со всѣхъ сторонъ полетѣли доносы къ Государю. Тотъ сильно разгнѣвался

е) Мат. Т. III, 342—344.

ж) Доп. къ акт. ист. Т. V, № 67, 363—364.

и прислалъ воеводѣ грозную грамоту. «А что ты, Иванъ, писалъ ему царь,—шоль съ Соловецкаго острова и городки, и шанцы, и избы, и всякое строеніе велѣль сжечь, и за то тебѣ учинено будетъ жестокое наказаніе, какъ ты будешь въ Москвѣ». Но какъ бы то ни было, а Мещериновъ все-таки провелъ эту зиму въ Сумскомъ острогѣ. Онъ былъ такъже неуживчивъ съ монахами, какъ и его предшественники. Поэтому вся зима прошла у него въ ссорѣ со старцемъ Игна-тіемъ, преемникомъ Іоіля. Настала, наконецъ, весна 1675 г. Стрѣльцы еще не являлись къ Мещеринову, а Игнагій уже донесъ царю, что воевода дѣломъ не спѣшитъ. Разгнѣван- ный царь прислалъ новую грамоту, въ которой повелѣваетъ Мещеринову тотчасъ отправиться на Соловецкій островъ, въ противномъ же случаѣ грозитъ ему смертною казнію. Но вое- вода давно уже былъ на Соловецкомъ островѣ и «чинилъ надъ монастыремъ воинскіе промыслы». Стрѣльцы неодно- кратно ходили на приступъ, но всегда бывали отбиты. На этотъ разъ пришлось Мещеринову и зазимовать здѣсь. 23 де- кабря «приступъ великій воины сотвориша и лѣстницы къ стѣнѣ приставиша, и всѣмъ воинствомъ на взятіе пристуши- ша»³⁾, но опять-таки неудачно. Однако силы монаховъ видимо упали: дѣла ихъ разстроивались. Защитники монастыря дѣлали только послѣднія отчаянныя усилія, сами предчувствуя неминуемую гибель. Власть келаря и казначея теперь уже не имѣла значенія. Погреба опустѣли. Въ церковь почти незачѣмъ было ходить: священники не служили. Архиман- дритъ Никаноръ усталъ кропить пушки. Вся защита исклю- чительно была предоставлена сотнику Логину. Дисциплины не было. Караулы велись кое-какъ. Ко всему этому разви- лась въ монастырѣ цынга. Братія стала умирать десятками въ день. Вообще положеніе монастыря было критическое. Скоро онъ самъ растворился бы предъ Мещериновымъ, если- бы не предупредилъ этого чернецъ Оеобитистъ. Онъ указалъ въ стѣнѣ мѣсто, наскоро задѣланное камнями. И вотъ въ

3) Акты арх. ком. Т. IV, № 215, 291; Ист. о отцѣхъ, стр. 26.

бурную ночь нѣсколько стрѣльцовъ разобрали эти камни, вошли въ монастырь и растворили предъ царскимъ войскомъ ворота. Произошла быстрая, но ужасная схватка. До тридцати человекъ было искрошено. Партія же не воинствующая, молившаяся за царя, встрѣтила воеводу съ крестами и иконами. Это случилось 22 генваря 1676 года.

Взятіемъ монастыря закончился мятежь Соловецкихъ моховъ. Но воспоминаніе о немъ живетъ въ народѣ и до сихъ поръ. Иной странникъ, идущій въ Соловки на богомолье, спросить тамъ и о мощахъ монаховъ-мучениковъ и), твердо стоявшихъ за «древлеправославную вѣру». Отсюда можно заключить, какой сильный толчокъ дали расколу соловецкіе мятежники.

И. Соколовъ.

и) Мнѣніе о соловецкихъ мятежникахъ, какъ мученикахъ, намъ не разъ приходилось слышать въ См. губ. даже отъ православныхъ крестьянъ.

ИЗЪ КАТИХИЗИЧЕСКИХЪ ПОУЧЕНІЙ

ПО ВЕТХОЗАВѢТНОЙ ИСТОРИИ.

I.

Какимъ образомъ внѣшнее благочестіе іудеевъ сдѣлало ихъ богоубійцами.

Въ прошлую нашу бесѣду, братіе, разсмотрѣвъ религіозное состояніе іудеевъ предъ пришествіемъ І. Христа, мы пришли къ страшной истинѣ, что внѣшнее благочестіе безъ внутренняго не только бесполезно, но и губительно, потому что оно сдѣлало іудеевъ богоубійцами. Намъ остается обстоятельнѣе объяснить, какимъ образомъ внѣшнее благочестіе привело іудеевъ къ богоубійству.

Іудеи, какъ говоритъ апостоль, *имѣли только образъ благочестія, силы же ея отверглись*. Ихъ благочестіе хотя и не было лицемерное, какъ благочестіе вождей ихъ—фарисеевъ, но было поверхностное — не проникало въ сердце и не преобразовывало его; они служили Богу не духомъ и истинною, а одною обрядностію; они давали Богу не зерно, а скорлупу. Отчего же такъ? Отчего же они не отдавали Богу своего сердца? Оттого, конечно, что сердце уже было занято другимъ божествомъ, болѣе дорогимъ, чѣмъ Господь Богъ,—божествомъ, которое было такъ сильно, что Господь Богъ не могъ вытѣснить его изъ сердца своего народа. Но замѣчено, что чѣмъ менѣе имѣють Бога въ сердцѣ, чѣмъ менѣе внутренняго благочестія, тѣмъ болѣе человекъ налегаетъ на

внѣшнее: отнимая у Бога зерно, человѣкъ хочетъ вознагра-
дить Его скорлупою,—качество наверстать количествомъ, гни-
лость и безобразіе внутреннее прикрыть внѣшнимъ благолѣ-
піемъ. Отсюда всѣ уродливыя крайности обрядоваго благоче-
стія іудеевъ; отсюда и искаженіе понятія о Господѣ Богѣ. Богъ
Моисея и пророковъ — Богъ святой, требовавшій святости,
былъ имъ не по вкусу; имъ нуженъ былъ Богъ, который бы
не мѣшалъ излюбленнымъ идоламъ, занимавшимъ ихъ сердце.
Богъ Моисея и пророковъ слишкомъ требователенъ,—отдай
Ему сердце,—нѣтъ, будетъ съ Него и того, что отдаютъ сво-
имъ богамъ язычники,—за этимъ не постоимъ. И вотъ ду-
маютъ угодить Ему только тукомъ, кровію и дымомъ жертвъ,
поклонами и пышными торжествами.

Но какимъ же идоламъ отдано было сердце и принесенъ
въ жертву истинный Богъ? Эти идолы были двѣ страсти—
гордость, и жажда земнаго благосостоянія. Чужеземное иго,
которое почти постоянно тяготѣло на іудеяхъ со времени
плѣна Вавилонскаго, только раздражало эти страсти: іудеямъ
уже мало было одной независимости,—нѣтъ: какъ избранному
народу Божию и единственнымъ по ихъ мнѣнію наслѣдникамъ
царствія, имъ должны служить рабами всѣ другіе народы. Вотъ
только бы скорѣе пришелъ Мессія!

И понятіе о Мессіи искажается точно такъ же, какъ по-
нятіе вообще объ истинномъ Богѣ, потому что и Мессія дол-
женъ, по ихъ мнѣнію, служить ихъ идоламъ. Они ждали Его
съ часу на часъ и, чтобы тотчасъ, какъ онъ явится, без-
ошибочно узнать Его, составили даже списокъ свойствъ, дѣй-
ствій и именъ Его. И что же? Когда Онъ явился, они не
узнали Его! Отчего? Оттого, что дѣйствительный Мессія со-
всѣмъ не похожъ былъ на воображаемаго ими. По ихъ пред-
ставленіямъ, Мессія будетъ не искупителемъ всѣхъ человѣ-
ковъ, не спасителемъ рода человѣческаго отъ грѣха, прокля-
тія и смерти, какимъ Онъ изображается въ первомъ обѣтова-
ніи, данномъ падшимъ прародителямъ и во всѣхъ послѣдую-
щихъ обѣтованіяхъ, прообразованіяхъ и пророчествахъ,—
нѣтъ, такой Мессія былъ имъ не нуженъ. Имъ нуженъ былъ

Мессія, который бы служилъ божествамъ, занимавшимъ ихъ сердце,—гордости и жаждѣ земнаго благосостоянія. И вотъ, по ихъ представленію о Мессіи, Онъ родится въ блескѣ, возседеть на престолѣ Давидовомъ, освободитъ свой народъ отъ ига иноплеменниковъ и покоритъ ему всѣ народы міра, окружитъ себя фарисеями и будетъ задавать имъ пиры. Объ униженіи, смиреніи и кротости, страданіяхъ и смерти Мессіи за спасеніе всего міра, о Его духовномъ царствѣ,—*царствъ не отъ міра сего*,—о всемъ томъ, о чемъ провозглашали пророки, и помину не было въ ихъ представленіяхъ о Мессіи. Теперь представьте себѣ, что должно было случиться, когда явился Христосъ, родившійся въ ясляхъ, проведенный дѣтство въ презрѣнномъ Назаретѣ, подъ кровомъ бѣднаго плотника, окруженный галилейскими рыбаками да мытарями, жившій безпріютнымъ странникомъ, *не имѣвшимъ идъ главы преклонить*, терпѣвшимъ поношенія, насмѣшки, гоненія? Какой же это Мессія? Правда, Онъ совершаетъ великія чудеса, но... Онъ нарушаетъ преданія старцевъ, не хранитъ субботы: очевидно, *этотъ человекъ нѣсть отъ Бога*,—силою Вельзевула Онъ творитъ чудеса. Не разъ народъ подъ обаяніемъ личности, ученія и чудесъ Иисусовыхъ, забывалъ на минуту свои предрасудки и пытался провозгласить Его царемъ; но и это минутное увлеченіе Иисусъ самъ уничтожалъ: Онъ чуждъ былъ притязаній на царскія почести и не давалъ причины къ обвиненію Его въ этихъ притязаніяхъ. Онъ прямо заявилъ, что пришелъ не затѣмъ, чтобы служили Ему, какъ земному царю, но чтобы послужить людямъ и положить за нихъ жизнь свою. Однимъ словомъ, Иисусъ постоянно шелъ противъ всѣхъ предрасудковъ іудеевъ и нисколько не щадилъ ихъ гордости, прямо въ глаза говоря имъ, что *придутъ отъ востока и запада*—это презрѣнные-то, скверные и ненавистные язычники,—*и возлягутъ въ царствіи Божіемъ со Авраамомъ, Исаакомъ и Иаковомъ*, а они, *сыны царствія, изгнаны будутъ во тьму кромѣшную*. На что же это похоже? И добро бы, по крайней мѣрѣ, Онъ заискивалъ въ уважаемыхъ народомъ фарисеяхъ! Куда! Онъ безпрестанно противорѣчилъ имъ и безпощадно

обличалъ ихъ. Однако, благодаря великимъ чудесамъ Иисуса, особенно чуду воскресенія четверодневнаго Лазаря, народъ все еще надѣялся, что вотъ, наконецъ, этотъ назаретскій Пророкъ явится въ подобающей Мессіи славѣ, и самъ вызвалъ Его на это, встрѣтивъ Его, при послѣднемъ Его входѣ въ Іерусалимъ, какъ Мессію-царя, сына Давидова, восторженными кликами: *Осанна (помоги, Господи) сыну Давидову!* Но когда народъ увидѣлъ Его связаннаго, заплываемаго, заушаемаго на судѣ Пилата, когда увидѣлъ, что всѣ надежды его окончательно рушились, тогда почтеніе смѣнилось бѣшенствомъ и, мстя Иисусу за свои обманутыя надежды, народъ въ безумной ярости вмѣсто «Осанна», кричитъ: «распи Его!»

Таково, братіе, ужасное дѣйствіе страстей: онѣ до такой степени *ослѣпили очи и окаменили сердца іудеевъ, что они и видѣли очами, и слышали ушами, и все-таки не уразумѣли сердцемъ и, несмотря на то, что Иисусъ совершилъ предъ ними столько знаменій, не увѣровали въ Него, и сдѣлались богоубійцами!*

Что же однако? Неужели напрасно Господь приготовлялъ избранный народъ къ пришествію Спасителя? Неужели двухтысячелѣтнія попеченія Божіи остались совершенно безплодны? Ни отнюдь! Всевѣдущій Богъ, конечно, зналъ, что дѣлалъ: еслибы всѣ Его попеченія должны были остаться совершенно безплодны, то Онъ и не употреблялъ бы ихъ: *малозъ Божій не возвращается къ Богу тощъ.* Нѣтъ: попеченія Божіи принесли великіе плоды,—принесли именно тѣ плоды, какіе нужны были. Самъ избранный народъ, правда, оказался неспособнымъ принять обѣтованное сѣмя жены; но онъ сохранилъ въ неприкосновенной чистотѣ *вѣрныя ему слова Божія* и передалъ ихъ, а съ ними и обѣтованіе о сѣмени жены, всему міру; потомъ онъ сохранилъ въ нѣдрахъ своихъ благословенную отрасль *отъ корени Іессева*, которая дала чистѣйшій цвѣтокъ, — Пренепорочную Дѣву, возрастившую намъ плодъ жизни,—Христа, *Бога благословеннаго во вѣки.* Именно

нынѣшній день ^{а)} показали міру, какой неоцѣненный плодъ принесли попеченія Божіи о своемъ избранномъ народѣ.

Днѣсь благоволенія Божія предъображеніе и челоуѣковъ спасенія проповѣданіе: въ храмъ Божій яено Дѣва является и Христа встѣмъ предвозвѣщаетъ. Той и мы велеласно возопіимъ: радуйся, смотрѣнія Зиждителява исполненіе. Аминь.

II.

Приготовленіе языческаго міра.

Много званыхъ, мало же избранныхъ (Лук. 14, 16—24). Въ сейчасъ слышанной вами притчѣ ^{б)} Господь изобразилъ отношеніе Іудеевъ къ Его царству. Царь небесный отдѣливъ себѣ въ удѣлъ изъ всего рода челоуѣческаго одно племя—племя Авраамово, берегъ его, осыпалъ благодѣянїями, воспитывалъ, призывалъ голосомъ пророковъ къ браку Сына своего единороднаго,—къ царству Христову,—и что же? Званные не приняли приглашенія,—они отказались отъ царства Христова. Изъ цѣлаго избраннаго народа приглашеніе Царя небеснаго приняла едва небольшая часть людей, которая вся потомъ вмѣстилась въ одной горницѣ. Пришлось послать на пути и халуги и собрать нищихъ и убогихъ, *да наполнится домъ Божій возлежащихъ*, т.-е. пришлось обратиться къ языческому міру. И міръ языческій принялъ приглашеніе Царя небеснаго, и домъ Божій—Церковь Христова наполнилась и наполняется доселѣ званными изъ языческаго міра.

Итакъ міръ языческій оказался болѣе годнымъ ко вступленію въ царство Христово, чѣмъ избранный народъ Божій.

Посмотримъ же теперь, братіе, какъ совершилось приготовленіе языческаго міра, и какъ развивалась въ нѣдрахъ его вѣковая борьба сѣмени жены съ сѣменемъ змія.

а) Поученіе говорено въ праздникъ Введенія во храмъ Пречистыя Дѣвы Маріи.

б) Поученіе говорено въ недѣлю Праотцевъ.

Вы знаете, братіе, какая печальная судьба постигла родъ человѣческій послѣ столпотворенія Вавилонскаго и разсѣянія людей. Люди пошли въ разсѣяніе съ равнины Сеннаарской не съ пустыми руками: они понесли съ собою драгоценное наслѣдство—чистыя преданія о Богѣ. Но люди были грубы, поработены чувственности и потому неспособны были оцѣнить это сокровище,—идея духовнаго и премірнаго Бога превышала ихъ понятія. *Осуетились они, какъ говоритъ Апостоль, —помышленіями своими, и омрачилось неразумное ихъ сердце* и потому они не прославили Бога, какъ Бога, забыли Его, и стали искать Его въ чувственномъ мірѣ,—и *измѣнили славу нетлѣннаго Бога во образъ тлѣннаго человѣка, и птицъ, и четвероногихъ, и гадовъ*; мало того,—обоготворили даже страсти и пороки человѣческіе. Надѣлавъ себѣ боговъ по образу и подобію своему, язычники надѣлили ихъ всѣми человѣческими страстями: боги были также, какъ ихъ творцы, самолюбивы, пристрастны, капризны, мстительны и корыстолюбивы; они женились, развратничали, ссорились и воевали между собою, обманывали другъ друга; однимъ словомъ, жили и дѣйствовали такъ же, какъ люди, и отличались отъ нихъ однимъ только безсмертіемъ. Какъ земля между народами, такъ точно и небо было раздѣлено между богами; каждый народъ имѣлъ своихъ боговъ и поработеніе и истребленіе другихъ народовъ считалъ дѣломъ богоугоднымъ, потому что доставлялъ этимъ торжество своимъ богамъ. Понятно, что такіе боги были плохіе учителя нравственности. Не нравственнымъ улучшеніемъ, не подвигами добродѣтели пріобрѣталось ихъ благоволеніе,—нѣтъ, имъ нужны были вещественныя дары, кровавыя жертвы, даже человѣческія; Молоху приносили въ жертву дѣтей, Астартъ—невинныхъ дѣвъ.

Таково было состояніе языческаго міра; поистинѣ люди, по выраженію пророка, *сидѣли во мракѣ и стѣни смертной*. Ужаснѣе этого состоянія нельзя и вообразить. Змій, по видимому, торжествовалъ надъ сѣменемъ жены въ языческомъ мірѣ несравненно рѣшительнѣе, чѣмъ въ избранномъ народѣ Божіемъ. Но это же самое было причиною пораженія змія:

наглое торжество его вызвало, наконецъ, противоборство со стороны поработеннаго человѣчества. Какъ ни глубоко упалъ человѣкъ, но все же онъ не пересталъ быть человѣкомъ— не потерялъ совершенно образа Божія: какъ ни глубока была облежавшая его душа тьма, но искра Божія все еще тлѣлась въ глубинѣ ея. И вотъ, въ то время, когда безобразіе язычниковъ дошло до послѣдней крайности, — духъ человѣческой возмущенности противъ нихъ. Лучшіе люди, въ которыхъ искра Божія свѣтилась ярче, чѣмъ въ другихъ,—мудрецы, которыхъ нѣкоторые отцы Церкви (св. Юстинъ мучен.) удостоиваютъ названія пророковъ язычества, подняли голосъ противъ многобожія, идолопоклонства, противъ грубаго суевѣрія языческаго. Они провозгласили единство Божіе, указывали божественныя свойства Бога, и учили поклоняться и служить Ему духовно. Во всѣхъ древнихъ языческихъ религіяхъ встрѣчаются довольно возвышенныя понятія о Богѣ и о служеніи Ему, встрѣчаются молитвы и гѣсногѣнія, имѣющія возвышенный характеръ; возникали общества (пиѳагорейцы, терапевты и др.), поставлявшія себѣ цѣлю нравственное усовершенствованіе.

Но всѣ эти прекрасныя произрастенія не имѣли корня и не могли развиваться на злокачественной почвѣ язычества. Мудрецы, хотя и отвергли многобожіе и провозгласили единство Божіе и Его святость; но, не будучи въ силахъ вырваться изъ оковъ конечнаго міра, они не могли возвышаться до идеи Бога, стоящаго внѣ этого конечнаго міра; а этотъ конечный мръ, хотя и представляетъ отраженіе невидимыхъ божественныхъ свойствъ, но это отраженіе мутится явленіями несовершенствъ, нестроенія и борьбы. Не будучи въ силахъ разрѣшить эти противорѣчія и объяснить происхожденіе зла, какъ физическаго, такъ и нравственнаго, мудрецы не могли ни оправдать въ глазахъ народа своихъ возвышенныхъ идей, ни даже сами устоять въ нихъ,—они безпрестанно путались въ недоразумѣніяхъ и противорѣчіяхъ. Такимъ образомъ, предъ пришествіемъ І. Христа, образованные язычники, потерявъ вѣру въ своихъ боговъ, или впадали въ невѣріе, въ

безбожіе, или искали удовлетворенія религіознаго чувства въ разныхъ суевѣріяхъ, мистическихъ обрядахъ (теургія). Но невѣріе все же не могло заглушить религіозной жажды, а суевѣріе для утоленія ея давало жидкость, которая только обманываетъ жажду и причиняетъ боль. Оттого въ языческомъ мірѣ мы видимъ предъ пришествіемъ Іисуса Христа всеобщую тоску и жажду небесной помощи; самыя кровавыя жертвы, доходившія до человѣкоубійства и дѣтоубійства, были ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ глубокаго чувства виновности и попытки примиренія. Всѣ древнія религіи пытались удовлетворить жаждѣ небесной помощи обѣщаніемъ пришествія боговъ или героевъ-избавителей. Но кто эти боги или герои-избавители? Когда они придутъ и какъ совершатъ избавленіе?—На эти вопросы языческія религіи не давали отвѣта, и вѣра въ нихъ исчезла вмѣстѣ съ вѣрою въ боговъ; осталась не утоленная, а только раздраженная жажда спасенія, и изъ груди человѣчества вырвался вопль: «міръ погибъ, если само небо не придетъ къ нему на помощь!» сказалъ одинъ изъ мудрецовъ... И небо услышало этотъ вопль! Народъ Божій отводится вавилонскимъ завоевателемъ на востокъ и несетъ туда съ собою обѣтованіе о сѣмени жены. Черезъ 100 лѣтъ значительная часть народа Божія отводится въ Египетъ и разсѣвается по всему западу; слово Божіе переводится на общепринятый тогда греческій языкъ,—и весь западъ узнаетъ обѣтованіе о сѣмени жены. Сивиллы — эти вѣщія женщины языческаго міра—подхватываютъ обѣтованіе и буквально, словами пророковъ, возвѣщаютъ міру о явленіи въ Іудеи Властителя, который водворитъ на землѣ такой миръ, что «телець почіетъ вмѣстѣ со львомъ и не нужно будетъ бояться яда змѣи». Взоры всего міра—и запада и востока устремляются къ Іудеѣ. Китайскій императоръ посылаетъ въ Іудею спросить,—скоро ли явится Избавитель? Волхвы смотрятъ на небо и ждуть, скоро ли явится *звѣзда Іаковлева*. Исполнилось пророчество Іаковлево: Христось сталъ *чашиемъ языковъ*. А къ этому времени Богъ приготовилъ и внѣшнія средства для распространенія царства Христова. Весь почти

извѣстный тогда міръ былъ подъ одною властію Рима; повсюду былъ одинъ правительственный языкъ—римскій и одинъ языкъ образованныхъ людей—греческій: проповѣдь евангельская могла поэтому безпрепятственно распространяться по всѣмъ предѣламъ Римской имперіи.

Такъ, братія, происходила великая, всемірная и вѣковая борьба между сѣменемъ жены и сѣменемъ змія, и несмотря на видимое торжество змія, древній міръ оказался достаточно приготовленнымъ къ принятію Вождя, Который долженъ былъ одержать окончательную побѣду—*стереть главу змія. Примиритель* сдѣлался *чаяніемъ языковъ*, такъже какъ Онъ былъ чаяніемъ Израиля,—и еще несравненно болѣе вѣрнымъ. Тогда какъ іудеи, гордые своимъ избраніемъ, ждали въ своемъ Мессіи царя-завоевателя,—язычники, жаждавшіе примиренія съ небомъ, ждали Примирителя. Оттого іудеи, первые званые оказались *недостойными и изъ нихъ было мало избранныхъ*. Считая себя *сынами царствія*, они, отказавшись отъ званія, сами лишили себя царствія;—а язычники, созванные съ путей и халугъ, пришли отъ востока и запада и возлегли со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ во царствіи небесномъ. И доселѣ бывшій народъ Божій—іудеи клануть *поклоняемое отъ колѣнъ небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ*, имя Христово,—и царство Христово. Церковь наполняется язычниками. Отчего это поразительное различіе? Оттого, что язычники сознавали свое недостойнство и это смиренное сознаніе было началомъ ихъ обновленія, наилучшимъ приготовленіемъ къ новому рожденію; самоиѣніе же іудеевъ сдѣлало ихъ глухими къ призыву благодати; считая себя здоровыми, они отвергали небеснаго Врача. *Богатъ я, и обогатился, и ни въ чемъ не нуждаюсь*,—думалъ жалкій этотъ народъ, не видѣвшій, что на самомъ дѣлѣ онъ *и бѣденъ, и нищъ, и нагъ, и слѣпъ, и окаянненъ*,—и въ своей безумной гордости отринулъ Того, Который затѣмъ и пришелъ на землю, чтобы даровать ему *всѣ божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, излить на него *благодать на благодать*.

Исторія іудеевъ и язычниковъ предъ пришествіемъ І. Христа представляетъ поразительное доказательство той истины, что смиренное сознаніе своего недостойнства есть единственная лѣствица, по которой только и можетъ человѣкъ восходить къ нравственному совершенству, а чрезъ него и къ небесной славѣ; гордость же есть причина нравственнаго паденія и вѣчной гибели. *Всякъ возносяйся смирится, смиряй же себе вознесется. Аминь.*

III.

Тайна воплощенія Сына Божія.

Велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти (1Тим. 3, 16).

Вотъ, наконецъ, долгія ожиданія человѣчества исполнились. Тотъ, Кого человѣчество призывало въ теченіе 55 вѣковъ, наконецъ, явился. И однако о томъ, что совершилось, не только никогда не мечтало, но и не могло мечтать человѣчество: *Богъ явися во плоти!* Правда, какъ мы видѣли въ прошлую бесѣду, древніе ожидали, что явится Избавитель, и этотъ Избавитель будетъ или полубогъ, или даже одинъ изъ боговъ. Но что такое были ихъ боги? Силы природы или обоготворенные люди, обладающіе безсмертіемъ и нѣскольکو большими человѣческими силами. И изъ этихъ-то самодѣльныхъ боговъ, превосходящихъ человѣка почти однимъ только безсмертіемъ, язычники ждали не верховнаго, а одного изъ низшихъ, и ждали, что онъ только явится, а не сдѣлается человѣкомъ, для уврачеванія недуговъ человѣческихъ и уничтоженія зла. Но чтобы единый истинный Богъ, премірный, явился и явился во плоти, чтобы Безначальный зачался, Безпредѣльный ограничилъ себя предѣлами ограниченнаго бытія чаловѣческаго и вмѣстился въ утробѣ Дѣвы, чтобы Творецъ содѣлался тварію, Владыка міровъ принялъ зракъ раба и снизошелъ до крайнихъ предѣловъ уничиженія—до яслей и

смерти, да еще крестной,—это такое событіе, о которомъ не только никогда не мечтало и не могло мечтать человѣчество, такъ какъ оно даже и не знало такого Бога,—оно невмѣстимо даже для ангельскаго ума. Это событіе единственное, съ которымъ не можетъ идти въ сравненіе даже твореніе міра, потому что для творенія міра ничего другаго не требовалось, кромѣ мановенія воли Божіей; но для явленія Бога во плоти и для уничтоженія Его до крестной смерти нужно было безпредѣльное снисхожденіе, такъ сказать, отреченіе Бога отъ самого себя, отъ своего величія, что, по нашимъ человѣческимъ понятіямъ, есть противорѣчіе, невозможность. *Велія благочестія тайна: Богъ явился во плоти.* Даже когда открылось это *невѣдомое* самимъ ангеламъ таинство, когда невозможность стала событіемъ, — даже и тогда воплощеніе Бога и Его крестъ было и продолжаетъ быть доселѣ для іудеевъ соблазномъ, а для еллиновъ безуміемъ. Сами вѣрующіе, пытаясь измѣрить безпредѣльную глубину этой божественной тайны, впадали въ заблужденіе.

Такъ въ V вѣкѣ по Р. Хр. патріархъ константинопольскій Несторій, училъ, что отъ Дѣвы родился простой человѣкъ Иисусъ, съ Которымъ только послѣ рожденія соединился Сынъ Божій и обиталъ въ немъ, какъ въ храмѣ, а во время крестныхъ страданій оставилъ его, такъ что, какъ родился, такъ и страдалъ простой человѣкъ, Иисусъ; поэтому и Матерь Иисусову нужно называть Христородицею, а не Богородицею. Это ученіе о простомъ, временномъ сожительствѣ въ одномъ тѣлѣ Бога и человѣка въ основаніи разрушало христіанство. Если отъ Дѣвы родился, и потомъ страдалъ, и умеръ простой человѣкъ, то кто же совершилъ дѣло нашего искупленія? Простой человѣкъ? Но не только человѣкъ, но и ангелъ не могъ искупить всего рода человѣческаго, потому что для примиренія Бога съ человѣкомъ нужно было уплатить оскорбленной грѣхомъ правдѣ Божіей цѣну достаточную, а такая есть только одна кровь Сына Божія.

Опровергая Несторія, архимандритъ Евтихій впалъ въ противоположную крайность. Онъ утверждалъ, что въ I. Христѣ

не сожительствоваши только Богъ и человекъ, но божество соединилось съ человечествомъ такъ, что совершенно поглотило его, такъ что І. Христосъ есть только Богъ, жившій въ человѣческомъ тѣлѣ. Но это ученіе было еще хуже Несторіева; ибо оно не только уничтожало дѣло нашего искупленія, но и было богохульно. Если человечество во І. Христѣ было поглощено Божествомъ, то кто же страдалъ и умеръ за насъ? Богъ страдать не можетъ—зачѣмъ же Онъ соединился съ человечествомъ? Страданія и смерть І. Христа были, значить, призрачныя, дѣло искупленія также призрачно, евангельскія повѣствованія — обманъ, христіанство—ужасная ошибка? Церковь на вселенскихъ соборахъ осудила обѣ ереси и провозгласила истинное ученіе,—что въ І. Христѣ божество соединилось съ человечествомъ *нераздѣльно и несліянно, неразлучно и неизмѣнно*, такъ что оба естества, сохранивъ каждое свои свойства, соединились въ одно лице; Христосъ есть истинный Богъ и истинный человекъ въ одномъ лицѣ, Богъ въ человѣческомъ ествѣ, Богъ во плоти — *Богочеловѣкъ*. Поэтому страдалъ и умеръ за насъ не простой человекъ и не Богъ своимъ божествомъ, а Богочеловѣкъ своимъ человѣческимъ ествомъ.

Теперь, когда Церковь, по поводу ересей, подробно и ясно раскрыла истинное ученіе о воплощеніи Сына Божія, было бы бессмысленно отвергать это ученіе; но современные мудрецы идутъ гораздо дальше въ своемъ невѣріи: они отвергаютъ самую истину воплощенія, не будучи въ состояніи постигнуть ее. Откуда же такое неодолимое упорство? Обыкновенно обвиняютъ въ этомъ разумъ; но я думаю, братіе, что не онъ собственно виновать въ этомъ. Разумъ есть драгоценный даръ Божій, возвышающій человека надъ безсловесною тварью до богоподобія, и составляетъ основаніе образа Божія въ человѣкѣ; пытливость есть существенное свойство его, и если она часто бываетъ виною заблужденія, то она же даетъ и врачевство противъ него. Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, понять, что если сущность естественныхъ вещей недоступна для насъ, то не разумно ли требовать, чтобы божественныя тайны были пости-

жимы для ума? И что же это будутъ за божественныя тайны, если онѣ будутъ вмѣщаться въ нашъ ограниченный разумъ? Что за океанъ, который можно помѣстить въ стаканѣ? Не трудно также понять, что воплощеніе Сына Божія, хотя и непостижимо, но тѣмъ не менѣе совершенно необходимо и одно только оно и объясняетъ намъ загадку нашего бытія, указываетъ намъ наше назначеніе, даетъ смыслъ нашей жизни, проливаетъ въ сердце утѣшеніе, радость и упованіе. Но отчего же разумъ доселѣ вооружается противъ этой свѣтлой и животворящей тайны? Виною этого, братіе, не онъ самъ, а страсти, которымъ онъ подчиняется. Еслибы истина, что дважды два—четыре, сказалъ одинъ умный человѣкъ, затрогивала наши интересы, то и эту неоспоримую истину мы стали бы оспаривать. Мудрено ли послѣ этого, что наша поврежденная природа возмущается противъ божественныхъ истинъ, которыя не затрогиваютъ только, а проклинаютъ, попираютъ, распинаютъ, и не одну какую-нибудь страсть, а всѣ страсти, всего ветхаго человѣка? Если наша гордость съ презрѣніемъ смотритъ на рубище бѣдняка, то въ состояніи ли она оцѣнить тайну безпредѣльнаго смиренія Сына Божія, Который не возгнушался нашимъ человѣческимъ естествомъ, облекся въ рубище нашей плоти и снизошелъ даже до яслей? Если наше себялюбіе стремится не служить а поработать, не жертвы приносить для общаго блага, для меньшей братіи, а жить только для себя и на счетъ другихъ, то оцѣнить ли оно эту безпредѣльную благодать, которая заставила Сына Божія принять на Себя наше немощное естество, чтобы принести себя въ жертву за насъ, пострадать и умереть ради нашего спасенія?.. Нѣтъ, братіе, *душевенъ человекъ не при-емлетъ яже Духа Божія; юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнъ възстязуется* (1 Кор. 2, 14). Пока мы будемъ работать нашимъ страстямъ, тайна воплощенія Сына Божія и Его креста будетъ и для насъ соблазномъ, какъ нѣкогда для себялюбивыхъ іудеевъ, и безуміемъ, какъ для гордыхъ своею мудростію еллиновъ. Только тогда, когда мы побѣдимъ свои страсти, проникнемся смиреніемъ, благожела-

тельностью къ ближнимъ, жаждою нравственнаго усовершенствованія, равнодушіемъ къ земному и стремленіемъ къ небесному,—только тогда мы восчувствуемъ величіе и красоту этой тайны благочестія, что *Богъ явился во плоти*,—только тогда она, оставаясь непостижимою, будетъ свѣтомъ для нашего разума, радостію для нашего сердца, дыханіемъ нашего духа, кормиломъ нашей дѣятельности.

Законъ Господень совершенъ—укрѣпляетъ душу. Суды Господни истина, всѣ праведны; они возделанные золота, слаще меда и сота. Аминь.

Свящ. Д. Державинъ.

СКРОМНОСТЬ.

ПОУЧЕНИЕ ПО ОКОНЧАНИИ УЧЕБНАГО ГОДА.

Иисусъ повелѣлъ имъ не сказывать никому о происшедшемъ (Лук. 8, 56).

Такъ заканчиваетъ св. евангелистъ Лука рассказъ свой о воскресеніи дочери Іаира. И такъ поступалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ не разъ: такъ о славномъ преображеніи своемъ Онъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ: «никомуже повѣдите видѣнія, дондеже Сынъ человѣческой воскреснетъ» (Мѡ. 17, 9). Исцѣливъ прокаженнаго, Онъ даетъ ему наставленіе: «виждь, никомуже повѣждь, но шедь, покажися іереови» (Мѡ. 8, 4). Исцѣливъ слѣпыхъ двухъ, Иисусъ Христосъ запрещаетъ имъ рассказывать о семъ: «блюдите, да никтоже увѣсть» (Мѡ. 9, 30). Исцѣливъ слѣпаго въ Виесаидѣ, Онъ говоритъ ему: «не заходи въ селеніе и никому не рассказывай» (Марк. 8, 26). Онъ не только самъ не рассказываетъ, но другимъ запрещаетъ рассказывать. Такова скромность нашего Спасителя и Господа. Такова скромность и Пречистой Его Матери. Какихъ необычайныхъ откровеній Она сподобилась. Какъ чудесно было зачатіе въ ней отъ Духа Свята и рожденіе отъ ней Сына Божія! Она была свидѣтельницею поклоненія пастырей, волхвовъ, прославленія Сына Ея и Бога Симеономъ и Анною пророчицею. Но она не разглашала, но все видѣнное и слышанное слагала въ сердцѣ своемъ (Лук. 2, 19). И, восходя отъ совершенства къ совершенству, отъ славы въ славу, достигая въ этой жизни

славы херувимовъ и превосходя ихъ, она никогда не забывала, что она раба Господня, и міру являлась не какъ Мать Сына Божія, окруженная славою, но какъ простая Марія. Она не допускала себя ни до какой славы, ничѣмъ не отличала себя отъ другихъ, ставила себя на ряду съ прочими женами, ничѣмъ не старалась привлечь къ себѣ общее вниманіе. Достоянная всякой славы, небесной и земной, Она смущается отъ слова похвалы, хотя это слово произносится архангельскими устами (Лук. 1, 23). Такова была скромность Матери Божіей. Такою же скромностію отличались и всѣ святые Божіи. Святый ап. Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ можетъ хвалиться только немощами своими (2 Кор. 12, 5). Всѣ свои труды, всѣ свои подвиги приписываетъ не себѣ а благодати Божіей. «Благодатию Божією, говоритъ о себѣ, — есмь, еже есмь, и благодать, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ потрудихся, паче же не азъ, но благодать, яже со мною» (1 Кор. 15, 10). «Я удерживаюсь отъ воспоминанія своихъ подвиговъ, чтобы кто о мнѣ не подумалъ болѣе, нежели сколько во мнѣ видитъ или слышитъ отъ меня» (2 Кор. 12, 6): вотъ о чемъ его забота. Онъ, котораго св. Златоустъ достойно восхвалять не находитъ словъ,—боится, чтобы о немъ не подумали болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Такъ поступалъ св. Апостоль; такъ поступать онъ заповѣдалъ и всѣмъ христіанамъ: «не думайте о себѣ болѣе, нежели должно думать, но думайте о себѣ скромно» (Римл. 12, 3). Но что говорить о христіанахъ? Эту заповѣдь знали и исполняли и въ Ветхомъ Завѣтѣ. «Не говори въ сердцѣ своемъ, говоритъ пророкъ Моисей израильтянамъ,—что за праведность мою привелъ меня Господь овладѣть сею землею и что за нечестіе народовъ Господь изгоняетъ ихъ отъ лица твоего» (Втор. 9, 4). Замѣтимъ, братіе, силу выраженія: не сказалъ Господь: «не рассказывай другимъ»,—это было бы хвастовство достойное смѣха, но сказалъ: «не говори въ сердцѣ твоёмъ», т.-е. самъ не думай сего, самъ не считай себя хорошимъ, будь скромень не предъ людьми, но въ сердцѣ своемъ предъ очами всевидящаго Бога... Опытные наблюдатели духовной жизни св. отцы

замѣчали, что какъ только человѣкъ похвалится чѣмъ-либо, какъ сейчасъ начинается оскудѣніе этихъ самыхъ качествъ. Подумаль человѣкъ въ сердцѣ своемъ: хорошо я дѣлаю, что читаю каждый день св. Евангеліе, хожу прилежно въ церковь, внимательно слушаю, что читаютъ и поютъ въ церкви, — и при этомъ осудилъ другихъ, не поступающихъ такъ, — и вотъ, смотришь, и самъ сдѣлалъ то, за что осудилъ другаго. Самохвальство есть видъ гордости, а «всякъ, возносяйся, смирится» (Лук. 14, 11).

Вотъ теперь, по милости Божіей, кончили учебный годъ многіе изъ васъ съ успѣхомъ: пусть же думаютъ о себѣ скромно, не ищутъ себѣ похвалы у людей, не хвалятся своими успѣхами; св. апостоль Павелъ называетъ это безуміемъ. Но пусть первѣе всего отъ всей души поблагодарятъ Бога-Мздовоздателя; пусть скажутъ въ душѣ своей: велика милость твоя, Господи, ко мнѣ недостойному! Не намъ, не намъ, а имени Твоему (Пс. 113, 9). Трудиться, братіе, нашъ долгъ, но успѣхъ труда зависитъ отъ Бога. Земледѣлецъ пашетъ, боронитъ, сѣетъ, въ потѣ лица трудится, но урожай дастъ Богъ. «Насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій (1 Кор. 3, 7).

Что же касается до тѣхъ, которые трудились, но труды ихъ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то пусть не унываютъ; пусть продолжаютъ трудиться. Богъ любитъ труды, — и несомнѣнно, благословитъ ихъ обильнымъ успѣхомъ. Онъ теперь какъбы искушаетъ ихъ терпѣніе, чтобы послѣ наградить ихъ сторицею. Изъ жизни святыхъ Божіихъ мы знаемъ, что у многихъ изъ нихъ въ юности даръ книжнаго разумѣнія былъ очень слабъ; но они трудились и молились, и Господь открывалъ очи ума ихъ, и какія великія свѣтила выходили изъ нихъ! Господь дѣлаетъ это между прочимъ для того, чтобы мы знали, что всякій даръ, тѣмъ болѣе даръ мудрости, свыше есть сходяй отъ Отца свѣтовъ. Итакъ, если у кого изъ васъ не достало мудрости, да проситъ у Бога, дающаго просто и безъ упрековъ, и дастся ему (Іак. 1, 5).

Что же касается тѣхъ, не успѣхъ которыхъ произошелъ отъ лѣности, то таковымъ мы должны поставить на видъ угрозу, страхъ не суда человѣческаго, а суда Божія... Лѣность есть смертный грѣхъ. Лѣнивый ни во что вмѣняетъ дары Божіи. Данный ему талантъ онъ зарываетъ въ землю вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него надлежащее употребленіе на пользу своей души,—къ временному своему благополучію, которое не дается даромъ, а пріобрѣтается трудами,—и къ славѣ Божіей. Господь строго наказываетъ за лѣность. «Негоднаго раба выбросать въ тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ» (Мѡ. 25, 30).
Аминь.

Прот. Михаилъ Некрасовъ.

СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА И СМЕРТЬ ГРѢШНИКА.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ 4-Ю НЕДѢЛЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Оброцы грѣха—смерть (Рим. 6, 23).

«Богъ смерти не сотвори, но сотвори челоуѣка въ неистлѣніе (Прем. Сол. 3, 23). «Но завистію діавола грѣхъ въ міръ вниде, а грѣхомъ вниде смерть во вся челоуѣки» (Римл. 5, 12). Ядъ грѣха, заразивъ все существо челоуѣка, растлилъ его, причинилъ ему смерть. Сила этого яда произвольными грѣхами увеличивается; добродѣтельнымъ же житіемъ, при помощи Божіей благодати, уменьшается, хотя и не уничтожается совершенно. Отсюда и смерть не одинакова бываетъ у людей благочестивыхъ и нечестивыхъ. «Смерть грѣшниковъ люта» (Пс. 33, 22). Эти страшныя слова сказалъ св. Давидъ; но онъ же сказалъ и эти отрадныя: «честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его» (— 115, 6). Ежедневно мы просимъ у Бога христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны. И исторія представляетъ намъ множество примѣровъ смерти, которые наполняютъ душу умиленіемъ. Вспомните, дѣти, кончину праотца Іакова: окружили дѣти постель его; благословилъ онъ каждаго изъ нихъ; предсказалъ будущую судьбу ихъ потомства; далъ имъ наставленіе... Затѣмъ положилъ ноги на постель и скончался, приложился къ отцамъ своимъ. Угасла лампада, когда не стало елєя: дошло солнце до запада и закатилось. Такъ была мирна и тиха, безболѣзненна кончина его. И это въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда смерть не была поправа смертію Христовою. Въ

Новомъ Завѣтѣ смерть умертвися и мы ожихомъ; въ Новомъ Завѣтѣ христіанинъ съ торжествомъ восклицаетъ съ пророкомъ: «гдѣ ти, смерти, жало?» (Осіи 13, 14). Смерть истиннаго христіанина еще болѣе трогательна: онъ не умираетъ, а изъ продолжительнаго странствованія возвращается домой. Вспомните, дѣти, смерть Матери Божіей; смерть эта и не называется смертію, а успеніемъ, успеніемъ по преимуществу, потому что такъ называется смерть и другихъ людей. Вспомните, какъ Господь съ св. ангелами сошелъ, чтобы взять пречистую Ея душу; но Онъ премилосердый и къ каждому праведнику посылаетъ св. ангеловъ, какъ это мы видимъ изъ притчи о богатомъ и Лазарѣ. Или: вспомните смерть св. Іоанна Богослова. «Дѣти, сказалъ онъ ученикамъ своимъ, выройте мнѣ могилу», лечъ въ нее и предалъ свой духъ Богу. Поистинѣ праведникъ умираетъ, какъбы засыпаетъ. Не такъ ли говоритъ иногда отецъ, утрудившійся своему семейству: «дѣти, усталъ я, постелите мнѣ постель: я отдохну!» Вспомните кончину болѣе близкаго къ вамъ по времени св. Димитрія Ростовскаго: предчувствуя свою кончину, онъ призвалъ пѣвчихъ, заставилъ ихъ нѣсколько разъ пропѣть: «Иисусе прелюбезный.—Надежду мою въ Бозѣ полагаю.—Ты мой Богъ, Иисусе! Ты моя радость». Затѣмъ, отпустивъ всѣхъ, сталъ на колѣни предъ иконою Спасителя. На утро нашли его стоящимъ на колѣнахъ предъ иконою и скончавшимся. Послѣднимъ вздохомъ его была молитва. Поистинѣ такая смерть есть рожденіе въ жизнь вѣчную. И смерть всякаго святаго честна предъ Господомъ: очистивъ совѣсть свою поканіемъ, соединившись со Христомъ въ таинствѣ тѣла и крови Христовой, они мирно передаютъ душу свою Богу: «Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой». Святые Божіе мирно умирали подъ мечемъ, съ тихою радостію, съ свѣтлымъ взоромъ, съ молитвою на устахъ восходили на костры, на крестъ и пр. А грѣшники и въ роскошныхъ палатахъ на богатоубранныхъ ложахъ умирали лютою смертію. Въ страшный часъ смерти злые демоны окружаютъ одръ умирающаго грѣшника, съ дьявольскимъ нетерпѣніемъ ожидая, когда душа оста-

вить тѣло, чтобы влечь ее въ озеро огненное. Проснется совѣсть человѣка и онъ съ ужасомъ увидитъ многая множество содѣянныхъ имъ лютыхъ. Надѣялся онъ на богатство, съ жадностію, съ обидою для ближняго собиралъ его. Были бы деньги, а то все будетъ,—съ самодовольствіемъ говоритъ онъ. Но вотъ деньги есть, а отъ смерти не откупишься; деньги останутся на землѣ, а онъ идетъ на тотъ свѣтъ; ничего не принесъ онъ на землю, ничего и не вынесетъ; нагимъ родился, нагимъ и ляжетъ въ сыру землю. Удовольствія плѣняли его, ими онъ и другихъ плѣнялъ; ими покупалъ благоволеніе выспихъ; ими заглушалъ свою совѣсть. Но вотъ пришло время—удовольствія смѣняются муками; удовольствіями не откупишься отъ смерти; для нея не сдѣлаешь вечера—и видятъ человѣкъ, что вся его жизнь была великая ошибка, что онъ студными окалялъ душу грѣхами и въ лѣности все житіе свое иждилъ, что онъ и бѣденъ, и нагъ, и нищъ, и окаяненъ, и мерзокъ. Онъ станетъ самому себѣ мерзокъ, и проклянетъ онъ часъ своего рожденія. Вспомнятся ему стоны обиженныхъ. Слезы ихъ жгутъ его; золото, несправедно нажитое, плата несправедно удержанная у наемниковъ,—все это вопіетъ къ Богу объ отмщеніи, все это давитъ, мучитъ, жжетъ его, и онъ въ ужасѣ мечется, не зная куда голову преклонить... Для грѣшника адскія мученія начинаются еще здѣсь на землѣ. Слово Божіе и исторія Церкви сохранили для насъ нѣсколько ужасныхъ примѣровъ: Иродъ, убійца вилеемскихъ младенцевъ, живой съѣденъ червями: вотъ начало червя неусыпающаго! Нѣкоторые попалены огнемъ небеснымъ,—вотъ начало огня геенскаго! Какою поносною смертію умеръ Арій, Иуда, гонители христіанства! Когда читаешь сказанія о семъ проявленіи гнѣва Божія, невольно становится страшно за себя. А вѣдь эти люди, невольно приходитъ въ голову, были когда-то добрыми людьми. Иуда, на примѣръ, былъ апостоль, слѣдовательно лучшій изъ людей. Какъ же послѣ этого страшенъ грѣхъ! Арій былъ ученый и по своему благородству человѣкъ. Иродъ былъ умный человѣкъ, не въ насмѣшку же исторія назвала его великимъ. Вотъ что дѣ-

лаеть грѣхъ съ человѣкомъ! Но особенно страшно читать про лютую смерть дѣтей. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ св. Димитрій Ростовскій говоритъ: «страшную вещь повѣствуетъ св. Григорій Двоесловъ въ своемъ разговорѣ съ Петромъ діакономъ, въ кн. 4-й, гл. 18:—«Для многихъ дѣтей, говоритъ онъ,—затворяется входъ въ царство небесное, если они худо воспитаны. За три года предъ симъ, въ нашемъ городѣ Римѣ, одинъ извѣстный всѣмъ человѣкъ имѣлъ сына,—ребенка лѣтъ пяти, мнѣ кажется. Отецъ слишкомъ любилъ своего малютку и воспитывалъ безъ всякаго наказанія. Безпрестанно ласкаемый, и никогда не получая выговоровъ, ребенокъ привыкъ къ сквернословію, изрыгалъ хулы на людей, на священныя вещи; изрыгалъ хулы, ужасно сказать, — на самое величіе Божіе; а отецъ нисколько не возбранялъ ему. Ты помнишь моровую язву, которая за три года назадъ опустошила нашъ Римъ?.. Въ это время избалованный сынъ разболѣлся къ смерти; отецъ держалъ его на лонѣ своемъ. При послѣднемъ издыханіи дитяти, злые духи пришли, такъ свидѣтельствуя бывшіе при кончинѣ ребенка, пришли взять душу его: увидѣвши ихъ, малютка пришелъ въ неизъяснимый трепеть, закрывалъ глаза, то кричалъ: «отними меня, отецъ, отними у нихъ»; то испуская ужасныя вопли, пряталъ лице въ пазуху отца, и хотѣлъ укрыться. Несчастный родитель, смотря на трепещущаго сына, спрашивалъ: что онъ видитъ? «Черные люди пришли, отвѣчалъ сынъ,—и хотятъ меня взять». Сказавъ это, онъ началъ извергать срамныя и богохульныя слова, къ которымъ привыкъ, которыя одни, вѣроятно, и зналъ; и съ этими словами извергнулъ душу свою».—Сія повѣсть св. Григорія да устрашитъ родителей, воспитывающихъ дѣтей своихъ худо, безъ наказанія, допускающихъ съ малолѣтства привыкать къ небогоугоднымъ дѣламъ и словамъ. Поистинѣ такіе родители и сами, вмѣстѣ съ невоспитанными дѣтьми, преданы будутъ праведнымъ судомъ Божіимъ вѣчнымъ мукамъ. Какъ Хамъ съ юнымъ сыномъ Ханааномъ былъ проклятъ Ноемъ (Быт. 9, 25); такъ и они услышатъ отъ Бога: отыдите отъ Меня проклятїи.

Доздѣ св. Димитрій Ростовскій, а мы съ своей стороны прибавимъ: дѣти, бойтесь грѣховъ и вы не будете бояться смерти; она для васъ будетъ сномъ, послѣ котораго вы встанете бодрыми и здоровыми и съ радостію изыдете на встрѣчу Грядущему судити живыхъ и мертвыхъ.

Случается впрочемъ, что и праведники умирають мучительною смертію, испытываютъ невыносимыя предсмертныя страданія, которыя посылаются имъ для очищенія отъ старыхъ грѣховъ, недовольно очищенныхъ покаяніемъ, и для приготовленія ихъ къ безпрепятственному вступленію въ царство небесное. Но какъ бы ни были тяжелы предсмертныя ихъ страданія,—они не теряють упованія на спасеніе и этимъ упованіемъ утѣшаютъ себя среди мукъ, ибо видятъ въ нихъ залогъ избавленія отъ вѣчныхъ мукъ. Случается также, что и грѣшники умирають спокойно, безъ мукъ тѣлесныхъ и душевныхъ; но это не къ добру, тишина часто бываетъ передъ бурей. Буря гнѣва Божія разражается надъ ними по разрѣшеніи ихъ души отъ тѣла,—и въ этомъ отношеніи смерть ихъ поистинѣ люта, какъ переходъ къ вѣчной смерти или гибели, отъ которой сохрани насъ Господи.

Прот. Михаилъ Некрасовъ.

ПИСЬМА

АСТРАХАНСКАГО ЕПИСКОПА ГЕРАСИМА

КЪ ИГУМЕНЬ (СИМВ. СПАССК. МОНАСТЫРЯ) ЕВПРАКСИИ *).

1856 г. 30 дек. Изъ писемъ моихъ предпосланныхъ, конечно, ты, дорогое чадо мое о Господѣ Евпр., вполнѣ уже увѣрилась и вновь убѣдилась въ прежней моей о тебѣ памяти сердечной. Полагаю, что и Тома невѣрующей — Ана-насія должна согласиться теперь, что никогда я не разлюблю любящихъ меня, тѣмъ болѣе, что стараюсь любить сколько силъ есть, даже ненавидящихъ меня. Не знай я слабости вашего пола, его легкомыслія, непостоянства, ревности: много, конечно, скорбѣлъ бы, видя самыя несправедливыя подозрѣнія, сомнѣнія, относительно отношеній моихъ къ чадамъ моимъ по духу. Проповѣдуютъ о любви, о постоянствѣ, неизмѣнности; а сами?... Но да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ (Псал. 16, 4)! Безъ этихъ толчковъ, уколовъ, ранъ сердца, къ землѣ привязаться можно бы; а теперь по неволѣ, какъ птица подстрѣленная, летитъ оно туда, гдѣ безопаснѣе, гдѣ на любовь истинную всегда найдутъ отголосокъ искренній, вѣрный. Когда нужно тебѣ отвѣтить и скоро, я немедленно почти всякой разъ отвѣчаю. Буде же нѣтъ, это знакъ вѣрный, что не на что было писать. Только по болѣзни и по чисто-физической необходимости другаго рода я оставляю иногда васъ безъ утѣшенія нужнаго, сколько это отъ меня можетъ зависѣть.

*) Окончаніе. См. юньскую книжку.

О викаріатствѣ одесскомъ здѣсь нѣтъ пока слуховъ, молвы; иначе я донельзя бы сокрушился, чувствуя болѣе, чѣмъ когда-либо все мое недостоинство—занять высшую степень іерархіи. Еслибы можно, то я и настоящія должности сложилъ бы съ себя и, закопавшись по грудь въ землю, какъ многострадаальный Іоаннъ, плакалъ бы день, плакалъ бы и ночи навывлетъ всѣ, о грѣхахъ моихъ тяжкихъ. Сколь ни много любовь ваша снисходительна ко мнѣ, за всѣмъ тѣмъ нельзя мнѣ не видѣть себя и не сознать съ сокрушеніемъ, что тяжкій я грѣшникъ, достойный слезъ ангеловъ Божіихъ и друзей человѣчества.

Какъ и прежде, говорю тебѣ, что Ан. Дм—на далеко не бросовая личность, только упряма, съ довольно неподатливою волюкою; стало витязю нашему (*молодому мужу ея*) надобно дѣйствовать поровнѣе, безъ увлеченій то къ ласкѣ, то къ вспышкѣ. Система выжиданія—вотъ тактика вѣрная для исправленія такихъ личностей... Еще два слова: пусть онъ не унываетъ при неудачахъ, при попыткахъ исправить въ другѣ и сгладить ту или другую угловатость. Постоянствомъ, терпѣніемъ незамѣтно онъ можетъ, при помощи Божіей, образовать въ ней чудный характеръ; не легкомысленная и съ любящимъ сердцемъ, она можетъ составить его земное послѣ Господа Бога счастье. Да не унываетъ же.

Ан. Ив. Фастр.....ой скажи, по поводу запроса ея: «можно ли Ѳедѣ ея ходить къ В. Ст. для изученія франц. языка»,—скажи, что не совсѣмъ признаю я это удобнымъ; пусть бы Ѳедею не баловала чужими переводами: не на пользу будутъ ему такія услуги матери, а во вредъ и великій притомъ: онъ исказятъ его характеръ и приучатъ къ лукавству. Очень меня удивляетъ, что она сама не видитъ этого.

Къ Ан. П—нѣ можешь порѣже ѣздить, чѣмъ я назначилъ тебѣ прежде: я полагалъ тогда болѣе скорби въ ней въ лишеніи матери, чѣмъ теперь вижу. А братьямъ можешь сказать про это, что ты по уваженію особенныхъ обстоятельствъ выѣзжала. Спасибо тебѣ, что ты не хочешь таскаться въ мірѣ, какъ лоскутъ и рубѣ...

Да избавить тя Господь отъ всякаго дѣла лукава, и приведетъ во царствіе свое небесное. Ему да будетъ слава во вѣки вѣковъ Аминь.

1857 г. янв. 26, утр. Куряжъ. Очень радъ я, что ты замѣтно успокоилась отъ обуревавшихъ тебя, чадо мое, помысловъ сомнительныхъ касательно отношеній моихъ къ тебѣ: все же одною заботою, скорбію на душѣ у меня будетъ поменьше теперь, благодаря твоей разсудительности.

Ал. Ев., мнѣ кажется, не за чѣмъ каждый день къ тебѣ ѣздить: не двадцать разъ вы спрашивали и переспрашивали уже объ этомъ меня. Буде же по вашему мнѣнію это необходимо самой неизбѣжной роковой необходимости: дѣлайте уже, какъ знаете, подь своею отвѣтственностію...

Гости мои дорогія не всегда меня видятъ: я почти каждодневно уѣзжаю отъ нихъ, а вотъ нынѣ или завтра и вовсе не буду въ обители. Хоть и жаль ихъ, но служба — не свой братъ: не привыкъ я манкировать ею.

Матушкѣ (*игумень*) передашь, что я рѣшительно никакой не имѣю нужды теперь; поэтому молилъ бы ея ничего мнѣ не присылать въ гостинцы: для чего лишнее монаху? Къ тому же боюсь до смерти, чтобы послѣ не поднять ропота въ душѣ ея за недостатокъ вольно-невольный вниманія къ ней и благодарности. На своемъ вѣку я много испыталъ неприятностей подобнаго рода и всегда болѣе радъ служить кому чѣмъ могу безкорыстно, чѣмъ по найму. Митрофанію — дочкѣ твоей евангельской, дозволяю, по просьбѣ твоей, прочесть то письмо, которое писалъ я Досиеюѣ напей, принимая ее въ мое сердце ^{а)}. Само собою разумѣется, что ты при этомъ опустишь, что идетъ собственно къ усмысленію Досиеи. Да рекомандуй ей самоотверженіе и отсѣченіе своей воли и послушаніе безропотное, какъ кристалльные камни духа иноческаго. По мнѣ лучше мудреца инокъ покорный: онъ —

а) Письмо это, какъ замѣчательное, при семъ же прилагается. Оно писано еще въ январѣ 1853 года.

ангелъ во плоти. Также поговори съ ней объ откровенности сердечной съ тобою, какъ о самомъ необходимомъ условіи для поддержанія дружескихъ и родственныхъ отношеній душъ нашихъ. Пусть она не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ будетъ дочерію твою!

Въ міръ теперь выходитъ безъ важной нужды ей не со-вѣтуй,—тамъ беззаконія и пререканія не сходятъ со стогнъ (Пс. 54, 10).

Молитвенное правило дай ей самое легкое и умѣренное даже; если она была охотница молиться, пусть исполняла бы то, что обыкновенно вычитывала; потребуй, чтобы неопустительно дѣлала это и всякій разъ, какъ опустить—сказывала бы тебѣ. Чтобы не снимала апостольника, не ходила и не молилась съ открытою головою. Привыкла бы всегда носить поясъ.

Прости, мое незабвенное чадо, выну благословляемое сердцемъ инока Герасима.

*Письмо отца архимандрита Герасима къ монахинѣ
Досивей.*

1853 г. 28 янв. Данная премилосердымъ Господомъ любовь моему бѣдному сердцу въ отношеніи къ тебѣ, юное о Господѣ чадо мое, по приходѣ отъ сестръ твоихъ, поставила меня сначала на молитву, очистительною купелью служащую для души сокрушенной; а потомъ засадила за бюро и пишетъ перомъ моимъ. Приложи, чадо, этотъ глаголь любви съ любовію о Господѣ къ сердцу твоему.

Молю тя *ходить достойно званія* (Ефес. 4, 1), въ коемъ судьбами Божіими поставлена ты. Званіе инокини—ангельское званіе, свѣтлѣе и выше послѣ служенія пастырскаго нѣтъ на землѣ. Инокиня—невѣста и обручница Христова. И вотъ причина, почему ей нужно постоянно заботиться о томъ, чтобы питать въ своемъ сердцѣ горячую любовь ко Христу-жениху и беречь это святое чувство въ чистотѣ непримѣсной. Христось и ты, ты и Христось должны быть единъ духъ (1 Кор. 6, 17): спишь ли, бодрствуешь ли, сидишь или ходишь, чи-

таешь ли или молишься, и въ умѣ, и въ сердцѣ твоємъ должно быть одно: Обручникъ твой и Женихъ прелюбезный, краснѣйшій добротою паче всѣхъ человѣкъ, Тотъ, Кого возлюбила душа твоя, Тотъ, Кто съ любовію положилъ за тебя грѣшницу душу свою, Кто пролилъ кровь свою на крестѣ, чтобы искупить тебя, очистить, освятить и, уневѣстивъ, вселить въ свѣтлый чертогъ славы своея велелѣпныя. Когда твое сердце будетъ любить это сокровище, коему цѣны нѣтъ ни здѣсь, ни на небѣ, когда оно станетъ хранить его, яко зеницу ока, бдѣніемъ и молитвою внутреннею: тогда съ каждымъ днемъ все болѣе, выше и выше—отъ силы въ силу ты станешь восходить, подниматься отъ земли на срѣтеніе Духу Божію, готовому своею благодатію священно-тайно водвориться въ твоємъ богопреданномъ сердцѣ и водворить въ немъ *царствіе Божіе*, еже *есть*, по слову апостола: 1) *правда* или оправданіе наше и праведность предъ Богомъ, Иисусомъ Христомъ намъ дарованная, а не собственными нашими подвигами и заслугами приобрѣтенная; 2) *миръ* или спокойствіе совѣсти, тайнаго свидѣтеля дѣлъ нашихъ, по благодати Божіей, неукоризненныхъ и 3) *радость о Душѣ Святы* (Рим. 14, 17), т.-е. тѣ взыгранія души при молитвѣ, тѣ восторги сердца, тѣ восхищенія духа, кои еще здѣсь на землѣ даются намъ для того, чтобы закалить насъ въ горнилѣ терпѣнія, нужнаго для чистоты сердець нашихъ нечистыхъ. 4) Но яко человѣкъ плоть носяй, ты можешь поколебаться или пасть иногда, можешь быть искушаема, уязвлена даже врагомъ спасенія—дьяволомъ; словомъ, можешь, если не забудешь о возлюбленномъ Женихѣ, память о Которомъ, кажется, сохраниться должна даже въ самомъ аду, то по крайней мѣрѣ охладѣть къ Нему, измѣнить Ему въ мысляхъ, желаніяхъ или чувствахъ своихъ и лишиться дерзновенія и упованія. Вотъ въ сіи-то минуты и вспомни о мнѣ, бѣдномъ грѣшникѣ, избранномъ сердцемъ твоимъ въ друга-отца, вспомни, что ты не одна, не сирота одинокая, беззащитная, безотрадная; вспомни, что худъ ли, добръ ли отецъ, да отецъ онъ, не чуждый тебѣ,—вспомни про это и смѣло съ надеждою иди грѣш-

ница къ грѣшнику плакать, горевать, сокрушаться о грѣхахъ. Забвена буди десница моя, аще забудеть тебя тогда моя любовь, аще не отзовется на гласъ твой призывный, скорбящій сердце мое; аще дамъ я покой скраниама моима и вѣждама моима дреманіе прежде, нежели раздѣлю, преполовлю съ тобою—частію уже моего сердца—тоску твою и твое горе!

Но не станемъ омрачать свѣтлую пока лазурь неба сердечнаго какъбы тучами мрака,—дүмами этими печальными; будемъ уповать и надѣяться, что премилосердый Господь сохранить вхожденіе твое и исхожденіе твое, чадо мое о Господѣ возлюбленное, отнынѣ и до вѣка въ чистотѣ и святости; что при содѣвствіи Божественной благодати, аще ты и падешь иногда по немощи, не разобьешься однако и не потеряешь бодрости въ духѣ, дерзновенія въ сердцѣ; словомъ, станешь жить и дѣйствовать такъ, какъ мудрыя дѣвы евангельскія, кои то и знай, подливаютъ елей въ свѣтильники свои въ ожиданіи Жениха небеснаго: то-есть храня чистоту тѣла и души, чрезъ вниманіе къ себѣ и молитву, станешь *подвизаться противу грѣха* до пота, до крове (Евр. 12, 4) и насаждать вмѣсто его, *дѣла свѣта*, предписываемыя въ десяти заповѣдяхъ Божіихъ.

При семъ, желая восполнить неопытность мою въ духовной жизни, посылаю я тебѣ въ благословеніе, чадо мое, книжицу преосвящ. Никифора Θεотоки, заключающую въ себѣ четыре слова къ монахинѣ: читая ее, ты найдешь, моя родная, много поучительнаго, душеспасительнаго для тебя. Кромѣ сего посылаю тебѣ, склонной къ отчаянію, ликъ Спасителя, молившагося, нѣкогда въ саду Геосиманскомъ о спасеніи и твоёмъ и о принявшемъ тебя въ убогое сердце свое, многогрѣшномъ инокѣ *Герасимъ*.

1857 г. 23—24 июля. Спѣшу хотя нѣсколько сказать тебѣ Евп. Еѳ. и тѣмъ ускорить исполненіе долга любви моей, не дающей покоя мнѣ, когда стоитъ не тотъ-другой вопросъ на очереди отъ васъ.

Мат. игумен. до послѣдней крайности не говори о сплетняхъ и злобишкѣ М—и, старайся первѣе ни тѣмъ-другимъ обязать ее, *благимъ побѣждать злое* (Рим. 12, 21). Нѣтъ, мой другъ, побѣды славнѣе, рѣшительнѣе, какъ воздаяніе за зло добромъ. Не удастся эта мѣра; постарайся укрѣпить сердце свое, и успокоивъ духъ, объясниться съ нею, но не вдругъ,—мало-по-малу, начавши съ маленькаго, а послѣ консишь значительнаго. По объясненіи старайся быть особенно осторожною съ нею и не подавай и тѣни повода къ недоумѣніямъ, служащимъ нерѣдко сѣменемъ раздоровъ.

Благодарю тебя за терпѣніе, коимъ ты подавила въ себѣ духъ строптивости и ропота на сестру пылкую, но нѣжную, въ любви и довѣренности коей нисколько ты не должна сомнѣваться; тѣмъ болѣе, что увлеченія могли быть у ней минутныя, не погашающія доброжелательства къ тебѣ въ сердцѣ ея, искренно, сколько вѣдомо мнѣ, любящемъ тебя. Хорошо объясняться съ слабыми, при случаѣ искушеній съ ихъ стороны; но еще лучше, какъ бы не замѣчать искушеній этихъ и предоставить ихъ суду Господа, благоволящаго къ кроткимъ и молчаливымъ (Ис. 66, 2). *Обличай премудраго*, говоритъ премудрый,—*и возлюбитъ тя* (Притч. 9, 8); а много ли, мой другъ, премудрыхъ?.. Продолжай же нести, какъ и доселѣ не-сла ты, тягость друзей (Гал. 6, 2), съ терпѣніемъ молчаливымъ, и оправдаетъ тебя Господь. Терпи же, добрая старлица моя, и не отвѣщай безумнымъ на безуміе ихъ, да не подобна имъ будешь (Притч. 26, 4).

Ал—ру Еѳ., видимо, Господь хочетъ приблизить къ себѣ. О, ежели бы она уразумѣла это время посѣщенія Божія! Боюсь, ужасно боюсь, чтобы нѣкогда и о насъ не сказали съ нею тогоже, что объ іудеяхъ сказано пророкомъ Іеремією (— 5, 3): *билъ еси ихъ, и не поболѣша, сокрушалъ еси ихъ, и не восхотѣша пріяти наказанія: ожесточилъ лица своя наче камене, и не хотѣша обратитися*. Скажи ей объ этомъ и объясни, что не взирая на всѣ ея нападки, подозрѣнія, придирки, молюсь о ней, какъ объ одномъ изъ чадъ моихъ, и молюсь съ упованіемъ.

Здоровье мое надбываетъ «золотниками», по присловію: нѣтъ еще силъ прежнихъ, при помощи коихъ бодро ходилъ я, долго стоять и сидѣть могъ: какъ куль я теперъ пока. Но душа просится туда, на небо. Тяжело ей здѣсь отъ суеты, отъ работы тлѣнія; къ тому же и болѣзнь озабочиваетъ ее: не потерять бы опять времени, столь благопотребнаго для усвоенія себѣ вѣчности блаженной, входъ въ которую открытъ мнѣ Спасителемъ моимъ. Нынѣ подумываю за дѣло взяться и быть у владыки. Поклонись всеѣмъ сестрамъ отъ меня. Христось съ вами!

1857 г. 27 авг. Куряжъ. Собираюсь въ городъ, чтобы служить въ соборѣ нынѣ, по предложенію святаго владыки нашего, сильно изнемогшаго и отъ поноса и рвоты, которые, замѣчаю, возобновляются у него періодически. Поэтому, не жди отъ меня, въ отвѣтъ на письмо твое отъ 13 іюля, письма пространнаго; тѣмъ болѣе, что все еще нѣтъ силъ прежнихъ, владѣя коими, восемь - десять писемъ я могъ написать за одинъ присѣсть. Теперъ не то, доброе чадо мое Евпр. Ее. Болѣзнь Анд. очень меня тревожитъ; незримо вижу я, что снова подружился, видно, онъ съ прежними своими навыками дурными, кои, пожалуй, хоть кого, и не такую некрѣпкую голову, могутъ свести съ ума. Скажешь ему, что ждать буду его къ себѣ въ сентябрѣ. Пожурю его, вразумлю и утѣшу. К... доброму, писавшему ко мнѣ, желаю преспѣянія на пути спасенія. Опасно стоять на одномъ мѣстѣ: пусть бы, при помощи Божіей, съ терпѣніемъ шелъ впередъ по пути Христову.

Молю Господа вразумить Руммель и показать ей, что безъ Него—свѣта ума, силы воли и радости сердца—все ничтожно на землѣ; что Онъ и единъ Онъ только—благо наше верховное. Скорбь ея о Сер. вполне раздѣляю. Желалось бы, чтобы и въ Пензѣ не оставался онъ, какъ поле безъ ограды: дитя безъ присмотра и притомъ такое, какъ онъ, никогда не можетъ доставить надлежащаго утѣшенія своей матери. Фед. не способнѣе Сер.; но благодаря надзору постоянному со сто-

роны матери своей, учившей, по словамъ достовѣрныхъ лицъ, уроки съ нимъ, переходить, слышно, въ 5 классъ. Знаю, что такія рѣчи опять не понравятся нашему другу; да что же дѣлать, когда не умѣю я кривить душею?

До смерти жаль мнѣ Ан. Ив.; тѣмъ болѣе, что уже покорилась она, кажется, своей судьбѣ и не беспокоитъ меня докукою, какъ прежде, взять къ себѣ: пишетъ преискренно, кротко, умно,—спасибо ей!... Видѣлась въ Кіевѣ и съ Костей (сыномъ), коего жду-не дождусь вотъ уже съ недѣлю почти.

Что-то витязь нашъ—живъ ли, здоровъ ли? Да благословить его съ Ан. Господь! Все пѣлъ соловушко; но вотъ сталъ счастливымъ и замолкъ. И прекрасно!.. Вѣрѣ вѣрной, благовѣрной, Паисіи преподобной, Маріи любящей уединеніе, Ангел. словоохотливой, Пелагеюшкѣ и всѣмъ, всѣмъ чадамъ моимъ; также Раисѣ съ Алевтиною ^{б)}, конечно, имѣющимъ прибыть къ вамъ вскорѣ послѣ полученія сего письма, желаю отъ чистаго сердца и любви нелицемѣрной, мира душѣ и спасенія ея. Христосъ съ вами!

1857 г. 5 ноября. Харьковъ. Видѣла ли ты меня, чадо мое Евпраксія? Слышала ли ты благословеніе сердца моего? Получивши письма отъ васъ нынѣ въ числѣ 13 и читая ихъ, ни однимъ я не былъ столько тронуть, утѣшенъ, какъ твоимъ, самымъ, впрочемъ, коротенькимъ: это тѣмъ, въ коемъ ты каешься въ грѣхѣ своемъ. Весь я, казалось мнѣ, перенесся къ тебѣ, поднялъ тебя съ моимъ сердцемъ ко Господу, и молясь Ему всеблагому, слезно просилъ Его помиловать тебя кающуюся и простить тебѣ увлеченія твои и паденія вольныя и невольныя. Потомъ крестилъ тебя и благословлялъ сидя у себя за столомъ въ гостиной и держа въ рукахъ твои строки. Странно; ежели ты не видѣла, не слышала меня. Какъ жаль, что новорожденная наша Евс. не видитъ себя

б) Раиса и Алевтина Гавр. Тейсъ—родныя сестры. Нынѣ Рахиль и Анатолія—обѣ игуменьями и настоятельницами обителей въ Самарской епархіи.

въ надлежащемъ видѣ,—чѣмъ опечалила очень духъ мой. Одна моя надежда на Господа: Его и молю я—просвѣтити очи сердца ея, да не до конца уснетъ въ смерть (Псал. 12, 4). Здоровьемъ, по милости Божіей, попрежнему крѣпокъ сталъ и могу работать часовъ отъ 11 до 13 въ сутки безъ утомленія почти.

Умоли Евс. и Ал. Ео. простить меня, что не отвѣчаю и первой на письмо ея и послѣдней на ея короткую записку. Впрочемъ въ видѣ отвѣта, первой скажешь, чтобы поусерднѣе и безпристрастнѣе вникала въ процессъ своей жизни, или въ тѣ проявленія ея, коими она обнаруживается. А Ал—рѣ Ео. скажешь, что весьма полезно ей воздержаніе, что при воздержаніи только и возможно терпѣніе въ молитвѣ, весьма для нея нужной, и смиреніе съ кротостію, чуждое духу ея, между тѣмъ весьма ей, какъ христіанкѣ, благопотребное.

Какъ тебѣ дѣйствовать, вопрошаешь ты, въ случаѣ ухода мат. игум. вашей изъ обители. Дѣйствуй такъ, какъ свойственно истинной послушницѣ, у коей нѣтъ своей воли и которая, по смиренію, не обинуюсь, должна дѣлать все, чтобы ни повелѣла власть предержающая; лишь бы это вполне было согласно съ волею Божіею. Впрочемъ, это вовсе не значитъ того, чтобы ты не вправѣ была сказать, или изложить письменно, кому слѣдуетъ, можешь ли и насколько можешь рассчитывать на силы, на средства свои, чтобы знали, чего можно ожидать, требовать отъ тебя. Если примутъ въ резонъ это и отмѣнять намѣреніе свое, ты останешься, конечно, въ покоѣ; а нѣтъ, тогда и плача должна волей-неволей браться за ношу и, призвавъ на помощь имя Господне, идти—нести ее.

Судя, однакоже, по тому, что владыка опять остается у васъ, я не думаю, чтобы Сераф. Ник. рѣшилась разстаться съ Симбирскомъ: лучше ей не найти уже нигдѣ такого архипастыря, подъ крыломъ коего доселѣ живетъ себѣ, какъ хочетъ в).

в) Послѣ страшнаго симбирскаго пожара 1864 г. испепелившаго и Спасскую обитель, игум. Сер. Н. удалась въ Рыбинскъ и тамъ скончалась; а монахиня Евпраксія, къ коей писались письма сіи, сдѣлалась ея преемницею и возстановительницею обители.

Одну изъ книжицъ (Авв. Дорое.) тебѣ дарствую, а остальные (десять) прошу передать мат. иг. съ моимъ почтеніемъ, и сказать, что помню ее, молюсь о ней и ея молитвъ святыхъ прошу. Если спросить о житьѣ-бытьѣ моемъ здѣсь; то можешь сказать, что довольно спокойно живу здѣсь и славолю Господа. На прошлое же смотрю, какъ на сонъ, и стараюсь забыть, что было въ немъ для меня неприятнаго...

Инспектора все нѣтъ, какъ нѣтъ, и я бьюсь, какъ рыба объ ледъ. Горюю о моемъ Куряжѣ: по разу ужъ и не болѣе могу быть тамъ (въ недѣлю), молиться, вздыхать и плакать о грѣхахъ моихъ. Молись, да благословить Господь меня миромъ и готовностію служить и благоугождать Ему выну. Сильно донимаетъ меня суета и обираетъ разсѣяніе, неизбѣжное при молвѣ житейской. Христосъ съ тобою!

1857 г. 21 дек. Какова ты, чадо мое Евпракс.? Каковы друзья наши сестры? Что у васъ новаго тамъ? Поздравляю васъ вкупѣ съ свѣтлымъ праздникомъ и молю васъ всѣхъ помолиться о мнѣ, да предначну новое лѣто благодати Божіей (Псал. 64, 12), для славы славнаго имени Его, да ничтоже успѣетъ врагъ (— 88, 23), поборавшій мя и плѣнавшій мя послушаніемъ грѣховнымъ въ годъ минующій...

Готовя отвѣты съ прошлыми почтами сестрамъ твоимъ, писавшимъ ко мнѣ, среди суеты и многоаго множества дѣлъ, я кое на какіе вопросы забылъ, помнится, имъ отвѣтить. Не потрудишься ли ты, чадо, при случаѣ дать мой отзывъ:

1) Ал. Ео., что въ Казань она можетъ съѣздить къ матери крестной Оли ея, буде это точно необходимо; что *больше* на *лазу* не безъ успѣха излечивалъ я когда-то обыкновенными земляными красными червями (которыхъ рыболовы набираютъ на удочки для заманки рыбы). Очистивъ ихъ отъ земли, нужно положить въ баночку, посыпать ихъ мелкимъ сахаромъ для того, чтобъ вышелъ сокъ изъ нихъ, и этою жидкостію смачивать страждущее мѣсто. За Сер. бы не вступалась она горячо съ отцемъ. Вѣдь, гдѣ бы онъ ни былъ,

ни служилъ, а отъ несправедливостей въ жизни трудно уйти ему будетъ; стало всего лучше встрѣчать и провожать ихъ терпѣніемъ, къ которому слѣдуетъ поѣтому приучаться съ измолода.

2) Евсев. скажешь, что одинъ только грѣхъ не прощается на судѣ Божиѣмъ: это грѣхъ отчаянія въ нашемъ спасеніи, или хула на Духа Святаго (Матѣ. 12, 32), подъ кою разумѣется противленіе очевидной истинѣ, оправдываемой чудесами. Иисусъ Христосъ пришелъ грѣшныя спасти, изъ коихъ мы первые съ нею. Слово свое подтвердилъ Онъ — Любовь воплощенная—чудесами обращенія, между прочимъ на путь истины и правды, множество тысячъ подобныхъ намъ грѣшницъ и грѣшниковъ: какъ же не вѣрить этому, стоять на своемъ упорно и утверждать: «не спасусь я, пропала я и нѣсть ми надежды даже на помилованіе милостію Его богатою?» Страшитъ паденіе? Не лежи, а вставай поминутно, буде падаешь поминутно. Застанетъ часть суда въ борьбѣ насъ съ нею со грѣхомъ,—и не погибнемъ мы.

3) Ир. съ Кс. сказать, что «путешествовать по св. мѣстамъ» могутъ безъ болтовни, осужденія, со страхомъ Божиимъ.

4) Ав. сердобольной передашь, что экзамены мои кончаются нынѣ. А инспектора все нѣтъ. Вчера проводилъ я верстъ за 12 преосв. Игнатія (Брянчанинова), гостившаго здѣсь двое сутокъ. Обласкалъ онъ меня и утомилъ, спрашивая о Кавказѣ.

Молю вы, чада, именемъ Господа нашего Иисуса Христа (1 Кор. 1, 10)—тверди бывайте во упованіи, непоступни въ любви, молитвенно бодрствуйте и трезвитесь, стойте въ вѣрѣ (— 16, 13), мужайтесь, утверждайтесь и Господь попечется о васъ (Псал. 39, 10), и поможетъ вамъ, избавитъ васъ, и спасетъ (— 36, 40).

1852 г. марта 31 дня ^{г)}. Чувства и мысли твои по причащеніи мнѣ очень понравились: питать и усиливать ихъ въ

г) Это письмо и слѣдующія за нимъ писаны, когда Герасимъ жилъ еще въ Симбирскѣ.

душѣ значить идти за Спасителемъ, обнищавшимъ для нашего обогащенія. Смиренное о себѣ мнѣніе, повидимому, есть *нужь* не болѣе, и очень подъ часъ убожить и гнететь душу; но, какъ *нужь* обыкновенный, имѣетъ большое значеніе въ приложеніи... Да не лишитъ тебя Господь этого сокровища и тѣмъ да избавитъ отъ послѣдней ловушки демона—это тщеславія, на которое ты жаловалась прежде и жаловалась, судя по этому дару небесъ, съ принятіемъ св. даровъ принятому тобою вѣрую, искренно, съ желаніемъ души — разобщиться съ этимъ обманчивымъ духомъ!

О болѣзни моей, не мѣшающей ни мало мнѣ думать о вѣчности и любить васъ попрежнему, если еще не сильнѣе, не беспокойтесь нисколько: надо всегда желать, чадо мое, воистину возлюбленное о Господѣ, чтобы ни здоровье не мѣшало намъ работать Господеви со страхомъ и радоваться Ему съ трепетомъ (Пс. 2, 11), ни болѣзнь не отнимала охоты подражать тѣмъ, кои о себѣ говорили: *мы живи—присно въ смерть предаемъся*.

Много здоровье причиняло и причиняетъ доселѣ вреда мнѣ бѣдному грѣшнику, не умѣющему пользоваться, какъ должно, этимъ даромъ небеснымъ: пусть же болѣзнь, если угодно то Небу, устранить этотъ вредъ!

1852 г. апр. 9... Не скрою отъ тебя, по любви моей къ тебѣ, что не могу, яко человекъ, не болѣзновать и крѣпко иногда, при видѣ скорбей вашихъ; со мною дѣлается тогда что-то въ родѣ родильницы, носящейся съ плодомъ чрева своего и не разрѣшающей. Видно, мой другъ, и духовная любовь не безъ страданій своего рода, коихъ не избѣгалъ никто, какъ изъ родильницъ-женъ не обходилась ни одна, при рожденіи плода любви, безъ мукъ... Да будетъ воля Божія во всемъ.

Господь тебя да укрѣпитъ, и да избавитъ отъ сѣтей лукаваго! Сего тебѣ всѣмъ своимъ любящимъ сердцемъ желаетъ бѣдный инокъ Герасимъ.

1852 г. апр. 11 дня. Кончилъ я, прерываемый слезами, катящимися градомъ изъ очей моихъ, письма ваши, благословенныя чада Христовы, писанныя вами вечеромъ 10 апрѣля. Между прочимъ пишете, что вчера я былъ съ вами, при мирной сходкѣ вашей; что молилъ старшую изъ васъ, какъ мнилось ей, въ 4 часу и 5, объ умирении ея души,—какъ нужнѣйшемъ условиіи для жизни иноческой. Все это вѣрно, какъ нельзя болѣе, и вотъ какъ это было: прочитавъ письмо смущенной изъ васъ и видя съ одной стороны дерзость врага, посѣявшаго на нивѣ Христовой плевелы, кои, какъ мнѣ показалось, начали уже и прозябать и подавлять пшеницу, съ другой—все безсиліе убогой души помочь тѣмъ, коихъ она любить крѣпко, любить, быть можетъ, какъ не многихъ она страдалица на своемъ вѣку любила, я рѣшился мысленно, испросивъ благословіе у Господа, идти къ вамъ, и совокупивъ обѣихъ въ келліи старшей, пасть предъ вами (и палъ мысленно сердцемъ моимъ страждущимъ) и умолять во имя Господа нашего Иисуса Христа, пострадавшаго за насъ и оставившаго *миръ намъ*, о мирѣ и любви, нарушенныхъ врагомъ, о козняхъ коего извѣщены были вы во снѣ (припомните сонъ Евсев. и свой, видѣнный недавно). Итакъ, ты старшая, чадо моего сердца, видѣла не мечту, не призракъ, среди молитвы твоей, а истинный образъ бѣднаго грѣшника. Повѣдаю это вамъ, во свѣтѣ лица Божія, стоя какъбы на страшномъ судищѣ Его, во славу Его имени святаго. При чемъ не скрою и того, что по прекращеніи безмолвной молитвы моей, хотя я успокоился вполне, хоть мучили меня прилоги, одинъ другаго больнѣе жалившіе бѣдное сердце; но духъ мой уже вышелъ изъ сѣти унынія и отбивалъ, какъ орелъ своими крыльями, прираженія вражіи. И это продолжалось до минуты мировой вашей: въ 10 часу, я уже чувствовалъ, что мнѣ остается лишь благодарить Господа и благословить васъ. И благословилъ бѣдный грѣшникъ васъ тогда всѣмъ моимъ сердцемъ, желая умастить, какъ бы елеемъ—любовію его, сердца ваши соединившіяся.

Простите, утробы мои возлюбленные, и будьте увѣрены, что попрежнему вы обѣ дороги для любящаго васъ о Господѣ Г...

1852 г. мая 29. Вопль малодушной любви, по этому извинительный отчасти вопль, вынудилъ меня просить тебя, чадо Христово, увѣдомить беспокоящуюся о мнѣ сестру Алекс. Бѣим., что, по милости Господа моего, я очень спокоенъ и, не мѣшай грѣхи мнѣ, даже былъ бы миренъ, какъ праведники мирны. Напасти вѣшнія, сколь ни серьезны онѣ, нисколько меня не тревожатъ, какъ не тревожить горькое лекарство не полоумнаго больнаго, вполне довѣрившаго судьбу свою искусному медику. Мало сего, онѣ тоже для моего духа, что благоприятный вѣтеръ для вѣтрила (паруса) и что тяжелые удары молота для стали и булата: онѣ способствуютъ полету въ горня, въ страну живыхъ, онѣ собираютъ и укрѣпляютъ силы мои. Вотъ все, что могу сказать и ей, и вамъ, къ утѣшенію моему, очень, какъ слышу, благодушнымъ. Искать радостей только и утѣшенія на землѣ—значитъ не понимать, что мы живемъ на рѣкахъ вавилонскихъ, въ юдолѣ плача, не въ раѣ, а на пути къ нему; значить до блаженства, безъ подвиговъ и терпѣнія—единственныхъ проводниковъ къ вратамъ блаженства, надѣяться наслажденія блаженствомъ. Нѣтъ, не розы и мирты, а скорби и напасти должны украшать желающихъ идти по слѣдамъ увѣнчаннаго терніемъ за грѣхи міра Невѣсто-водителя душъ нашихъ... Только бы съ Нимъ страдать, дабы съ ними и утѣшиться за гробомъ.

1852 г. іюня 4. Сейчасъ я пришелъ съ экзамена и сильно мнѣ хочется побесѣдовать съ тобою, благословенное чадо души моей, въ отвѣтъ на письмецо твое вчерашнее, трогающее меня грѣшника сердечными звуками любви родственной. Спрашиваешь ты касательно совмѣстнаго чтенія полунощной молитвы съ добрыми сестрами; на это уже давно отвѣчалъ я

чрезъ Алекс. Еѳим. Видно забыла она передать тебѣ мою радость и благословеніе души моей на всѣхъ васъ, моихъ молитвенницъ.

По сожалѣнію ко мнѣ, просишь ты отстранить присылку дневныхъ записокъ сестеръ на нѣкоторое время. Говоря по совѣсти, не могу я согласиться на это и пока видятъ очи, пишетъ рука, пока любить васъ сердце мое, хоть и черствое и нечистое, не могу я отказать изліянію любви вашей. Верхъ удовольствія для меня—служить вамъ, невѣстамъ Христовымъ, чѣмъ могу бѣдный грѣшникъ, а не тяжесть, не бремя и не скорбь. Пусть же не замыкаются, попржнему, сердца искреннія; пусть не заграждается источникъ жизни душевной; пусть, не видя васъ очами тѣлесными, вижу по крайней мѣрѣ изображеніе душъ вашихъ, для меня дорогихъ, и видя, смотря по состоянію ихъ, или порадуюсь духомъ, или поскорблю, и въ сладость поплачу, сидя въ моей келліи, окруженный печалью ночнаго мрака отвсюду... Если и матери земныя усталости не знаютъ, просиживая у колыбели чадъ своихъ милыхъ, намъ ли отцамъ вашихъ душъ тяготиться трудами? Сколь ни немоцна плоть, но духъ нашъ бодръ, особенно когда окрыленъ любовію святою — плодомъ благодати небесной.—О правилѣ, по причинѣ болѣзни не исправленномъ, много не безпокойся: ограничивайся умною по четкамъ молитвою, когда нельзя ни стоять, ни класть поклоновъ. И въ церковь, тѣмъ паче вокругъ ея не ходи, если не будетъ лучше: пошли умъ твой и сердце туда, вмѣсто себя—и ты безразлично будешь предстоять съ здоровыми предъ Господомъ.

Только бы далъ мнѣ Господь завтра силы послѣ обѣдни, часу во второмъ, только бы не увезъ мени владыка къ себѣ, я непременно притекъ бы къ тебѣ въ келлію на часокъ и чѣмъ можно, или утѣшилъ бы тебя въ скорби, или хотъ раздѣлилъ бы ее съ тобою. Какъ кому, а мнѣ бѣдному грѣшнику пріятнѣе и отраднѣе бываетъ въ инныя минуты плакать съ плачущими, чѣмъ радоваться съ ликующими; ибо скорбь и плачь намъ сроднѣе какъ-то, пока мы не вышли изъ области грѣха, пока не распяли всѣ до одной страсти.

Прости, родная, и пожелай мнѣ: терпѣнія малодушному, бодрости унылому, возстанія отъ бездны грѣховныя, въ коей съ утра до ночи глубокой валяется помнящій и любящій тебя съ сестрами всѣми, бѣдный грѣшникъ Г.

1852 г. 25 сент. Какъ пыль, поднимающаяся съ земли, мѣшаетъ очамъ видѣть самые близкіе къ намъ предметы; такъ суета—неизбѣжный спутникъ должностей, отнимаетъ нерѣдко возможность мнѣ видѣть тебя умнымъ окомъ, чадо Христово, читать въ твоемъ сердцѣ повѣсть жизни твоей и смотря на страницы ея, на содержаніе, или славить Господа съ тобою, или сѣтовать вмѣстѣ и плакать. Быть, видно, такъ уже, какъ есть: не могли сдѣлать многого по недугамъ и неудобству; сдѣлаемъ, что можемъ, во свѣтѣ лица Божія въ минутки досуга, свободы отъ суеты и молвы.

Молилъ бы я тебя побесѣдовать завтра съ Алек. Пет. унылою и скорбною, какъ видится мнѣ. Можешь начать свою рѣчь съ вопроса д): какъ быть и дѣться куда отъ унынія, любящаго заглядывать въ души наши? Какъ размягчить свое сердце, когда камню подобно лежитъ оно на груди, не трогаясь ничѣмъ? Чѣмъ и какъ возжечь погасшій трехчастный свѣтильникъ вѣры въ умѣ, любви въ волѣ, надежды въ сердцѣ? Если она промолчитъ на первыхъ порахъ, попытайся въ другой разъ ее спросить. Откажетъ—не скажетъ,—постарайся, благословясь, во имя Господне сама, что пошлетъ Господь на сердце, на языкъ твой, сказать ей, прося и моля ее при этомъ объяснить, вѣрны ли думы твои и рѣчи. Словомъ, такъ ли—эдакъ, только займи, родная моя, и отвлеки этимъ вниманіе искушаемой, какъ вижу, сильно отъ ея самой. Ободрится немного, — скажи ей устами св. Ефрема, тяжкими опытами дознавшаго и предавшаго намъ, что *смертнымъ невозможно увидѣть жизнь, или помышлять о праведности тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы и гдѣ нѣтъ плоти, кото-*

д) Не говоря, что дѣлаешь это по моему порученію.

рою *передается поруганію врагъ, препобъждаемый ея хилостію*. Скажи и ободри, родная, сестру твою, чадо мое о Господѣ возлюбленное, о коей скорблю я всѣмъ сердцемъ и коей теперъ неполезно и видѣть и слушать меня, еслибы я пришелъ къ ней.

Исповѣди готовьте и пришлите въ Воскресенье. Въ часъ, 29 числа, если буду живъ, явлюсь я къ вамъ съ ними, поговѣвши хоть немного, и помолюсь съ вами вмѣстѣ Спасителю моему, любви моей воплощенной. Въ Воскресенье, полагаю, владыка не дастъ мнѣ поговѣть.

Прости, моя родная, близкая къ сердцу, и здорова ли, больна ли—иди ко Христу, Жениху твоему, спѣши къ Исусу—сладости сердечной, не забывая въ молитвахъ своихъ святыхъ и бѣднаго грѣшника, любящаго тебя о Господѣ Г.—Христосъ съ тобою!

1852 г. 3 дек. Не ослабѣвай, не изнывай, напаствуемое, искушаемое и озлобляемое врагомъ нашего спасенія, чадо мое о Господѣ возлюбленное! Никогда Господь, кажется мнѣ бѣдному грѣшнику по собственнымъ опытамъ прошлымъ, не бываетъ столь близокъ къ душѣ, какъ во время тяжкихъ оскорбленій. Такъ, милое чадо: *съ тобою есть Онъ въ скорби, изметъ тя и явитъ тебѣ спасеніе свое* (Пс. 90, 15—16). Только стой крѣпко на стражѣ твоей, не спускай очей съ Его знамени и хоругви крестной, развѣвающейся на тверди души твоей, врагомъ осаждаемой.

Не уступай же ни шагу врагу, *протився ему, чѣмъ можешь и, оскудѣвшу оружію его въ конецъ* (Пс. 9, 7), *убьютъ* (Іак. 4, 7) онъ отъ тебя, какъ убѣгалъ онъ нѣкогда отъ Алипиевъ, Макаріевъ, Маріи, Евпраксіи, точно такія же на первыхъ порахъ терпѣвшихъ отъ него нападенія. Особенно ограждайся и бей его молитвою. Именемъ Господа нашего, распятіемъ своимъ низложившаго его въ конецъ, ограждая себя, не взирай на него. Пусть не видитъ онъ презрѣнный, чтобы ты, мое чадо, утроба моя возлюбленная, усту-

пила ему, вручивъ ключи, сдала крѣпость твою, въ коей съ тобою теперь ангель твой хранитель и благодать Божія, охраняющіе и поборающіе тьмы обышедшихъ тебя невидимыхъ враговъ твоихъ. Бей, пока есть силы, низвергай врага и местника.

Избившій нѣкогда въ одну ночь до 180 тысячъ ассирійцевъ горделивыхъ, осаждавшихъ Іерусалимъ достояніе Божіе, избіетъ и твоихъ враговъ, осаждающихъ душу твою — градъ Царя великаго и стужающихъ тебѣ, невѣстѣ Его. Положись только на крѣпость Сильнаго, воззови изъ глубины смиренія къ Богу Помощнику нашему, и ты увидишь, какъ Онъ расточитъ враговъ твоихъ и разсѣетъ яко прахъ, яко дымъ смрадный. Проникнись мыслию, что каждый твой волосокъ на счету и не падетъ безъ воли Отца нашего небеснаго съ главы твоей, прикрытой шлемомъ спасенія; вспомни и то, что даже меньшія сестры твои о Господѣ сильно ратуютъ, бьютъ и сокрушаютъ главу невидимаго змія, одна сокрушеніемъ, другая преданностію въ волю Божію: какъ же не ратовать тебѣ—матери ихъ, отъ которой въ правѣ всегда и вездѣ онѣ требовать поддержки, утѣшенія, ободренія, при борьбѣ съ тѣмиже искушеніями?

Вскорѣ, быть можетъ, оставитъ тебя врагъ, подаритъ какъ-бы миромъ непобѣдимую воительницу; не полагайся однако на эту хитрость злобы исконной. Вѣдай и помни, что уязвленный и сбитый съ поля сраженія, онъ готовитъ новое противъ тебя оружіе, новыя силы, чтобы повѣрнѣе уловить. Не снимай же оружія Божія, о коемъ говоритъ Апостоль съ 13 по 21 стихъ въ 6 главѣ къ Ефесеямъ, и смыслъ коихъ объяснялъ я, помнится, сестрѣ—общему другу нашему, Евсевіи болящей, и болѣзنیю, яко стѣною, огражденной отъ злыхъ навѣтовъ врага.

Еслибы случилось гнусному демону уязвить тебя еще *во снѣ* (отъ чего да сохранить тебя Господь), не робѣй ни сколько, а держи себя такъ, какъ бы ни въ чемъ не бывала; и убѣжить окаянный, какъ волкъ убѣгаетъ отъ подножія скалы гранитной...

При сильномъ напорѣ со стороны злодѣевъ души, конечно не мѣшаетъ призвать на помощь участіе сестры-друга, съ молитвою ея святою. Искушенная и искушаемой много можетъ помочь тебѣ, если не совѣтомъ, то молитвою: другъ отъ друга помогаемы, яко градъ твердъ мы обрѣтаемся (Притч. 18, 19). За вниманіе твое къ больной, оказавшейся когда-то непризнательною тебѣ, благословило тебя сердце мое. По этому опыту вижу, что можешь идти ты, чадо любви моей, по пути тѣсному, сквозь врата узкія,—вижу и небесною радостію радуется духъ мой, радуется и въ упованіи на силу Божіей благодати, именемъ Господа обѣщаетъ тебѣ покой, который ожидаетъ всѣхъ, переходящихъ огонь и воду искушеній земныхъ. Христосъ съ тобою.

1853 г. февраля 11 дня. Сколь ни мало, по грѣхамъ моимъ, заслуживаю я мира и утѣшенія, подкрѣпленія и ободренія; они, однакожь, дары Божіи, приходятъ, по милости Божіей, незванные къ душѣ моей, водворяются въ ней и даютъ чувствовать всю сладость креста, всю теплоту умиленія, всю горячность любви. О пусть бы благъ Ты былъ, Господи мой, къ правымъ сердцемъ: за что же ты ко мнѣ бѣдному грѣшнику щедръ и многомилостивъ? Премилосердый и Любвеобильный, Ты, конечно хочешь тронуть этимъ нечувствіе души моей и окаменѣніе моего жестокаго сердца, да благословлю Тебя Тріипостаснаго... *Да будетъ воля Твоя!* Спаси меня имиже вѣси судьбами—последняго изъ слугъ Твоихъ.—Такъ, или почти такъ думалъ и чувствовалъ я во всѣ эти дни и особенно нынѣ, чадо мое возлюбленное, Евпр. Ев.,—думалъ, чувствовалъ, благодарилъ, слезилъ безъ скорби, безъ грусти и тоски тяжелой, поручая и себя и васъ покрову Владычицы и милости Бога и Спаса нашего І. Христа, во дни напасти наведенной врагомъ спасенія.

Не скорбите и вы и ни на кого не ропщите. Все пройдетъ и минуется скоро, скорѣе чѣмъ думаемъ, ожидаемъ, заслуживаемъ даже, особенно я бѣдный грѣшникъ, мытарь без-

печный, не въ Бога, а въ себя лишь богатѣющій. *Любите враги ваши, благословите клянущія вы* (Мѡ. 5, 44): вотъ завѣтъ любви небесной! Намъ ли не помнить, не знать и не исполнять его?

Покой мой и миръ отношу я къ вашимъ молитвамъ и славлю Отца и Сына и Святаго Духа за всѣхъ чадъ моихъ милыхъ. Христосъ съ вами!

1853 г. 15 июня. Если не на все, такъ хотя на что-нибудь спѣшу тебѣ откликнуться сердцемъ моимъ, другъ души моей, Евпраксія. Не столько чернилами, сколько выступившими изъ очей и сердца слезами пишу къ тебѣ по прочтеніи письма твоего. Войны не бойся и храни благушіе,—тихо, но смѣло иди на врага, уповая на оружія Божія (означенныя въ 6 гл. посл. къ Еф.), кои разъ, помнится, были описаны мною довольно обстоятельно любимицѣ нашей Евсевія. За всѣмъ тѣмъ власяницю благословляю тебя надѣть только на постъ, а тамъ снять ты должна ее.—*Спать на полу* не мѣшаетъ; не менѣе 5 часовъ, а иногда, въ случаѣ слабости, и 6 даже—не бойся: на прираженіе помысловъ, или, какъ вижу, на козни врага, отвѣчай: «отецъ мнѣ велѣлъ спать и я ложусь». Тоже и на смущающія заботы «дочитывать недочитанное», отвѣчай: «отецъ не велѣлъ мнѣ смущаться, когда я, не кончивъ свое правило не по лѣности, должна отдохнуть, и я не должна смущаться; тѣмъ болѣе, что отецъ за меня отвѣчаетъ предъ Господомъ».—Въ церкви можешь при молитвѣ вести себя такъ, какъ писала, не увлекаясь мечтами за облака: куда намъ далеко забиваться!.. А внутреннюю молитву въ томъ видѣ, какъ пишешь, даже одобряю, моля тебя чаще и чаще углубляться въ себя и пить сладость отъ потока Божія, текущаго тамъ.

Вотъ звонятъ и зовутъ уже въ классъ; а я пишущій, плачущій все бы писалъ да плакалъ, бесѣдуя съ тобою, первенцемъ моимъ, съ *Ефремомъ крѣпостію главы моей* (Пс. 59, 9)

слабой... Но дѣлать нечего: 59 человекъ ожидаютъ меня. Прости, другъ мой, до завтра; а можетъ быть, прибѣгу и сегодня, только бы минуточка случилась досужная.

1853 г. іюня 20. Отчитывать Соф., не зная хорошо ея болѣзни и обстоятельствъ, при которыхъ развилась она, не могу я рѣшиться; тѣмъ болѣе, что живу въ мірѣ, исполненномъ зла, и почти помірски, и не имѣя качествъ въ себѣ нужныхъ для *екзорциста* или *заклинателя*... Съ другой стороны припомнилъ себѣ и то, что говоритъ св. Апостоль: *еда вси пророцы, еда вси дарованіе имутъ исцѣленій?* (1 Кор. 12, 29—30). Мое главное дѣло—сидѣть бы въ темномъ углу и горько оплакивать мрачныя пятна души моей, омраченной грѣхами.

Прости, мое о Господѣ чадо, и не даваясь въ обманъ врагу, *возмоай о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его* (Еф. 6, 10), коей страшитъ темная сила ужасно. Христось съ тобою и сестрами—друзьями твоими да будетъ выну.

1853 г. іюня 22 дня. Сколь ни грустно мнѣ видѣть постоянныя почти смуты, по уходѣ моемъ отъ васъ, толки среди васъ, съ кѣмъ и сколько именно я посидѣлъ, у кого не досидѣлъ и пересидѣлъ, и сколь ни тяжело, ни больно душѣ моей бѣдной быть свидѣтелемъ заочнымъ и очнымъ разныхъ сценъ беспорядочныхъ, по случаю посѣщенія моего,—при всемъ этомъ нимало не теряю я надежды на миръ вашъ, чада мои, семья моя, всѣмъ сердцемъ любимая. Много меня успокоиваетъ та между прочимъ мысль, что, видя порѣже меня, вы поневолѣ не будете смущаться уже, или менѣе станете смущаться, по неимѣнію повода къ тому. Пусть и невидящія изъ васъ видятъ, что *не swoich си ищеть* (1 Кор. 10, 24) у васъ мое бѣдное сердце и не вашего, а васъ для Христа, Который *явилъ миръ намъ и миръ завѣщалъ* (Іоан. 14, 27) намъ, живущимъ въ мірѣ. При чемъ долженъ вамъ признаться, что

жертва эта не столь легка для меня, какъ, быть можетъ, иной изъ васъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Но посудите сами: что же мнѣ дѣлать осталось? Вѣдь Іона пророкъ велѣлъ же бросить въ море себя, дабы стихло оно бурливое, восходящее до небесъ и нисходящее до безднъ. А лучше ли я окаянный Іоны? Киньте же меня, родныя мои,—киньте съ борта каика вашего, въ коемъ, самъ не знаю какъ, лишь ропоть да мятежь остается по моему уходѣ.

О. Зах. Пет. деньги отдай и остальными распорядись, какъ писала. Мысль о смерти при слухахъ о ея выборѣ безъ разборчивости и чуть не поголовномъ чрезъ холеру, эта мысль и меня занимаетъ, чадо мое Евпр., но не боюсь я ее, утѣшая тѣмъ себя, что кончивъ *малы и злы дни* (Быт. 47, 9) жизни моей, кончу плату и оброкъ тяжкій грѣху, коимъ прогнѣвлялъ Господа, благодѣющаго мнѣ окаянному отъ юности и даже до престарѣнія... Сладко думать, что хотя по смерти моей изсякнетъ этотъ нечистый токъ желаній, чувствованій, словъ и дѣлъ.

Владыка жизни моей и судьбы моей! Призри на немощь мою и сокрушеніе сердца моего! Враги мои лютые—грѣхи и страсти, какъ львы добычу, терзаютъ меня, сокрушая мои кости въ своихъ челюстяхъ, въ теченіе всей жизни моей, безъ перемежки, безъ отдыха почти. Дай мнѣ, Всесильный, дай, хоть теперь, въ единонадесятый уже часъ опомниться, освободиться отъ нихъ и принести Тебѣ себя въ жертву хвалы и благодаренія, въ жертву пріятную Тебѣ! Пусть ангель смерти возьметъ мою душу изъ тѣла и принесетъ туда, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, гдѣ Ты, источникъ блаженства, отрада сердець нашихъ! Не входи со мною въ судъ, Премилосерде: я не устою на немъ ни на секунду, ни на мигъ. *Помилуй мя, яко Давида, по величій милости твоей и по множеству щедротъ* (Пс. 50, 1), дарованныхъ мнѣ Сыномъ твоимъ, возлюбившимъ меня и предавшимъ Себя по мнѣ, блудномъ сынѣ.

1853 г. 23 ноября. Съ наступающимъ днемъ прежняго ангела тебя, чадо мое о Господѣ, поздравляю и отъ души желаю, чтобы обручница Христова великомуч. Екатерина тебя, какъ себя, обручила и уневѣстила небесному Жениху—Христу. Дать бы Господь, чтобы сбылось это желаніе, осуществилось это чаяніе сердца моего бѣднаго! Дать бы Господь обрѣсти тебѣ Желаннаго, какъ обрѣла Его Екатерина премудрая. Но ты и обрѣтешь, если І. Христосъ будетъ для тебя *путемъ, истиною и животомъ* (Іоан. 14, 6), если будетъ Онъ для тебя тѣмъ, чѣмъ быть обѣщаль для всѣхъ кающихся, вѣрующихъ и любящихъ. Согреѣшишь ли, *кайся постоянно*, и вотъ та стезя небошественная, которую оставилъ Онъ всѣмъ намъ грѣшнымъ въ удѣлъ. Волнуютъ ли умъ твой *сомнѣнія*, вопросы, взимающіеся на разумъ Божій? *Въруй*, — и вотъ тебѣ лѣствица, достигающая до небесъ, идя по коей, дойдешь до неба. Дѣло ли служенія, труды и подвиги стужаютъ, гнетутъ, изнуряютъ тебя? *Люби*: любовь, *не ищущая своихъ си* (1 Кор. 13, 4), подавить досады, облегчить тяготы, окрылить желанія, словомъ—невозможное сдѣлаетъ возможнымъ и, буде нужно, какъ чудная сила, чудеса сотворить. И отъ чего не надѣяться тебѣ на успѣхъ этого дѣла? Ты имѣешь сильную ходатайницу предъ Господомъ въ лицѣ чтимаго тобою ангела твоего прежняго, великом. Екатерины; ея ли молитвѣ не внемлетъ Господь? О, внемлетъ, и вотъ основаніе для убѣжденія твоего и моего. *Молитесь другъ за друга, яко да исцѣлите*, говоритъ Іаковъ братъ Божій (5, 16). Неужели заповѣдь эта, обязательная для живыхъ, теряетъ силу для тѣхъ, кои такъ же, какъ и мы, живы для Господа, *Который нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Лук. 20, 38)? Гдѣ праведная Екатерина?—вѣдь на небѣ, тамъ, гдѣ *радость бываетъ о грѣшникъ кающемся*: какъ же поэтому не сознать ей нужды твоихъ и не сочувствовать твоимъ немощамъ, не поспѣшить къ тебѣ съ благопотребною помощію? Если онимамъ кадилный въ храмѣ не по землѣ разстилается, а восходитъ горѣ: какъ не проникать въ небеса небесъ молитвѣ святыхъ Божіихъ, *пришедшихъ туда отъ скорби великія* (Апок. 7, 14)

и слагающихъ тамъ предъ Агнцемъ закланнымъ отъ сложенія міра вѣнцы свои побѣдныя? Вѣрно, другъ мой, слово Господне, а оно говоритъ: что 24 старца, изображающіе собою всѣхъ святыхъ Божіихъ, держатъ въ рукахъ своихъ чаши златыя, полныя еиміама, кои и суть *молитвы святыхъ* (Апок. 5, 9); что вознесся *дымъ еиміама съ молитвами святыхъ отъ руки ангела предъ Бога* (Апок. 8, 4); что пророкъ Моисей преклоняетъ Бога на милость къ Израильтянамъ—ради усопшихъ уже Авраама, Исаака и Іакова (Исх. 32, 13). Итакъ будемъ молить о предстательствѣ предъ Богомъ св. великомучици и другихъ ангеловъ нашихъ: *много можетъ молитва праведнаго*, по слову ап. Іакова, *поспѣшествуема* (Іак. 5, 16).

1853 г. 30 дек. Письмецо твое, присланное съ Костею, сегодня много подняло думъ въ умѣ моемъ и пробудило не мало чувствъ въ моемъ сердцѣ, скорбящемъ о неустройствѣ жизни по духу. По любви твоей святой ко мнѣ недостойному, какъ нарочито гнушающемуся сегодня особенно собою, ты смотришь на меня, какъ на вѣрнаго послѣдователя Господа нашего І. Христа, какъ на пастыря Церкви Божіей, честно, непостыдно правящаго слово истины, и потому могущаго принять на рамена свои еще одну изъ агницъ Христовыхъ, стремящуюся во дворъ Его овчій. Но не то я, другъ души моей, не то я, утѣшеніе сердца моего, горяющаго, изнывающаго и точащаго слезы сокрушенія; не то я, чѣмъ представляеть тебѣ любовь меня, любовь снисходительная, *не ищущая своихъ си* (1 Кор. 13, 4). Я видѣлъ и съ ужасомъ вижу въ себѣ нечистый потокъ мыслей, желаній, чувствъ, какъбы стремящійся и затопляющій всѣ начатки духа. Какъ же послѣ всего этого, браться мнѣ за дѣло святое, браться руками нечистыми за то, что любовь твоя къ доброй С. Ив. мнѣ предлагаетъ? Или ты доселѣ не разувѣрилась еще въ томъ безсиліи, свидѣтельницею коего вотъ уже лѣтъ около двухъ сама ты была? Не мѣдью ли звѣнящею и не кимваломъ ли только звяцающимъ во всю эту пору былъ я вамъ? Даже,

быть можетъ, подавалъ претыканіе или соблазнъ многимъ изъ васъ волей-неволей. Сознывая все это и съ горестію, довѣдомою единому Господу, молю тя, чадо Христово, не налагать на рамена мои слабыя новаго бремени, коего не въ состояніи, какъ чувствую, понести я, изнемогающій донельзя и подъ прежнимъ; тѣмъ болѣе, что и Соф. Ив., знающая отчасти меня и бесѣдовавшая со мною не разъ, признаеть вѣроятно меня не по духу для себя; въ противномъ случаѣ, какъ ты, сама бы простерла она руки ослабленныя ко мнѣ. Съ другой стороны, гдѣ я и какъ могу, еслибы и пожелалъ, помогать ей? У себя принимать женъ молодыхъ я боюсь; къ ней заѣзжать некогда мнѣ; а писать и издавно едва ли удастся. Вообрази себѣ, въ сентябрѣ по сіе число я отвѣчалъ волей-неволей на 250 писемъ: шутка ли это при другихъ моихъ занятіяхъ? Нужно и то тебѣ, чадо мое, сказать, что не всегда безопасна близость женъ—не дѣвъ къ грѣхлюбивому сердцу моему: отношенія супружескія, тайны брачнаго ложа, иногда служація искушеніемъ цѣломудрія—одного изъ коренныхъ между тѣмъ обѣтовъ монашескихъ, и многое другое, о чемъ и говорить не дерзаю тебѣ, но что волей-неволей долженъ я выслушивать по обязанности врача души, предавшейя моему руководству, все это, при малѣйшемъ недостаткѣ бдѣнія, можетъ, какъ камень брошенный сверху, упасть и размозжить мою голову. Неужели не жаль тебѣ меня? Не боишься ты за меня слабого?

Прости, дорогая моя, и вспоминай въ молитвахъ своихъ святыхъ, крѣпко нуждающагося въ нихъ, отца вашего Герасима убогаго.

1853 г. 31 дек. Скоро къ намъ явится, чадо, вѣстникъ воли Божіей и судебъ Господнихъ годъ новый; скоро какъ ангелъ слетитъ онъ съ небесныхъ высотъ и будетъ писать въ своей книгѣ, запечатлѣнной для насъ семью печатами, всѣ наши дѣла, слова, помышленія, желанія и чувства сердечныя, чтобы явить ихъ въ день онъ предъ всѣмъ разум-

нымъ твореніемъ, по волѣ Господа силъ. Какъ-то запишетъ онъ наши страницы, милое чадо? Что-то намъ возвѣститъ пророкъ этотъ? О, еслибы все, что напишетъ онъ, не посрамило меня окаяннаго! О, еслибы все, что напишетъ онъ, содѣйствовало къ написанію именъ чадъ моихъ милыхъ, гдѣ бы они ни жили, въ книгу жизни!

Между тѣмъ, годъ отжившій, отгостившій посреди насъ, какъ путникъ скоротечный, спѣшитъ докончить поприще свое и погрузиться въ безднѣ вѣчности, и спѣшитъ не одинъ погрузиться: онъ несетъ улику на насъ и доносъ на меня многогрѣшнаго правдѣ Божіей. Ни уговорить его, ни подкупить его, ни отнять у него некому того, что подслушано имъ, подсмотрѣно, замѣчено незримо отъ насъ. О, еслибы не милосердіе, не милостей твоихъ бездны многа, премилосерде, преблаже Господи! О, еслибъ не любовь твоя плѣнительная, усладительная, вѣчная: теперь же бы пилъ я духомъ моимъ въ бездну отчаянія, грѣхолобивый; теперь же бы пилъ изъ фіала гнѣва твоего. Слава долготерпѣнію твоему, Человѣколюбче!..

Вотъ чѣмъ начинаю бесѣду съ тобою, другъ Евпр., пожелавши отвѣтить тебѣ на письмоце. Вар. Ст. скажешь, чтобы не предпринимала ничего для оправданія своего; даже когда вздумала бы и сама мат. игуменья пожурить ее, даже и тогда, говорю, пусть скажетъ одно лишь, что «виновата» и «просить прощенія». Великое счастье для инока самообвиненіе, самоосужденіе: здѣсь зародыши смиренія и залогъ мира невозмутимаго. Для поддержанія духа слабаго и обузданія сердца пылкаго, пусть бы смотрѣла на Іисуса прекроткаго, *не отвращавшаго*, по слову пророка, *лица своего даже отъ стыда заплеваній*. Какъ послѣдовательница Его, должна она это дѣлать непремѣнно.

К о н е ц ъ .

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

ВЪ ПЯТОКЪ ПЯТОЙ СЕДМИЦЫ Великаго поста.

(Притч. 17, 17—28; 18, 1—5).

Гл. 17, ст. 17. **Братія въ нуждахъ полезни да будутъ, сего бо ради раждаются.**

Братья родные—естественные друзья. Друга трудно найти, но братъ—готовый другъ съ самаго дѣтства. Поэтому въ случаѣ *нужды*,—т.-е. затруднительныхъ обстоятельствъ,—гораздо лучше обращаться къ помощи брата, чѣмъ друга. Другъ не обязанъ помогать намъ матеріальными средствами, — друзей соединяетъ одна нравственная связь,—но на родныхъ братьяхъ лежитъ эта обязанность,—на то они и родные, на то они *и раждаются* отъ одного отца съ матерью, чтобы раздѣлить съ родителями заботы ихъ о дѣтяхъ, а по смерти родителей замѣнить ихъ въ этихъ заботахъ. «Кто о своихъ, особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся вѣры и и хуже невѣрнаго» (1 Тим. 5, 8). Соединяющая братьевъ единокровность, даетъ право однимъ братьямъ пользоваться услугами другихъ всегда,—особенно *въ нуждахъ*, и отъ роднаго не такъ тяжело принять эти услуги, какъ отъ чужаго. И какъ благотворна взаимная другъ другу помощь братьевъ! «Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ» (Прит. 18, 19), т.-е. положеніе ихъ безопасно, какъ неприступная крѣпость.

Ст. 18. **Мужъ безуменъ (малоумный) плещеть и радуется себѣ (о себѣ), якоже (когда) поручайся испоручить (ручается за) друга своего, на своихъ же устнахъ огонь сокровиществуеть (собираетъ).**

По дружбѣ иной съ цѣлю помочь своему другу въ нуждѣ, бе-

реть на себя посредничество между имъ и заимодавцемъ, даетъ честное слово послѣднему уплатить ему долгъ своего друга въ случаѣ его неустойки,—ручается за него и радуется, если ручательство его принято. Но радость его преждевременна. Хорошо, если другъ его, за котораго онъ поручился, окажется исправнымъ плательщикомъ и не доведетъ своего поручителя до необходимости расплачиваться за него. Въ противномъ случаѣ поручитель *въ своихъ устахъ огонь собираетъ*. Легко произнести своими устами ручательство, легко сказать: даю честное слово за друга моего,—но не всегда легко исполнить это слово,—а неисполнившій данное слово, своими устами накликалъ на себя бѣду, долженъ испытать душевную муку, столь же болѣзненную, какъ еслибы его жгли огнемъ.

Ст. 19. Грѣхолобецъ радуется сваромъ, а жестокосердый не устрящеть благихъ (не найдетъ добра).

Радоваться сварамъ, значить находить удовольствіе въ ссорахъ,—въ томъ, чтобы заводить ссоры, подбивать къ нимъ другихъ, принимать въ нихъ участіе. Грѣхолобецъ, которому свойственно это преступное удовольствіе, поистинѣ есть *жестокосердый* человѣкъ; но *жестокосердый не найдетъ добра*: раздоръ и брань никогда не доведутъ до добра,—они раздражаютъ оскорбляемыхъ противъ оскорбляющихъ и подвергаютъ послѣднихъ оскорбленіямъ не менѣе тяжкимъ, какъ и тѣ, какія они сами наносятъ другимъ.

Ст. 20. Мужъ удобопредложный (измѣнчивый) языкомъ впадетъ въ злая. Сердце же безумнаго болѣзнь (горе) стяжавшему е (имѣющему его).

Измѣнчивый своимъ языкомъ, значить невѣрный своему слову, вѣроломный, также лицемерный, хвалящій васъ въ глаза, а за глаза порицающій, — также объ одномъ и томъ-же дающій противоположные отзывы, сегодня утверждаетъ онъ то, что завтра будетъ отрицать. Такой человѣкъ *впадетъ въ злая*, т.-е. въ бѣду. Онъ обыкновенно подвергается суровому обличенію за свое двоедушіе, навлекаетъ на себя со всѣхъ сторонъ негодование и презрѣніе. Обличаемая Пре-

мудрымъ измѣнчивость языкомъ можетъ происходить не отъ злонамѣренности, а только отъ легкомыслія. Легкомысленному всего лучше молчать въ сознаніи своего духовнаго убожества; но онъ чуждъ этого сознанія и даетъ волю своему языку,— что у него на умѣ, то и на языкѣ. Послѣдствія легкомысленнаго употребленія языка, естественно, причиняютъ горе сердцу легкомысленнаго: *сердце легкомысленнаго—болѣзнь имѣющему его*. Онъ, конечно, по своему неразумію, не предвидитъ этой *болѣзни*, этихъ горькихъ для его сердца послѣдствій,—и чѣмъ они неожиданнѣе, тѣмъ они горяче для него.

Ст. 21. Не веселится отецъ о сынѣ ненаказаннѣмъ, сынъ же мудръ веселитъ мать свою.

Сынъ ненаказанный,—это или совсѣмъ ничему необученный, ни въ чемъ не наставленный по небрежности родителей, или не усвоившій себѣ уроковъ мудрости, ему преподаваемыхъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ ведетъ себя такъ, что поведеніемъ своимъ только огорчаетъ отца и мать. Но ничто столько не радуется ихъ, какъ видѣть въ своемъ сынѣ мудрость въ соединеніи съ благочестіемъ,—плодъ добраго воспитанія, даннаго ему родителями (Сл. 10, 1).

Ст. 22. Сердце веселящееся благоимѣтися творить (благопріятствуетъ здоровью), мужу же печальну засыпуть кости.

По тѣсной связи души съ тѣломъ душевное состояніе можетъ быть благопріятно или вредно для здоровья. Благодушіе, мирное, радостное настроеніе духа благопріятствуетъ здоровью и въ случаѣ болѣзни помогаетъ выздоровленію. Напротивъ уныніе *сушитъ кости*. Уныніе обыкновенно соединяется съ отвращеніемъ отъ пищи; вслѣдствіе этого мозгъ въ костяхъ лишается надлежащаго питанія, отъ чего сила тѣлесная ослабѣваетъ.

Ст. 23. Пріемлющему дары неправедно въ нѣдра не предупѣваютъ путіе, нечестивый же уклоняетъ (уклоняется отъ) пути правды.

Идетъ рѣчь о неправедномъ судѣ. Онъ *пріемлетъ подарки неправедно*, т.-е. даетъ себя подкупать для совершенія не-

правды, и прячетъ полученные подарки *въ назуху* съ цѣлію быть незамѣчену сторонними свидѣтелями. Но напрасно онъ мечтаетъ разжиться путями неправды,—эти пути *не предустъ-ваютъ*, не споспѣшествуютъ его благополучію, — несправедно нажитое непрочно. И видитъ это несправедный судья, но не вразумляется, не отстаеетъ отъ привычки творить неправду, попрежнему *уклоняется отъ пути правды*. Причиною тому—нечестіе. Онъ Бога не боится, суда Его не страшится и подъ вліяніемъ нечестія творить неправду сдѣлалось его потребностію, обратилось въ непобѣдимую привычку.

Ст. 24. Лице разумно (умно у) мужа премудра, очи же безумнаго (глупаго) на концахъ земли.

Умъ и глупость отражаются на лицѣ. У человѣка умнаго и лице умное, умъ свѣтится въ его глазахъ, взоръ у него сосредоточенный. По всему видно, что душа его занята размышленіемъ. Не таковы глаза глупаго: онъ смотритъ разсѣянно, глаза его блуждаютъ по сторонамъ,—по всѣмъ *концамъ земли*; по всему видно, что въ душѣ его царитъ пустота, ни о чемъ серьезно онъ не думаетъ, ни на чемъ не останавливаетъ надлежащаго вниманія.

Ст. 25. Гнѣвъ отцу сынъ безумный и болѣзнь рождшей его.

Отцу и матери свойственно, по самой природѣ, любить дѣтей. Но чѣмъ больше они любятъ ихъ, тѣмъ прискорбнѣе для нихъ поведеніе глупыхъ, легкомысленныхъ и, по легкомыслию, порочныхъ дѣтей. Оно возбуждаетъ въ родителяхъ негодованіе и боль въ сердцахъ ихъ.

Ст. 26. Тщеты творити (вредитъ) мужу праведну не добро, ниже преподобно (неприсстойно) навѣтовати властемъ праведнымъ.

Распространенію пороковъ и беззаконій противодействуютъ люди праведные силою нравственною, силою слова и примѣра,—начальники справедливые—силою власти, которая за тѣмъ и существуетъ, чтобы обуздывать зло и защищать гражданъ отъ злыхъ людей. Въ томъ и другомъ видѣ противо-

дѣйствіе злу, конечно, непріятно злымъ людямъ: вмѣсто того, чтобы смириться и раскаяться, они только злятся на своихъ обличителей и судей, стараются *вредить* имъ своими кознями (*наветами*), злоумышляя даже на ихъ жизнь. Такъ поступать, безъ сомнѣнія, *не добро и не преподобно*,—нечестно.

Ст. 27. Иже падить (остерегается) глаголь произнести жестокоъ, разуменъ. Долготерпѣливый же мужъ премудръ, лучше ищущаго науки.

Заповѣдуются терпѣніе и самообладаніе въ обращеніи съ людьми невѣжественными, грубыми и дерзкими. Трудно удержаться отъ того, чтобы на ихъ грубыя и невѣжественныя выходки тотчасъ же не отвѣчать выраженіемъ негодованія, не *произнести жестокаго глагола* противъ нихъ, съ цѣлю обуздать ихъ. Но увлекаться въ семь случаѣ порывами негодованія было бы неблагоразумно. Мужъ благоразумный не отказывается отъ обличенія и вразумленія людей грубыхъ и дерзкихъ, но въ то же время онъ *долготерпливъ*. Онъ умѣетъ въ-время смолчать и дожидается благопріятнаго случая для вразумленія ихъ, имѣнно когда и самъ будетъ спокоенъ и въ нихъ замѣтитъ нѣкоторые признаки пріемлемости къ его словамъ. Поступая такъ, онъ поступаетъ *лучше ищущаго науки*, лучше того, кто, въ порывѣ негодованія, спѣшитъ проучить невѣжду и дерзкаго. Кто дѣйствуетъ съ такою поспѣшностію, тотъ только озлобитъ невѣжду и грубіяна, дастъ ему поводъ къ новымъ дерзостямъ, да и себя еще пуще разстроитъ,—и слѣдственно ни ему, ни себѣ не принесетъ пользы.

Ст. 28. Несмысленному, вопросившему о мудрости, мудрость вмѣнится. Нѣма же кто себе творить, возмнится разуменъ быти.

Похваляется скромность въ словѣ и молчаливость. Скромность въ словѣ есть такое достоинство, что если несмысленный, вмѣсто того, чтобы развязно говорить, чего хорошенько не понимаетъ, смиренно будетъ просить у мудрыхъ вразумленія, то за самое это прошеніе сочтутъ его мудрымъ. Равно и молчаливость сочтутъ за признакъ разумности, если мол-

чаливый, сознавая свое духовное убожество, будетъ *нѣма себе творити*, т.-е. тщательно будетъ хранить свои уста, чтобы не сказать глупости, и только будетъ прислушиваться къ умнымъ рѣчамъ.

Гл. 18, ст. 1. **Вины (предлоговъ) ищетъ мужъ хотя отлучитися отъ друзей, на всякое же время поносимъ будетъ.**

Случается, что иной завелъ себя друзьями. Сначала онъ живетъ съ ними душа въ душу, но затѣмъ мало-по-малу охлаждаетъ къ нимъ и рѣшается прекратить связь съ ними. Но какъ это сдѣлать? Сказать имъ прямо, что онъ не чувствуетъ прежняго расположенія къ нимъ и за грѣхъ почитаетъ считать своими друзьями тѣхъ, которые ему надоѣли, — онъ не рѣшается изъ опасенія или огорчить ихъ, или себя уронить въ ихъ глазахъ, — и начинаетъ хитрить предъ ними, придумывать разные предлоги для оправданія своего нежеланія продолжать съ ними дружбу. Этотъ недостатокъ прямоты и откровенности навлекаетъ на него съ ихъ стороны справедливое негодованіе, — они дѣлаются его врагами и *во всякое время поносятъ его*, не за то, что оказался невѣрнымъ другомъ, а за его нечестность при разставаніи съ ними, за тѣ несправедливые предлоги, какіе онъ придумывалъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ.

Ст. 2. **Не требуетъ премудрости мужъ скудоумень, зане паче водится безуміемъ.**

Люди скудоумные не всегда сознаютъ свое скудоуміе и пренебрегаютъ совѣтами и руководствомъ людей мудрыхъ, въ увѣренности, что они лучше всякаго понимаютъ, какъ устроить свое положеніе, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Но на самомъ дѣлѣ они ничего не понимаютъ и *водятся безуміемъ*, — т.-е. слѣдуютъ крайне невѣжественному образу мыслей и оттого впадаютъ въ неоправимыя ошибки.

Ст. 3. **Егда придетъ нечестивый во глубину золь, не радить: находитъ же (за то приходитъ) ему безчестіе и поношеніе.**

Нечестивый, дошедши до крайней степени нечестія, *нера-*

дитъ о своемъ нравственномъ состояніи, не заботится о возвращеніи на путь истины или потому, что совѣсть заглушена въ немъ привычкою къ грѣхамъ и перестала обличать его, или по отчаянію въ милосердіи Божіемъ. Положеніе его поистинѣ самое жалкое, тѣмъ паче, что оно навлекаетъ на него безчестіе и укоризны со стороны ближнихъ. Но пришедшій въ глубину золь, конечно, не радить о семъ безчестіи: онъ не дорожитъ своею честію, не старается заслужить доброе мнѣніе о немъ ближнихъ.

Ст. 4. Вода глубока слово въ сердцѣ мужа, рѣка же изскачущая и источникъ жизни.

Похваляется рѣчь мудраго мужа. Прежде чѣмъ она будетъ произнесена, она слагается въ глубинѣ души его и въ этомъ отношеніи походитъ на *глубокую воду*,—на воду, глубоко скрывающуюся въ нѣдрахъ земли. Это рѣчь обдуманная въ противоположность словамъ легкомысленнымъ, слетающимъ съ языка опрометчиво, безъ предварительнаго размышленія. Далѣе, рѣчь мудраго обильна,—обилуетъ не столько словами, сколько назидательными мыслями и чувствами, и въ этомъ отношеніи похожа на *рѣку*, питаемую неисчислимыми родниками и никогда не изсякающую. Наконецъ, рѣчь мудраго животворна,—она также благотворно дѣйствуетъ на душу слушающаго, какъ благотворна для тѣла ключевая вода (*источникъ жизни*), утоляющая жажду, освѣжающая и укрѣпляющая человѣка, утомленнаго и ослабѣвшаго отъ зноя и тяжелой работы.

Ст. 5. Чудитися (дивитъся) лицу нечестиваго не добро, ниже преподобно уклоняти (отклонять) праведное (правду) на судѣ.

Внушается судьямъ безпристрастіе въ произведеніи суда и произнесеніи судебного приговора. Если предстанетъ на судъ человѣкъ нечестивый и незаконный, но вмѣстѣ богатый и знатный, то судьи не должны *дивитъся его лицу*,—т.-е. не должны подобострастно смотрѣть на него, поражаясь блескомъ его богатства и знатности. *Не добро и не преподобно,*

т.-е. безчестно поступили бы судьи, еслибы, ослѣпленные этимъ блескомъ, стали склоняться въ пользу явно виноватаго подсудимаго съ нарушеніемъ справедливости. Судъ долженъ быть для всѣхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ, для знатныхъ и незнатныхъ, равенъ. Приговоръ судебный долженъ имѣть въ основаніи не вышнее положеніе подсудимаго, а его виновность или невинность въ преступленіи, подлежащемъ суду.

Паремія изъ книги Притчей въ понедѣльникъ шестой седмицы Великаго поста. (Притч. 19, 16—25).

Гл. 19, ст. 16. **Иже хранитъ заповѣди, соблюдаетъ свою душу, а нерадѣй о своихъ путехъ погибнетъ.**

Храненіе заповѣдей Божіихъ, данныхъ чрезъ Моисея, есть необходимое условіе для сохраненія *своей души*,—своей жизни, не только отъ вѣчной гибели, но и отъ временныхъ бѣдъ и напастей. Самъ Господь, когда давалъ заповѣди, поощрялъ къ исполненію ихъ обѣтованіями временныхъ благъ. Итакъ будь вѣренъ закону Божію, и Господь будетъ вѣренъ въ своихъ обѣтованіяхъ. Но горе тому, кто *нерадитъ о своихъ путяхъ*,—не ходитъ указанными ему въ заповѣдяхъ путями благочестія и добродѣтели, уклоняется отъ нихъ въ сторону! Онъ *погибнетъ*,—и въ здѣшней жизни навлечетъ на себя гнѣвъ Божій, кончитъ свою жизнь среди бѣдъ и напастей, и въ будущей ждетъ его вѣчная гибель (Слич. Прит. 16, 17).

Ст. 17. **Милуяй нища взаимъ даетъ Богови, по даванію же его воздастся ему.**

Что дается нищему, то дается безвозвратно. Но передъ Господомъ Богомъ это даваніе не пропадаетъ. На дѣла мило-

сердія къ бѣднымъ Господь взираеть, какъ на одолженіе Ему самому, и рано или поздно, непременно воздасть милосердому за его даянія великими дарами своей благодати. Такъ Господь «избавитъ его въ день лють, сохранитъ и ублажитъ его на земли» (Пс. 40, 1, 2), благословитъ его такимъ обиліемъ земныхъ благъ, что сколько бы онъ ни раздавалъ бѣднымъ, у него всегда будетъ избытокъ: дающаго рука не оскудѣеть.

Ст. 18. Наказуй сына твоего, тако бо будетъ благонадеженъ, въ досажденіе же не вземлися (не вдавайся) душею твоею.

Дѣло воспитанія (*наказанія*) есть самое трудное дѣло; но какъ бы оно ни было трудно, родители худо для себя и для дѣтей поступили бы, еслибы стали уклоняться отъ него, предоставивъ дѣтямъ расти на всей ихъ волѣ. Только отъ воспитаннаго сына родители могутъ ожидать добра, — пользы для него и утѣшенія для себя (*тако бо благонадеженъ будетъ*).—При воспитаніи дѣтей необходима строгость,—проступки дѣтей не должны быть оставляемы безъ наказанія; но строгость не должна переходить въ жестокость. Она не менѣе вредна дѣтямъ, какъ и излишняя снисходительность. Посему при наказаніи дѣтей *въ досажденіе не вдавайся душею твоею*,—наказывай, но наказывай съ душою спокойною, безъ раздраженія, злобы. Злоба (*досажденіе*) можетъ только озлоблять наказываемыхъ. — Подобное внушаетъ родителямъ Апостоль: *отцы, не раздражайте чадъ своихъ* (Еф. 6, 4).

Ст. 19. Злоумень мужъ много отщетится (потерпитъ великій ущербъ). Аще же губитель (развратитель) есть, и душу свою приложитъ (положитъ).

Злоумный—тоже, что злонравный. Онъ ни съ кѣмъ не уживается, всѣхъ отталкиваетъ отъ себя и потому въ житейскихъ дѣлахъ *терпитъ великій ущербъ*. Но этого мало, ему грозитъ уголовная отвѣтственность и смертная казнь, если онъ *развратитъ кого* своими пагубными внушеніями и стубитъ его нравственно и физически.

Ст. 20. **Слушай сыне отца твоего наказанія (наставленія), да мудръ будещи въ послѣдняя твоя (въ старости).**

Наставленія отеческія, воспринятія въ юности, не забываются и служатъ спасительнымъ руководствомъ до старости. Мудрость, свойственная старцамъ, бываетъ плодомъ смиреннаго послушанія этимъ наставленіямъ въ раннюю пору жизни. Но пренебреженіе ихъ въ юности отзывается и въ старости тѣмъ, что иной доживетъ до ста лѣтъ, а ума не наживетъ, и въ преклонныхъ лѣтахъ поражаетъ юношескимъ легкомысліемъ.

Ст. 21. **Многи мысли въ сердцѣ мужа, совѣтъ же Господень во вѣкъ пребываетъ.**

Замысламъ человѣческимъ противопоставляется совѣтъ Божій. Забота о благоустроеніи жизни духовной и дѣлъ житейскихъ порождаетъ въ сердцѣ человѣка множество замысловъ,—но не всегда они бываютъ устойчивы и непреложны,—одни смѣняются другими, отчасти по ограниченности человѣческаго ума, отчасти по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Часто прекрасно обдуманнй планъ дѣйствій, при встрѣчѣ съ непредвидѣннымъ препятствіемъ, разрушается. Но ничего подобнаго нельзя сказать о Богѣ. *Совѣтъ Его во вѣкъ пребываетъ*: чему быть Онъ опредѣлилъ, то неизмѣнно,—никакія препятствія не могутъ измѣнить Его рѣшеній. «Не яко человѣкъ Богъ колеблется, ниже яко сынъ человѣческой измѣняется» (Числ. 23, 19). Онъ не измѣняется въ своихъ заповѣдяхъ, въ своихъ обѣтованіяхъ и угрозахъ.

Ст. 22. **Плодъ мужеви милостыня. Лучше же нищъ праведенъ, нежели богатъ лживъ.**

Плодъ милостыня мужу. Для человѣка, творящаго милостыню, она *плодотворна* потому, что не остается безъ воздаянія отъ Бога, о чемъ уже упомянуто въ 17 стихѣ этой пареміи. Но творить милостыню могутъ только имущіе. Неимущіе, *нищіе*, не должны беспокоиться тѣмъ, что лишены возможности угодить Господу дѣлами вещественнаго благо-

творенія, что имъ нечего давать другимъ, ибо сами живутъ подаяніями. Нищій можетъ угождать не дѣлами благотворенія, а *праведностію*, ревностію къ исполненію доступныхъ ему дѣлъ благочестія и добродѣтели. Нищій *праведникъ лучше богатаго лживаго*,—такого богатаго, который подъ разными лживыми предлогами отказывается отъ дѣлъ милосердія, напримѣръ, увѣряетъ, что онъ не такъ богатъ, чтобы могъ сорить деньги, давать всякому просителю,—или что онъ уже довольно прежде благотворилъ и т. п.

Ст. 23. Страхъ Господень въ животъ мужеви, а безстрашный водворится на мѣстѣхъ, идѣже не наблюдается разумъ.

Этотъ довольно трудный для разумѣнія стихъ можетъ быть, по правилу взаимнаго восполненія полустипій, изложенъ такъ: Страхъ Господень есть начало мудрости (*разума*), которая служить человѣку *въ животъ*, т.-е. ведетъ человѣка къ жизни правильной и благополучной, — удаляя его отъ мѣстъ, гдѣ *не наблюдается разумъ*,—т.-е. отъ близкаго общенія съ людьми, чуждыми мудрости и благочестія. Общеніе съ такими людьми и обитаніе среди нихъ свойственно только *безстрашному*, т.-е. не имѣющему страха Божія и проистекающей изъ него мудрости, и потому не можетъ быть благотворно для жизни.

Ст. 24. Скрываяй въ нѣдрѣхъ руцѣ свои неправедно ниже ко устомъ своимъ принесетъ я.

Идетъ рѣчь о лѣнивомъ. Въмѣсто того, чтобы кормиться трудами рукъ своихъ, онъ ничего не дѣлаетъ своими руками и только прячетъ свои руки въ пазуху, поступая въ этомъ случаѣ *неправедно*,—нечестно, ибо имѣя возможность и обязанность трудиться, онъ живетъ на чужой счетъ, пользуется плодами чужихъ трудовъ, обременяетъ собою другихъ, требуя отъ нихъ пропитанія, ничѣмъ незаслуженнаго имъ. Но не все же жить на чужой счетъ. Придетъ пора, что и другіе, видя его праздность и не желая потворствовать его тунеядству, стануть отказывать ему въ пропитаніи,—онъ до-

ведеть себя до того, что ему нечего будетъ положить въ ротъ. Онъ не принимался своими руками за трудъ,—не приметъ ими и пищи: *ниже ко устомъ своимъ принесетъ я* (руки).

Ст. 25. Губителю раны приѣмлющу безумный (*неразумный*) коварнѣе (*умнѣе*) будетъ. Аще обличаеши мужа разумна, уразумѣетъ чувство (*вѣдѣніе*).

Губитель, — тоже что развратитель, своими нечестивыми рѣчами и своимъ примѣромъ растлѣвающій знакомыхъ, пагубно дѣйствующій на ихъ умы и сердца. Если не для обузданія таковыхъ людей, то, по крайней мѣрѣ, для противо-дѣйствія ихъ пагубному вліянію на общество, для прекращенія идущей отъ нихъ заразы, полезно употреблять бичи, подвергать ихъ тѣлесному наказанію (*ранамъ*). Въ отношеніи къ нимъ такая строгость, пожалуй, не окажется полезною, не исправитъ ихъ,—за то другимъ неповадно будетъ. Опасность увлеченія пагубнымъ вліяніемъ грозитъ преимущественно *неразумнымъ*, недалекимъ по умственному развитію людямъ, которые не способны умомъ своимъ понять вредъ пагубныхъ рѣчей. Словесныхъ внушеній и обличеній они, пожалуй, не примутъ. Но неразумный, хотя не злой человѣкъ, *коварнѣе*, умнѣе будетъ, удержится отъ увлеченія рѣчами *губителя*, когда увидитъ, какъ строго постуцаютъ съ послѣднимъ. Видно, онъ заслуживаетъ этого, подумаетъ неразумный, и побоится входить въ общеніе съ губителями. Что же касается до *мужа разумнаго*,—человѣка мало-мальски смыслящаго, то, въ случаѣ угрожающей ему опасности увлечься пагубными внушеніями, для него достаточно выслушать только словесныя обличенія, чтобы онъ *уразумѣлъ чувство*, чтобы разумнѣіемъ своимъ достигъ вѣдѣнія истины и противоположной ей лжи, разсѣваемой губителями и возненавидѣлъ эту ложь.

**Паремія изъ книги Притчей во вторникъ шестой седмицы
Великаго поста. (Притч. 21, 3—21).**

Гл. 21, ст. 3. Сыне, творити праведная и истинствовати угодно Богу паче, нежели кровь жертвъ.

Твореніе правды и истины относится къ обязанностямъ въ отношеніи къ ближнимъ; принесеніе кровавыхъ жертвъ—къ обязанностямъ въ отношеніи къ Богу, къ дѣламъ благочестія или богопочтенія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Тѣ и другія обязанности предписаны самимъ Господомъ, какъ условія богоугожденія, и имѣютъ между собою необходимую связь, такъ что усердіе къ дѣламъ благочестія можетъ быть угодно Господу только въ соединеніи съ дѣлами справедливости и честности въ отношеніи къ ближнимъ. Господу Богу даже пріятнѣе правда и честность, чѣмъ множество жертвъ, если жертвы приносятся съ опущеніемъ обязанностей въ отношеніи къ ближнимъ. *Что Ми множество жертвъ вашихъ,* говоритъ Господь въ обличеніе обижающимъ ближнихъ: *научитесь добро творити, взыщитс суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу* (Иса. 1, 11. 17). Какъ самъ Господь справедливъ и милостивъ, такъ Онъ хочетъ, чтобы и люди были справедливы и милостивы къ ближнимъ; въ противномъ случаѣ Ему не только неуютны многочисленныя и дорогія жертвоприношенія, но еще возбуждаютъ въ Немъ негодованіе (— 13. 14).

Ст. 4. Велемудрый во укоризнѣ дерзосердъ, свѣтило же нечестивыхъ грѣси.

Дается понятіе о тяжести грѣха высокоумія. Высокоумный съ высоты своего мнимаго величія презрительно смотритъ на ближнихъ и свое презрѣніе къ нимъ изливаетъ въ наглыхъ (*дерзосердъ*) укоризнахъ. Онъ такъ ослѣпленъ сознаниемъ своего достоинства, что въ другихъ отрицаетъ и попираетъ всякое достоинство. Иного отношенія къ ближнимъ

нельзя ожидать отъ высокоумныхъ. Высокоуміе свойственно только нечестивымъ, Бога не боящимся; но для нечестивыхъ *грѣхи служатъ свѣтильникомъ*. Они услаждаются своими грѣхами, какъ свѣтомъ, и при этомъ свѣтѣ всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ добръ и уменъ, какъ бы ни было высоко его общественное положеніе и заслуги обществу, кажется для нихъ достойнымъ презрѣнія.

Ст. 5. Помышленія тщаливаго (прилежнаго) во (о) изобиліи, и всякъ нерадивый въ лишеніи (терпитъ лишеніе).

Этотъ стихъ относится къ хозяйству. Прилежный или трудолюбивый человѣкъ не терпитъ лишенія или скудости, потому что онъ *помышляетъ о изобиліи*, заботится не объ удовлетвореніи только текущихъ нуждъ, но и о томъ, чтобы въ случаѣ, напримѣръ, неурожая, у него оставались запасы на будущее время. Нерадивый же ни о чемъ не заботится, даже о покрытіи текущихъ нуждъ, и потому всегда *терпитъ скудость*.

Ст. 6. Дѣлаи, (приобрѣтающій) сокровища языкомъ лживымъ суетная гонитъ (гоняется за суетою и впадаетъ) въ сѣти смертныя.

Собирающіе сокровища *языкомъ лживымъ* прибѣгаютъ къ разнымъ видамъ лжи,—напримѣръ, злонамѣренно объявляютъ себя несостоятельными должниками, дурной товаръ продаютъ за дорогую цѣну, увѣряя въ его доброкачественности, вовлекаютъ неосторожныхъ въ предпріятія, обещающія, по ихъ словамъ, большія выгоды, и деньги, полученныя отъ легковѣрныхъ, обращаютъ въ свою пользу,—собираютъ деньги на благотворительныя дѣла, на самомъ же дѣлѣ въ свою пользу и т. под. Прибѣгающіе къ лжи и обману для обогащенія себя надѣются найти въ богатствѣ счастье; но богатство, даже честнымъ путемъ нажитое, счастья не даетъ,—оно, какъ и всѣ земныя блага, есть *суета*, скоропреходяще, тлѣнно и потому гоняющіеся за богатствомъ, гоняются за суетою. Что же касается до приобретающихъ богатство лживымъ языкомъ,—то въ погонѣ за земными сокровищами они не только гоня-

ются за суетою, но и впадаютъ въ *сѣти смертныя*,—запутываются въ своихъ безчестныхъ предпріятіяхъ, какъ птицы въ сѣтяхъ,—навлекаютъ на себя мщеніе отъ людей, обманутыхъ ими, и отъ судебной власти. Положеніе ихъ поистинѣ есть *сѣть смертная*, т.-е. крайне бѣдственное, подобно, на примѣръ, бѣдствію отъ саранчи, которое Фараонъ называетъ смертію, прося Моисея и Аарона помолиться Господу о прекращеніи этого бѣдствія (Исх. 11, 17).

Ст. 7. Всегубительство (помбелъ) на нечестивыя устремляется, не хотятъ бо творити праведная.

Нечестіе обыкновенно соединяется съ неправдами въ отношеніи къ людямъ, съ разными обидами имъ. Житія на свѣтѣ отъ нечестивыхъ нѣтъ людямъ честнымъ. Но дѣлая зло ближнимъ, нечестивые не должны обольщать себя надеждою ненаказанности: по суду правды Божіей на нихъ *всегубительство устремляется*,—съ стремительною бури гнѣвъ Божій достигнетъ ихъ и опрокинетъ зданіе ихъ благополучія.

Ст. 8. Къ стропотнымъ стропотныя пути посылаетъ Богъ, чиста бо и права дѣла Его.

Люди *стропотныя*,—т.-е. коварные и криводушные,—избираютъ для достиженія своихъ цѣлей *стропотныя* пути, т.-е. употребляютъ разныя коварства, для нихъ же вредныя. Господь *посылаетъ имъ эти пути*,—т.-е. попускаетъ имъ идти этими путями,—путями коварства, и уловляетъ ихъ на этихъ путяхъ: пути ихъ оказываются коварными (*стропотными*) въ томъ смыслѣ, что коварно обманываютъ идущихъ ими,—последніе встрѣчаютъ на нихъ неожиданныя для нихъ препятствія къ достиженію ихъ злыхъ цѣлей. Промыслъ Божій не допускаетъ торжествовать имъ, ибо *дѣла Божіи чисты и правы*. Господь уловляетъ коварныхъ въ коварствѣ ихъ, запинаятъ ихъ стопы для того, чтобы всякъ видѣлъ, что Онъ не потворствуетъ нечестивымъ, что все, совершаемое и допускаемое Имъ въ мірѣ и человѣческой жизни, совершается и допускается согласно съ Его святостію (*чистотою*) и правдою. Убѣжденіе въ этой истинѣ, въ истинѣ правосудія Божія, воз-

дающаго каждому по дѣламъ, выражаетъ псалмопѣвецъ, когда исповѣдуетъ Господу: Ты, Господи, съ *преподобнымъ преподабень будещи*, т.-е. поступишь съ нимъ соотвѣтственно его святости и непорочности, — и *со строптивымъ развратившися*, т.-е. съ непокорнымъ Тебѣ поступишь вопреки ему, низпровергнешь всѣ его злые замыслы (Пс. 17, 26. 27).

Ст. 9. **Лучше жить во углѣ непокровенномъ (подъ открытымъ небомъ), нежели въ повапленныхъ съ неправдою палатахъ и въ храминѣ общей.**

Хорошо жить въ разукрашенныхъ (*повапленныхъ*), великолѣпныхъ палатахъ, хорошо имѣть домъ просторный и помѣстительный для своей семьи и домочадцевъ (*общую храмину*); но непростительно эти удобства пріобрѣтать путями неправды. Лучше отказаться отъ всякой мысли о такомъ пріобрѣтеніи, лучше вести жизнь безпріютную, привитая гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ, и терпѣть здѣсь холодъ, зной, вѣтеръ, быть подъ дождемъ, чѣмъ жить въ палатахъ, нажитыхъ неправдою, чѣмъ жить среди богатой обстановки, въ общемъ для всей семьи помѣщеніи. — Общая мысль стиха такая: лучше жить въ крайней бѣдности честно, чѣмъ быть богатымъ, но безчестнымъ.

Ст. 10. **Душа нечестиваго не помилуется ни отъ единаго отъ человѣкъ.**

Нечестивые бываютъ вмѣстѣ немилосерды къ ближнимъ, не сочувствуютъ и не помогаютъ имъ въ нуждахъ и бѣдствіяхъ. Но кто немилостивъ къ ближнимъ, къ тому и они немилостивы. Если нечестивый самъ будетъ въ нуждѣ и бѣдствіи, то ни въ комъ не встрѣтитъ состраданія и помощи.

Ст. 11. **Тщету пріемлющу невоздержному (когда терпитъ ущербъ необузданный), коварнѣйшій будетъ злобивый, разумѣвая же мудрый приметъ разумъ (вѣдѣніе).**

Когда *необузданный*, дерзко попирающій законы Божій и человѣческіе, *потерпитъ ущербъ*, — понесетъ заслуженное имъ лишеніе чести и собственности, — это наказаніе, пожалуй, не

вразумить, не исправить его, но оно не останется без плода для другихъ. *Незлюбивый*, простодушный, легко поддающийся дурному влиянію, обману со стороны злонамѣренныхъ людей, глядя на примѣръ наказанія, постигающаго ихъ, сдѣлается *коварнѣе*, т.-е. умнѣе и осторожнѣе, изъ опасенія потерпѣть тоже наказаніе, если будетъ идти путями ихъ. Но и для *мудраго* не бесполезно быть свидѣтелемъ наказанія *необузданныхъ* людей. Онъ *приметъ вѣдѣніе*, — приметъ къ свѣдѣнію этотъ примѣръ для утвержденія себя въ правилахъ мудрости и добродѣтели (Под. см. въ предыдущей пареміи, 19, 19).

Ст. 12. Разумѣваетъ праведный сердца нечестивыхъ и уничтожаетъ (ни во что ставитъ) нечестивыхъ во злыхъ (за зло).

Праведный,—честный и добродѣтельный мужъ,—не увлечется подобострастіемъ къ нечестивымъ, видя, какъ послѣдніе успѣшно ведутъ свои житейскія дѣла. Онъ очень хорошо понимаетъ *сердца нечестивыхъ*,—знаетъ, что сердца ихъ лишены мира и благодушія, терзаются угрызениями совѣсти, злобою и недовольствомъ на все и на всѣхъ,—знаетъ, что при вѣшнемъ благосостояніи, они несчастны по внутреннему состоянію, по душевному настроенію, и потому *ни во что ставитъ нечестивыхъ*,—презираетъ ихъ вѣшнее положеніе, *за зло*,—въ виду внутренняго, отравляющаго всѣ ихъ удовольствія зла.

Ст. 13. Иже затыкаетъ ушеса свои, еже не послушати немощнаго, и той призоветъ и не будетъ послушай его.

Горе жестокосердому, который не только не помогаетъ *немощному*, находящемуся въ безпомощномъ состояніи по старости, по болѣзни, по нечаянному, постигнутому его бѣдствію,—но и слышать не хочетъ его вопля о помощи, *затыкаетъ отъ него свой слухъ*. За жестокосердіе постигнетъ его сугубое наказаніе, — во первыхъ, онъ самъ дойдетъ до бѣдственнаго положенія, которое заставитъ его *призывать* ближ-

нихъ на помощь; вовторыхъ, и его вопля никто не будетъ слушать,—къ нему такъ же равнодушно отнесутся люди, какъ онъ самъ относился къ нимъ. Какъ онъ поступалъ съ друзьями, такъ и съ нимъ будутъ поступать.

Ст. 14. Даяніе тайно (подарокъ тайный) отвращаетъ гнѣвы, щадяй же даровъ (кто скупится на подарки), воздвизаетъ ярость крѣпкую.

Обличается взяточничество судей. Отъ подсудимаго они принимаютъ подарки, но принимаютъ тайно, изъ опасенія прослыть подкупными судьями, и за эти подарки, какъ бы ни было возмутительно преступленіе подсудимаго, они готовы вмѣсто строгаго приговора произнести снисходительный, вмѣсто гнѣва являютъ милость. А кто скупится на подарки для подкупа корыстолюбивыхъ судей, тотъ не жди отъ нихъ пощады, къ тому они немилосерды и жестоки.

Ст. 15. Веселіе праведныхъ творити судъ (соблюдать правосудіе), преподобный же нечистъ у злодѣевъ.

Рѣчь все о судьяхъ. Добросовѣстные (*праведные*) судьи находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы оправдать невиннаго, защитить его отъ обидъ и притѣсненій со стороны враговъ. Равно радуется ихъ то, если имъ удастся уличить злодѣя и отнять у него возможность продолжать вредить ближнимъ,—ихъ чести, собственности, жизни. Къ сожалѣнію, злодѣи не унимаются. Они всегда стараются себя обѣлить предъ судомъ, а невиннаго, или *преподобнаго*, неукоризненнаго во всѣхъ отношеніяхъ, жалующагося на нихъ, выставляютъ предъ судомъ *нечистымъ*,—кругомъ виноватымъ.

Ст. 16. Мужъ заблуждаяй отъ пути правды въ сонмищи исполиновъ почіетъ.

Исполинами назывались допотопные великаны, съ огромнымъ ростомъ соединявшіе необыкновенную богатырскую силу, которую они употребляли на поработеніе и угнетеніе слабыхъ. Поступая со всѣми самоуправно, они презирали законы Божескіе и человѣческіе (Быт. 5, 4). Но за то, что они

безнаказанно злодѣйствовали при жизни, постигла ихъ строгая кара Божія по смерти. Они получили достойное воздаяніе въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ они томятся безъ надежды облегченія ихъ мучительной участи. Въ *ихъ сонмищю почитѣтъ*, т.-е. раздѣлить одинаковую съ ними участь, *мужъ, сбившійся съ пути правды*, — т.-е. всякій, подражающій древнимъ исполинамъ дѣлами несправды, — обидами и притѣсненіями ближняго.

Ст. 17. Мужъ бываетъ скуденъ, когда любитъ веселіе, любящій же вино и елей не обогатится (не разбогатѣетъ).

Идетъ рѣчь о вредѣ невоздержной и роскошной жизни. Кто любитъ проводить время въ пирахъ и на нихъ услаждать себя винопитіемъ и душистыми мастями (*елеемъ*), которыми намащались пирующие, — тотъ не разбогатѣетъ, самъ ли онъ устрояетъ эти пиршества, или бываетъ на нихъ въ числѣ гостей. Въ первомъ случаѣ онъ расточаетъ свое имущество, во второмъ губить время въ праздности, слѣдствіемъ которой обыкновенно бываетъ обнищаніе.

Ст. 18. Отребіе же (выкупъ за) праведнику беззаконникъ.

Бѣдствіе, грозящее праведному, Господь отвращаетъ отъ него тѣмъ, что оно падаетъ на голову беззаконнаго, который въ такомъ случаѣ служитъ *выкупомъ*, какъбы очистительною жертвою (*πεφικαθάρμα*) за праведника. Случается иногда, что беззаконный попадаетъ въ яму, которую копалъ праведному (Подобное см. гл. 11, ст. 8).

Ст. 19. Лучше жити въ землѣ пустѣ, неже жити съ женою сварливою и гнѣвливою.

Неудобно жить въ пустынѣ и въ ней подвергаться опасности отъ звѣрей, разбойниковъ, томиться отъ жажды, отъ зноя. Но еще хуже жить подъ одною кровлею съ женою сварливою и сердитою. Живущему въ пустынѣ скорѣе можно привыкнуть къ неудобствамъ ея и даже избавиться отъ нихъ перемѣною мѣста; но куда убѣжишь отъ жены, съ которою

волей-неволей приходится съ глазу на глазъ жить въ одномъ домѣ и постоянно слышать отъ нея брань, а если и убѣжишь, то на короткое только время?

Ст. 20. Сокровище вождельнно почіеть во устѣхъ мудраго, безумніи же мужи пожирають е (*поглощаютъ его*).

Подъ *вождельннымъ сокровищемъ*, судя по тому употребленію его, о какомъ говорится въ этомъ стихѣ, должно разумѣть лакомое кушанье. Сокровищемъ оно называется здѣсь по дороговизнѣ его. Мудрость и глупость (*безуміе*) сказываются въ самомъ способѣ употребленія пищи и питія. Мудрому свойственно неспѣшно вкушать пищу и питіе: онъ сначала держитъ вкушаемое въ устахъ,—разжевываетъ его, если это твердая пища, согрѣваетъ, чтобы не пропустить въ желудокъ слишкомъ холодное, наслаждается тонкимъ вкусомъ его. Ничего такого не дѣлаетъ глупый: онъ съ жадностію набрасывается на лакомые куски и напитки и проглатываетъ ихъ поспѣшно, не держа ихъ во рту для оцѣнки ихъ вкуса или для приготовленія ихъ къ безопасному и полезному принятію въ желудокъ.

Ст. 21. Путь правды и милостыни (милосердія) обрящеть животъ и славу.

Идти путемъ правды и милосердія, т.-е. ревновать о томъ, чтобы быть праведнымъ предъ Богомъ и Его закономъ, предъ людьми и своею совѣстію, и оказывать милосердіе къ ближнимъ въ ихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ, не разбирая добрыхъ и злыхъ,—это есть долгъ, который мы должны исполнять безкорыстно, не помышляя о воздаяніи за это. Но Господь не лишаетъ воздаянія исполнителей этого долга. *Путь правды и милосердія обрящеть животъ*,—т.-е. ходящіе этимъ путемъ награждены будутъ отъ Бога долгоденствіемъ, благоденствіемъ и безопасностію (*животъ*), также *славою*, — уваженіемъ и почетомъ отъ людей и вѣчнымъ блаженствомъ.

ДВА ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

къ московскому военному генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну.

I.

Сіятедьнѣйшій князь, милостивый государь! Отношеніемъ отъ 21 сентября, № 4.204, в. с—во требовали: приказать по духовному вѣдомству, чтобы недоимка поземельная и квартирная, показанная въ приложенной вѣдомости, была внесена въ непродолжительномъ времени.

По справкѣ въ Консисгоріи оказалось, что поземельный сборъ наложенъ на мѣста духовнаго вѣдомства положеніемъ комитета о усиленіи городскихъ доходовъ, Высочайше утвержденнымъ въ 21 день марта 1816 года; а именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату въ 17 день апрѣля 1821 года, накі сложенъ съ оныхъ.

На семъ основаніи предписаль я Консисгоріи подтвердить показаннымъ въ вѣдомости мѣстамъ и лицамъ духовнаго епархіального вѣдомства, чтобы положенную узаконеніемъ 21 марта 1816 года повинность по день новаго вышеприведеннаго узаконенія, исполнили въ непродолжительномъ времени на точномъ основаніи сихъ узаконеній.

Что касается до мѣстъ и лицъ инаго вѣдомства, помѣщенныхъ въ присланной отъ в. с—ва вѣдомости, въ отношеніи къ нимъ поручилъ я Консисгоріи исполнить ея мнѣніе слѣдующее:

1) Поелику въ помянутой вѣдомости помѣщены и такіа лица, которыа не принадлежать духовному вѣдомству, а именно: графиня Толстая, генералъ-майоръ Дурасовъ, вѣчноцеховой Вагинъ и солдатъ Матвѣевъ, которыа отъ платежа недоимки отзываются тѣмъ только, что дома ихъ имѣются на церковной землѣ, — а почему они занимають церковную землю, того не объяснено, то сообщить въ Московскую Управу Благодичинія, дабы онаа благоволила отъ прописанныхъ вла-

дѣльцевъ церковной земли отобрать свѣдѣнія, почему они имѣютъ дома свои на церковной землѣ, и оныя, съ засвидѣтельствованными копіями съ контрактовъ, если имѣютъ, доставить въ оную. 2) Какъ въ вышеозначенной же вѣдомости показаны лавки Воскресенскаго и Заиконоспаскаго монастырей; то отрепортовать о семъ Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторѣ, въ вѣдѣніи коей находятся помянутыя мѣста.

Наконецъ, что касается въ особенности до недоимки, показанной на Хамовническомъ подворьѣ Чудова монастыря 2.645 рублей 61½ копѣйки; по справкѣ оказалось слѣдующее: 28 октября прошедшаго 1821 года намѣстникъ Чудова монастыря съ братіею представили полицейское объявленіе по Хамовнической части, которымъ требуется недоимки на Хамовническомъ подворьѣ 2147 руб. 5 коп., а не 2645 р. 61½ копѣйки. Въ Высочайше утвержденномъ 1816 года положеніи о доходахъ сказано: должны остаться свободными отъ ежегоднаго платежа поземельныхъ денегъ тѣ монастырскія и архіерейскія подворья, кои занимаютъ по службѣ живущими: а подворье Хамовническое и занимается штатными служителями Чудова монастыря, отправляющими въ немъ разныя низшія службы. Въ контрактъ на 1816, 1817, 1818 и 1819 годы съ московскимъ мѣщаниномъ Петромъ Свѣшниковымъ о землѣ хамовническаго подворья, въ 6 пунктѣ между прочимъ постановлено: что касается до полицейскихъ и прочихъ казенныхъ повинностей, ежели оныя востребуются, все оное исполнять содержателю земли Свѣшникову. Въ таковомъ же контрактѣ на 1820 и 1821 годы съ крестьянами волоколамской округи, деревни Городка, Трифономъ Стефановымъ и подольской округи, деревни Прудичъ, Павломъ Абрамовымъ въ 7 пунктѣ постановлено: имъ содержателямъ исправлять повинность поземельную. На семъ основаніи Консисторія отъ 17 ноября 1821 года сообщила Губернскому правленію, дабы благоволено было дать знать Городской Думѣ, что Чудову монастырю платить вышеозначенной повинности не слѣдуетъ.

Находя сіе мнѣніе Консисторіи основаннымъ на узаконеніи и на законныхъ контрактахъ, долгомъ поставляю я и нынѣ покорнѣйше просить в. с.—во приказать, кому слѣдуетъ, по силѣ вышеприведеннаго узаконенія и двухъ контрактовъ, съ которыхъ прилагаю при семъ засвидѣтельствованные списки, поземельной недоимки на Хамовническомъ под-

ворьѣ и землѣ Чудова монастыря не числить, а обратитъ поземельное взысканіе на тѣхъ, на комъ оно лежитъ по силѣ контрактовъ.

Присланную отъ в. с—тва вѣдомость о недоимкахъ, согласно съ вашимъ, милостивый государь, отношеніемъ при семъ возвращая, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

1 ноября 1823.

II.

Сіятеельнѣйшій князь, милостивый государь! Отношеніемъ отъ 29 минувшаго октября (1824 г.), № 4821, в. с—тво изволили требовать отъ меня увѣдомленія, на кого именно должно обратитъ взысканіе поземельной недоимки, на Хамовническомъ подворьѣ числящейся, отъ платежа коей мѣщанинъ Свѣшниковъ уклоняется, представляя, что онъ содержателемъ подворья никогда не былъ, а содержалъ и нынѣ содержитъ по контракту землю.

Дѣло сіе объясняется объясненіемъ имени и мѣстности подворья. Такъ называемое Хамовническое подворье Чудова монастыря, есть монастырскій домъ съ принадлежащею къ нему землею. Нѣтъ сомнѣнія, что поземельная недоимка числится на всемъ подворьѣ, то-есть на землѣ, застроенной домомъ подворья, и на землѣ принадлежащей къ сему дому; и слѣдственно часть числящейся недоимки относится собственно къ дому подворья, а часть къ землѣ, принадлежащей къ сему дому. По разности обстоятельствъ, о каждой изъ сихъ частей должно сказать особо.

Что касается до той части недоимки, которая падаетъ на землю занимаемую домомъ подворья, по справкѣ въ Консistorіи оказалось, что еще въ 1821 году, ноября отъ 17, № 5512, дано знать изъ Консistorіи Губернскому правленію, что прописанной повинности платить Чудовъ монастырь не обязанъ, потому что домъ подворья занимался и занимается штатными служителями Чудова монастыря, исправляющими въ немъ разныя низшія должности. А по Высочайше утвержденному 1816 года положенію, таковыя мѣста въ поземельную повинность и вводитъ не слѣдовало; ибо въ семъ положеніи сказано: должны остаться свободными отъ ежегоднаго платежа поземельныхъ денегъ тѣ монастырскія и архіерейскія подворья, кои занимаютъ по службѣ живущими.

Что же касается до той части недоимки, которая падаетъ на землю принадлежащую подворью: о сей также вышеупомянутымъ сообщеніемъ Консисторіи дано знать Губернскому правленію, что каѳедральный монастырь платитъ оную не обязанъ, а обязаны держатели той земли—московскій мѣщанинъ Петръ Свѣшниковъ и крестьяне волоколамской округи, деревни Городка, Трифонъ Стефановъ и подольской округи, деревни Прудичъ, Павелъ Абрамовъ, по силѣ контрактовъ, съ которыхъ копии къ в. с—ву отъ меня препровождены отъ 1 ноября 1823 года, № 368.

Теперь слѣдуетъ разобрать отводъ одного изъ держателей, именно Свѣшникова, что онъ держателемъ подворья не былъ, и почему такъ названъ въ копии съ контракта, ему неизвѣстно. Въ контрактѣ сказано сими точно словами: взялъ я, Свѣшниковъ, въ свое содержаніе принадлежащій оному дому и монастырю подворье, огородъ. И далѣе въ первомъ пунктѣ: состоящую кругомъ онаго подворья каменную ограду, къ паденію склонную, исправить мнѣ, Свѣшникову и пр. Изъ сихъ словъ и сдѣланнаго выше описанія мѣстности подворья, в. с—тво изволите усмотрѣть, что Свѣшниковъ держалъ землю, принадлежащую подворью, находящуюся въ оградѣ подворья, словомъ—составляющую въ гражданскомъ отношеніи одну мѣстность съ подворьемъ, и слѣдственно ту, на которой лежитъ часть поземельной недоимки, числящейся вообще на подворьѣ.

Изъ сего отырывается, что вопросъ, на кого именно должно обратить взыскаііе поземельной недоимки на Хамовническомъ подворьѣ, долженъ рѣшиться слѣдующимъ образомъ:

Недоимку на той части земли, которая находится подъ домомъ подворья, надлежитъ сложить, какъ числящуюся не по силѣ закона, что выше изъяснено.

Недоимку на той, несравненно большей части земли, которую держали Свѣшниковъ, Стефановъ и Абрамовъ, на которой между прочимъ есть и строеніе, Свѣшникову принадлежащее, должно обратить на нихъ всѣхъ, по разсчету, по силѣ контрактовъ.

Отвѣтственность за умедленіе уплаты поземельныхъ денегъ должна пасть частію также и на держателей по контрактамъ, частію же не должна, думаю, остаться безъ отвѣтственности самая Дума, умедлившая требованіемъ.

За симъ да будетъ позволено каѳедральному монастырю остаться въ упованіи на справедливое и благосклонное вни-

маніе в. с—ва къ изъясненнымъ обстоятельствамъ, ограждающимъ монастырь силою законовъ и контрактовъ, тогда какъ изъ представленной въ Синодальную контору копіи съ отношенія в. с—ва къ Новоспасскому настоятелю отъ 4 августа 1824, № 3463, извѣстно мнѣ, что вы, милостивый государь, благоволили предписать городской Думѣ поземельную недоимку съ земель Новоспасскаго монастыря и штатныхъ служителей сложить, и болѣе не числить.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть и пр.

16 января 1825.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1840, сент. 4. «Въ дѣлѣ семъ видно слѣдующее: 1) новый староста церковный (*кол. сек. Ивановъ*) избранъ установленнымъ порядкомъ и утвержденъ еще въ прошедшемъ году, но церкви по описи до сихъ поръ не принялъ, по уклоненію прежняго старосты отъ сдачи, отъ чего по церкви (*Тихвинской въ Сущево*) могутъ произойти затрудненія и запутанности. 2) Что выборъ происходилъ не въ присутствіи прежняго старосты, сіе у выбора достоинства не отнимаетъ, тѣмъ паче, что прежній староста къ выбору былъ приглашенъ, какъ объявленъ священникъ. 3) Бывшій староста (*купецъ П. И. Глинскій*) ничего не требуетъ болѣе, какъ того, чтобы сдача была при прихожанахъ, чему и священникъ не прекословитъ и прекословившимъ себя не признаетъ. Посему учинить слѣдующее: 1) Сдачу церкви произвестъ несмеленно при прихожанахъ, или при нѣкоторыхъ лицахъ, которымъ они довѣрятъ быть при томъ. 2) Какъ долговременная служба прежняго старосты заслуживаетъ уваженія, то Консисторіи, сдѣлавъ о ней справку, по дѣламъ представить. 3) Трехсвятительскому протоіерею (*члену Консисторіи*) обратить вниманіе, чтобы не было впредь по сему дѣлу такой медленности, какая допущена отъ 22 февраля до 23 августа».

. Окт. 17. «По наводимому сомнѣнію на единогласіе и достоинство выбора поручить Троицкому, что на Арбатѣ, протоіерею пригласить всѣхъ прихожанъ въ церковь и объявивъ жалобу нижеподписавшихся на неприглашеніе ихъ къ выбору

въ церковные старосты, стараться расположить ихъ къ единоголасію въ подтвержденіи прежняго или въ произведеніи новаго выбора. Что по сему окажется, Консistorіи разсмотрѣть и съ мнѣніемъ представить».

Нояб. 19. «Утверждается» (*опредѣленіе Консistorіи о назначеніи старостою церковнымъ купца Глинскаго, единогласно всеми избраннаго*).

1850, іюля 18. «Что производится слѣдствіе (о похищеніи неизвѣстно къмъ изъ церкви св. Іоанна Воина, на Калужской улицѣ, денегъ 50 р. сер.) полиціею, изъ дѣла не видно, а видно, что церковный староста (*купецъ И. Ѳ. Позднѣвъ*) просилъ полицію не производить слѣдствія. Поелику похищеніе произошло безъ разлома, и потому подозрѣніе въ похищеніи и вина оплошности падаетъ на членовъ причта, которые въ семь отвѣтствуютъ своему начальству, пока дойдетъ дѣло до свѣтскаго суда: то предписано изслѣдовать, и предписывается немедленно спросить порознь всѣхъ членовъ причта, у кого, въ указанные церковнымъ старостою дни (4—10 іюня) были ключи (*у священника*), кто ходилъ съ ними отпирать и запираеть церковъ (*пономарь, кромѣ 7 іюня*), не оставался ли кто изъ причта одинъ въ церкви, не подозрѣваютъ ли кого по прежнимъ замѣчаніямъ о поведеніи не благонаправномъ или неправдивомъ; и что покажутъ, представить, дабы по тому, что откроется, можно было принять неотлагательныя мѣры къ приведенію церкви въ безопасность отъ подобнаго случая».

Іюля 31. «Похищеніе произведено безъ внѣшняго разлома; слѣдственно подозрѣніе падаетъ на тѣхъ, которые имѣютъ отъ церкви ключи, и въ нее входятъ безъ постороннихъ. Священникъ обращаетъ сіе подозрѣніе на дьячка, потому что сей 7 іюня преждевременно вошелъ въ церковъ и оставался въ ней одинъ^{а)}. Дьячекъ говорить, что вошли въ церковъ вмѣстѣ съ пономаремъ; но пономарь показываетъ, что дья-

а) Дьячекъ К. П—въ, объявивъ семейству моему, что меня съ поспѣшностію требуютъ для приобщенія больной, вмѣсто того, чтобы идти за мною въ Пріютъ (*Маріинскій дѣтскій, гдѣ находился въ то время священникъ по обязанности законоучителя*), взялъ ключи, отперъ церковъ и оставался въ ней одинъ, примѣтно, минутъ 25, за мною же послалъ церковнаго сторожа. Впрочемъ по приходѣ моемъ въ церковъ, съ нимъ былъ уже и пономарь...“ Показаніе священника.

чекъ отперъ церковь одинъ и находился въ ней около полу- часа одинъ. Черезъ сіе подозрѣніе на дьячка получаетъ новую силу. Священникъ показываетъ (*о немъ*), что 8 дня пришелъ къ вечернѣ нетрезвымъ; послѣ вечерни отлучился безъ спроса; 9 дня ни къ утрени, ни къ литургіи, ни къ вечерни ни являлся. Отлучки послѣ вечерни безъ спроса дьячекъ не отрицаетъ; а въ небытіи 9 дня въ церкви извиняется неубѣдительно болѣзнію, которой ничѣмъ не доказываетъ и которой въ свое время не объявилъ. Вѣдомость показываетъ, что дьячекъ Константинъ Протопоповъ былъ штрафованъ поклонами за нетрезвость, грубые поступки и своевольную отлучку. О поведеніи его за 1848 годъ дано слѣдующее свидѣтельство: мало одобряется, но терпимъ по надеждѣ исправленія. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ учинить слѣдующее: 1) дьячка Протопопова, по поведенію и по подозрѣнію въ настоящемъ мѣстѣ нетерпимаго, удалить отъ онаго. 2) Консistorіи дѣло разсмотрѣть по надлежащему и, постановя опредѣленіе, представить».

Дьячекъ исключенъ изъ духовнаго званія.

1848, авг. 21. «Изъ дѣла видно слѣдующее: 1) священникъ (*Волоколамскаго уѣзда, села Р.*) И—ій признался противъ доноса, что 4 іюля (*въ воскресенье*), приступивъ къ совершенію проскомидіи, прекратилъ оную и литургіи не совершилъ. 2) Донositели (*причетники*) говорятъ, что это было по его нетрезвости, а онъ, что отъ болѣзни холеры, отъ которой у него дергало всѣ нервы, что продолжалось съ Петрова дня. Сіе неосновательное оправданіе обращается въ подрѣзленіе доноса. Выраженіе: дергало всѣ нервы, представляетъ догадочное изображеніе припадка, а не опытное ощущеніе. Притомъ если сіе продолжалось съ Петрова дня и не препятствовало священнику дѣйствовать и начать проскомидію: почему было не продолжать службы? Рвоты же, которая есть истинный припадокъ холеры, священникъ не имѣлъ, и даже о наклонности къ ней въ сіе время не упоминаетъ. 3) Священникъ признается, что прекратилъ служеніе по совѣту товарища — священника (*тогоже села*) П—на. Но товарищу не было иной причины совѣтовать, какъ примѣчаемая нетрезвость. Еслибы священникъ И—ій чувствовалъ себя не въ силахъ служить по болѣзни, то оставилъ бы служеніе по сему, и не сталъ бы ожидать совѣта.

4) Священникъ И—ій признался, что когда священникъ П—нъ во время Часовъ сталъ приобщать прихожанъ (*многіе говѣли въ холерное время*) запасными св. Дарами то онъ, И—ій, вышелъ изъ алтаря на средину церкви и также сталъ приобщать. Но какъ причащеніе никогда не бываетъ среди церкви, то сіе обстоятельство показываетъ, что священникъ дѣйствовалъ беспорядочно, худо помня себя отъ нетрезвости. Притомъ сіе обстоятельство показываетъ, что онъ не былъ въ сіе время боленъ холерою, какъ сказалъ прежде; а сіе опять приводитъ къ заключенію, что оставилъ службу по уличенію его въ нетрезвости причетниками и священникомъ П—мъ. 5) Въ оправданіе священникъ показалъ, что молебны служить (*4 іюля въ домахъ крестьянъ*) отказался по опасенію отъ заразы; а доносители говорятъ, что это по нетрезвости. Посему священникъ непременно виноватъ или въ нетрезвости, или въ неисполненіи своей обязанности по малодушному опасенію заразы, что не можетъ быть оставлено безъ взысканія, ибо вело бы къ тому, чтобы больные умирали безъ напутствія и умершіе оставались безъ погребенія. 6) Діаконъ И—нъ показалъ, что священникъ И—ій 3 дня іюля совершалъ литургію, какъ кажется, съ похмѣлья, и сомнѣвается о семъ потому только, какъ могъ священникъ въ такомъ видѣ приступить къ великому таинству; и что 4 дня пришелъ онъ къ утрени въ такомъ же видѣ; что священникъ И—ій имѣлъ трясеніе рукъ; и что не совсѣмъ охотно согласился оставить служеніе по совѣту священника П—на. 7) Священникъ (И—ій) оправдываясь, говоритъ, что въ деревнѣ В—хъ служилъ (*на открытомъ воздухѣ*) два молебна безъ причетниковъ, за нетрезвостію обоихъ; а свидѣтель Семеновъ (*крестьянинъ*) говоритъ, что причетники нетрезвы не были. 8) Слѣдователь сдѣлалъ важное опущеніе, не обратя вниманія на разныя обстоятельства, которыхъ объясненія требуютъ теперь Консисторія; особенно на то, дѣйствительно ли было такое количество запасныхъ св. Даровъ, которое бы достаточно было для приобщенія 150 человекъ, и когда ими сталъ приобщать священникъ П—нъ, откуда еще могъ взять ихъ священникъ И—ій (*запасныхъ Даровъ не малое количество заготовлено было въ Великій четверг*). Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ дѣла видно, что священникъ И—ій не можетъ въ настоящее время получить разрѣшенія въ священнослуженіи (*по важности доноса запрещенъ въ іюль до усмотрѣнія по дѣлу*). А между тѣмъ прихожане объявля-

ютъ потребность особенно по настоящему времени имѣть и другаго священника дѣйствительно служащаго. Изъ справки видно, что священникъ И—ій въ поведеніи одобряется неполно. Посему учинить слѣдующее: 1) запрещеннаго священника И—го удалить отъ настоящаго мѣста, опредѣлить до дальнѣйшаго по дѣлу разсмотрѣнія на причетническое и отдать подъ особый надзоръ благочиннаго и мѣстнаго священника, съ донесеніемъ о его поведеніи ежемѣсячно. 2) Производившему слѣдствіе (*градскому*) протоіерею С—ву изъяснить неудовольствіе начальства за важныя опущенія по важному дѣлу, на которое резолюціею 10 іюля предписано ему было обратить строгое вниманіе. 3) Консисторія дополнить слѣдствіе потребными обстоятельствами, особенно въ отношеніи къ обращенію со святынею, не распространяя онаго безъ нужды, что при замѣчаемой въ нѣкоторыхъ показаніяхъ неискренности не общаетъ много. 4) Слѣдствія протоіерею Волоколамскому и сужденія Духовному правленію не поручать, а сдѣлать дополненіе слѣдствія чрезъ благочиннаго, и опредѣленіе постановить въ Консисторіи. 5) Предъ взятіемъ показаній сдѣлать причту увѣщаніе, чтобы убоялись Бога и въ дѣлѣ, касающемся святыни таинства, съ особеннымъ вниманіемъ объявляли чистую истину, какая кому извѣстна».

Примѣчаніе. Священникъ П—нъ оказался по сему дѣлу виновнымъ въ томъ, что сталъ приобщать прихожанъ, не давъ имъ выслушать чтеніе Часовъ. Въмѣсто того, чтобы приготовленный при совершеніи священникомъ И—мъ проскомидіи Агнецъ сохранить и употребить для совершенія литургіи въ слѣдующій день, священникъ П—нъ велѣлъ пономарю употребить оный Агнецъ вмѣсто антидора для причастниковъ.

1845, окт. 30. Какъ изъ дѣла открылось, что Бобровскій дьячекъ употребилъ во зло церковную печать, приложивъ ее къ подложному акту (*составилъ фальшивое свидѣтельство для испрошенія себѣ пособія по случаю пожара*), то по долгу предосторожности предписать всѣмъ протоіереямъ и священникамъ соборовъ и церквей, чтобы они тщательно хранили церковныя печати, подъ опасеніемъ возложенія на нихъ отвѣтственности, если не тщательно хранимая церковная печать кѣмъ-либо взята будетъ и употреблена противозаконно.

Сообщ. Архим. Григорій.

АВТОБІОГРАФІЯ

ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Въ ризницѣ Троицкой Сергіевой лавры хранится біографія митрополита Платона, составленная имъ самимъ и писанная имъ собственноручно. Она помѣщается въ двухъ рукописяхъ подъ №№ 121 и 122. Первая рукопись въ четвертку, вторая въ листъ. Платонъ самъ не успѣлъ окончить своей біографіи и поручилъ это сдѣлать своему намѣстнику въ Лаврѣ, архимандриту Виванскаго монастыря Самуилу Запольскому-Платонову, который продолжалъ біографію съ 1810 года и котораго работа пересмотрѣна и исправлена Платономъ. Въ первой рукописи біографія доведена до 1799 года, затѣмъ слѣдуетъ статья, писанная также Платономъ, подъ заглавіемъ: «Характеръ митрополита Платона тѣлесный и душевный».

Обѣ рукописи, заключающія въ себѣ автобіографію Платона, поступили въ Лавру въ 1834 году отъ митрополита Филарета, который получилъ ихъ отъ Павла, епископа кострѣмскаго при слѣдующемъ письмѣ:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій архипастырь и отецъ! О. протоіерей Голубинскій извѣстилъ меня, что вашему Высокопреосвященству благоугодно имѣть подлинную рукопись о жизни покойнаго митрополита Платона. За особенное счастье поставляю препроводить къ вашему Высокопреосвященству столь драгоценную рукопись въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получилъ оную отъ преосвященнѣйшаго Самуила а). Давно слышу отъ родственниковъ, живущихъ близь Лавры, что великое бываетъ стеченіе народа ко гробу въ Бозѣ почивающаго митрополита Платона и что по-

а) Бывшаго кострѣмскимъ епископомъ предъ Павломъ.

лучаются отъ онаго исцѣленія. О, какъ бы отрадно было видѣть подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее жизнеописаніе толь незабвеннаго пастыря!—Всесмиренно поручая себя высокому покровительству вашему, съ душевнымъ высокопочитаніемъ и сыновнею преданностію имѣю долгъ и счастье быть вашего Святѣйшества низжайшій послушникъ и усерднѣйшій богомолецъ Павель, епископъ костромскій» ^{б)} 22 іюля 1834 г.

Страннымъ представляется высказанное въ 1834 году пресвященнымъ Павломъ желаніе видѣть подробнѣйшее жизнеописаніе м. Платона, когда въ 1831 году И. М. Снегиревъ издалъ полную его біографію, воспользовавшись и автобіографіею Платона, «которой списокъ доставилъ ему архіепископъ тобольскій Евгенийъ Казанцевъ, служившій въ Троицкой и Виѳанской семинаріяхъ при Платонѣ и часто проводившій съ нимъ время. Автобіографія Платона напечатана М. П. Погодинымъ въ «Москвитянинѣ» 1849 года, но не вся, а только до 1799 года; въ концѣ Погодинъ дѣлаетъ замѣчаніе: «въ рукописи, мнѣ доставшейся, слишкомъ ветхой и нечистой, такъ что многія мѣста долженъ былъ я исключить не разобравъ, помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «жизнеописаніе митрополита Платона до сихъ поръ писано съ тетради, правленной по мѣстамъ его рукою. Замѣчаніе о характерѣ Платона и мысли его писаны съ такой же правленной имъ тетради. А слѣдующая часть жизнеописанія до 1810 года въ подлинникѣ писана рукою м. Платона и сохранилась въ черновомъ видѣ. Остальная часть написана неизвѣстно кѣмъ. Настоящій списокъ сдѣланъ съ черневыхъ листовъ, приложенныхъ къ жизнеописанію, составленному самимъ Платономъ». Эти части будутъ напечатаны уже въ слѣдующемъ 1850 г. Но этого обѣщанія Погодинъ не исполнилъ.

Въ полномъ видѣ автобіографія Платона явилась въ печати уже въ 1856 году во второмъ изданіи Снегиревского жизнеописанія Платона, но и тутъ въ описаніи съ 1799 года, которое продолжается во второй рукописи, встрѣчается довольно большое количество ошибокъ, частію отъ писца списка, частію типографскихъ.

б) Павель Подлинскій—ученикъ Троицкой семинаріи при Платонѣ, потомъ воспитаникъ Петербургской Академіи, по принятіи монашества учитель и затѣмъ ректоръ Владимірской семинаріи; съ 1830 г. епископъ костромскій, потомъ черниговскій архіепископъ. Скончался въ 1861 году на покоѣ въ Переяславскомъ Даниловѣ монастырѣ.

Такъ какъ Погодинское изданіе не полно и такъ какъ Снегиревское изданіе сдѣлалось библиографическою рѣдкостью, то пересмотрѣвъ внимательно подлинный лаврскій экземпляръ автобіографіи Платона, предлагаю ее въ исправленномъ спискѣ читателямъ, какъ сочиненіе весьма занимательное и назидательное.

Прот. Сергій Смирновъ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

Родился 1737 года іюня 29 дня,—дня, посвященнаго празднованію первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, при самомъ восходѣ солнечномъ, и въ самый тотъ часъ, когда отецъ его, по должности своей причетнической, ударилъ въ колоколь къ утренней службѣ, и услышавъ въ ту же минуту, что родился ему сей сынъ, оставивъ звонъ, потекъ отъ радости узрѣть родившагося. Сіе другіе услышавъ, то-есть что начался звонъ и вдругъ пересталъ, удивились, и узнавъ тому причину, сорадовались обрадованному отцу; а можетъ быть, что-либо изъ того и заключили. Но, по крайней мѣрѣ, Петръ (ибо онъ, яко родившійся въ день празднуемыхъ Петра и Павла, Петромъ, по желанію отцовскому, наименованъ), а послѣ Платонъ, что онъ родился въ день великихъ Церкви учителей и проповѣдниковъ, что при самомъ восходѣ возсіяшаго солнца, что при звонѣ, созывающемъ всѣхъ христіанъ на службу Божію и что послѣ онъ удостоился быть и учителемъ Церкви, и проповѣдникомъ Евангелія, и пастыремъ Христова стада, съ нѣкоторыми противъ другихъ отличными обстоятельствами, чрезъ всю жизнь свою почиталъ сіе особенно счастливымъ и благодатнымъ судьбъ Божіихъ предзнаменованіемъ. А что притомъ отецъ его, услышавъ о его рожденіи, оставилъ звонъ и потекъ къ родившемуся, о семъ разсуждая часто, Платонъ уподоблялъ таковой случай *отроковицы Роды*, въ Дѣявіяхъ упоминаемой (12, 13), которая, услышавъ у вратъ стояща апостола Петра, не отверзла дверей отъ радости, но притекши въ домъ, возвѣстила о прибытіи его.

Родился же Петръ въ селѣ Чашниковѣ, которое отстоитъ отъ Москвы на 40 верстѣ, на большой Петербургской дорогѣ, отъ отца Георгія, который тогда былъ въ селѣ томъ при церкви причетникомъ, а послѣ въ другомъ селѣ, въ Клинскомъ уѣздѣ, Глуховѣ, священникомъ, и отъ матери Татіаны.

Отецъ Платона, Георгій былъ свойства горячаго, но простосердечнаго и откровеннаго; лести не знающій и отвращающійся оной; также не корыстолюбивъ; особливо низкимъ образомъ корысть приобрѣтатъ почиталъ себѣ противнымъ и въ другихъ предосудительнымъ. А мать Татіана, бывъ благоразумна и разсудительна, была горяча къ дѣтямъ и о добромъ ихъ воспитаніи и опрятномъ содержаніи весьма пеклася; наипаче, бывъ сама набожна и благочестива, и дѣтей приобучать богомолю и страху Божію первымъ долгомъ почитала. Была домостроительная хозяйка и щадила малое дома содержаніе, чтобъ ничего не издержатъ на что-либо излишнее. Чрезъ что, хотя домъ былъ и не богатый, однако ни въ чемъ нужномъ, что до пищи, питія и одѣянія, не скудный; почему и дѣтей своихъ въ лучшей содержала опрятности, нежели другіе, содержаніемъ бывъ богатѣе. Нравовъ была благородныхъ, не любила низкости, и чтобъ во всемъ сохранить свою честь, и отъ другихъ почитаніе заслужить, была всегда расположена. Службы Божіей почти никогда не оставляла; нищихъ, по возможности, всегда одѣляла, съ нѣкоторымъ своимъ удовольствіемъ, и едва когда просящему отказывала. Была трудолюбива и воздержна, а тѣмъ и здравіе хранила; и продолжила жизнь до 70 лѣтъ; и долѣе, можетъ быть, продолжила бы жизнь ея, ежели бы свирѣпѣвшая въ 1771 году въ Москвѣ заразительная язва жизни ея не пресѣкла, и погребена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. А отецъ Петра, священникъ Георгій, погребенъ въ Москвѣ же, при церкви приходской у Спаса во Спасской.

Поминается здѣсь о свойствахъ родителей Платона, дабы изъяснить, что оныя родителей свойства и во нравахъ рожденнаго отъ нихъ нѣкоторымъ образомъ были видимы: о чемъ послѣ будетъ помянуто.

Бывъ младенцемъ, какъ мать неоднократно сказывала съ удовольствіемъ, всѣхъ взоры и любованія на себя привлекалъ. Ибо дитя было лицомъ красное, ласковое, миловидное, здоровое и состава по всему самага порядочнаго. Почему, когда мать на рукахъ его предъ людьми, или дома или на улицѣ держала, или кормила, или пѣствовала, всѣ привлекались брать его къ себѣ на руки, пѣствовали и имъ со услажденіемъ любовались; такъ что иногда мать приводило сіе въ опасность, чтобъ бравъ всѣ его на руки какого вреда по неосторожности ему не причинили, и для того остерегалась предъ людей всегда его выносить. Такимъ образомъ возрастать младенецъ подъ заботливымъ воспитаніемъ матери, которая на него взирала, яко на даръ Божій; и какъ началъ онъ говорить, тотчасъ начала ему внушать имя Божіе, и научала молитвами, младенцу свойственными, отзываться къ общему Отцу всѣхъ тварей.

На шестомъ году отъ рожденія начали Петра обучать грамматѣ: азбукѣ, Часослову и Псалтири, а потомъ писать, каковой общій былъ тогда обученія порядокъ для всѣхъ всякаго состоянія отроковъ. Петръ былъ весьма понятенъ: и удобно, и скоро все изучивалъ. И хотя иногда къ отроческимъ играмъ и рѣзвостямъ былъ нѣсколько склоненъ и отъ ученія за тѣмъ въ нѣкоторые часы удалялся; но за то отъ отца былъ наказыванъ, съ бдѣшею, можетъ быть, строгостію, нежели бы возрастъ лѣтъ и живость младенческаго свойства дозволяли; однако и сію строгость матернія ласковыя увѣщанія приводили въ умѣренность. Изучился младенецъ грамматѣ и писать чрезъ два года, и на осьмомъ году уже въ церкви не только читалъ, но и пѣлъ церковные обыкновенные стихи, ибо и въ пѣніи по одной наслышкѣ столько успѣлъ, что на томъ же году могъ уже одинъ безъ помощи другаго, на клиросѣ отправить все пѣніе Божественныя литургіи. Ибо и голосъ имѣлъ свѣтлый и пріятный, и къ пѣнію особую склонность, и въ церкви, на всякой службѣ Божіей быть, его особенно веселило; о каковой его къ церкви и къ службѣ ея отличной склонности послѣ не умолчу.

И за таковое въ таковыхъ лѣтахъ преуспѣяніе, и охоту къ чтенію и пѣнію, и прибѣжище къ церкви, а притомъ за свой всегда веселый и ласковый нравъ, и отъ родителей и отъ стороннихъ былъ любимъ и похваляемъ и выхваляемъ.

На десятомъ году отъ рожденія былъ онъ отданъ въ школу.—При семъ нельзя умолчать нѣкотораго особеннаго случая. Отецъ его, священникъ Георгій, былъ потомъ, по нѣкоторымъ превратнымъ міра сего обстоятельствамъ, священникомъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Липицахъ, что близъ рѣки Оки, въ Коломенской епархіи. Требовано было отъ Духовнаго правительства, чтобъ всѣ священно и церковно-служители дѣтей своихъ приводили въ семинарію въ Коломну. Отцу Петра крайне сего не хотѣлось. Ибо онъ въ Коломенскую епархію, въ помянутое село переселился не по охотѣ своей, но по принужденію обстоятельствъ: и желалось ему, чтобъ изъ той епархіи выйдти въ Москву, куда послѣ вышелъ, и былъ священникомъ викарнымъ у церкви Николая Чудотворца, что слыветъ Красные Колокола в). А сынъ его большій, Тимоѣей, а братъ Петровъ, былъ уже опредѣленъ въ пономаря, въ Москвѣ, у Софіи Премудрости Божія, что на берегу Москвы рѣки; который Тимоѣей былъ послѣ діакономъ въ Москвѣ, у Іакова Апостола, что въ Казенной; а потомъ у Спаса въ Спасской, гдѣ и умре и погребенъ. Отцу Петра желалось, чтобы и другой сынъ его, сей Петръ, и другой братъ его, Александръ, опредѣлены были въ московскую епархію, въ тамошнее училище, почему и просилъ московскую Духовную Консисторію, чтобъ дѣтей его, сего Петра и другаго брата его, Александра опредѣлить въ Московскую Академію г), по причинѣ брата его, находящагося въ Москвѣ, помянутаго Тимоѣея. Но секретарь сего прошенія не принималъ, говоря, что ему, яко находящемуся въ Коломенской епархіи, надлежитъ своихъ дѣтей отдать въ семинарію

в) Церковь Николая, Красный звонъ, находится на Ильинкѣ въ Китай-городѣ.

г) Славяно-греколатинскую—въ Заиконо-спасскомъ монастырѣ.

Коломенскую. Но отец неотступно просилъ: секретарь два и три раза настоялъ сильно. Напослѣдокъ секретарь, и утруженный и удивленный таковымъ настояніемъ, предъ всѣми сказалъ: Ну! ты прямо отецъ дѣтямъ; здѣсь мы не можемъ обирать денегъ отъ священниковъ, кои просятъ, чтобъ ихъ дѣтей въ школу не брали: а отъ тебя *не можемъ отвязаться, чтобъ дѣтей твоихъ въ школу опредѣлить*. И такъ принявъ прошеніе, доложилъ присутствующимъ. Послано сообщеніе въ Коломенскую епархію, что увольняются ли они для обученія въ Московскую Академію. Тамъ охотно уволили и прислали въ сей силѣ соотвѣтствіе. И такъ Петръ и братъ его меньшій, Александръ (который послѣ былъ діаконъ въ Москвѣ, у Спаса въ Спасской, а потомъ священникомъ у Николая въ Хамовникахъ, а послѣ протопопомъ у Спаса на Бору, а наконецъ протопопомъ Большаго Успенскаго Собора и Синода членомъ и кавалеромъ, который тамъ и преставися, 1798 года), опредѣлены въ Московскую Греко-Латинскую Академію; а жительствоваали при братѣ своемъ Тимоѳѣ, при церкви Софіи Премудрости Божія.

По приведеніи въ Академію, предстали предъ префекта, который тогда былъ Іоаннъ Козловичъ, послѣ бывший Донскій архимандритъ, и наконецъ Переяславскій епископъ; и тамо умре. Префектъ ободрилъ представшихъ предъ него отроковъ, сказавъ: *дѣтки, учитесь, послѣ протопопове будете*. И сіе сбылось его пророчество: одинъ и подлинно сталъ протопопомъ, а другой протопоповъ начальникомъ.

По опредѣленіи въ Академію, изучился Петръ въ двѣ недѣли читать и писать по-латынѣ. Потомъ переведенъ въ Өару, или низшій грамматическій классъ, гдѣ, бывъ годъ, переведенъ въ Грамматику, по прошествіи года, въ Синтаксиму, или высшій грамматическій классъ, чрезъ годъ въ Пїитику; по прошествіи года въ Реторику, гдѣ бывъ два года переведенъ въ Философію; а чрезъ два года уже и въ Богословію. Учители его были въ Өарѣ—Григорій Аванасьевичъ Драницынъ, который въ монашествѣ Геннадій, послѣ былъ Академіи префектомъ и ректоромъ, и потомъ Суздальскимъ епископомъ,

гдѣ и преставился. Въ Грамматикѣ іеродіаконъ Лаврентій Чепелевъ, который въ Иркутскѣ въ изгнаніи преставился. Въ Синтаксисѣ помянутый же Драницынъ. Въ Піитіи іеромонахъ Амвросій Юматовъ, который послѣ былъ архимандритомъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ, гдѣ и преставился. Въ Реторикѣ іеромонахъ Кириллъ Григоровичъ, который окончилъ жизнь свою несчастливо. Въ Философіи и Богословіи помянутый же Драницынъ, или Геннадій.

Обучался Петръ Левшиновъ (ибо такъ онъ прозывался) латинскому языку и помянутымъ наукамъ: Піитикѣ, Реторикѣ, Философіи и Богословіи. Притомъ обучился самъ собою Географіи; а знаніе Исторіи прибрѣлъ всегдашнимъ чтаніемъ историческихъ книгъ, къ чему прилежалъ чрезъ всю свою жизнь, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе Исторіи, всей вообще и своей отечественной.

По тогдашнему въ Академіи порядку, греческому языку обучались ученики особо, чрезъ два года по окончаніи Синтаксиса, и изъ греческаго класса переводимы были въ Піитическій; чрезъ что латинскаго языка ученіе прерывалось. По желанію учителя Піитическаго, чтобъ Петра имѣть у себя въ классѣ, Греческій классъ онъ миновалъ; а чрезъ то и лишился знанія греческаго языка. Но дошедъ до Философіи и увидѣвъ, что по многимъ встрѣчающимся греческимъ словамъ, языка сего знаніе нужно, а притомъ, примѣтивъ, что нѣкоторые товарищи его, впрочемъ въ успѣхахъ ученія и худшіе его, но греческій языкъ хотя нѣсколько знаютъ и тѣмъ предъ нимъ преимуществуютъ, симъ чувствительно тронуть былъ Петръ, что онъ, товарищей въ наукахъ превосходнѣе, но знаніемъ сего языка предъ ними яко унижался. Почему горячо принялся, чтобъ сіе желаніе свое выполнить. Но много встрѣчалось затрудненій. Не было грамматики греческой, купить было не на что; да и учить некому. Но чего не преодолеваетъ горячее прилежаніе и тщаніе? Выпросилъ на время у товарища грамматику греческую на латинскомъ языкѣ, сочиненную архимандритомъ Варлаамомъ Лащевскимъ, и оную всю переписалъ, а чрезъ

то и писать по-гречески изучился, какъ бы срисовывая буквы греческія съ печатныхъ: почему и почеркъ его письма по-гречески былъ сходенъ съ греческимъ печатнымъ. Составъ такимъ образомъ грамматику, началъ самъ себя по ней учить; самъ себѣ уроки задавать; самъ себя выслушивать; самъ себя или похвалять за прилежаніе, или осуждать за нерадѣніе. А какъ мѣста случались, кои онъ выразумѣть не могъ, о томъ приходя въ школу, у товарищей своихъ, знавшихъ греческій языкъ, спрашивалъ, и чрезъ то вразумлялся. Потомъ и задачи къ переводу съ російскаго на греческій самъ себѣ задавалъ, а о словахъ греческихъ спрашивалъ у товарищей и записывалъ; и потому дома сочинивъ, показывалъ товарищамъ, кои, прочетши, или похваляли, или поправляли, чрезъ что по малу и успѣвалъ Левшиновъ. Но какъ сего было не довольно, ибо затруднительно, то вздумалъ онъ ходить въ Греческій монастырь, близъ самой Академіи стоящей, на службу Божію, сколько время позволяло, и со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ чтенію и пѣнію Грековъ, и сіе много Петра выпользовало. Ибо и слова нѣкоторыя понималъ, и нѣкоторое ихъ сложеніе примѣтилъ, а паче правильное ихъ произношеніе перенялъ, да и пѣнію ихъ пѣсколько научился. А потомъ, когда сталъ учителемъ въ Академіи, имѣлъ свободный случай съ Греками нерѣдко обходиться, а чрезъ обхожденіе, разговаривая съ ними хотя худо по-гречески, но чрезъ то себя поправлялъ, и нечувствительно бѣльшій успѣхъ пріобрѣталъ. Ибо уже могъ нѣкоторыя не трудныя на греческомъ языкѣ книги читать и разумѣть, и съ Греками сколько-нибудь, хотя не совершенно, разговаривать, не попросту, ἀπλᾶ, какъ Греки говорятъ, но по-еллински. А потому уже будучи въ Академіи Пѣтики учителемъ, обучалъ учениковъ греческой грамматикѣ; и всегда съ удовольствіемъ Петръ о себѣ говорилъ, что онъ на греческомъ языкѣ αὐτοδίδακτος, т.-е. самъ себѣ учитель; и сіе услажденіе была истинная награда за немалые сего въ изученіи греческаго языка труды.

Въ прочихъ же во всѣхъ наукахъ, въ Академіи преподаваемыхъ, былъ Левшиновъ отлично успѣшенъ, и изъ всѣхъ

товарищей почитался первымъ. Почему и отъ учителей и отъ товарищей всѣхъ былъ особенно любимъ. Отъ учителей за прилежаніе, за всегдашнее въ школу хожденіе, за отличный во всемъ успѣхъ и за благо нравіе. А притомъ, какъ онъ изучился партесному пѣнію, и имѣлъ голосъ пріятный, и зналъ въ пѣніи искусство, то и сіе любовь къ Петру учителей умножало. А товарищи его любили за добрый и веселый нравъ и словоохотливость, съ нѣкоторою всегда пристойною шутливостію. Но Богъ его сохранялъ, что никогда ни съ кѣмъ онъ не ссорился и не бранился. Ибо имѣлъ нравъ мягкосердечный, и въ случаѣ уступчивый, и стыдливый.

Но какъ между тѣмъ Петръ поступалъ въ домашнемъ обхожденіи и въ чемъ упражнялся? Жилъ онъ при помянутомъ братѣ своемъ Тимоѳеѣ, который былъ діаконъ у Спаса во Спасской, гдѣ вмѣстѣ жили и родители его. Петръ, исправивъ задачи, назначенныя отъ школы, дома упражнялся въ чтеніи книгъ и въ хожденіи въ церковь на службу Божию. Всегда онъ, чрезъ всю жизнь, сожалѣлъ, что тогда въ Академіи другимъ наукамъ и языкамъ не обучали, въ коихъ онъ конечно сколько-нибудь предуспѣлъ бы. А паче сожалѣлъ, что превеликую имѣлъ охоту къ чтенію книгъ, но книгъ дома никакихъ не было, купить было не на что, изъ Академіи никакихъ книгъ не давали. Почему Петръ, чтобъ утолить жажду свою, читалъ всѣ книги, какія въ церкви могли найтись, яко-то: Четив-Минеи, Прологи, Камень Вѣры, Маргаритъ, Обѣдъ Духовный, Вечерю, Исторію Баронія, а паче всего Посланія ап. Павла, коими толико восхищался, что ихъ, можетъ быть, болѣе двадцати разъ читалъ, и никто ему столько не нравился, какъ сей великаго имени и духа мужъ и Св. Іоаннъ Златоустъ. А къ лучшему знанію въ латинскомъ языкѣ много ему послужила книжка Цицеронова о должностяхъ: *De officiis*, которую мать, ходя по площади, и сама не зная, для него купила, а другая Исторія Курціева д), которую онъ выпросилъ у това-

д) Объ Александрѣ Македонскомъ.

рища для прочитанія. Онъ ихъ съ жадностію великою читавъ, и по особой склонности, и по неимѣнію другихъ книгъ, многократно ихъ чтеніе повторялъ; особливо услаждался пресладостнымъ и остроумнымъ слогомъ Курція; и казалось ему, что языкъ, коимъ говорилъ Курцій, есть яко выше человѣческаго, поелику подобной сладости и остроты и умныхъ переворотовъ ни въ какомъ російскомъ писателѣ найти ему не случалось, или такъ вкусу его нравилось.

Итакъ въ чтеніи книгъ Левшиновъ преіпровождалъ домашнее время, а притомъ никогда не оставлялъ ходить въ церковь, когда отъ школъ было свободно; особливо во время ваканцій ни одинаго дня не упускалъ, чтобъ не быть на вечерни и на литургіи, а на утреняхъ въ воскресные и праздничные дни. Въ церкви былъ первый изъ читающихъ и поющихъ; и какъ въ пѣніи былъ искусень, и ни въ чемъ исправнымъ церковникамъ не уступалъ, и уставъ церковный не худо зналъ, то любимъ былъ до зѣла священно и-церковнослужителями и прихожанами, особливо кои также охотны къ пѣнію. И въ семь было его любимое упражненіе; и можно поистинѣ сказать, что не зналъ кромѣ трехъ мѣстъ: *дома, церкви и школы*. Никуда, даже весьма рѣдко, и къ сродникамъ хаживалъ, и хотя и отъ прихожанъ нѣкоторыхъ былъ часто приглашаемъ, но по нѣкоторой врожденной стыдливости или застѣнчивости всегда отъ того отрицался. На гуляніе также рѣдко куда хаживалъ. Единственно находился въ домѣ, и вышепомянутыми упражненіями себя занималъ; или урокъ училъ, или задачи сочинялъ, или читалъ, или что-нибудь писалъ, или съ домашними и съ гостями разговаривалъ, или гулялъ лѣтомъ въ малелькомъ садикѣ, гдѣ почти и жилъ.

По сему свойству Петра могъ бы иной подумать, что былъ онъ нрава меланхолическаго, дикаго, и грубаго и не словоохотливаго. Нѣтъ, никакъ! былъ онъ нрава веселаго, словоохотливаго, любилъ свои разговоры прикрашивать шутливыми или забавными словами; и въ разговорѣ своемъ всѣмъ всегда нравился, и находили всѣ удовольствіе его слушать, или съ нимъ разговаривать, тѣмъ болѣе, что и красота лица, и на-

писанная на немъ живо неповинность и непорочность нравовъ каждаго привлекали: ибо былъ откровененъ и искрененъ такъ, что, казалось, душа его на лицѣ его и на устахъ его. Но лукавствовать и хитровать не зналъ; а послѣ, когда и узналъ, но всегда чувствовалъ къ тому ужасное отвращеніе.

Но при всемъ своемъ таковомъ свойствѣ, былъ крайній уединенія любитель, чтобъ находиться только у себя дома, или съ малымъ числомъ вѣрныхъ пріятелей и друзей обходиться, съ коими бы не иначе могъ разговаривать, какъ самъ съ собою, безъ всякаго принужденія, со всею откровенностію. И потому все то, что называется *церемоніею*, для него было несносно. И сію къ уединенію любовь сохранилъ онъ во всю жизнь: даже будучи въ важныхъ занятіяхъ, архіерейскомъ и при Дворѣ, наиболѣе находился въ своемъ домѣ и весьма рѣдко куда выѣзжалъ, развѣ куда его должность вызывала; чѣмъ отличался отъ всѣхъ почти въ его время бывшихъ знаменитыхъ духовныхъ особъ. Каковая къ уединенію склонность его побудила и пустыню Виванію устроить и тамъ поселиться, о чемъ послѣ сказано будетъ.

На 15-мъ или 16-мъ году началъ онъ впервые чувствовать бореи похоти плотскія; но Богъ отъ паденія сего его сохранилъ, и все проходило въ однихъ волненіяхъ и воображеніяхъ мысленныхъ. Также стала приходить въ мысль заботливость, какимъ образомъ впредь ему свое житіе устроить и доставить себѣ собственное содержаніе, а не всегда отъ единыхъ родителей и сродниковъ въ томъ зависѣть.

Къ женитбѣ не только никогда склонности не имѣлъ, но даже о томъ, когда было напоминаемо, и слышать стыдился, не извѣстно почему, по расположенію ли какому отъ природы, или по особенному какому Божію устроенію; а единственно былъ склоненъ къ духовному званію, а паче къ монашеству. И сія склонность въ немъ открылась еще, когда онъ былъ лѣтъ 20-ти. Ибо въ сіи отроческія лѣта часто въ шуткахъ представлялъ себя какъ бы монахомъ; иногда какъ архіерей, обѣими руками осѣнялъ, иногда четки перебиралъ, и прочее подобное. Что тогда принимается было не только

домашними, но и имъ самимъ за шутку; но Богу угодно было тайными своими судьбами вести его къ самому дѣлу.

Сія наклонность была причиною, что, когда при открытіи въ Москвѣ Университета, былъ онъ выбранъ и назначенъ въ студенты въ Университетъ и когда другіе не только того хотѣли, но и искали, Петръ никакъ на то не согласился, и совершенно оттого отрекся, такъ и отъ другихъ свѣтскихъ ему предлагаемыхъ состояній. Но вотъ и начало его въ духовное званіе вступленія!

По окончаніи двухъ лѣтъ въ ученіи въ Богословіи, Левшиновъ ректоромъ и архимандритомъ и учителемъ его Геннадіемъ, у коего онъ и жилъ, обучая племянниковъ его, представленъ былъ въ св. Синодъ на Піитическій классъ въ учителя въ Академію, вмѣстѣ съ справщикомъ типографіи, Петромъ Петровымъ, который нынѣ митрополитомъ новгородскимъ, Гавріиломъ. И хотя указомъ велѣно его Петрова опредѣлить, но съ тѣмъ, ежели онъ въ монашество вступить пожелаетъ; но какъ онъ тогда отъ сего отрекся, то и палъ жребій на Левшинова; и онъ опредѣленъ учителемъ Піитики 1757 года, съ полученіемъ жалованья по 170 рублей.

Префектомъ Академіи тогда былъ Каллиграфъ изъ Евреевъ, человекъ ученый, который послѣ былъ архимандритомъ Спасоярославскимъ, а умеръ въ Троицкой лаврѣ и погребенъ; проповѣдниками Ирией Братановичъ, который послѣ былъ епископомъ вологодскимъ и тамъ скончался; Теофанъ Сулима, который былъ архимандритомъ въ Костромѣ и тамъ скончался; Реторическимъ Константинъ Борковский, который былъ архимандритомъ въ Казани и тамъ скончался. Сіи здѣсь упоминаются, понеже они были всѣ друзья Левшинову по самую ихъ смерть.

Опредѣленный новый учитель обучалъ Піитикѣ и греческому языку. Но притомъ возложена на него должность, по порядку, принятому въ Академіи, чтобъ толковать Катихизисъ публично по воскреснымъ днямъ въ собраніи Академіи и всѣхъ со стороны всякаго состоянія людей, для слушанія приходящихъ. Никогда, можно сказать, во всю жизнь не былъ столько

счастливъ Петръ, какъ при семь случаѣ. Собраніе всякаго состоянія людей столь было велико, что никогда еще въ Академіи того не случалось. Хотя палата была не мала, но тѣснота и духота была чрезмѣрная. Нѣкоторые изъ слушателей, малыхъ своихъ дѣтей приводя, повергали въ каедрѣ къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они учителя слушали и помнили. Сіе умножало ревность въ Левшиновѣ: ибо онъ чрезъ два часа и болѣе толкованіе продолжалъ, обливаясь и измокнувъ весь отъ поту. Усердные слушатели изъ знаменитыхъ московскихъ купцовъ въ воскресные дни его посѣщали и всѣмъ не только нужнымъ, но и до избытка его снабжали, притомъ провозглашали его въ своихъ разговорахъ *Апостоломъ московскимъ*.

Поистинѣ Петръ, а послѣ Платонъ, симъ невиданнымъ зрѣлищемъ столь пораженъ былъ, что нерѣдко говаривалъ, что онъ счастливѣе былъ въ Москвѣ, бывъ еще мірскимъ и по 20-му году, нежели, когда въ томъ же градѣ Богъ сподобилъ его быть архіереемъ. Ибо бывъ архіереемъ, хотя также проповѣдывалъ слово Божіе нерѣдко, и хотя собранія были велики и ревностны, но не примѣтилъ онъ столь великаго усердія и жадности въ слушателяхъ, какъ въ то время, когда онъ юноша и мірской толковалъ Катихизисъ. Сіе приписывалъ онъ своимъ умножившимся грѣхамъ, коихъ и толикихъ еще въ юности своей не имѣлъ; а потому и благодать тогда дѣйствовала болѣе, нежели послѣ. Ибо онъ всегда утверждалъ, что ученіе, дабы было дѣйствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителя.

Успѣхъ и похвала учительства Петрова, по Москвѣ разнесшаяся, подвигла къ зависти нѣкоторыхъ, а особливо Пресвященнаго Амвросія, тогда бывшаго епископа Переславльскаго, а послѣ архіепископа московскаго: и разглашено, что аки бы Левшиновъ учить многому, Церкви противному; а потому-де надлежитъ его наказать и изъ Академіи изгнать. Сіе разглашеніе дошло и до Петра, и не мало его смутило. Но онъ ободрялъ себя незазирающею въ томъ его совѣстію, и

ректорскимъ изслѣдованіемъ, который ничего того не нашель, а паче ревностными слушателями, изъ которыхъ многіе знаменитые, услышавъ про то, ободряли Петра, чтобъ ни мало тѣмъ не смущался, говоря, что они православные христіане и разумѣютъ ученіе; и ежели де что воспослѣдуетъ, они готовы предъ всякаго и вездѣ предстать и его ученіе оправдывать. Но, по благодати Божіей, все то прошло въ однихъ слухахъ, безъ всякихъ дальнихъ слѣдствій.

И уже годовое теченіе толкованія Катихизиса къ концу приходило, то-есть къ вакаціямъ, къ 16 числу іюля, какъ между тѣмъ нѣчаянный воспослѣдовалъ къ Левшинову изъ Петербурга письменный отзывъ отъ архимандрита Троицкія Лавры, придворнаго проповѣдника и Синода члена, Гедеона, коимъ онъ приглашалъ его благосклонно въ учителя на Реторику, въ Троицкую семинарію; а немедленно посемъ о томъ же и указъ изъ святѣйшаго Синода присланъ. Сіе Петра не только удивило, но и смутило. Ибо онъ о томъ и въ мысли не воображалъ, да и не желалъ въ Лаврѣ быть, яко на мѣстѣ дотолѣ совсѣмъ для него неизвѣстномъ. А желалъ въ вакацію постриженъ быть въ Академіи, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; ибо на то уже и указъ изъ св. Синода дозволительный воспослѣдовалъ. Да и ректору, любящему Петра, отпустить отъ себя не хотѣлось. И потому онъ даже отговаривалъ отрещись отъ постриженія, чѣмъ-де однимъ можно отъ Лавры свободиться; и обѣщалъ ему исходатайствовать лучшее въ духовенствѣ свѣтскомъ мѣсто. Но Левшиновъ столь былъ приверженъ къ монашескому состоянію, что лучше захотѣлъ противу воли своей въ Лавру переселиться, нежели чтобъ монашество оставить. И такъ, по окончаніи годоваго въ Академіи ученія, изъ Москвы въ Лавру отправился, іюля 19 дня 1758 года.

Пріѣзжая къ Лаврѣ, нѣчто случилось съ нимъ внезапное и какъ бы нѣчто предзнаменующее. Предъ самыми стѣнами монастыря увидѣлъ онъ предъ собою на встрѣчу идущихъ всѣхъ лаврскихъ властей, іеромонаховъ и іеродіаконовъ, въ облаченіи съ хоругвями и со святыми иконами и со множе-

ствомъ народа. Былъ то крестный ходъ, 29 іюля, къ приходской Ильинской церкви. Сіе послѣ Петръ, ставъ настоятелемъ Лавры, почиталъ предварительнымъ судебъ Вышняго прознаменованіемъ.

Преселився въ Лавру, хотя былъ принятъ отъ всѣхъ благосклонно и ласково, особливо отъ учителей, но крайняя грусть его почти обуяла, даже, что съ недѣлю непрестанно проливалъ слезы. Новость мѣста, новость людей и неизвѣстность будущаго тутъ жребія своего, въ таковое приводили его уныніе. Но мало-по-малу ободряясь, началъ привыкать и наконецъ столь привыкъ, что по самую смерть не было для него милѣе и любезнѣе во всемъ свѣтѣ мѣста, паче Лавры. Скоро потомъ отъ Архимандрита пришелъ указъ о постриженіи Петра; и къ нему отъ него жъ благосклонное письмо, совершить предпріятіе увѣщающее, да и предписано наречь его Платономъ. Почему Петръ, въ сходственность всегдашняго своего желанія, безъ унынія, съ радостію и пострижень въ Лаврѣ августа 14 дня 1758 года, на 21 году отъ рожденія, бывшимъ тогда намѣстникомъ, что нынѣ митрополитъ новгородскій, Гавріиломъ, и наименованъ Платономъ. А съ нимъ вмѣстѣ пострижень учитель греческаго и еврейскаго языковъ, Петръ Постниковъ, нареченный Пароеніемъ, коего Петръ, еще колеблющагося, всю ночь уговаривалъ къ постриженію; Пароеній былъ послѣ въ той же семинаріи ректоромъ и тутъ скончался.

Платонъ, бывъ пострижень, успокоился, видѣвъ свое давнее желаніе исполненно. И по духу евангельскому всякій христіанинъ долженъ быть всегда воздерженъ, нестяжателенъ, смиренъ, послушливъ, трезвъ, богомоленъ, никакими излишними заботами себя не связывать; а притомъ, хотя можетъ имѣть жену, по слабости плоти, но жить съ нею цѣлоудренно и болѣе, по Апостолу, пребывать въ постѣ и молитвѣ, нежели предаваться сладострастію. Хотя почиталъ онъ безженство нелегкимъ бременемъ для немощи плоти, но напротивъ, всегда со страхомъ воображалъ супружеское состояніе, какимъ трудностямъ, заботамъ, скорбямъ, бѣдствіямъ подвер-

женъ женатый и мірской человѣкъ, содержа жену, домъ, воспитывая дѣтей, устроая ихъ къ мѣстамъ и всѣмъ имъ во всемъ сострадая; и ежели какое отъ того получаютъ утѣшеніе и удовольствіе, но сія чаша несравненно болѣе горестію растворена. Но что же еще должно терпѣть въ мірѣ отъ сосѣдей, отъ клеветниковъ, отъ завистниковъ, отъ разныхъ внезапныхъ злоключеній, отъ всегдашнихъ соблазновъ и случаевъ ко грѣху, отъ суеты и заботъ, яко непрестанныхъ волненій моря житейскаго? Все сіе живо воображая, Платонъ ублажалъ безженную жизнь и уединенную, а мірскую оплакивалъ, а чрезъ то и борьбу плоти облегчалъ. Притомъ уединенная, монашеская жизнь, кромѣ того, что подаетъ меньше случаевъ къ грѣху, а болѣе тишины, много содѣйствуетъ къ богомыслию и къ приобрѣтенію просвѣщенія, безпрепятственнымъ упражненіемъ въ премудрости духовной и мірской. Такъ разсуждалъ Платонъ. И потому, когда послѣ Государыня Императрица Екатерина II, избирая его въ учителя къ сыну своему, Государю Наслѣднику, спросила: «почему онъ избралъ монашескую жизнь?» отвѣтствовалъ, что по особой любви къ просвѣщенію. На сіе Императрица: «да развѣ нельзя въ мирской жизни умножать просвѣщеніе?» Лзя, отвѣтствовалъ онъ, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя мірскія суеты, сколько въ монашеской жизни, гдѣ онъ по всему свободенъ. Сей отвѣтъ рѣшилъ Императрицу въ избраніе его въ учителя. Итакъ, бывъ Платонъ своимъ состояніемъ доволенъ, какъ бы другіе ни разсуждали, жилъ въ монастырскомъ уединеніи, проходя должность учительскую. Ибо опредѣленъ учить Реторику и Катихизисъ въ семинаріи толковать. Притомъ, скоро по постриженіи, въ томъ же мѣсяцѣ отправленъ въ Москву для произведенія во іеродіакона, гдѣ и посвященъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, августа 30 дня 1758 года преосвященнымъ Тимоѣемъ, митрополитомъ московскимъ, пастыремъ добродушнымъ.

По возвращеніи изъ Москвы, нашель пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга въ Лавру начальника Лавры и своего архиман-

дрита Гедеона. Архимандритъ въ первый день, какъ его увидѣлъ, столь его возлюбилъ, что предпочиталъ всѣмъ и имѣлъ его при себѣ въ бытность въ Лаврѣ чрезъ три мѣсяца безотлучно; даже никуда безъ него не выѣзжалъ, и столь ему благодѣтельствовалъ по самую кончину свою, что Платонъ всегда его признавалъ или первымъ по родителямъ, или равнымъ съ ними.

Нельзя умолчать, чтобъ хотя кратко не сказать о жизни сего Платонова благодѣтеля. Гедеонъ былъ родомъ изъ Казани; тамъ въ семинаріи учился и учителемъ былъ. Оттуда, не могши получить дозволенія, бѣжалъ и явился въ Синодъ, и просилъ, чтобъ его опредѣлить въ Московскую академію для окончанія богословскаго ученія, куда по многимъ затрудненіямъ и опредѣленъ; гдѣ и учился, бывъ въ недостаткѣ, имѣвъ одно содержаніе монашеское. Но какъ по случаю вмѣсто учителей прошенъ онъ былъ сказать проповѣдь въ академіи, сказалъ, и тотчасъ не только всѣхъ усладилъ, но и удивилъ. Ибо подобнаго проповѣдника еще не слыхивали. Потомъ еще сказалъ, и еще славу свою умножилъ, и какъ многіе начали его просить сказать проповѣдь въ праздники по монастырямъ и приходскимъ церквамъ, то чѣмъ болѣе говорилъ, тѣмъ болѣе похвалы о немъ умножались. Слава сія потомъ дошла до Двора и до покровителя ученыхъ, бывшаго при Дворѣ въ отличіи, Ивана Ивановича Шувалова. Онъ потребованъ въ бытность въ Москвѣ Двора ко Двору, гдѣ, сказавъ проповѣдь, заслужилъ благоволеніе отъ Императрицы Елизаветы Петровны; и по наградѣ опредѣленъ ко Двору проповѣдникомъ, гдѣ трудился не мало въ сказываніи проповѣдей, и всѣ его проповѣди напечатаны въ трехъ томахъ. Потомъ произведенъ въ архимандрита въ Саввинъ монастырь и въ Синодъ членомъ, а скоро переведенъ и въ Троицкую Лавру, гдѣ бывъ съ небольшимъ три года, посвященъ во епископа въ Псковъ, и тамъ скончался 1763 года, въ младыхъ лѣтахъ, не болѣе отъ роду имѣя, какъ 33 года, къ общему сожалѣнію всѣхъ, прямо знавшихъ его. Сей Гедеонъ имѣлъ особенный даръ краснорѣчія. Столь пріятно и сладостно произносилъ свои слова,

что всѣ слушатели, яко внѣ себя, отъ устъ его висѣли и боялися, чтобъ не пересталь. Чему былъ свидѣтелемъ многократно самъ Платонъ. Ученія былъ хотя не отличнаго, но отъ природы остроумень и проницателень. Свойства былъ весьма горячаго, сердца открытаго, устъ весьма свободныхъ и смѣлыхъ. И сею свободностію много нажилъ недоброжелателей, и многимъ бѣдствіямъ себя подвергъ, кои, можетъ быть, подали случай и къ сокращенію его жизни. Однако то служить ему въ похвалу истинную, что даже отъ тѣхъ, кои не любили его за свободу словъ, похваляемъ былъ за добросердечіе. Таковъ былъ Гедеонъ.

А Платонъ, его любимецъ, находясь при немъ въ Лаврѣ безотлучно, кромѣ должности учительской и сказыванія по временамъ проповѣдей, исправлялъ нерѣдко, по должности перводіакона въ Лаврѣ, священнослуженіе; и первую литургію исправно совершилъ, начальствуя при служеніи архимандрита, сентября 3 дня, хотя архимандрита лаврскаго служеніе по многому сходно съ служеніемъ архіерейскимъ; и имѣя Платонъ голосъ пріятный и свѣтлый, лице лѣное и младое, и въ служеніи по всему исправный, заслужилъ ту честь, что признавали его лучшимъ изъ всѣхъ тогда, а можетъ быть и прежде бывшихъ іеродіаконовъ. По отбытіи изъ Лавры въ С.-Петербургъ благодѣтеля своего, архимандрита Гедеона, Платонъ въ нѣкоторое впалъ уныніе и грусть, по обыкновеннымъ человѣческимъ искушеніямъ: что узнавъ архимандритъ, дабы его ободрить, потребовалъ его къ себѣ въ С.-Петербургъ на сырную недѣлю 1759 года, гдѣ пробывъ дней съ десять, возвратился съ бѣльшею духа бодростію. Потомъ въ томъ же году пакі, по требованію былъ въ С.-Петербургѣ, во время вакацій, и пробылъ тамъ недѣль съ шесть. Да и въ 1760 году на время вакацій туда же потребованъ къ пятому числу іюля; а по случаю праздника преподобнаго Сергія, въ оба года, говорилъ проповѣди, въ принадлежавшей тогда къ Троицкой Лаврѣ и великимъ ея коштомъ вновь по всему помянутымъ архимандритомъ Гедеономъ устроенной, Ново-Сергіевской, что по Петергофской дорогѣ, пустыни, при-

надлежащей нынѣ къ С.-Петербуржской епархіи въ числѣ второклассныхъ монастырей.

Не умолчу нѣчто съ Платономъ въ сей пустыни случившееся. На праздникъ 5 іюля 1760 года, званы были архимандритомъ изъ С.-Петербурга, гдѣ тогда Дворъ находился, знаменитые гости: графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Они, увидѣвъ Платона, вступили съ нимъ въ разговоръ о разныхъ матеріяхъ. Платонъ былъ въ разговорахъ свободенъ и веселъ. Они столько его полюбили, что гр. Шуваловъ захотѣлъ его представить Императрицѣ, съ тѣмъ, чтобъ его отправить на своемъ коштѣ въ Парижъ въ Сорбонну для усовершенствованія; но архимандритъ на то не согласился. Однако любовь Шувалова къ Платону отъ тогда продолжалась до самой кончины его, или любезными посѣщеніями, или дружескими переписками. А графъ Разумовскій, также его любя, узнавъ его еще искусна въ пѣніи и съ нимъ поя, влекъ съ собою въ С.-Петербургъ, и хотѣлъ представить Императрицѣ, говоря, что она будетъ довольна сего монаха узнать: однако до того по зависти не допустилъ находившійся при немъ, яко дядька, кривой Шубской.

Когда былъ Платонъ троекратно въ Петербургѣ, его не только узналъ сей знаменитый графъ, но и имѣлъ онъ счастье благосклонно принять быть первенствующимъ тогда архіереемъ, митрополитомъ новгородскимъ Димитріемъ Сѣменовымъ, который его съ того времени, по самую смерть, яко за друга почиталъ, о чемъ послѣ будетъ помянуто, также сталъ знаетъ и другимъ архіереямъ, якоже то: Палладію епископу рязанскому, Порфирію епископу коломенскому, Сильвестру Кулябѣ архіепископу с.-петербургскому. А архимандритъ Гедеонъ не только его многимъ пожаловалъ, но соблаговолилъ Платону посвящену быть въ іеромонаха, что надъ нимъ и совершилъ преосвященный Палладій, епископъ рязанскій, на Троицкомъ подворьѣ, въ домово́й Казанскія Богородицы церкви, 1759 года іюля 20 дня. А притомъ его архимандритъ опредѣлилъ въ томъ же году префектомъ семинаріи Троицкія и философіи учи-

телемъ, и первымъ соборнымъ въ присутственномъ въ Лаврѣ мѣстѣ, въ учрежденномъ соборѣ, управлявшемъ тогда Лавру и приписные монастыри и всѣ отчины. Въ проѣзды свои въ С.-Петербургъ познакомился съ новгородскими учителями, Симономъ, что нынѣ архіепископъ рязанскій, Тихономъ первымъ, епископомъ воронежскимъ, умершимъ тамъ на общинѣ, съ Пароеніемъ, бывшимъ тамъ ректоромъ, а послѣ епископомъ смоленскимъ, пастыремъ добрымъ, съ коимъ по блаженную кончину его имѣлъ дружескую переписку, также и съ другомъ его, Георгіемъ Конисскимъ, мужемъ преученымъ и великимъ гонимаго въ Польшѣ благочестія поборникомъ.

Такимъ образомъ Платонъ, пребывая въ Лаврѣ и отправляя свои должности, былъ весьма доволенъ своимъ состояніемъ и часто послѣ говаривалъ, что никогда онъ столь спокойно и счастливо нигдѣ не жилъ, какъ чрезъ пять лѣтъ своего учительства. Былъ отъ всѣхъ любимъ; особливо съ тогда бывшими властями обходился дружески и почти неразлучно. А власти были—намѣстникъ Гавріиль, что нынѣ митрополитъ новгородскій, а по немъ Иннокентій, что послѣ архіепископъ псковскій, который въ семъ 1799 г. и преставился въ С.-Петербургѣ, келарь Іоаннъ, который былъ новоспасскимъ архимандритомъ и тамъ скончался, казначей Антоній, который былъ олонецкимъ епископомъ, и тамъ преставился.

Особливо Платону нравилось, что все въ Лаврѣ находилъ готовое, яко-то всегда довольный столъ, и напитки, и выѣздъ, и ни мало о томъ не заботился. Должность была для него не затруднительна; всѣми любимъ, съ учителями другъ, ни въ чемъ неоскуденъ, здоровъ и весель, и лѣтомъ весьма часто, со властями и со учителями, посѣщали превеселое и милое загородное мѣсто, называемое Корбуха, гдѣ и баня лѣтняя была. Тамъ прогуливался Платонъ съ товарищами по садамъ и лѣсамъ; плавалъ по прудамъ, пристойными играми веселились и въ дружескихъ, нерѣдко ученыхъ, разговорахъ нечувствительно время проходило, при вкушеніи благовонныхъ испареній и при оглашеніи пѣніемъ разныхъ птицъ. Поистинѣ то время было райское и весна лѣтъ Платоновыхъ.

Всегда онъ о семь времени съ въздыханіемъ воспоминалъ, яко наступившія потомъ разныя не малотрудныя должности, и заботы, и мірскія суеты, а притомъ и болѣзни не рѣдкія, не позволяли ему уже таковымъ удовольствіемъ наслаждаться.

Въ 1761 году, по отбытіи намѣстника и семипаріи ректора Гавріила въ Московскую академію въ ректора и архимандрита, Платонъ опредѣленъ ректоромъ и Богословія учителемъ. Въ томъ же году лишился онъ благодѣтеля своего, архимандрита Гедеопа, который произведенъ во епископа въ Псковъ; а на мѣсто его пожалованъ во архимандрита, придворныхъ пѣвчихъ уставщикъ, іеромонахъ Лаврентій Хоцатовскій, родомъ бѣлоруссець, человекъ неученый, но добродушный и учащихъ и учащихся усердный любитель. Онъ, прибывъ въ Лавру въ 1762 году, столь полюбилъ ректора Платона, что онъ всегдашнимъ и почти неотлучнымъ пребываніемъ при немъ почиталъ уже себя пѣскольку отягощаемымъ; всегда съ нимъ обѣдалъ; всегда ужиналъ; всегда всюду съ нимъ выѣзжалъ; однако благодѣянiami его и ласковостію столь взысканъ, что никогда безъ благодарности имени его поминать не могъ.

При семъ въ первый разъ случилось узнать Платону, что есть придворный нравъ. Вида, что архимандрить ректора жалуетъ, всѣ власти, всѣ соборныя, всѣ учителя, его яко на рукахъ носили. Но единожды, по нѣкоторому случаю прогнѣвался на него архимандрить и чрезъ двѣ недѣли его къ себѣ не допускалъ. Всѣ власти, и соборныя, и учителя или холодно съ нимъ стали обращаться, или и совсѣмъ отвращались. Но когда паки архимандрить въ прежнее любовное обращеніе его принялъ, тогда и всѣ перемѣнились и стали попрежнему. Тогда Платонъ, примѣтивъ сіе, а послѣ живъ при Дворѣ, сказалъ, что и въ монастыряхъ есть что-то похожее на придворное.

По Императорѣ Петрѣ III вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Обнародовано, что будетъ Императрица въ Москву для коронованія въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Архимандрить тотчасъ отправился въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ

Платономъ, и побывъ тамъ съ мѣсяць, возвратился въ Лавру, и заключаая, что по коронаціи не преминеть Императрица посѣтить Лавру, поручилъ ректору Платону сдѣлать надлежащее къ тому приготовленіе. Онъ по должности сіе взявъ на себя, изготовилъ привѣтствія, оду, канты, иллюминацію и на 40 человѣкъ особую торжественную одежду, съ вѣнками на главахъ и пальмами въ рукахъ, и рѣчи отъ себя (чему всему есть особое печатное описаніе) и въ ожиданіи Высочайшаго присутствія, всѣхъ занималъ въ надлежащихъ упражненіяхъ. Между тѣмъ празднованъ былъ, какъ вездѣ, такъ и въ Лаврѣ, день коронаціи, сентября 22 дня; а при семъ случаѣ Платонъ говорилъ проповѣдь въ Лаврѣ. Потомъ и дѣйствительно скоро воспослѣдовало Императорское Лавры посѣщеніе, октября 17 дни. У Лавры встрѣчена была архимандритомъ съ братією. На другой день на литургіи проповѣдь говорилъ намѣстникъ Иннокентій. Послѣ обѣда Императрица посѣтила семинарію, гдѣ, по привѣтствіи отъ учениковъ, ректоръ говорилъ Императрицѣ рѣчь; а потомъ нечаянные были учинсны диспуты, по желанію и побужденію графа Григорія Григоріевича Орлова; что все принято Ея Величествомъ благоволительно, и пожалованъ онъ съ учителями довольно денежною наградою.—А въ 1763 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, по имянному Императрицы указу, опредѣленъ въ Лавру ректоръ Платонъ намѣстникомъ на мѣсто Иннокентія, который былъ въ епископа, викарія новгородскаго, въ Олопець. Намѣстничью должность Платонъ и принялъ несохотно, и проходилъ съ тягостію. Послику съ нею соединено было не только смотрѣніе за монахами и всегданіе принятіе гостей, но и хлопотливое въ соборѣ вотчинными дѣлами приказное правленіе: что ректора отвлекало отъ пріятнаго для него въ школѣ упражненія, ибо онъ оставался притомъ и Богословія учителемъ. Почему и располагался было отъ намѣстнической должности отказаться; но вотъ что открылось.

Воспослѣдовалъ того года въ маѣ мѣсяцѣ наки Императрицы походъ въ Ростовъ, для перекладыванія мощей Димитрія Ростовскаго въ новую раку, и далѣе въ Ярославль. По-

чему паки Императрица прибыла въ Лавру. Платонъ яко намѣстникъ, встрѣтилъ Императрицу у Креста ^{е)} съ привѣтствіемъ; и по прибытіи на другой день говорилъ проповѣдь о пользѣ благочестія, которую Государыня столь приняла благовольтельно, что тотчасъ повелѣла оную напечатать, и удостоила его съ архимандритомъ быть при своемъ царскомъ столѣ. Случилось ему за столомъ сѣсть съ г. генераль-прокуроромъ княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, который былъ тогда въ особливой у Императрицы милости. Князь за столомъ съ намѣстникомъ непрестанно говорилъ о разныхъ матеріяхъ. Императрица, примѣтивъ сіе, говоритъ князю: «вы никакъ полюбили о. намѣстника, что не перестая съ нимъ говорите?» На то князь: «это, Государыня, не человекъ, а уродъ». — «Почему такъ? Какой онъ уродъ?» возразила Императрица. На сіе князь: «Я, Государыня, съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь исправно отвѣтствуетъ и все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивилъ. И какъ я его о многомъ и до иныхъ странъ касающемся вопрошалъ, онъ все такъ объяснялъ какъ будто въ чужихъ краяхъ учился. Я его спрашивалъ, не былъ ли онъ въ чужихъ краяхъ и гдѣ учился? Онъ говоритъ, что нигдѣ не былъ, а учился только въ Москвѣ, въ Спасской школѣ. Сіе все, Государыня, меня удивило, что сей монахъ, въ столь молодыхъ лѣтахъ, столько знанія имѣеть; и потому я его называю уродомъ». И притомъ прибавилъ: «дай Богъ, чтобъ наши дѣти, столько учась и столько издерживая, до такого просвѣщенія достигли». Таковый отвѣтъ князя много увеселилъ Императрицу, да и всѣхъ за столомъ сидящихъ взоръ и вниманіе на Платона обратилъ: ибо князь говорилъ весьма громко. Сіе слыша, Платонъ внутренно Бога благодарилъ за таковое милостивое судьбъ его дѣйствіе. И потомъ Императрица приглашала намѣстника ѣхать съ собою въ Ростовъ. Но онъ извинился болѣзнію; бывъ разными приготовлениями крайне утружденъ и утомленъ, желалъ сколько-нибудь успокоиться.

е) Въ 9 верстахъ отъ Лавры, на Московской дорогѣ.

По отбытіи Императрицы въ Ростовъ, куда и архимандрить отправился, прибыли въ Лавру три первенствующіе архіереи, Синода члены: митрополить новгородскій Димитрій, Гавріиль архієпископъ с.-петербургскій, бывшій потомъ митрополить кievскій и Амвросій архієпископъ Крутицкій, бывшій потомъ московскій, коимъ велѣно быть въ Ростовѣ для совершенія обряда, куда архимандрить напередъ отправился. Ихъ встрѣтилъ съ братією намѣстникъ Платонъ, и привѣтствовалъ и угащивалъ. При чемъ ему новгородскій митрополить объявилъ, что избранъ де-во учителя къ Государю Наслѣднику другъ его, архимандрить и ректоръ академіи, бывшій потомъ митрополить новгородскій Гавріиль: что Платонъ принялъ со обрадованіемъ. Ибо о себѣ, чтобъ быть ему въ сей должности, и не помышлялъ; да и слуховъ никакихъ къ нему о томъ не приходило.

Итакъ проводивъ преосвященныхъ, паки по нѣкоторыхъ дняхъ ихъ возвратившихся изъ Ростова встрѣчалъ и принималъ Платонъ; а архимандрить еще не возвратился изъ Ростова. При чемъ митрополить Димитрій намѣстнику объявилъ, что онъ будетъ учителемъ у Государя Наслѣдника. И какъ сему Платонъ удивился, и сказалъ, что сіе объявленіе съ его прежнимъ не сходственно. На то преосвященный объяснилъ, что Государыня-де, бывъ въ Ростовѣ, его преосвященнаго объ немъ Платонъ спрашивала; и какъ-де онъ объ немъ вызвался съ похвалою: то Императрица также похваляя его дарованія, сказала, что она положила его взять въ учителя къ Великому Князю. На что Платонъ со удивленіемъ сказалъ, что онъ никогда о томъ не думалъ, но буди воля Господня.

По возвращеніи изъ Ростова, паки Императрица посѣтила Лавру и, увидѣвъ Платона, тотчасъ благосклонно спросила: есть ли ему легче?—Потомъ паки удостоился быть при Государскомъ столѣ и пожалованъ кускомъ бархата рытаго и денежною съ прочими дачею не малою, и благополучно проводили Высокую Гостью. Дни черезъ три послѣ сего, архимандрить отправился въ Москву, для принесенія благодаренія за посѣщеніе, и съ собою, крайне не хотѣвшаго и желавшаго

нѣсколько по трудахъ успокоиться, взявъ Платона. Но на дорогѣ получилъ архимандритъ курьера отъ Двора съ письмомъ, чтобъ, пріѣхавъ ему въ Москву, взять съ собою Платона намѣстника и явиться съ нимъ ко Двору.

Пріѣхавъ въ Москву, въ тотъ же день архимандритъ съ Платономъ ко Двору явился, гдѣ имъ сказано, чтобъ остаться при столѣ. За столомъ Императрица съ нимъ благовоительно разговаривала и разные вопросы задавала; а паче графъ Панинъ, яко гофмейстеръ Наслѣдника, разными предложеніями его испытывалъ, особливо, какъ примѣтно было, хотѣлъ узнать, не сусвѣренъ ли Платонъ. При чемъ въ первый разъ за столомъ и будущаго своего воспитанника, Великаго Князя видѣть Платонъ имѣлъ честь. Послѣ стола графъ Панинъ позвалъ къ себѣ архимандрита и его и объявилъ Платону, что Ея Императорское Величество опредѣляетъ его къ Государю Наслѣднику Павлу Петровичу въ учителя Богословія, съ опредѣленіемъ жалованья по тысячѣ рублей; а о прочемъ-де содержаніи его положено будетъ въ С.-Петербургѣ. Ибо тогда Дворъ отправлялся въ С.-Петербургъ. И какъ архимандриту слѣдовало туда жъ отправиться для присутствія въ Синодѣ, то и просилъ графъ его, чтобъ онъ, отправляясь въ С.-Петербургъ, взялъ съ собою и намѣстника Платона. При чемъ Платона просилъ графъ, чтобъ онъ на другой день пріѣхалъ къ столу Великаго Князя и съ нимъ бы познакомился. Почему онъ и былъ при столѣ, и съ Великимъ Княземъ и съ другими нѣсколько познакомился и простился благополучно.

А какъ въ тотъ же день отправлялся въ свою спархію благодѣтель Платоновъ, преоев. Гедеонъ, епископъ псковскій, то поспѣшилъ Платонъ проститься съ нимъ на вѣки, съ нѣкоторымъ съ его стороны предчувствіемъ и предсказаніемъ, что *Богъ-де выдастъ, увидятся ли они впродъ*. Что казалось сказано быть случайно; но Богъ самымъ дѣломъ утвердилъ. Ибо онъ, занемогши дорогою и пріѣхавъ во Псковъ больвой, чрезъ нѣсколько дней скончался. Дай Богъ ему вѣчный покой! А Платонъ, все исправивъ, съ архимандритомъ возвратился въ Лавру, гдѣ тотчасъ сдалъ съ себя намѣстни-

ческую должность, и постарался Богословію кончить и кончилъ къ Петрову дню.

Между тѣмъ Платонъ, не имѣя болѣе никакой должности и хлопотъ, покоился по трудахъ, гулялъ съ учителями, особливо въ любимомъ мѣстѣ Корбухѣ, и приготовлялся къ дорогѣ до Ильина дня. А послѣ Ильина дня, простившись съ друзьями, и любезное Лавры мѣсто привѣтствовавъ слезами, отправился съ архимандритомъ въ путь.—Въ С.-Петербургѣ прѣехали въ первыхъ числахъ августа 1763 года, и остановились на Троицкомъ подворьѣ, на Фонтанкѣ.

Какъ въ Ново-Сергіевской пустыни, принадлежавшей тогда Лаврѣ, новопостроенная соборная церковь готова была къ освященію, и архимандритъ положилъ звать къ тому Императрицу; то и желалъ, чтобъ при семъ случаѣ Платонъ сказалъ проповѣдь, которую онъ и сказалъ въ присутствіи Государыни, августа 10 числа. Да того же мѣсяца на Успеніевъ день говорилъ проповѣдь во дворцѣ, въ Высочайшемъ присутствіи. А между тѣмъ Платону опредѣлено отъ Двора жилище и содержаніе. Покои не худые отведены, въ бывомъ деревянномъ зимнѣмъ дворцѣ, что на Мойкѣ. Содержанія, кромѣ 1000 руб. жалованья, положено на столъ 300 р., по штофу водки на недѣлю, по бутылкѣ рейнвейну на день, меду, полпива, кислыхъ щей, дровъ и свѣчъ неоскудное число, бѣлье столовое и посуда всякая дворцовая, да истопникъ и работникъ; а сверхъ того карета дворцовая съ парюю лошадей и съ коноюхомъ. Итакъ Платонъ началъ жить въ новомъ мѣстѣ и нѣсколько новымъ родомъ жизни. Ибо, привыкши жить въ монастырскомъ уединеніи, тутъ окруженъ былъ мірскими, всякаго состоянія и пола людьми, въ томъ же дворцѣ живущими: что не очень ему правилось; но радъ былъ, что тутъ же была церковь, въ которой по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ исправляли службу дворцовые священники.

Положено Великому Князю ученіе преподавать три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по часу, назначивъ къ тому 12-й часъ, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ предъ обѣднею читать священное писаніе съ объясне-

ніемъ, сколько время дозволить. Итакъ, призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ Великимъ Княземъ, августа 30-го дня, сказавъ рѣчь, въ коей объяснивъ пользу сего ученія, увѣщевалъ Высокаго ученика, чтобъ прилагалъ къ тому всякое вниманіе и прилежаніе. Великій Князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако Высокій воспитанникъ, по счастію всегда былъ къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли или разговоръ относительно Бога и вѣры были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, еще ему виѣдрено было со млекою покойною Императрицею Елисаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но притомъ Великій Князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ, и часто переходилъ съ одного предмета на другой. Платонъ проходилъ свою должность съ надлежащимъ тщаніемъ, не упуская никогда назначеннаго дня и часа. Ободряло его то, что онъ отъ Высокаго воспитанника имѣлъ счастіе весьма любимъ быть. А порядокъ ученія тотъ точно былъ слѣдованъ, какой имъ изданъ въ напечатанной Богословіи. Между тѣмъ Платонъ, по своей волѣ и избѣгая праздности, а времени къ тому имѣя довольно, нерѣдко говорилъ проповѣди, всегда въ Высочайшемъ присутствіи; особливо охоту его къ тому умножало, что оныя всегда заслуживали похвальные отзывы; а тѣ всѣ проповѣди напечатаны. Не оставлялъ также при Дворѣ въ большіе праздники служить съ придворными священниками, вмѣсто духовника Дубянскаго, который по престарѣлости охотно на то соглашался, да еще и упрасивалъ; и всякій годъ въ великій постъ Платонъ служилъ въ особой церкви и преподавалъ Великому Князю святое причастіе, къ коему всегда набожный воспитанникъ приступалъ со благоговѣніемъ и въ тотъ день былъ особенно доволенъ и веселъ. Когда отсутствіе Двора было въ Царское Село, Платонъ тамъ же

имѣлъ пребываніе, а когда въ Петергофѣ, тогда жилъ въ пустыни Новосергіевской и въ назначенные дни туда ѣздилъ.

Живучи и при Дворѣ, не оставилъ своей любви къ уединенію; рѣдко куда выѣзжалъ и то болѣе къ духовнымъ. Но вмѣсто того всегда почти у него собраніе было иностранныхъ людей, яко-то: Грековъ, Сербовъ, Далматовъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ и другихъ. Ибо онъ съ ними обращается и разговаривать особенную всегда охоту имѣлъ. Собирались они всегда къ нему или на обѣдъ, или по вечерамъ. И отъ такого обращенія онъ много пользовался. Ибо изъ нихъ многіе были люди ученые и свѣтъ знающіе. Почему многихъ вещей знаніе, кое чрезъ науки получить нельзя, отъ нихъ приобрѣлъ. А притомъ какъ онъ возымѣлъ охоту учиться Французскому языку, то обращеніе съ людьми, сей языкъ знающими, много ему помогало. Почему онъ и успѣлъ въ томъ языкѣ, нѣсколько могъ разговаривать, а читать и разумѣть Французскіе книги удобно могъ.

Таковы Платоновы упражненія и обращенія проходили съ 1763 до 1766 года половины. А въ другой половинѣ, въ началѣ іюля мѣсяца, объявленъ Синоду Императрицы указъ, чтобъ Платона произвестъ во архимандрита Троицкія лавры на мѣсто умершаго въ томъ году, въ генварѣ мѣсяцѣ, архимандрита Лаврентія. Въ какое званіе онъ и посвященъ, 1766 г. іюля 16 дня, въ Петергофѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, преосвященнымъ митрополитомъ Дмитріемъ новгородскимъ. Почелъ себя обрадованнымъ Платонъ чрезъ сіе производство; поелику опредѣленъ въ то мѣсто, гдѣ онъ постригался, былъ учителемъ, соборнымъ, намѣстникомъ и которое ему особенно было любезно. А притомъ умножило его обрадованіе и то, что онъ уже имѣлъ жить на своемъ Троицкомъ подворьѣ, что на Фонтанкѣ, гдѣ и покоевъ было довольно, и церковь домовая, и услуга вся людьми и вещьми готовая. А живучи въ придворныхъ покояхъ нѣсколько съ утѣсненіемъ, и между людьми свѣтскими, и въ поѣздѣ придворномъ всегдашнее находя затрудненіе, не безъ скуки иногда было ему. Слѣдовало новому архимандриту быть и въ Синодѣ

членомъ, поелику было опредѣлено всегда архимандритамъ Троицкія лавры быть въ Синодѣ членами; но на сей годъ онъ до того не допущенъ, по внушенію одного изъ Синодальныхъ члена, хотя впрочемъ съ нимъ весьма дружно обходившагося, который зная свободу Платоновскаго нрава и разсужденія, заключалъ неизвѣстно почему, что отъ него по дѣламъ можетъ воспослѣдовать какое-либо затрудненіе.

Итакъ Платонъ продолжалъ свое упражненіе обученіемъ Великаго Князя тѣмъ же порядкомъ. А къ тому занимался дѣлами, до монастыря и до семинаріи принадлежащими, стараясь и монашествующихъ содержать въ порядкѣ, и училище въ лучшее привести благоустройство, и во всемъ сохранить доброе хозяйство. Притомъ новому архимандриту, по особенному ходатайству Великаго Князя, опредѣленъ не въ примѣръ прочимъ, штатъ пѣвчихъ съ поддьяками, 18 человекъ, съ опредѣленіемъ на нихъ жалованья по 1000 р. въ годъ. А самъ архимандритъ получалъ жалованья архимандричьяго по 2000 руб., съ нѣкоторыми отъ Лавры доходами, да сверхъ того отъ Двора все то содержаніе, что и прежде получалъ; да вмѣсто выѣзду изъ Государевой конюшенной суммы 500 р. Таковое содержаніе было неоскудное, и Платонъ былъ своимъ состояніемъ доволенъ, отъ всѣхъ любимъ и не мало почитаемъ; имѣя хорошихъ пѣвчихъ вольныхъ, утѣшался музыкою духовною, къ которой особенную имѣлъ охоту, и самъ былъ въ ней не безыскусенъ. Часто служилъ и на подворьѣ и при Дворѣ, и продолжалъ сказываніе проповѣдей, какъ и прежде; особливо, что и желаемымъ здравіемъ Богъ его довелъ благословилъ. Но въ семь году скоро по производствѣ, посѣтилъ его Богъ болѣзнію не безтяжкою. Она случилась отъ простуды, на шеѣ, при ухѣ, называемая отъ лѣкарей паротисъ, и бывъ запущена, съ трудностію могла отъ искусныхъ лекарей излечена быть; такъ что нужно было, три раза на шеѣ дѣлать инцизіи, съ протягиваніемъ заволоки, съ весьма чувствительною болію, и едва чрезъ три мѣсяца отъ оной освободился. Ослабленный болѣзнію, въ первый разъ явился онъ ко Двору въ новый 1767 годъ, и отъ Императрицы при-

нять былъ благосклоннымъ соболѣзнованіемъ. И какъ въ сей годъ положено Двору отправиться въ Москву, то почему и новый архимандритъ отпущенъ въ Лавру до прибытія Двора въ Москву; куда онъ и дѣйствительно отправился нѣ концѣ генваря. И бывъ въ Москвѣ, вступилъ въ Лавру въ февралѣ мѣсяцѣ, еще чувствуя слабость отъ прежде бывшей болѣзни. Воспѣлъ Богу благодарственная Платонъ, узрѣвъ св. обитель и братію, которые ему всѣ почти были знаемы, и совершивъ божественную литургію, и сказавъ слово, какъ надлежитъ жить добрымъ монахамъ, входилъ подробно въ хозяйственное по Лаврѣ и семинаріи распоряженіе. И не бывъ болѣе 10 дней въ Лаврѣ (ибо услышалъ, что между тѣмъ Дворъ въ Москву прибылъ), отправился въ сей царствующій градъ, на свое Троицкое подворье, что на Самотекѣ. И проходя при Дворѣ свою обыкновенную въ обученіи Государя Наслѣдника и въ сказываніи проповѣдей должность, между тѣмъ упражнялся въ отстройкѣ каменныхъ на томъ подворьѣ палатъ. Онѣя вчернѣ были устроены архимандритомъ Геденомъ, однако по отобраніи вотчинъ, остались не конченными. Но скоро по производствѣ во архимандрита, Императрица пожаловала Платону на отстройку тѣхъ палатъ 5000 руб., которыя онъ совсѣмъ окончилъ къ августу мѣсяцу, и устроилъ домовую церковь, которую и освятилъ 16 дня августа; и то освященіе удостоилъ присутствіемъ своимъ Государь Наслѣдникъ и Его оберъ-гофмейстеръ, графъ Никита Ивановичъ Панинъ съ прочею придворною свитою; и соизволилъ въ новыхъ палатахъ взять обѣденный столъ.

Въ томъ году имѣлъ Платонъ печальный случай быть на погребеніяхъ московскаго митрополита Тимофея, своего рукоположителя, а потомъ благопріятеля своего преосвящен. Дмитрія митрополита новгородскаго Сѣченова, при коего необыкновенной болѣзни и кончинѣ былъ почти неотлученъ.— Но вмѣсто того былъ обрадованъ посѣщеніемъ Монархиною Лавры къ празднику, іюля къ 5 числу, и какимъ образомъ при семъ случаѣ все происходило, и какими милостями архимандритъ и Лавра, и семинарія отъ Императрицы взысканы,

о семь есть особое печатное описаніе. Въ томъ же мѣсяцѣ прибылъ и Государь Наслѣдникъ въ Лавру, и бывъ въ ней около трехъ дней, и веселясь въ загородномъ Лавры домѣ, называемомъ Корбуха, столько былъ доволенъ, что весьма часто о томъ постѣ напоминалъ, даже нѣкоторыхъ учителей, кои ему особенно понравились, воспоминалъ по именамъ.

Такимъ образомъ кончился 1767 годъ. А въ началѣ 1768 г. въ генварѣ мѣсяцѣ, при отъѣздѣ Двора въ Петербургъ, пожалованъ архимандритъ Платонъ въ синодальные члены. И потому поѣхавъ на краткое время въ Лавру и сдѣлавъ нужныя распоряженія, отправился въ С.-Петербургъ.

По пріѣздѣ было его упражненіе тоже и при Дворѣ, и въ своемъ домѣ и такимъ же порядкомъ, какъ и прежде. Но се новое возложено на него званіе—присутствовать въ Синодѣ. Горѣль Платонъ ревностію ко благу Церкви и духовнаго чина: и сія ревность была ему яко врожденная. Усердствовалъ входить въ дѣла и споспѣшествовать къ лучшему. Но многія узрѣлъ онъ затрудненія, кои ревность его или останавливали, или притупляли. Сіе сильно смущало Платоновъ духъ и оскорбляло, особливо, что несчастливые обстоятельство обороты его останавливали въ лучшихъ его намѣреніяхъ. Почувствовалъ же онъ и ослабленіе своего здоровья, случающимися частыми коликами, самыми мучительными и не безопасными, которые нерѣдко приключались ему и во весь остатокъ его жизни, ослабивъ совсѣмъ желудокъ.

Но въ 1770 году сентября 22 дня, пожалованъ онъ прямо въ архіепископа въ Тверь, и посвященъ при Дворѣ, октября 10 дня, преосвященными: Гавріиломъ, митрополитомъ Кіевскимъ, Гавріиломъ архіепископомъ с.-петербургскимъ, Иннокентіемъ архіепископомъ псковскимъ и Григоріемъ митрополитомъ унговлахійскимъ, въ присутствіи Императрицы и случившагося прусскаго принца Генрика, для котораго, чтобъ видѣть ему сей обрядъ, отложено было до того дня посвященіе. А притомъ оставленъ онъ былъ и архимандритомъ Троицкія лавры попрежнему.

Сіе послѣднее, оставленное для него мѣсто наиболѣе его

увеселило. Ибо онъ къ мѣсту сему столь былъ, такъ сказать, пристрастенъ, что лучше, можетъ быть, захотѣлъ бы при немъ единомъ остаться, нежели быть архіереемъ, лишившись сго. И сіе его расположеніе какъ при Дворѣ было не безъизвѣстно, то оно и послужило, дабы и сіе мѣсто при немъ осталось, къ совершенному его удовольствію. Новое званіе получивъ, архієпископъ Платонъ и возблагодаривъ Императрицу пристойною рѣчью, почувствовали всю важность и тягость онаго. Тотчасъ всей паствѣ отправилъ онъ печатное подобающее посланіе и началъ особо входить въ дѣла паствы своея, не оставляя присутствовать въ Синодѣ и прежнихъ должностей при Дворѣ и Лаврѣ. Въ управленіи паствы единственное его намѣреніе и ревность вся состояла въ томъ, чтобъ духовенство исправить, производя сколько возможно лучшихъ священниковъ, а худыхъ или исправляя, или неисправляемыхъ лишая званія. Былъ онъ совсѣмъ чуждъ отъ мздоимства; не только что почиталъ то противнымъ совѣсти, но и всегда представлялось ему подлою низкостію, чтобъ отъ другаго что-нибудь взять, который его бѣднѣе, да и какъ бы почитать себя ему одолженнымъ, и себя выставять за такого бѣдняка, который безъ того, аки бы, не имѣлъ чѣмъ содержать себя. Итакъ совсѣмъ былъ чуждъ отъ постыднаго мздоимства; даже, когда чѣмъ его даривали пріатели его и друзья, стыдился онъ быть у нихъ какъ бы въ долгу и всегда чѣмъ-нибудь ихъ взаимно отдаривалъ.

Въ производствѣ дѣлъ не взиралъ Платонъ ни на сильныя лица, ни на просьбы, ни на слезы, коли то находилъ съ справедливостію законною несообразнымъ и съ разстройствомъ общаго паствы порядка. Также и выборы отъ прихожанъ во священно и-церковнослужители не много уважалъ, ибо находилъ ихъ по большей части пристрастными или вынужденными просьбою другихъ, не имѣющихъ другаго достоинства, кромѣ что умѣютъ докучать, кланяться и плакать. Таковая Платонова поступка многимъ была не по нраву, и невыгодные за то слышалъ онъ отзывы; но вмѣсто того большая часть всякаго состоянія людей были тѣмъ довольны и

должною ободряли его похвалою, видя во всемъ его прямодушіе, а притомъ и на самомъ дѣлѣ усматривая лучшей по духовенству порядокъ; какъ-то и былъ пастырь тѣмъ утѣшенъ, что нѣкоторые изъ дворянъ отозвались къ нему съ благодарностію за хорошихъ данныхъ имъ священниковъ. И какъ сіе архіепископа удивило, зная, что священники даны не тѣ, кои ими были выбраны и представлены, и потому имъ говорилъ, что онъ сему удивляется, зная, что многіе на сіе ропщутъ; на то отвѣчали, что подлинно и они роптали, что другіе вмѣсто выбранныхъ ими поставляются, думая, что дѣлается то по пристрастію какому, то-есть или по мздоимству, или по ходатайству и проискавъ, какъ то-де прежде и бывало, что нами выбранныхъ лучшихъ не ставятъ, а даютъ другихъ худшихъ. Но какъ-де они нынѣ усмотрѣли, что даются священники хорошіе и гораздо лучше выбранныхъ нами, то и перестали роптать, а напротивъ отъзываемся съ благодарностію. Итакъ пастырь, симъ бывъ ободренъ, продолжалъ свое о лучшемъ духовенствѣ попеченіе. Старался онъ сколько возможно уменьшать причетъ, чтобъ излишнихъ и ненужныхъ не было, а притомъ и приходы скудные и малочисленные или упразднятъ, или приписывать къ другимъ приходамъ, дабы болѣе доставить духовенству пропитанія, и излишнихъ трудовъ избавиться. Ибо примѣтилъ онъ, что чѣмъ скуднѣе причетники, тѣмъ болѣе во всякія впадаютъ безчинія. Также пресѣкалъ родство, дабы подъ симъ именемъ мѣсть не получали. Сіе всячески пресѣкалъ пастырь сей; а единственно уважалъ достоинство и способность и непорочное житіе.

Возымѣлъ же онъ усердное стараніе и о Тверской семинаріи, которая на все содержаніе свое получала только по 800 р. въ годъ; онъ у Императрицы испросилъ прибавки 1200 р. Итакъ стала она получать по 2000 р. въ годъ. Умножилъ число учениковъ. И какъ Троицкая семинарія состояла въ лучшемъ порядкѣ, то онъ для усовершенствованія послалъ Тверскихъ учениковъ до 70 въ Троицкую и назначилъ имъ тамъ содержаніе.

Притомъ приложилъ стараніе и о благолѣпіи церковномъ. Тверскій кафедральный соборъ строеніемъ довольно обширенъ и хорошъ: но внутри были голыя стѣны, и иконостасъ не худъ, но непорядочно поставленъ. Архіепископъ, кое-какъ собравъ потребную сумму, и своими и сторонними мастеровыми, весь соборъ внутри подмазалъ и весь живописнымъ хорошимъ искусствомъ росписалъ; сдѣлалъ двои хоры; иконостасъ привелъ въ порядокъ; престоль возобновилъ, и потомъ освятилъ, къ удовольствію своему и общему всѣхъ. И сіе новое собора украшеніе заслужило благоволеніе и похвалу отъ самой Императрицы. Она, проѣздомъ въ Москву 1775 г., бывъ въ Твери и въ соборѣ, изволила предъ всѣми отозваться, что-де вы, преосвященный, такъ украсили соборъ, что я подобно красиваго мало видѣла. Да и не остался сей трудъ архіепископа тщетнымъ. Ибо неизвѣстно, почему и кѣмъ внушено Императрицѣ, что аки бы онъ собственныхъ своихъ денегъ на соборъ издержалъ до 5000 р. Она, сказавъ, что ему на соборъ своихъ денегъ издерживать нужды не было, приказала ему выдать изъ казны 5000 р.

Архіепископъ, по должностямъ Двора и Синода, болѣе жилъ въ С.-Петербургѣ на Троицкомъ подворьѣ; но два раза былъ увольняемъ и въ епархію. Въ первый разъ въ 1771 году, на полгода, а во второй разъ въ 1774 году, на годъ. Въ оба пріѣзда жилъ онъ въ Твери въ загородномъ домѣ, называемомъ Трехсвятскомъ, которое мѣсто ему весьма нравилось, яко и покоями, хотя не великими, деревянными довольно, окруженное великимъ и прекраснымъ садомъ и прудами, который садъ привелъ онъ въ порядокъ. Также находящуюся тутъ же Консисторію устроилъ и архиву разобралъ и распорядилъ порядочно, и нѣкоторыя другія строенія или устроилъ, или поправилъ.

Въ первый пріѣздъ посѣтилъ Кашипъ и его уѣздъ и Калязинъ монастырь, а оттуда посѣтилъ и Лавру; а во второй посѣтилъ съ уѣздами города Старицу, Одоевъ, Ржевъ, Волоколамскъ, Остапковъ, Нилову пустынь и Торжокъ, дѣлая вездѣ пристойныя наставленія и увѣщанія, и поправленія, и производя разныя епаршескія дѣла. А къ осени паки отпра-

вился въ Лавру, гдѣ и былъ безъ мала три мѣсяца. Но какъ слышалъ онъ, что Дворъ собирается въ Москву въ концѣ того 1774 года, то и отправился чрезъ Кашинъ въ Тверь. Окончаніе сего года было окончаніемъ и правленія имъ Тверской епархіи. Платону крайне понравилась сія епархія, и онъ многократно говорилъ, даже обѣщался, не только въ другую какую епархію не переходить, но проживъ въ ней 12 лѣтъ, и почитая сего времени довольно, чтобъ потрудиться для Церкви Божіей въ семь санѣ, думалъ и совсѣмъ отъ епархіи отказаться, и остатокъ жизни препроводить въ Троицкой лаврѣ, особливо, что неуспыннымъ стараніемъ до того довелъ теченіе епаршескихъ дѣлъ, что ихъ чувствительно уменьшилось, и уже мало дѣлами затрудняемъ былъ.

Въ спокойное отъ дѣлъ время любилъ прохаживаться въ саду и въ Желтиковъ монастырь, недалеко отъ. Трехсвятскаго отстоящій, съ ближними своими духовными друзьями. А отъ большихъ собраній, и у себя и на сторонѣ, всегда удалялся. Жилъ, какъ монахъ, уединенно. А выѣздъ его наиболѣе былъ на служеніе въ соборъ, въ приходскія церкви, въ монастыри, гдѣ при служеніи никогда не оставлялъ, чтобъ не сказать поученія народу. Такъ-то жилъ, и такъ-то было расположился о себѣ Платонъ. Но иначе судили неиспытанныя судьбы Божіи.

Въ началѣ 1775 года, въ январѣ мѣсяцѣ, 20 дня прибыла Императрица въ Тверь. Принялъ онъ архіепископъ Монархиню надлежащимъ образомъ, такъ какъ и самъ принять отъ нея милостиво. На другой день, 21 января, при самомъ отъѣздѣ Императрица вручила архіепископу два указа, сказавъ, чтобъ онъ тѣ указы подалъ, гдѣ надлежитъ. По провозденіи Императрицы, посмотрѣлъ онъ тѣ указы и увидѣлъ, что въ одномъ велѣно Синоду его перевести изъ Твери въ Московскую епархію, съ оставленіемъ и Троицкія лавры попрежнему; во второмъ велѣно выдать ему изъ казны 5000 р. А притомъ пожалована брилліантовая съ аметистами панагія, которую вручилъ ему князь Потемкинъ, бывшій въ особой милости у Императрицы, а Платону другъ. Увидѣвъ архіепис-

скопъ, что надобно ему оставить Тверь и переселяться въ Москву, не только восплакалъ, но и возрыдалъ. Не только не хотѣлось ему оставить Твери, но и боялся Москвы; зная ея многолюдство и знатность жителей, не только воображалъ умноженіе трудовъ и заботъ, но и боялся своего собственного нрава. И зная, и привыкнуши другимъ не ласкать, а поступать единственно по собственному безпристрастному разумѣнію и по увѣренію незазорной совѣсти, несмотря ни на кого и ни на что, думалъ, что чрезъ то много на себя навлечетъ недоброжелателей; чѣмъ принудятъ его отказаться отъ сей епархіи, или по своей волѣ, или и противу воли его. Что послѣ нѣкоторымъ образомъ и сбылось, но совѣмъ иначе, о чемъ въ послѣдствіи будетъ сказано.

Однако, какъ бы то ни было, поплакавъ, Платонъ началъ собираться въ Москву, не для того, чтобы ему быть архіепископомъ Московскимъ (ибо и безъ того надлежало ему, для присутствія въ Синодѣ, ѣхать въ Москву, поелику годовой срокъ отпуска окончился), но чтобъ предстать предъ Императрицу съ прошеніемъ о увольненіи отъ Московской епархіи.

Между симъ прибылъ скоро послѣ Императрицы въ Тверь и Великій Князь Павелъ Петровичъ и съ супругою своею, блаженныя памяти, Великою Княгинею Наталією Алексѣевою, которыя обѣ особы не только знаемы были Платону, но и обѣимъ имъ былъ онъ наставникомъ въ Законѣ, а Великія Княгини и духовникомъ. Поздравили они новаго архіпископа московскаго плачущаго и приняли съ такою благоклонностію, какой тольکو можно ожидать отъ искреннихъ друзей. Порядокъ при семъ требуетъ сказать, какимъ образомъ кончилась важная должность Платонова при Дворѣ относительно обученія Закону Всероссійскаго Наслѣдника. Великій Князь вступилъ въ супружество съ Гессенъ-Дармштадтскою Принцессою, наименованною, при принятіи нашей вѣры, Наталією Алексѣевою. Она пріѣхала въ Россію съ своею матерью и двумя сестрами. Хотя по нѣкоторымъ Двора интригамъ Платонъ отводимъ былъ, чтобъ ему не быть учителемъ у принцессы, но и не хотя принуждены были къ тому

его опредѣлить. Ибо мать принцессы, какъ она сама Платону сказывала, требовала отъ Императрицы, чтобъ ея дочери никто учителемъ не былъ опредѣленъ, кромѣ Платона; ибо, какъ она же ему сказывала, что она читала на нѣмецкомъ языкѣ сочиненную имъ Богословію, которая ей очень понравилась; да и принцъ-де Генрикъ, въ проѣздъ ея чрезъ Пруссію, его же въ учителя ея дочери рекомендовалъ. А принцъ прусскій, по бытности его въ С.-Петербургѣ, довольно Платону знаемъ былъ. Итакъ и сію должность надлежало ему принять на себя; и хотя онъ отъ нея отрицался, но уже къ тому преклоненъ просьбою. Объяснилъ и истолковалъ Платонъ новой принцессѣ ученіе нашея православныя Церкви, и нашелъ ее къ тому благорасположенною. Ибо бывъ воспитана съ просвѣщеніемъ и довольнымъ знаніемъ христіанскаго Закона, не находила препятствіемъ малыя нѣкоторыя различія, стать членомъ нашея Церкви. Особливо въ томъ увѣреніи (какъ мать ея Платону изъяснилась), что она не польстилась бы не только на сей бракъ, но и на всѣ царства міра, ежелибъ не была увѣрена, что дочь ея и въ семъ Законѣ, яко христіанскомъ, спасется, ежели токмо добродѣтельно проживеть. Приготовивъ новую святую отрасль ко всему тому, что принадлежало къ обряду присоединенія ея ко святой нашей Церкви, Платонъ по совершеніи обряда (который особо напечатанъ), причастилъ ее святыхъ Христовыхъ таинъ и провозгласилъ пристойное на сей случай слово. А потомъ былъ и ея духовникомъ. Ибо Великая Княгиня не пожелала ни у кого исповѣдываться, кромѣ Платона; даже отозвалась, что она скорѣе безъ исповѣди останется, нежели чтобъ кому другому кромѣ его поручила свою совѣсть. Да и подлинно, столь къ Платону была благосклонна, что не иначе съ нимъ обходилась, какъ съ своимъ искреннимъ другомъ, и казалось, что она, кромѣ своего супруга, его всѣмъ предпочитала. Совершеніе брака Великаго Князя, 1773 года, было окончаніемъ ученія Государю Наслѣднику. За труды, понесенныя Платономъ при семъ обученіи чрезъ 10 лѣтъ, опредѣленъ ему пенсіонъ по смерти по 1000 руб. Теперь возвратимся на первое-

По принятіи сихъ драгихъ гостей въ Твери, и удостоившись ихъ посѣщенія въ Трехсвятскомъ, и проводивъ, Платонъ началъ собираться въ Москву. Простившись съ Тверью и съ своею паствою, но не такъ, чтобъ въ нее не возвращаться, а надѣясь, что онъ паки въ ней останется, отбылъ въ Москву, и прибылъ 1775 года января 27 дня, съ примѣтнымъ всей паствы Тверской объ немъ сожалѣніемъ.

Тотчасъ по прибытіи явился ко Двору съ прошеніемъ письменнымъ, чтобъ онъ уволенъ былъ отъ Московской епархіи. Но князь Потемкинъ, который былъ тогда во всей силѣ при Дворѣ, и любя Платона, не хотѣлъ отъ него прошенія принимать; даже хотѣлъ воспретить, чтобъ никто не принималъ. Но когда Платонъ представилъ, что указъ у него въ рукахъ, и что онъ его не объявить въ Синодѣ, доколѣ не будетъ его прошеніе представлено Императрицѣ, и не будетъ на то рѣшенія,—согласился уже князь, и послалъ прошеніе къ Императрицѣ, отъ которой чрезъ нѣсколько минутъ оное ему возвращено, съ надписью рукою Императрицы: «Держусь Моего указа».—Итакъ Платонъ не имѣя что болѣе дѣлать, принужденъ былъ въ тотъ же день объявить указъ въ Синодѣ, и провозглашенъ московскимъ архіепископомъ.

Вступивъ въ правленіе новыя епархіи, нашель многое, что требовало всего его подвига. Предъ тѣмъ въ Москвѣ была жестокая моровая язва, и наибольшая часть въ Москвѣ духовенства померла; на ихъ мѣста опредѣлены по большей части изъ разныхъ епархій бродяги, которые, въ своихъ мѣстахъ не возмогши ужиться, бросились въ Москву. Ихъ мало-помалу новый архіепископъ переводилъ, и на ихъ мѣста лучшихъ и ученыхъ производилъ, такъ что наконецъ чрезъ 15 лѣтъ, едва не всю Москву снабдилъ учеными и добропорядочными священниками. За что общее отъ всей публики заслужилъ признаніе и похвалу. Перевель безчестный *крестецъ*, который состоялъ въ томъ, что у Спасскихъ воротъ всегда собирались поповъ по 10, по 20 и по 30. Бродяги изъ разныхъ епархій, отрѣшенные отъ мѣстъ, а иные и запрещенные, и подъ слѣдствіями находящіеся и нанимались,

стоя на крестцѣ, служить обѣдни при разныхъ церквахъ, за малѣйшую цѣну, копѣекъ по 10 и по 5. Дѣлало сіе нестерпимый соблазнъ. Богъ помогъ архіепископу все сіе перевести, такъ что сего и слѣда не осталось, хотя оно продолжалось, можетъ быть чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ и хотя прежніе архіереи о томъ же старались, но не успѣли. А какимъ образомъ сіе зло переведено, о томъ все объяснять многого требуетъ труда и времени. Также уменьшилъ число домовыхъ церквей, и бывшихъ при нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ викарныхъ поповъ. Ибо отъ сего кромѣ того, что оно ни съ законами, ни съ правилами не сходственно, происходили великія безчинія, и командѣ многія затрудненія, а по уменьшеніи сего уменьшились и соблазны, облегчилась команда, священники приходскіе стали въ большомъ уваженіи, и содержаніемъ довольнѣе.

Академія Московская поручена дирекціи архіепископа московскаго, почему онъ почелъ долгомъ стараться о приведеніи ея въ лучшее совершенство; умножилъ учениковъ, коихъ прежде не болѣе было, какъ 250, а иногда до 300 человѣкъ, но послѣ дошло ихъ число даже до 1000 человѣкъ, и устроилъ въ ней для бѣдныхъ учениковъ особую бурсу. А притомъ, находя въ Перервинскомъ монастырѣ доходы не малые, издерживаемые едва на что полезное и между рукъ уходящіе, по указу Императрицы, въ томъ же 1775 году, устроилъ тамъ училище и содержаніе онаго на монастырскихъ доходахъ, которые добрымъ и вѣрнымъ хозяйствомъ весьма противу прежняго умножилъ, такъ что на одно училище исходитъ въ годъ болѣе 4000 р., и оно уже многихъ произвело успѣшныхъ учениковъ и добрыхъ священниковъ. Притомъ устроилъ тамъ школы и келліи для архіерея и учителей, и башни, и ограду кругомъ каменные.

Также въ томъ же году завелъ малыя училища въ Калугѣ въ тамошнемъ Лаврентіевомъ монастырѣ и построилъ для школъ покои, да въ Звенигородѣ въ Саввинѣ монастырѣ, и испросилъ у Императрицы на каждое изъ сихъ училищъ, для содержанія учителей и бѣдныхъ учениковъ, по 300 руб. въ годъ.

Между тѣмъ ревностно прилежалъ къ отправленію дѣлъ епаршескихъ судебныхъ, коихъ было великое множество, и не падалъ онъ ни труда, ни здравія. Ибо непремѣнно, каждый день, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ, съ 7 часовъ утра по 1-й, а иногда по 2-й часъ по полудни, упражнялся въ разбираниіи прошеній, въ даваніи на нихъ рѣшеній, или письменныхъ или словесныхъ, въ разсматриваніи дѣлъ отъ консисторіи, духовныхъ правленій и благочинныхъ (коихъ вездѣ вновь учредилъ и далъ имъ печатныя инструкціи) и въ рѣшеніи. Доступъ къ нему былъ всѣмъ не возбраненъ; и всѣ дѣла и принималъ, и разсматривалъ, и писалъ самъ собою, безъ всякаго помощника; а подьячій только записывалъ и куда надлежитъ отсылать. Особливо же ревновалъ, чтобъ сохранить правосудіе; и какъ самъ ни отъ кого ничего не бралъ, то и надъ подчиненными, сколько могъ, строго наблюдалъ, чтобъ мздоимства не было и злонамѣренной проволочки. Стоило ему сіе не малаго силъ истощанія; но утѣшало и ободряло то, что видѣлъ на всѣ его труды благословеніе Божіе, съ немалымъ къ лучшему порядку успѣхомъ.

Но надлежитъ сказать и о хозяйствѣ московскаго архіерейскаго дома. Не только нельзя было въ немъ жить, но и ничего почти въ немъ не было; и онъ принужденъ былъ жить на подворьѣ Троицкомъ, что у Сухаревой башни. Ибо во время мятежа, бывшаго въ 1771 году и убіенія архіерея ж), архіерейскіе покои были внутри разорены и разграблены; также и конюшня и экипажъ весь. А между тѣмъ, по небытію до 1775 года хозяина, не безъ того, что и отъ другихъ, или запущено, или недостатокъ умноженъ. Заботило сіе Платона. Пожаловала Императрица, безъ просьбы, сама собою, на построеніе новаго дома 40,000 руб. И онъ построилъ новый домъ въ томъ видѣ, въ коемъ онъ нынѣ всѣми зрится. Также и въ церквахъ Чудовскихъ все поправилъ и украсилъ; и ризницу весьма всякою утварью умножилъ, которая до того времени весьма была недостаточна,

ж) Амвросія Зертисъ-Каменскаго.

какъ то сіе всякъ видѣть можетъ, кто возлюбопытствуетъ узнать, что до Платона въ Чудовскихъ церквахъ и въ ризницѣ было, и что при немъ прибыло. Притомъ въ послѣдствіи времени, устроилъ новый деревянный домъ на подворьѣ Заборовскомъ ³⁾, съ службами и оградю кругомъ каменными. Также и на другомъ подворьѣ въ Хамовникахъ, деревянный домъ съ службами и оградю каменными. Но не оставилъ и загороднаго Черкизовскаго дома, который былъ крайне запущенъ и къ паденію склоненъ. Онъ его возобновилъ во всемъ, пристроилъ, новыя построилъ службы, садъ въ порядокъ привелъ и кругомъ обнесъ оградю каменною. Возобновилъ прорвавшійся прудъ, поставилъ мельницу и прочее, что все исчислять трудно. И все сіе производилъ коштомъ монастырскимъ. Ибо при заведеніи вѣрнаго и добраго хозяйства доходы весьма противу прежняго умножились и на все устроеніе съ излишкомъ доставало.

Но между всѣми дѣлами весьма нерѣдко служилъ и всегда проповѣдывалъ слово Божіе; особливо въ Четырдесятницу, каждое воскресенье, служа, поучалъ народъ; что видно изъ поучительныхъ его напечатанныхъ словъ.

Между тѣмъ, въ томъ же году къ Троицыну дню Императрица съ Великимъ Княземъ и съ Великою Княгинею посѣтила Лавру, гдѣ архіепископъ принималъ и проводилъ сихъ Высокихъ Гостей и милостиво награжденъ и съ обителію, получивъ на устроеніе Лавры до 30,000 рублей.

Препровода такимъ образомъ 1775 годъ, въ началѣ 1776 г. отправился въ С.-Петербургъ для присутствія въ Синодѣ. И хотя сіе было противу его желанія, но надлежало повиноваться верховной волѣ. Скоро по пріѣздѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ открылся нечаянный и для Платона поразительный случай. Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, особая его благопріятнѣйшая благодѣтельница, приближась къ рожденію, при радостной всѣхъ надеждѣ, не разрѣшившейся ея утробѣ,

3) Близъ Мясницкой улицы, гдѣ теперь находится Филаретовское женское училище.

апрѣля 15 дня скончалась. Платонъ ее напутствовалъ исповѣдію и св. Причастіемъ; и при погребеніи почтилъ ея святую память надгробнымъ словомъ.

При окончаніи года, не находя архіепископъ удовольствія жить въ С.-Петѣрбургѣ, въ разлуцѣ съ паствою, о пользѣ коея онъ весьма ревновалъ, и скучая присутствіемъ, по теченію дѣлъ, съ его мыслями и началами несходному, и не видя въ сотrudникахъ своихъ въ томъ содѣйствія, которые поступали по своимъ видамъ, ища можетъ быть болѣе своихъ выгодъ, нежели общихъ, рѣшился просить Императрицу объ отпускѣ въ епархію, и о увольненіи навсегда отъ Синода, почему и былъ отпущенъ, но токмо на годъ.

Но между тѣмъ, въ теченіе того же года, Великій Князь обручилъ себѣ новую невѣсту, принцессу Виртембергъ-Штудгартскую, Марію Ѳеодоровну, нынѣ Государыню Императрицу. Для Платона новый подвигъ. Онъ паки къ ней опредѣленъ былъ въ учителя для наставленія въ нашемъ Законѣ, и для приуготовленія къ соединенію съ православною нашею Церковію. Что имъ и исправлено точно такимъ же порядкомъ, какъ было при покойной Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Притомъ, при совершеніи брака ихъ, провозгласилъ и пристойное слово. А чтобъ быть ея духовникомъ, отъ того отведенъ Платонъ; чему и радъ былъ онъ. Итакъ, исправивъ и сію должность, такъ, какъ и при покойной Великой Княгинѣ, получивъ притомъ увольненіе, отправился въ Москву въ началѣ 1777 года.

По прибытіи въ свою паству, упражнялся въ тѣхъ же самыхъ дѣлахъ, и съ тою же заботою, какъ выше сказано, и утѣшался, видя всего прихожденіе къ лучшему и уменьшеніе трудовъ. А притомъ занимался хозяйствомъ по Чудову монастырю, приводя въ окончаніе и совершенство архіерейскій домъ; также строя и на Перервѣ и на подворьяхъ, а еще болѣе въ Троицкой Лаврѣ. Ибо получивъ на оную до 30,000 р., построилъ вмѣсто ветхой старой, новую ризничную палату, сдѣлалъ новый иконостасъ, обложилъ весь серебромъ, въ Троицкомъ соборѣ и росписалъ по стѣнамъ на золотѣ, тоже

и въ трапезной церкви, и у Никона, и у Михея и въ Сошественской церкви, вездѣ новы иконостасы, и вновь росписавъ стѣннымъ писаніемъ, и въ больничной церкви новый иконостасъ, и у Смоленской вновь росписавъ по стѣнамъ, и крыльцо новое у Успенскаго собора, и двѣ палатки новыя, Серапіоновскую ^{и)} и Максимовскую ^{і)}; и оградивъ оградю каменною Корбуху и садъ, что при Лаврѣ, и другія многія сдѣлавъ пристройки и поправки, что все исчислить подробно не безъ трудности; да и въ печатномъ Лавры описаніи ^{к)} то усмотрѣть можно. Препроводивъ такимъ образомъ 1777 годъ въ Москвѣ и въ Лаврѣ, отправился по истеченіи срока въ С.-Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ 1778 года. По прибытіи упражнялся ѣзди въ Синодъ, нерѣдко бывая у Ихъ Императорскихъ Высочествъ, также получая на каждой почтѣ изъ епархіи и изъ Лавры премногія дѣла и прошенія, и, немедленно рѣша, отправлялъ ихъ въ свои мѣста. При окончаніи года, опять скучая тамошнимъ пребываніемъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, о коихъ прежде сказано, просилъ Императрицу объ отпускѣ въ епархію и о увольненіи навсегда отъ Синода, и получилъ, но только паки на годъ.

По прибытіи въ началѣ 1779 года въ Москву, паки принялся за тѣ же епаршескія, и хозяйственныя и училищей дѣла, и съ тою же ревностію, какъ прежде о томъ объяснено. По окончаніи годоваго срока, не желая отъѣхать въ С.-Петербургъ, послалъ къ Императрицѣ прошеніе паки о томъ же. Почему и отсрочено, но также на годъ. Итакъ остался въ епархіи и на 1780 годъ, и продолжалъ свое теченіе дѣлъ попрежнему. А сверхъ того, во всякую бытность его въ Москвѣ присутствовалъ и въ Синодальной конторѣ, гдѣ какъ надлежало ему дѣла производить не одному, но съ другими, коихъ и виды и начала были иные и не безпристрастные, то почти всегдашнее чувствовалъ отъ того неудовольствіе.

и) Тамъ, гдѣ по преданію была келлія преподобнаго Сергія.

і) Рядомъ съ Сошественскою церковію, гдѣ погребень преподоб. Максимъ Грекъ.

к) Павла Пономарева, намѣстника Троицкой Лавры. Сиб. 1782.

По окончаніи 1780 года и срока, покусился паки послать въ началѣ 1781 года прошеніе къ Императрицѣ о томъ же. Но получивъ въ отвѣтъ чрезъ князя Потемкина, что Императрица отдаетъ на его волю—или ѣхать, коли нужныхъ дѣлъ нѣтъ, или не ѣхать, и разсудивъ, что лучше по такому отзыву ѣхать, отправился паки въ С.-Петербургъ въ концѣ 1781 года. Туда прибывъ, не нашелъ тамъ перваго своего утѣшенія—Ихъ Императорскихъ Высочествъ; ибо онѣ были въ вояжѣ по Европѣ. Препровождая время, архіепископъ, въ ѣздѣ въ Синодъ и въ епаршескихъ и другихъ вышешюмянутыхъ дѣлахъ, вдругъ получилъ повелѣніе Императрицы, чтобъ отправиться въ Москву для открытія учрежденнаго тогда вновь Московскаго намѣстничества. Сему объявленію обрадовался Платонъ, и какъ не назначено сроку къ возвращенію, то симъ случаемъ и разсудилъ онъ воспользоваться, чтобъ остаться въ Москвѣ и болѣе не возвращаться въ С.-Петербургъ.

По прибытіи въ Москву 1782 года въ августѣ мѣсяцѣ, и отправивъ обрядъ отъкрытія Намѣстничества, въ октябрѣ мѣсяцѣ, принялся паки за тѣ же епаршескія и хозяйственныя дѣла и тѣмъ же порядкомъ. Сей годъ былъ началомъ для архіепископа новыхъ, но удовольственныхъ трудовъ: заведеніемъ Вианіи, прежде названной отъ него пустыню, а послѣ учрежденной Государемъ Императоромъ второкласснымъ монастыремъ. Случаи къ тому были слѣдующіе.

По извѣстности архіепископу окружностей Лавры, всегда ему сіе мѣсто, гдѣ нынѣ Вианія, яко на красивомъ положеніи и при изобиліи водъ, но впустѣ оставленное, особливо нравилось. Хозяйственныя строенія и въ Чудовѣ, и въ Лаврѣ, и на Перервѣ, и въ другихъ мѣстахъ, почти всѣ къ окончанію пришли или приходили. А онъ особливую имѣлъ охоту къ строеніямъ. Притомъ началъ скучать правленіемъ епаршескихъ дѣлъ, не для того, аки бы его и дѣла отягощали, или паствою былъ недоволенъ. Нѣтъ! и къ трудамъ былъ онъ неутомимъ и паствою доволенъ. Ибо хотя и были нѣкоторые недовольные, какъ то безъ сего и пробыть нельзя, но боль-

шею гораздо частію честныхъ и благонамѣренныхъ людей, таковыхъ недовольныхъ или роптанія, или отзвывы были заглушаемы, и Платону не причиняли многого смущенія, или въ трудахъ ослабленія. Но нѣкоторые въ главной его командѣ или завистію подстрекаемы, или въ его охудженіи находя свои выгоды и повышенія, или не видя въ немъ къ своему честолюбію угожденія и уваженія, а особливо примѣтя, что и Императрица, по нѣкоторымъ также внушеніямъ, хоть не совсѣмъ, однако не мало уменьшила своей благосклонности; по всѣмъ симъ причинамъ начали по командѣ причинять архіепископу многія затрудненія, досады, приказныя привязки, и добрыхъ его намѣреній и дѣлъ въ худую сторону толкованія. Все сіе примѣчая и видя, Платонъ началъ скучать правленіемъ епархіи, имѣя ко всему ревность, но руки связываемыя. Всѣми сими обстоятельствами бывъ побужденъ, и притомъ всегдашній уединенія любитель, разсудилъ устроить вышепомянутое ему милое мѣсто, съ тѣмъ, чтобъ еще нѣсколько продолживъ правленіе епархіи, и приближаясь къ старости, отказаться отъ оной, и уединиться въ ту пустынь, и тамъ окончить послѣдніе свои годы въ тишинѣ. А чтобъ устроеніе сіе не перетолковано было отъ зложелателей въ худую сторону и не остановлено, положилъ тамъ устроить кладбище для лаврскихъ монашествующихъ, кои въ Лаврѣ погребались, а указами въ знаменитыхъ мѣстахъ было погребать воспрещено. Итакъ 1783 года и дѣйствительно приступилъ къ строенію вопервыхъ церкви, а потомъ своихъ покоевъ, а далѣе мало-по-малу и другихъ строеній, такъ какъ нынѣ все то видимо есть; и по причинѣ погребаемыхъ братій въ надежду воскресенія, по примѣру Лазаря воскресшаго, наименовалъ оную *Виванією*, и устроилъ нижній храмъ во имя четверодневнаго Лазаря. — И все строеніе архіепископъ производилъ своимъ собственнымъ копитомъ. Таково было начало Виваніи; а что объ ней послѣдовало, о томъ ниже сказано будетъ. Между тѣмъ изрѣдка въ Лаврѣ бывая, въ годъ раза по два и по три, не болѣе недѣли, пребывалъ всегда въ Москвѣ, при своей обыкновенной должности, и никуда почти не вы-

ѣзжая, какъ только на служенія, да на Перерву, а лѣтомъ въ Черкизовскій загородный домъ, а иногда въ Саввинъ монастырь дни на два или на три.

Въ 1785 году, нечаянно Императрица прибыла изъ Твери въ Москву на нѣсколько дней, не оказавъ никакого архіепископу благовоительнаго знака.

Но въ 1787 году, возмѣвъ путешествіе чрезъ Смоленскъ и Кіевъ въ Крымъ, на возвратномъ пути посѣтила и Москву, гдѣ приняла архіепископа благосклоннѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ, въ концѣ іюня мѣсяца, гдѣ пробывъ до 10 дней, неоднократно удостоивъ его стола своего, разговаривала съ нимъ и обходилась милостивѣйшимъ образомъ. И вотъ что случилось! Прежде до того года за два, пожалованы ею митрополитами архіепископы новгородскій Гавріиль и кіевскій Самуиль, бывшій архіепископъ ростовскій, который всегда былъ архіепископа московскаго ниже.

Положено было тогда и его пожаловать въ митрополита, и клобукъ бѣлый былъ приготовленъ, какъ самъ князь Потемкинъ Платону сказывалъ: но помѣшали злые люди... Однако, се что судьбы Божіи устроили. Когда Платонъ о томъ не возражалъ (ибо ниже какимъ-либо слухомъ до него доходило), и приготовился служить въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ Успенскомъ соборѣ, куда и Императрица съ двумя своими внуками прибыла—Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, и совершалъ литургію; тотъ самый духовникъ ^{а)}, служа съ нимъ, который ему не желалъ митрополитомъ быть, вдругъ, по Достоинѣ, по обряду поминанія его, наименовалъ митрополитомъ: помяни Господи митрополита нашего имрекъ, и проч. Платонъ, сіе услышавъ, почелъ, что онъ въ насмѣяніе ему сіе говоритъ, воспрещалъ, чтобъ онъ при совершеніи святѣйшихъ таинъ сего не дѣлалъ, но онъ только отвѣтствовалъ, что такъ надлежитъ, и пакы тоже повторилъ. Потомъ тотчасъ придворный протодіаконъ, сказавъ архіепископу, что такъ отъ Императ-

а) Протопресвитеръ Памфиловъ.

рицы повелѣно, и провозгласилъ велемасно во всю церковь по обряду: митрополита московскаго и проч. Тогда узнавъ митрополитъ волю Императрицы, обратившись, поклонился Императрицѣ изъ царскихъ дверей, а паче возблагодарилъ Господа чудодѣющаго, продолжалъ служеніе. Таковымъ же образомъ Императрица хотѣла было поступить съ нимъ и въ Твери, чтобъ нечаянно провозгласить московскимъ архіепископомъ; но отмѣнила, сказавъ, что она боится, дабы отъ внезапности таковой чего ему не приключилось, какъ сказывалъ ему князь Потемкинъ. Удивился, и всегда потомъ продолжалъ Платонъ своё удивленіе такому судьбъ Божиихъ непостижимыхъ устроенію.—Когда ни мало онъ о томъ не помышлялъ, среди служенія, внезапно по пропѣтіи *Достойно есть*, въ присутствіи Императрицы и всего синклита и всего духовенства въ первенствующей Россіи Церкви, въ самый тотъ день, когда онъ родился и совершилось 50 лѣтъ, провозглашенъ митрополитомъ; да еще чрезъ самого того, который о томъ и слышать не хотѣлъ.

Все сіе произошло, какъ послѣ Платонъ услышалъ, такимъ образомъ, что Императрица въ самое служеніе приказала отдать указъ духовнику на имя Синода, и приказала ему и протодіакону его митрополитомъ провозгласить; но сіе отъ архіепископа было сокрыто. Послѣ обѣдни привѣтствовалъ Императрицу со днемъ торжественнымъ тезоименитствомъ Его Императорскаго Высочества, и возблагодаривъ за пожалованіе, приглашенъ былъ къ столу, гдѣ благосклонно принявъ его, Императрица, и разговаривая, пожаловала ему блюдо и солонку серебряныя позлащенные и хлѣбъ, поздравивъ его съ собственными именинами. А на третій день прислала на бѣлый клобукъ богатый брилліантовый крестъ. Итакъ симъ Платонъ бывъ обрадованъ, проводилъ Императрицу по надлежащему въ Петербургъ въ селѣ Всѣхсвятскомъ.

(Окончаніе будетъ.)

ПОТРЕБНОСТЬ ЧАСТАГО ПРИЧАЩЕНІЯ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ.

Поученіе при вступленіи въ Успенскій постъ.

Съ нынѣшняго дня мы, братіе, начинаемъ постъ, такъ называемый Успенскій, названный такъ потому, что онъ бываетъ предъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ ряду другихъ постовъ этотъ постъ, послѣ Великаго, многими особенно уважается, конечно, по любви къ общей Заступницѣ всѣхъ христіанъ, въ честь которой онъ установленъ. Мы сказали: уважается. Но въ чемъ обнаруживается это уваженіе? Къ стыду нашему нужно сказать, это уваженіе выражается только въ соблюденіи поста тѣлеснаго, и больше ничего. Не вкушаютъ мяса, молока, нѣкоторые—рыбы,—вотъ и уваженіе ко времени постному. Но назначеніе постовъ не то, чтобы только перемѣнить одинъ родъ пищи на другой,—это иногда дѣлается и для разнообразія. Цѣль поста гораздо выше: чрезъ лишеніе пищи пріятной и питательной, обуздать чрево, смирить плоть, сокрушить духъ, заставить этотъ духъ возскорбѣть о своемъ глубокомъ паденіи и грѣховности, дать ему возможность въ тѣлѣ, облегченномъ постомъ, усилить молитву, и чрезъ усиленную и сокрушенную молитву, приблизить его ко Христу, возбудить жажду соединенія съ Нимъ въ таинствѣ покаянія и св. причащенія, — вотъ цѣль, съ которою установлены посты.

Въ первыя времена христіанства во всѣ посты причащались св. таинъ. Древніе христіане смотрѣли на соединеніе со Христомъ въ таинствѣ св. причащенія съ цѣлію жить съ Нимъ, въ Немъ и для Него, — какъ на самую высшую, главнѣйшую цѣль всѣхъ христіанскихъ постовъ и дѣйствительно,

пость съ молитвою нуженъ, какъ средство, а св. тайны—цѣль. Пость имѣетъ значеніе приуготовительное,—онъ очищаетъ возвышаетъ душу, а св. тайны обожаютъ ее. Пость, въ соединеніи съ молитвою, приближаетъ человѣка къ Богу и Бога къ человѣку, а въ св. тайнахъ христіанинъ самымъ тѣснымъ союзомъ соединяется съ Нимъ, становится одно со Христомъ. Значитъ кто же теперь истинно постится, и кому пость истинно полезнѣе?—Тому, кто завершаетъ его вкушеніемъ нетлѣнной пищи—тѣла и крови Христовыхъ, кто употребляетъ его какъ средство къ достойному пріятію этой пищи. Постившійся же, а св. тайнъ пріять не пожелавшій, походитъ на путника, который прошелъ большое пространство, въ дорогѣ перенесъ много лишеній, трудностей, но не дошедши немного до желаннаго имъ мѣста, соскучился путешествіемъ и возвратился назадъ. Какъбы сознавая все это, святые, всю жизнь спасавшіеся въ пустыняхъ въ подвигахъ поста покаянія и молитвы, не считали этого достаточнымъ, но каждое Воскресеніе приходили въ монастырь и пріобщались.

Но къ чему все это мы говоримъ? Къ тому, что въ нынѣшнее время совсѣмъ оставляютъ въ три меньшіе поста пріобщеніе. Причастятся одинъ разъ—Великимъ постомъ, и больше не хотятъ, не хотятъ даже и въ такой пость, какъ нынѣшній, не хотятъ даже и тѣ, которые имѣютъ довольно свободнаго времени, которые лучше другихъ по своему духовному настроенію, не связаны особаго рода грѣхами, препятствующими къ достойному пріятію св. тайнъ, даже такіе, которые почти каждый день бываютъ въ храмѣ. Отъ чего это? Не думаютъ ли, что достаточно и одинъ разъ въ годъ пріобщиться, что пріобщиться болѣе этого—излишество? Но если правилами церковными предписывается всѣмъ христіанамъ пріобщаться непременно 4 раза въ годъ, а одинъ разъ только по особенной какой-либо причинѣ, если въ первоначальныя времена христіанства не считали излишнимъ пріобщаться каждый воскресный день, а въ Свѣтлую седмицу чуть не каждый день, то какое же будетъ излишество въ пріобщеніи въ четыре извѣстные поста? Нѣтъ, чѣмъ чаще мы будемъ соеди-

няться со Спасителемъ, тѣмъ лучше, тѣмъ легче будетъ намъ борьба со грѣхомъ, тѣмъ дальше будетъ отъ насъ врагъ спасенія—діаволь, тѣмъ болѣе и болѣе, скорѣе и скорѣе будемъ мы восходить по степенямъ духовнаго совершенства. Больному и старому трудно взбираться на гору, или по лѣстницѣ одному, безъ сторонней поддержки. Такъ и для христіанина, чувствующаго себя больнымъ по душѣ и ветхимъ по грѣхамъ, не одно и то же—одинъ ли онъ съ своими силами будетъ стремиться къ добру, или со Христомъ, въ немъ живущимъ, Котораго онъ принимаетъ въ себя въ св. тайнахъ.

Ужъ не отъ того ли чуждаются св. тайнъ, что трудно приготовляться къ принятію ихъ, что трудно покаяться, взойти въ себя, оплакать свои грѣхи, положить твердое намѣреніе исправить себя? Нѣтъ слова, все это трудно; но для того, чтобы облегчить эту трудность, нужно все это дѣлать не только во дни говѣнія, но ежедневно. Всякій изъ насъ, и не приобщаясь св. тайнъ, каждый день долженъ входить въ себя, въ свою душу и совѣсть; каждый день долженъ питать въ себѣ духъ покаянія, вести борьбу со грѣхомъ и, молясь Богу утромъ и вечеромъ, а по праздникамъ и въ храмѣ, предъ Богомъ давать въ сердцѣ обѣщаніе стараться быть лучше—не такими, каковы мы сейчасъ. Все это свойственно каждому истинному христіанину, иначе онъ не истинный христіанинъ, онъ жалкій человѣкъ. Безъ этого никакая молитва не будетъ пріятна Богу и полезна для насъ.

Но скажешь: при говѣніи нужно въ продолженіи нѣсколькихъ дней каждый день ходить къ службѣ церковной, болѣе обыкновеннаго воздерживаться въ пищѣ и питіи?—Но за все это, за эти труды и лишенія ужели ты не получилъ бы съ избыткомъ вознагражденія въ томъ утѣшеніи, которое доставило бы тебѣ соединеніе съ твоимъ сладчайшимъ Спасителемъ въ приобщеніи св. тайнъ? И ужели это утѣшеніе, испытываемое и мною, и тобою, и всѣми причастниками, ужели оно не стоитъ того, чтобы для него нѣсколько потрудиться, нѣкоторыя привычки оставить?

Скажешь: св. тайны—страшныя тайны, потому и приступать къ нимъ часто страшно.—Но страшны онѣ для кого? Для без-

страшно приступающихъ къ нимъ, а никакъ не для тѣхъ, которые съ глубокимъ смиреніемъ, съ полнымъ сознаниемъ своего недостойнства, съ истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ ихъ приобщаются. Помни, что св. тайны не для ангеловъ Христосъ установилъ, а для насъ, для насъ—людей немощныхъ, слабыхъ, грѣшныхъ.—Нѣтъ, причиною рѣдкаго причащенія св. тайнъ служить не то, что мы думаемъ,—не мнимое сознание своего недостойнства, не особенное, будтобы, благоговѣніе къ нимъ,—не это, а духовная безпечность: она доходитъ въ насъ до того, что мы безъ всякаго состраданія лишаемъ нашу душу самой живительной пищи, томимъ ее голодомъ. Съ этою безпечностію соединяется чрезмѣрная холодность ко Христу Спасителю. Кого мы любимъ, къ тому такъ и спѣшимъ, даже бѣжимъ, желаемъ не видѣть только его часто, не говорить только или слушать его, но жить съ нимъ, жить неразлучно; а если почему-нибудь разлучаемся,—скучаемъ, плачемъ въ этой разлукѣ. Въ насъ мало этой любви ко Христу, сердце наше занято болѣе другими предметами; мало потому жажды и соединенія съ Нимъ, нѣтъ и желанія причащенія св. тайнъ.

Братіе христіане! Ужъ если мы почему бы то ни было не можемъ причащаться св. тайнъ каждый постъ, то будемъ хоть два раза, или, въ крайнемъ случаѣ, одинъ разъ, но ни въ какомъ случаѣ не будемъ отлучать себя отъ причащенія св. тайнъ на нѣсколько лѣтъ, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ. Повторимъ опять, что одного поста, даже самаго строгаго, даже соединеннаго съ учащенною молитвою, недостаточно для совершеннаго угожденія Богу. Постъ и молитва только приближаютъ насъ къ Богу, а соединяетъ съ Нимъ приобщеніе св. тайнъ. А нужно, еще въ сей жизни намъ быть соединенными со Христомъ. Всѣ мы по смерти пойдемъ ко Христу, предстанемъ предъ Него; но кто останется съ Нимъ навсегда? Тотъ, кто здѣсь былъ соединенъ съ Нимъ, Его имѣлъ въ себѣ, и самъ былъ въ Немъ. Помните это и не чуждайтесь св. тайнъ.

ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЫ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ ВЪ ХРИСТИАНСКОЙ ДУШѢ.

ПОУЧЕНИЕ ВЪ ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ преобразился на горѣ Фаворѣ, т.-е. показалъ ученикамъ своимъ свою Божественную славу, насколько они могли созерцать ее, ту славу, которую Онъ имѣлъ у Отца прежде мѣръ не бысть и которая во время земной Его жизни, ради немощи нашего естества, была прикрыта немощною человѣческою плотію. Увы! мы, которые во всемъ должны подражать Христу, не можемъ показать той созданной по образу Божію красоты, которою былъ облеченъ первый человѣкъ въ раю, ибо согрѣшили и лишены славы Божіей (Римл. 3, 23). Но мы должны стремиться къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ въ будущемъ вѣкѣ получить ту славу, которую потеряли,—чтобы облещися намъ во образъ небеснаго, подобно какъ мы облещись во образъ перстнаго (1 Кор. 15, 49), — чтобы содѣлаться наконецъ равными по славѣ ангеламъ (Лук. 20, 36). Что нужно дѣлать для того, чтобы достигнуть сей славы не только въ жизни будущей, но чтобы даже въ жизни настоящей отчасти предвкусить ее? Въ исторіи преображенія Господня указаны черты, которыя могутъ служить для насъ руководствомъ къ тому, какъ достигать славы, подобной славѣ преображенія Господня, въ будущей жизни и имѣть начатки ея въ жизни настоящей.

1) Господь нашъ Иисусъ Христосъ преобразился на горѣ, вдали отъ суеты мірской. Будемъ, братія, и мы возвышать умъ свой горѣ. Горѣ имѣимъ сердца! Горняя мудруйте, а

не земная, учить св. Апостолю (Кол. 3, 2). Будемъ помнить, что житіе наше на небесѣхъ (Фил. 3, 20), что здѣсь мы странники, пришельцы (Евр. 11, 13), что нѣтъ у насъ на землѣ пребывающаго града, посему будемъ искать грядущаго (Евр. 13, 14). Будемъ отрясать прилипающій къ намъ прахъ земной суеты и, такимъ образомъ, мало-по-малу, будемъ постоянно преображаться, пока не войдемъ, наконецъ, чистыми въ Ханаанъ небесный. Милосердый Господь самое уничиженное тѣло наше преобразить такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его (Фил. 3, 21). О, человѣкъ! возведи очи свои горѣ и ты увидишь, что все земное суета: слава—дымъ, богатство—прахъ, красота—миражъ; для тебя поразительно ясными станутъ слова Спасителя: «кая польза чловѣку, аще міръ весь пріобръщетъ, а душу свою отщетитъ» (Мѡ. 16, 26), и Псалмопѣвца: «всеу мятется чловѣкъ, сокроуиществуетъ и не вѣсть, кому соберетъ (Пс. 38, 7).

2) Господь нашъ Іисусъ преобразился во время молитвы: «и бысть, егда моляшеся, видѣніе лица Его ино, и одѣяніе Его бѣло блистаяся» (Лук. 9, 29); «просвѣтися лице Его, яко солнце, ризы же быша бѣлы, яко снѣгъ» (Мѡ. 17, 2). Молитва есть бесѣда души нашей съ Богомъ, возношеніе ума и сердца нашего къ Богу. Богъ есть свѣтъ присносущный, и тьмы въ Немъ нѣтъ не единныя. Возносясь къ Нему умомъ и сердцемъ, можно ли не просвѣтиться? «Приступите къ Нему и просвѣтитесь», говоритъ св. Давидъ (33, 6). Молитва преобразяетъ все существо чловѣка: она просвѣтляетъ его умъ, оживляетъ сердце, укрѣпляетъ волю, самое тѣло утончаетъ и одухотворяетъ. Посмотрите на Моисея, сходящаго съ горы Синайской; отъ молитвеннаго собесѣдованія съ Богомъ лице его свѣтилось, какъ солнце, такъ что на него нельзя было смотрѣть обыкновенными глазами. Когда св. Василій молился, то присутствующимъ казалось, что онъ стоитъ въ огнѣ. Молитва до того преобразила тѣло Маріи Египетской, что оно почти потеряло плотскую грубость и дебелость, такъ что она ходила по водамъ рѣки Іордана, яко по суху, во время молитвы возносила на воздухъ. Такова сила молитвы: моли-

тесъ, и вы несомнѣнно просвѣтитесь, яко солнце въ царствіи Отца небеснаго (Мѡ. 13, 43).

3) «И явитсяя Моисей и Илія, съ Нимъ глаголюща». Моисей и Илія величайшіе пророки, провозвѣстники воли Божіей въ Вѣтхомъ завѣтѣ. Явились они уже къ преобразившемуся Господу для того, чтобы присутствующіе при преобразеніи Господнемъ Апостолы во очію, такъ сказать, могли убѣдиться, что Іисусъ Христосъ не есть обыкновенный пророкъ, а Тотъ, о Которомъ писали Моисей и пророки (Іоан. 1, 45), Котораго они съ нетерпѣніемъ ожидали, издали видѣли и цѣловали,—что Онъ есть Мессія, Сынъ Божій, Отчее Сіяніе. Мы, братія, чтобы преобразиться, должны сами часто являться къ св. пророкамъ и апостоламъ, приводить себѣ на память ихъ святую жизнь, ихъ болѣзни и труды, которыми они трудились въ благовѣстіи Христовѣ, бесѣдовать съ ними, т.-е. читать или слушать Божественное ученіе, изложенное въ ихъ святыхъ книгахъ.

Не такъ, братія, веселитъ солнце своимъ свѣтомъ землю, какъ радуется душу слышаніе слова Божія; не такъ солнце разгоняетъ ночную тьму, какъ слово Божіе разгоняетъ тьму соблазновъ и искушеній, облегающую душу нашу. О, поистинѣ «оправданія Господня права, веселящая сердце; заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи» (Іс. 18, 9). Слово Божіе проникаетъ въ самые сокровенные изгибы нашего сердца, даже до раздѣленія души же и духа, членовъ и мозговъ (Евр. 4, 12), всюду внося свѣтъ и жизнь, все освящая и оживляя, все преобразая. Посмотрите, какъ толпы людей, задавленныхъ гяжкою нуждою, подъ вліяніемъ слушанія словъ Господа преобразались, какъ воодушевлены ихъ обыкновенно понуря лица, какой огонь свѣтится въ ихъ обыкновенно тусклыхъ глазахъ! Они забыли все, забыли домъ, пищу и готовы оставить все, чтобы быть только съ Іисусомъ (Матѡ. 15, 32). Посмотрите на грубыхъ слугъ, пришедшихъ схватить Іисуса, какъ ихъ преобразило слово Божіе. Съ какимъ умиленіемъ они слушаютъ! Никогда, говорятъ, ни одинъ человекъ не говорилъ такъ, какъ говорилъ этотъ человекъ

(Іоан. 7, 46). Или посмотрите на эту простую женщину, какъ просвѣтило ее слово Божіе, съ какимъ восторгомъ она говорила: блаженно чрево, тебя носившее и сосцы, Тебя питавшіе! (Лук. 14, 27). Но зачѣмъ умножать примѣры? Что дѣлало изъ грубыхъ, хищныхъ эгоистовъ, каковы были язычники, добрыхъ, самоотверженныхъ, кроткихъ христіанъ? Не слово ли Божіе? Они читали и слушали слово Божіе и, по выраженію Апостола, «содержа слово жизни, сіяли какъ свѣтила въ мірѣ, среди рода строптиваго и развращеннаго» (Фил. 2, 15. 16). Какое славное преображеніе! Такого преображенія достигнемъ и мы, если будемъ поучаться въ законѣ Божіемъ, если въ душѣ нашей чаще будетъ раздаваться гласъ слова Божія. Пали нѣкогда стѣны города Іерихона отъ трубнаго гласа Израильтянъ, обходившихъ ихъ съ кивотомъ Господнимъ (Ис. Нав. 6, 19). Падутъ и въ нашей душѣ идолы отъ гласа слова Божія, смолкнутъ страсти, исчезнетъ прелесть ихъ, царство діавола разрушится и воцарится въ душѣ нашей Христосъ.

Слово Божіе есть свѣтъ. Какъ отъ солнца идетъ безчисленное множество свѣтлыхъ и животворныхъ лучей, такъ отъ слова Божія раждаются въ душѣ многоразличныя свѣтлыя мысли, добрыя желанія, благочестивыя чувствованія. Знаемъ мы, что дѣлаетъ солнце съ землею весною и лѣтомъ: подъ вліяніемъ его лучей земля согрѣвается, ледъ таетъ, начинаютъ течь потоки, орошенныя ими поля покрываются плодами. Такъ бываетъ и съ душею нашею подъ вліяніемъ чтенія или слушанія слова Божія: она согрѣвается любовію къ Богу и ближнему; человѣкъ начинаетъ чувствовать свою вину предъ Богомъ, изъ очей льются слезы покаянія. Какъ весенній дождь оживляетъ землю, такъ эти благодатныя слезы оживляютъ хладную душу, и она начинаетъ благоухать святыми чувствованіями и плодоносить добрыя дѣла; и такимъ образомъ, мало-по-малу восходя отъ силы въ силу, отъ славы въ славу, стремясь выше и выше къ почести высшаго званія, христіанинъ достигаетъ возможной для него мѣры возраста исполненія Христова, — въ немъ совершается преображеніе. Да будетъ же и нашимъ ногамъ свѣтильникъ слово Божіе и

свѣтъ стезямъ нашимъ (Пс. 118, 105), да поучаемся въ немъ день и ночь (Пс. 1, 2), да обращаемся къ нему, какъ свѣтилу, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, и въ душѣ нашей исчезнетъ тьма и станетъ разсвѣтать день, и взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ нашихъ (2 Петр. 1, 19), предвѣстница того незаходимаго свѣта, которымъ просвѣтимся въ царствіи Отца небеснаго и образъ котораго мы видѣли въ свѣтѣ Фаворскомъ.

4) «И глаголаста исходъ Его, егоже хотяше скончати въ Иерусалимѣ» (Лук. 8, 31). Бесѣда о предстоящихъ Христу страданіяхъ показала Апостоламъ, особенно Петру, недоумѣвавшему, какъ можетъ страдать Христось, Сынъ Бога живаго, — что страданія и смерть Богочеловѣка отъ вѣчности Ему предназначены, и что въ страданіяхъ и смерти Его и откроется слава Его, такъ что, идя на страданія, Онъ воскликнетъ: «нынѣ прославися Сынъ человѣческій». Преображеніе Господне — самое славное, самое торжественное, и потому самое радостное событіе въ жизни Спасителя, и въ это-то время идетъ бесѣда на Фаворѣ о смерти. Христіане! какой урокъ для насъ не забывать своей смерти никогда, никогда! Ничто, братія, столько не умерщвляетъ наши плотскія страсти, ничто столько не отвращаетъ отъ міра, ничто столь не смиряетъ человѣка, какъ размышленіе о смерти.

Смерть, это — великій учитель. Отъ нея всякій получитъ урокъ: плотоугоднику она скажетъ: почто утучняешь свое тѣло? Вѣдь этимъ только увеличишь смрадь и тлѣніе, доставишь болѣе пищи червямъ. Корыстолюбивый отъ нея услышитъ: вскую мятешься, ничего ты не принесъ въ міръ, ничего и не вынесешь (1 Тим. 6, 7); нагъ ты вышелъ изъ чрева матери, нагъ и возвратишься въ землю, отъ неяже ты взять (Іова 1, 21). Богатому она скажетъ: ты и нищъ и бѣденъ, и окаяненъ, много у тебя золота, но нѣтъ золота, огнемъ очищеннаго, которое одно только можетъ обогатить человѣка; много у тебя самоцвѣтныхъ камней, но нѣтъ того драгоцѣннаго бисера, за который должно отдать все это золото очищенное. Это золото и бисеръ многоцѣнный есть Божія благодать. Роскошному она напо-

нить: много у тебя одеждъ, но нѣтъ той бѣлой одежды, которая одна можетъ прикрыть срамоту твою (Ап. 3, 17. 18. Мѡ. 13, 46). Она остановитъ гордаго: смотри, скажетъ, всѣ равны: кости богатаго ничѣмъ не отличаются отъ костей бѣднаго; царь и воинъ, богатый и убогій въ равномъ достоинствѣ... Поминай послѣдняя твоя и во вѣкъ не согрѣшиши (Сир. 7, 39). Смерть есть наказаніе за грѣхъ; но размысленіе о семъ страшномъ послѣдствіи грѣха ведетъ къ праведности и святости. Смерть есть великое униженіе для человѣка, созданнаго по образу Божію и по подобію, крайнее безчестіе; но размысленіе о семъ ведетъ къ славѣ... О! человѣкъ, размышляй о смерти, и это размысленіе при помощи Божіей преобразитъ тебя: смертный, ты облечешься въ безсмертіе; тлѣнный одѣнешься въ нетлѣніе; перстный станешь небеснымъ. Размышляя о смерти, и ты побѣдишь смерть славною побѣдою (Ис. 25, 8); ты не узришь смерти, но прейдешь отъ смерти въ животь, смерть будетъ для тебя представленіемъ отъ земли на небо, успеніемъ, послѣ котораго послѣдуетъ славное пробужденіе, полное преображеніе, — и тогда ты съ неизреченною радостію скажешь: смерть, гдѣ твое жало? (Осіи 13, 14).

На горѣ преобразившійся, Христе Боже нашъ! преобрази наше мрачное житіе: научи насъ оправданіямъ твоимъ (Псал. 118, 72); научи насъ молиться (Лук. 11, 1), даруй намъ память смертную; просвѣти наши мысли, къ любви горней уязви наше сердце, отврати очи наши еже не видѣти суеты (118, 47), да и мы, наконецъ, просвѣщаемые свѣтомъ твоего Божественнаго ученія, вспомоствуемые твоею Божественною благодатію, взирая на славу Преображенія твоего, и сами преображаясь въ тотъ же образъ отъ славы въ славу (2 Кор. 3, 18), увидемъ наконецъ въ радость и божественный чертогъ славы Твоея, идѣже празднующихъ гласъ непрестанный и неизреченная сладость зрящихъ твой неизреченный, присносущный свѣтъ.

Прот. Михаилъ Некрасовъ.

ПАРЕМІЯ ИЗЪ КНИГИ ПРИТЧЕЙ

въ среду шестой седмицы Великаго поста.

(Притч. 21, 23—31; 22, 1—4).

Гл. 21, ст. 23. **Иже хранитъ своя уста и языкъ, соблюдаетъ отъ печали душу свою.**

Уста и языкъ, служащіе орудіями слова (изъ усть оно исходитъ, языкомъ произносится вслухъ), могутъ быть орудіями словъ хорошихъ—обдуманнхъ, богоугоднхъ, полезнхъ для слушающихъ, и худыхъ — безразсуднхъ, бранчивыхъ, лживыхъ, кощунственнхъ. Всячески должно заботиться о правильномъ употребленіи дара слова. Кто воздерженъ на языкъ, тотъ *соблюдаетъ душу свою отъ скорби*,—отъ скорби поздняго раскаянія въ произнесеніи худаго слова, и наипаче отъ скорби со стороны людей, оскорбляемыхъ злорѣчіемъ, или боящихся быть предметомъ злорѣчія. Первые жестоко мстятъ злорѣчивому, послѣдніе избѣгаютъ общенія съ нимъ, какъ съ вреднымъ человѣкомъ (слич. гл. 13, ст. 3). Кромѣ того злорѣчиваго ожидаетъ скорбь на судѣ Божіемъ по смерти. Ибо на семь судѣ люди будутъ отвѣчать не только за злонамѣренное, но и праздное, сказанное безъ намѣренія повредить ближнему (Матѣ. 12, 36), легкомысленное слово (слич. гл. 13, ст. 3).

Ст. 24. **Продерзый и величавый и горделивый губителемъ (язвою) нарицается, а иже памятозловствуетъ, беззаконенъ.**

Сравниваются здѣсь два рода грѣшниковъ,—одни изъ нихъ, по свойственной имъ дерзости и гордости, крайне презри-

тельно обращаются съ ближними, оскорбляютъ словами и дѣйствіями ни въ чемъ неповинныхъ; другіе не переносятъ презрѣнія и оскорбленій, какія терпятъ отъ этихъ людей, глубоко скрываютъ ихъ въ памяти и сердцѣ, выжидая удобнаго случая для мщенія. Первые поистинѣ суть *язва*, жестоко поражающая неосторожныхъ и болѣзненно отзывающаяся въ ихъ сердцѣ. Отъ такихъ людей надо подалше держаться, беречься отъ нихъ, какъ отъ язвы, — они всякаго готовы обидѣть всегда, особенно если данъ хоть малѣйшій поводъ къ обидѣ. Послѣдніе, злопамятные, менѣе виновны и въ оправданіе свое обыкновенно говорятъ, что не они обидѣли, а ихъ обидѣли; но все же не правъ злопамятный и мстительный, — все же онъ принадлежитъ къ числу *беззаконниковъ*, потому что вопреки заповѣди о любви къ ближнимъ, какъ къ самому себѣ, извѣстной и въ Ветхомъ Завѣтѣ (Лев. 19, 18), готовъ платить имъ зломъ за зло.

Ст. 25. Похоти (желанія) лѣниваго убиваютъ, не произволяютъ (отказываются) бо руцѣ его творити что.

Лѣнивый ни къ чему не прилагаетъ рукъ, ничего не дѣлаетъ, чтобы честнымъ трудомъ приобрѣтать средства для удовлетворенія своихъ желаній. Потому желанія его остаются неудовлетворенными, и однакоже не перестаютъ волновать его, и это волненіе для него пагубно: оно *убиваетъ* его нравственно, смертельно томить его, а иногда и физически, ибо оканчивается или тѣмъ, что онъ съ голоду умираетъ, или прибѣгаетъ къ воровству, а съ ворами поступаютъ безпощадно: поймавшіе вора иногда до смерти бьютъ его (слич. гл. 13, ст. 4).

Ст. 26. Нечестивый желаетъ весь (всякій) день похоти злыя, праведный же милуетъ и щедритъ нещадно.

Похоти злыя, которыя всегда питаетъ (*желаетъ*) въ себѣ нечестивый, это желанія корыстолюбивыя, исполненіе которыхъ соединено съ вредомъ для ближнихъ. Онъ не только

не милостивъ къ ближнему, но готовъ отнять у него послѣднее для удовлетворенія своихъ злыхъ желаній. Онъ Бога не боится: можетъ ли онъ чѣмъ стѣсняться для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей? Напротивъ богобоязненный праведникъ *милуетъ* всякаго нуждающагося и бѣдствующаго, *и щедритъ нещадно*,—т.-е. ничего не жалѣетъ, готовъ послѣднимъ подѣлиться съ нимъ, готовъ самъ остаться ни съ чѣмъ, чтобы помочь ему.

Ст. 27. Жертвы нечестивыхъ мерзость Господеви, ибо беззаконно приносятъ я.

Законъ Моисеевъ предписываетъ приносить жертвы. Нечестивые не отстаютъ отъ благочестивыхъ въ исполненіи этого закона; но при семъ они нарушаютъ другой законъ,—законъ любви къ Богу, ибо не любятъ Его всѣмъ сердцемъ и душою и служатъ идоламъ своихъ страстей,—также законъ любви къ ближнимъ, ибо продолжаютъ обижать ближнихъ и чествуютъ Бога жертвами изъ неправедныхъ стяжаній. Потому жертвы нечестивыхъ, соединенныя съ нарушеніемъ закона любви къ Богу и ближнимъ, беззаконны и отвратительны для Господа (*мерзость*).

Ст. 28. Свидѣтель ложный (лживый) погибнетъ, мужъ же послушливъ сохраняемъ возглаголетъ.

Не безопасно быть лживымъ свидѣтелемъ на судѣ, т.-е. лжесвидѣтельствовать вслѣдствіе подкупа, вслѣдствіе злобы на ближняго съ желаніемъ отомстить ему. *Погибнетъ*,—пропадетъ онъ, строго будетъ наказанъ судомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если уличенъ будетъ въ злонамѣренности.—Лживому свидѣтелю противопоставляется *послушливый*,—т.-е. добросовѣстный, строго повинующійся заповѣди, запрещающей лжесвидѣтельство (Исх. 20, 16). Такой свидѣтель безопасно будетъ говорить на судѣ: *сохраняемъ возглаголетъ*. Истина, которую онъ будетъ свидѣтельствовать, сохранить его, избавить его отъ отвѣтственности.

Ст. 29. Нечестивый мужъ безстыдно стоитъ лицомъ, правый же самъ разумѣваетъ пути своя.

Безстыжее лицо нечестиваго означаетъ то, что онъ недо-

ступень вразумленіямъ и обличеніямъ. Что ни говорите ему съ цѣлію образумить его, онъ ничѣмъ не трогается, не смущается и смотритъ на васъ безстыдно, дерзко и презрительно. Нечестіе заглушило въ немъ пріемлемость къ истинѣ.—*Праровый же самъ разумѣваетъ пути своя*, т.-е. ведетъ себя такъ, что не подаетъ повода обличать его въ чемъ-нибудь и вразумлять,—онъ самъ понимаетъ, что хорошо, что худо, самъ знаетъ, какъ ему поступать, какъ направлять *пути свои*.—Отношеніе обоихъ полустипшій такое: одного бесполезно обличать и вразумлять,—онъ упрямъ до крайности; другаго нѣтъ нужды вразумлять,—онъ самъ хорошо знаетъ, какъ вести себя.

Ст. 30. Нѣсть премудрости, нѣсть мужества, нѣсть совѣта у нечестиваго.

Источникъ *мудрости* въ познаніи истины, *мужества* для преодоленія препятствій къ достиженію цѣли, *совѣта*, т.-е. искусства въ рѣшеніи того или другаго дѣла,—заключается собственно въ Богѣ: Онъ просвѣщаетъ человѣка истиною въ своемъ законѣ, споспѣшествуетъ намъ своею помощію въ благихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Нечестивый потому и нечестивъ, что живетъ безъ Бога, страха Божія не имѣетъ, власти Божіей надъ собою не признаетъ, на себя одного надѣется. Поэтому онъ лишенъ истинной мудрости, силы и совѣта. Мудрость замѣняется въ немъ плотскимъ мудрованіемъ, мужество и благоразуміе покидаетъ его при встрѣчѣ съ затрудненіями,—онъ падаетъ тогда духомъ и теряетъ голову.

Ст. 31. Конь уготовляется на день брани, отъ Господа же помощь.

Успѣхъ на войнѣ пріобрѣтается собственно не многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ и обученнымъ войскомъ, въ составъ котораго входитъ конница, а помощію и благословеніемъ Божіимъ. При помощи Божіей можно одерживать побѣды съ незначительными военными средствами, а безъ ней не спасетъ отъ пораженія никакая конница. Эту истину исповѣдуетъ Псалмовѣвецъ, говоря: «Иные колесницами, иные конями, а мы именовемъ Господа Бога нашего хвалимся. Они

патаются и упадаютъ, а мы стоимъ и не колеблемся» (Псал. 19, 8. 9). «Ложь конь во спасеніе» (Пс. 32, 17), т.-е. не надеженъ конь для желающаго спастись, убѣжать на немъ отъ преслѣдованія непріятели, — ни на какомъ быстромъ конѣ не убѣжишь отъ этой бѣды, если Господь захочетъ оставить кого безъ помощи, а она привлекается надеждою на Бога и молитвою.

Гл. 22, ст. 1. Лучше имя доброе, неже богатство много, паче же серебра и злата благодать благая.

Честь и богатство принадлежать къ числу земныхъ благъ. Но честь выше богатства; доброе мнѣніе о насъ людей (*благодать благая*, благоволеніе людское), приобретаемое мудростію и добродѣтелию, дороже серебра и золота, такъ что еслибы пришлось выбирать одно изъ этихъ благъ, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе доброму имени. Лучше сохранить доброе имя, лучше заслужить и поддержать доброе о себѣ мнѣніе ближнихъ благороднымъ поведеніемъ, чѣмъ спользоваться случаями къ обогащенію, съ опасностію потерять доброе имя. Лучше быть бѣднымъ и честнымъ, чѣмъ богатымъ, но безчестнымъ. Честь дороже богатства. О превосходствѣ добраго имени предъ земными сокровищами сынъ Сираховъ говоритъ: «заботься объ имени, ибо оно пребудетъ съ тобою долѣе, нежели многія тысячи золота» (Сир. 41, 15). Земныя сокровища по смерти покидаютъ человѣка, но доброе имя оставляетъ по себѣ добрую память на многіе вѣки.

Ст. 2. Богатъ и нищъ срътоста другъ друга, обоихъ же Господь сотвори.

Какъ ни далеки по своему положенію богатые и бѣдные другъ отъ друга, но въ общежитіи неизбѣжно они встрѣчаются другъ съ другомъ, входятъ въ неизбѣжныя сношенія по дѣламъ: богатый нуждается въ услугахъ бѣднаго, бѣдный въ помощи богатаго. И эти отношенія устроены самимъ Богомъ: *Господь обоихъ сотвори*. Онъ убожить однихъ, богатитъ другихъ, чтобы взаимною нуждою связать тѣхъ и другихъ. Этою связію держится общежитіе человѣческое, безъ ней оно разрушилось бы.

Ст. 3. **Худоꙗ** (*благоразумный*), видѣвъ лукава мучима (*наказуемаго*) вѣрꙗко, самъ наказуется (*научается*), безумніи же мимошедше отщетишася (*терпятъ вредъ*).

Наказаніе, которому подвергается *лукавій*, т.-е. злой человѣкъ, служить къ вразумленію не только наказуемаго, но и стороннихъ. Видя, что нельзя безнаказанно дѣлать худыя дѣла, благоразумный научается не дѣлать ихъ, чтобы не заслужить того же наказанія. Что же касается до неразумныхъ, зрѣлице наказанія не производить на нихъ благотворнаго впечатлѣнія,—они *прошли мимо и потерпѣли вредъ*. Зрѣлицемъ наказанія возбуждено было въ нихъ одно праздное любопытство; имъ не пришло на мысль, что и они могутъ заслужить подобное наказаніе. Урокъ пропалъ даромъ, предостереженіемъ, какое они могли извлечь изъ примѣра другихъ, они не воспользовались,—*и потерпѣли вредъ*: съ ними случилась таже самая бѣда, какой подверглись на ихъ глазахъ другіе.

Ст. 4. **Родъ** (*родство*) премудрости страхъ Господень, и слава, и животъ.

Истинная мудрость имѣетъ сродство съ страхомъ Божиимъ,—страхъ Божій есть начало и главный предметъ ея. А гдѣ страхъ Божій, тамъ и *слава* предъ Богомъ и людьми, тамъ и *животъ*,—благоденственная и долгоденственная жизнь.

Паремія въ четвергъ шестой седмицы Великаго поста.

(Прятч. 23, 15—35; 24, 1—5).

Гл. 23, ст. 15. **Сыне, аще премудро будетъ сердце твое, возвеселиши и мое сердце.**

Учитель общаетъ радость своему сердцу, если *премудро будетъ сердце* его ученика. Радость естественная, ибо въ мудрости ученика учитель будетъ видѣть свидѣтельство благоуспѣшности своихъ наставленій.

Ст. 16. И пребудуть въ словесѣхъ (*и будутъ замѣняться бесѣдами*) **твой устнѣ къ моимъ устамъ, аще права будутъ.**

Вести бесѣды устами къ устамъ,—служить признакомъ особой близости между бесѣдующими. Этой близости и короткости къ учителю удостоится ученикъ, если уста его *будутъ правы*, т.-е. если рѣчи его, обращенныя къ учителю, будутъ отличаться правдивостію и любовію къ истинѣ, чему училъ его наставникъ.

Ст. 17. Да не ревнуетъ (*да не завидуетъ*) **сердце твое грѣшникомъ, но въ страхѣ Господни буди весь** (*всякій*) **день.**

Благосостояніе грѣшника возбуждаетъ иногда зависть въ людяхъ, почитающихъ себя умными и добродѣтельными, но не знающихъ счастья и радости. Эта зависть переходитъ въ ропотъ на Бога, зачѣмъ Онъ, всеправедный и всеблагій, не лишаетъ своей милости недостойныхъ ея и оставляетъ безъ своей помощи чтущихъ Его и ревнующихъ объ исполненіи заповѣдей Его. Премудрый предостерегаетъ своего ученика отъ этой зависти къ ближнимъ и отъ ропота на Бога, несовмѣстныхъ съ страхомъ Божиимъ, свидѣтельствующихъ объ оскудѣніи его въ сердцѣ. *Въ страхъ Господни буди всякій день*, говоритъ онъ, т.-е. каковы бы ни были обстоятельства твоей жизни, благоприятныя или неблагоприятныя, всегда (*всякій день*) храни въ сердцѣ твоемъ благоговѣніе къ Богу, непоколебимъ будь въ вѣрности Ему,—въ благополучіи не возносись и благодари Бога; среди бѣдъ и напастей смирайся предъ Нимъ и не ослабѣвай въ преданности Ему.

Ст. 18. Аще бо соблюдеши я (*сія*), **будуть ти внуцы и упованіе твое не отступитъ** (*не удамится*).

Этотъ стихъ имѣетъ необходимую связь съ предыдущимъ. Премудрый заповѣдь свою о страхѣ Божіемъ подкрѣпляетъ обѣщаніемъ награды за соблюденіе ея. Если будешь соблюдать ее, то *будутъ у тебя внуцы*, т.-е. Господь наградитъ тебя долготѣіемъ, ты доживешь до счастья видѣть чада чадъ

твоихъ и утѣшаться ими на старости лѣтъ. Другая награда будетъ состоять въ томъ, что *упованіе твое не отступитъ*, т.-е. не измѣнитъ тебѣ, не будетъ тщетно. Боящемуся Господа свойственно жить упованіемъ на Бога, на Его всеблагое промышленіе, и Господь не посрамитъ этого упованія благочестивыхъ, тогда какъ *надежда нечестивыхъ* на свои силы, на свое умѣнье вести житейскія дѣла безъ чувства нужды въ помощи Божіей, *погибнетъ* (Притч. 10, 28; 11, 23),— т.-е. они или обманутся въ своихъ надеждахъ достигнуть своихъ цѣлей, не получаютъ того, чего желаютъ, или если что получаютъ, то недолго придется имъ наслаждаться своими приобрѣтеніями.

Ст. 19. Слушай сыне и премудръ бывай и исправляй мысли твоего сердца.

Мудрость сына или ученика приобрѣтается чрезъ наставленія и совѣты учителя и старшихъ. Итакъ внимательно слушай эти наставленія и совѣты и подъ руководствомъ ихъ *премудръ бывай*,—преуслѣвай въ премудрости,—и *исправляй мысли твоего сердца*, т.-е. направляй твои помыслы и желанія на путь указуемый мудростію, не допускай, чтобы сердце твое сбивалось съ этого пути и увлекалось въ другую сторону, вопреки внушеніямъ мудрости. Отъ какихъ именно пагубныхъ увлеченій надобно беречься ученику мудрости, объ этомъ говорится въ дальнѣйшихъ стихахъ.

Ст. 20. Не буди винопійца, ниже прилагайся къ сложеніемъ (къ складчинамъ) и купованію мясъ.

Премудрый предостерегаетъ своего ученика отъ участія въ пиршествахъ, учреждаемыхъ въ складчину. Любители попоекъ имѣли обычай соединяться для веселаго препровожденія времени и на собранныя съ каждаго деньги покупали кромѣ вина множество мяса. Пьянство и обжорство, служеніе чреву, унижительное для человѣческаго достоинства и пагубное по своимъ послѣдствіямъ,—вотъ что происходило на этихъ пирахъ въ складчину. Ученику мудрости никакъ не слѣдуетъ *прилагаться*, т.-е. присоединяться къ этой *складчинѣ* и искать подобныхъ грубыхъ удовольствій.

Ст. 21. Всякъ бо пѣяница и блудникъ обнищаетъ и облечется въ раздранная, и въ рубища всякъ сонливый.

Пьянство обыкновенно соединяется съ другими пороками. Оно располагаетъ къ распутству, какъ и Апостоль говоритъ: «не упивайтесь виномъ, въ немъже есть блудъ». Пьянство сопровождается также праздностію и сонливостію. Вино отуманиваетъ пѣяницу и погружаетъ его въ продолжительный сонъ, не тотъ благотворный сонъ, послѣ котораго человѣкъ чувствуетъ себя бодрымъ и съ укрѣпленными силами принимается за работу, а сонъ разслабляющій, послѣ котораго человѣкъ чувствуетъ тягость, тоску, головную боль и сильную жажду вина (*похмеле*). Переходя отъ опьяненія къ сну и отъ сна къ пьянству, безъ просыпу пьянствуя, человѣкъ получаетъ отвращеніе отъ всякаго труда и проводитъ время въ позорной праздности. Послѣдствія пьянства и соединенныхъ съ нимъ пороковъ бываютъ ужасны. Промотавъ свое имущество на разгулъ и распутство и отвыкши отъ труда, пѣяница дѣлается нищимъ и ходитъ въ разодранныхъ одеждахъ и въ лохмотьяхъ (*рубашахъ*).

Ст. 22. Слушай сыне отца родившаго тя и не презирай, егда состарѣется мати твоя.

Грѣховныя поползновенія юноши никому такъ не горьки, какъ отцу съ матерью. Никто столько не доброжелательствуетъ дѣтямъ, какъ родители. Итакъ, когда предстоить тебѣ искушеніе на грѣхъ невоздержанія и нецѣломудрія, вспомни предостереженія твоихъ родителей, и не огорчай ихъ непослушаніемъ. Не только отца слушайся, но не пренебрегай вразумленіями твоей матери, не дерзай говорить ей, что отъ старости она выжила изъ ума, какъ обыкновенно говорятъ иныя дѣти, больше боящіяся и уважающія отца, чѣмъ мать.

Ст. 23. Истину стяжи и не отри ни мудрости, ученія (*наученія*) и разума.

Истина или разумѣніе того, что хорошо, что худо, что справедливо и безчестно, есть благо, которое дороже всѣхъ

земныхъ благъ, и удовольствіе обладанія имъ дороже всѣхъ чувственныхъ удовольствій. Итакъ, вмѣсто того чтобы предаваться чувственнымъ грубымъ наслажденіямъ или плотоугодію, *стяжи истину*,—достигни обладанія истиною. Помни, что ты не безсловесная тварь, а разумное существо, что въ тебѣ есть духовныя потребности, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ истина. Не заглушай этой потребности и для удовлетворенія ей *не отрини мудрости, наученія и разума*, т.-е. съ благодарностію принимай уроки *мудрости* отъ опытныхъ людей, отъ нихъ *научайся* тому, что нужно знать и дѣлать для благоустроенія своей жизни,—и это наученіе усвой разумніемъ и сердцемъ.

Ст. 24. Добрѣ воспитываетъ отецъ праведенъ, о сынѣ же премудрѣмъ веселится душа его.

Праведный,—благочестивый и добродѣтельный,—*отецъ* воспитываетъ и дѣтей своихъ въ духѣ благочестія и добродѣтели. Плодомъ такого воспитанія служитъ мудрость, и для отца нѣтъ больше радости, какъ радость о сынѣ мудромъ, получившемъ отъ него мудрость.

Ст. 25. Да веселится отецъ и мать о тебѣ, и да радуется рождшая тя.

Въ связи съ предыдущимъ стихомъ, въ которомъ говорится, что мудрость сына радуется отца, въ разсматриваемомъ стихѣ предлагается наставленіе сыну вести себя такъ, чтобы поведеніемъ своимъ, согласнымъ съ преподаваемою ему мудростію, радовать своихъ родителей.

Ст. 26. Дажь ми сыне твое сердце, очи же твои моя пути да соблюдаютъ.

Учитель мудрости требуетъ отъ ученика своего, чтобы онъ съ сердечнымъ довѣріемъ принималъ отъ него наставленія: *дажь ми сердце твое*,—и чтобы пристально очами ума своего взиралъ *на пути* учителя, на его наставленія и правила, (*очи твоя моя пути да соблюдаютъ*),—постоянно имѣлъ ихъ на виду, и не заглядывался въ сторону на распутія заблужденій и пороковъ. Эти распутія изображаются въ слѣдующихъ стихахъ.

Ст. 27. 28. **Сосудъ бо сокрушенъ (съ щелями) чуждѣй домъ и студенецъ тѣсенъ чуждѣй. Сей бо вскорѣ погибнетъ, и всякій законопреступникъ истребится.**

Ученику мудрости свойственно довольствоваться мирными домашними удовольствіями, въ кругу своего семейства, и не искать развлеченій на сторонѣ, не ходить въ чужой домъ. Горе мужу, который повадился ходить въ чужой домъ и здѣсь находить продажныя удовольствія. Чужой домъ тоже, что сосудъ продиравленный,—сколько ни лей въ него, никогда не наполнится. Сколько ни носи добра въ чужой домъ, — все мало. Чужой домъ—тоже, что колодезь *тѣсный*,—съ не очищеннымъ или засорившимся проходомъ воды изъ него,—съ узкимъ, едва примѣтнымъ отверстіемъ, сквозь которое едва проходитъ вода. Не находя себѣ свободнаго выхода, она вскорѣ перестаетъ изливаться изъ него, и колодезь исчезаетъ. Подобно сему и беззаконникъ, привыкшій привитать въ чужомъ домѣ, не долго будетъ ликовать въ немъ. Покуда есть у него деньги, его принимаютъ, а истощатся деньги, его прогонятъ и онъ погибнетъ (*истребится*).

Ст. 29. 30. **Кому горе (у кого вой)? Кому молва (у кого шумъ)? Кому судове (раздоры)? Кому горести и свары? Кому сокрушенія вотще? Кому сини очи? Не пребывающимъ ли въ винѣ (не сидящимъ ли за виномъ)? И не назирающимъ ли, гдѣ пирове бываютъ?**

Въ предшествующихъ двухъ стихахъ шла рѣчь о пагубныхъ послѣдствіяхъ развратной, проводимой внѣ дома жизни; теперь же изображается вредъ отъ пьянства. *Невинно вино*, какъ даръ Божій на пользу человѣка, какъ подкрѣпляющій утомленнаго и увеселяющій сердце печальнаго напитокъ, но *укоризненно* злоупотребленіе виномъ, *пьянство* (Притч. 21, 1). Люди, любящіе сидѣть за виномъ и если самимъ не на что напиться, ищущіе случая бывать на чужихъ пирахъ, — эти люди самыя несчастныя существа. Въ пьяномъ видѣ они поднимаютъ *вой*, воображая себя несчастными и обиженными,—

шумятъ безъ умолку, такъ что напрасно уговариваютъ ихъ помолчать или потише говорить, чтобы шумомъ не беспокоить, — заводятъ *раздоры*, — дѣлаютъ неприятности и придирки всякому (*горести и свары*), изъ-за пустыхъ вещей (*вотще*) затѣваютъ драку и въ дракѣ подвергаются побоямъ (*терпятъ сокрушенія*) и уходятъ съ подбитыми глазами (*сини очи*).

Ст. 31. Не упивайтесь виномъ, но бесѣдуйте съ человекомъ праведнымъ и бесѣдуйте въ проходѣхъ (*въ прогулкахъ*). Аще бо на чаши и стедяницы вдаси очи твои, послѣди (*въ послѣдствіи*) имаши ходити нажайшій бѣлиднаго древа (*пестя*).

Для избѣжанія пьянства, учитель мудрости совѣтуетъ искать развлеченія въ бесѣдахъ съ людьми *праведными*, — благочестивыми и добродѣтельными, — въ бесѣдахъ на дому у нихъ или въ прогулкахъ съ ними (*въ проходныхъ*). Такія бесѣды обращаютъ душу къ предметамъ духовнымъ и отвлекаютъ отъ чувственныхъ искушеній. *Уста праведнаго каплютъ премудрость*, усладительную какъ медь, питательную для жаждущихъ истины и утѣшенія душъ какъ млеко и масло (Притч. 10, 31). Пьяница не только устами, но и глазами жадно впивается въ сосуды, наполненные виномъ, — и жадность его къ одуряющей влагѣ доводитъ его до того, что все съ себя пропиваетъ, даже одежду и ходитъ нагимъ, словно *пестъ* въ ступѣ, т.-е. словно *облennyй*, лишенный коры, кусокъ дерева, употребляемый для толченія зеренъ въ ступѣ.

Ст. 32. Послѣди же яко отъ змія уязвенъ прострется и якоже отъ вераста (*рогатой зми*) разливається ядъ.

Дѣйствіе вина, неумѣренно употребляемаго, сравнивается здѣсь съ дѣйствіемъ змѣинаго яда. Вино возбуждаетъ пріятное ощущеніе въ пьющемъ, но неумѣренное употребленіе оканчивается тѣмъ, что пьяница, *яко отъ змія уязвенъ прострется*, т.-е. получить болѣзнь, отъ которой сляжетъ въ постель, и будетъ испытывать тѣлесныя страданія, словно проглотилъ ядъ отъ рожковой змѣи.

Ст. 33. Очи твои егда узрятъ жену чуждую, уста твоя тогда возглаголютъ стропотное (лукавое).

Продолжается рѣчь о пьянствѣ. Опьянѣніе ведетъ нерѣдко къ другому грѣху,—любодѣйству. Когда опьянѣвшій увидитъ чужую жену, онъ забываетъ тогда о долгѣ супружеской вѣрности, если женатъ, или вообще о заповѣди, запрещающей любодѣйство, — имъ овладѣваетъ плотская похоть, и тогда уста его начинаютъ говорить *стропотное*, т.-е. онъ начнетъ склонять чужую жену на грѣхъ лукавыми рѣчами.

Ст. 34. И возляжеша (очутишься) яко въ сердцѣ моря, и якоже кормчій во мнозѣ волненіи.

Возляжеша въ сердце моря. Это значить, что пьяница, въ состояніи опьянѣнія, походитъ на человѣка, вслѣдствіе кораблекрушенія погружившагося въ глубину моря,—т.-е. такъ же, какъ онъ, лишается чувствъ и сознанія. *И якоже кормчій во мнозѣ волненіи (возляжеша).* Сильное морское волненіе бываетъ причиною, что и самый кормчій выбивается изъ силъ въ борьбѣ съ разъяренною стихіею и дѣлается ея жертвою. Въ примѣненіи къ пьяницѣ это значить, что подъ вліяніемъ винныхъ паровъ онъ сначала находится въ сильномъ возбужденіи, отличается развязностію, говорливостію и подвижностію, а затѣмъ, одолѣваемый виномъ, онъ теряетъ силы, дѣлается крайне вялымъ, неповоротливымъ, умъ и языкъ отказываются ему служить, какъ руль кормчему, и онъ погружается въ безчувствіе.

Ст. 35. Речеть же: биша мя и не поболѣхъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ. Когда утро будетъ, да шедъ въщю, съ нимиже снидуся?

Въ сихъ словахъ выражается равнодушіе пьяницы къ своей чести. Напрасно кто изъ участія къ нему, когда онъ проспится, станетъ стыдить его напоминаніемъ ему о томъ безчестіи, какому онъ подвергался въ опьянѣніи, напрасно сталъ бы говорить пьяницѣ, что его въ этомъ состояніи били, надъ нимъ всячески ругались,—напрасно сталъ бы уговаривать его прекратить попойки въ обществѣ съ подобными ему гуляками.

Пьяница отвѣтитъ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ словамъ участія къ нему. Что за бѣда, скажетъ онъ, если меня били и всячески позорили? Вѣдь я былъ въ такомъ положеніи, что не чувствовалъ боли отъ побоевъ, не слышалъ порицаній и насмѣшекъ. Нѣтъ, — меня нисколько не тревожитъ то, что дѣлаетъ со мною, когда я упился до безчувствія. Удовольствіе отъ винопитія для меня дороже чести. Не о ней я думаю, а о томъ, чтобы опять напиться и какъ можно скорѣе. Завтра же уйду и поищу пріятелей, чтобы въ обществѣ ихъ провести время въ попойкѣ. Жду-не-дождусь завтрашняго дня, — о, когда онъ наступитъ? — Вотъ до какой степени можетъ доходить равнодушіе пьяницы къ своей чести.

Гл. 24. стг. 1. 2. **Сыне, не ревнуй мужемъ злымъ, ниже возжелѣй быти съ ними: лжамъ бо поучается сердце ихъ и болѣзни устнѣ ихъ глаголютъ.**

Не ревнуй мужемъ злымъ (слич. 23, 17): не завидуй благосостоянію людей законопреступныхъ. *Ниже возжелѣй быти съ ними*: не ищи знакомства и союза съ ними, чтобы научиться отъ нихъ, какъ надо устроить свои житейскія дѣла. Ничему доброму они не научатъ тебя, *лжамъ бо поучается сердце ихъ*. Они всѣмъ сердцемъ преданы лукавству, о лжи, обманѣ помышляетъ ихъ сердце, и каково у нихъ сердце, таковъ и языкъ: *болѣзни устнѣ ихъ глаголютъ*. Если успѣешь войти въ ихъ довѣріе, — отъ нихъ услышишь только то, что болѣзненно отзовется въ твоёмъ сердцѣ. Они потребу-ютъ отъ тебя отреченія отъ правилъ честности, поглумятся надъ твоею совѣстливостію, надъ тѣмъ, что ты еще не потерялъ страха Божія. Они скажутъ тебѣ, что разбогатѣть можно только путемъ обмана, неправды всякаго рода. Не дай увлечь себя въ ихъ сѣти, и для этого совѣмъ не сближайся съ ними.

Ст. 3. 4. **Съ премудростію зиждется домъ и съ разумомъ исправляется (утверждается). Съ чувствомъ (вѣдніемъ) исполняются сокровища (наполняются сокровищницы) отъ всякаго богатства, честнаго (цѣннаго) и добраго.**

Отвращая своего ученика отъ сближенія съ людьми зако-

попреступными и отъ подражанія имъ въ употребленіи безчестныхъ средствъ для благоустроенія своей жизни. Премудрый указываетъ другой путь къ достиженію этой цѣли, болѣе надежный и безопасный. Этотъ путь есть *премудрость*, началомъ которой служить страхъ Божій, и *вѣдѣніе*, соединенное съ благочестіемъ. Только при помощи этой мудрости и вѣдѣнія, *зизждется и утверждается домъ*, т.-е. благоустроится и упрочивается домашнее хозяйство, *и сокровищницы наполняются всякаго богатства цыннаго и добраго*. Мудрость и вѣдѣніе въ соединеніи съ страхомъ Божиимъ потому споспѣшествуютъ устроенію дома, что привлекаютъ на мудраго и вѣдущаго благословеніе Божіе, которое есть необходимое условіе домашняго благосостоянія. *Аще не Господь созизждетъ домъ, всуе трудящаяся зиждущія* (Псал. 126, 1).

Ст. 5. Лучше мудрый крѣпкаго (сильнаго), и мужъ разумъ имѣяй земледѣльца велика.

Что мудрость полезнѣе физической силы, это видно изъ многихъ опытовъ. Такъ въ случаѣ войны благоразумный мужъ можетъ оказать важнѣйшія услуги согражданамъ, нежели самый храбрый воинъ. Въ книгѣ Экклезіаста это подтверждается слѣдующимъ примѣромъ: «нѣкогда къ небольшому городу подступилъ великій царь и обложилъ его, и произвелъ противъ него большія осадныя работы; но въ немъ нашелся мудрый бѣднякъ, и онъ спасъ своею мудростію этотъ городъ» (Еккл. 10, 14, 15. Слич. 2 Цар. 20, 15—22),—т.-е. умѣлъ дать добрый совѣтъ для отраженія непріятеля. Равнымъ образомъ, мужъ, *имѣющій разумнѣе*,—разсудительный,—лучше земледѣльца великаго. Здѣсь сравнивается умный хозяинъ съ трудолюбивымъ рабочимъ (*великимъ земледѣльцемъ*). Первый своими благоразумными распоряженіями, умѣнемъ распорядиться работами, больше принесетъ пользы хозяйству, чѣмъ послѣдній, если при всемъ трудолюбіи у него недостаетъ умѣнья правильно и вѣремя работать.

Паремія въ пятницу шестой седмицы Великаго поста.

(Притч. 31, 8—31).

Въ сей пареміи предлагается наставленіе царю, затѣмъ изображаются достоинства доблестной жены.

Гл. 31, ст. 8. **Сыне отверзай уста твоя слову Божію, и суди вся** (*всѣхъ*) **здраво.**

Это одно изъ наставленій матери сыну своему царю (ст. 1). Царь есть верховный судія въ своемъ царствѣ и, какъ судія, онъ долженъ быть образцемъ правосудія. Онъ долженъ *отверзати свои уста слову Божію*, т.-е. изрекать судебные приговоры согласно съ словомъ или закономъ Божиимъ, который заповѣдуетъ судіямъ помнить, что они призваны производить судъ не отъ своего лица, а отъ лица Божія, отъ лица Судіи всѣхъ Бога, чуждаго лицезрѣнія, и чтобы, помня это, были непристрастны, чужды предубѣжденія въ пользу однихъ и противъ другихъ (Второз. 1, 17).—*Суди всѣхъ здраво*,—всякаго, кто бы ни былъ, богатый или бѣдный, знатный или незнатный, суди *здоровомысленно*, не ослѣпяясь пристрастіемъ къ одному и предубѣжденіемъ противъ другаго.

Ст. 9. **Отверзай уста твоя и суди праведно, разсуждай же убога и немощна.**

Въ правосудіи нуждаются особенно лица, терпяція притѣсненія отъ богатыхъ и сильныхъ, какъ-то *убогіе*, т.-е. бѣдные, и *немощные*, или безпомощные, именно вдовы, сироты, пришельцы. Если всѣ эти лица, притѣсняемые богатыми и сильными, пожалуются тебѣ на своихъ притѣснителей, то *отверзай уста твоя* для произнесенія *праведнаго* суда.—*Разсуждай убогаго и немощнаго*, т.-е. внимательно разсматривай жалобы ихъ, и если онѣ окажутся справедливыми, вступишь за нихъ, не допусти, чтобы безнаказанно обижали ихъ богатые и сильные.—Законъ Моисеевъ повелѣваетъ проклясть того, кто превратно судить пришельца, вдову и сироту (Второз. 27, 19).

Это одно изъ преступлений, за которыя Господь грозитъ иудеямъ опустошеніемъ ихъ государства и разсѣяніемъ ихъ по лицу всей земли (Иса. 10, 4. Іез. 22, 7. 15).

Въ слѣдующихъ двадцати двухъ стихахъ, по числу буквъ еврейскаго алфавита, содержится описаніе достоинствъ доблестной жены.

Ст. 10. Жену доблю (доблестную) кто обращетъ? Дразжайши есть каменій многоцѣнныхъ таковая.

Доблестная жена,—это жена крѣпкая духомъ, твердая въ исполненіи своего долга въ отношеніи къ мужу, семьѣ, хозяйству. Вопросъ: *кто обращетъ доблестную жену?* предполагаетъ, что такую жену трудно найти, что она рѣдко встрѣчается. И это не удивительно. Жена по самой природѣ своей есть немощный сосудъ въ сравненіи съ мужемъ. «Когда видите, говоритъ святитель московскій Филаретъ, высокую и сильную доблесть въ лицѣ мужа, вы не столько удивлены, сколько удовлетворены, найдя вполнѣ то, чего можно было требовать отъ сей природы. Но когда такую же доблесть встрѣчаете въ немощномъ естествѣ жены, ваше ожиданіе превышено, и вы не только довольны, но и удивлены. Напримѣръ, смотря на Іакова, который, чтобы утишить несправедливую вражду брата, добровольно осуждаетъ себя на изгнаніе изъ родительскаго дома и, не взявъ ничего изъ наслѣдства богатаго отца, съ однимъ странническимъ посохомъ идетъ въ отдаленную страну, безъ сомнѣнія съ чувствомъ удовольствія, — скажете вы: это великодушно, это достойно сына Исаакова, внука Авраамова. Но если посмотрите на Руѣ, которая по любви къ свекрови, безпомощной иноплеменницѣ, и по уваженію къ ея добродѣтели и благочестію рѣшается оставить свое родство и отечество, и будучи самою Ноэмминью удерживаема отъ сего труднаго и, повидимому, безнадежнаго подвига, не колеблется и говоритъ Ноэмминя: *идѣже идеши ты, и азъ пвйду, и идѣже водворишися ты, водворюся и азъ, людіе твои—людіе мои, и Богъ твой—Богъ мой* (Руѣ. 1, 16. 17), — при видѣ сей мужеской въ женѣ

крѣпости духа, сего восторга добродѣтели, вы не только довольны, но и удивлены, и тронуты» (Слова и Рѣчи Т. 5, стр. 193 изд. 1885 г.).—Но чѣмъ необыкновеннѣе въ женѣ крѣпость духа, чѣмъ рѣже это явленіе, тѣмъ оно достойнѣе нашего почтенія. Обладающая этою крѣпостію жена *дражайшии есть каменій многоцѣнныхъ*,—многоцѣнныхъ по рѣдкости ихъ и потому что нерѣдко издалека привозятся. Счастливъ мужъ, имѣющій доблестную жену,—онъ не промѣняетъ ее ни на какія драгоценности. Условіемъ счастья семейнаго служатъ не драгоценныя и обильныя сокровища, а миръ семейный; въ противномъ случаѣ отравляется удовольствіе обладанія вещественными драгоценностями.

Ст. 11. Дерзаетъ на ню (довѣряетъ ей) сердце мужа ея. Таковая добрыхъ корыстей не лишится.

Довѣряетъ ей сердце мужа ея: судя по тому, о чемъ говорится во второй половинѣ стиха, идетъ рѣчь о довѣрїи въ хозяйство. Мужу ея нѣтъ нужды самому вести домашнее хозяйство; онъ можетъ спокойно проводить время въ другихъ занятіяхъ, въ увѣренности, что его хозяйство находится въ благонадежныхъ рукахъ. Его жена, какъ отличная хозяйка, *не лишится добрыхъ корыстей*,—не только не доведетъ своего дома до скудости, но еще не будетъ имѣть недостатка въ *добрыхъ*, обильныхъ приобрѣтеніяхъ,—доходы будутъ у ней превышать расходы.

Ст. 12. Дѣлаетъ бо мужу своему благая во все житіе.

У ней одно на умѣ—угодить мужу,—всю жизнь свою она посвѣщаетъ на то, чтобы дѣлать ему прїятное, довѣріе его къ ней оправдывать трудами на пользу его.

Ст. 13. Обрѣтши волну и лёнъ, сотвори благопотребная рукама своими.

Доблестная жена никогда не сидитъ безъ дѣла,—она рукодѣльница, сама приготовляетъ изъ шерсти и льна все, что нужно для одѣванія себя съ семействомъ и для украшенія дома.

Ст. 14. Бысть яко корабль, куплю дѣющій издадеча, собираетъ себѣ богатство.

Она не посылаетъ въ дальнія страны кораблей для обогащенія себя заморскими сокровищами; но сидя дома, она собираетъ столько богатства, что не уступитъ въ этомъ отношеніи занимающимся морскою торговлею. По умѣнью добывать и наполнять свой домъ богатствомъ она похожа на корабль, нагруженный дорогими товарами.

Ст. 15. И востаетъ изъ ноци, и даде брашна дому и дѣла (работу) рабынямъ.

Какъ заботливая хозяйка, она не только весь день проводитъ въ трудахъ, но мало спитъ и ночью,—она спозаранку поднимается съ постели для необходимыхъ по дому распоряженій: именно отпускаетъ припасы для приготовленія брашна своимъ домашнимъ, и распредѣляетъ урочную на день работу служанкамъ. Она сама не любитъ долго спать, не позволяетъ и служанкамъ своимъ долго нѣжить себя на ночномъ ложѣ,—она подастъ имъ въ себѣ примѣръ трудолюбія.

Ст. 16. Узрѣвши село (поле) купи, отъ плодовъ же ружъ своихъ насади стяжаніе.

Хозяйственная дѣятельность доблестной жены не ограничивается предѣлами дома, но простирается дальше. Благодаря умѣнью вести домашнее хозяйство, у ней накапливается значительный капиталъ, отчасти изъ сбереженій отъ домашнихъ расходовъ, отчасти изъ новыхъ прибытковъ, вырученныхъ отъ руководѣля. Этотъ капиталъ не лежитъ у ней безъ употребленія, — она дѣлаетъ изъ него выгодный оборотъ,—она покупаетъ на него поле и насаждаетъ это стяжаніе, т.-е. разводитъ на купленномъ полѣ садовыя и огородныя растенія. Затрачиваемыя на это издержки суть *плоды рукъ ея*, т.-е. берутся изъ наличныхъ, нажитыхъ ея руками средствъ, а не пріобрѣтаются заимообразно.

Ст. 17. Препоясавши крѣпко чресла своя, утвердитъ мышцы своя на дѣло.

Ведя свое хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ, доблестная

жена, повидимому могла бы уволить себя отъ черныхъ работъ,—достаточно было бы ей только распоряжаться работами другихъ, указывать имъ, что и какъ надо дѣлать. Но она сама принимаетъ участіе въ работахъ, а для свободы своихъ движеній во время работы, крѣпко поясомъ стягиваетъ по чресламъ широкую одежду свою, и напрягаетъ свои мышцы на работу, не уступая въ проворствѣ и ловкости любому мушкетѣ.

Ст. 18. И вкуси, яко добро есть дѣлати (работать), и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю ночь.

Вкуси, яко добро есть дѣлати. Видя, какъ полезно и приятно проводить время въ работѣ, доблестная жена вошла, такъ сказать, во вкусъ работы; потому она работаетъ не только днемъ, но и ночью при свѣтѣ свѣтильника,—за работою просиживаетъ ночи, ободряя себя успѣхами ея и надеждою на дальнѣйшіе успѣхи.

Ст. 19. Лакти своя простираетъ на полезная, рупцѣ же свои утверждаетъ на вретено.

Лакти—тоже, что руки (часть вмѣсто цѣлаго), *простираетъ на полезная.* Руками можно дѣлать все, что приносить пользу, и что служить ко вреду, на примѣръ хищеніе, драки и т. под. Доблестная жена протягиваетъ свои руки только на полезную дѣятельность, и *утверждаетъ ихъ на веретено*,—т.-е. крѣпко держитъ ими орудіе для пряденія льна и шерсти, и не устаетъ за этою работою.

Ст. 20. И рупцѣ свои отверзаетъ убогому, длань же свою простре нищу.

Доблестная жена печется не объ однихъ домашнихъ своихъ, но избытками своими дѣлится съ бѣдными, подавая руку помощи всякому, нуждающемуся въ ней.

Ст. 21. Не печется о сущихъ въ дому мужъ ея, егда гдѣ замедлитъ, вси бо у нея одѣяни суть.

Мужъ доблестной жены можетъ на долгое время отлучаться изъ своего дома безъ опасенія, что отсутствіе его можетъ быть потерею для *сущихъ въ дому его.* Доблестная жена есть

земное провидѣніе для семейства,—она на себя одну принимаетъ заботы о немъ, не обременяя ими мужа, такъ что мужъ, по надобности и безъ надобности отлучившійся куда-нибудь, не имѣетъ нужды спѣшить домой. Нужды семьи удовлетворяются ею безъ всякаго вмѣшательства со стороны мужа. Никто изъ домашнихъ у ней ни въ чемъ не терпитъ нужды, всѣ, напримѣръ у ней одѣты не только тепло, такъ что могутъ не бояться холода и дома, и въ дорогѣ, но и красиво.

Ст. 22. Сугуба одѣянiя сотвори мужу своему, отъ виссона же и порфиры себѣ одѣянiе.

У мужа доблестной жены всегда имѣется двѣ перемѣны всякаго рода одежды,—выбирай любую, и сама она одѣвается не только прилично, но и великолѣпно. У нея есть одежды нижнія изъ тонкой льняной ткани (*виссона*) и верхнія пурпурнаго цвѣта (*порфиры*), похожія на царское облаченіе. Но замѣчательнѣе всего то, что и на мужа, и на себя она сама *сотвори* одежды, собственными руками сработала ихъ, ничего не тратя на чужихъ мастеровъ и мастерицъ. Это свидѣтельствуешь не только о трудолюбіи, но и о художественномъ вкусѣ, потребномъ для приготовленія драгоценныхъ одеждъ.

Ст. 23. Славенъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея, ввсегда аще сядетъ въ сонмищи со старѣйшины жителми земли.

Къ чести доблестной жены служить также то, что мужъ ея, не отвлекаемый попеченіями о домашнихъ дѣлахъ, съ великою честію (*славенъ бываетъ*) проходитъ общественную службу, принимая участіе, въ собраніи старѣйшинъ своей земли, въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ, которыя обыкновенно производимы были публично у городскихъ воротъ.

Ст. 24. Плащаницы сотвори и продаде Финикіаномъ, опоясаніа же Хананеомъ.

Финикіяне и Хананеи славились торговлею (Иса. 23, 8. Іез. 17, 4. Осіи 12, 7), особенно Финикіяне. Въ рукахъ Финикіянъ сосредоточена была морская торговля древняго міра. Тѣ и другіе скупали на мѣстѣ товары и сбывали ихъ въ

сосѣднихъ и далекихъ странахъ,—тѣ и другіе были посредниками между производителями и покупателями. Надо полагать, что и доблестная жена прибѣгала къ ихъ посредничеству, для сбыта полотень и поясовъ, изготовленныхъ ея руками.

Ст. 25. Уста своя отверже внимательно и законо, и чинъ заповѣда языку своему.

Доблестная жена любить больше дѣлать, чѣмъ говорить; но когда она раскроетъ уста свои, то отнюдь не для празднословія и злословія, а для слова чистаго и непорочнаго. Каждое слово она произноситъ *внимательно*, т.-е. предварительно обдумавъ и взвѣсивъ его,—и *законно*, т.-е. не увлекаясь произволомъ и своенравіемъ, а строго держась въ предѣлахъ закона и долга. Свои распоряженія, обличенія и вразумленія она высказываетъ такъ, что никто не посмѣетъ укорить ее въ несправедливости и пристрастіи.—*И чинъ языку своему заповѣда*. Это значить, что она не даетъ воли своему языку и въ своихъ рѣчахъ соблюдаетъ мѣру и приличіе,—умѣетъ во время сказать, и во время промолчать и замолчать.

Ст. 26. Крѣпостію и лѣпотою облечеса и возвеселися во дни послѣднія.

Доблестная жена по временамъ одѣвается въ драгоценную одежду, въ виссонъ и багряницу, но постояннымъ одѣваніемъ или украшеніемъ ея служить *крѣпость и лѣпота* не столько тѣла, сколько души. Она сохраняетъ это украшеніе, эту свѣжесть силъ тѣлесныхъ и душевныхъ до послѣднихъ дней, и потому даже въ преклонныхъ лѣтахъ (*во дни послѣднія*) не покидаетъ ее радостное настроеніе души (*возвеселяся*).

Ст. 27. Тѣсны стези дому ея, брашна же лѣностнаго не яде.

• Домъ ея загроможденъ произведеніями ея труда и не представляетъ достаточнаго простора для празднаго хожденія по его переходамъ (*стезямъ*) взадъ и впередъ. Она—врагъ праздности и *брашна лѣностнаго не яде*,—она вкушаетъ хлѣбъ, добытый ея трудомъ, и почитаетъ грѣхомъ тунеядства яденіе хлѣба лѣнивыми. «Аще кто не хочетъ дѣлать, ниже да ясть». (2 Сол. 3, 10).

Ст. 28. Уста своя отверже мудро и законно.

Повторяется сказанное въ 25 стихѣ.

Ст. 29. Милостыня же ея возстави чада ея, и обогатишася, и мужь ея похвали ю.

Хорошо живется дѣтямъ ея, пока они еще не оставили родительскаго крова: они всѣмъ обезпечены и удовольствованы. Но если они обзаведутся собственнымъ хозяйствомъ, начнутъ самостоятельную жизнь, она и тогда не оставляетъ ихъ безъ своей помощи. Она всегда готова придти на помощь имъ въ ихъ нуждахъ и недостаткахъ, и эта помощь (*милостыня*), поданная имъ благовременно, улучшая ихъ положеніе, *возставляетъ чадъ ея*,—т.-е. поднимаетъ, ободряетъ ихъ духъ, спасаетъ ихъ отъ малодушія и унынія. Въмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ уваженіе и любовь ихъ къ своей матери. Но первый цѣнитель ея нравственныхъ и хозяйственныхъ достоинствъ есть мужь ея,—онъ *похвали ю* слѣдующими словами:

Ст. 30. Многи дщери стяжаша богатство, многи сотвориша силу. Ты же предусѣла и превознеслася еси надъ всѣми.

Мужь отдаетъ своей доблестной женѣ преимущество предъ всѣми другими женщинами. Многія *дщери*, т.-е. женщины (Быт. 30, 13), умѣли нажить богатство и своими достоинствами пріобрѣсть въсь (*сотворить силу*) въ семьѣ и въ обществѣ; но ни одна изъ нихъ не сравнится съ доблестною женою: она *предусѣла*, т.-е. опередила ихъ всѣхъ и превзошла (*превознеслася*) не однимъ богатствомъ и силою, но и другими качествами, которыя рѣдко можно встрѣтить у другихъ женъ,—именно:

Ст. 31. Ложнаго угожденія и суетныя доброты женскія нѣсть въ тебѣ. Жена бо разумна благословена есть, страхъ же Господень сія (*она*) да хвалить.

Многія женщины добиваются вниманія къ себѣ муцины *ложнымъ угожденіемъ*, т.-е. лицемернымъ угодиствомъ и любезничаньемъ, и *суетною добротою* (красотою), т.-е. прибѣгаютъ

къ искусственнымъ средствамъ для возвышенія своей красоты или для того, чтобы казаться красивыми,—именно употребляютъ румяна и бѣлила,—которыя поистинѣ составляютъ *суетную*, подложную, а не настоящую красоту. Ничего подобнаго не дозволяетъ себѣ доблестная жена; любовь и уваженіе къ себѣ со всѣхъ сторонъ она привлекаетъ дѣйствительными достоинствами, а не показными, обманчивыми.

Приведши похвальный отзывъ мужа о доблестной своей женѣ, Премудрый съ своей стороны подтверждаетъ этотъ отзывъ, какъ вполне заслуженный ею, ибо поистинѣ *благословенна*, достойна одобренія и благоволенія *умная* жена. Но чтобы она не возгордилась этою похвалою, Премудрый требуетъ отъ ней, чтобы она сама *хвалила страхъ Господень*,—не думала высоко о своей мудрости, но началомъ истинной мудрости исповѣдовала страхъ Божій. безъ котораго не имѣетъ цѣны человѣческая мудрость.

Ст. 32. **Дадите (*воздайте*) ей отъ плодовъ устенъ ея, и да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея.**

Плоды устъ доблестной жены,—это добрые успѣхи ея умныхъ рѣчей, благотворное дѣйствіе ихъ на умъ и сердце ея мужа, дѣтей, домашнихъ и другихъ. За ея добрыя рѣчи справедливость требуетъ воздать (*дадите*) ей добрымъ словомъ, почтить ее похвалою. Итакъ *воздайте* же ей эту похвалою и да раздѣляетъ съ нею похвалу мужъ ея. Онъ заслужилъ эту похвалу за то, что умѣлъ выбрать себѣ въ спутницы жизни доблестную жену, и во все время сожитія съ нею высоко цѣнить ея прекрасныя качества. Пусть не только частные граждане прославляютъ его, но и старѣйшины города провозглашаютъ его примѣрнымъ мужемъ публично, *у воротъ* городскихъ, гдѣ они собираются для суда и управы.

Прот. В. Печавъ.

О ЗАТМѢНІЯХЪ СОЛНЦА И ЛУНЫ.

Содержаніе: Сотвореніе небесныхъ свѣтилъ, какъ свидѣтельство о совершенствахъ Творца, по ученію слова Божія и по соображеніямъ разума.—Важность вопроса о затмѣніяхъ и краткое объясненіе ихъ.—Движеніе и фазы луны.—Подробное объясненіе затмѣній луны и солнца.—Значеніе затмѣній для науки.—Служатъ ли затмѣнія предвѣщаніемъ бѣдствій?—Помраченіе солнца во время страданій Христа Спасителя.—Затмѣнія, какъ напоминаніе о кончинѣ міра.

Поднимите глаза ваши на высоту небесъ, и посмотрите, Кто сотворилъ ихъ (Исаіи 40, 26)?

Слово Божіе многократно указываетъ намъ на сотвореніе неба, солнца, луны и другихъ свѣтилъ, какъ на особенно ясное и поразительное свидѣтельство о всемогуществѣ, премудрости и благости Господа Бога, сотворившаго міръ.

Такъ изображается это въ Псалмахъ: «небеса проповѣдуютъ славу Бога, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь» (18, 2). «Великъ Господь и достохвалень, страшенъ Онъ паче всѣхъ боговъ. Ибо всѣ боги народовъ — идолы, а Господь небеса сотворилъ» (95, 4, 5). «Господь творитъ все, что хочетъ, на небесахъ и на землѣ» (134, 6). «Славьте Господа: ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Бога боговъ; ибо во вѣкъ милость Его. Славьте Господа господствующихъ, ибо во вѣкъ милость Его; Того, Который одинъ творитъ чудеса великія: ибо во вѣкъ милость Его; Который сотворилъ небеса премудро: ибо во вѣкъ милость Его; утвердилъ землю

на водахъ: ибо во вѣкъ милость Его; сотворилъ свѣтила великія: ибо во вѣкъ милость Его; солнце—для управленія днемъ: ибо во вѣкъ милость Его; луну и звѣзды— для управленія ночью: ибо во вѣкъ милость Его» (135, 1—9). Подобное мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ св. Писанія. Чрезъ пророка Исаію такъ раскрываетъ Господь Богъ величіе свое: «Мои руки распростерли небеса и всему воинству ихъ далъ законъ Я» (45, 12). Пророкъ Іеремія также упоминаетъ объ уставахъ, данныхъ свѣтиламъ отъ Бога (31, 35, 36), и свидѣтельствуемъ, что Онъ «разумомъ своимъ распростеръ небеса» (10, 12). Апостолы Варнава и Павелъ говорили къ язычникамъ, почитавшимъ ложныхъ боговъ: мы «благовѣствуемъ вамъ, чтобы обратить васъ отъ сихъ ложныхъ къ Богу живому, Который сотворилъ небо, и землю, и море, и все, что въ нихъ» (Дѣян. 14, 15).

По опредѣленію Творца небесныя свѣтила должны служить «для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ» (Быт. 1, 14). Движеніе свѣтилъ на небесномъ сводѣ совершается въ строгомъ порядкѣ и съ чрезвычайною правильностію. Эта правильность много отличаетъ небесныя явленія отъ явленій происходящихъ на земномъ шарѣ. Такъ, напримѣръ, солнце, луна и планеты совершаютъ свои перемѣщенія между звѣздами въ опредѣленные періоды, по простествіи которыхъ эти перемѣщенія совершаются снова въ одинаковое время и въ одинаковомъ порядкѣ. Это замѣчено было еще въ глубокой древности. А потому древніе наблюдатели довольно точно умѣли опредѣлять и даже предсказывать передвиженіе планетъ между звѣздами, времена новолуній и полнолуній, кажущееся годовое перемѣщеніе солнца между знаками зодіака, а также затмѣнія солнца и луны. Наблюденія древнихъ составляютъ драгоцѣнное наслѣдіе для послѣдующихъ временъ. Но особенно быстро стали развиваться свѣдѣнія о совершающихся на небесномъ сводѣ явленіяхъ съ половины шестнадцатаго столѣтія, послѣ безсмертныхъ трудовъ Коперника, установившаго правильный взглядъ на систему видимаго міра. Съ того времени и до нашего постоянно со-

вершенствуются способы наблюдений и вычислений, открываются многія явления, недоступныя древнимъ, и предсказанія периодическихъ явлений достигаютъ гораздо большей точности.

Но для насъ въ трудахъ астрономовъ недавнихъ вѣковъ особенно драгоцѣнно то, что изслѣдованія объ устройствѣ системы міра проливаютъ совсѣмъ новый свѣтъ на тѣ явления, которыя представляются глазу и непосредственному наблюдению на небесномъ сводѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при истинномъ взглядѣ на систему міра, правильность и стройный порядокъ въ движеніяхъ свѣтилъ раскрываются яснѣе и яснѣе. А вмѣстѣ обнаруживается удивительная законосообразность. То-есть открывается, что при всемъ разнообразіи, замѣченномъ въ движеніяхъ свѣтилъ и при всей многосложности, естественныя силы, которыми условливаются эти движенія, подчинены немногимъ простымъ законамъ; и сверхъ того, въ этихъ законахъ замѣчается дивная всеобщность и единство. Съ другой стороны, при расширеніи познаній о небесныхъ явленіяхъ, обнаруживаются яснѣе и границы, положенныя для человѣческихъ познаній, за областію дознаннаго постоянно открываются несравненно обширнѣйшая область недоуѣдомаго; за явленіями, подлежащими точнымъ опредѣленіямъ и предсказаніямъ, открывается еще болѣе таковыхъ, которыя не могутъ быть опредѣлены и предсказаны напередъ. Между тѣмъ, можно сказать, всякое вновь открываемое явленіе, по внимательномъ его изслѣдованіи, оказывається новымъ доказательствомъ стройнаго порядка и чудной гармоніи въ природѣ.

Такимъ образомъ, новыя явленія, открывающіяся на небесномъ сводѣ, служатъ новыми свидѣтельствами о безпредѣльныхъ совершенствахъ Господа Бога, сотворившаго міръ.

Обратимъ вниманіе на замѣчательныя слова одного глубокомысленнаго астронома: «Хотите ли вы составить понятіе о *всевѣднѣи* Божіемъ? Вспомните, что высшая ступень знанія, достигнутая всѣмъ человѣчествомъ, всѣми совокупными трудами самыхъ свѣтлыхъ умовъ его, дала возможность астроному только приблизительно вычислить возмущеніе планетныхъ міровъ и предсказать возвратъ нѣкоторыхъ кометъ. Но

Творецъ предусмотрѣлъ взаимныя возмущенія безчисленныхъ милліоновъ солнць, и планеть, и кометь, и міровъ, на всѣ вѣка протекшіе и на всѣ вѣка грядущіе, не приблизительно, но съ совершенною и положительною точностію. Вселенная вся въ движеніи: система возстаетъ надъ системою, группа надъ группою, туманность надъ туманностію, всѣ торжественно вращаются подъ всевѣдущимъ Промысломъ Творца, и Онъ одинъ знаетъ конецъ и начало. Передъ славою, и силою Его съ покорностію и благоговѣніемъ преклоняются всѣ разумныя существа, какъ на землѣ, такъ и на небѣ.—Захотите ли вы составить понятіе о *премудрости* Божіей? Взгляните на дивное построеніе великолѣпной семьи планеть и спутниковъ, вращающихся вокругъ солнца. Каждый шаръ взвѣшенъ и установленъ, каждая орбита вымѣрена и выгнута въ свою изящную форму. Движеніе и перемѣщеніе во всемъ; все измѣняется, кромѣ законовъ, предписанныхъ премудростію Творца: они хотя и допускаютъ колебанія системы въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако никогда не ведутъ къ нарушенію порядка, и еще менѣе къ распаденію. Все совершенно, все согласовано. Гармонія планеть, вращающихся вокругъ нашего солнца, вторятъ десятки милліоновъ движущихся міровъ, которые мерцаютъ вокругъ яркихъ солнць, пламенѣющихъ на тверди небесной^{а)}.

Въ самомъ дѣлѣ, изученіе совершающихся на небесномъ сводѣ явленій приводитъ насъ къ отчетливому убѣжденію въ той истинѣ, что только безпредѣльное всемогущество Господа Бога могло привести отъ небытія къ бытію неизчислимый сонмъ небесныхъ свѣтилъ и даровать имъ первоначальное движеніе; только неистижимая премудрость Божія могла опредѣлить такіе законы, по которымъ это движеніе совершается уже нѣсколько тысячелѣтій, въ стройномъ порядкѣ.

Изъ предыдущаго ясно отърывается то высокое значеніе, какое имѣютъ наблюденія и изслѣдованія небесныхъ явленій. Правильное и обстоятельное разъясненіе того или другаго вопроса, относящагося къ движенію небесныхъ тѣлъ, не

а) Митчель. „Небесныя свѣтила“, въ концѣ десятой лекціи.

остается безплоднымъ. Дѣйствительно, съ одной стороны дѣятельность нашихъ познавательныхъ способностей получаетъ свойственное ей удовлетвореніе и пищу при объясненіи явленій,—при расширеніи и углубленіи нашего взгляда какъ на явленія разсматриваемыя, такъ и на другія, находящіяся съ ними въ тѣсной связи; съ другой стороны и въ нашемъ чувствѣ, когда мы созерцаемъ дѣла премудрости Творца, естественно возбуждается благоговѣніе предъ Нимъ.

Обратимъ же наше вниманіе на рѣшеніе одного изъ очень важныхъ таковыхъ вопросовъ, вопроса о затмѣніяхъ солнца и луны. Въ настоящее время наслѣдованіе объ этомъ предметѣ получаетъ даже особенную занимательность. Черезъ непродолжительное время, а именно утромъ седьмага числа августа настоящаго года совершится полное затмѣніе солнца, которое должно быть видимо и въ Москвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Но полныя затмѣнія солнца не часто бываютъ и на всемъ земномъ шарѣ; а когда бываютъ, то солнце только для нѣкоторыхъ его мѣстъ вполне затмѣвается, въ другихъ же видно бываетъ или только частное затмѣніе, или же и совсѣмъ не видно. Такъ на примѣръ, при затмѣніи солнца 26 іюня, 1842 года, которое въ Черниговѣ, Тамбовѣ и Пензѣ было полнымъ, въ Москвѣ, хотя наступила около середины затмѣнія довольно значительная темнота, но солнце не вполне было закрыто; оставалась еще небольшая свѣтлая часть въ видѣ узкаго серпа. Эта часть была еще значительнѣе для нашихъ мѣстъ при солнечномъ затмѣніи 16 іюля 1851 года, которое на югѣ Россіи было полнымъ. А при затмѣніи 6 іюля 1860 года въ Москвѣ мнѣе половины солнца было закрыто, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки и въ сѣверной Испаніи это затмѣніе было полнымъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи о затмѣніяхъ солнца и луны разсмотримъ лунное теченіе, далѣе естественныя причины затмѣній, потомъ обстоятельства сопровождающія полное солнечное затмѣніе и, наконецъ, значеніе, какое имѣютъ для человѣка эти величественныя явленія природы.

Солнце служить источникомъ свѣта для планетъ и ихъ спутниковъ; земля же и ея спутникъ луна суть тѣла темныя, шарообразныя, освѣщаемыя солнцемъ; а лучи солнца, какъ и лучи другихъ свѣтящихся тѣлъ, распространяются по прямымъ линіямъ. Итакъ въ то время, когда земля находится между солнцемъ и луною и притомъ такъ, что солнце будетъ на одной сторонѣ отъ земли, а луна на другой прямо противоположной, тогда лучи солнца будутъ преграждены землею, не могутъ дойти до луны, на которую упадетъ земная тѣнь, и такимъ образомъ произойдетъ лунное затмѣніе. Подобнымъ образомъ, когда луна становится между землею и солнцемъ, то и она можетъ преградить путь солнечнымъ лучамъ, идущимъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ земли, а потому тамъ будетъ казаться, что на солнце надвигается кругъ луны и наступитъ солнечное затмѣніе.

Но для болѣе обстоятельнаго разъясненія этого предмета, нужно войти въ нѣкоторыя подробности о движеніи луны.

Планеты и ихъ спутники, бывъ приведены въ движеніе всемогущею силою Творца при самомъ сотвореніи міра, постоянно и неизмѣнно продолжаютъ свое движеніе, повинаясь тѣмъ законамъ, какіе положены для нихъ премудростію Божіею. Это ясно обнаруживается въ движеніи луны. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сравненія древнѣйшихъ наблюденій съ новѣйшими оказывается, что порядокъ движенія луны остается неизмѣннымъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. Луна совершаетъ вокругъ земли полный оборотъ въ продолженіе періода времени, который немного менѣе одного мѣсяца. Путь, по какому луна движется вокругъ земли, или, иначе сказать, лунная орбита по своей фигурѣ походитъ на кругъ, однако же не есть совершенный кругъ, но эллипсисъ; а этимъ названіемъ означается закругленная, нѣсколько растянутая фигура, у котораго одинъ поперечникъ болѣе другаго. Положеніе лунной орбиты въ пространствѣ близко подходитъ къ положенію земной орбиты, а земля, какъ извѣстно, движется вокругъ солнца въ плоскости эклиптики; однакоже путь луны не совпадаетъ вполне съ эклиптикою, но наклоненъ къ ней подъ

угломъ съ небольшимъ въ пять градусовъ и пересѣкается съ плоскостію эклиптики въ двухъ точкахъ называемыхъ лунными узлами, положеніе которыхъ измѣняется съ теченіемъ времени. Движеніе луны совершается въ направленіи отъ запада къ востоку, какъ это и можно замѣчать по перемѣщенію луны между звѣздами. А такъ какъ земной шаръ не остается на одномъ мѣстѣ, но постоянно движется вокругъ солнца, совершая въ теченіе года полный оборотъ, то и движеніе луны является весьма сложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны луна движется вокругъ земли, какъ своего центрального тѣла, съ другой, какъ спутникъ земли, участвуетъ въ ея движеніи вокругъ солнца.

Прослѣдимъ же движеніе луны и перемѣны ея вида, начиная съ новолунія.

Измѣненія луны находятся въ тѣсной связи съ ея движеніемъ. Новолуніе, или, что тоже, рожденіе луны, есть такая перемѣна, при которой луна проходитъ между землею и солнцемъ, достигая при семъ наибольшаго приближенія къ солнцу. Это положеніе означаютъ еще и такими словами: луна бываетъ въ соединеніи съ солнцемъ. Для большей ясности мы рассмотримъ тотъ случай, когда рожденіе луны совершается во время полудня. Еслибы могли мы днемъ постоянно видѣть движеніе луны на небесномъ сводѣ и вмѣстѣ смотрѣть на солнце, то замѣтили бы, что эти свѣтила идутъ какъбы на встрѣчу другъ другу. А именно, предъ полуднемъ луна бываетъ отъ солнца вправо,—къ западу; въ самый полдень, когда солнце вступаетъ въ меридіанъ, и луна также проходитъ чрезъ меридіанъ, но только, по большей части, нѣсколько выше или ниже солнца, иногда же проходитъ по самому солнцу, закрывая его вполнѣ или отчасти, какъ это бываетъ при солнечныхъ затмѣніяхъ; а за симъ луна удаляется отъ солнца влѣво,—къ востоку. Понятно, что наши глаза не могутъ видѣть непосредственно разсмотрѣнныхъ сейчасъ явленій: ибо при яркомъ сіяніи солнца и при свѣтѣ небеснаго свода, луна становится совсѣмъ незамѣтною для нашихъ глазъ и большею частію бываетъ невидима во время

новолунія. Однако же ея рожденіе происходитъ именно такъ, какъ описано здѣсь. Но вскорѣ послѣ новолунія, чрезъ день или чрезъ два луна является на небѣ въ видѣ тонкаго серпа. Особенно удобно можно видѣть ее вскорѣ послѣ заката солнечнаго. Этотъ серпъ луны находится влѣво отъ того мѣста, гдѣ зашло солнце, и выпуклою своею частію бываетъ обращенъ вправо,—къ солнцу, а концами влѣво,—въ противоположную сторону. Но если мы при благопріятной погодѣ и прозрачномъ воздухѣ, особенно съ помощію зрительной трубки или хорошаго бинокля будемъ внимательно разсматривать луну чрезъ немного сутокъ послѣ ея рожденія, то увидимъ не одинъ свѣтлый серпъ, а вмѣстѣ и темную часть луны, то-есть увидимъ луну въ видѣ полнаго круга. Большая часть этого круга, расположенная налѣво, довольно темна и имѣетъ какой-то особенный пепельный цвѣтъ, а на правой сторонѣ этого круга находится узкій свѣтлый серпъ. Спрашивается: почему же молодая луна имѣетъ такой видъ? Это не трудно объяснить. Луна имѣетъ шарообразную фигуру и сама-по-себѣ есть тѣло темное, заимствующее свѣтъ свой отъ солнца. Но солнечные лучи распространяются по прямымъ линіямъ, а потому они освѣщаютъ только одну, обращенную къ солнцу, сторону луны, а противоположная сторона, до которой они не могутъ достигнуть, остается темною. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ новолунія къ землѣ бываетъ обращена большая часть этой темной стороны и только небольшой край свѣтлой, остальная же, освѣщенная солнцемъ, сторона луны обращена къ небеснымъ пространствамъ, а потому молодая луна и представляется въ видѣ серпа. Если же, всматриваясь внимательно, мы можемъ видѣть и темную сторону луны, то это зависитъ отъ освѣщенія луны землею: ибо земля падающій на нее солнечный свѣтъ отражаетъ на обращенную къ ней темную сторону луны,—ту сторону, на которую не могутъ непосредственно падать солнечные лучи; а потому эта сторона представляется намъ не совсѣмъ темною, но имѣетъ какой-то особенный пепельный цвѣтъ.

Послѣ рожденія луны ея видимое разстояніе отъ солнца

постоянно увеличивается, луна удаляется отъ дневнаго свѣтѣла влѣво,—къ востоку. Вмѣстѣ съ этимъ она, какъ замѣчаетъ Премудрый, «дивно возрастаетъ въ свосмъ измѣненіи» (Сир. 43, 8), съ каждымъ днемъ мы видимъ большую и большую часть ея освѣщенной стороны. По прошествіи одной недѣли отъ новолунія, наступаетъ первая четверть луны; тогда она бываетъ удалена отъ солнца къ восточной сторонѣ на 90 градусовъ. Во время первой четверти луна представляется намъ въ видѣ полукруга: ибо въ этомъ случаѣ половина освѣщенной стороны ея обращена къ небу и половина къ намъ. Далѣе, въ слѣдующіе дни луна еще болѣе удаляется отъ солнца и продолжаетъ возрастать. По прошествіи двухъ недѣль отъ новолунія наступаетъ полнолуніе. Въ этомъ случаѣ луна достигаетъ наибольшаго удаленія отъ солнца, отстоитъ отъ него на 180 градусовъ и находится съ нимъ въ противостояніи. Это значитъ, что тогда солнце бываетъ на одной сторонѣ земнаго шара, а луна на другой прямо противоположной. Луна во время полнолунія свѣтитъ особенно ярко и является намъ какъ полный свѣтлый кругъ; это объясняется тѣмъ, что тогда вся освѣщенная солнцемъ половина луны обращена къ землѣ.

Луна, продолжая двигаться вокругъ земли по своему кругообразному пути, послѣ полнолунія будетъ приближаться къ солнцу. Вмѣстѣ съ этимъ величина свѣтлой части ея постоянно уменьшается, иначе сказать, съ полнолунія уже начинается ущербъ луны; «свѣтъ ея умалется по достиженіи ея полноты» (Сир. 43, 7), какъ говоритъ древній мудрецъ. Черезъ недѣлю послѣ полнолунія наступаетъ послѣдняя четверть луны; тогда она отстоитъ отъ солнца на 90 градусовъ, какъ и во время первой четверти, но теперь находится луна направо отъ солнца, опять имѣетъ видъ полукруга и является на небѣ послѣ полночи утромъ. Въ слѣдующее за послѣднею четвертью время луна продолжаетъ приближаться къ солнцу, и опять принимаетъ видъ серпа, который въ слѣдующія ночи является намъ все болѣе и болѣе узкимъ; но этотъ серпъ теперь выпуклою частію обращенъ влѣво,—въ ту сторону, откуда дол-

жно взойти солнце, а концами своими вправо,—въ сторону противоположную. Когда же еще исполнится недѣля отъ послѣдней четверти, то снова наступаетъ рожденіе луны. А за сими явленія повторяются въ томъ же порядкѣ.

Такимъ образомъ, какъ положеніе луны на небѣ постоянно измѣняется, такъ и видъ ея въ разныя ночи представляется весьма различнымъ. Рожденіе луны или, что тоже, новолуніе, первая четверть, полнолуніе, послѣдняя четверть, — эти четыре главные перемѣны называются фазами луны, и слѣдуютъ одна за другою среднимъ числомъ чрезъ семь сутокъ съ нѣсколькими часами, а средняя продолжительность всего періода времени отъ одного новолунія до другаго составляетъ 29 сутокъ, 12 часовъ, 44 минуты и около 3 секундъ. Это продолженіе времени называется луннымъ мѣсяцемъ.

Относительно освѣщенія земли луною нужно сдѣлать два замѣчанія.

Вопервыхъ, чѣмъ большею является намъ луна, тѣмъ долѣе она свѣтитъ ночью. Въ самомъ дѣлѣ, луна передъ своимъ рожденіемъ восходитъ немного ранѣе солнца, а послѣ рожденія заходитъ немного позднѣе; слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ луна большую часть видимаго своего движенія по небесному своду совершаетъ днемъ. Напротивъ и передъ полнолуніемъ и послѣ него луна бываетъ на небѣ большую часть ночи.

Вовторыхъ, полная луна въ короткія лѣтнія ночи поднимается не высоко и свѣтитъ не очень долго; напротивъ во время продолжительныхъ зимнихъ ночей, полная луна, восходя далеко на сѣверо-востокъ и достигая на небѣ значительной высоты, свѣтитъ весьма долго, въ иные годы у насъ часовъ до семнадцати. Подобное, хотя и въ меньшей мѣрѣ, замѣчается и въ тѣ ночи, которыя бываютъ передъ полнолуніемъ и послѣ него. Но чѣмъ же это объяснить? Почему луна, достигши значительной величины, зимою свѣтитъ долго, а лѣтомъ не долго? Отвѣтъ на это не труденъ: луна около времени полнолунія противостоитъ солнцу, а потому, когда солнце находится въ южномъ полушаріи, то луна при пол-

полуниі находится въ сѣверномъ, и наоборотъ. Между тѣмъ каждое небесное свѣтило дольше остается надъ горизонтомъ, нежели подъ горизонтомъ, въ томъ полушаріи, въ которомъ оно въ это время находится, а въ противоположномъ полушаріи остается дольше подъ горизонтомъ, нежели надъ горизонтомъ.

Всматриваясь глубже въ этотъ предметъ, мы находимъ новыя побужденія удивляться премудрости Творца, обнаруживающейся въ опредѣленіи средствъ, которыми выполняется и осуществляется то назначеніе луны, чтобы она была свѣтильникомъ «на тверди небесной» (Быт. 1, 15), чтобы свѣтомъ своимъ умѣряла темноту ночей, насколько это нужно въ общемъ порядкѣ явленій природы.

Предложенный обзоръ теченія луны поможетъ намъ въ объясненіи причинъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Перейдемъ же къ этому предмету.

Солнце и луна представляются намъ свѣтилами, имѣющими почти одинаковую величину. Если будемъ измѣрять ихъ поперечники, иначе сказать, діаметры, угломѣрнымъ инструментомъ, то каждое изъ нихъ является какъ кругъ, котораго діаметръ немного болѣе полградуса. Но на самомъ дѣлѣ размѣры луны весьма незначительны въ сравненіи съ размѣрами солнца. Луна много менѣе земнаго шара, и дѣйствительный діаметръ ея составляетъ, 3,252 версты, тогда какъ діаметръ солнца составляетъ, если возьмемъ круглыя числа, одинъ миллионъ триста тысячъ верстъ; слѣдовательно почти въ четыреста разъ болѣе діаметра луны. Почему же луна представляется намъ столь большою? Потому, что она есть ближайшее къ землѣ свѣтило, котораго среднее разстояніе содержитъ около 362 тысячъ верстъ, тогда какъ разстояніе солнца отъ земли простирается до 136 миллионѣвъ верстъ. Понятно, что при такомъ громадномъ разстояніи солнца, кажущаяся величина его незначительна.

Далѣе земной шаръ, котораго наибольшій поперечникъ доходитъ до 11,958 верстъ, освѣщаемый солнцемъ съ одной стороны, отбрасываетъ въ противоположную сторону огром-

ную тѣнь, простирающуюся далеко въ небесныя пространства. Тѣнь эта имѣетъ коническую фигуру, и ширина ея постепенно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ земли. Основаніемъ конуса тѣни служитъ кругъ, раздѣляющій дневную и ночную половину земнаго шара, а ось этого конуса лежитъ на эклиптикѣ по направленію соединяющей центры солнца и земли прямой линіи. Длина земной тѣни простирается далеко за лунную орбиту: приблизительно эта длина въ три съ половиною раза болѣе разстоянія луны отъ земли. Какъ при освѣщеніи солнцемъ земныхъ предметовъ, края ихъ тѣней не имѣютъ рѣзкихъ очертаній, но бываютъ ограничены полутѣнью, такъ и тѣнь, которую отбрасываетъ весь земной шаръ, окружена полутѣнью. Понятно, что при годовомъ движеніи земли вокругъ солнца, и земная тѣнь постоянно движется въ пространствѣ. Видъ этой тѣни можно объяснить еще и такъ: представимъ себѣ, что по зодіакальному поясу небеснаго свода простирается обширная поверхность бѣлаго цвѣта; положимъ еще, что эта поверхность удалена отъ земли на то же разстояніе, на какомъ и луна отстоитъ отъ земли. Въ такомъ случаѣ земная тѣнь представилась бы намъ въ видѣ темнаго, окруженнаго полутѣнью круга. Центръ этого круга лежитъ на самой эклиптикѣ; кругъ этотъ имѣетъ столь значительную величину, что діаметръ его безъ малаго въ три раза болѣе діаметра луны, слѣдовательно составляетъ около полутора градуса. Понятно, что на самомъ дѣлѣ мы не можемъ видѣть всего этого круга, однако же при лунныхъ затмѣніяхъ мы видимъ его часть.

Послѣ этого, мы уже ясно можемъ представить себѣ, въ чемъ состоитъ явленіе лунныхъ затмѣній. А именно: если луна, двигаясь вокругъ земли, проходитъ черезъ края описаннаго здѣсь круга, то одинъ только край земли погружается въ земную тѣнь, а другой остается свѣтлымъ, и тогда бываетъ частное затмѣніе луны. Если же луна проходитъ чрезъ средину этого круга, то вся она погружается на нѣсколько времени въ земную тѣнь, и тогда происходитъ полное затмѣніе луны.

Изъ предыдущаго ясно, что лунныя затмѣнія возможны только во время полнолуній. Но полнолунія бываютъ часто, а затмѣнія рѣдко. Какъ же это объяснить?

Путь луны немного наклоненъ къ земному пути. И потому луна можетъ являться на нѣсколько градусовъ выше или ниже эклиптики. Въ такихъ случаяхъ лунныя затмѣнія невозможны: ибо тогда луна, при своемъ движеніи отъ запада къ востоку, проходитъ выше или ниже земной тѣни. Напротивъ, когда разстояніе центра полной луны отъ плоскости эклиптики будетъ менѣе одного градуса, то вмѣстѣ съ полнолуніемъ произойдетъ затмѣніе луны. Такъ, если это разстояніе равно тремъ четвертямъ градуса, то луна затмится до половины; а если то же разстояніе уменьшится до полуградуса, то и вся луна затмится, но не надолго. Но когда полная луна бываетъ въ своемъ узлѣ, то-есть проходитъ черезъ самую плоскость эклиптики, тогда происходитъ полное затмѣніе луны, продолжающееся два часа. Однако же такіе случаи бываютъ рѣдко. Понятно, что всякое полное затмѣніе начинается и оканчивается частнымъ затмѣніемъ; продолжительность того и другаго вмѣстѣ можетъ доходить до четырехъ часовъ.

Круглая земная тѣнь, надвигающаяся на луну, не имѣетъ рѣзкаго очертанія, но ограничена полутѣнью. Какъ только тѣнь покрываетъ луну, затмѣніе становится видимымъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ луна является надъ горизонтомъ, а равно и продолженіе и конецъ затмѣнія повсюду видимы почти одинаково.

Совсѣмъ другое бываетъ при затмѣніяхъ солнца. Здѣсь не тѣнь надвигается, но самая луна становится между землею и солнцемъ, а потому очертаніе краевъ луны ясно видимо на солнцѣ. Съ другой стороны затмѣнія солнца бываютъ видимы только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара и притомъ въ разномъ видѣ и не совсѣмъ въ одно время. Вообще для земнаго шара солнечныя затмѣнія бываютъ чаще лунныхъ, но для какого-нибудь опредѣленнаго мѣста это суть довольно рѣдкія явленія.

Затмѣнія солнца возможны только въ тѣ новолунія, когда

луна или проходить чрезъ плоскость эклиптики или бываетъ отъ нея не далеко. Если для какого-нибудь мѣста земной поверхности при кажущемся прохожденіи луны чрезъ солнце, центры ихъ не совпадаютъ, но находятся между собою на нѣкоторомъ разстояніи, то въ этомъ мѣстѣ земли происходитъ частное затмѣніе солнца.

Въ этомъ случаѣ луна, при своемъ прохожденіи отъ запада къ востоку, закрываетъ собою на нѣсколько времени часть солнца. Если эта часть незначительна, то солнце является неполнымъ кругомъ, какъ будто изъ него вырѣзана нѣкоторая часть. Если же луна закроетъ значительную часть солнца, то остальная свѣтлая часть его представляется въ видѣ серпа. Обыкновенно употребляютъ или закопченныя, или особыя цвѣтныя стекла, чтобы можно было безъ вреда для глазъ разсматривать эти явленія.

Если же положеніе луны будетъ таково, что центръ ея пройдетъ чрезъ прямую линію, мысленно проведенную отъ центра солнца къ какому-либо мѣсту земли, то въ этомъ мѣстѣ будетъ видимо или кольцеобразное, или полное затмѣніе солнца. Разсмотримъ различіе между ними.

Извѣстно, что разстояніе какъ солнца, такъ и луны отъ земли не всегда бываетъ одинаково. А вслѣдствіе этого и кажущаяся величина этихъ свѣтилъ измѣняется. Впрочемъ уголъ, подъ которымъ представляется съ земли поперечникъ солнца, всегда бываетъ немного болѣе полуградуса и подверженъ небольшимъ перемѣнамъ; но поперечникъ луны измѣняется болѣе значительно, такъ что разность доходитъ до одной двѣнадцатой части градуса, а потому иногда луна представляется подъ угломъ меньшимъ полуградуса. Спрашивается: что же будетъ, когда центры солнца и луны находятся на одной прямой линіи съ землею, между тѣмъ солнце будетъ на ближайшемъ, а луна на самомъ дальнѣйшемъ разстояніи отъ земли? Понятно, что тогда луна не можетъ закрыть всего солнца, края его останутся свѣтлыми, и потому солнце будетъ представляться въ видѣ свѣтлаго кольца, внутри котораго находится темный кругъ. При таковыхъ кольцеобраз-

ныхъ затмѣніяхъ конецъ полной тѣни, отбрасываемой луною, не достигаетъ до земли; достигаетъ только полутѣнь, а это, хотя и въ другомъ видѣ, бываетъ и во время частныхъ солнечныхъ затмѣній.

Но явленіе принимаетъ совсѣмъ другой видъ, когда солнце бываетъ на дальнѣйшемъ, а луна на ближайшемъ разстояніи отъ земли. Тогда лунный поперечникъ будетъ болѣе солнечнаго, а потому солнце вполнѣ будетъ покрыто луною для тѣхъ мѣстъ земли, на которыя падаетъ прямая линія проведенная чрезъ центры солнца и земли. Въ этихъ мѣстахъ и въ другихъ, съ ними сосѣднихъ, произойдетъ полное солнечное затмѣніе. Ибо тогда тѣнь луны достигаетъ до земли и покрываетъ пространство, котораго ширина отъ сѣвера на югъ доходитъ до 250 верстъ; но эта тѣнь не остается на одномъ мѣстѣ, она быстро подвигается отъ запада на востокъ. Слѣдовательно, по этому направленію полное затмѣніе солнца бываетъ видимо на громадной полосѣ земли, только въ западныхъ странахъ оно начинается нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ восточныхъ. Въ настоящемъ году 7 августа полное затмѣніе обширную полосою пройдетъ отъ запада къ востоку чрезъ всю Европейскую и Азіатскую Россію до Восточнаго океана. На пути этой 'полосы лежатъ города: Вильно, Тверь, Москва, Ярославль, Кинешма, Вятка, Пермь, Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ. А на сѣверѣ и югѣ Россіи это затмѣніе будетъ видимо какъ частное, при чемъ для сѣверныхъ странъ закроется луною нижняя часть солнца, а для южныхъ—верхняя.

Вообще же всякое, и кольцеобразное и полное затмѣніе солнца начинается и оканчивается частнымъ затмѣніемъ. Предъ наступленіемъ полнаго затмѣнія съ правой стороны на кругъ солнца болѣе и болѣе надвигается темный кругъ луны, такъ что на лѣвой остается только свѣтлый серпъ, ширина котораго постепенно уменьшается до превращенія этого серпа въ свѣтлую полосу, подобную тонкой нити. А за симъ солнце вполнѣ закрывается луною. Но это полное затмѣніе бываетъ очень не надолго. Замѣчаютъ, что только при осо-

бенно благоприятныхъ обстоятельствахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно можетъ продолжаться до пяти минутъ, въ мѣстахъ же, удаленныхъ отъ середины полосы полного затмѣнія, оно длится только нѣсколько секундъ. Во всякомъ случаѣ скоро на правой или, что тоже, западной сторонѣ солнца является сначала какъбы серпообразная нить, которая вскорѣ преобразуется въ свѣтлый постепенно расширяющійся къ востоку серпъ, который черезъ нѣсколько времени занимаетъ уже болѣе половины солнца, потомъ на лѣвой сторонѣ остается только небольшая темная выемка, и наконецъ все солнце является въ обыкновенномъ своемъ видѣ, какъ полный, свѣтлый кругъ. Все время отъ перваго появленія луны на одномъ краѣ солнца до послѣдняго исчезновенія съ другаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжается до двухъ часовъ и двадцати минутъ.

Полныя затмѣнія солнца суть поразительныя явленія природы. Когда совсѣмъ померкнетъ дневное свѣтило, то невольно даже въ приготовленномъ и привычномъ наблюдателѣ является какое-то безпокойство и страхъ. Напрасно нѣкоторые готовы смѣяться надъ этимъ страхомъ и объяснять его суевѣріемъ. Нѣтъ, это есть страхъ вполне свойственный человѣку, особенно въ настоящемъ поврежденномъ его состояніи. Какъ существо разумное, сотворенное по образу Божію, человѣкъ долженъ не заглушать въ себѣ чувство страха, но давать ему надлежащее направленіе. Вспомнимъ, что и богопросвѣщенный пророкъ, указывая на чудеса творенія, призываетъ всѣхъ именно къ страху и трепету предъ Богомъ. «Словомъ Господа сотворены небеса, и Духомъ устъ Его — все воинство ихъ. Онъ собралъ, будто груды, морскія воды; положилъ бездны въ хранилищахъ. Да боится Господа вся земля, да трепещутъ предъ Нимъ всѣ живущіе во вселенной. Ибо Онъ сказалъ, и сдѣлалось; Онъ повелѣлъ, и явилось» (Псал. 32, 6—9). Въ христіанинѣ естественно возбуждающійся при особенныхъ явленіяхъ природы страхъ, не переходя въ малодушіе, долженъ обращаться въ чувство благоговѣнія предъ Творцемъ міра.

Разсмотримъ ближе тѣ явленія, которыя сопровождаютъ полное затмѣніе солнца.

Когда дневное свѣтило совсѣмъ закроется луною, то темный кругъ ея бываетъ окруженъ широкимъ волнующимся сіяніемъ, отъ котораго распространяются лучи. Названіе его: вѣнецъ или корона. Сверхъ того, близъ краевъ луны по мѣстамъ появляются какіе-то выступы розоваго цвѣта, неопредѣленнаго вида, подобныя весьма малымъ облакамъ, называемыя протуберансами. Еще ранѣе, когда половина солнца покроеся луною, замѣчается уже темнота, которая быстро возрастаетъ и въ моментъ полнаго затмѣнія становится наибольшею. На небесномъ сводѣ бываютъ видимы болѣе яркія звѣзды. Но эта темнота не похожа на темноту обыкновенной ночи, а есть какая-то особенная. Небесный сводъ близъ солнца принимаетъ какой-то свинцовый, сѣрый цвѣтъ, а далѣе къ горизонту—желтовато-зеленый. Листья растений и зелень луговъ представляются въ какомъ-то сѣромъ видѣ; другіе предметы являются въ такихъ оттѣнкахъ, которые трудно опредѣлить; лица людей принимаютъ какой-то мертвенный видъ. Въ воздухѣ ощущается значительный холодъ. Понятно, что описанныя явленія хорошо можно видѣть тогда, когда солнечное затмѣніе происходитъ при ясномъ небѣ; однако же и въ пасмурную и ненастную погоду замѣчается глубокой мракъ, а равно и особые переливы цвѣтовъ на небесномъ сводѣ.

При полномъ затмѣніи солнца въ природѣ ощущается что-то тревожное. Ночныя цвѣты раскрываютъ свои чашечки, а другія растенія свертываются, какъбы на ночь. Птицы кружатся, какъ испуганныя, или безпокойно летаютъ и отыскиваютъ свои гнѣзда; а сверчки и кузнечики начинаютъ свою пѣсню, какъбы ночью. Появляются ночныя бабочки, а муравьи прекращаютъ свои работы; собаки воютъ, лошади выказываютъ безпокойную боязнь. Домашнія животныя бѣгутъ изъ стадъ домой. Вся природа принимаетъ какой-то мрачный видъ. Но вотъ, снова является лучезарное свѣтило дня, и все возвращается къ своему обычному порядку.

Обратимъ наконецъ наше вниманіе на то значеніе, какое имѣеть затмѣніе солнца и луны для человѣка, а въ особенности для христіанина.

Вопервыхъ, затмѣнія служили и служатъ для человѣчества очень важнымъ пособіемъ въ дѣлѣ расширенія и углубленія познаній о предметахъ и явленіяхъ видимаго міра. Такъ напримѣръ, точныя наблюденія лунныхъ и солнечныхъ затмѣній убѣждаютъ въ шарообразности земли, даютъ средства для опредѣленія географической долготы разныхъ мѣстъ на землѣ и многое разъясняютъ по вопросамъ о движеніи и устройствѣ земли, луны и солнца.

Далѣе затмѣнія даютъ намъ особенно ясное и очевидное свидѣтельство о безконечной премудрости и всемогуществѣ Творца. Движенія небесныхъ свѣтилъ отличаются такою правильностію, что нѣкоторыя изъ явленій на небесномъ сводѣ можно съ точностію предсказывать напередъ за цѣлыя столѣтія; а равно возможно опредѣлять годы и дни тѣхъ изъ явленій сего рода, о которыхъ сохранились неопредѣленные упоминанія въ исторіи. Еще древнимъ извѣстенъ былъ періодъ времени, содержащій въ себѣ около 18 лѣтъ и 11 дней, послѣ котораго солнечныя и лунныя затмѣнія повторяются въ томъ же порядкѣ. А нынѣ этотъ предметъ изслѣдованъ гораздо точнѣе.

Послѣ этого естественно предложить вопросъ: справедливъ ли довольно распространенный въ народѣ взглядъ, будто затмѣнія луны и особенно солнца суть знаменія гнѣва Божія и предвѣстія имѣющихъ скоро наступить бѣдствій?

Въ отношеніи къ обыкновеннымъ затмѣніямъ такой взглядъ оказывается неправильнымъ. Исторія не подтверждаетъ его. Съ другой стороны затмѣнія суть такія же періодическія естественныя явленія, какъ и перемѣны положеній солнца на небесномъ сводѣ, или же фазы луны. Но основательно ли было бы принимать эти послѣднія явленія за предвѣщанія бѣдствій? Конечно, нѣтъ. Но затмѣнія хотя представляютъ собою нѣчто поразительное и суть явленія рѣдкія, однако же не выходятъ изъ ряда другихъ періодическихъ явленій. На

какомъ же основаніи мы будемъ видѣть въ нихъ знаменія гнѣва Божія и усвоятъ имъ значеніе предвѣщаній?

Конечно, бывали примѣры, когда небесныя явленія указывали на великія событія въ человѣческомъ родѣ. Такъ, на примѣръ, чудная звѣзда указала восточнымъ мудрецамъ на рожденіе Христа Спасителя. Такъ, по свидѣтельству исторіи, предъ разрушеніемъ Іерусалима видимы были необычайныя явленія на небѣ. Безъ сомнѣнія въ томъ и другомъ случаѣ небесныя явленія дѣйствительно были знаменіями. Но не должно забывать, что это были явленія сверхъестественныя, превышающія законы природы, или же, если и допустить здѣсь отчасти дѣйствіе естественныхъ силъ, — это были явленія чрезвычайныя, которыхъ никакой человѣкъ своими силами не могъ опредѣлить и предсказать напередъ. Но затмвнія не принадлежатъ къ классу явленій этого рода.

Такъ и святой Іоаннъ Дамаскинъ, одинъ изъ великихъ учителей Церкви, объясняя естественными причинами солнечныя и лунныя затмвнія, не даетъ имъ значенія предвѣщаній о событіяхъ въ родѣ человѣческомъ, но усвояетъ это значеніе только тѣмъ небеснымъ явленіямъ, которыя онъ признаетъ сверхъестественными б). *

Древняя и новая исторія представляютъ намъ впрочемъ не мало примѣровъ какой-то связи между явленіями въ физическомъ мірѣ и событіями въ нравственномъ мірѣ. Напрасно нѣкоторые совсѣмъ отрицаютъ эту связь. Конечно, это предметъ таинственный. Но несправедливо было бы отрицать то, чего объяснить не можемъ. Бывали примѣры, что предъ войнами и другими переворотами въ мірѣ замѣчаемы были на небѣ явленія хотя и естественныя, но необычайныя, каковы, на примѣръ, явленія большихъ кометъ. Такъ въ годъ, предшествовавшій войнѣ 1812 года, долго была видима свѣтлая комета. Такъ, осенью предъ холерою и политическими волненіями 1848 года замѣчаемъ былъ какой-то особенный видъ въ столбахъ сѣвернаго сіянія. Можно допустить, что и естествен-

б) Точное изложеніе православной вѣры. Книга 2, глава 7.

ныя явленія бывають иногда знаменіями. Промысль Божій употребляетъ многоразличныя средства для призванія людей къ покаянію. И конечно лучше было бы для насъ, еслибы въ насъ живѣе возбуждался спасительный страхъ при взглядѣ на особенныя небесныя явленія. Съ вѣроятностію можно усвоить значеніе знаменій тѣмъ небеснымъ явленіямъ, которыя не могутъ быть предсказаны напередъ. Замѣчательно, что при всѣхъ успѣхахъ современной астрономіи, для нея многое относительно кометъ остается, а можетъ быть и навсегда останется совершенно недоступнымъ. А потому всегда возможно явленіе большой кометы совсѣмъ неожиданное.

Хотя взглядъ на затмѣніе, какъ на предвѣщаніе бѣдствій, оказывается невѣрнымъ, однако же съ другой стороны не должно относиться къ нему съ такимъ презрѣніемъ, съ какимъ относятся нѣкоторые свѣтскіе писатели. Объяснимъ это примѣромъ. Представимъ себѣ простаго человѣка, который, при видѣ затмѣнія, въ страхѣ обращается къ Богу съ усердною молитвою и покаянными расположеніями души; представимъ себѣ и ученаго человѣка, который, будучи погруженъ только въ естественныя законы, даже при видѣ одного изъ поразительныхъ явленій природы, не возвышается до чувства благоговѣнія къ Богу, и даже забываетъ о Немъ. Спрашивается: кто изъ сихъ двухъ людей является выше въ нравственномъ отношеніи? Безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ простой человѣкъ гораздо выше ученаго.

Послѣ этого, въ изслѣдованіи о затмѣніяхъ обратимъ вниманіе на вопросъ о томъ мракѣ, который среди дня явился на землѣ во время крестныхъ страданій Христа Спасителя. Евангелистъ такъ говоритъ объ этомъ: «было же около шестаго часа дня; и сдѣлалась тьма по всей землѣ до часа девятаго. И померкло солнце» (Лук. 23, 44. 45). Изъ согласнаго свидѣтельства трехъ первыхъ Евангелистовъ видно, что по всей землѣ тьма продолжалась три часа,—отъ шестаго до девятаго, то-есть, по нашему счету, отъ двѣнадцатаго часа до третьяго по полудни. Это было явленіе сверхъестественное, превышающее законы природы. Въ этомъ событіи можно

видѣть знаменіе гнѣва Божія, а вмѣстѣ и свидѣтельство, дарованное человѣческому роду о томъ, что въ это время совершается великое дѣло его искупленія. Но что помраченіе солнца, о которомъ говорятъ Евангелисты, не было обыкновеннымъ затмѣніемъ солнца,—это очевидно изъ предыдущаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, Иисусъ Христосъ пострадалъ предъ праздникомъ Пасхи, совершавшимся у Іудеевъ во время полнолунія, а въ это время солнечное затмѣніе невозможно. Съ другой стороны, какъ распространеніе мрака по всей землѣ, такъ и продолженіе его на три часа,—равно невозможны при обыкновенныхъ затмѣніяхъ солнца. Итакъ тьма, о которой говорятъ Евангелисты, является, какъ великое чудо.

Наконецъ, вникая глубже въ то значеніе, какое имѣютъ обыкновенныя солнечныя и лунныя затмѣнія для христіанина, мы можемъ видѣть въ нихъ напоминаніе и свидѣтельство о страшномъ судѣ и кончинѣ міра. При нашей наклонности ко грѣхамъ, страхъ необходимъ для насъ въ дѣлѣ спасенія. Памятованіе о грядущемъ судѣ предостерегаетъ насъ отъ бѣдствій, какимъ подвергнутся тогда грѣшники нераскаянные. И обычныя явленія часто напоминаютъ намъ о непрочности всего земнаго и о нашемъ коңцѣ. Когда же мы видимъ, что померкаетъ солнце и затмѣвается луна, и чувствуемъ невольно страхъ, то это тѣмъ болѣе служитъ для насъ напоминаніемъ о томъ днѣ, предъ наступленіемъ котораго «будутъ знаменія въ солнцѣ, и лунѣ, и звѣздахъ» (Лук. 21, 25), и въ который солнце «померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего» (Матѣ. 24, 29). Созерцаніе въ движеніи свѣтилъ чудесъ премудрости и всемогущества Творца свидѣтельствуешь намъ, что для Него легко и удобно будетъ измѣнить существующій теперь порядокъ вещей на иной, и преобразовать видимый нами міръ въ новое небо и новую землю, «на которыхъ обитаетъ правда» (2 Петр. 3, 13). Страшенъ послѣдній день міра для людей коснѣющихъ въ грѣховныхъ неправдахъ и нерадящихъ о покаяніи, но онъ же является вождѣльнымъ для тѣхъ, которые постоянно и твердо хранятъ живую и дѣятельную вѣру въ Иисуса Христа, «избавляющаго насъ отъ

грядущаго гнѣва» (1 Сол. 1, 10). Такъ писалъ Апостоль къ христіанамъ, воспріавшимъ со всѣмъ усердіемъ эту спасительную вѣру: «но вы, братія, не во тьмѣ, чтобы день засталъ васъ, какъ тать. Ибо всѣ вы сыны свѣта и сыны дня: мы не сыны ночи, ни тьмы. Итакъ не будемъ спать, какъ и прочіе, но будемъ бодрствовать и трезвиться. Ибо спящіе спятъ ночью и упивающіеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись въ броню вѣры и любви и шлемъ надежды спасенія. Потому что Богъ опредѣлилъ насъ не на гнѣвъ, но къ полученію спасенія чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, умершаго за насъ, чтобы мы, бодрствуемъ ли, или спимъ, жили вмѣстѣ съ Нимъ. Посему увѣщайте другъ друга, и назидайте одинъ другаго, какъ вы и дѣлаете» (1 Сол. 5, 4—11).

Димитрій Голубинскій.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНАЯ БЕСѢДА ^{а)}.

Доказать безсмертіе души — задача трудная; не станемъ этого скрывать. Доказывать нужно не для вѣры, она и безъ того твердо убѣждена въ безсмертіи, а для философствующаго, все изслѣдующаго, разума. Доказывать нужно не то, что есть, а что будетъ; нужно искать въ душѣ, въ ея на-

а) Заимствуемъ эту назидательную бесѣду, за исключеніемъ вступительной части, изъ вышедшей на дняхъ книги тульского каедральнаго протоіерея Александра Никаноровича Иванова: *Проповѣди, Рѣчи и Бесѣды*. Авторъ книги давно извѣстенъ въ русской духовной литературѣ, какъ издатель и редакторъ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей,—одного изъ лучшихъ епархіальныхъ органовъ. Чуть не въ каждомъ выпускѣ (24 выпуска въ годъ) этого періодическаго изданія, въ настоящемъ году вступившаго во второе двадцатипятилѣтіе своего существованія, протоіерей Ивановъ помѣщаетъ свои статьи самаго разнообразнаго содержанія. Въ числѣ ихъ есть много проповѣдей, много статей о практическихъ приѣмахъ преподаванія Закона Божія въ начальныхъ школахъ, много замѣтокъ по вопросамъ о богослужебной и пастырской практикѣ, объ улучшеніи быта духовенства, не мало изслѣдованій о теоріи и практикѣ церковнаго пѣнія. Въ послѣднее время онъ помѣстилъ на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей отзывы о всѣхъ изданіяхъ для народа фирмы *Посредникъ* и между ними о брошюрахъ графа Л. Толстаго. Болѣе обстоятельныхъ, основательныхъ и убѣдительныхъ сужденій объ этихъ вредныхъ изданіяхъ мы не встрѣчали ни въ духовной, ни въ свѣтской литературѣ. Помянутая книга прот. Иванова содержитъ только часть его сочиненій. О достоинствѣ книги можно судить по извлекаемой изъ ней настоящей бесѣдѣ. Читатель найдетъ въ книгѣ чтеніе самое интересное по разнообразію со-

стоящемъ состояніи, задатки будущаго, признаки ея загробнаго безсмертія. А что сказать еще о той трудности, что сама душа для изслѣдователя (кто бы онъ ни былъ—метафизикъ, фізіологъ, или простой наблюдатель) представляетъ далеко не выясненную область. И однако же, несмотря на всѣ трудности, мы должны для себя выяснить неизмѣримо важный для насъ вопросъ о безсмертіи души. Въ виду постоянно усиливающагося напора со стороны невѣрія и въ особенности матеріализма, даже вѣрующему стало необходимо умѣть, при случаѣ, доказать то, во что онъ вѣруетъ; человѣку, убѣжденному въ безсмертіи своей души, теперь нужно быть готовымъ, скажемъ словами Апостола, дать всякому вопрошающему отчетъ въ своемъ упованіи безсмертія (1 Пстр. 3, 15).

Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, доказывается безсмертіе души?

1) Первое доказательство этой истины должно искать въ понятіи о душѣ. Ясное понятіе о душѣ не такъ легко составить, какъ о тѣлѣ. Но мы хорошо знаемъ и чувствуемъ, что душа совсѣмъ не то, что тѣло, что она даже противоположна тѣлу: что есть въ тѣлѣ, того нѣтъ въ душѣ, и что принадлежитъ душѣ, то совершенно чуждо тѣлу. Вотъ на примѣръ: тѣло состоитъ изъ частей, частицъ, пожалуй даже атомовъ, и потому дѣлится на части; душа не имѣетъ частей, слѣдовательно и не можетъ быть раздроблена на части. Душа мыслить, сознаетъ себя, глубоко изучаетъ природу, стремится къ безконечному; ни къ чему подобному неспособно тѣло. Итакъ душа и тѣло, это—двѣ противоположности, которыя, хотя въ дѣйствительности

держанія, по современному значенію обсуждаемыхъ предметовъ, по многосодержательной сжатости въ раскрытіи мыслей, по ясности и живости изложенія. Въ предлагаемой виѣбогослужебной бесѣдѣ авторъ касается отвлеченнаго предмета, и однакожь какъ удобопонятно для всякаго раскрываетъ его! Еще въ большей мѣрѣ этимъ достоинствомъ отличаются прочія его Бесѣды и Рѣчи, сказанныя имъ при богослуженіи.—Книга прот. Иванова напечатана на хорошей бумагѣ, убористымъ шрифтомъ, на 394 страницахъ. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к. При выпискѣ не менѣе 10 экземпляровъ безъ пересылки 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 35 к. Книга продается въ Редакціи Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. *Ред.*

такъ тѣсно соединены между собою, но въ то же время во всемъ такъ ясно и прямо поставлены одна противъ другой; всѣ дѣйствія и проявленія жизни души принадлежать совсѣмъ къ иному порядку, а не къ тому, къ которому принадлежать дѣйствія и проявленія жизни тѣлесной: это для всѣхъ такъ очевидно. Какое отсюда можетъ быть заключеніе? Изъ одной уже противоположности души и тѣла мы имѣемъ право заключить, что если умираетъ тѣло, то не должна, не можетъ умереть душа. Для тѣла смерть есть разрушеніе, распаденіе на части; для души, очевидно, не можетъ быть такого разрушенія, потому что она частей не имѣетъ, слѣдовательно для нея не можетъ быть и смерти. Однако же, если для души невысказано распаденіе на части, такъ какъ она ихъ не имѣетъ, то не можетъ ли она совсѣмъ исчезнуть, какъ исчезаетъ паръ? Не можетъ, прежде всего потому, что паръ исчезаетъ только изъ виду и все еще остается въ воздухѣ. Если мы не допускаемъ совершеннаго исчезновенія даже вещества, изъ котораго состоитъ наше тѣло; то исчезновеніе души невещественной просто невысказано. Такимъ образомъ, изъ понятія о душѣ мы получаемъ слѣдующее доказательство ея безсмертія: душа не можетъ умереть, какъ тѣло, потому что она совсѣмъ не то, что тѣло; не можетъ разрѣшиться на части, потому что не состоитъ изъ частей; не можетъ исчезнуть, обратиться въ ничто, потому что даже и въ вещественной природѣ ничто не исчезаетъ совершенно.

Но тутъ мы встрѣчаемся съ однимъ возраженіемъ, которое ставятъ матеріалисты противъ изложеннаго доказательства безсмертія души. Душа,—они согласны съ этимъ,—не то же что тѣло, но она есть неосоздаемый и невѣсомый продуктъ тѣлесной жизни; она, правда, не состоитъ изъ частей, но она есть прямое послѣдствіе извѣстнаго соединенія частей вещества, а потому, говорятъ они, ея существованіе вполне зависитъ отъ того или другаго соединенія этихъ частей въ нашемъ тѣлѣ; разорвется органическая связь частей—исчезнетъ и то, что отъ нея зависитъ.—Вся сила возраженія, очевидно, держится на томъ предположеніи, что душа не есть

самостоятельное духовное существо, но есть проявленіе физическихъ силъ вещества, обусловливаемое извѣстнымъ сочетаніемъ частицъ вещества въ организмѣ.—Матеріалистическое предположеніе, какъ и всякое предположеніе, придумываемое для объясненія чего-нибудь не совсѣмъ яснаго, пользуется обычно привиллегіею не требовать для себя никакихъ доказательствъ. Матеріалистъ предполагаетъ, что душа не есть самостоятельное существо, но доказать свое предположеніе не берется; еслибы онъ могъ доказать свою гипотезу положительными доказательствами, тогда она была бы уже не гипотеза, а положительная истина. Гипотеза, иногда на ряду съ самыми серьезными доказательствами, допускается едва ли не во всѣхъ наукахъ, не только философскихъ, но и естественныхъ. Отъ гипотезы требуется только, чтобы она съ возможною всесторонностію разрѣшала тотъ вопросъ, для котораго она придумана, но главное—чтобы она не противорѣчила ничему такому, что положительно извѣстно о предметѣ вопроса. Если примѣнить эти скромныя требованія къ матеріалистической гипотезѣ, то окажется, что она имъ не удовлетворяетъ. Душа, по матеріалистической гипотезѣ, есть проявленіе физическихъ силъ вещества. Но развѣ этимъ можно объяснить всѣ явленія нашей душевной, разумно-нравственной и религіозной жизни? Способность нашей души къ отвлеченному мышленію съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній, способность дѣйствовать изъ себя независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ мотивовъ, все это никакъ нельзя согласить съ матеріалистическимъ отрицаніемъ независимаго бытія души. Широкое развитіе философской мысли, высшія идеальныя стремленія души развѣ можно объяснить, какъ результатъ фізіологической работы головного мозга, и удовлетвориться этимъ объясненіемъ?—Но довольно этихъ, приведенныхъ нами фактовъ душевной жизни, чтобы видѣть всю слабость, все ничтожество матеріалистической гипотезы. Факты эти, напротивъ, положительно доказываютъ, что душа наша есть существо совершенно инаго порядка, чѣмъ наше тѣло, даже со всѣми его физическими и фізіо-

логическими силами. Душа такимъ образомъ еще разъ является намъ, какъ существо духовное, во всемъ отличное отъ тѣла, а потому, очевидно, не подлежащее тому закону смерти и разрушенія, которому подлежитъ тѣло, и возраженіе матеріалистовъ, основанное на несостоятельной гипотезѣ, не можетъ поколебать наше убѣжденіе въ этой истинѣ.

2) Перейдемъ къ другимъ доказательствамъ безсмертія души.

Мы уже упомянули объ идеальныхъ стремленіяхъ нашей души. Не во всѣхъ людяхъ они замѣчаются, это правда. Но несомнѣнно, что есть у каждаго человѣка способность, а вмѣстѣ съ нею и стремленіе къ умственному и нравственному развитію. Чѣмъ дальше идетъ это развитіе, тѣмъ все больше пробуждаются въ человѣкѣ идеальныя стремленія: человѣкъ все больше и больше стремится расширить свои познанія, все ищетъ чего-то лучшаго; достигая желаемого, составляетъ для себя новые идеалы, которые въ свою очередь увлекаютъ его все дальше и дальше въ безконечность. Когда же и гдѣ будетъ конецъ этимъ стремленіямъ? Человѣкъ болѣе или менѣе развитый хорошо знаетъ, что здѣсь въ этой жизни, да и нигдѣ, конца этимъ стремленіямъ не можетъ быть. Что за жалкое существо былъ бы человѣкъ, еслибы онъ зналъ, что всѣ его идеальныя стремленія, его жажда знанія, его даже благочестивыя желанія должны остаться неудовлетворенными, должны прекратиться вмѣстѣ съ этою жизнію! Какой смыслъ имѣли бы всѣ эти высокія и благородныя стремленія души? Мечта и обманъ—вотъ ихъ имя. Можно было бы подумать, что какому-то злему духу пришло на мысль такъ зло посмѣяться надъ человѣкомъ, — возбудить въ немъ стремленіе въ безконечность и потомъ все обратить въ ничто—и это стремленіе и его самого. Такая мысль была бы недостойна Бога, Который, какъ Творецъ души человѣческой, вложилъ въ нее эту способность къ идеальнымъ стремленіямъ. Если вложено стремленіе въ безконечность, то должно быть дано и безсмертіе, для того чтобы могло осуществиться и имѣть смыслъ это стремленіе. Идеальныя стремленія души человѣ-

ческой представляют собою, самые лучшіе моменты ея духовной жизни, самую высокую степень ея нравственнаго достоинства, если только есть безсмертіе. Но если нѣтъ безсмертія, то всѣ идеальныя стремленія, какъ бы они ни были возвышенны и благородны, служили бы только къ униженію достоинства души человѣческой, ставили бы ее или въ комическое разочарованіе, или въ безотрадное отчаяніе, разлетѣлись бы, конечно, какъ мечты обманутаго воображенія, и сами эти идеальныя стремленія. Кто знаетъ цѣну идеальнымъ стремленіямъ, тотъ не можетъ отказаться отъ безсмертія, потому что это значило бы отказаться отъ идеальныхъ стремленій и отъ всего того, что составляетъ лучшее украшеніе нравственной природы человѣка, безъ чего человѣкъ ничѣмъ не возвышался бы надъ животнымъ.

Вся сила сейчасть изложеннаго доказательства безсмертія души такова, что она неотразимо дѣйствуетъ только на тѣхъ людей, которые хорошо понимаютъ цѣну идеальныхъ стремленій души. Вотъ почему люди, желающіе уничтожить въ себѣ и въ другихъ мысль о безсмертіи души, такъ называемые нигилисты, столь усердно ратуютъ противъ всякихъ идеаловъ, стараясь водворить вездѣ господство закона ближайшей практической пользы и чувственнаго удовольствія. Посмотримъ, къ какому нравственному состоянію пришло бы человѣчество, еслибы удалось истребить въ немъ всѣ идеальныя стремленія, а вмѣстѣ и мысль о безсмертіи души. Человѣкъ жилъ бы, какъ животное, не имѣя никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ животной жизни. Его дѣятельность была бы совершенно лишена нравственныхъ мотивовъ. Эгоистическая любовь къ себѣ только, понятіе объ общемъ благѣ, какъ только о средствѣ къ достиженію своего личнаго блага, своекорыстіе, ненасытная любовь къ удовольствіямъ,—вотъ принципы, своего рода идеалы человѣка, отрицающаго безсмертіе души. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣтъ ничего за гробомъ, зачѣмъ онъ будетъ отказывать себѣ въ чемъ-нибудь, зачѣмъ онъ будетъ жертвовать собою или чѣмъ-нибудь своимъ въ пользу ближняго, не лучше ли эту пользу

ближняго принести въ жертву самому себѣ? Чтò, кромѣ развѣ страха мщенія, можетъ удержать его отъ самага ужаснаго злодѣянія для цѣлей своей личной пользы? Какая ужасная картина всеобщаго разврата явилась бы на мѣсто семейной жизни, — грабежа и господства фѣзической силы на мѣсто благоустроенныхъ обществъ, ограждающихъ личную и имущественную безопасность, еслибы исполнилась программа людей, желающихъ истребить вѣру въ загробную жизнь! Временное счастье, минутное наслажденіе — вотъ ихъ идеаль. Пользуйся тѣмъ, чтò попало въ руки, не жалѣй другихъ, бери съ боя все, чтò только можно достать, наслаждайся, пока есть способность и возможность наслаждаться, — вотъ ихъ нравственные правила. Къ чему привели бы такія правила безъ вѣры въ загробную жизнь? Къ смерти. Да — къ смерти рода человѣческаго, къ взаимному самоистребленію, или же къ совершенному одичанію, къ звѣрству, чтò собственно есть таже смерть для рода человѣческаго.

Повидимому безъ всякихъ тревогъ наслаждаются земнымъ, хотя и временнымъ счастьемъ тѣ люди, которые успѣли истребить въ своей душѣ всякую мысль о загробномъ безсмертіи. Не тревожитъ ихъ мысль объ отвѣтственности предъ судомъ Божиимъ за всѣ тѣ злодѣянія, которыми съ боя добывалось наслажденіе. Не нарушаетъ ихъ покоя даже мысль о приближающейся смерти, пока все идетъ хорошо и удачно. Мысль о смерти не страшна для нихъ. Что такое смерть по ихъ понятію? Одно мгновеніе, и затѣмъ уничтоженіе безъ всякаго слѣда. Но вотъ что чаще всего случается. Прежде чѣмъ естественная смерть прійдетъ, чтобы прекратить тѣлесную жизнь съ ея удовольствіями, наступаютъ разнаго рода бѣдствія жизни, страданія, болѣзни и т. под., и длится иногда многіе годы такая жизнь. Для вѣрующаго есть отрада среди самой скорбной жизни. Вѣра въ загробную жизнь и надежда на Бога не дадутъ ему впасть въ отчаяніе. Но въ чемъ пайдетъ себѣ отраду невѣрующій? Гдѣ исходъ его отчаянія? Въ смерти, въ самоубійствѣ. Онъ увѣрилъ себя, что нѣтъ загробной жизни, а потому ничего не можетъ быть для него послѣдовательнѣе,

какъ прекратить свои страданія мгновеннымъ самоубійствомъ. Таковы почти неизбѣжныя послѣдствія невѣрія или даже и слабой вѣры въ загробную жизнь. Страшная перспектива!

Этимъ мы и окончимъ нашу бесѣду о безсмертіи души. Какъ ни трудно было намъ доказывать столь отвлеченную истину, каково безсмертіе души, все же мы, надѣемся, представили нѣсколько такихъ доказательствъ, на которыхъ главнымъ образомъ утверждается наше убѣжденіе въ этой истинѣ и противъ которыхъ невѣріе выступаетъ сравнительно съ ничтожными возраженіями. При рѣшеніи столь важнаго для насъ вопроса: будетъ загробная жизнь, или тамъ ничего не будетъ? много значить уже и то, что въ пользу утвердительнаго рѣшенія есть довольно сильныя доказательства, а въ пользу отрицательнаго почти никакихъ. Здѣсь припоминается мнѣ одинъ разговоръ, который будетъ очень кстати, чтобы закончить чтеніе о безсмертіи души. Невѣрующій старался убѣдить вѣрующаго, что послѣ смерти ничего не будетъ. Вѣрующій, не зная, чѣмъ доказать свою вѣру въ безсмертіе души, сказалъ: будетъ ли загробная жизнь, или не будетъ, мы оба не знаемъ, и мы оба ничего не потеряемъ, если ея не будетъ. Но что если она будетъ? Тогда потеря будетъ невознагражима для того изъ насъ, кто не вѣруетъ въ загробную жизнь. И задумался невѣрующій надъ этимъ вопросомъ: а что въ самомъ дѣлѣ, если будетъ загробная жизнь?

ДОНЕСЕНІЕ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ.

Сего марта 10 дня полученъ мною указъ Его Императорскаго Величества изъ св. Синода отъ 28 февраля, за № 1272, о книгахъ простаго церковнаго пѣнія и принадлежащей къ оному паннихиды, употребляемыхъ въ придворныхъ церквахъ, въ которомъ прописано Высочайшее повелѣніе: предложить св. Синоду о предписаніи епархіальнымъ архіереямъ снабдить сими книгами ввѣренныя имъ епархіи.

Когда во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія предложено было на разсужденіе св. Синода, тогда, сколько мнѣ извѣстно, св. Синодъ не имѣлъ въ виду самой книги, о которой идетъ дѣло.

Нынѣ, приступая къ исполненію указа св. Синода, нужнымъ признаю я принять въ соображеніе самую книгу, и при разсмотрѣніи оной оказалось:

1) Книга сія въ заглавіи названа *Кругомъ церковнаго пѣнія*, что, по употребленію сего выраженія, значитъ полный составъ церковнаго пѣнія. Но въ книгѣ сей многое уменьшено, или совсѣмъ пропущено, какъ-то: тропарей, поемыхъ на утрени послѣ стиха: *Богъ Господь*, совсѣмъ нѣтъ. Изъ антифоновъ осьми гласовъ (*осемигласниковъ*) поемыхъ предъ Евангеліемъ, положенъ только одинъ антифонъ четвертаго гласа. Ирмосовъ воскресныхъ каноновъ осьми гласовъ нѣтъ ни одного, а вмѣсто ихъ ирмосы Богородичнаго канона: *Отверзу уста моя*. Канонъ Рождества Христова положенъ въ сей книгѣ одинъ, а канона втораго творца нѣтъ. Также поступлено съ канонами другимъ великихъ праздниковъ. Ирмосы нѣкоторыхъ великихъ праздниковъ, напримѣръ: Успенія Пресвятыя Богородицы, совсѣмъ пропущены. Въ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ пропущена пѣснь: *Нынѣ силы небесныя*.

2) Въ напѣвахъ употреблены въ сей книгѣ многія сокращенія, какъ-то: вмѣсто пѣнія воскреснаго вечерняго прокимна:

Господь воцарися, положено хорное чтеніе; такъже поступлено со стихомъ: *Богъ Господь*, вмѣсто пѣнія на восемь гласовъ. Такъ называемые Догматики, по содержанію важныя, по древнему церковному напѣву умиленные и всѣмъ избѣстныя, въ сей книгѣ положено пѣть скорымъ напѣвомъ стихирь. Въ литургіи Василя Великаго въ стихахъ: «Вечеръ Твоя тайны», «Да молчитъ всякая плоть», «О Тебѣ радуется» употребленъ простой напѣвъ шестаго гласа, вмѣсто древнихъ умиленныхъ и съ слухомъ народа содружившихся особыхъ напѣвовъ.

Если такую книгу распространить по церквамъ соборнымъ монастырскимъ и приходскимъ безъ особаго наставленія: то послѣдствія могутъ быть слѣдующія:

1) Нѣкоторые пропуски приняты будутъ за дозволенные сокращенія и послѣдуютъ нарушенія церковнаго устава.

2) Древнее церковное пѣніе, уже и нынѣ въ дѣйствительномъ употребленіи въ разныхъ частяхъ нововведеніями измѣненное не къ лучшему, болѣе и болѣе будетъ повреждаться и приходитъ въ забвеніе.

3) Въ любителяхъ старины впечатлѣніе отъ сего будетъ неблагопріятное.

4) Раскольникамъ дать (*sic*) новый случай оклеветывать Церковь измѣненіемъ церковныхъ обычаевъ и самаго устава церковнаго.

Въ предупрежденіе сихъ неблагопріятныхъ послѣдствій, нужно, по моему мнѣнію, относительно образа исполненія вышеозначеннаго указа св. Синода, монастырямъ и церквамъ соборнымъ и приходскимъ, дать слѣдующее наставленіе:

1) Съ образцемъ пѣнія, представленнымъ въ вышеупомянутыхъ нотныхъ книгахъ, сообразоваться преимущественно въ пѣніи литургіи святаго Златоустаго, паннихиды и тѣхъ изъ прочихъ статей, кои ближе слѣдуютъ древнему церковному пѣнію, изображенному въ книгахъ, издаваемыхъ отъ св. Синода.

2) Сокращеній и опущеній, допущенныхъ въ новоизданныхъ книгахъ, не принимать за правило къ измѣненію церковнаго устава, но слѣдовать сему уставу попрежнему.

3) Сохранять и поддерживать, особенно въ церквахъ монастырскихъ и соборныхъ, древнее церковное пѣніе въ его чинѣ и полнотѣ; и особенно остерегаться отъ такихъ нововведеній въ церковномъ пѣніи, кои, отступая и отъ древняго

обиходнаго и отъ нынѣ изданнаго придворнаго пѣнія, отступаютъ вмѣстѣ и отъ свойственной божественному (*богослужбному*) пѣнію важности и простоты, съ умиленіемъ соединенной.

Но какъ дѣло сіе касается не одной ввѣренной мнѣ епархіи: то, прежде преподаванія сего наставленія, приличнымъ почитаю представить о семъ св. Синоду съ приложеніемъ самой нотной книги и испрашивать въ разрѣшеніе указа.

Марта 23-го 1833.

На преподаваніе означеннаго наставленія подвѣдомственнымъ св. Синоду начальствамъ изъявлено Высочайшее согласіе, съ тѣмъ, однакоже, чтобы архіерейскіе пѣвчіе держались непремѣнно придворнаго напѣва, особенно въ Высочайшемъ присутствіи.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1828 года іюня 12 дня. Сынъ православныя Церкви, оставляющій имя свое въ неизвѣстности, представилъ мнѣ три билета Сохранной казны Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома, первый за № 71,905, второй—71,906, третій—71,907, каждый на сумму десять тысячъ рублей, съ назначеніемъ сихъ суммъ на построеніе вновь каменныхъ церквей на кладбищахъ Калитнинскомъ, Даниловскомъ и Дорогомилевскомъ, на каждую поровну. Суммы сіи должны оставаться въ Сохранной казнѣ для приращенія процентами дотолѣ, когда духовное начальство найдетъ возможнымъ приступить къ строенію каждой церкви съ благонадежностію окончанія. Согласно таковой волѣ вкладчика, Консистеріи учинить слѣдующее:

1) О поступленіи означенныхъ суммъ въ вѣдѣніе здѣшняго епархіальнаго начальства объявить въ Вѣдомостяхъ, для извѣщенія какъ самаго вкладчика, такъ и другихъ, которые пожелаютъ споспѣшествовать исполненію благочестиваго и общепользнаго предпріятія.

2) Отнестись въ Опекунскій совѣтъ Воспитательнаго дома, для извѣщенія, что означенные билеты, принадлежавшіе неизвѣстному, поступили въ вѣдѣніе здѣшняго епархіальнаго

начальства, и для того, чтобы по сему благоволено было выдать по оным капиталъ и проценты, не иначе, какъ по распоряженію здѣшняго епархіального начальства и по отношенію Консисторіи.

3) Билеты для храненія впредь до востребованія препроводить въ каедральную ризницу».

1851, мая 4. <1) Поелику представленный просителемъ Рыбнскимъ приговоръ (ему, какъ благонадежному, росписать настоящую холодную Николаевскую церковь села Подмошья) имѣеть только пять подписей рядовыхъ крестьянъ, не имѣеть подписи начальствующихъ между ими, ни печати, и, слѣдственно, не можетъ быть признанъ официалнымъ и достовѣрнымъ; поелику прописаннаго въ прошеніи священникъ (*Инатій Семен. Пресвитеровъ*) справедливымъ не признаеть, и притомъ показываетъ, что проситель даже не есть живописецъ, да и самъ проситель живописцемъ себя не называетъ; наконецъ, поелику и прошеніе, написанное на простой бумагѣ, не имѣеть законнаго достоинства: то прошеніе сіе признать пезаслуживающимъ уваженія и оставить безъ дальнѣйшаго дѣйствія. 2) Благочинному замѣтить, что ему, какъ должностному лицу, не надлежало входить въ посредство и рекомендовать живописца, чѣмъ подалъ случай къ неправильному извѣту (*на священника, который устранилъ просителя и передалъ работы по возобновленію храма другому безъ согласія, будто бы, старосты и мірянъ*).

Изложенное въ донесеніи св. Синоду, отъ 10 янв. 1839 г. мнѣніе моск. епарх. начальства о снятіи со вдоваго діакона (*Дмитровскаго уѣзда, села Сурмина*) Александра Добролюбова, по его прошенію, сана, утверждено съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы въ исполненіи онаго поступлено было по силѣ Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 22 феврала того же года, о воспрещеніи діаконамъ, добровольно съ себя слагающимъ сіе званіе, вступать въ какой бы то ни было родъ государственной службы ранѣе шести лѣтъ и пр. Проситель, имѣвшій малолѣтнюю дочь, не предвидѣлъ сего запрета и, раскаяваясь въ своемъ намѣреніи, изъявилъ желаніе остаться на прежнемъ діаконскомъ мѣстѣ.—Резолюція отъ 29 мая: <Отъ священства отрекся въ надеждѣ мірскихъ выгодъ; а теперъ хочеть остаться въ священствѣ для тѣхъ же выгодъ. Консисторіи разсмотрѣть».

Юня 30. «Исполнить» (*опредѣленіе Консисторіи о снятіи сана по указу св. Синода, на что и діаконъ изъяснилъ готовность*).

Пересыльный арестантъ Осипъ Павловъ просилъ о приодиненіи его къ православной Церкви. Крещенъ ли онъ по лютеранскому вѣроисповѣданію, къ которому мать его принадлежала, онъ самъ не зналъ и не имѣлъ о происхожденіи своемъ никакого документа. На основаніи Кормчей книги части 1-й, именно 73 правила помѣстнаго собора въ Кароагенѣ, Консисторія полагала мнѣніемъ предписать такому-то священнику, чтобы просвѣтилъ его св. крещеніемъ, по удостовѣреніи въ искренности намѣренія его. Владыка написалъ 6 сент. 1838 года: «Утверждается, съ тѣмъ, чтобы соблюдено было сказанное въ правилѣ на сей случай».

1836, апр. 12. «Если былъ (*крестянинъ, именующій себя Христовымъ странникомъ*) въ отступленіи отъ православія, и оказалъ расположеніе обратиться къ оному: то слѣдовало присоединить его по чиноположенію. Сдѣлано ли сіе? Священникъ (*села Верховлянъ*) толкуетъ о сокровенныхъ помышленіяхъ, о которыхъ его не спрашивали, а не сказываетъ, ходитъ ли обратившійся въ церковь, приступаетъ ли къ таинствамъ, усерденъ ли въ молитвѣ при посѣщеніи храма, принимаетъ ли священника въ домѣ. Обратитъ сей рапортъ (*Коломенскаго духовнаго правленія*), чтобы представлено было свѣдѣніе болѣе полное и опредѣленное».

Примѣчаніе. О крестянинѣ отзывался священникъ, что хотя онъ и оказываетъ расположеніе къ св. Церкви, но останется ли навсегда въ семъ состояніи, неизвѣстно, ибо сокровенныя его помышленія проникнуть весьма трудно. Крестянинъ на самомъ дѣлѣ не имѣлъ искренняго намѣренія присоединиться къ православію и изъ дома вторично бѣжалъ куда-то вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ (*11 лѣтъ*).

Аванасьевъ просилъ о приказаніи приходскому, его села Маркова, священнику обвинять сына его Θεодора, какъ имѣющаго отъ роду 18 лѣтъ; но въ метрическихъ книгахъ записаннымъ Θεодоръ не значится, а по исповѣднымъ вѣдо-

мостямъ за 1831 годъ показанъ только 16 лѣтъ; да и воспріемница его (*воспріемникъ не спрошенъ по отлучкѣ*) о томъ, въ которомъ именно году онъ родился, отозвалась незнаніемъ. Консисторія посему опредѣлила: Аѳанасьеву крестьянину въ просьбѣ о обвѣнчаніи сына его, на основаніи указа 1830 г. іюля 19 дня, отказать, а что въ метрическихъ книгахъ пропущена запись о рожденіи и крещеніи Θεодора, о семъ обстоятельствѣ, и кто тому причиною, сдѣлать особое разсмотрѣніе и заключеніе.—Резолюція отъ 14 авг. 1832 г.: «На что особое разсмотрѣніе? На что изъ одного дѣлать два дѣла? На что откладывать вопросъ, о которомъ розысканіе можетъ помочь рѣшенію главнаго вопроса въ дѣлѣ?—Окончить разсмотрѣніе и опредѣлить все вдругъ. Не худо повѣрить слѣва воспріемницы, точно ли 18 лѣтъ (*точно*) какъ умеръ (*въ селѣ Малаховѣ*) священникъ (*при которомъ родился Θεодоръ, но крещенъ былъ другимъ—Николаевскимъ на Боршевкѣ священникомъ, за болѣзнію приходскаго*)».

Дозволено Θεодору, оказавшемуся совершеннолѣтнимъ, хотя въ метрическія книги и не записанному, вступить въ законный бракъ, а Боршевскому священнику подтверждено съ подпискою, чтобы впредь онъ опущеній не дѣлалъ.

Пѣсношскаго монастыря строитель іеромонахъ Меодій донесъ владыкѣ, что 15 іюля служившій соборнѣ божественную литургію казначей іеромонахъ Назарій, по окончаніи херувимской пѣсни осмотрѣвъ потиръ и увидя въ немъ плавающую въ винѣ или соединеніи стирательную губку (которою по употребленіи св. Даровъ отирается потиръ и затѣмъ она оставляется въ немъ), немедленно вынулъ ее лжицею, положивъ въ серебряный ковшъ, въ который тою же лжицею іеродіаконъ Никодимъ, служившій съ казначеемъ и выжалъ изъ оной губки вино или соединеніе (въ свое время оно было употреблено череднымъ іеродіакономъ Веніаминомъ съ теплотою), а на оставшемся въ потирѣ винѣ казначей совершилъ литургію. Не видя изъ правилъ, какъ должно поступать въ такомъ случаѣ, и потому не зная, не слѣдовало ли при этомъ омолитвословить вино вновь, или оставить оное и совершить литургію на другомъ, онъ, строитель, почелъ долгомъ обратиться къ его высокопреосвященству.—Резолюція отъ 25 іюля 1859 г.: «Если сіе было непосредственно послѣ херувимской пѣсни, и прежде освященія даровъ съ призы-

ваніемъ Святаго Духа; то соединеніе не было еще предложено въ пречистую кровь Господню, въ каковомъ случаѣ вина менѣе тяжка. Впрочемъ за произведенное разстройство въ священнослуженіи іеродіаконъ, вливавшій въ потирь соединеніе не осмотрѣвъ его внутренности, долженъ положить въ три дня по сороку поклоновъ предъ святою трапезою, и очистить свою совѣсть исповѣдію предъ духовнымъ отцемъ».

1856, окт. 21. <1) Жалоба въ формѣ письма по закону должна быть оставлена безъ дѣйствія. Но дабы іеромонахъ (*Златоустава монаст.*) Ф—тъ не вредилъ самъ себѣ неправыми помыслами, объявить ему, что если онъ имѣлъ причину жаловаться на казначея Арсенія, то долженъ былъ жаловаться при жизни его, а на усопшаго жаловаться незаконно и грѣшно; и что казначей ни въ какомъ случаѣ не обязанъ платить іеромонаху Ф—ту за то, что сей по своей волѣ не ходилъ въ братскую трапезу. 2) Внушить также іеромонаху Ф—ту, что употреблять жребій можно только въ дѣлахъ особенной важности и необходимости, а безъ нужды употреблять жребій неразумительно и грѣшно. 3) А что іеромонахъ Ф—тъ говорить о святомъ якобы мурѣ не только на иконахъ (*въ его кельѣ*), но даже и на рамѣ простой картины, на сіе Консисто́ріи обратить должное вниманіе въ предосторожность отъ неосновательныхъ разглашеній».

1857, сент. 6. <Священникъ произнесъ на себя судъ, показавъ, что пошелъ бы къ больному пѣшкомъ или на своей лошади, еслибы не сказали, что больной безъ языка. Къ больному безъ языка также поспѣшно надобно идти, какъ и къ говорящему, потому что лишившійся языка могъ сохранить память и исповѣдаться посредствомъ знаковъ. Притомъ видѣвъ больнаго, священникъ удостовѣрился бы въ естественной его смерти, и не затруднялъ бы людей требованіемъ слѣдствія (*не соглашался совершить чинъ погребенія безъ дозволенія полиціи*). Консисто́ріи учинить по сему надлежащее разсмотрѣніе, и постановя опредѣленіе, представить».

Собщ. Архим. Григорій.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1887 ГОДА.

М А Й, І Ю Н Ъ, І Ю Л Ъ и А В Г У С Т Ъ.

Стран.

1. Первое соборное посланіе св. ап. и ев. Іоанна Богда слова, съ объяснительными примѣчаніями.....	3— 19
2. Въѣбогослужебныя бесѣды о страданіяхъ и смѣрти Спасителя	20— 35
3. Древніе монастыри и пустыни Сиріи, Месопотаміи и Персіи, и подвижники благочестія, въ нихъ процвѣтавшіе.....	36— 64
4. Храмы Італіи.....	65— 78
5. Духовныя совѣты въ письмахъ астраханскаго епископа Герасима къ игуменѣ (Симб. Спасск. монаст.) Евпраксіи 1854—1857 годы.....	79—102
6. Толкованія на пареміи изъ книги Притчей. 103—115 340—359	178—200 313—339 201—225 427—450
7. Духовная мудрость. Слово въ день Св. Духа.....	116—120
8. Письма моск. митрополита Филарета къ разнымъ лицамъ	121—122
9. Резолюціи моск. митрополита Филарета..	122—128
364—368	483—487
10. Неизвинительныя укоризны. Слово на Голгоѣѣ.....	129—134
11. Монахъ Пахомій, гробовый старецъ молчальникъ...	135—153
12. Назначеніе временной жизни. Слово въ недѣлю Слѣпаго	154—157
13. Изъ катихизическихъ поученій по ветхозавѣтной исторіи: а) Іудеи подъ властію персидскихъ царей. б) Іудеи подъ властію египетскихъ и сирійскихъ царей. в) Иродъ. г) Взглядъ на судьбы народа Божія послѣ плѣна Вавилонскаго. д) Религиозное и нравственное состояніе іудеевъ предъ пришествіемъ Спасителя. е) Какимъ образомъ виѣшнее благочестіе іудеевъ сдѣлало ихъ богоубійцами. ж) Приготовленіе языческаго міра. з) Тайна воплощенія Сына Божія..	158—177 290—303
14. Поученія по руководству Пролога.....	226—238
15. Донесенія моск. митроп. Филарета св. Синоду.....	239—241 481—483
16. Очеркъ исторіи соловецкаго мятежа. Изъ исторіи раскола.....	249—289
17. Скромность. Поученіе по окончаніи учебнаго года.	304—307
18. Смерть праведника и смерть грѣшника. Поученіе въ 4-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.....	308—312
19. Автобіографія Платона митрополита московскаго..	369—416
20. Потребность частаго причащенія св. таинъ. Поученіе при вступленіи въ Успенскій постъ.....	417—420
21. Отраженіе славы преображенія Господня въ христіанской душѣ. Поученіе въ день Преображенія Господня	421—426
22. О затмѣніяхъ солнца и луны.....	451—472
23. Безсмертіе души. Въѣбогослужебная бесѣда... ..	473—480